

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

L Soc 3985.151

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

—

.

.

5137
4

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Годъ второй.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

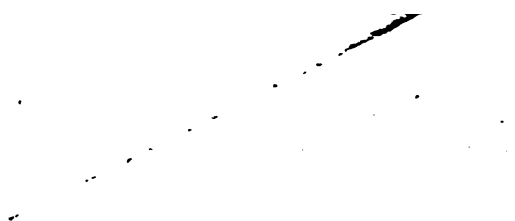
Выпуски 3 и 4.

Одесса.

ТИПОГРАФИЯ Л. НИТЧЕ.

1868.

82. 5057 140.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Годъ второй.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ОДЕССА,

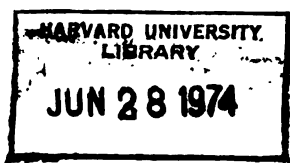
ВЪ ТИПОГРАФИИ Л. НЕТЧЕ.

1868.

Δ
2 Soc 3985.151 $\left(\frac{1868}{1} \right)$
pt. 3-6

Печатано по определению Совета Императорского Новороссійскаго университета.

Секретарь Совета В. Орлов.

74 * 2

7694
12

Исторія славянскихъ законодательствъ принадлежитъ къ числу наиболѣе молодыхъ наукъ. До второй четверти текущаго столѣтія являлись только слабыя попытки въ дѣлѣ объясненія юридическаго быта различныхъ славянскихъ племенъ. Открытіе и изданіе множества памятниковъ славянскихъ законодательствъ, вмѣстѣ съ опытами систематической ихъ разработки, принадлежатъ послѣднимъ двумъ — тремъ десятилѣтіямъ. Въ это время явились замѣчательныя историко-юридическія изслѣдованія, возбуждившія большой интересъ къ предмету; явилась даже возможность широкаго сравнительно-историческаго изученія славянскихъ законодательствъ. Труды Мацѣйовскаго, Палацкаго, Шафарика, Ирѣчка, Губе, Лелевели, обоихъ Бантке и другихъ изслѣдователей славянской старины обогатили науку важными открытіями, уяснили многіе темные вопросы по исторіи юридическаго быта Славянъ, вообще положили прочныя основанія для науки исторіи славянскихъ законодательствъ.

Предметъ, впрочемъ, далеко еще не исчерпанъ: исторія славянскихъ законодательствъ только что начинаетъ получать строго научный характеръ. Множество памятниковъ и отдѣльныхъ вопросовъ по внутренней исторіи права остается доселѣ почти безъ всякой научной разработки. Исторію славянскихъ законодательствъ можно считать во многихъ отношеніяхъ не початымъ полемъ для изслѣдованій.

Если исторія древняго польскаго и чешскаго права достаточно выяснена трудами новѣйшихъ дѣятелей, то далеко не то нужно сказать о законодательствѣ южныхъ Славянъ. Опыты Палацкаго, Мацѣйовскаго, Рейца, Крстича и другихъ, если и уяснили многіе вопросы по исторіи сербскаго и хорватско-далматскаго права, то все таки не восполняютъ въ ней огромныхъ пробѣловъ. Масса драгоценныхъ памятниковъ, открытыхъ Букулевичемъ-Савинскимъ, обоими Шафариками, Миллошичемъ, Пуцичемъ и другими, представляетъ доселѣ сырой матеріалъ, безъ всякой критической разработки, — матеріалъ, который раскрываетъ все богатство и разнообразіе юридическихъ институтовъ глубокой древности, удерживавшихся въ нѣкоторыхъ сербскихъ и хорватскихъ земляхъ до нашихъ дней.

II

Въ числу пробѣловъ по исторіи славянскихъ законодательствъ въ особенности нужно отнести хорвато-далматское право. Можно указать на немногія изслѣдованія по исторіи отдѣльныхъ памятниковъ или юридическихъ институтовъ. Но такія изслѣдованія рѣшительно не объясняютъ послѣдовательнаго историческаго развитія хорвато-далматскаго законодательства. Изслѣдованы только позднѣйшіе переработанные уставы далматскаго Приморья (и то далеко не всѣ), въ которыхъ уже до значительной степени замѣтны чуждыя вліянія (Рейцъ, Венцель и др.). Между тѣмъ, такіе уставы, какъ Винодольскіе Законы или Полицій Статутъ, весьма мало затронуты научной критикой, не смотря на то, что въ нихъ удержалась славянская старина во всей своей первобытной свѣжести и неприкосновенности. Объясняя древнее устройство общинъ хорватскихъ и далматскихъ, они могутъ служить также важнымъ пособіемъ при изученіи исторіи другихъ славянскихъ законодательствъ, въ томъ числѣ и русскаго, короняющагося въ однихъ и тѣхъ же общеплеменныхъ славянскихъ обычаяхъ и порядкахъ.

Въ настоящемъ очеркѣ я желалъ бы хоть приблизительно дать понятіе о предметѣ, далеко не лишенномъ интереса въ отношеніи къ древнему русскому праву. Нисколько не разсчитывая изложить полную исторію хорвато-далматскаго права, — трудъ, едва ли исполнимый въ настоящее время, при рѣшительной недоступности многихъ хорватскихъ и далматскихъ уставовъ (напр. хоть уставовъ дубровницкихъ, доселѣ не обнародованныхъ въ печати), я поставилъ своей задачей рассмотреть въ особенности три типическіе устава: *Винодольскіе Законы*, *Законы града Загреба* и *Полицій Статутъ* — драгоценные памятники славянской старины, въ которыхъ воспроизведенъ въ довольно полной картинѣ юридическій бытъ хорватскихъ и далматскихъ общинъ, по истариннымъ мѣстнымъ обычаямъ и законамъ, при самомъ слабомъ вліяніи чуждыхъ источниковъ. Въ каждомъ изъ этихъ памятниковъ общинная жизнь Славянъ представляется на различной ступени развитія. Винодольскіе Законы воспроизводятъ жизнь „кнежства“, слагающагося изъ нѣсколькихъ „обтинъ“, жупъ, — Законы града Загреба — жизнь отдѣльной жупы, съ ея центральнымъ мѣстомъ, градомъ. Въ обоихъ памятникахъ изслѣдователь находитъ уже довольно сложныя и развитыя формы общинной жизни Славянъ. Въ Полиціомъ Статутѣ мы, напротивъ, встречаемся съ жупой, въ первичной ея формѣ, состоявшей изъ однихъ селъ, безъ всякихъ градовъ, весьма долго удерживавшей всѣ характеристическія особенности патріархальнаго быта старыхъ Славянъ. Изученіе законовъ винодольскихъ, загребскихъ и полиціиныхъ представляетъ для насъ интересъ значительной важности: въ нихъ мы найдемъ удовлетворительное разрѣшеніе множества темныхъ вопросовъ по исторіи русскаго (въ особенности эпохи

III

Русской Правды и мѣстныхъ законовъ) и другихъ славянскихъ законодательствъ. — Изложенію избранныхъ мною памятниковъ я предпослалъ обзоръ другихъ важнѣйшихъ памятниковъ хорвато-далматскаго законодательства. Такимъ образомъ, начавъ очеркъ раздѣляется на слѣдующіе четыре отдѣла:

I. Общее обзоръ памятниковъ древняго хорвато-далматскаго законодательства.

II. Изслѣдованіе Винодольскихъ Законовъ.

III. Изслѣдованіе Законовъ града Загребя.

IV. Изслѣдованіе Полицкаго Статута.

Кромѣ исторіи самыхъ памятниковъ (съ указаніемъ на причины ихъ изданія, на источники, списки, порядокъ составленія памятниковъ, на существенныя ихъ отличія по внѣшней системѣ и содержанію), я старался изучить по источникамъ по крайней мѣрѣ главнѣйшія черты внутренняго быта общинъ, обращая въ особенности вниманіе на учрежденія и порядки, по чему либо сходные съ учрежденіями по древнему русскому и другимъ славянскимъ законодательствамъ. При этомъ, имѣя дѣло съ отдѣльными юридическими институтами, я поставилъ главной своей цѣлью — изложить ихъ сущность и значеніе, на сколько они формулированы и затронуты въ самыхъ памятникахъ, обращаясь за объясненіемъ къ другимъ источникамъ лишь для болѣе отчетливаго пониманія и уясненія предмета. Сравнительное изученіе памятниковъ и отдѣльных институтовъ по всѣмъ славянскимъ законодательствамъ не входитъ въ нашу задачу, — иначе намъ пришлось бы излагать чуть ли не полную исторію славянскаго права.

Считаю не совсѣмъ лишнимъ привести здѣсь главнѣйшія *пособія и источники*, которыми можно пользоваться при изученіи древняго хорвато-далматскаго законодательства.

Печатные сборники хорвато-далматскихъ законовъ начинаются съ XVI столѣтія. Изъ древнѣйшихъ сборниковъ извѣстны въ настоящее время слѣдующіе:

Palatino, Libro, nel qual s'insegna a scriver ogni sorte lettera. Roma 1550.

— Compendio del gran volume dell'arte del bene et leggridramente scrivere tutte la sorti di lettere e caratteri. Venetia 1588.

Statuta Jadertina cum omnibus reformationibus in hunc usque diem factis, additoque indice locupletissimo, nunc primum typis excusa. Venetia 1564.

Volumen Statutorum, Legum et Reformationum civitatis Sibenici, sum tabula rubricarum. Venetiis. 1608.

Statuta insulae Curzubae. Ven. 1614. Въ 1643 и 1693 г. вышло

IV

новое изданіе законовъ Корчулы съ добавленіями, подъ заглавіемъ: *Liber Legum et Statutorum civitatis et insulae Curzulae*.

Statuta civitatis Cathari. Ven. 1616 и 1715.

Statuta communitalis Pagi. Ven. 1637.

Statuta communitalis Lesinae. Ven. 1643.

Diversi publici Decreti, Terminationi, Privilegi et Indulti a favor della magnif. Communità della Brazza. In Undine. 1656.

Statuta municipalia ac Reformationes magnif. communitalis Brachiae. Utini. 1656.

Decreta communitalis Brathiae. Ven. 1656.

Ivan Lucio, *Memorie istoriche di Tragurio*. Ven. 1674.

Aloysio Pisani, *Statuta et Reformationis civitatis Tragurii*. Ven. 1708.

Privileggi della Provincia della Cargna. Ven. 1740.

Dolci Sebastiano, *Monumenti storici della Provincia Fracescana di Ragusa*. Napoli 1744.

Farlati, *Illiricum sacrum*. Venetiis. 1751—69.

Analecta Scepusia. W. Wiednu. 1774.

Epitome del Privilegio e Rolo di Makarska, Primorje e Craine. In Venezia. 1794.

Исчисленные сборники составляютъ теперь библиографическую рѣдкость. Впрочемъ, болѣе важные памятники извлечены изъ нѣкоторыхъ старыхъ сборниковъ и помѣщены въ новѣйшихъ изданіяхъ Миклошича, Букулевича и др. Въ настоящемъ столѣтіи открыто много новыхъ памятниковъ, мало извѣстныхъ въ прежнее время. Они помѣщены въ слѣдующихъ сборникахъ:

Kreglianovich, *Memorie par la storia della Dalmazia*. Zara. 1809.

Müller, *Privilegium Regis Belae IV a 1258 Nobilibus de Almissio in Dalmatia*. 1817.

Frajo Carraro Splitcanin, *Archiv Capitolare di Spalato*.

Brodthmann, *Memorie politico-economiche di Trieste, Istria, Dalmazia e Ragusa*. Ven. 1822.

Stulli Luca, *Monumentq da inalzarsi alla sacra, zesarska, regia, apostolica maesto di Francesco I. Ragusa*. 1826.

P. I. Safarik, *Monumenta illyrica*. Praeae 1839.

— *Památky hlaholského pisemnictví*. V Praze. 1853. (12 хорватскихъ грамотъ XIV — XVI столѣт.).

Обреновичъ, Србскіи споменици или старе рисовулѣ, дипломе, повелѣ и сношенія босански, србски, херцеговачки, далматински и дубровачки, кралева, царева банова. У Београду 1840.

Solitto Vincenzo, Documenti storici sull'Istria e la *Dalmazia*, raccolti e annotati. Ven. 1844.

Franceschi, Statuti prime leggi in *Ragosnizza*. 1235. Въ журн. Dalmazia 1845. № 22.

Batto, Documenti inediti riportanti il prospetto politico-economico-geographico, delle *comunita dalmatiche* nell'anno 1553. Ibid. 1845 — 47.

Wenzel, Beiträge zur Quellenkunde der dalmatischen Rechtsgeschichte im Mittelalter. (Статуты острововъ *Ласмова*, *Млѣта* и пр.). Въ Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen 1849. Bd. I — III.

— Codex diplomaticus *Arpadinus* continuatus. Pest. 1860.

Liber de ordinamenti et de le usance della universitade del Comun de *Melida* fate e ordinate per tuti li homeni de quela isola in pubblico reggimento delo popolo. Въ Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen 1849. Bd. II.

Vercevic Vuko, Ustanova Gebraljska u Boki *Kotorskoj*. Въ Pravdonosa 1851. Zakoni i ustanove *dalmatinskih hradovah*. Ibid. 1851 — 52.

Ian Kukuljevic Sakcinski, Arkiv za povestnicu jugoslavensku. I — V knih. U Zagebu. 1051 — 59.

— Отрывокъ *Полуцкаго Статута*. Въ соч. Кукулевича — Izvjestje o putovanju kroz Dalmaziju. 1857.

— Iura regni *Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*. I — VI Vol. Zagrabiae. 1858 — 63.

— Conspectus monumentorum historicorum in manuscripto existentium, quae ad illustrandam historiam ecclesiasticam ac civilem *Slavorum meridionalium* tipis vulgari possent. Zagrabiae. 1859.

— Monumenta historica Slavorum meridionalium. Povjestnj Spomenice juznih Slavenah. Knjiga I. *Listine Hrvatske* (acta croatica). U Zagebu. 1863.

М. Банз. Статутъ острова *Млѣта*. Въ III книгѣ сборника — Дубровникъ 1852.

Tafel und Thomas, Griechische Original-Urkunden des Freistaates *Ragusa*. Въ Sitzungsberichte d. Kaiserl. Akad. d. Wissensch. 1851, Mai-Heft.

Кнезь Медо Пуцич, Споменници сръбски од 1395 до 1423. I — II. У Београду. 1858 — 62. (*Дубовницкиа* грамоты и извлеченія изъ сборниковъ дубровницкихъ законовъ).

Fr. Miklosich, Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, *Ragusii*. Viennae 1858.

Ian Safarik, Пописъ акта приналежечи къ исторіи Срба и остали югославска, наодечени се у цес. кр. Млетачкогъ генералномъ архиву. Въ Гласникъ дружт. срб. словесн., св. X. 1858. Отдѣльно — у Београду. 1858.

VI

Ian Safarik, Орбам исторійски споменици млетачкогъ архива. Ibid. 1859 — 62. Отдѣльно — Belgradi. 1860 — 62.

Theiner, Vetera monumenta *Slavorum meridionalium*. Rome 1863.

Spisi saborski sabora kraljevinah *Dalmacije, Hrvatske i Slavoniae*. U Zagrebu. 1862.

Споменици изъ *дубровачке* архива. У Београду. 1862.

Макушевъ, Законодательные памятники *Дубровника*. Въ его изслѣд. объ историч. памятникахъ Дубр. Спб. 1867. (См. ниже).

Отдѣльные памятники помѣщены также въ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ; Србско-далматинскомъ магазинѣ (у Зандру), Гласникѣ друштва србске словесности (у Београду), Дубровникѣ, Коло (U Zandru), Sitzungsberichte der kaiserl. Akad. der Wissensch. (Wien), въ Чтеніяхъ въ Общест. истор. и дрavn. рос. и пр.

Наконецъ памятники, касающіеся хорвато-далматскаго законодательства, можно находить въ слѣдующихъ сборникахъ венгерскихъ и венеціанскихъ законовъ: *Schwandter* — Scriptores rerum hungaricarum (Wien 1746); *Iony* — Facies juris Hung. (Iena 1756); *Kaprinai* — Hungaria diplomatica (Vind. 1767); *Werbosz* — Corpus juris Hungarici; *Engel* — Monumenta Ungarica (1809); *Fejer* — Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis (Budae. 1829); Corpus decretorum juris Hungarici (1844 — 48); *Endlicher* — Rerum hungaricarum monumenta arpadiana (Sangali. 1848); *Szeremi Guörgy* — Monumenta Hungariae historica. (Pest. 1857 — 61); *Theiner* — Vetera monumenta historica sacram illustrantia Hungariam. (Romae. 1859); Volumen Statutorum, Legum ac jurium D. Venetorum (Venet. 1564, 1586, 1691, 1729); *Tafel u. Thomas* — Urkunden zur älteren Handels- u. Staatsgeschichte der Republik Venedig, mit Beziehung auf Byzanz und Levante (Wien 1856 — 58); Urkunden der Republik Venedig (Въ Fontes Rerum Austriacarum. Wien. 1857. III).

Изслѣдованія по исторіи хорвато-далматскаго законодательства, главнымъ образомъ, принадлежатъ настоящему столѣтію. Изъ старыхъ сочиненій, касающихся этого предмета, намъ извѣстны только два:

Bona de Nicolai, Praxis judiciaria juxta stylum Curiae ragusanae. Ragusae 1784.

Engel, Staatsrechtliche Untersuchungen über Dalmatien, Croatien und Slavonien. Въ 11 томѣ большаго его сочиненія: Staatskunde und Geschichte von Dalmatien, Croatien u. Slavonien. Halle 1798.

Не раньше второй четверти текущаго столѣтія появляются въ собственномъ смыслѣ историко-юридическія изслѣдованія по славянскимъ законодательствамъ. Начало систематической ихъ разработки положено *Мацѣйовскимъ*, въ двухъ извѣстныхъ его сочиненіяхъ:

VII

Maciejowski, *Historja prawodawstw Stowianskich*. I — IV. Warszawa. 1832 — 35. Новое изданіе въ 6-ти томахъ появилось въ 1856 — 65.

— *Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Stowian*. I — II. Spb. 1839.

Исслѣдованіи Мацѣйовскаго въ особенности важны, какъ первые обстоятельные опыты сравнительно историческаго изученія славянскаго права. Въ этомъ случаѣ заслуга автора несомнѣнна. Изложеніе его отличается впрочемъ большой неполнотой: авторъ имѣлъ предъ собою слишкомъ широкое и мало обработанное поле изысканій, не могъ притомъ воспользоваться многими источниками, обнаруженными только въ недавнее время. Въ особенности недостаточно и блѣдно изложена внѣшняя исторія славянскихъ законодательствъ; многіе весьма важные памятники даже вовсе не упомянуты авторомъ. По исторіи хорвато-далматскаго законодательства Мацѣйовскій изложилъ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ о Винодольскихъ Законахъ, Брискомъ Статутѣ и городскихъ уставахъ далматскаго Приморья; почти только упомянуть Полицій Статутъ — одинъ изъ драгоценныхъ памятниковъ славянской старины, заслуживающій самаго внимательнаго и всесторонняго изученія. Полнѣе изложена внутренняя исторія. Авторъ съ большимъ успѣхомъ примѣнилъ здѣсь сравнительный методъ изученія памятниковъ, хотя далеко не исчерпалъ всего ихъ содержанія и не избѣжалъ многихъ совершенно произвольныхъ построеній и положеній по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи славянскихъ законодательствъ. (Главнѣйшіе недостатки сочиненія Мацѣйовскаго изложены весьма обстоятельно въ рецензіи неизвѣстнаго автора, помѣщенной въ „Pismo zbiorowe, wydane przez Iosafata Ohryzko“, т. I. Spb., 1859, стр. 374 — 490).

Почти одновременно съ Мацѣйовскимъ явились другіе изслѣдователи, обратившіе вниманіе на славянскую старину, старавшіеся объяснить древнѣйшіе памятники юридической жизни Славянъ. По исторіи хорвато-далматскаго законодательства въ особенности важны изслѣдованія профессора Рейца:

Reutz, *Die freien Landgemeinden von Zernohora, Poglizza und andere, ein Beitrag zur Kenntniss des südlichen Slavenstammes*. Вѣ Dorpat. Jahrb. I. 1833.

— *Verfassungs- und Rechts-Zustand der dalmatischen Küstenstädte und Inseln im Mittelalter*. Dorpat. 1841. Русскій переводъ, въ Сборникѣ историч. и статист. свѣд. о Россіи Валуева (II. 1845), подъ заглавіемъ: Политическое устройство и права прибрежныхъ острововъ и городовъ Далмаціи въ средніе вѣка, раскрытыя изъ ихъ муниципальных статутровъ. Итальянскій переводъ, въ журн. *Dalmazia* (1845, № 25), — *Stato politico e giudiziario delle città marittime e delle isole dalmate nel medio evo, desunto dai loro statuti municipali*.

VIII

Последнее изслѣдованіе доселѣ не потеряло значенія въ наукѣ. Въ немъ Рейцъ довольно полно и обстоятельно изложилъ постановленія далматскихъ статутовъ, извѣстныхъ въ то время въ печати (Травы, Цары, Браццы, Себе-нино, Каттаро, Лезины и Корчулы), въ особенности разсмотрѣлъ государственное устройство, сословія, отношенія права гражданскаго, уголовнаго и процесса. Для насъ представляютъ особенный интересъ факты касательно чисто юридическихъ отношеній. Здѣсь большинство статутныхъ постановленій — несомнѣнно славянскаго происхожденія. Изслѣдованіе Рейца тѣмъ болѣе важно, что самые статуты для насъ рѣшительно недоступны и на Западѣ принадлежатъ къ библиографическимъ рѣдкостямъ: трудъ Рейца представляетъ для насъ главное пособіе при изученіи далматскихъ городскихъ статутовъ.

Кромѣ исчисленныхъ сочиненій по исторіи хорвато-далматскаго законодательства, намъ извѣстны еще слѣдующія:

Russevich, De municipalibus juribus et statutis regnorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae. Zagrabiae. 1830.

Schindler, Darstellung des Colonen- und Contadium-Wesens im Ragusaner Kreise. Въ Zeitschrift für österr. Rechtsgelehrsamkeit 1837. Bd. II — III.

О безвластіи, бывшемъ у Далмаціи, после паденія республики илетачие. Въ Србско-далматин. магазинѣ 1842, година 7.

Briglevich, De jure voti nobilibus in RR. Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae congregat. competente. Zagrabiae. 1843.

Delle femine dalmate e del loro rapporto coi maschi. Въ журн. Dalm. 1846, №№ 4, 35, 37.

Paton, Adriatische Briefe. Verwaltung Dalmatiens. Въ Allgem. Zeitung 1847, № 94.

Costruzione di strade in Dalmazia. Въ журн. Dalm. 1847, №№ 4, 37, 40.

Fejer, De comitatibus R. Hungariae. Budae. 1848.

Wenzel, Studien über den Entwicklungsgang des Rechtslebens auf der Insel Curzola. Въ Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen. 1849. Bd. IV и VII.

Chiudino, Statuto e regime municipale della città di Zara. Въ журн. Osservatore dalmato 1850, №№ 138, 148, 165, 171, 172.

Naredba o ustrojenju Ilirie. U Zagrebu. 1850.

Storia e legislazione municipale di Cattaro, nel medio evo. Въ Ossers. dalm. 1851, №№ 119, 123, 130.

Leggi ed uzi notabili del Comuni dalmati, nel medio evo. Ib. № 79 и 91.

Regime e statuto municipale di Curzola. Ib. № 17, 26, 39, 58.

IX

Legislazione municipale di Sebenico, nel medio evo. Ib. № № 95, 97, 102, 106.

Ivan Danilov, Knj'ga zakona poljickoga. Въ журн. Pravdonosa 1851 и 1852 г. Разобраны первыя 54 главы Полицкаго Статута.

P. Safarik, Krátka zpráva o Statutu Polickém. Въ Casop. česk. 1854. Сербскій переводъ этой небольшой статьи помѣщенъ Поповичемъ въ Гласникъ дружт. срб. словесн. IX. 1857.

Utiesenovic, Hauskommunionen der Südslaven, eine Denkschrift zur Beleuchtung der volksthümlichen Acker- und Familienverfassung des Serbischen und des Croatischen Volkes. Wien 1859 Рецензія — въ Рус. Бесѣдѣ 1859. IV.

Вельковичъ, О пороти. У Београду. 1860.

Майковъ, Судъ присяжныхъ у южныхъ Славянъ. Въ Русск. Словѣ. 1861.

Racki, Odlomci iz drzanvoga prava hrvatskoga za narodne dynastie. Бес. 1861.

Pravny pomery a původ kolonů se zvláštném ohledem na lihoslovany v stredoveku. Въ Památky archeologicke a mistopisne, Prag. V. díl. ses. 2. 1862.

Vojtech Frühauf, Rolnictvi slovanske, thrako-illyrské a germanské v nejs-tarsi dobe. Въ журн. Živa 1864, № 1.

Свѣдѣнія о хорватскомъ правѣ можно находить въ сочиненіяхъ по исто-рин и системѣ венгерскаго и венеціанскаго права:

Kelemen, Historia juris Hungarici privati. Budae 1818.

Klein, Handbuch der Geschichte von Ungarn u. seiner Verfassung. Leipzig 1833.

Szlemenic, Elementa juris hungarici judicarii civilis. Posonii 1837.

Pusztay, Die Ungarn in ihrem Staats- u. Nationalwesen von 889 — 1842. Leipz. 1843.

Lustkindl, Das Ungarisch-Oesterreichische Staatsrecht. Wien 1863.

Déak, Ein Beitrag zum ungarischen Staatsrecht. Pest 1865.

Virozsól, Das Staats-Recht des Königreichs Ungarn. Pest 1865 — 66.

Contarenius, De magistratibus et republica Venetorum. Parisiis 1523—44.

Bregolin, Giurisprudenza civile secondo le leggi Venete. Vienna 1784.

Sclopis, Storia della legislazione italiana. Tor. 1840.

Hegel, Geschichte der Städteverfassung von Italien. Leipz. 1847.

Manin, Della Veneta Giurisprudenza. Ven. 1848.

Boza, I feadi e i Comuni. Berg. 1854.

Emiliani Giudici, Storia politica del Municipi Italiani. 1855.

Albini, Storia della legislazione in Italia. Vigev. 1856.

Baschet, Les Archives de la République de Venise. Par. 1858.

Есть также нѣсколько монографій по обычному праву хорватскихъ и далматскихъ общинъ:

Срблина, Обычаи мира при случаю убійства у общины рясаньской. Въ Магаз. далмат. 1844.

— Обычаи вѣритбе у Рисну. Ib. 1845.

— О уговорѣ сватбе и сватова у Рисну. Ib. 1848.

Д. Василевичъ, Описаніе, како треба мирити за мртву главу. Ibid. 1845.

Persic, Dalmatinska zenitba i pirovanie. Въ журн. Zora Dalmatinska 1845.

Luka Ilic, Narodni Slavonski obicaji. Zegreb. 1846.

Ljubic, Obicaji kod Morlakah u Dalmazii. U Zandru. 1846.

Raffaeli Urbano, Dei giudizj di sangue nel Circolo di Cattaro. Въ журн. Dalmazia 1846, № 17 и 18. Нѣмецкій переводъ — въ Illustriertes Familienbuch (Triest 1852).

Celakovsky, Slovanská právnická prislovi. Въ Casop. cesk. 1851.

— Mudroslovi národu Slovanského ve prislovich. V Praze. 1852 (Помѣщена и первая статья).

Vallazar Bogisic, Pravni obicaji u Slavena. Privatno pravo. U Zagrebu. 1867.

Важнымъ пособіемъ могутъ служить наконецъ сочиненія и монографіи по исторіи хорватскихъ и далматскихъ Славянъ:

Serafino Bazzi, La storia di Raugia. Lucca 1596.

Lucius, De regno Dalmatiae et Croatiae libri sex. Amstelodami 1666.

— Historia di Dalmazia in particolare delle citte di Trau.

Freschot, Memorie storiche e geographiche de la Dalmatia. Bologna 1687.

Fresne, Illyricum vetus et novum. Pos. 1746.

Ferri Petri Barnabae, Commentarium in monumentum Arusianum. Patavii 1753.

Fortis, Dalmatien. Bern 1776.

Busching, La Dalmazia veneta. Della republica di Ragusa. Въ его сочин. Nuova geografia. Venn. 1777. Vol. XIII и XVIII.

Раучъ, Исторія разныхъ славенскихъ народовъ, найпаче же Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ. Въ Виенѣ 1794. (Также въ Будиномъ Градѣ. 1823).

Engel, Staatskunde und Geschichte von Dalmatien, Croatien und Slavonien. Halle 1798.

— Geschichte des Freistaates Ragusa. Wien 1807.

XI

Bartenstein, Kurzer Bericht von der Beschaffenheit der zerstreuten zahlreichen illyrischen Nation in den kaiserlichen Erblanden. 1802.

Historische Nachricht von der Republic Ragusa und ihrem gegenwärtigen Zustande. Berlin 1802.

Ciccarelli, Observationi sull'isola della Brazza. Ven. 1802.

Appendini, Notizie istorico critiche sulle antichita storia e letteratura de'Ragusei. Ragusa 1802 — 1803.

Mikoczi, Otiorum Croatiae liber unus. Opus posthumum. Budae 1806.

Allegret Philippi, De ragusina nobilitate.

Fejér, Dalmatiae cum R. Hung. nexus. Budae 1834.

Sermage, Die ursprüngliche Vereinigung der Königreiche Croatien, Dalmatien und Slavonien mit der Krone Ungarns. Въ Oesterr. Zeitung für Gesch. 1836, № 1 — 3. Отдѣльно — Wien 1836.

Eusèbe Saloerte, De la civilisation: Venise et Raguse. Paris 1837.

Harváth, Ueber Croatien als eine durch Unterjochung erworbene ungar. Provinz. Leipz. 1844.

Vukotinovich Farkas, R. Slavoniae erga Hungariam legalis correlatio. Zagreb. 1845.

Исторія общины Пастровичіо (Pastrovicchio). Въ Магаз. далмат. 1845.

Niseteo, Municipio de'Riditi. Въ журн. Dalmazia 1845.

Franceschi, La Poglizza. Ibid. 1846 — 47.

Fejér et Gyurikovits, Responsa ad opera de Croatia et Slavonia. Zagrabiae 1847.

М. Банз, Zercalo povestnice Dubrovacke. Въ сборн. Дубровникъ. II. 1851.

Maylath, Dalmatiens Verhältniss zu Ungarn, oder, wie war Dalmatien organisirt, als es faktisch zu Ungarn gehörte. Въ его соч. — Geschichte der Magyaren. II. 1852.

Гильфердингъ, Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ. Москва 1855—59.

Dümmler, Ueber die älteste Geschichte der Slaven in Dalmatien. Въ Sitzungsberichte d. kaiserl. Akademie d. Wiss. 1856, XX Bd.

Пуцичъ, Pojestnica Dubrovnica. U Zandru. 1856.

Майковъ, Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіею народа. Москва 1857.

Ранке, Исторія Сербіи по сербскимъ источникамъ. Перев. Бартеневъ. М. 1857.

La Croatie et la confédération Italienne. Paris 1859.

La Hongrie et les Slaves. Paris 1860.

Kvaternik, Das historisch-diplomatische Verhältniss des Königreichs Croatien zu der ungarischen St. Stephans Krone. Agram 1861.

XII

Herm. Kirecek, Aktenmäßige Darstellung des Verhältnisse der griechisch nicht unirten Hierarchie in Oesterreich, dann der illirischen National-Congresse und Verhandlungs-Synode. 1861.

Tkalac, Hrvatska Povjestnica. Zagreb. 1861.

Déak, Denkschrift über das Verhältniss zwischen Ungarn und Croatien. Wien 1861.

Ladislav von Szalay, Zur Ungarisch-Kroatischen Frage. Pest 1863.

— Geschichte Ungarns. 1866.

Макушев, Исследование объ исторических памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника. Спб. 1867.

Fessler, Geschichte von Ungarn. Leipz. 1867.

ОТДѢЛЪ I.

Общее обозрѣніе памятниковъ древняго хорвато-далматскаго законодательства.

Историческое положеніе Хорватовъ, особенно со времени разрыва ихъ съ Сербами. Хорватское право до подчиненія Хорватовъ Коломану: древніе обычаи; первые письменные памятники — грамоты Териміра и Мутиміра; вѣчевые уставы X вѣка и Книга Законовъ Смильвестра. Хорватское право съ XII вѣка: вопросъ объ отношеніи права хорватскаго къ венгерскому; вѣчевые уставы и грамоты жалованныя, судныя и пр. Мѣстные хорватскіе и далматскіе законы, въ особенности уставы Сенья, Крка, Дубровника и другихъ общинъ далматскаго Приморья.

Хорваты составляютъ отдѣльную отрасль Славянъ, носящихъ теперь названіе *южныхъ или задунайскихъ*. До второй четверти X вѣка Хорваты вели съ Сербами общую историческую жизнь. Переселившись въ VII вѣкѣ изъ-подъ карпатскихъ горъ, они еще долго не оставляютъ дробной жизни мелкими автономическими союзами.

Столкновеніе и борьба Хорватовъ съ сильными сосѣдями (Франками, Болгарами, Византіей и пр.) рано оказываютъ вліяніе на исторію Славянъ хорватскихъ. Уже въ IX вѣкѣ, по словамъ Ранча, старыя «звѣрскіе» права Хорватовъ стали измѣняться къ лучшему. «Звѣрскія своя переимѣнивши права, учтивѣйшіи начали бывати, и толь добрыя порядки въ государство свое вводили, якоже и въ прочей Европѣ» (Ранча Исторія, кн. III. 59).

Разрывъ между Сербами и Хорватами начался вслѣдъ за подчиненіемъ Хорватовъ латинской церкви (со времени Сплитскаго собора 925 г. См. Гильфердинга Письма, I. 226—227). Оба народа пошли съ этихъ поръ по различнымъ историческимъ путямъ. Сербы еще долго, до второй половины XII вѣка, ведутъ малоизвѣстную историческую жизнь, — подъ главенствомъ Византіи они знаютъ только свои жупы, свои сходки съ жупанами, безъ мысли о высшемъ политическомъ единствѣ народа. Не то находимъ у Хорватовъ. Уже въ X столѣтіи они образуютъ довольно обширное государство; уже въ это время они вступаютъ въ тѣсныя связи съ западными сосѣдями, незамѣтно подчиняются западно-европейской цивилизаціи. Исторія хорватская отражаетъ на себѣ съ X и слѣдующихъ вѣковъ всѣ главныя движенія въ исторической жизни европейскихъ народовъ.

Не смотря впрочемъ на раннія вѣдѣнія, Хорваты X и слѣдующихъ вѣковъ, въ своемъ внутреннемъ бытѣ, немногимъ разнились отъ другихъ южныхъ Славянъ. Въ X вѣкѣ земля хорватская обнимала федерацію *жупаній* (*zupanias* по Порфирородному), соотвѣствующихъ германскимъ *Gaue*, русскимъ волостямъ или жупамъ Сербовъ, Чеховъ и другихъ Славянъ. Во время Порфиророднаго, писавшаго между 925 и 959 г., Хорваты составляли 14 отдѣльныхъ жупъ. Пѣтъ нихъ 11 союзовъ непосредственно зависѣли отъ великаго жупана — племеннаго главы или старшины хорватскаго народа. Таковы были жупы: *Chlebiana* (теперешній Гливно), *Tzentzona* (Цетина), *Emota* (Имота), *Pleba* (Плева въ Босніи), *Resenta* (Везента тамъ же), *Parathalassia* (Приморье), *Brebera* (Брибирь), *Nona*, *Tnena* (Книнъ), *Sigtaga* и *Nina*. Остальныя жупы хорватскія — *Cribasa* (Крбава), *Litza* и *Gutzeka* (Гадска) — составляли отдѣльное владѣніе, подчинявшееся банамамъ, подъ общимъ главенствомъ великаго жупана (См. Кукулевича *Iuga*. I: 9). Извѣстіе Порфиророднаго о жупахъ хорватскихъ подтверждается болѣе древними свидѣтельствами, въ особенности грамотами Терпиміра 837 и Мутиміра 892. въ которыхъ упоминаются 11 жупановъ, зависѣвшихъ отъ хорватскихъ *duces* — великихъ жупановъ Порфиророднаго (*Ibid.* 5 и 6).

Дробная система волостей господствовала вездѣ, во всѣхъ частяхъ хорватской земли. Нарента (часть теперешней Далмаціи) дѣлилась при Порфирородномъ на три жупы — Растоцу, Мокру и Далсну (Ранчъ, часть II. 31). Общины, разсѣяныя по берегамъ и островамъ Приморья (Задръ, Трогиръ и пр.), составляли съ своими областями самостоятельные союзы, удерживавшіе или усвоившіе позже (напр. Дубровникъ) общинное устройство славянскихъ жупъ. По памятникамъ XI и XII вѣковъ, хорватская земля дробится на болѣе крупныя части, подъ названіемъ *банатствъ* (*Croatia*, *Bosnia*, *Slavonia*, *Posiga* или *Pozega*, *Podgrana*, *Albania* и *Srema* или *Rama*); но въ каждой области удерживается по прежнему жупное устройство мѣстныхъ союзовъ и общинъ (См. въ *Arhiv za povestn. jugos.* II. 4. грамоту Петара Гумая 1080 г., въ которой сохранилось извѣстіе о 7 хорватскихъ банахъ, избравшихъ князей для цѣлой земли хорватской. О такихъ же 7 банахъ имѣемъ другое свидѣтельство начала XII вѣка. См. *Kukul. Iuga* I. 21 ср. *Pauga*, кн. VI. 268).

Вся эта дробная система хорватскихъ жупъ представляла одно вѣдѣніе единство. Внутренняя рознь, преобладаніе областной жизни надъ государственной, по словамъ всѣхъ историковъ, изучавшихъ бытъ южныхъ Славянъ, составляло издавна и доселѣ составляетъ общее характеристическое явленіе въ жизни Сербовъ, Хорватовъ и другихъ южныхъ Славянъ (См. въ особенности сочиненіе Іована Хачича — *Духъ народа Србскогъ*, у Карловича, 1858, гдѣ наглядно развита мысль объ исторической неспособности южныхъ Славянъ къ прочному сплоченію въ одно государственное тѣло). Хорватская исторія X — XI вѣковъ представляетъ много явленій, изъ которыхъ видно, что стремленіе хорватскихъ королей къ политическому объединенію Хорватовъ постоянно встрѣчало сильный отпоръ въ жупавахъ, въ самыхъ областяхъ и общинахъ (въ особенности приморскихъ) — *status in statu*, выработанный средневѣковой жизнью Славянъ. Источники полны извѣстіями о борьбѣ общинъ и жупановъ хорватскихъ между собой и съ королями. Власть послѣднихъ часто была только номинальной; все значеніе въ государствѣ принадлежало магнатамъ.

управлявшимъ нерѣдко на наслѣдственномъ правѣ своими жупами и областями. Еще въ IX вѣкѣ, говоритъ древній сербскій лѣтописецъ, «илирійскія жупанства и военачальства въ междоусобной брани забавляхуся, единъ другаго утѣсняваху, неколико князей воедино подчиняху» (См. Гласн. дружт. Серб. слов. V. 52). Жупаны, при всякомъ стремленіи хорватскихъ королей къ болѣе дѣйствительному главенству и власти, отказывали имъ во всякомъ подчиненіи, становились почти суверенными главами своихъ областей. Павлимиръ и въ особенности его сынъ Тышмиръ, по словамъ Ранча, всю жизнь свою провели «въ присовѣтованіяхъ отступившихъ бановъ, но весь трудъ ихъ суетенъ бѣ» (Ранчъ, кн. VI. 274, 275). Значеніе королей часто до того падало, что никто не хотѣлъ принимать ихъ званія. Иногда (напр. послѣ Сцислава) государство много лѣтъ оставалось безъ общаго главы, — жупаны, сидѣвшіе по областямъ, пользовались вполне самостоятельной властію, кромѣ своихъ мѣстныхъ общинъ и сходокъ не признавали надъ собой никакой высшей власти общаго главы государства (О внутренней неурядицѣ и смутахъ въ хорватской землѣ до прекращенія туземной династіи королей см. у Ранча III. 75, VI. 264, 267. VII. 355 и пр.).

Неурядица длилась до прекращенія туземной династіи хорватскихъ королей и подчиненія страны королямъ венгерскимъ. Въ 1102 г. Хорваты добровольно признали своимъ главою венгерскаго короля Коломана съ его потомствомъ. Они удержали неприкосновеннымъ свое внутреннее управленіе, свои изстаринныя права и обычаи (См. присягу Коломана, Iuga Kukut. I, 22; тамъ же помѣщены грамоты Коломана и позднѣйшихъ королей на права и вольности хорватскаго народа, — См. ib. 27, 29, 31 и пр. Объ историческомъ значеніи факта подчиненія Хорватовъ венгерскимъ королямъ см. новѣйшія изслѣдованія одного изъ хорватскихъ патриотовъ — La Croix et le confédération Italienne Paris. 1859, также упомянутыя выше соч. Кватерника и Герм. Ирѣчка. Тотъ же вопросъ составляетъ спеціальныя предмѣты изслѣдованій Фейера, Сермажа, Горвата, Вукотиновича, Деака и Шалая). Союзъ хорватской земли съ Венгріей имѣлъ характеръ Personalunion. Хорваты вошли въ союзъ съ Венграми только вслѣдствіе добровольнаго признанія однихъ и тѣхъ же государей, не слывавшихъ съ ними въ одно цѣльное государство. Самостоятельное положеніе удерживали Хорваты до позднѣйшаго времени, не испытывая такого сильнаго вѣшняго гнета и такихъ глубокихъ потрясеній и переворотовъ, въ народной жизни, какимъ подверглись Сербы подъ игомъ турецкимъ или Славяне Балтійскіе, подавленные господствующей нѣмецкой «культурой и цивилизаціей».

Таково въ главныхъ чертахъ развитіе общественной жизни Хорватовъ. Раннее подчиненіе народа *чуждымъ вліяніямъ* безъ потери національной самобытности, и долгое господство *внутренней розни*, при малой способности народа выработать изъ собственныхъ своихъ силъ и осуществить идею политическаго единства, — главные явленія, опредѣлившія всю историческую судьбу Хорватовъ.

Тѣже самыя начала неотразимо вліяли и на *исторію хорватскаго права*. Въ немъ рано начинается вліяніе чуждыхъ источниковъ, въ особенности права венеціанскаго и венгерскаго. Чуждыя вліянія отразились впрочемъ больше въ сферѣ публичныхъ, нежели строго юридическихъ отношеній. Здѣсь до новѣйшаго времени удерживалось много бытовыхъ началъ и порядковъ, возникшихъ изъ внутренней.

жизни хорватскаго народа. *Консервативность* — главная черта хорватскаго законодательства. Съ другой стороны, долгое господство внутренней розни въ общественной жизни Хорватовъ отразилось въ развитіи *партикулярныхъ началъ* въ ихъ законодательствѣ. Мѣстные законы отдѣльныхъ земель, часто небольшихъ жупъ и общинъ, становятся съ XII и XIII вѣковъ главными источниками хорвато-далматскаго права. Въ немъ долго преобладали обычаи и законы областные, партикулярные, надъ общимъ законодательствомъ.

О древнихъ хорватскихъ *обычаяхъ* дошло до насъ мало извѣстій. Извѣстно только, что «обычаи предковъ» дѣйствовали у древнихъ Хорватовъ вмѣсто законовъ. По свидѣтельству мѣстныхъ историковъ, старыя хорватскіе обычаи удерживались въ жизни до позднѣйшаго времени, часто безъ всякихъ измѣненій (См. напр. Ранча, кн. III. 52, 53). Изстаринные обычаи послужили главной основой законодательныхъ памятниковъ позднѣйшаго времени. Уставы Полицы, Винодола и другіе древнѣйшіе памятники хорвато-далматскаго законодательства находили въ старыхъ обычаяхъ главную основу и источникъ для большинства содержащихся въ нихъ постановленій.

Первые дошедшіе до насъ письменные памятники законодательства Хорватовъ принадлежатъ IX вѣку. Сюда относятся *грамоты* хорватскихъ князей Терпиміра 837 и Мутимира 892 г. (Kukul. Jura I. 3 — 7). Обѣ грамоты касаются льготъ и преимуществъ, какими пользовался монастырь Салоны. Кромѣ уясненія отношеній церковныхъ, грамоты даютъ весьма важныя указанія на положеніе древнихъ хорватскихъ князей, вѣчъ, жупановъ и другихъ народныхъ старшинъ и главъ (*priglasen poruli*).

Вообще говоря, Хорваты въ дѣлѣ законодательства значительно опередили другихъ Славянъ. У нихъ законы въ собственномъ смыслѣ, даже сборники законовъ, являются очень рано: Хорваты имѣли свою Правду чуть ли не цѣлымъ столѣтіемъ раньше изданія Русской Правды. Есть даже указанія, что въ X вѣкѣ Хорваты обладали уже старыми законами и статутами. Этотъ вѣкъ былъ эпохой появленія первыхъ сборниковъ хорватскихъ законовъ. Намъ извѣстны три памятника этого времени: два устава хорватскаго вѣча и Книга Законовъ короля Сильвестра.

Вѣчевые уставы явились въ эпоху отдѣленія Сербовъ отъ Хорватовъ (См. Kukul. Jura. I. 8 — 12). Первый уставъ, изданный въ 914 г. на общей сходкѣ (*consilium*) въ Спалато, въ присутствіи хорватскаго князя Тамислава и римскихъ легатовъ, излагаетъ правила объ устройствѣ хорватской церкви, главнымъ образомъ трактуетъ о судѣ епископскомъ, также о личныхъ, имущественныхъ и другихъ правахъ духовенства; есть, кромѣ того, статьи съ общимъ характеромъ, напр. статья 14-я о порядкѣ наслѣдованія имуществъ. Нельзя не замѣтить значительнаго сходства этого перваго хорватскаго устава съ русскими уставами о церковныхъ судахъ временъ Владиміра и Ярослава. Хорватскій и русскіе уставы изданы были съ одинаковой цѣлью — упрочить положеніе зараждавшейся церкви, опредѣлить отношенія ея къ обществу. — Дополнительнымъ уставомъ 927—928 г., изданнымъ при томъ же князѣ, на соборѣ въ Спалато, опредѣлены округа (*dioccesi*), подвѣдомственные хорватскимъ епископамъ. Въ этомъ памятникѣ встрѣчается, между

прочить, несомненное указание на старые статутные законы и обычаи хорватской земли (*cunctas provinciae antiquae consuetudines juxta moderamine perseverano, firmavit, omnia secundum veterum Statuta in omnibus Ecclesiis Episcoporum privilegia redintegrari*).

Книга Законов короля Сильвестра не дошла до нашего времени. Въ дѣйствительности ея изданія (до 985 г.) не можетъ быть большихъ сомнѣній. Ранчъ, одинъ изъ наиболѣе добросовѣстныхъ сербскихъ историковъ прошлаго вѣка, прямо говоритъ, что «Сильвестръ крѣль XXX убо сѣдъ на престолъ отца своего Болеслава, дабы у подданныхъ повѣренность и власть свою сохранилъ, всякимъ прилежаніемъ старался чрезъ полезная права замяшательства и неурядки исправити, книгу законовъ сочинити повелѣлъ» (Ранчъ, VI. 280). Можно привести много грамотъ XII и другихъ вѣковъ, въ которыхъ въ одинаковой мѣрѣ упоминаются древніе законы, дѣйствовавшіе вообще въ хорватской землѣ или въ отдѣльныхъ ея частяхъ. Есть даже извѣстія о статутахъ нѣкоторыхъ городовъ славянскаго Приморья, изданныхъ еще въ византійскій періодъ (т. е. до IX столѣтія). Венеціанскій дожъ Орделафъ, предоставляя грамотою 1118 г. городу Арбе различныя права и преимущества, вмѣстѣ съ тѣмъ утвердилъ древніе его обычаи и статуты, составленные еще при византійскихъ императорахъ и венгерскихъ короляхъ (*sub Imperatore Constantinopolitano et sub Rege Ungarum*. См. Kukul. Jug. I. 28). Въ грамотѣ короля Гейзы 1143 г., данной всему хорватскому народу, находимъ слѣдующее мѣсто: «*lege antiquitas constituta cum vestro iudice uti permitam vos*», или въ грамотѣ Стефана III, 1169 г.: «*lege antiqua constituta vos uti permitam*» (Ib. 29, 31, 39 и пр.). Ничто не мѣшаетъ допустить, что здѣсь подъ старыми законами могли именно разумѣться законы Сильвестра, собраннаго въ одну книгу старые обычаи и законы, какъ это позже дѣлалось въ Винодолѣ, Дубровникѣ и другихъ общинахъ. Кромя обычаевъ, книга Сильвестра могла имѣть своимъ источникомъ и мѣстные статуты (хоть напр. Абре), въ особенности приморскихъ общинъ, жившихъ по своимъ законамъ уже въ періодъ зависимости ихъ отъ византійскихъ императоровъ.

Время внутреннихъ смутъ, наполняющихъ весь XI вѣкъ, не благопріятствовало развитію хорватскаго законодательства. Можно указать только на нѣсколько жалованныхъ грамотъ этого времени, дававшихся въ особенности церкви и монастырямъ. Таковы грамоты Крешимира 1071, Свяшмира 1076 и др. (См. Kukul. Jug. I. 15, 16 и пр.).

Неурядица завершилась, какъ мы знаемъ, подчиненіемъ Хорватовъ королямъ венгерскимъ. Соединеніе хорватской земли съ Венгріей естественно должно было выдвинуть на первый планъ вопросъ объ *отношеніи права хорватскаго къ венгерскому*. Историки, смотрѣвшіе на союзъ Хорватовъ съ Венграми, какъ на полное подчиненіе народа слабаго другому болѣе сильному, полагаютъ, что самостоятельное развитіе хорватскаго права прекратилось въ силу зависимаго положенія Хорватовъ, — что съ XII вѣка юридическій ихъ бытъ всецѣло проникается началами венгерскаго права. Эта мысль ясно проглядываетъ въ слѣдующихъ словахъ Ранча: во всемъ *едино* стало между ними (Хорватами и Венграми) *право*, тако, ако *нрави*, *одежды* и *языкъ* общая обомъ сдѣлалася, и фамиліи славныя Унгаровъ въ Хорвацію,

и византий Хорватовъ въ Унгарію преселились, *едино право употребляюще*» (Ранчъ, кн. III. 78).

Нельзя вполне отвергать вліянія венгерскаго права на хорватское. Оно безъ сомнѣнія было, въ особенности отразилось въ отношеніяхъ жизни публичной; но отсюда, очевидно, еще нельзя заключать объ объединеніи, а тѣмъ болѣе о полномъ подчиненіи хорватскаго права венгерскому. Не нужно забывать широкой сферы юридическихъ отношеній, гдѣ хорватское право развивалось вполне самостоятельно, почти помимо всякихъ вѣшнихъ вліяній. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только бѣгло просмотрѣть хорватскіе памятники: главной основой ихъ были не начала чуждаго права, но туземные законы и обычаи, изстари удерживавшіеся въ жизни хорватскаго народа.

Дѣло въ томъ, что вопросъ объ отношеніи хорватскаго права къ венгерскому порѣшенъ точно и опредѣленно въ моментъ самаго союза обоихъ народовъ. Послѣдующая исторія до новѣйшихъ временъ не представляетъ ни одного примѣра, чтобы этотъ вопросъ перерѣшался въ новомъ духѣ и направленіи.

Неприкосновенность туземныхъ обычаевъ и законовъ, гарантія изстариныхъ вольностей Хорватовъ, были *conditio sine qua* поп подчиненія ихъ венгерскимъ королямъ, — ради сохраненія и упроченія за Хорватами старыхъ ихъ привилегій, короли постоянно давали имъ жалованныя грамоты. Едва ли можно указать хоть на одинъ примѣръ стремленія венгерскихъ королей стараго времени къ введенію въ хорватской землѣ чуждаго права и къ отиженію національнаго. Всѣ старые памятники, напротивъ, говорятъ, что у Хорватовъ, на ряду съ мѣстными законами, постоянно и неизмѣнно дѣйствовали старые обычаи предковъ, иногда замѣнявшіе собой законы, — *consuetudo pro lege valuit*, какъ выражается грамота Беллы IV, 1252 г., говоря о далматскихъ обычаяхъ (Kukul. Jura. I. 68). Самъ Ранчъ признаетъ замѣчательную тождественность между юридическими обычаями древнихъ и новыхъ Хорватовъ: «Сербовъ и Хорватовъ обычаи мало въ чемъ отижили отъ древнихъ суть» (Ранчъ. III. 53), — явленіе, которое совершенно не ширится съ признаніемъ сильныхъ вѣшнихъ вліяній въ исторіи хорватскаго права. Таже мысль, какъ нельзя больше, подтверждается позднѣйшими наблюденіями надъ народнымъ юридическимъ бытомъ современныхъ Хорватовъ, доселѣ удерживающихъ въ жизни изстарины свои обычаи и порядки глубокой древности (См. въ особенности Bogišića Pravní obicaji и Slavena).

Вѣчные уставы и грамоты разнаго рода — главныя формы общаго хорватскаго законодательства эпохи подчиненія Хорватовъ венгерскимъ королямъ.

Вѣчные приговоры и постановленія, подъ общимъ названіемъ уставовъ и конституцій (*constitutiones*) хорватскихъ вѣчъ или соборовъ (*generale congregatio*), становятся главной формой общаго хорватскаго законодательства съ XII и особенно XIII столѣтій. Конституціи обнимаютъ множество вопросовъ по всѣмъ отраслямъ законодательства свѣтскаго и отчасти церковнаго. Многія изъ нихъ имѣютъ форму довольно объемистыхъ уставовъ или сводовъ законовъ уголовныхъ, гражданскихъ и пр. Открытіе и изданіе такихъ конституцій принадлежатъ въ особенности Кукулевичу. Въ Архивѣ южно-славянской исторіи онъ помѣстилъ нѣсколько соборныхъ

конституцій по церковнымъ дѣламъ, относящихся къ XIV—XVI вѣкамъ (Arkiv II. 79 — 90). Особенно интересны конституціи (съ XII вѣка), помѣщенные въ другомъ сборникѣ Кукулевича — *Jura regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*. Они восполняютъ одинъ изъ значительныхъ пробѣловъ въ исторіи хорватскаго права, содержатъ въ себѣ богатый матеріалъ для объясненія юридическаго быта древнихъ и новыхъ Хорватовъ.

Кромѣ конституцій, издавались во временахъ отдѣльными законоположеніями, въ формѣ грамотъ жалованныхъ, судныхъ и другихъ.

Грамоты жалованныя давались королями всему хорватскому народу и отдѣльнымъ общинамъ на различныя права и преимущества. Общій характеръ ихъ одинъ и тотъ же; кромѣ утвержденія старыхъ законовъ и обычаевъ, грамоты опредѣляютъ основныя начала государственнаго устройства и управленія, касаются напр. выбора судей общинныхъ (городскихъ или сельскихъ, часто присяжныхъ), старшинъ (*majores, villici*) и другихъ должностныхъ лицъ; встрѣчаемъ положенія о податныхъ и другихъ льготахъ; есть статьи, трактующія объ отношеніяхъ права частнаго, въ особенности о наследствѣ (Kukul. Jura I. 31, 39 и т. д.).

Очень важный источникъ для изученія древняго хорватскаго права составляютъ *судныя грамоты (sudovi)*. Они даютъ интересныя указанія на старое судоустройство и на процессуальные порядки. Встрѣчаемъ также данныя по вопросу объ образованіи у Хорватовъ поземельныхъ отношеній, — дѣла по раздѣлу и отчужденію земель составляютъ главное содержаніе *sudovi* (Arkiv. I. 203 — 208).

Слѣдуетъ наконецъ упомянуть о *грамотахъ договорныхъ, уставныхъ* и другихъ оффиціальнымъ актахъ и грамотахъ, дававшихся общинамъ и отдѣльнымъ лицамъ, въ особенности при пожалованіи земель и въ другихъ случаяхъ. Сюда относятся также *частныя записи и договоры*, сходныя съ русскими юридическими актами. Любопытный сборникъ такихъ грамотъ сдѣланъ Кукулевичемъ, въ *Monumenta historica Slavorum meridionalium*, хотя къ сожалѣнію акты, въ большинствѣ отпечатанные глаголицей, не для всѣхъ доступны. Много интересныхъ грамотъ находимъ также въ сборникахъ Миклошича, Пипича, Яна Шафарика и пр.

Перейдемъ теперь къ законодательнымъ памятникамъ отдѣльныхъ земель и общинъ хорватскихъ и далматскихъ.

У Хорватовъ, какъ и вездѣ въ средніе вѣка, жили по своимъ *партикулярнымъ* законамъ и обычаямъ, не только отдѣльными общинами, но и часто небольшія общины, пользовавшіяся нѣсколько полной политической самостоятельностью. Многие изъ мѣстныхъ уставовъ и статутовъ доселѣ недоступны для научныхъ изслѣдованій; но и тѣ матеріалы, какіе можно теперь имѣть подъ рукою, даютъ довольно полное понятіе о древнемъ хорватскомъ правѣ.

Къ извѣстнымъ намъ памятникамъ мѣстнаго хорвато-далматскаго законодательства принадлежатъ: *Законы града Задуба*, уставы областей, подчинявшихся съ второй половины XIII вѣка князьямъ изъ фамиліи Франгепановъ (*Законы Винодолскіе, Statutum Segniae* и *Статутъ острова Брка*), *уставы далматскаго Приморья* и *Полиційскій Статутъ*.

Основа нечисленныхъ памятниковъ принадлежитъ глубокой древности. Существенныя положенія статутовъ и законовъ коренятся въ одномъ источникѣ — древнихъ хорватскихъ обычаяхъ и законахъ; въ нихъ сохранилось множество институтовъ, бывшихъ когда-то въ обычаѣ у всѣхъ Славянъ. Чуждыя вліянія больше замѣтны въ позднѣйшихъ переработанныхъ уставахъ поморскихъ общинъ и мало встрѣчаются въ уставахъ внутреннихъ областей (Винодола, Полицы и пр.).

Мы сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько общихъ замѣчаній о Статутахъ Сеньскомъ, Кркскомъ, также о законахъ Дубробника и другихъ общинъ далматскаго Приморья. Уставы Винодольскій, Загребскій и Полицкій мы рассмотримъ болѣе подробно въ слѣдующихъ отдѣлахъ.

1. *Statutum Segniae*. Статутъ града Сенья (Segnia, Segna, Scen, Zengh) принадлежитъ къ одному циклу съ Винодольскими Законами. Градъ Сень, вмѣстѣ съ цѣлымъ Винодоломъ, островомъ Крккомъ и другими мѣстами, поступилъ во второй половинѣ XIII вѣка въ наследственное обладаніе отдѣльныхъ князей Франгепановъ (Frangepan), не переставая подчиняться верховной власти королей венгерскихъ (См. въ сборн. Кукулевича Jura, I. 71, и Arhiv, III. 169 — 171, грамоты короля Белы IV, данныя въ 1260 г. двумъ братьямъ Фридерiku и Варфомою Франгепанамъ съ ихъ потомствомъ на наследственное обладаніе Винодоломъ, Сени и Крккомъ). Подчиняясь однимъ и тѣмъ же князьямъ, Винодолъ и Сень жили по своимъ отдѣльнымъ обычаямъ и законамъ, — не видно, чтобы Винодольскіе Законы, изданные въ 1288 г., дѣйствовали въ Сени, до изданія въ немъ отдѣльнаго сборника законовъ. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать значительнаго вліянія Винодольскихъ Законовъ на Сеньскій Статутъ, представляющій во многихъ положеніяхъ своихъ только дальнѣйшее развитіе институтовъ и началъ винодольскаго права.

Мы имѣемъ мало извѣстій о сеньскомъ правѣ до Статута. Въ Сени, какъ и въ другихъ хорватскихъ общинахъ, дѣйствовали обычаи; позже являются и мѣстные законы. Статутъ ссылается на *старые* законы и обычаи, какъ на главный свой источникъ.

Статутъ Сеньскій принадлежитъ 1388 г. Въ этомъ году, по желанію общины, поручено было пяти лицамъ, избраннымъ на вѣчѣ (congregatio), составить изъ старыхъ законовъ и обычаевъ Статутъ, который за тѣмъ и утверждетъ народомъ на общей сходкѣ, состоявшей изъ rectoris, consilarii et fide digni viri civitatis Signiae (Arhiv. III. 155). Во второй половинѣ XV вѣка прибавлено было къ старому Статуту еще до 40 новыхъ статей. Въ этомъ видѣ и дошелъ до насъ Сеньскій Статутъ, представляющій сводъ двухъ разновременныхъ уставовъ. (См. Arhiv. III. 141 — 170). Въ первой его половинѣ (§§ 1 — 130) собраны старые законы; статьи позднѣйшаго происхожденія изложены во второй половинѣ сборника (§§ 131 — 168).

Явившись спустя столѣтіе послѣ Винодольскихъ Законовъ, Статутъ Сеньскій представляетъ много особенностей, главнымъ образомъ, въ постановленіяхъ, опредѣляющихъ государственное устройство и отношенія между различными классами общества. Въ составъ Сеньскаго Статута различаются слѣдующія группы статей съ однородными узаконеніями:

а) *О привилегіях nobiles viri*, ст. 1 — 17: о податныхъ льготахъ, правѣ отъѣзда и другихъ преимуществахъ племичей.

б) *Объ общинныхъ учрежденіяхъ и должностяхъ*, officialis communis, ст. 18—22: о вѣчѣ, consilium (изъ rectoris, nobiles viri et hominis), собиравшемся по вѣчевому колоколу (sonitus compagne) для суда, общественныхъ выборовъ и пр.; объ общинныхъ судьяхъ, приставахъ (paucleri vel pristavi) и cancelarii (дьякахъ).

в) *О гражданскомъ правѣ*, ст. 23 — 26: о правахъ на вещи, о порядкѣ продажи племенщины, о выкупѣ по jus proximitalis aut vicinitatis и о давности.

г) *О судахъ и процессѣ*, ст. 27 — 42: о дворскомъ судѣ и officialis curiae (dovornici — тоже, что русскіе дѣтскіе и дворяне, состоявшіе при князьяхъ, или сербскіе дворскіе; праесо, pristavus, nuncius curiae); о вѣчевомъ судѣ, по звону, въ присутствіи судей стоящихъ и сидящихъ и пр.

д) *Объ уголовномъ правѣ*, ст. 43 — 95: о татѣбѣ, убійствѣ, ранахъ, личныхъ обидахъ, порчѣ вещей и пр. Система наказаній отличается особенной строгостью: Сеньскому Статуту извѣстны членовредительныя наказанія и повѣшеніе.

е) *О государственнхъ повинностяхъ* и въ заключеніе о *преимуществахъ nobiles viri*, ст. 96 — 130.

Добавочныя статьи трактуютъ, главнымъ образомъ, объ общинномъ управленіи — о выборѣ vice-comites, visarii, судей, приставовъ и т. п.

Простой просмотръ содержанія Сеньскаго Статута показываетъ все сходство и различіе его отъ Винодолскихъ Законовъ. Преобладаніе общинныхъ началъ въ администраціи надъ началомъ личнымъ, присутствіе старыхъ порядковъ (часто даже полнѣ развитыхъ въ сеньскомъ уставѣ, напр. jus proximitalis et vicinitatis) въ отношеніяхъ права гражданскаго, уголовнаго и процесса — явленія, въ одинаковой мѣрѣ характеризующія оба устава. Съ другой стороны, Сеньскій Статутъ отличается болѣе системой, обработанностью отдѣльныхъ узаконеній, содержитъ также новыя постановленія, въ особенности по государственному и финансовому праву. Строгая уголовная политика и сословныя привилегіи племичей развились подъ вліяніемъ чуждыхъ источниковъ. Viri nobiles, впрочемъ, не исключительно господствуютъ въ своей общинѣ: въ вѣчѣ участвуютъ на равнѣ съ ними и простолюдины (hominis — кметы Винодолскихъ Законовъ). Сеньскому и винодолскому уставамъ равно не извѣстны люди зависимые. Община обвиняетъ всѣ общественныя классы, безъ исключительнаго господства однихъ и порабощенія другихъ. Высшіе классы не выдѣляются изъ общины и не преобладаютъ въ ней, какъ это было въ другихъ, особенно приморскихъ, далматскихъ общинахъ, — винодолскіе и сеньскіе племенитые люди составляли только главную земскую силу и опору общины.

2. *Статутъ острова Брка* (Krk, Veglium, Veglia, Velia, теперешній Cherso) — сборниковъ законовъ, изданныхъ въ различное время (Arkiv. II. 1852). Самые древніе законы принадлежатъ второй половинѣ XIII вѣка. Въ 1388 году брскіе

законы сведены въ одинъ сборникъ, въ который вошли также постановленія князей и вѣчевые приговоры. Со времени присоединенія острова къ Венеціи (въ XV столѣтіи), являются уставы венеціанскаго правительства 1483 и другихъ годовъ. Они также внесены были въ сборникъ крскихъ законовъ, извѣстный теперь подъ именемъ «Статута острова Крка». Онъ представляетъ значительныя отступленія отъ винодолскаго устава. Особенно много измѣненій потерпѣло крское законодательство при венеціанскомъ господствѣ, когда въ Кркѣ введены были нѣкоторые изъ учреждений венеціанскихъ. Публичная жизнь подверглась наибольшимъ вліяніямъ и перемѣнамъ, хотя и здѣсь многое осталось не тронутымъ, напр. устройство вѣча, учрежденіе соковъ, сословныя отношенія и пр.

Такимъ образомъ, по Крскому Статуту, во главѣ управленія стоитъ князь, мѣсто котораго обыкновенно заступалъ княжій намѣстникъ. Власть князя въ Кркѣ получила уже значительный перевѣсъ надъ властью вѣчевой, что показываетъ напр. пздание Статута по распоряженію одного князя, безъ согласія вѣча. Крское вѣче имѣло различный составъ. Иногда оно состояло изъ князя или его намѣстника, судей, вѣчниковъ и добрыхъ мужей; иногда же вмѣсто вѣчниковъ и мужей присутствуютъ на вѣчѣ князь, судьи и присяжники. Последніе имѣли значеніе полиціихъ прокаратуровъ и чешскихъ соковъ; они вчиняли иски въ качествѣ публичныхъ обвинителей и являлись заступниками вдовъ и сиротъ. Крское вѣче до позднѣйшаго времени не теряло народнаго характера старыхъ славянскихъ сходокъ: на вѣчахъ присутствовали иногда и кметы — свободные простолюдины, допускавшіеся къ участию въ общественныхъ дѣлахъ, въ противоположность общинамъ далматскаго Приморья, гдѣ преобладаніе племищъ рано придадо сходкамъ аристократическій характеръ. Много старыхъ славянскихъ учреждений и порядковъ удержалось также въ сферѣ отношеній строгаго юридическихъ. Словомъ, не смотря на значительныя вѣдшія вліянія, Крскій Статутъ принадлежитъ къ числу любопытныхъ памятниковъ, объясняющихъ устройство далматскихъ и хорватскихъ общинъ и содержащихъ много постановленій несомнѣнно славянскаго происхожденія.

3. *Статуты далматскаго Приморья.* Сербы и Хорваты, занявшіе въ VII вѣкѣ Приморье, первоначально зависѣли отъ Византіи. Въ IX столѣтіи Далмація освободилась отъ этой зависимости. Особенно замѣтную роль рано начинаютъ играть свободныя общины Приморья большею частію римскаго происхожденія, каковы Дубровникъ, Трогиръ, Сплитъ и др. Позже, съ наплывомъ славянскихъ элементовъ, старыя римскія муниципіи получаютъ во многомъ характеръ славянскихъ общинъ, — все Приморье слагается изъ свободныхъ общинъ и жупъ, по началу народонравства управлявшихся народными сходками и старшинами. Они подчиняются чуждымъ вліяніямъ, въ особенности со стороны Венеціи, когда стѣсненіе хорватскихъ королей принудило общины Приморья отдаться въ зависимость Венеціи. Съ XII вѣка — эпохи подчиненія Хорватовъ венгерскимъ королямъ — Приморье тѣнуло то къ Венгріи, то къ Венеціи, удерживавшей до новѣйшаго времени преобладающее вліяніе на цѣломъ Приморьѣ. Съ кампоформійскаго трактата Далмація съ другими хорватскими землями вошла въ составъ Австріи на общемъ положеніи австрійскихъ провинцій.

Общины далматскаго Приморья, въ особенности римскаго происхожденія, съ

незапамятныхъ временъ жили по своимъ отдѣльнымъ уставамъ и обычаямъ. Выше мы привели указаніе памятниковъ на древніе статуты г. Арбе, составленные еще въ византійскій періодъ (до IX вѣка). Тоже могло быть и въ другихъ общинахъ. По крайней мѣрѣ, въ началѣ XII вѣка, какъ показываютъ памятники, далматскіе города обладали уже *старыми законами и статутами*, которые постоянно подтверждались правительствомъ тѣхъ государствъ, отъ которыхъ зависѣли общины. Въ первой четверти XII вѣка утверждены древніе статуты и законы *Траги* (Traguria, 1108 и 1124), *Арбе* (Arbun, 1118), *Спалато* (1124 и позже — 1199, 1207, 1388) и пр. См. Кukul Juga I. 26, 28 и т. д. Особенно XIII и XIV вѣка богаты грамотами, дававшимися отдѣльнымъ общинамъ хорватскимъ и далматскимъ на право жить по своимъ законамъ. Въ Juga Кукулевича помѣщены грамоты всѣхъ важнѣйшихъ общинъ — *Varasd* (1209), *Walkow* (въ Славоніи, 1231), *Vergowice* (Vergowitica, 1234), *Petrina* (1240), *Samobor* (Zimobor, 1242), *Cris* (Crisio, 1252 — 53), *Krapina* (1347), *Sibenik* (1357, 1358, 1383, 1390), *Kallaro* (1382), *Brachia* (1390), *Pagum* (1396) и др. Вмѣстѣ съ утвержденіемъ старыхъ уставовъ и законовъ, грамоты опредѣляютъ основныя начала городского устройства, говорятъ о податныхъ льготахъ, общинныхъ выборахъ въ различныя должности, о правахъ по суду и т. д., — начала, развитыя въ подробностяхъ статутowymi законами отдѣльныхъ общинъ.

Древнѣйшіе статуты не дошли до нашего времени. Теперь извѣстны только позднѣйшіе сборники законовъ, большею частію въ видѣ переработанныхъ статутовъ XIII и слѣдующихъ вѣковъ. Одни изъ такихъ сборниковъ обнародованы позже въ печати, другіе составляютъ доселѣ достояніе мѣстныхъ архивовъ или вовсе затеряны, извѣстны по однимъ названіямъ.

Статуты, вошедшіе въ печатные сборники, принадлежатъ слѣдующимъ общинамъ:

а) *Рагосницѣ* (Ragossizza). Ей принадлежитъ, сколько намъ извѣстно, самый древній сборникъ законовъ, сравнительно съ другими дошедшими до насъ сборниками мѣстныхъ далматскихъ законовъ (кромя Статута 1214 г. острова Корчулы, принадлежащаго къ цѣлу дубровницкаго законодательства). Статуты Рагосницѣ собраны въ одну книгу въ 1235 г. Въ печати они изданы въ новое время, — помѣщены въ журн. *Dalmatia* 1845, № 23, подъ заглавіемъ: *Statuti prime leggi in Ragossizza 1235*.

б) *Сибенику* (Sibenik). Какъ видно изъ изслѣдованій Рейца, древній сборникъ статутовъ Сибеника принадлежитъ 1292 г. Другое собраніе законовъ, принадлежащее позднѣйшему времени и сохранившееся до сихъ поръ, отпечатано въ Венеціи, въ 1608 г., подъ заглавіемъ: *Volumen Statutorum, Legum et Reformationum civitatis Sibenici*. Законы начинаются съ 1319 г.

в) *Задру* (Zadar, Jadera). Сборникъ законовъ этой общины — *Statuta Jaderitina cum omnibus Reformationibus* (Venet. 1564) — содержитъ въ себѣ статуты 1305 и 1316 г. съ позднѣйшими реформациями.

д) *Браццѣ* (Brattia, Brachia, Brazza). Эта община имѣла статуты раньше

1305 г., когда они были переработаны и изданы въ новомъ видѣ. Сборникъ 1305 г. отпечатанъ въ Утинѣ въ 1656 г. Въ томъ же году появился въ печати два сборника старыхъ декретовъ и другихъ законовъ (*decreti, terminazioni, privilegi et indulti*) Брацмы. См. выше — источники хорвато-далматскаго законодательства.

е) *Cattaro* (Catharo). Въ дошедшемъ до насъ сборникѣ, отпечатанномъ въ Венеціи 1616 и 1715 г., статуты начинаются съ 1316 г.

ф) *Traw* (Trobir, Tragurium, Trau). Сборникъ законовъ Травы, отпечатанный въ Венеціи 1708 г., раздѣляется на три книги: Статутъ 1322, Законы 1420 и Реформація 1420 — 1581. Мы уже замѣтили, что Трава имѣла старые статуты еще въ началѣ XII вѣка; дошедшій до насъ сборникъ содержитъ позднѣйшіе статуты и законы, переработанные въ XIV — XVI столѣтіяхъ.

г) *Lesina* (Lesina). Статуты принадлежатъ 1331; явились въ печати въ 1643 (въ Венеціи).

б) *Pagu* (Pag, Pagum). Древнѣйшіе статуты относятся къ 1396 г. (печатно изданы въ 1637 г., въ Венеціи).

Кромѣ печатныхъ сборниковъ, изданныхъ большею частію въ XVI — XVIII вѣкахъ, есть еще много другихъ сборниковъ и отдѣльных статутовъ, доселѣ не обнародованныхъ въ печати. Извѣстны, напр., древніе статуты: *Бастаскій, Трсачскій, Позаллскій, Ирѣничскій, Ветриничскій*, составленные на старомъ хорватскомъ языкѣ и хранящіеся въ городскихъ архивахъ (См. *Arkiv I.* 186; *Гласникъ IX.* 129; *Мацѣйовск. Hist. I.* 313). Имѣемъ также указанія на существованіе древнихъ законовъ другихъ общинъ — *Алмиссы, Ноны, Арбе, Поли* и *Спалато* (См. Рейца *Политич. устр.* 8). Петеръ, въ своемъ сочиненіи — *Königreich Dalmatien* (IV. 33), упоминаетъ объ извѣстномъ ему сборникѣ древнихъ законовъ Спалато: *Statuta Spalatinae civitatis edita 1322*. Наконецъ законодательство *Дубровника* остается доселѣ мало доступнымъ для научныхъ изслѣдованій. Кромѣ мѣстныхъ статутовъ *Ластова, Борчулы* и *Малта*, находящихся нынѣ въ печати, да небольшихъ извлеченій изъ старыхъ дубровницкихъ законовъ, помѣщенныхъ въ *Споменицахъ Сръбскихъ Пунча* и въ изслѣдованіяхъ Макушева, статуты и законы Дубровника доселѣ хранятся въ городскомъ архивѣ, безъ всякой возможности подвергнуть ихъ критической обработкѣ въ интересахъ научныхъ.

Источники упоминаютъ о слѣдующихъ памятникахъ дубровницкаго законодательства:

- a) *Liber Statutorum civitatis Rhacusii*, 1272.
- b) *Liber omnium Reformationum*, 1335.
- c) *Liber Legum civitatis Rhacusii dictus Viridis*, 1357.
- d) *Liber Croceus*, 1460.
- e) *Capitulare della Dogana grande* (таможенный уставъ), 1272, 1413.

f) Тетраги *алчи* (особенно прегать).

g) *Diversa Cancellariae*.

h) *Diversa Notariae*.

i) *Testamento Notariae*.

k) Писанія, повели, записи и книги — грамоты и акты *дипломатическіе* сношеній, грамоты *судныя*, *жалованныя*, наконецъ *частныя* записи по различнымъ дѣламъ.

Болѣ подробный обзоръ дубровницкихъ памятниковъ мы сдѣлали въ статьѣ — о государственномъ устройствѣ стараго Дубровника (См. Жур. Мин. Нар. Просв. 1867, декабрь.

ОТДѢЛЪ II.

Изслѣдованіе Винодольскихъ Законовъ.

Исторія составленія Винодольскихъ Законовъ. Общій характеръ ихъ по системѣ и содержанию. I. Государственное устройство по винодольскому уставу: значеніе общинъ и сословій — князей дружины и людей обкинскихъ (племенныхъ людей и кметей); основныя начала устройства винодольскихъ общинъ; общинныя учрежденія — купъ и вича обтинскія, сатники, граштики и бусовиты; князь и княжіе люди — дворянкъ, подкнежинъ и слуги; судоустройство — правда княжая и кметская, епископскій судъ; исполнительныя учрежденія — приставы и пр. II. Гражданское право: значеніе семьи и братчины (ближниковъ, племени, рода); вещное и наследственное право; обязательства. III. Уголовное право: сущность преступленій и наказаній; понятіе виѣненія; система преступленій и наказаній. IV. Процессъ: поклепъ, доказательства (признаніе, акты, свидѣтели простые и поротники, присага, лицо и улики) и приговоръ.

Винодолъ, подъ собственнымъ именемъ, является въ исторіи съ XII вѣка. Впрочемъ, еще при Порфирородномъ, къ числу 14 хорватскихъ жупъ принадлежала отдѣльная жупа Вгебега — позднѣйшій Брибиръ, который во время изданія Винодольскихъ Законовъ составлялъ одну изъ винодольскихъ общинъ. Занимая приморскую часть хорватской земли отъ теперешняго города Fišine до Novi, Винодолъ слагался изъ небольшихъ общинъ, изъ которыхъ каждая имѣла свой градъ и управлялась автономически, по примѣру псковскихъ и новгородскихъ общинъ. Сюда относились: Нови Градъ, Леденице, Брибиръ, Грижане, Дривеникъ, Хрелинъ (Хрилинъ), Бакаръ, Трьсатъ, Гробникъ, Бѣлградъ и Которъ. Въ началѣ XII вѣка Винодолъ, вмѣстѣ съ другими хорватскими землями, подчинился королямъ венгерскимъ. Въ 1185 г., при распредѣленіи епископскихъ округовъ (pagoschia), Винодолъ съ Новымъ Градомъ отчисленъ къ округу епископа Корбавскаго (Juga I. 33). Со второй половины слѣдующаго столѣтія Винодолъ, какъ мы видѣли, поступилъ въ наследственное владѣніе князей Франгепановъ.

До послѣдней четверти XIII вѣка Винодолъ не имѣлъ отдѣльнаго устава, жинъ по «законамъ своихъ отацъ и децъ и всихъ прѣвыхъ». Законъ у всѣхъ южныхъ Славянъ означалъ обычай; у теперешнихъ Сербовъ и Албанцевъ доселѣ удерживается значеніе закона въ смыслѣ обычая (См. Вука Стеф. Караджича Рѣчникъ и Миклошича — Lexicon palacosloven. — graeco-latinum, Vindobonae, 1862 — 65, sub voce «законъ»). Такіе обычай, «старе изкушене законе винодольске», послужили

главной основой устава 1288 г. Мы знаемъ также, что Хорваты, живя по дѣдовскимъ обычаямъ, уже въ X вѣкѣ имѣли книгу или сборникъ общихъ законовъ. Смуты слѣдующаго вѣка могли уничтожить непосредственное дѣйствіе устава; но самыя юридическія правила, развитыя старымъ уставомъ, могли долго удерживаться въ народномъ сознаніи, могли имѣть силу обычаевъ и такимъ образомъ сдѣлаться однимъ изъ главныхъ источниковъ позднѣйшихъ уставовъ, издававшихся въ отдѣльныхъ хорватскихъ земляхъ. Вѣчевыя рѣшенія можно также считать не маловажнымъ источникомъ мѣстныхъ хорватскихъ законовъ. Кромѣ общихъ хорватскихъ соборовъ, законодательная власть усвоилась у Хорватовъ также мѣстнымъ сходкамъ (купамъ, вичамъ) отдѣльныхъ земель и общинъ. Если право издавать законы принадлежало винодольскому купу въ концѣ XIII вѣка, то очевидно тоже право, даже въ большихъ объемахъ, могло существовать гораздо раньше, когда области и общины пользовались почти полной политической самостоятельностью. Винодольскіе Законы упоминаютъ, кромѣ того, о вѣчахъ общинныхъ по отдѣльнымъ городамъ и «инди». На такихъ вѣчахъ получали начало законы градовъ, на которые не рѣдко ссылается винодольскій уставъ (напр. въ § 76 и др.). Эти-то обычаи и законы винодольскихъ общинъ въ концѣ XIII вѣка собраны были въ одинъ уставъ, получили значеніе общихъ законовъ винодольскаго «кнежства».

Перехода къ болѣе подробному обзорѣ Винодольскихъ Законовъ, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній объ исторіи составленія памятника и разсмотримъ его систему и содержаніе.

А. Исторія составленія и система Винодольскихъ Законовъ. Законы Винодольскіе открыты въ Новомъ и изданы А. Мужураничемъ въ загребскомъ журналѣ «Kolo, članci za literaturu, umetnost i narodni život» (III. 1843), откуда перепечатаны Бодянскимъ въ Читеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ (№ 4, 1846). Кромѣ списка Мужуранича, теперь извѣстенъ другой, болѣе исправный списокъ Винодольскихъ Законовъ, открытый въ недавнее время на островѣ Чергао (старомъ Кркѣ. См. Knjizevnik 1865. Rosn IV. 571).

Мажураничъ, руководясь неяснымъ указаніемъ открытаго имъ списка, относитъ изданіе Винодольскихъ Законовъ къ 1280 г. Мацѣйовскій, знакомый съ вновь найденнымъ спискомъ памятника, полагаетъ изданіе его между 1280 и 1288 г. (Hist. I. 313). Ближайшее знакомство съ памятникомъ по новому списку не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что 1288 г. былъ дѣйствительно временемъ изданія Винодольскихъ Законовъ.

Введеніе къ памятнику знакомитъ насъ съ самымъ порядкомъ его составленія. Винодольскіе Законы представляютъ актъ одновременной законодательной дѣятельности народной сходки, купа или скупа. Люди винодольскіе, какъ говорится въ введеніи, желая старые свои законы «схранити на пуни», составили въ 1288 г. въ Новомъ Градѣ купъ изъ церковниковъ и людей мірскихъ, для «здраваго света» о составленіи и списаніи винодольскихъ законовъ. Въ присутствіи князя, сходка для того выбрала, въ качествѣ представителей девяти главныхъ градовъ винодольскихъ, до 40 старѣйшихъ (старіишихъ), наиболѣе свѣдущихъ въ мѣстныхъ законахъ. Къ выборнымъ старщинамъ принадлежали: дворникъ, 9 сатниковъ (по одному

отъ града), 2 судьи, 12 духовныхъ (плованы, провады и попы) и 15 мирскихъ лицъ. Каждый градъ имѣлъ 3 — 6 представителей. Имъ поручено было собрать законы всѣхъ винодолскихъ общинъ и списать ихъ въ одну книгу. Законы, составленные выборными «по волѣ оптинске и единымъ приставленемъ и нареченемъ», утверждены купомъ цѣлаго Винодола. Положено было составить отдельные списки для каждаго винодольскаго града.

Мажураничъ раздѣлилъ весь уставъ на 76 статей. При видимомъ отсутствіи правильной системы въ распредѣленіи статей, можно однакожъ различить въ уставѣ три большія группы постановленій. Въ каждой сведены статьи о предметахъ однородныхъ. Между такими группами, какъ и въ Русской Правдѣ, распредѣлены статьи, по своему содержанію не подходящія ни къ одной изъ трехъ большихъ группъ. Эти группы слѣдующія:

а) *Законы церковные*, ст. 1—5. Нужно замѣтить, что сборники средневѣковыхъ Славянъ по большей части представляютъ своды законовъ церковныхъ и свѣтскихъ. Таковъ Законникъ Душановъ, отчасти Полиційскій Статутъ и другіе памятники. Тоже самое видимъ и въ Винодольскихъ Законахъ: статьи, трактующія о церковныхъ дѣлахъ, обнимаютъ почти седьмую часть устава. Въ первыхъ пяти статьяхъ излагаются правила о порядкѣ взиманія и количествѣ судебныхъ и иныхъ пошлинъ и поборовъ въ пользу епископа съ церквей, монастырей, поповъ и мирскихъ людей. Сюда же относятся пять статей изъ слѣдующихъ группъ: о служебныхъ обязанностяхъ церковниковъ, о монастырскихъ и церковныхъ имуществѣхъ и людяхъ и о тѣхъ церковнаго имущества (ст. 15 — 17, 36, 58).

б) *Законы уголовные*, ст. 6—37: о разбоѣ, убійствѣ, насильствѣ и наѣздахъ, членоврежденіяхъ и личныхъ обидахъ, зажигательствѣ, тѣхъ и портѣ вещей. Подобно Русской Правдѣ, уголовные законы излагаются большею частію виѣстъ съ процессуальными постановленіями. Сюда же относятся четыре статьи изъ третьей группы: объ изнасилованіи, отравленіи, зажигательствѣ и измѣнѣ (56, 59, 62, 72).

в) *Законы по судопроизводству*, ст. 38 — 76: вообще объ искѣ, доказательствахъ и пр.

Статьи смѣшаннаго содержанія заключаютъ постановленія о наслѣдствѣ, братчинѣ, вѣчахъ и пр. (13, 14, 32 — 34, 55, 57, 58).

Винодольскіе Законы представляютъ сводъ постановленій, относящихся главнымъ образомъ къ уголовному праву и процессу. Ихъ можно назвать уставомъ *судебно-административнымъ*, служившимъ для руководства судей и правителей. Въ этомъ случаѣ Винодольскіе Законы вполне сходны съ Русскою Правдою и другими памятниками. Въ нихъ все содержаніе возводится къ суду и администраціи; что не имѣло ближайшей связи съ судомъ, то по большей части держалось въ однихъ обычаяхъ.

Есть и другое сходство Винодольскихъ Законовъ съ Русскою Правдою. Оба памятника имѣли матеріальную свою задачу — опредѣлить пошлины и поборы, въ особенности съ суда, въ пользу князя и княжихъ людей, по Винодольскимъ Законамъ также въ пользу общины или ея старшинъ.

В. *Обзорніе содержанія Винодолскихъ Законовъ.* Они относятся по своему содержанию къ драгоценнымъ памятникамъ славянской старины. Исследователь найдетъ въ нихъ обстоятельную картину юридическаго быта старыхъ Хорватовъ, — картину, въ которой воспроизведенъ народный бытъ той исторической эпохи, когда народъ не успѣлъ еще усвоить себѣ болѣе развитыхъ формъ жизни, дробился на атомистическія части, продолжавшія изстаринную дробную жизнь мелкими союзами — общинами и жупами. Мы изложимъ государственное устройство, гражданское, уголовное право и процессъ, на сколько касается этихъ предметовъ винодолскій уставъ.

I. *Государственное устройство.* Въ Винодолскихъ Законахъ мы изучаемъ бытъ старыхъ славянскихъ жупъ, названныхъ въ Законахъ *обкинами*, *отиннами*. Винодолскія жупы уже потеряли крайности бытовой розни старыхъ славянскихъ жупъ: отины сводятся къ болѣе полному единству, въ формѣ большой общины, носящей названіе *кметства* или *отинны винодолской*. Каждая община имѣла свой градъ съ тянувшими къ нему селами. Общины — союзы съ характеромъ автономическимъ. Винодолскіе Законы и не заботятся о поддержаніи автономіи общинъ; она еще крѣпко держится въ обычаяхъ. Кромѣ законодательной власти, отправляемой народною сходкою, община имѣла огромное вліяніе на всѣ общественныя дѣла; общинныя органы дѣйствуютъ совместно и на ряду съ княземъ (ст. 14, 16, 17 и проч.); иногда община обходится и вовсе безъ князя, особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о внутреннихъ отношеніяхъ общины, напр. въ случаѣ споровъ между «обкинскими» людьми (31, 37, 48). Въ такихъ случаяхъ признавалось въ полной силѣ начало общиннаго самоуправления, — по внутреннимъ дѣламъ общинъ ихъ органы являлись главными дѣятелями, безъ прамого вѣншательства князей. Въ пользу общины идутъ судныя пошлины съ общинныхъ людей, часто безъ всякаго участія въ нихъ со стороны князя. Вообще говоря, внутреннія основы жизни винодолскихъ общинъ коренятся въ старомъ славянскомъ общинномъ бытѣ. Система круговой поруки (вѣнчъ — помогайте!) развита Винодолскими Законами весьма подробно, какъ изстаринный народный обычай. Полная солидарность между отдельными членами общинъ указываетъ на всю внутреннюю крѣпость связей и отношеній, изъ какихъ слагался внутренний бытъ винодолскихъ общинъ (о круговой поруки см. статьи 7 — 9, 23, 24, 29, 31, 50, 62).

Въ составъ винодолскихъ общинъ входятъ *люди обкинскіе* — *кмети*, *орачи* (тоже, что ратаи Русской Правды, старыхъ сербскихъ и польскихъ памятниковъ, — см. Гласникъ XV. 98; Miklos. Mon. 123; Helcel Romniki, 289) и *пастыри*; къ обкинскимъ людямъ относятся также *элементные люди*, *поны*, вообще *люди мірскіе* и *церковники*. Винодолскіе Законы не устанавливаютъ между ними рѣзкихъ различій съ сословнымъ характеромъ: «закоу кметскому» подлежали одинаково всѣ, кто не причислялся къ княжескому двору.

Въ Винодолскихъ Законахъ фигурируютъ только два общественныя разряда, съ болѣе замѣтнымъ сословнымъ характеромъ: *княжая дружина* (обитель) и *люди обкинскіе* (5, 17, 25, 36, 66). Княжіе люди, служабники, пользовались явными гарантиями, люди обкинскіе иными. Различныя порядки наблюдались напр. при

убійствъ, личныхъ обидахъ, татѣбъ и другихъ преступленійхъ, направленныхъ противъ княжихъ людей и кметовъ, людей общинныхъ (29 — 31, 35, 36, 50 и пр.); но не дѣлалось особенныхъ различій между людьми племенными, кметами и другими разрядами. Между послѣдними еще въ полной мѣрѣ господствуетъ идея общиннаго равенства, безъ рѣзкихъ сословныхъ разграниченій.

Племенные люди, подобно кметамъ, составляли собственно фактическій разрядъ, имѣли въ своихъ общинахъ положеніе высшаго класса людей, но не пользовались никакими юридическими преимуществами предъ другими общинными людьми. Племенные люди упоминаются только въ трехъ мѣстахъ (5, 54, 75). Не видно, чтобы съ званіемъ племенныхъ людей соединялись какія либо исключительныя привилегіи; одно вступленіе въ княжіе люди давало племенитому болѣе льготное положеніе въ общинѣ.

Преобладаніе идеи общинной свободы и равенства высказывается по Винодольскимъ Законамъ и въ другомъ отношеніи. Имъ вовсе не извѣстно рабство: о челяди, въ смыслъ рабовъ или зависимыхъ людей, нѣтъ ни слова въ Винодольскихъ Законахъ. *Кметы* составляли классъ вполне свободныхъ людей, — законъ положительно запрещалъ имъ, не только отдаваться въ частную зависимость, но даже вступать подъ обыкновенное покровительство монастыря или частныхъ лицъ (положить се за обарительника. ст. 17). Кметы — общее названіе городскихъ и сельскихъ жителей (орачей и пастырей). Замѣчательно, что въ уставѣ нѣтъ и намека на горожанъ, какъ отдѣльное сословіе: между жителями градовъ и *орачами* и *пастырями*, жившими «вани изъ града» (66), не было никакихъ сословныхъ различій. Подъ общимъ названіемъ кметей, они подлежали одному и тому же кметскому закону, вообще пользовались правами общинскихъ людей.

Внутреннее управленіе и устройство винодольской общины основывается на двойственности учреждений, изъ которыхъ слагалась винодольская *юспода*. Все управленіе цѣлаго Винодола и отдѣльныхъ общинъ строилось на двухъ различныхъ началахъ: *началь общиннаго народоправства*, проявлявшагося въ учрежденіи народныхъ сходокъ и народныхъ старшинъ, и на *началь личномъ*, представителемъ котораго былъ князь и княжіе люди.

Винодольскій *купъ* (вкупъ) — общая народная сходка всѣхъ винодольскихъ общинъ (вспомнимы литовскія купы или копы — учрежденія, вполне однородныя съ винодольскимъ купомъ). Купъ, на который сходились «винодольскіе люди» (народъ) изъ всѣхъ общинъ, имѣлъ значеніе, не только законодательнаго собранія, но и мѣста общиннаго суда, какъ это видно изъ 69-й статьи, говорящей о купѣ въ значеніи судебной сходки. Сходки мѣстныя, по городамъ и «инди», назывались просто *въчами* (вече). Рѣшенія такихъ вѣчъ, обыкновенно собиравшихся по дѣламъ, «ке би пристояде къ обтнини», не имѣли никакой силы, если на нихъ не присутствовалъ «кнезовъ человекъ» (57). Дальнѣйшихъ деталей по устройству сходокъ Винодольскіе Законы не касаются. Впрочемъ, введеніе къ уставу знакомить насъ съ составомъ, если не полнаго купа винодольскаго, то по крайней мѣрѣ его части, которой было поручено собраніе законовъ и составленіе винодольскаго устава. Сходка такая составлялась по выборному началу: въ ея составъ вошли

старейшины, какъ представители отдѣльныхъ винодолскихъ общинъ. Въ устройствѣ винодолскаго кула, какъ и вообще сходокъ у другихъ Славянъ, не имѣло мѣста начало народнаго представительства въ современномъ значеніи этого слова. Всѣ источники говорятъ, что старья сходки Славянъ основывались на непосредственномъ участіи въ нихъ всѣхъ членовъ общинъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ участіе такое имѣло даже обязательный характеръ, если не для всего народа, то для его старшинъ, какъ это было напр. въ Полицѣ, въ которой кнези или катунары (сельскіе старшины) должны были всегда являться на общіе сборы и вѣча Полицы (см. ниже). Можетъ быть, на томъ же началѣ устроился и винодолскій купъ, по всему видно державшійся строго настаринныхъ славянскихъ обычаевъ и порядковъ.

Народные старшины (старіиши) составляли другой органъ народоправства винодолскихъ общинъ. Винодолскіе Законы не ясно говорятъ, какія именно должностныя лица нужно относить къ разряду старшинъ. Изъ отдѣльныхъ статей устава можно впрочемъ съ достовѣрностью заключать, что значеніе народныхъ старшинъ имѣли, главнымъ образомъ, *сатники*, *граштики* и *бусовиты*. Они въ одинаковой мѣрѣ противопоставляются служабникамъ и княжимъ людямъ, какъ учрежденія, отличившіяся отъ нихъ въ особенности тѣмъ, что подлежали «закону и правдѣ кметской», а не правдѣ служабниковъ, т. е. не относились къ должностнымъ лицамъ, непосредственно зависѣвшимъ отъ князя (ст. 25). Въ особенности о сатникахъ можно несомнѣнно говорить, какъ о старшинахъ общинъ: въ такомъ именно значеніи они участвовали на законодательномъ купѣ 1288 г. Эти три должности упоминаются въ уставѣ большею частію вмѣстѣ (напр. въ ст. 25 и 26), изъ чего естественно заключать, что они разсматривались, какъ учрежденія однородныя. Видно также, что должности сатника, граштика и бусовита отправлялись временно, въ теченіи положенныхъ сроковъ, — уставъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ объ «изшествіи ихъ изъ офіція» (26). Труднѣе рѣшить вопросъ о правахъ и обязанностяхъ, соединявшихся съ этими должностями, такъ какъ Винодолскіе Законы даютъ въ этомъ случаѣ очень мало объясненій.

Сатники, какъ и граштики, доселѣ удерживаются въ винодолскихъ городахъ, въ значеніи обыкновенныхъ полицейскихъ чиновниковъ. Въ древнее время сатники несомнѣнно занимали совсѣмъ иное положеніе въ общинной администраціи. Изъ введенія къ Винодолскимъ Законамъ ясно видно, что сатники въ то время значили гораздо больше, чѣмъ простые полицейскіе чиновники. Они участвовали въ законодательномъ купѣ, какъ первые и главныя общинные представители, — въ ряду выборныхъ, перечисленныхъ поименно, они поставлены выше судей, а извѣстно, какъ высоко цѣнилась должность судей у всѣхъ Славянъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ старое время сатники (сѣтники) встрѣчались у большинства славянскихъ племенъ, въ особенности южныхъ, и при томъ всегда въ числѣ главныхъ народныхъ старшинъ (См. Мацѣйов. Hist. II. 69. III, 180; Крстича Разсматриваніе о старинѣ сръб. правама, въ Гласникъ IX. 124). Высокое положеніе сатниковъ у южныхъ Славянъ видно изъ одной грамоты 1254 г., данной жупаномъ Холмскимъ Радославомъ Дубровнику: въ числѣ властей холмскихъ, присутствовавшихъ при составленіи грамоты, упоминается Воиславъ Радошевицъ, сѣтникъ пинотски, который «хмель се за все лудне Радославе» (Miklos. Mon. 45). Въ сказаніи Діоклейскаго

Пресвитера XII вѣка встрѣчаемъ интересное указаніе на бановъ, князей и сатниковъ, какъ на должности, существовавшія въ отдѣльныхъ жупахъ: «*satnike bise nad stolinu* (сотнею) *ljudi da budu receni satnici s bani ruku* (народъ) *suditi*» (Arkiv za pov. jugost I. 20). Здѣсь сатникъ является старшиной надъ сотней (учрежденіе, извѣстное и древнему русскому праву). Есть впрочемъ основаніе ставить сатниковъ (по крайней мѣрѣ винодольскихъ) въ параллель съ нашими старыми *посадниками*, въ особенности псковскими и новгородскими. Кромѣ замѣчательнаго сходства въ самыхъ названіяхъ (сатникъ = посадникъ), винодольскіе сатники и русскіе посадники сходны между собой и въ томъ отношеніи, что въ ряду общинныхъ должностей они играли въ равной мѣрѣ первенствующія роли: Винодольскіе Законы вовсе не упоминаютъ о другихъ народныхъ старшинахъ, которые бы стояли выше сатниковъ.

Значеніе *грашниковъ* и *бусовитовъ* неизвѣстно. Изъ приведенныхъ выше указаній можно только заключать, что они, подобно сатникамъ, зависѣли не отъ князя, но отъ общины, принадлежали къ числу общинныхъ должностей.

Таковы общинныя учрежденія Винодола конца XIII вѣка. Не смотря на всю скудость данныхъ, объясняющихъ ихъ устройство, нельзя не замѣтить большаго сходства и сродства между ними и общинными учрежденіями старыхъ русскихъ уставовъ (Псковской судной грамоты въ особенности): внутреннее устройство винодольской общины во многомъ напоминаетъ старый Новгородъ и Псковъ, съ ихъ развитой системой народоправства, съ ихъ вѣчами, посадниками и другими народными старшинами.

Не меньше сходства найдемъ также въ положеніи *князя* и *княжить людей* въ Винодолѣ и нашихъ сѣверныхъ общинахъ (Новгородъ и Псковъ). Хотя винодольскій уставъ далеко не исчертываетъ этого вопроса, но и того, что въ немъ говорится о князѣ, достаточно для уясненія его отношеній къ общинѣ винодольской.

Князь винодольскій — не столько государь, сколько старшина, въ лицѣ своемъ объединявшій отдѣльныя общины. Онъ на каждомъ шагѣ сталкивается съ сильной общиной, съ ея сходкой и старшинами. Князь присутствует на купѣ; но главная роль принадлежитъ здѣсь цѣлой общинѣ, людямъ винодольскимъ. Главную дѣятельность винодольскаго князя составляли разъѣзды по общинамъ, для производства суда, въ особенности по преступленіямъ (напр. разбою и пр.), имѣвшимъ мѣсто главнымъ образомъ между членами различныхъ общинъ (См. ниже). Вообще винодольскіе князья на дѣлѣ сходны съ князьями новгородскими, полпцкими или дубровницкими. Вліяніе князя на главнѣйшія общинныя дѣла весьма слабо; преобладаніе до значительной степени остается за общиной, народомъ. Но въ положеніи винодольскихъ князей есть одна сторона, съ которой они существенно разнятся отъ народныхъ князей: въ Винодолѣ князь выделялся изъ ряда другихъ общинныхъ учрежденій, какъ отдѣльная власть, пользовавшаяся по крайней мѣрѣ *de jure* самостоятельнымъ положеніемъ. Франгепаны получили въ 1260 г. наследственную власть на Винодолъ, съ правомъ «*tenendi et possidendi*», какъ прежде владѣли Винодоломъ короли Венгерскіе. Въ случаѣ смерти какаго либо князя безъ прямыхъ наследниковъ,

право владѣнія Винодоломъ переходить къ другимъ родственникамъ изъ фамиліи франгепановъ (Juga. I. 71). *Jus regennis* винодолскихъ князей составляетъ капитальное различіе ихъ отъ выборныхъ князей новгородскихъ и другихъ, вполне зависѣвшихъ отъ своихъ общинъ.

Княжіе люди, служабники, находились въ непосредственной зависимости отъ князя. Изъ нихъ составлялся *княжъ дворъ* (или просто дворъ), *обитель* — дружина, всегда сопутствующая князю въ его разъѣздахъ по общинамъ. Винодолскіе Законы говорятъ о дворникахъ, слугахъ и другихъ княжихъ людяхъ, не опредѣляя точно и подробно ихъ служебныхъ правъ и обязанностей.

Значеніе *дворника*, называющагося «дворникомъ всего Винодола», видно изъ самаго названія. Дворникъ соответствуетъ палатину (*palatinus*), означаетъ главу княжатаго двора. Винодолскій дворникъ равнозначителенъ съ *dvornik*’омъ сеньскимъ, двордръжницею, дворскимъ приставомъ или просто дворскимъ сербскихъ памятниковъ (Miklos. Моп. 178, 189, 202 и пр.).

Княжіе люди, входившіе въ составъ двора, носили общее названіе *служабниковъ*, *слугъ*, *дворскихъ официаловъ* или просто *княжскихъ людей*. Они состояли при дворѣ, для личныхъ услугъ князю, для исполненія его порученій по суду и пр. Такое же значеніе имѣютъ *перманы*, которыхъ можно сравнивать напр. съ княжими отроками и дѣтскими Русской Правды.

Изъ княжихъ людей избирались княземъ также *подкнежны* — княжіе наместники въ отдѣльныхъ общинахъ, какъ это видно изъ позднѣйшихъ винодолскихъ грамотъ (См. Винод. Зак. въ Чтеніяхъ, стр. 40). Къ нимъ то нужно относить требованіе Винодолскихъ Законовъ, чтобы на обтинскомъ вѣчѣ всегда присутствовалъ княжій человекъ, въ значеніи представителя князя, блюстителя его интересовъ.

Двойственность администраціи общинной и княжей представляетъ полнѣйшую аналогію съ такимъ же явленіемъ въ устройствѣ нашихъ свободныхъ общинъ. И у насъ, и въ Винодолѣ, община и ея непосредственные органы, вѣча и старшины, заслоняли собой значеніе князя и княжихъ людей; но при всемъ томъ князь являлся уже отдѣльной властью, въ Винодолѣ даже наследственной, конкурировавшей съ властью общины. Винодолскій князь стоитъ выше народныхъ князей старыхъ Славянъ; въ немъ высказывается, по крайней мѣрѣ въ идеѣ, глава государства, позднѣйшій русскій князь, смѣнявшійся московскимъ царемъ.

Слѣды подобной же двойственности началъ замѣчаются въ *судоустройствѣ*. Винодолскіе Законы строго различаютъ «правду» кметскую (общинную) отъ правды дворской (княжей), принимая вообще за правило, что одни винодолскіе люди судятся правдою и закономъ кметскимъ, другіе закономъ служабниковъ. Винодолскій уставъ признаетъ двѣ главныя формы суда: судъ или *правду княжью* и правду общинную или *кметскую*, допуская епископскій судъ въ значеніи особаго при суда (для дѣлъ церковныхъ).

Винодолскіе Законы очень часто говорятъ о *судебной власти князя*. Указанія на нее даетъ напр. 30-я статья (остани ва осуду оном, в ком га *кнезъ дотѣ*

осудити) и др. Дворъ — главное мѣсто княжого суда. Судебныя дѣла (пра, тужба), требовавшія разбирательства князя, производились «предъ дворомъ», въ княжей палатѣ, «на полачи» (вспоминитъ сѣни у князя — мѣсто княжого суда по Псков. судн. грам.), или въ другомъ мѣстѣ, особенно во время княжихъ разъѣздовъ по общинамъ (ст. 9, 22, 23, 47, 60 и пр.). Суду князя подлежали прежде всего служанники, *люди княжіе*, бывшіе въ непосредственной зависимости отъ князя. Князю принадлежало право мести (матене) за убійство и обиды, наносимыя княжимъ людямъ; онъ вообще былъ непосредственнымъ ихъ судьей (ст. 29, 30, 35). Князю подсудны были также особенно *важныя преступленія* — измѣна, поджегъ, разбой и пр., по которымъ съ извѣстными ограниченіями подлежали княжему суду люди племенные, церковники, кметы и иные винодольскіе люди (ст. 6, 7, 9, 12, 56, 62, 70, 76). Ограниченіе княжого суда высказывалось, главнымъ образомъ, въ различіи подсудности преступленій, смотря по мѣсту ихъ совершенія. За татьбу или зажитательство хлѣба въ полѣ, вообще за преступленія *въ града* или общины, пеня всегда назначалась въ пользу князя, т. е. другими словами, по такимъ преступленіямъ князь являлся главнымъ компетентнымъ судьей (ст. 8, 11); но тѣ же самыя преступленія, учиненныя въ градѣ, подлежали суду общинныхъ органовъ (14, 31, 37). Винодольскими Законами вполнѣ извѣстны основныя начала древняго славянскаго суда, — начала, въ силу которыхъ общины, по внутреннимъ своимъ дѣламъ, пользовались правомъ самосуда, предоставляя князьямъ судебную дѣятельность во внѣшнихъ отношеніяхъ общинъ, въ особенности при всякихъ столкновеніяхъ и спорахъ между членами различныхъ общинъ (когда настояла надобность въ посредничествѣ равно обязательной для всѣхъ власти князя). Судебное посредничество князя могло имѣть мѣсто и въ другихъ случаяхъ, когда судъ общины оказывался неудовлетворительнымъ. Судъ князя получалъ тогда значеніе высшей апелляціонной инстанціи (какъ увидимъ, такое значеніе и дается ему въ уставѣ загребскомъ). — Княжій судъ производился, не только лично самымъ княземъ, но и людьми княжими, по «заповиди» князя (40, 61).

Судъ общинный, какъ ясно видно изъ Винодольскихъ Законовъ, былъ самостоятельнымъ учрежденіемъ. Указаніе на него даютъ статьи, говорящія о судѣ «предъ дворомъ и *инди*» (38, 51), о судебномъ *купѣ* (69), также о пеняхъ исключительно въ пользу общины (14, 31, 37, 48, 58). Главными органами *правды кметской* были *куны*. Для суда они собирались на «мѣсту обычайномъ», въ особенности гдѣ обыкновенно производилась рота (присяга) по дѣламъ судебнымъ. На судебныхъ купяхъ, какъ и на всякихъ «обтискихъ вѣчахъ», всегда присутствовалъ дворскій человекъ (69. Ср. 57). Для суда въ общинахъ назначались въ особенности *судцы* (судацы), бывшіе въ числѣ общинныхъ выборныхъ на законодательномъ вѣчѣ 1288 г. (отъ града Хрилина — Живина судацъ, изъ Църсата — Доминикъ судацъ). *Сатники* также упоминаются въ числѣ учреждений, имѣвшихъ участіе въ общинной администраціи и судѣ (61).

Наконецъ, намъ кажется, Винодольскіе Законы даютъ указаніе на *присяжные судей* — «ротниковъ», производившихъ судъ предъ дворомъ, а можетъ быть, и на судебныхъ сходкахъ, какъ это было въ Дубровникѣ издавна. Дѣло въ томъ, что въ Винодолѣ позовники, т. е. лица, специально производившія позовъ, раздѣлялись

на простых и присяжных (65, 73): первые позывали предъ обыкновенныхъ судей, вторые — предъ присяжныхъ. Объ этихъ-то послѣднихъ и говорить ст. 63: «И оште позовници имаю бити ротени и такое кмети имаю се позивати од всякога предъ дворомъ *предъ ротника*». Впрочемъ, зная испорченность списка устава (по изданію Мажуранича), мы не можемъ считать своего положенія несомнѣнно вѣрнымъ. Очень можетъ быть, выраженіе «предъ ротника» принадлежитъ къ числу испорченныхъ мѣстъ устава. Измѣнивъ это выраженіе въ другое, именно «*чрезъ ротника*» (черезъ ротника), мы дадимъ приведенной статьѣ иной смыслъ, далекій отъ указаній на присяжныхъ судей. Кстати, замѣтимъ здѣсь, что Мацѣйовскій, въ переводѣ своемъ Винодолскихъ Законовъ (Hist. VI. 340), говоря, что «*kmiecie wzywaja sie na dwór przed przysięznika*», совершенно произвольно объясняетъ значеніе послѣдняго, какъ урядника, «*którego przysięgam i kieruje*». Ни въ Винодолѣ, ни у другихъ Славянъ, сколько намъ извѣстно, никогда не было отдѣльных чиновниковъ, специально назначавшихся для заведыванія присягами — дѣла, производившагося обыкновенными исполнительными лицами, напр. приставами, дѣтскими (по Русской Правдѣ) и пр. Ротниковъ, упоминающихся въ 73 статьѣ Винодолскихъ Законовъ, можно объяснить въ двоякомъ смыслѣ: какъ присяжныхъ судей и какъ «ротенныхъ» позовниковъ. Мы больше склоняемся въ пользу перваго объясненія. Общій строй винодолскихъ градовъ, удерживавшихъ всѣ существенныя принадлежности старославянской общинной жизни, вполне допускалъ существованіе въ Винодолѣ суда присяжныхъ — института глубокой старины, когда-то составившаго общую принадлежность всѣхъ Славянъ и очень долго удерживавшагося у большинства южныхъ племенъ въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ.

О *епископскомъ судѣ* упоминается только мимоходомъ (ст. 3). Ему подлежатъ «попы и жакны» (діаконы), — ихъ *дуи* или *зрешене* (собственно церковныя преступленія) судятся епископомъ, имѣющимъ право на взиманіе съ нихъ судебныхъ пеней (осу). Нужно замѣтить, что въ Винодолѣ духовенство не такъ рѣзко отдѣлялось отъ другихъ общественныхъ разрядовъ, какъ это было напр. у Сербовъ и другихъ Славянъ. Церковники допускались къ участию въ общественныхъ дѣлахъ, могли являться на народныя сходки, подлежали общественнымъ повинностямъ, напр. обязаны были отправлять сторожевую повинность (15) и пр. Съ другой стороны, община и князь значительно ограничивали церковную юрисдикцію. По Винодолскимъ Законамъ, безъ воли общины и князя «ни един жакан не море приети стих реди кнежтва» (должности священника); за нарушеніе своихъ служебныхъ обязанностей (т. е. если не служить ежедневно «машу и свете други офинѣи»), погъ подлежитъ пени въ пользу общины и князя (о епископѣ нѣтъ ни слова), да и вообще люди церковные подлежатъ «правдѣ» князя, на равнѣ съ людьми племенитыми, кметями и другими винодолскими людьми (См. 16, 58, 75).

Къ *исполнительнымъ должностямъ* по суду и администраціи относились: *приставы*, *парманы*, *слухи*, *послы*, *арсалы* (послы отъ двора) и *позовники*. Подобно отрокамъ, дѣтскимъ и другимъ сходнымъ учрежденіямъ Русской Правды, они состояли при князѣ и другихъ должностныхъ лицахъ, для исполненія различныхъ судебныхъ дѣйствій и другихъ порученій (5, 19, 30, 48 — 51, 53, 65 и пр.).

Винодолскимъ Законамъ извѣстно наконецъ учрежденіе, сходное съ чешскими

соками и ябедниками Правды. Имъ дается характеръ судебный и вѣсть фискальный. Соки не только разыскивали пропажу и преслѣдовали частныя преступленія, въ качествѣ публичныхъ обвинителей, но и открывали злоупотребленія по службѣ, въ особенности тамъ, гдѣ дѣла касались княжнихъ доходовъ и имущества. За «остаченье» они получали особенную плату (цпну или лкуф), но съ тѣмъ, чтобы остаченье было доказано; иначе клеветнику грозитъ та же пеня, которой подвергся бы обвиненный при дѣйствительности поклена (45, 46, 60).

II. *Гражданское право.* Винодольскіе Законы даютъ нѣсколько очень интересныхъ указаній на отношенія семейныя, имущественныя, наследственныя, также на обязательства. Вездѣ мы найдемъ учрежденія и порядки глубокой древности, во многомъ объясняющіе юридическій бытъ Славянъ. Мы приведемъ главнѣйшія изъ такихъ указаній.

Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на различіе, ясно представляющееся въ Винодольскихъ Законахъ между простой *семеѣй* и *семеѣйной общиной*, сходной съ сербской задругой и полицкой вервью, дружиной. Семья противопоставляется *ближнимъ, роду, племени, братчинѣ*. Отецъ съ своими *реди*, собственно наследниками, составляютъ семью въ тѣсномъ смыслѣ, *обителѣ* (обителю называлась и княжняя дружина). Отецъ, сынъ, братья и другія лица могутъ также жить въ болѣе обширномъ союзѣ, — подъ общимъ титуломъ братчины, рода, племени или ближиковъ, могутъ сообща владѣть *зборомъ* — общимъ семейнымъ имуществомъ, или стоять *«всакъ по себи»*, раздѣлиться «мею собомъ». До раздѣла удерживается между членами полная солидарность, — начало круговой поруки было главной основой союза ближиковъ. Ближники, племя, родъ винодольскаго устава, подобно верви Правды и Полицкаго Статута, играютъ главную роль въ ученіи о дикой вирѣ (вражбѣ Винодольскихъ Законовъ): обязанность платить дикую виру лежитъ прежде всего на ближикахъ преступника (если онъ уклоняется отъ наказанія). Наша вервь и винодольскіе ближники — въ этомъ случаѣ тождественныя учрежденія (13; 31, 29, 62, 67).

По *вещному праву* встрѣчаемъ только нѣсколько указаній. *Ричъ, блаю* — общее названіе имущества. Винодольскимъ Закономъ извѣстно имущество движимое и недвижимое (*иблие* и *неиблие*, собственно *имине*, т. е. земли, виноградники, кучи и другая недвижимость), благопріобрѣтенное и наследственное, въ особенности *блаю очино* и *материно*. Благо можетъ состоять на правѣ полной собственности и простаго владѣнія; *свое*, иногда и *пошишюна*, означало имущество, состоявшее на правѣ полной собственности; но подъ *пошишюномъ* иногда разумѣется и имущество, бывшее въ простомъ пользованіи (по залогу и пр.). Имущество общее, *зборъ*, противопоставляется частному. Упоминаются также вещи княжін, церковныя, племенныехъ людей, кметей и проч. Изъ способовъ пріобрѣтенія правъ на вещи извѣстны находка и договоры (завези). Вещныя права строго охраняются закономъ отъ нарушеній; безъ суда нельзя брать насильно чужой вещи, но «пошишюна та слободно и мирно *уживай* тсре *държи*». Ученіе о правахъ на вещи вообще коренится въ старыхъ обычаяхъ (14, 32, 45, 51, 55, 76 и пр.).

Наследственное право имѣетъ строгій семейный характеръ. Право «аредитати»

усвоится «дицаѣ», прежде всего сыновьямъ, а если ихъ нѣтъ, то дочерямъ. Этими лицами и ограничивался кругъ *реди* (наслѣдниковъ), прямо отличающихся отъ ближиковъ и племени: если вовсе нѣтъ реди, имущество считается выморочнымъ (*омастно*), отходить къ князю, какъ и по Русской Правдѣ. Изъ винодольскаго устава видно также, что въ его время благо могло быть *за душу суюно*, что указываетъ по крайней мѣрѣ на зародышъ завѣщательнаго порядка наслѣдованія имущества (31 — 37, 76).

Изложенный порядокъ наслѣдованія имущества, очевидно, имѣлъ силу только въ такомъ случаѣ, когда «стое всак по себи и раздѣленіе есу мею собом». Задружная жизнь, какъ она развилась у Хорватовъ, Сербовъ и другихъ Славянъ, условливала иные порядки въ отношеніяхъ имущественныхъ и наслѣдственныхъ. «По закону въкожизныхъ боговъ, будета имъ оба въ *одно власти*, чи се *раздѣлимъ ровну мѣру*», — основной законъ задружной жизни Славянъ, такъ жѣтко формулированный чешскимъ сказаніемъ о судѣ Любуши. Въ задругѣ собственно нѣтъ мѣста наслѣдственному праву. Раздѣлъ задруги — первый моментъ, съ котораго начиналось для расходившихся членовъ задруги дѣйствіе наслѣдственного права на общемъ основаніи. На этотъ-то моментъ указываютъ Винодольскіе Законы, говоря о братчинѣ, которая «дѣли сборъ мею собу, държана е дати десетину на пуни» (13). Сборъ, общее имущество братчины, дѣлится между ея наличными членами, при чемъ на нихъ лежитъ обязанность выдѣлить десятину, десятую часть имущества, вѣроятно — въ пользу церкви, а можетъ, и государства (десятина въ Полицѣ принадлежала къ числу государственныхъ доходовъ; тоже могло быть и въ Винодолѣ). Нѣтъ прямыхъ указаній на отношеніе къ сбору (при его раздѣлѣ) ближиковъ, вышедшихъ изъ союза, стоящихъ «всак по себи». Изъ самаго существа дѣла вытекало воззрѣніе на нихъ, какъ на лицъ *чужихъ* въ отношеніи къ союзу, изъ котораго они вышли, — право на участіе въ сборѣ ограничивалось только *наличными* членами союза, состоявшими въ немъ въ моментъ его раздѣла. Въ свою очередь, братчина и отдѣльные ея члены, ближики, не имѣли никакого дѣла къ имуществу лица, вышедшаго изъ союза, не причислялись къ числу его реди, такъ что, если не было у него дѣтей, то по его смерти имущество становилось выморочнымъ, по Винодольскимъ Законамъ отходило не къ ближикамъ, но къ князю. Изложенныя начала въ старое время имѣли силу у всѣхъ Славянъ, а у южныхъ удерживаются доселѣ безъ особенно важныхъ измѣненій (См. Bogisic Pravní običaji, стр. 162 и слѣд.).

Ученіе объ *обязательствахъ* не развито Винодольскими Законами во всѣхъ его деталяхъ. Объ обязательствахъ личныхъ нѣтъ ни слова, — уставъ трактуетъ только объ отношеніяхъ, возникающихъ изъ договоровъ по имуществу, именно о *купалѣ* — *продажѣ*, *бареніи* и такъ называемомъ *дулѣ*. Въ понятіе послѣдняго входятъ ссуда и заемъ вещей и денегъ, съ залогомъ и безъ него: въ послѣднемъ случаѣ дугъ называется *кърденче* (отъ итальянскаго *credenza*). Предметомъ договоровъ можетъ быть ричъ (собственно имущество движимое, вещь, *res*) и имѣне — земля, виноградникъ, куча и другіе виды имущества, принадлежащихъ хозяину на правѣ пошніиона. Право вступать въ обязательства предоставлялось двору, дворянскимъ людямъ и всѣмъ людямъ обикнскимъ. Главнымъ условіемъ дѣйствительности

договоры было совершение ихъ въ присутствіи «сведомовъ» (да то и было предъ ними сведоки то и учинено); не видно, чтобы требовалось еще совершение ихъ на письмѣ, — упоминаются одни «квадрыи» — торговыя книги, принимавшіяся за доказательство въ спорахъ между торговцами. Впрочемъ, и свидѣтели требуются только при большой цѣнности договоровъ (свыше 10 или 20 солидовъ); по малымъ дѣламъ допускались договоры и безъ свидѣтелей. Въ случаѣ споровъ по нимъ, дѣло рѣшалось по присягѣ истца. Касательно взысканій по обязательствамъ встрѣчаемъ правило, запрещающее искать судебнымъ путемъ долги съ дворскихъ людей раньше года со времени «изсхаста с тога оѣнція» (42—44 63 76).

III. *Право уголовное.* Оно развито въ Винодольскихъ Законахъ гораздо полнѣе и отчетливѣе другихъ отраслей права. И здѣсь, правда, встрѣчаемъ не рѣдко одни намеки на институты, коренившіеся въ обычаяхъ и мало затронутые законодательствомъ; но за то есть пропасть вполне развитыхъ установленій, принадлежащихъ самой глубокой древности. Исследователь найдетъ въ этомъ случаѣ огромное сходство между винодольскимъ уставомъ и напр. Русской Правдой или другими старославянскими уставами, — сходство, которое нужно считать не дѣломъ простаго случая, но результатомъ правильного развитія однихъ и тѣхъ-же общеплеменныхъ порядковъ и обычаевъ.

1. *Преступленіе*, по ученію Винодольскихъ Законовъ, не вполне еще утратило частный характеръ. Въ понятіе преступленія входитъ прежде всего *школа* или *худоба* — дѣйствіе, соединенное съ матеріальнымъ вредомъ для отдѣльных лицъ; *кривина* — неправда прежде всего противъ правъ лица и потомъ уже общества. Винодольскіе Законы трактуютъ, въ большинствѣ своихъ статей, только о преступленіяхъ противъ правъ личныхъ и имущественныхъ; ученіе о преступленіяхъ государственныхъ почти только въ зародышѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы Винодольскіе Законы рассматривали преступленіе исключительно съ частной точки зрѣнія: имъ уже извѣстна внутренняя преступность дѣйствій, идущихъ въ разрѣзъ съ нравственными началами, — дѣйствій, въ особенности характеризующихъ названіемъ *зрешени*, *дуг*, *крих*. Въ разбоѣ или дѣйствіяхъ «предавацевъ» (измѣнниковъ) Законы видятъ *зло* (зло творене или створене) — правонарушеніе, вредное какъ для цѣлаго общества, такъ и для отдѣльных лицъ (7, 21. 24. 41. 56. 60. 66).

Подобно тому, какъ преступленіе не получило еще строгаго юридическаго понятія, опредѣлялось по отдѣльнымъ, болѣе вѣшнымъ, нежели внутреннимъ, признакамъ, такъ и понятіе о преступникѣ и *уголовномъ виновникѣ* не сложилось еще въ строго опредѣленную и законченную формулу. Подъ преступникомъ разумѣется *шкодникъ* (шкодникъ), *кривацъ*, *сазрешени*, *злотоорцъ* или *злочинацъ* — терминъ, соответствующіе названіямъ самаго преступленія. Шкоднику вѣнялось преступленіе, школа, по нѣсколькимъ началамъ, составлявшимъ по крайней мѣрѣ въ зародышахъ ученіе Винодольскихъ Законовъ объ уголовномъ виновникѣ. Злой умыселъ упоминается только мимоходомъ (27, 64). *Зла воля* шкодника мало принималась во вниманіе при опредѣленіи наказуемости его школы, — въ винодольскомъ уставѣ нѣтъ ни одной статьи, въ которой сколько нибудь опредѣленно говорилось бы о разлічїи между преступнымъ дѣйствіемъ случайнымъ (безъ злаго умысла) и преступленіемъ,

совершеннымъ въ злой волѣ. Подобно Русской Правдѣ, винодольскій уставъ принималъ главными моментами наказуемости и вѣнченія преступленій, не столько внутренніе, сколько внѣшніе ихъ признаки. Такимъ образомъ, уставъ довольно категорически рѣшаетъ вопросъ о преступленіяхъ, учиненныхъ *върво* и *вете*, облагая преступленія повторенныя болѣе тяжкими наказаніями, сравнительно съ преступленіями, учиненными впервые (59, 62). Не дѣлается различія между взрослыми и малолѣтними шкодникомъ, между главнымъ зачинщикомъ и простыми участниками (62). Съ другой стороны, винодольскому уставу извѣстно, по крайней мѣрѣ отчасти, ученіе о состояніи *необходимой обороны*: убійство разбойника или татя на шкодѣ оставалось безнаказаннымъ, если онъ сопротивлялся, не отявлялся добровольно въ руки настигшихъ его на преступленіи (71). Преступленіе опредѣлялось также, смотря по характеру и свойству *нарушенныхъ правъ и интересовъ*, какъ и по общественному положенію въ особенности обиженнаго (25, 29 — 31, 25 и пр.). Есть и другія различія, напр. между преступленіями *ночными* и *дневными*, учиняемыми на полѣ или въ градѣ, — между преступленіемъ съ *кличемъ* (о помощи, со стороны обиженнаго) или безъ него. Наконецъ, отвѣтственность по преступленіямъ падала, не только на самого виновнаго, но въ некоторыхъ случаяхъ и на *стороннихъ*: ближнихъ и община, въ силу круговой поруки, несли повинность платежа пеней, въ особенности при уклоненіи преступника отъ наказанія (напр. 29, 31). Всѣ такія явленія, въ болѣе или меньшій степени, повторяются въ другихъ старославянскихъ уставахъ, не достигшихъ, вообще говоря, до полного развитія ученія объ уголовномъ вѣнченіи.

Въ ученіи о преступленіяхъ противъ личныхъ и имущественныхъ правъ, исчерпывающихъ по Русской Правдѣ всю область уголовного права, винодольскій уставъ не многимъ отличается отъ этого памятника. Убійство, разбой, членоврежденія, побои и другія личныя обиды, татьба и порча чужихъ вещей — преступленія, развитыя винодольскимъ уставомъ рѣшительно въ духѣ Русской Правды. Къ новымъ явленіямъ, не извѣстнымъ послѣдней, относятся: измѣна, преступленія по должности, лжесвидѣтельство, изнасилованіе женщинъ, отравленіе и наконецъ преступленія церковныя.

а) *Убійство* (убойство). Винодольскій уставъ опредѣляетъ сущность этого института въ духѣ Правды, различаетъ убійство княжнихъ людей и кметовъ, — людей, подлежащихъ правдѣ и закону кметскому, съ установленіемъ различныхъ наказаній за тѣхъ или другихъ. Статѣй Правды: «аще оубьютъ татя на своемъ дворѣ», вполнѣ соответствуетъ статья Винодольскихъ Законовъ: «оште ако разбойника звърху мое шкоди нанду въ ноти» (71). Правда и Законы не подвергаютъ никакой отвѣтственности убійство по нуждѣ, напр. при поимкѣ и сопротивленіи татей и разбойниковъ. По словамъ Винодольскихъ Законовъ, если я найду разбойника на моей шкодѣ въ то время, когда «мне школу чинеть», и не могу взять его живьемъ, или его не знаю (чтобъ можно было послѣ звать его на судъ) и убью его, то ни въ какомъ случаѣ не подлежу за то суду (у виедвой рачи ни мам се осудити) и никто не можетъ выступить противъ меня (съ обвиненіемъ). Вражда винодольская вполнѣ соответствуетъ дикой вирѣ Правды, какъ и осудъ — простой вирѣ. Въ ученіи о наказаніяхъ мы скажемъ подробнѣе о сущности вражды и осуди.

Особые виды убійства составляютъ отравленіе и разбой.

а) *Тварници* (отравители), пойманные въ первый разъ на злодѣяніи, подлежатъ ответственности на равнѣ съ простыми убійцами. При вторичномъ обвиненіи они выдаются князю на потокъ, — «гди кнез ю каштиган по нега воли» (59).

б) *Разбой* (рубани, иногда сила) отличается отъ убійства, какъ преступное дѣйствіе, нарушавшее личныя и имущественныя права, совмѣщавшее въ себѣ убійство и грабежъ, или отнятіе чужаго имущества. Разбой можетъ быть произведенъ «на пути и инди», безразлично называется рубани и сила. Иногда впрочемъ рубани и сила имѣютъ значеніе двухъ различныхъ институтовъ — собственно разбоя (рубани) и грабежа (сила). Въ такомъ значеніи говорится о нихъ въ 66-й статьѣ о свидѣтельскихъ показаніяхъ орочей и пастырей, допускаемыхъ въ свидѣтели «тако в рубани, тако въ силахъ». Значеніе силы объясняется въ особенности закономъ о личбѣ (*vadum*), имѣвшей мѣсто и при силѣ (39): личба допускалась только въ вещныхъ искахъ, когда какимъ либо образомъ — грабежемъ или иначе — нарушены имущественныя права отдѣльныхъ лицъ, — при убійствѣ и разбоѣ имѣли мѣсто другія процессуальныя дѣйствія (о рубани и силѣ см. 11, 39, 66, 71).

в) *Членоврежденія и личныя обиды* (уражене, ранене, біене, бранене, стучене и пр.). Винодольскіе Законы различаютъ, подобно Правдѣ, поврежденіе членовъ (ники уд усикал или схабил тако, да би од того не могал прати на прьво здраве), нанесеніе ранъ, побоевъ и толчковъ (стучене) отъ простой брани (бранене, псость езика) и другихъ обидъ. Подобно убійству, членоврежденія и обиды различаются, смотря по общественному положенію обиженного. Напр., за уражене княжихъ людей положенъ потокъ, за другія обиды — 50 либръ общественной пени съ частною подувирой; напротивъ, за обиды кметей платится только 2 либра. Усиленные пени назначены также за обиды, наносимыя женщинамъ. Извасилованіе, по количеству пени, уравнивается съ убійствомъ, сверженіе ховерлицы (женскаго головнаго убора) мужчиной — съ разбоемъ. Обиды послѣдняго рода между одними женщинами наказываются обыкновенной пеней (18, 25, 27, 28, 30, 56).

Изъ преступленій противъ имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ упоминаются татьба, грабежъ, зажигательство и порча чужихъ вещей.

а) *Татьба* (татба). Винодольскіе Законы различаютъ татьбу, смотря по времени и мѣсту ея совершенія, также по состоянію обиженного.

Большой татьбой считается татьба, учиненная «в ноти», — татьба дневная наказывалась меньшими пенями. Съ дневной татьбой уравнивается впрочемъ и ночная, если, при открытіи татя на преступленіи или вообще при открытіи школы, не слѣланъ былъ кличъ (помагайте). Тать «клицанный» равнозначителенъ съ татемъ приличнымъ или лицованнымъ другихъ старославянскихъ законодательствъ (о татьбѣ дневной и ночной, съ кличемъ и безъ него, см. 7 и 8).

Различается, далѣе, татьба «в граду», въ особенности татьба градскаго «храма», отъ татьбы въ пристанищѣ (пристани) винодольскомъ, на полѣ и вообще внѣ града (украл в осіку ники скот, воля на гумну жито, воля ва улицы, в жести, гди се схраняю пчеле, мед). Градская татьба (кромя храма) считается малой татьбой и

оплачивается одинаковой пеней, будет ли она учинена днем или ночью, съ ключем или безъ ключа; пенья съ градской татьбы идетъ общинѣ. Татьба виѣ града относилась къ роду большой татьбы, особенно если учинена ночью и былъ при ней ключъ о помощи, — пенья съ такой татьбы идетъ князю. Тать градскаго храма рѣшительно напоминаетъ «храмъ каго» или «храмскаго татя» Псковской судной грамоты: въ винодольскомъ и псковскомъ уставѣ разумѣется здѣсь одинъ и тотъ же институтъ кражи, совершенной въ храмѣ — мѣстѣ храненія общинной казны (7, 8, 11, 37).

По принадлежности воровскихъ вещей, винодольскій уставъ различаетъ татьбу вещей, принадлежащихъ князю, двору и вообще службникамъ, отъ татьбы кметской. За послѣднюю назначается «школа дупла» (двойное вознагражденіе противъ стоимости вещей коронскихъ); татьба вещей княжнихъ и дворянскихъ оплачивается всею рою. Съ кражей дворянской сравнена кража вещей церковныхъ и монастырскихъ (35, 36, 50).

б) *Грабежъ* (сила). Сюда относятся отнятіе и насильное завладѣніе чужой вещью. Грабежъ наказывается на равнѣ съ татьбой (7, 71). Какъ мы видѣли, подѣ силой разумѣется иногда и разбой. Она употребляется также въ значеніи чешскаго *brdost* — *насилія безъ грабежа*; въ такомъ смыслѣ и извѣстныя женщины иногда называются силой (яко бы кѣ учинилъ силу жѣни).

с) *Истребленіе и порча чужихъ вещей*. Винодольскіе Законы, подобно Правдѣ, отличаютъ зажигательство (пожгане) отъ другихъ видовъ истребленія и порчи вещей. Подѣ пожгане разумѣется зажигательство дома, храма, скотнаго двора и пр. (яко бы кѣ положилъ въ кутю огонь или храмъ воля в ничію осие); за пожгане угрожаетъ высшая жѣра наказаній (100 лѣбрь или потокъ). Упомянуется «разбіеніе» храма, вмѣстѣ съ кражей и отдѣльно отъ нея (7, 62).

Кромѣ преступленій противъ личныхъ и имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ, Винодольскіе Законы говорятъ также о преступленіяхъ съ характеромъ *публичными*: измѣнѣ и преступленіяхъ по должности.

а) «*Предавацы* господина князя натуралскаго» считаются лихими людьми. Въ ихъ дѣйствіяхъ проглядываетъ зло — правонарушеніе съ общественнымъ характеромъ. Впрочемъ есть основаніе думать, что Винодольскіи Законы едѣ ли былъ дѣвѣстенъ институтъ *измѣны* въ позднѣйшемъ значеніи политическаго преступленія. Въ дѣйствіяхъ предавацовъ нужно видѣть правонарушеніе, направленное прежде всего лично противъ самага князя. Предавцы наказывались не строже отравителей и поджигателей: въ то время, когда послѣднимъ грозитъ сожженіе (за отравленіе), осужденіе на смерть, наказаніе предавцовъ зависитъ отъ воли князя. Онъ могъ ихъ наказать, но могъ и вовсе освободить отъ наказанія (70).

б) Такой же характеръ дается преступленіямъ *приставовъ* въ ихъ служебной дѣятельности. Уставъ говоритъ, во 1-хъ, о *вымогательствѣ* приставомъ съ тяжущихся судебныхъ платежей, сверхъ установленной закономъ таксы, и во 2-хъ, о *лживыхъ показаніяхъ* пристава предѣ судомъ. Въ обоихъ случаяхъ приставъ наказывается прежде всего за «криваву», частную школу. *Фалсо* приставовъ

уравнивается съ *жесвидѣтельствомъ* частныхъ лицъ, дающихъ на судъ показанія въ качествѣ свидѣтелей (48, 51, 52).

Отдѣльный видъ преступленій по должности составляютъ *преступленія церковныя* (дуг, згрѣшене), въ особенности нарушение поповскихъ «офицій» (3, 58).

2. Сущность *наказанія*, какъ и преступленія, опредѣляется также прежде всего съ частной точки зрѣнія. Старый частный характеръ наказанія проглядываетъ въ самомъ названіи его — *матене* (29, 31, 70), что означаетъ мсть, воздаяніе за «шкоду» равносильной шкодой, вредомъ. Общественная власть *мститъ* виновнику преступленія, на манеръ частныхъ отмстниковъ стараго времени. *Пена, осуд, банд, рачени*, употребляются также въ значеніи наказанія вообще, иногда только денежныхъ пеней (3, 24, 25, 30, 59, 74, 75 и пр.).

Матене — прежде всего общее названіе наказаній. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ (напр. 31) названіе *матене* дается и денежнымъ пенямъ. Но оно имѣетъ и болѣе спеціальныи смыслъ. относится къ наказаніямъ, касавшимся *личности* виновнаго; сюда въ особенности принадлежитъ наказаніе, въ существѣ своемъ вполне сходное съ потокомъ Правды. *Платежи денежныя*, спеціально называвшіеся осуд, пена, банд и пр., составляли второй видъ наказаній. Матене и осуд — два основные вида наказаній, на которыхъ построится все ученіе Винодольскихъ Законовъ о наказаніяхъ по преступленіямъ.

а) Къ наказаніямъ, поражающимъ *личность преступника*, Винодольскіе Законы относятъ въ особенности: осужденіе на животъ и смерть, также выдачу преступника въ «пуну область» князя — тоже, что потокъ Правды. Матене, въ обоихъ видахъ, состояло въ полномъ отрицаніи правоспособности преступника, осужденнаго на смерть или выданнаго на произволъ князя и другихъ лицъ.

а) *Осужденіе на смертную казнь* (осуд на животъ и на смерть). О немъ говорится въ двухъ статьяхъ: о тваринцахъ и пожгане (59, 62). Въ обоихъ случаяхъ преступникъ, впервые обвиненный въ преступленіи, подлежитъ осуди на смерть, если не имѣетъ средствъ для уплаты денежной пени, положенной въ законѣ за отравленіе и зажигательство: отравитель подвергается *сожженію* (се сажти), зажигатель — «осуди на животъ». За вторичнымъ поджегомъ и отравленіемъ слѣдуетъ вмѣсто денежной пени смертная казнь (поджигателя) и выдача (отравителя) на произволъ князя.

3) *Потокъ*. Значеніе потока имѣетъ выдача преступника въ «пуну область» (власть) князя, который могъ учинить надъ нимъ «матене на свою волю». Потокъ подлежатъ въ особенности предавацы князя и убійцы княжихъ людей; тоже наказаніе положено за членоврежденія, наносимыя княжнми людямъ, иногда и за повторенныя преступленія (отравленіе); наконецъ, во всѣхъ случаяхъ, когда присужденные къ денежной пенѣ не имѣли средствъ къ ея уплатѣ, князь «надъ нихъ животи море учинити волю свою, ча буде ему драго». Въ понятіе потока входило также изгнаніе въ чужую землю; съ «сгоникомъ» запрещалось имѣть никакихъ сношеній, давать ему «исти, или пити, или ину ку поможь, воля светъ». Сгоникомъ объявлялся въ особенности преступникъ, скрывшійся въ другую землю и этижъ заставившій

своихъ ближиковъ или общину платить вмѣсто него виру; при поимкѣ его, предоставлялось князю или *другому вмѣсто него* — учинить матене по своему желанію, «учинити когоди матене буте хотилъ» (12, 29 — 31, 59, 70, 74).

б) По Винодольскимъ Законамъ, потокъ всегда соединялся съ *грабежомъ*: матене распространялось на личность и имущество преступника, — вмѣстѣ съ выдачею его въ полную власть князя, все его имущество подвергалось конфискаціи въ пользу князя. Такимъ образомъ, предаваецъ выдавался на потокъ князю, который могъ учинить «матене звѣрху негя и звѣрху неговя блага (имущества) на свою волю». Значеніе *самостоятельную* наказанія дается грабежу въ статьяхъ о «фалсѣ» (ложномъ показаніи на судѣ) пристава, также объ общинныхъ вѣчахъ, учреждавшихся безъ княжяго человѣка: въ обоихъ случаяхъ виновные «згубляю все свое благо, ча се гибле и не гибле». Конфискованное имущество отдается князю (51, 57, 70).

Осужденіе на животь и смерть, потокъ и грабежъ, составляютъ чрезвычайныя наказанія, поражавшія особенно тяжкія преступленія. Между ними замѣчается самая тѣсная связь; они входятъ въ понятіе одного и того же института *матене*, суть которой заключалась въ полномъ отрицаніи правоспособности преступника, осужденнаго на животь и смерть или къ выдачѣ въ полную власть князя, вмѣстѣ съ грабежемъ всего его имущества. Различіе между ними заключалось только въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ законъ опредѣлялъ родъ и характеръ матене, указывая видъ самаго наказанія (осудъ на животь и смерть, сожженіе), въ другихъ предоставлялось самому князю, въ каждомъ данномъ случаѣ, опредѣлить степень и видъ наказанія.

в) *Денежныя взысканія* были различны и назывались *пена, осудъ, рачени, бандъ, вражба, заговоръ и завези*. Ученіе Винодольскихъ Законовъ о композиціяхъ даетъ много интересныхъ указаній на общій характеръ и многія детали этого несомнѣнно изстариннаго общеславянскаго института. Въ то время, какъ напр. Русская Правда излагаетъ неясное и неполное ученіе о вирахъ и продажахъ, Винодольскіе Законы содержатъ вполне развитую систему композицій, въ главномъ не отступая отъ основныхъ положеній, одинаково развитыхъ всѣми славянскими законодательствами.

Въ Винодольскихъ Законахъ строго опредѣлена система пеней *общественныхъ* и *частныхъ*, указаны начала, въ силу которыхъ устанавливаются различныя общественныя пени, слѣдовавшія князю, общинѣ и иной «господѣ» и взимавшіяся съ виновныхъ и людей стороннихъ (дикая вира, вражба), — «осуди, завези и заговоръ», или частныя пени и вознагражденіе за škodu, кривину, вообще за частный убытокъ и вредъ, возникающій изъ преступленій.

а) *Пени общественныя*. Винодольскій уставъ ясно показываетъ, что пени общественныя вмѣстѣ съ частными составляли одинъ нераздѣльный институтъ: въ понятіе осуды, или пени, входило вознагражденіе, не только въ пользу князя или общины, но и лицъ обиженныхъ. Въ Законахъ говорится иногда, что виновный платитъ такую то пеню, а за тѣмъ уже она раздѣляется между княземъ и лицомъ

обиженнымъ (напр. 27). Иногда названіе осуди, въ значеніи главнаго платежа, дается по преимуществу частному вознагражденію, — цена общественная получаетъ характеръ платежа придаточнаго (31). Въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе не касается непосредственно частныхъ лицъ (измѣна), назначается не денежное взысканіе, но выдача виновнаго на потокъ (70).

Осудъ Законовъ рѣшительно напоминаетъ собой виру и продажу Правды. Подобно Правдѣ, различающей четыре отдѣльные вида виру — въ 80 (двойная вира), 40, 12 и 5 гривенъ, Законы также говорятъ о четырехъ видахъ осуди, назначавшейся въ количествѣ .р. (100), .м. (50), .ка. (24) и .в. (2) либровъ (либра — венеціанская монета, заключающая въ себѣ 20 солдиновъ, или вышедшихъ 12 крейцеровъ серебр.). Различіе между обоими порядками можно видѣть лишь въ томъ, что Правда назначаетъ свои четыре пени, главнымъ образомъ, за убійство, устанавливая впрочемъ соответственные четыре пени (40, 20, 12 и 3 гр.) и за другія болѣе важныя преступленія (увѣчья, личныя обиды и пр.), Законы пошли дальше, приняли четыре пени за общія нормы денежныхъ взысканій (общественныхъ) по всѣмъ родамъ преступленій.

Винодольскіе Законы руководятся различными началами, при опредѣленіи количества пеней за тѣ или другія преступленія. Естественно требовать, чтобы преступленіе облагалось тѣмъ болѣе пенью, чѣмъ важнѣе и выше нарушенныя имъ интересы и права частныя и общественныя. Пени различались также, смотря по мѣсту и времени совершенія преступленій. Татьба въ градѣ, какъ и татьба «храма» (кримская татьба Пск. суд. гр.) въ градѣ, облагались высшими пенями сравнительно съ градской татьбой. По времени совершенія преступленій, татьба полевая или сельская, также татьба и разбіеніе (разрушеніе) градскаго храма, учиненныя днемъ, значительно разнились, по количеству пеней, отъ тѣхъ же преступленій, учиненныхъ ночью, — кража ночная вообще оплачивалась болѣе пенью, нежели кража дневная. Иногда и ночныя преступленія выказывались не одинаковыми пенями, смотря по тому: слышалъ ли былъ кличъ о помощи (помогайте) при ихъ открытіи, или нѣтъ. Это начало не вполне выдержано: городская татьба подлежала одинаковой пени — съ кличемъ и безъ него. — Можно наконецъ замѣтить вліяніе сословныхъ различій на болѣе или меньшее количество пеней. Это начало, развитое до значительной степени въ Русской Правдѣ и другихъ старославянскихъ уставахъ, стоитъ далеко не на первомъ планѣ въ Законахъ Винодольскихъ. Еліяніе его отразилось главнымъ образомъ въ ученіи о наказаніяхъ за убійство, личныя обиды и татьбу: но и здѣсь дѣлается различіе только между служабниками (княжими людьми) и кметями, — другіе общественные разряды подводились къ тому или другому классу, смотря по подчиненію ихъ «закону и правдѣ кметской», или закону служабниковъ (25, 29 — 31).

На основаніи изложенныхъ началъ Винодольскіе Законы устанавливаютъ слѣдующій рядъ общественныхъ пеней:

1. *Столибровая пеня*, соответствующая двойной или 80-ти гривенной вирѣ Правды. Она назначена за зажигательство и отравленіе — наиболѣе тяжкія преступленія, учиненныя въ первый разъ (59, 62).

2) *Пятидесятилибровая пеня* (40 — гривенная вира Правды). Она назначается за разбой, ночную татьбу внѣ града (съ ключемъ), за изнасилованіе женщинъ, за вѣсиліе въ винодольской пристани, за побои и раны, наносимыя князьямъ людямъ (6 — 8, 11, 12, 30, 48, 56).

3) *24-хъ либровая пеня* (12 грив. вира Пр.) упоминается, какъ наказаніе за татьбу въ пристани винодольской (11).

4) *Двухлибровая пеня* (5 грив. вира Пр.) — обыкновенная общественная пеня по остальнымъ преступленіямъ. Сюда относятся въ особенности: ночная (безъ ключа) и дневная татьба внѣ града, также градская татьба, безъ различія дневной отъ ночной; побои, раны и другія личныя обиды между кметями; личныя обиды, наносимыя женщинамъ; убійство кметей (7, 8, 25, 28, 31, 37).

Къ разряду общественныхъ пеней нужно также относить особую осудъ (въ 2 либра), платившуюся въ пользу епископа по дѣламъ церковнымъ (3).

Пени общественныя иногда идутъ одному князю, иногда одной общинѣ, или дѣлятся «наполю» — между княземъ и общиной, градомъ. Иногда просто говорится, что пени «гре оптини, а пол господи онога града, гдѣ буде то учинено» (14). Различіе между пениями княжими и общинными встрѣчаемъ въ большинствѣ южно-славянскихъ уставовъ стараго времени. Законы Загребскіе, какъ увидимъ, говорятъ только объ общинной пенѣ. По Статуту Полицкому, пени идутъ въ пользу тѣхъ учреждений и лицъ, которые рѣшали данное судное дѣло — въ пользу общины, если судъ производился на вѣчѣ, или въ пользу князя съ его судцами, или наконецъ въ пользу судей — ротниковъ. Такое же правило имѣетъ силу въ Винодольскихъ Законахъ: осудъ получаетъ князь или община, смотря по тому, производилось ли дѣло предъ дворомъ, или на сходкѣ, предъ общинными судьями.

Право князя на пени ясно высказано въ двухъ статьяхъ Законовъ: надъ «бавди, заговори и завези» имѣетъ князь полную «власть», т. е. право располагать ими по своей волѣ; всѣ завези, назначенныя княземъ властью своей или общиной, «будутъ нега и нему да имаю прити» (55, 75). Здѣсь утверждается одно изъ существенныхъ правъ князя — право суда, или, говоря точнѣе, право на доходы съ суда. Подлѣ такого права князя стояло также не менѣе самостоятельное право общины на судные доходы, о которомъ говорится напр. въ 14 статьѣ: завези «оптински воля навлашни» (частные, установленные самими сторонами) слѣдуютъ общинѣ, пополамъ съ господой (судцами, сятниками и пр.) того града, гдѣ учинено преступленіе.

Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ о границахъ между княжескимъ и общиннымъ правомъ на полученіе осуды, — вопросъ, съ которымъ тѣсно связаны другіе, не менѣе важные вопросы, напр. о судебной компетентности, о власти князя и объ отношеніи его къ общинамъ. Послѣднихъ вопросовъ мы уже слегка касались, говоря о судоустройствѣ по Винодольскимъ Законамъ. Здѣсь мы изложимъ нѣсколько соображеній о правѣ князя и общины на полученіе пеней съ преступниковъ.

Статьи, трактующія объ общественныхъ пеняхъ, даютъ довольно ясныя указанія на тѣ общія причины, по которымъ одни пени всегда отчисляются къ княжеству, другія — къ общинамъ.

Въ пользу князя идутъ пени, во 1-хъ, съ убійства *княжескихъ людей*, съ наносимыхъ имъ членоврежденій, личныхъ обидъ и пр. (29, 30). Законъ службниковъ, между прочимъ, состоялъ въ томъ, что они подлежали суду князя, въ пользу котораго и шли общественныя пени за наносимыя имъ обиды и оскорбленія.

Во 2-хъ, въ пользу князя идутъ пени съ татя, который «украл в оснуку ники *скотъ*, воля гумну *жито*, воля ва улици, гди се скраню челе, *медъ*» (8), также съ татбы въ *пристанищъ* винодольскомъ и въ *градскомъ храмъ*, тогда какъ татба въ *граду* вообще оплачивается пенями въ пользу «оптина града, гди се та татба учине» (37). Кража скота, жита, меда, т. е. вообще предметовъ *сельской жизни*, противопоставляется кражѣ градской: первая составляетъ доходную статью князя, вторая — общины. Къ княжескимъ доходамъ относится также пена съ татбы въ пристанищъ и храмъ — учрежденіяхъ, составлявшихъ *общую* принадлежность общинъ и бывшихъ въ распоряженіи князя.

Въ 3-хъ, княжескіе пени облагались: *дорожный* разбой (рубани на пути или гди ниди) и другія преступленія, нарушавшія *земскій миръ* (каковы измѣна и зажигательство) или противныя *нравственнымъ интересамъ* (изнасилованіе) и пр.

Наконецъ въ 4-хъ, князь получалъ пени въ такихъ случаяхъ, когда обиженный, не удовлетворившись судомъ общины, обращался къ непосредственному суду князя.

Сводя приведенныя данныя къ одному знаменателю, мы видимъ, что преступленія, бывшія доходной статьей князя, имѣютъ слѣдующіе общіе признаки:

а) Принадлежность къ *княжеской дружинѣ* лицъ, противъ которыхъ направлено преступленіе, — преступленія людей «обкинскихъ» могутъ облагаться княжескими пенями, если сами стороны обратятся къ княжескому разбирательству.

б) Совершеніе преступленія *внѣ града* — на пути (разбой), въ оснук, пристанищъ и пр., также въ мѣстахъ, составлявшихъ *общее* достояніе общинъ.

в) Особенная *тяжесть* преступленія, безъ различія лицъ, противъ которыхъ оно направлено, и мѣста, гдѣ совершено.

Послѣднее начало всегда и вездѣ получало силу, чуть только возникала общая власть, представителями которой становились князья, обязанные охранять земскій миръ и наказывать направленные противъ него преступленія. Здѣсь проявляется важное значеніе княжеской власти, какъ объединяющаго элемента въ составѣ союзныхъ общинъ.

Первые два признака, напротивъ, говорятъ о силѣ и крѣпости самыхъ общинъ, куда въ обыкновенныхъ случаяхъ еще мало проникала власть князей, — имъ непосредственно подчинялись только лица, находившіяся въ ближайшихъ къ нимъ отношеніяхъ. Внутри себя общины пользовались полнымъ правомъ самосуда:

преступленія, совершенныя внутри общинъ и направленныя непосредственно противъ ихъ членовъ, вызывали реакцію самыхъ общинъ и потому составляли ихъ доходную статью (убійство кметей, городская татьба, — 31, 37). Ничто не мѣшало обиженному обратиться отъ суда общины къ суду княжескому, особенно если онъ не удовлетворялся первымъ; но это несколько не уменьшало общаго значенія само-суда общинъ.

По началу личному объясняются совмѣстныя права князя и общины на нѣкоторыя пени — съ приставовъ и поповъ, при обвиненіи ихъ въ нарушеніи служебныхъ обязанностей (48, 58). Какъ лица, не исключительно принадлежавшія къ общинѣ, они уплачивали пени на «пол» между общиной и княземъ.

Изложеннымъ началамъ противорѣчатъ, повидимому, нѣкоторыя статьи Винодольскихъ Законовъ, говорящія о пеняхъ въ пользу князя съ личныхъ обидъ и ссоръ «мею кмети» (25), съ оскорбленія женщинъ и другихъ маловажныхъ преступленій (27, 28), безъ всякихъ указаній на развитыя въ другихъ статьяхъ признаки личные и иные (различія по лицамъ, мѣсту и тяжести преступленій). Дѣло въ томъ, что Винодольскіе Законы наполнены множествомъ недомолвокъ и темныхъ мѣстъ, которыя чуть не въ каждой статьѣ и строкѣ попадаютъ въ Русской Правдѣ и требуютъ тщательнаго соображенія ихъ съ цѣлымъ уставомъ, въ особенности съ такими его положеніями, гдѣ яснѣ высказаны общія начала и воззрѣнія, проникающія собой всѣ отдѣльныя казуистическія статьи устава. Къ такимъ казуистическимъ статьямъ, безспорно, нужно относить и только что указанныя мѣста Винодольскихъ Законовъ. Въ статьѣ объ обидахъ «мею кмети» можно видѣть не больше, какъ извлеченіе изъ княжаго приговора на данный случай (когда кмети отъ своихъ судей обратились къ княжескому). Эта и другія ей подобныя статьи легко объясняются въ смыслъ изложенныхъ мной началъ, лежащихъ въ основѣ ученія Винодольскихъ Законовъ, какъ о власти князя и объ отношеніяхъ его къ общинамъ по суду и управленію, такъ и объ общественныхъ пеняхъ за уголовныя преступленія, — не противорѣчатъ положенію о различіи пеней княжескихъ и общинныхъ, смотря по общественному положенію лицъ, по мѣсту совершенія преступленій и по большей или меньшей ихъ тяжести.

Пени общественная уплачивается самымъ кривцомъ. Но бываютъ случаи, когда обязанность платить пеню можетъ падать и на другихъ лицъ. Винодольскіе Законы относятъ сюда такіе случаи, когда виновный уйдетъ, «ако убигне и не мога се ети». Такимъ образомъ, если скрывался убійца княжаго чловѣка, князь взыскивалъ *вражду* (дикую виру Правды) съ «племене» скрывшагося убійцы. Какъ наказаніе самаго убійцы предоставлялось вообще усмотрѣнію князя, такъ и вражда опредѣлялась княземъ, по «заговору» (соглашенію) съ племенемъ убійцы, обязаннымъ уплачивать только половину взысканія (другая берется изъ имущества преступника). Такимъ же образомъ князь получалъ вражду при заживательствѣ, если преступникъ скрывался и не могъ быть пойманъ (29, 62). Право на вражду усвоется и общинѣ — въ случаѣ убійства кмета или кого либо изъ «рода» кметовъ: половина вражды уплачивается ближиками, другая наследниками (реди) убійцы (31). Обязанность платить вражду лежитъ на ближикахъ и реди до поимки

преступника; впрочемъ, если преступникъ пойманъ послѣ совершенія «направы», т. е. постановленія приговора и взысканія пени, то послѣдняя уже не возвращалась тѣмъ, кто ее уплатилъ (29, 31). Вражда обнимала собой, не только пеню общественную, но и частную. Это ясно видно изъ постановленія о враждѣ за убійство кметей: Винодольскіе Законы, подобно Загребскимъ, вѣщаютъ въ обязанность ближнимъ уплачивать и частное вознагражденіе, вмѣстѣ съ пеней общественной (31). Это правило рѣшительно въ духѣ старославянскаго права и не оправдываетъ вывода нѣкоторыхъ историковъ о томъ, что общины никогда не вѣщались въ обязанность уплачивать частное вознагражденіе (См. Ланге — Изслѣдов. объ уголов. пр. Р. Правды, 100). Правила уставовъ винодольскаго и загребскаго ясно показываютъ, что законъ уже въ старое время одинаково защищалъ права общества и частныхъ лицъ, — что, въ случаѣ нарушенія ихъ, считалось одинаково важнымъ и необходимымъ удовлетвореніе общества и обиженной стороны, все равно, слѣдуетъ ли удовлетвореніе со стороны самого преступника, или (въ силу круговой поруки) его общины и семьи. Начало такое необходимо вытекаетъ изъ цѣлой системы уголовнаго права Русской Правды и вообще всѣхъ древнихъ славянскихъ законодательствъ. Оно только яснѣе и нагляднѣе развито винодольскимъ и загребскимъ уставами.

Повинность вражды была однимъ изъ проявленій *круговой поруки* — главной основы общиннаго устройства у всѣхъ Славянъ. Члены общинъ (семейныхъ и территоріальныхъ — безразлично) обязаны были, въ случаѣ какой либо szkody, идти на помощь, по первому требованію (кличу) обиженнаго, — обязаны были преслѣдовать и выдавать преступниковъ или платить вмѣсто нихъ виру. *Кличь* (вапай) — помогайте — вполне извѣстенъ Винодольскимъ Законамъ: «всаки море звати — помагайте, ако види делаютъ ники зло» (24). Съ обязанностью являться на кличъ, естественно, должна была также соединяться повинность дикой виры, при неявкѣ сосѣдей на кличъ или невыдачѣ ими виновнаго (о кличѣ см. 7 — 9, 23, 24). По Винодольскимъ Законамъ, повинность вражды падаетъ прежде всего на ближиковъ (вервь Правды) и реди, или семью виновнаго. Если этотъ не имѣлъ ближиковъ, или, что одно и тоже, не входилъ въ составъ семейной общины, стоялъ «сам по себѣ», то по общему началу круговой поруки, повинность вражды перелагалась на общину территоріальную, къ которой принадлежалъ преступникъ. Впрочемъ, этотъ случай не предусмотрѣнъ Винодольскими Законами; но рѣшающее его правило — въ духѣ славянскихъ законодательствъ, въ особенности подробно развито Полицимъ Статутомъ и Душановымъ Законникомъ — памятниками, основанными на изстаринныхъ общеславянскихъ обычаяхъ.

Замѣтитъ наконецъ, что вражда имѣла мѣсто, не только при убійствѣ, но и при зажигательствѣ, татьбѣ и другихъ преступленіяхъ (кличъ о помощи допускался при всякомъ «злѣ»), какъ это напр. было и по старочешскому праву. Чешская дикая вира, подъ общимъ названіемъ *venditio* (*venditio hominum*), раздѣлялась на *hlavu* (собственно дикая вира Правды), *svod* (при татьбѣ), *nárok* (при разбоѣ и грабежѣ), *nedoregné* (при членоврежденіяхъ и ранахъ) и *hrdost* (при простомъ насилиі, безъ грабежа).

β) *Пени частныя*. По всякимъ преступленіямъ противъ личныхъ и имуществъ.

венныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ, взыскивалось вмѣстѣ съ общественной пеней, также частное вознагражденіе въ пользу обиженнаго, а по убійству — въ пользу дѣтей убитаго пополамъ съ его близкими (31). Частная пеня бралась, не только въ такомъ случаѣ, когда преступникъ былъ на лицо, но и, какъ мы видѣли, при взысканіи вражды.

Частныя пени раздѣлялись на нѣсколько видовъ, смотря по роду самыхъ преступленій. Преступленія противъ личныхъ правъ облагались ными пенями, преступленія противъ правъ имущественныхъ — ными: въ обоихъ случаяхъ устанавливалась различная система частныхъ пеней.

Пени за убійство, раны, побой и другія личныя обиды назначались самымъ закономъ въ точно опредѣленномъ количествѣ. Винодольскіе Законы устанавливаютъ здѣсь такую же постепенность взысканій, какъ и при опредѣленіи пеней общественныхъ:

1) *Столибровая пеня* — главнымъ образомъ, за убійство кметей. Пени за княжнихъ людей назначалась самымъ княземъ.

2) *Пятидесятилибровая пеня* — за изнасилованіе женщинъ. За сверженіе мужниной ховерлицы (покрывача) съ головы женщины положена пеня въ 48 либръ.

3) *25-ти либровая пеня* — за побой и раны, наносимыя княжнимъ людямъ.

4) *Двулибровая пеня* — вообще за безчестіе: «кто неподобно рече или ствар буде говорити никому мужу воля никон жени».

Обиды уплачивались иногда *натурой*, вмѣсто уплаты деньгами. За побой, раны и другія личныя обиды между кметями, обиженный получалъ двухъ барановъ и «ликарію» (лѣчебное Правды); точно также двѣ овцы получала женщина, если другая сбрасывала съ нее головной покровъ (25, 27, 28, 30, 31, 56).

Отношеніе частныхъ пеней къ общественнымъ было различно. Одни пени, напр. за убійство кметей или безчестіе женщинъ, значительно превышали пени общественныя, составляли главную часть осуди или вражды; пеня княжая или общинная составляла какъ бы придаточный платежъ (за убійство кметей назначалась частная пеня въ 100 либръ, общинная — только въ 2 либра; за безчестіе женщина получала 48 либръ, при княжей пенѣ въ 2 либра). Другія пени (за изнасилованіе и «неподобну ствар») уравниваются съ вирой или составляютъ ея половину (полувиры Правды). Полувиры назначаются за раны и личныя обиды княжнихъ людей (28, 30, 56 и др.).

Частное вознагражденіе по преступленіямъ противъ имущественныхъ правъ устанавливается на нмъ основаніи — соразмѣрно съ цѣною воровскихъ или испорченныхъ вещей, вообще смотря по шкодѣ, также по общественному положенію лицъ, которыхъ права нарушены. При татьбѣ кметъ беретъ «шкоду дуплу» (въ другомъ мѣстѣ — «од еднога .в.»), т. е. *вдвое* больше противъ поличнаго; княжій дворъ и служабники — *всемро* (од еднога .з.). Поджигатель платитъ вообще «шкоду» частныхъ лицъ, пострадавшихъ отъ поджога (8, 35, 36, 50, 62).

Винодольскіе Законы не опредѣляютъ «цѣны» за воровство и порчу вещей, какъ это мы видимъ напр. въ Русской Правдѣ, устанавливающей разъ навсегда опредѣленныя нормы частнаго вознагражденія по преступленіямъ противъ имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ. Виновиный, по Законамъ, платитъ вдвое или въ семь разъ больше противъ поличнаго, вообще «шкodu»; но при этомъ не опредѣляется, кто и какъ именно оцѣняетъ škodu и назначаетъ сообразное съ ней количество частной пени. Можно думать, что если дикая вира въ нѣкоторыхъ случаяхъ (за княщихъ людей) опредѣлялась судьей, именно княземъ, по договору (заговору) его съ тѣми, кто долженъ платить виру, то такой же самый порядокъ могъ быть общимъ правиломъ и при назначеніи татѣбныхъ и иныхъ пеней, не опредѣлявшихся точно закономъ. Къ такимъ пенямъ, количество которыхъ не опредѣлялось закономъ, нужно въ особенности принимать названія — *завези*, *заювори* и *рѣчени*, упоминающіяся въ числѣ судебныхъ пеней (14, 55, 75). Они имѣли значеніе пеней, опредѣлявшихся не закономъ, но договоромъ или соглашеніемъ (заговор, завез — отсюда и самое названіе пеней) сторонъ съ судьей. Какъ видно изъ указанныхъ статей, завези могъ назначать князь и общинные судьи, смотря по подсудности дѣлъ, подлежавшихъ суду князю или общинному.

д) Упоминаются наконецъ взисканія по преступленіямъ противъ *должности*. Приставъ, взявшій съ тяжущихся излишнюю плату за помощь на судѣ, лишается (въ видѣ штрафа) одного вола или платитъ осудъ (50 либръ), въ пользу князя и общины пополамъ; за ложное показаніе на судѣ онъ лишается всего имущества и удаляется съ должности (48, 51). Подобнымъ образомъ, попъ, не исполняющій своихъ «офицій», теряетъ вола въ пользу князя и общины (58).

Такова система наказаній Винодольскихъ Законовъ. Она складывается изъ матене и осуди — главныхъ наказаній, къ которымъ можно возвести всѣ отдѣльные ихъ виды.

Матене состояло въ полномъ отрицаніи правоспособности преступника, осужденнаго «на животъ и смерть» или къ выдачѣ на произволъ князя. Въ такомъ смыслѣ матене назначается, какъ возмездіе за особенно важныя преступления — измѣну, убійство и членоврежденія княжихъ людей, за нѣкоторыя повторенныя преступления — отравленіе и зажигательство; матене допускается также въ значеніи замѣны денежныхъ взисканій, при несостоятельности виновнаго къ ихъ уплатѣ.

Осудъ имѣла значеніе денежнаго выкупа за частную «шкodu» и общественное «зло». По количеству осуди общественной и частной, преступления, не влекшія за собой матене, группируются въ три главные вида:

а) Отравленіе и зажигательство, учиненныя впервые; изнасилованіе женщинъ, убійство кметовъ и личныя обиды княжихъ людей;

б) разбой, грабежъ и ночная татѣба внѣ града (съ кличемъ);

γ) личныя обиды кметей и вообще безчестіе безъ побоевъ; градская татѣба вообще и татѣба дневная (и ночная, безъ клича) внѣ града.

IV. *Процессъ*. Винодольскіе Законы, въ большинствѣ своихъ статей, представ

имѣютъ большую аналогію съ старорусскими судными грамотами, по преимуществу излагающими правила судопроизводства по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ. Законы имѣли главной своей цѣлью — установить точныя правила по преимуществу обвинительнаго суда (*правды, наравы, иногда осуди*), безъ особыхъ различій между процессомъ уголовнымъ и гражданскимъ. Законы не представляютъ такихъ рѣзкихъ особенностей въ процессѣ по отдѣльнымъ родамъ дѣлъ, какими вообще отличается процессъ Правды. Казуистическія статьи попадаются и въ Винодольскихъ Законахъ; по на ряду съ ними усиливаются общія положенія (напр. въ ученіи объ искѣ, доказательствахъ и пр.), дающія отдѣльнымъ процессуальнымъ дѣйствіямъ болѣе опредѣленный и законченный характеръ. Вообще процессъ Законовъ отличается еще патріархальной простотой и несложностью формъ: нѣкоторыя части процесса, напр. личба (*vadium*), могли производиться, между прочимъ, предъ сатникомъ или его женой, «ако би сатникъ онде не билъ». Самый судъ имѣлъ посредническій характеръ; судьи какъ бы только присутствовали на судѣ, — наиболѣе дѣятельная роль принадлежала самымъ тяжущимся.

Стороны носятъ различныя названія. *Страна* — общее названіе истца и отвѣтника. Истецъ также называется *парац*, отвѣтникъ — супротивъ, *супротивникъ, страна супротивна, държан, осваен, остачен* (7, 28, 47, 48, 51—53, 56, 60, 68). Каждый могъ, не только лично явиться на судъ, но и посылать вмѣсто себя *одветника (одговорника)*. Послѣдній получаетъ, за свое *одговорене*, отъ пригласившей его стороны плату по узаконенной таксѣ, — за большое дѣло не болѣе 10 солидовъ, за малое — 5 солд. Отговорникъ долженъ принадлежать къ одному состоянію съ своей стороной: кметъ, безъ дозволенія двора, не могъ быть отвѣтникомъ племенитаго чловека и на оборотъ (10, 54).

Винодольскимъ Законамъ не извѣстны ограниченія *права судебной защиты*, встрѣчающіяся въ Правдѣ и другихъ древнихъ уставахъ Славянъ. Не развитъ институтъ холопства, винодольскій уставъ вовсе не касается вопроса о положеніи холоповъ въ сферѣ суда, — вопроса, отрицательно рѣшаемаго Правдой. Можетъ быть, право судебной защиты не было доступно для однихъ стонниковъ, стоявшихъ какъ бы внѣ закона, лишенныхъ всякой правоспособности.

Съ другой стороны, Винодольскіе Законы, подобно Правдѣ, допускаютъ «правду», не только противъ виновнаго, но и противъ другихъ лицъ. Ближники, иногда и община (территориальная), призывались къ суду, для отвѣта по дѣламъ своихъ членовъ, лично уклонявшихся отъ суда и наказанія (см. о дикой вирѣ).

Процессъ, какъ и въ Русской Правдѣ, могъ вчиняться, или вслѣдствіе поимки виновнаго на преступленіи, съ *знаменемъ, тратомъ* (лицомъ Правды), или въ слѣдствіе *тужбы, остаченія* (поклопа). Въ обоихъ случаяхъ устанавливались различныя процессуальныя порядки.

Поимка преступника съ знаменемъ должна была всегда сопровождаться *кличемъ* — *помайте*. Людямъ, сходявшимся на кличъ, показывалось лицо и самъ преступникъ, который вслѣдъ за тѣмъ представлялся въ судъ (по 14 статьѣ, не дальше трехъ дней должно представить поличное въ судъ). Дѣло рѣшалось на судѣ, безъ особеннаго изслѣдованія, по показаніямъ обиженнаго и «верованыхъ

сведоковъ», которымъ послѣ клича дѣлалось объявленіе (*показаніе*) о шкодѣ. Показанія обиженнаго и сведоковъ были главной основой суда надъ лицами, пойманными съ знаменемъ (23, 41). Такой же самый порядокъ суда «лицованныхъ» преступниковъ, съ немногими исключеніями, былъ издавна въ обычаѣ у всѣхъ Славянъ. О немъ говорятъ Русская Правда, старые чешскіе и другіе памятники славянскихъ законодательствъ (Ланге Исслѣд. 256 Ирѣчка Slav. pr. I. 188. II. 223).

Тужба и *остаченье* (иногда притча, пра) соответствуютъ поклепу Правды, чешскому нарку или литовскому соченью. *Пра* и *притча* означали собственно иски и дѣла гражданскія; но иногда и акты вчинанія процесса по уголовнымъ дѣламъ называются пра. Большею же частію, уголовный поклепъ носитъ названіе тужбы и остаченья (9, 22, 23, 27, 48, 53 и пр.). Въ тужбѣ нужно видѣть первый актъ вчинанія процесса противъ нелицованнаго преступника, не пойманнаго съ знаменемъ, на мѣстѣ преступленія. По Винодольскимъ Законамъ, гдѣ нѣтъ тужбы, тамъ нѣтъ и суда (кади не би била тужба, ній едан осуа). Никого нельзя принуждать къ вчинанію тужбы: она предоставляется свободной волѣ каждаго (ш нега добру волю); начатую тужбу слѣдуетъ «на конач припелати» (38). Всякая тужба должна быть доказана; иначе за нее грозитъ пеня, какой подлежалъ бы обвиненный при дѣйствительности остаченья (60).

Винодольскій уставъ не говоритъ подробно объ отдѣльных *покленихъ актахъ*. Изъ соображенія отдѣльных статей видно, что къ такимъ актамъ относились: указаніе стороннимъ людямъ и суду шкodu и лицъ, на которыхъ падаетъ подозрѣніе и обвиненіе въ ея совершеніи, — осмотръ шкodu и вызовъ отвѣтчика къ суду. Къ предварительнымъ судебнымъ дѣйствіямъ въ гражданскомъ процессѣ относится главнымъ образомъ позовъ; въ вещныхъ цѣскахъ допускается такъ называемая личба.

Указаніе соответствуетъ оповѣди (oroved) чешскаго права, заповѣди Правды, и состояло въ заявленіи стороннимъ людямъ и суду о шкодѣ. Если сосѣди созывались, посредствомъ клича, при поимкѣ виновнаго на преступленіи, то тѣмъ болѣе это необходимо было при шкодѣ безъ лица. Объявленіе такое, посредствомъ *клича* (заклича Правды) сосѣдей, было существенной принадлежностью процесса у всѣхъ Славянъ; указанія на него встрѣчаемъ также въ винодольскомъ уставѣ. Кромѣ клича сосѣдей, обиженный долженъ былъ заявлять о своей шкодѣ суду. «Я теби показую такова од такове ричи, или: тебѣ дим, да таков е учинил такову рич», — обыкновенная формула первоначальной тужбы истца или сока, заявлявшаго предъ судомъ о шкодѣ и ея виновникѣ (60).

Для *осмотра* шкodu, по заявленной тужбѣ и остаченью, судъ отряжалъ пристава; показанія его на судѣ принимались послѣ въ число основаній судебного приговора. Приставъ получалъ особое вознагражденіе за свой трудъ; если при осмотрѣ оказывалось, что поличное малой цѣны (напр. мало говедо, мелкій скотъ) не обрѣталось въ цѣлости, то оно отдавалось приставу, а хозяинъ «ишти свое правди» (48 — 50).

О *позвѣ* мало говорятъ Винодольскіе Законы. Извѣстно только, что для про-

изводства позововъ назначались особыя лица, подъ названіемъ позовниковъ (65, 73); но какъ и въ какихъ формахъ производился самый позовъ, — объ этомъ ничего не извѣстно.

Винодольскіе Законы упоминаютъ еще о *личбѣ*, какъ объ отдѣльномъ процессуальномъ дѣйствіи, не указывая впрочемъ на сущность этого учрежденія. Личба можетъ имѣть мѣсто предъ княземъ и всякимъ его официаломъ, также предъ сатникомъ, а въ его небытность, — и предъ его женой. Лица, предъ которыми производится личба, получаютъ осудъ отъ сторонъ (не больше 6-ти либръ). Исследователи видятъ въ личбѣ сходство съ судебнымъ закладомъ — чешскимъ *vdání*, *vadium*, *traditio* или *assignatio* другихъ законодательствъ. (См. Винод. Зак. 39, 61. Объ общемъ значеніи этого учрежденія у Славянъ см. Ирѣчка *Stat. pr. I.* 178—181. II. 217 — 222; Мацѣйовскаго *Hist. I.* 243. III. 275 — 279; Шафарика *O Wzdání*. въ *Casop. cesk.* 1844, стр. 385 — 399).

Болѣе подробно развито ученіе о *судебныхъ доказательствахъ* (показане). Винодольскіе Законы относятъ къ нимъ собственное признаніе, письменные акты, показанія свидѣтелей, присягу, поличное и улики, въ значеніи главныхъ и вспомогательныхъ средствъ судебной защиты. Въ особенности ученіе о свидѣтеляхъ (простыхъ сведокахъ и поротникахъ), ротъ и лицъ построено на началахъ, одинаково развитыхъ Русскою Правдою и другими памятниками славянскихъ законодательствъ. Собственно въ одномъ пунктѣ замѣтно значительное отступленіе Винодольскихъ Законовъ отъ Правды; въ нихъ нѣтъ ни слова объ *ордалияхъ*, развитыхъ въ особенности древнимъ законодательствомъ русскимъ, чешскимъ и сербскимъ. Изъ хорватскихъ памятниковъ мы встрѣтили указанія на божьи суды, впрочемъ какъ уже на отжившій свое время институтъ, только въ грамотахъ XIII вѣка (1231 и др. годовъ), отмѣнявшихъ вездѣ обычай судебныхъ поединковъ (*Kukuljevića Juga I.* 57. 113 и пр.). Нѣтъ сомнѣнія, что у Хорватовъ, какъ и у всѣхъ Славянъ, въ старое время были въ обычаѣ и другіе виды ордалій (жельзо, вода); въ періодъ статутовъ XIII вѣка они уже потеряли практическое значеніе. Въ позднѣйшихъ уставахъ нѣкоторыхъ далматскихъ общинъ, вѣсто ордалій, упоминаются муки, въ общемъ значеніи пытокъ (*Рейца Политич. устр.* 22, 193).

Мы скажемъ объ отдѣльныхъ родахъ судебныхъ доказательствъ, насколько они развиты въ Винодольскихъ Законахъ.

а) *Собственное признаніе*. Сюда относится слѣдующее правило Законовъ: подсудимый, при допросѣ (пристава или истца) — «е тако, воля ній», можетъ сознаться въ своей винѣ, но можетъ и отречься, «повидати волянъ е, воля танти» (21). Признанію дается вполне свободный характеръ; къ нему нельзя никого принуждать насильно.

б) *Письменные акты*. Упоминаются одни «квадръни», — торговые книги, входящія въ число доказательствъ по спорамъ между торговцами. Книгамъ не дается, впрочемъ, полной доказательной силы; при нихъ требуются еще свидѣтели, а по долгамъ меньшей важности (до 50 либровъ) дозволяется подкрѣплять книги присягой (44).

в) *Свидѣтели* (сведоки, свидоци, свидочаство). Этотъ родъ судебныхъ

доказательствъ особенно подробно развитъ «Винодольскимъ уставомъ»; придававшимъ свидѣльскимъ показаніямъ весьма важное значеніе въ процессѣ по всевозможнымъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ. Показанія свидѣтелей, удовлетворяющихъ требованіямъ закона, имѣютъ полную доказательную силу: при нихъ не требуются другія доказательства, необходимы только при недостаткѣ свидѣтелей. Въ уставѣ прямо говорится: кто представляетъ предъ судомъ доказательства, тотъ долженъ прежде всего сослаться (помянуть) на свидѣтелей и доказать, «да тако естъ». Съ другой стороны, если сторона представляетъ другія доказательства, особенно не имѣющія полной силы, они должны быть подтверждены свидѣтелями (11, 22, 56, 64 и пр.).

Винодольскій уставъ, подобно Правдѣ, различаетъ сведоковъ и поротниковъ, устанавливая спеціальныя условія дѣйствительности показаній тѣхъ и другихъ.

а) *Сведоки*. Подъ ними разумѣются очевидцы, посторонніе знатоки дѣла. Отъ сведоковъ требуются слѣдующія условія:

1) *Доброе имя* (добрый гласъ). Винодольскіе Законы требуютъ, чтобы къ показаніямъ на судѣ, въ качествѣ сведоковъ, допускались «добрые, вѣрованые люди или подобные сведоки, добрые мужи, сведоки добра гласа». Только показанія добрыхъ людей, пользующихся хорошей репутаціей, принимаются за «веровано сведочаство». Добраго гласа, а съ нимъ и права быть свидѣтелемъ, лишаются въ особенности люди, изобличенные въ «фалсъ», лжесвидѣтельствѣ. (7, 18, 23, 27, 28, 30, 44, 52, 53, 59, 66).

2) *Знаніе дѣла*. Стороны (истецъ и отвѣтчикъ) доказываютъ своими свидѣтелями, «да тако естъ». Ссылаясь на свидѣтелей, истецъ или отвѣтчикъ обращался къ судѣ съ словами: «та и таков *си* (вѣдаетъ, знаетъ), да тако естъ» (22, 47). Кромѣ свидѣтелей, непосредственно знакомыхъ съ обстоятельствами, о которыхъ даютъ показанія, дозволялось въ вещныхъ и долговыхъ искахъ прибѣгать къ доказательству «*мъртвыми сведоки*», т. е. истцу дозволялось, если не было въ живыхъ свидѣтелей — очевидцевъ, ссылаться на стороннихъ лицъ, знакомыхъ съ дѣломъ *по слуху*, слышавшихъ о дѣлѣ отъ очевидцевъ при ихъ жизни. Свидѣтельство по слуху не имѣетъ полной доказательной силы; при этомъ требуется еще подтвердительная присяга стороны, ссылающейся на свидѣтельство по слуху (76).

3) *Число* сведоковъ опредѣляется различно. Иногда требуются просто «сведоци» или «веровани сведок». Въ большинствѣ случаевъ принимается *minimum* — три свидѣтеля по большимъ дѣламъ и одинъ свидѣтель — въ обыкновенныхъ случаяхъ (7, 23, 27, 28, 52).

4) Не видно, чтобы отъ сведоковъ требовалась *присяга*. Она составляла главное условіе дѣйствительности показаній поротниковъ.

5) Въ некоторыхъ случаяхъ принималось во вниманіе *общественное положеніе* сведоковъ. Сатникъ, грашникъ и бусовитъ, по дѣламъ, имѣвшимъ связь съ ихъ службой, допускались къ свидѣтельству не иначе, какъ по прошествіи года со времени оставленія ими должностей (26). Собственно сословныя различія не имѣли

мѣста въ дѣлахъ свидѣтельскихъ показаній: пастыри, орачи и «ниги люди добра гласа» допускались въ сведоки на общемъ основаніи (66).

6) Способности являться на судъ въ качествѣ сведоковъ зависѣла въ значительной степени отъ различія *половъ*. Женщины «добра гласа» принимаются въ сведоки только по нуждѣ, когда «нигъ вете сведоки», и то главнымъ образомъ — въ дѣлахъ между женщинами (18, 27, 28).

7) Значеніе сведоковъ зависѣло также отъ болѣе или менѣе близкихъ *семейныхъ связей* между ними и сторонами. Жена вовсе не могла быть свидѣтелемъ въ дѣлахъ мужа; отецъ, сынъ, братъ, сестра, допускаются свидѣтелями одинъ за другимъ только съ тѣхъ поръ, когда, по выраженію Винодолскихъ Законовъ, «стое всак по себи и раздѣлени есу мею собомъ» (20, 67).

Каждый свидѣтель, представленный тяжущимися, не прежде допускался къ показаніямъ на судъ, какъ послѣ предварительнаго разспроса пристава (шрьво питаа од пристава), который долженъ былъ удостовѣриться въ томъ, удовлетворяетъ ли сведокъ *всѣмъ условіямъ, требуемымъ закономъ* (19).

Тяжущіеся могли имѣть отдѣльныхъ своихъ свидѣтелей; но допускалась и *общая ссылка* на однихъ и тѣхъ же сведоковъ. Истецъ могъ сослаться на свидѣтелей въ томъ, что «та и таков ви, да тако е»; въ свою очередь, отвѣтчикъ могъ признать тѣхъ же свидѣтелей, утверждая, что «та и таков ви, да тако нигъ». Въ такомъ случаѣ дѣло рѣшалось въ пользу того, на чьей сторонѣ будутъ свидѣтели (47).

Свидѣтели, въ показаніяхъ своихъ на судъ, не зависѣли отъ тяжущихся, могли быть «не справни» съ сославшейся на нихъ стороной, могли дать показанія, противныя ея интересамъ. Свидѣтели являлись на судъ какъ бы въ качествѣ его *органовъ*; дѣятельность ихъ имѣла не столько частный, сколько публичный характеръ. Противъ «несправныхъ» свидѣтелей, тяжущіеся имѣли одно средство — отводъ ихъ, посредствомъ уличенія въ «свалъ», джесвидѣтельствъ. Хотя винодолскій уставъ дозволяетъ сторонамъ «понтѣ оупротъ своему сведочаству», но противъ ложнаго сведока нужно было представить не менѣе трехъ добрыхъ сведоковъ. Лицо, устраненное изъ числа свидѣтелей, влѣдствіе изобличенія его въ лжи, подлежало штрафу, на равнѣ съ «привинитъ» приставомъ, безъ дозволенія двора не можетъ больше быть свидѣтелемъ ни ни по какимъ дѣламъ (52, 53).

β) *Поротниками* (ротниками). Винодолскіе Законы говорятъ о поротникахъ, какъ объ изстаринномъ институтѣ, вполне сходномъ съ очистниками и помощниками старочешскихъ законовъ, Русской Правды и другихъ славянскихъ законодательствъ. Законы довольно точно опредѣляютъ суть института поротниковъ (истца и отвѣтника), дѣла, по которымъ они требуются, условія ихъ допущенія, порядокъ присяги и показаній, наконецъ общее значеніе ихъ въ цѣломъ процессѣ.

Подъ поротниками *вообще* разумѣются сторонніе люди, которые, не касаясь обстоятельствъ суднаго дѣла, своей присягой только удостовѣряли справедливость присяги сторонъ. Поротники могли быть со стороны истца и отвѣтника. *Истцомъ* поротники *подкрѣпляли* присягу истца, дававшуюся имъ въ подтвержденіе своей

жалобы или обвиненія (тужбы, остаченья). *Отвѣтчики очищали* свою невинность, тоже посредствомъ своихъ поротниковъ: «осваени од неѣа иѣа се *очистиѣи* само педесет, найдуть своихъ поротники». Поротники, по выраженію чешскихъ источниковъ, подтверждали «*dobru aneb zlu povest*» (хорошую или дурную репутацію) отвѣтника или истца (о поротникахъ истца см. Винод. Закон. 41, 56; отвѣтника — 9 — 10, 68).

Поротники допускались только при тужбѣ въ *тяжкіе* преступленія и устранились въ такихъ случаяхъ, когда требовались положительныя доказательства, безъ помощи поротниковъ. Къ дѣламъ, по которымъ они допускались, Винодольскіе Законы относятъ: убійство, разбой, грабежъ и насилія всякаго рода, въ особенности изнасилованіе женщинъ, также татьбу и зажитательство (9 — 11, 56, 68).

Къ главнымъ условіямъ допущенія поротниковъ по исчисленнымъ дѣламъ относятся:

1) *Тужба (остаченье)*. Поротники допускаются только противъ и для «осваенихъ», т. е. лицъ, не пойманныхъ на преступленіи, но уличенныхъ, явно заподозрѣнныхъ въ совершеніи преступленія (ако су в тои татби шкодни), особенно если противъ нихъ «*клицано — помагаѣи*». Тужба голословная, ни на чемъ не основанная, не считается еще достаточнымъ поводомъ допущенія очистниковъ, — для этого необходимы прежде всего явныя улики въ винѣ подсудимаго. Винодольскіе Законы считаютъ поротниковъ вполне «верованными», если истецъ, при своей тужбѣ, представитъ въ судъ положительное, какъ главную улику противъ подсудимаго: «онимъ ротникомъ ни ма се веровати, него ако возму всаки трат ки е прегришил за неѣа кривину знамене» (9. 41, 68).

2) Недостатокъ *сведочастей* и другихъ *положительныхъ доказательствъ*. Истецъ могъ обращаться къ своимъ поротникамъ, если, при явныхъ уликахъ, онъ не имѣлъ свидѣтелей и другихъ прямыхъ доказательствъ: «ако се не буде могал направити ш ню по наѣи закон, воѣа ако од речене сѣи ни ма сведожи», — или просто: «ако ни ма свидоци овърху кривѣа». Въ тѣхъ же случаяхъ отвѣтникъ долженъ былъ присягать съ поротниками, если истецъ откажется отъ своего довода, пустить противника на присягу, «*дусти се на роту*» (9, 11, 56, 68).

3) *Число* поротниковъ точно опредѣляется самымъ закономъ. Винодольскій уставъ призываетъ поротниковъ, назначая *минимумъ*, смотря по роду дѣла. Самое большее число поротниковъ требуется при разбой: кривацъ, пущенный истцомъ на роту, долженъ присягать «само .п. тер .е.». — съ 85 поротниками (въ параллельномъ текстѣ, по ошибкѣ, сказано: .к. тер .е.). Обвиненный въ убійствѣ очищается «само педесет». При изнасилованіи требуется 25 поротниковъ, при большой татьбѣ — 12, малой — 6 поротниковъ (9 — 11, 56, 68). Эти числа означаютъ только *минимумъ*; но уставъ часто предлагаетъ истцу или отвѣтнику — «*вади поротнике како болѣ море, како болѣ ви, како наиболѣ ви и море*». При недостаткѣ требуемаго числа поротниковъ, сторона, ихъ представившая, обязана сама произнести очистительную присягу за каждого изъ недостающихъ поротниковъ (10, 56, 68).

4) Поротники должны были удовлетворять также общимъ условіямъ на равнѣ съ простыми сведоками. По крайней мѣрѣ, поротники избирались изъ *добрыхъ* (верованныхъ) людей, пользовавшихся хорошей репутаціей; изнасилованная женщина представляла поротниковъ изъ *женщины же*, «како боля ви» (41, 56). Не видно, чтобы допущеніе кого либо въ поротники зависѣло отъ общественнаго положенія и семейныхъ связей съ тяжущимися.

Поротники собирались на купы, «на месту обичајномъ», всегда въ присутствіи дворскаго челоука (пристава и пр.). Послѣ предварительнаго заявленія сходкѣ со стороны отговорника о готовности поротниковъ къ присягѣ, они присягали вѣстѣ съ своей стороной или отдѣльно отъ нея, каждый порознь касаясь рукой евангелія и произнося «роту» по установленной формѣ. Отъ поротниковъ требовалось, чтобы они произносили роту (форму присяги) безъ ошибки, «не уманькаю»; иначе сторона, съ которой они присягали, терла свое дѣло: супротивникъ «буде одришев од грѣха» (42, 44, 56, 69). При безукоризненномъ исполненіи роты, дѣло считалось окончательно порѣшеннымъ.

Замѣтимъ наконецъ, что показанія поротниковъ, какъ видно изъ Винодолскихъ Законовъ, почти уравнивались съ судебнымъ приговоромъ. Выраженіе: «люди ротники за *осудити* кривце», ясно указываетъ на важную роль поротниковъ въ процессѣ. Своими присяжными показаніями они осуждали виновнаго; для судей ничего больше не оставалось, какъ только сформулировать приговоръ поротниковъ. Поротники такимъ образомъ сближались до извѣстной степени съ присяжными судьями, являлись въ процессѣ, въ значеніи не сторонниковъ тяжущихся, но судебныхъ органовъ.

d). *Присяга* (рота). Показанія сведоковъ и поротниковъ принимаются Винодолскими Законами, какъ главные средства судебной защиты, по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ. Рота выступаетъ на первый планъ только въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ свидѣтелей. Въ Законахъ прямо говорится: «вапѹт убо помагайте (при ночной татбѣ, безъ свидѣтелей), есу веровани, *ако реку с роту* (подъ присягой), да есу онога злотворца познали» (7); или еще яснѣе: «ако парац *ни ма свидочаства* свѣрху кривца и пусти се на роту»; или «ако убо онде *ни су сведоци добри*, присези, ки таи» (9, 27). Подобнымъ же образомъ, истецъ или отвѣтчикъ восполнялъ собственной присягой не достающее число поротниковъ (10, 56, 68). Во всѣхъ такихъ случаяхъ присяга имѣла значеніе *полнаго* судебного доказательства. Иногда присяга требовалась, только какъ *вспомогательное* доказательство, при другихъ не имѣвшихъ полной силы. Такимъ образомъ, «кърв (кровавыя раны, имѣвшія сами по себѣ не полную силу) ну е верована, ништар нѣтъ *ни ма с роту потвѣрдити*, ако ну су онде сведоци» (64): при равныхъ необходимыхъ еще дополнительныя доказательства — свидѣтели или присяга, восполняющія доказательную силу ранъ. Въ значеніи же вспомогательнаго средства допускается присяга въ долговыхъ и вещныхъ искахъ. Если цѣнность иска превышала положенную норму (50 либровъ — въ спорахъ между торговцами, 1 либръ — въ меньшихъ школахъ), то книга (торговая) нужно было еще «*притвѣрдити*» присягой (42 — 44).

Стороны присягали сами, а въ болѣ важныхъ случаяхъ — съ поротниками, которые, какъ мы видѣли, призывались въ важнѣйшихъ поклевныхъ дѣлахъ и подкрѣпляли въ данномъ случаѣ достовѣрность присяги истца или отвѣтчика. По различію сторонъ, приносившихъ присягу въ защиту своей правоты, присяга раздѣлялась на *подтвердительную* и *очистительную*. Подтвердительная присяга истца дозволялась предпочтительно предъ очистительной присягой отвѣтчика (о присягѣ истца см. 7, 42—44, 64; отвѣтчика — 9, 27). Истцу въ особенности давалось преимущественное право на присягу, если противъ отвѣтчика предъявленъ клеветъ или есть какія либо улики, напр. клечъ, знаки или слѣды преступленія и пр. (7, 64). Въ такихъ случаяхъ зависѣло отъ воли истца — присягать ли самому, или «пустить на роту» отвѣтчика, возложить на него обязанность очиститься отъ обвиненія присягой, или наконецъ вовсе освободить его отъ присяги (добро простити или пустити роту), ограничившись лишь показаніями по совѣсти (9, 27, 69).

Присяга имѣла тѣ же послѣдствія, какъ и показанія свидѣтелей. Присяга имѣла вполне дѣйствительную силу, если произнесена «с роту сверхъ книгъ» («тапнут у свето евангеле»), «не уманькаю», безъ запинки и ошибокъ (42, 44). Кто надлежащимъ образомъ исполнилъ присягу, тотъ «буи прост, одришен од тога гриха», — «од те правде (суда) ни ма се вете наприд брижити (прити, искать), на паче пошншон та (о которомъ шелъ споръ) слободно и мирно уживай тере държи» (27, 56, 76).

е) *Полчиное* и *улики* (знаменс, трат, кърв, знаки и пр.). Лицу Правды соотвѣтствуетъ *знамене* Винодольскихъ Законовъ, какъ и *лицованный* злоторацъ вполне напоминаетъ лицованнаго (prilicny, licovanu, liscny) преступника чешскаго и другихъ славянскихъ законодательствъ. Поймка преступника съ знаменемъ, на мѣстѣ преступленія, если при томъ учиненъ клечъ, сама собой изобличала его въ преступленіи, была такимъ же рѣшительнымъ доказательствомъ, какъ и показанія свидѣтелей (23, 71).

Подъ знаменемъ разумѣются въ винодольскомъ уставѣ также простыя *улики* (трат, слѣд, кърв, знаки и проч.). Знаменіе, въ значеніи лица и простой улики, должно быть предварительно показано «верованнымъ сведокамъ» и представлено судьямъ, «приказано к правдѣ». Изъ статьи о кровавыхъ ранахъ (кърви) видно, что простыя улики не составляли полнаго доказательства, восполнялись еще вспомогательными средствами — свидѣтелями или присягой (23, 41, 64).

Ученіе о судебныхъ доказательствахъ, какъ главномъ основаніи цѣлаго процесса, очерпываетъ собой почти всѣ постановленія Винодольскихъ Законовъ по судопроизводству. Опредѣливъ до подробностей средства судебной защиты, Законы замалчиваютъ этихъ свое ученіе о процессѣ, въ особенности почти вовсе умалчиваютъ о постановленіи и исполненіи *судебныхъ приговоровъ* (направа, осуд, одсудъ). Видно только, что право *наложити осуд* усполется судьямъ. «Показане» (доказательства) сторонъ — главные основанія приговора; въ немъ судьи оправдывали или обвиняли отвѣтчика, назначая пени по закону или «заговору» сторонъ. Обиженный, доиславшиися своего права по суду, могъ требовать, чтобъ за обиду было ему «задоволе учинено» (25, 31, 40).

Винодольскіе Законы представляют сборникъ старыхъ обычаевъ, по которымъ издавна жили винодольскія общины. Подобно Русской Правдѣ, Псковской судной грамотѣ и другимъ древнѣйшимъ русскимъ уставамъ, Законы отличаются судебно-административнымъ характеромъ, главнѣйшимъ образомъ касаются отношеній права уголовного и судопроизводства. Тѣмъ не менѣе въ уставѣ винодольскомъ воспроизведенъ въ довольно полной картинѣ юридическій бытъ хорватскихъ общинъ. Любители славянской старины найдутъ въ немъ пропасть указаній на институты глубокой древности, берущіе свое начало чуть ли еще не въ эпоху общеплеменной жизни Славянъ. Можно съ полнымъ правомъ сказать, что Винодольскимъ Закономъ принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду древнѣйшихъ памятниковъ славянскихъ законодательствъ, — ихъ нужно ставить рядомъ съ Русскою Правдою, Душановымъ Законникомъ, Польскимъ Статутомъ и пр.

Мы не совсѣмъ исчерпали богатое содержаніе Винодольскихъ Законовъ, только намѣтили божье крупныя явленія, указывающія съ особенной яркостью и очевидностью на сходство Законовъ со всѣми древнѣйшими памятниками славянскихъ законодательствъ. Полное объясненіе Винодольскихъ Законовъ въ настоящее время едва ли и возможно, при большой испорченности многихъ мѣстъ устава по изданію Мажуранича. Можно пожелать, чтобы вмѣсто доступнаго доселѣ для научныхъ изслѣдованій стараго списка Законовъ, читающагося съ большимъ трудомъ, обнаруженъ былъ вновь открытый его списокъ, сколько извѣстно менѣе испорченный, сравнительно съ старымъ спискомъ.

Мацѣйовскій, переводомъ Винодольскихъ Законовъ на польскій языкъ (Hist. VI. 332 — 350), значительно облегчилъ пользованіе этимъ памятникомъ. Впрочемъ, переводомъ Мацѣйовскаго нужно пользоваться съ большою осторожностію: въ немъ нерѣдко допущены большія неточности и крайне произвольныя толкованія, извращающія настоящій смыслъ постановленій, — не вѣрно переданы, не только отдѣльныя слова и выраженія, но и часто цѣлыя статьи устава. Мы укажемъ здѣсь на главнѣйшія мѣста, не точно переданныя Мацѣйовскимъ.

Ст. 3. Оште свѣрху поп *оптинѣ реченѣ* та исти бискуп не море ниште заповидати, воля взети, *нере* *ида он сам пошле*, воля гре по кнежтву.

Nie może też Biskup Księżom jakowej gminy nakazywać lub odejmować im co, chyba gdy wprost od siebie da nakaz, lub uczyni to w czasie swego po księstwie przejazdu.

Въ переводѣ невѣрно передано значеніе «*оптинѣ реченѣ*». Здѣсь, какъ видно изъ самаго смысла статьи, говорится не объ отдѣльной общинѣ, входящей въ составъ Винодола, но о цѣломъ Винодолѣ, называвшемся также оптиной. Кромѣ того, переводъ цѣлой статьи просто не имѣетъ смысла, грѣшитъ явнымъ противорѣчіемъ между обѣими частями постановленія: если епископъ не могъ ничего приказывать, то не значить ли это, что онъ и «*wprost od siebie*» не могъ давать «*наказа*»? Дѣло въ томъ, что 2 и 3 статьи говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ — о запрещеніи епископу брать что либо у церквей, монастырей и поповъ самовольно, безъ согласія церковныхъ старостъ и поповъ. По второй статьѣ, «*еннекопъ*» не можетъ ничего налагать или брать у церквей, аббатствъ или монастырей,

кроме того, что дадутъ церковные старосты по своей доброй волѣ». Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ переводить и третью статью:

«Епископъ не можетъ ничего приказывать, ни брата у мона упоминаемой общины (Винодола), кроме тѣхъ случаевъ, когда онъ самъ (т. е. поплъ) пошлетъ (епископу), или когда (епископъ) идетъ по княжеству».

Ст. 9. Ако буде предъ дворомъ од сили пра, воля од татби, свѣрху не буду ричи, и парац ни ма сведочаства свѣрху кривца и пусти се на роту, *од рубань *)* *и ма кривац присет само .п. тер. .г., **)* и *от татби именовани свѣрху само .кѣ., ако су в тои и татби шкодни, и ако онде в кличан — помаган.*

Gdy się spierają przed dworem (czyli księciem) o gwałt lub kradzież jakiej bądź rzeczy, a powód nie mogąc przeciwnika przeprosić świadkami puści się na przysięgę o rozboj, (ma wtedy) oskarżony (o tenże rozboj) przysiądź samo 20 lub 25, a powód samo 12 tylko: ów że nie słusznie oskarżony jest, a ten że skarży go słusznie i że wolano pomagajcie.

Мацѣйовскій рѣшительно не понималъ смысла статьи. Въ ней дѣло идетъ о томъ случаѣ, когда истецъ, въ дѣлѣ по разбою или татбѣ, не имѣетъ свидѣтелей (простыхъ очевидцевъ) и пуститъ отвѣтника на присягу, т. е. предоставитъ ему очиститься отъ обвиненія собственной присягой съ поротниками. Пуская отвѣтника на роту, истецъ тѣмъ самымъ отказывался отъ своего права обратиться къ поротникамъ, — дѣло рѣшалось по одной очистительной присягѣ отвѣтника. Въ настоящемъ случаѣ говорится объ обвиненіи по двумъ различнымъ преступленіямъ (разбою и татбѣ) и о поротникахъ одного отвѣтника. Естественно требовать, чтобы обвиненіе въ болѣе тяжкомъ преступленіи (разбой) очищалось и болѣе большимъ числомъ поротниковъ (85-ю, а не 20 или 25-ю по переводу), чѣмъ обвиненіе въ меньшемъ преступленіи (татбѣ, — только 12 поротн.). — Окончаніе статьи, отъ словъ: «ако су въ тои и татби», также не вѣрно понято. Дѣло въ томъ, что истецъ не всегда могъ пускать отвѣтника на роту, т. е., другими словами, не всегда могъ налагать на него часто хлопотливую и затруднительную обязанность отыскивать поротниковъ и присягать съ ними. Русская Правда допускаетъ очистниковъ только при поклепѣ, чешскіе законы — тоже только при соченьи или нарочѣ. Того же начала держатся и Винодольскіе Законы. Въ нихъ принято за правило — дозволить истцу пускать кривца на роту только въ такомъ случаѣ, когда кривацъ «в тои и татби шкодни», т. е. когда явно подозрѣвается или обвиняется въ совершеніи татбы, и когда при томъ былъ кличъ о помощи. И такъ, настоящую статью слѣдуетъ переводить такимъ образомъ:

«Если предъ дворомъ будетъ разбираться дѣло по разбою или татбѣ какой либо вещи и истецъ, не имѣя свидѣтелей, пуститъ виновнаго на присягу, то виновный долженъ присягать — по разбою самъ 85-ть, по татбѣ самъ 12-ть, коль скоро онъ (виновный) подозрѣвается въ совершеніи татбы и былъ при томъ кличъ о помощи».

*) Въ параллельномъ текстѣ не вѣрно поставлена запятая послѣ слова «од рубань». Ея нѣтъ предъ нимъ.

**) Въ парал. текстѣ, не ошибѣ, поставлено: „.п. тер .г.“

Ст. 10. И оште од татбе, од мошуне и отъ жита пожгана, ко стои на поли, и од сена взета и на стогу в ноти од тога учинена, има се одприсети само шест. И ни ма имити одговорника тат през воле двора: ниште мане он, ки присети има, нанди поротнике....

Także oskarżony o kradzież, o popalenie zboża będącego w wiązce, lub żyta stojącego na polu, złęcie w nosy stana na łące, lub w brogu złożonego, ma odprzysiądz się samo sześć, a złodziej nie ma odprzysiądz się też, chyba gdy dwór pozwoli na to; ten zaś który przysięga, to jest powód, może przywieść oczyszczeniów....

Сравнивъ эту статью съ только что разобранной, увидимъ, что въ обѣихъ развивается мысль объ одномъ и томъ же предметѣ, именно объ условіяхъ, при которыхъ допускается для отвѣтника (не истца) очистительная присяга. Статья десятая обязываетъ отвѣтника, нущеннаго на роту, нѣтъ въ дѣлахъ по татбѣ (большой) 12 поротниковъ. Дальнѣйшее развитіе того же правила представляетъ слѣдующая за тѣмъ десятая статья. Смыслъ ея слѣдующій: въ тѣхъ же случаяхъ, т. е. когда истецъ пуститъ на роту, обвиняемый въ малой татбѣ долженъ присягать самъ — шесть. «Безъ дозволенія двора, татъ не можетъ нѣтъ отговорника (который бы вѣсто него присягалъ); но тотъ, кто долженъ присягать (татъ), пусть найдетъ поротниковъ» и т. д.

Ст. 22. Оште ако се ки прикаже предъ дворомъ притча показана, има помакнути свидоки и указати, да тако ест.

Gdy się kto przykaże ku rozprawie sądowej, slyli zobowiąże stanąć przed dworem i zapisze się na stawieństwo, ma też stawić świadków i pokazać że tak jest, nie mitrząc czasu, i nie nalegając na to ażeby drugi jeszcze dano termin dla stawienia świadków.

Здѣсь также допущено произвольное толкованіе. «Притча» встрѣчается въ древнихъ русскихъ и сербскихъ законахъ всегда въ одномъ и томъ же значеніи судебного дѣла, исна или тяжбы. Такой же смыслъ имѣетъ притча Винодолскихъ Законовъ, — въ другихъ статьяхъ она называется «пра», что значить судебный споръ, искъ. «Показане» — вообще доказательства, представляемыя въ подтвержденіе или отрицаніе притчи. Въ настоящемъ случаѣ говорится о доказательствахъ, которые «приказываетъ» (заявляетъ, представляетъ) истецъ въ подтвержденіе своей притчи. О явкѣ на судъ здѣсь нѣтъ и помину. И такъ, 22 статья можетъ быть переведена такъ:

«Кто представляетъ предъ дворомъ доказательства по (своему) дѣлу, тотъ долженъ сослаться на свидѣтелей и доказать, что такъ есть (какъ утверждаетъ истецъ)»).

Ст. 29. И оште ако би ки убил од поокнежников или од слуг од обители кутине юдѣ, од перманов, тер би ушал и не малал се оти, да кнезъ вазме вражду.... да ако се еме та злотворац и нега има та исти кнез или нѣки место неа учинити коюдоу матени буде хотѣл.

Gdy zastępca księcia lub sługa dworowy księcia pana czyli perman, zabójstwo popełniwszy zbiegnie, i zlapany być nie może, wtedy książę wezmie (zrobi) wroźbę.... gdy się pojawi ów zloczynca, może go książę, nikt zaś inny, męczyć jak zechce.

Выраженіе: «ки убиѣ од подкнежиновъ», сходно съ слѣдующимъ мѣстомъ 31-й статьи: «ако би ки убиѣ никога кмета или од рода кметъ». Въ обоихъ случаяхъ употреблено одинаковое выраженіе и въ одинаковомъ смыслѣ: кто убилъ *кого* изъ подкнежиновъ; кто убилъ какого нибудь кметя или *кого* изъ рода кметовъ. Дѣло въ томъ, что въ 29 — 31 статьяхъ развивается одно и то же положеніе уголовного права. Винодольскіе Законы различаютъ преступленія, касавшіяся княжихъ людей и кметей, людей обтинскихъ. За убійство княжихъ людей вира берется («вазме» не вѣрно пояснено въ переводѣ словомъ «згрові») княземъ; ему же принадлежитъ и право мести (матене). Вира за убійство кметей платится общинѣ. Вражда равнозначительна съ дикой впроей Правды. Матене не точно переведено словомъ *мѣсѣуб*: здѣсь нужно видѣть не больше, какъ выдачу преступника на прозволъ князя, — наказаніе, весьма близко подходящее къ потоку Правды. Право «матене» представляется здѣсь не одному князю, какъ говорится въ переводѣ, но и всякому другому, который, вѣсто князя, можетъ учинить матене.

Можно привести еще до десятка мѣстъ, не точно переведенныхъ Мацѣйовскимъ. Таково начало 30-й статьи:

«И оште ако ки учини заседание *од речанихъ подкнежинове*», т. е. если кто учинитъ засаду *надъ кѣмъ изъ упомянутыхъ подкнежиновъ*. Въ переводѣ сказано: кто изъ подкнежиновъ учинитъ засаду.

Статью 32-ю о наслѣдствѣ нужно переводить такъ: «если по смерти отца и матери останутся сыновья и дочери, то къ наслѣдству призываются сыновья (братья тѣхъ дочерей); когда сыновья остались и умерли безъ наслѣдниковъ (роды), тогда имущество отцовское и материнское получаютъ дочери, съ обязанностію отправлять въ пользу двора всю ту службу, которой были обязаны ихъ отецъ и мать».

Въ 43-й статьѣ говорится о товаряръ и его подружничѣ, «ки вино продае», — о хозяинѣ корчмы и его товарищѣ, или прикащикѣ, отъ имени хозяина завѣдывавшемъ продажей вина. Переводъ говоритъ о «азупкагъ» ослѣдомъ и не ослѣдомъ, развозящемъ вино по краю.

Не точно передана вся 45-я статья, изложенная въ текстѣ впрочемъ крайне запутано. Прежде всего слѣдуетъ исправить ошибки параллельнаго текста, затемняющія смыслъ закона. Вторую половину статьи мы читаемъ слѣдующимъ образомъ:

...., «схранено, ако би гдну кнезу видити вете дати знанти за янки худ офицій воли нику ину рич (ка би видити пристояти истому тому кнезу) зверх тыхъ .м. солднинъ. Има присет, како е дал, вола обетал е дати, он, ки говори, да е ту исту цену дал. И да ю е вѣснаа и знанал, двору за осуд од тыхъ .м. солднинъ има ниште дат нере солднинъ .е., за всяку малу живину — солднинъ .е.».

Т. е.: исключая тотъ случай, когда князь захочетъ дать больше 40 солдниковъ, за открытіе какого либо злоупотребленія по службѣ или за иное дѣло, касающееся князя. Кто говоритъ (въ случаѣ спора о платѣ), что далъ цѣну или обѣщалъ ее дать, тотъ долженъ присягнуть (въ томъ), что онъ (дѣйствительно)

ее дать. И (въ такомъ случаѣ) тотъ, кто получилъ ее, долженъ дать двору осудъ (судебную пеню) изъ тѣхъ 40 солдинновъ не больше 5 солдинновъ, за всякое малое животное — 2 солдина.

Мѣсто 53-й *статьи*: «воля яко е никн сведок помакнен за нику рич предъ дворомъ, а ни(ка) од стран отела би поити супротъ своему сведочаству, море учинити, ако има сведоке», слѣдуетъ переводить такъ:

«Или если какой либо свидѣтель призванъ предъ дворъ по какому либо дѣлу, а одна изъ сторонъ захочетъ пойти противъ своихъ свидѣтелей (т. е. будетъ отрицать ихъ показанія), то ей дозволяется это въ такомъ случаѣ, когда она имѣетъ (другихъ) свидѣтелей».

Мѣсто въ концѣ 56 *ст.*: «И вси не поротници маю бити жене; и ка се онде рота, да не одговорникъ има одговорити, да с ону-роту присегу, а она има присети, како е агора речено», переводится такъ:

«И всѣ ея (не) поротники должны быть женщины; и когда (наступить) присяга, ея отговорникъ (судебный защитникъ) долженъ заявить, что они (поротники) присягнутъ по ротѣ (формѣ присяги), а она (обиженная) должна присягнуть, какъ выше сказано».

Въ 62-й *ст.*: осудить «на живот и на смѣртъ» означаетъ осудить на смертную казнь, а не «на заключеніе въ тюрьму, а потомъ на смѣртъ» по переводу.

«Завези и заговори» 14, 55 и 75 статей означаютъ не «обязательства, противныя закону или заключенныя княземъ безъ воли вѣча», но обыкновенныя судебныя иски, назначавшіяся не закономъ, но соглашеніемъ сторонъ съ судьями. Пени же слѣдуетъ видѣть въ «рачени, обранене, осуд и банд» 40 и 75 статей. «Банд» 25 статьи = не «гѣкоіті», но также осудъ.

Встрѣчаемъ и другія неточности. Напр., «бранене» (брань) 18-й статьи переведено, какъ «danie romosu znajdującemu się w potrzebie obrony». «Господа» 14-й статьи не вѣрно пояснена словомъ «рап». «Ротники» 73 *ст.* означаютъ не урядниковъ, завѣдывавшихъ присягами, но присяжныхъ воезовниковъ или, что еще вѣроятнѣе, присяжныхъ судей.

ОТДѢЛЪ III.

Исслѣдованіе Законовъ града Загребѣ.

Исторія памятника и обзоръ его содержанія. Указанія по государственному устройству: составъ загребской области; банъ, мајорес и jobagiones; convocationis. Судебныя учрежденія. Гражданское право. Уголовное право. Процессъ.

Загребскіе Законы — небольшой сборникъ, дающій интересныя указанія на учрежденія стараго времени. Мы скажемъ нѣсколько словъ о ви́ншей исторіи памятника и рассмотримъ содержаніе въ особенности древнѣйшихъ законовъ загребскихъ.

Сборникъ состоитъ изъ трехъ разновременныхъ уставовъ: Statutum 1242, Statuta nova 1405 и Statuta 1425 — 29. Для насъ интересенъ преимущественно первый Статутъ, излагающій постановленія по внутреннему устройству общинъ. Остальные два Статута трактуютъ спеціально о границахъ загребской области, о дѣлахъ торговыхъ и о различныхъ повинностяхъ жителей.

Первый Статутъ принадлежитъ къ числу наиболѣе древнихъ хорватскихъ памятниковъ. Составленный въ 1242 г. по желанію жителей и съ дозволенія короля Бела IV, Статутъ нѣсколько разъ подтверждался въ теченіи XIII — XV столѣтій. По позднѣйшей его редакціи 1425 г., онъ изданъ въ архивѣ южнославянской исторіи (I 186—202; также въ Jura I.64 — 65), вмѣстѣ съ двумя позднѣйшими Статутами.

Къ главнымъ источникамъ Статута 1242 г. нужно относить прежде всего древніе обычаи, какъ это видно изъ первой статьи устава, опредѣляющей виру «juxta ducatus Sclavoniæ consuetudinem». Статутъ составленъ также на основаніи *уставовъ стараго времени* (Statuta et Privilegii), данныхъ Загребу въ различное время.

Статутъ 1242 г. раздѣляется на 15 отдѣльныхъ статей. Большинство статей имѣетъ заглавія и трактуетъ о предметахъ уголовного права и процесса. Статутъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ русскими уставными грамотами, напр. съ Двинской и Бѣлозерской. Кромѣ предметовъ уголовного права и процесса, есть нѣсколько указаній по государственному и гражданскому праву.

а) *Государственное устройство по Загребскому Статуту 1242 г.* Загребъ съ своей областью, *комитатомъ*, еще до значительной степени удерживаетъ характеръ старой славянской *жупы*, т. е. союза нѣсколькихъ сельскихъ общинъ (*vicus, villa* или просто *communitio*), съ центральнымъ своимъ мѣстомъ — *градоми* (*civitas*). *Territorium* такой жупы слагается изъ *земель* (*terra*) — округовъ отдѣльных общинъ.

Въ понятіе *conspivium* входитъ вообще совокупность гражданъ плѣго Загреба; но иногда подъ *conspivium* разумѣются только члены меньшихъ общинъ. Замѣчательно, что въ Статутѣ 1242 г. вовсе не упоминаются сословія: ему извѣстны только туземцы, собственно граждане (*civis, indigenae, incolae*) и чужеземцы (*hospilis, extranei*). Чужеземцы пользуются защитой закона, наравнѣ съ горожанами.

Король (*rex*) упоминается въ значеніи верховнаго судьи. *Банъ* (*banus*) — мѣстный правитель Славоніи; при немъ состоитъ *vice-banus*. Баны принадлежатъ къ древнѣйшимъ хорватскимъ учрежденіямъ. О нихъ упоминаетъ еще Порфирородный. По извѣстіямъ XI — XII вѣковъ, хорватскихъ королей избирали, по обычаю земли, слѣдующіе семь бановъ: *banus Croatiae, b. Bosniae, b. Sclavoniae, b. Posigae, b. Podgratae, b. Albaniae* и *b. Sremit* (Журн. I. 21 Арк. II. 4). Какъ видно изъ старыхъ грамотъ, баны уравнивались вообще съ *comes, ducis, jupanis* (жупаны). Изъ позднѣйшихъ учрежденій имъ соответствуютъ *spati, knezi*. Названіе бановъ удержали областные правители хорватскіе до новѣйшаго времени (Журн. I. 15, 46. II. 341. Арк. I. 203 и слѣд.). Баны извѣстны также въ Босніи и другихъ земляхъ (См. Мацѣйов. Hist. II. 42. Кстича Разсматривая о старинѣ сръбскимъ правителю, въ Гласн. IX, 106).

Общины загребской области управлялись старшинами — *majores* и *jobagiones*. Старшины городскіе носятъ общее названіе *majores, civitatis*, сельскіе — *jobagiones de villis*. По грамотѣ 1298 г. загребскаго епископа Августина (сельскимъ общинамъ комитата Загреба) къ *majores civitatis* относятся *comes* града и *castellanus*, къ старшинамъ сельскимъ — *majores villae et senioris*. Старшинъ избираютъ общины (Журн. I. 488).

Названіе *jobadiones* перешло изъ венгерскаго права и означаетъ то же самое, что и славянская *господа*. *Domini terrae* загребскаго устава, по нашему мнѣнію, нужно понимать именно въ смыслѣ *господы*. У всѣхъ южныхъ Славянъ, *господа* означала совокупность учреждений и властей, завѣдывавшихъ общественными дѣлами. Винодольскіе Законы говорятъ въ значеніи *господы* о купцѣ, князѣ и другихъ старшинахъ, иногда просто о «господѣ онаго града». Въ старыхъ грамотахъ часто упоминается «господа сръбска, рашска, хумьска, дубровачька» и пр. Господа извѣстна Полицкому Статуту, Псковской судной грамотѣ, древнимъ чешскимъ законамъ. Вездѣ *господа* означаетъ старшинъ, власселей, главарей, *primates populi, piosceges* и пр. (Журн. I. 6, 8, 10 и пр.). Хорватскіе памятники, начиная съ XIII вѣка, говорятъ въ смыслѣ такой же *господы* о *jobadiones*, къ которымъ относятся бановъ, князей, жупановъ, *majores villae* и другихъ народныхъ старшинъ, иногда и *palatini, comitis curiali regis* и пр. (Журн. I. 64 — 67, 80. III. 3 и др.). Господа и *jobadiones* соответствуютъ уряду и урядникамъ чешскимъ, польскимъ и литовско-русскимъ.

Въ обычай были наконецъ сходки (*convocationis*) старшинъ и общія народныя сходки. *Forum* (торгъ Русской Правды, *trh* чешскаго права) — главное мѣсто общихъ сходокъ для суда, торго и другихъ общественныхъ дѣлъ. Въ Статутъ 1242 г. положено учреждать *forum* два раза въ годъ — *die Lune et die Jovis*.

Главная дѣятельность господы, т. е. сходокъ и старшинъ, проявляется въ сферѣ суда. Статутъ 1242 г. различаетъ слѣдующія судебныя учрежденія.

1) *Judicium ad regis*. Король считается верховнымъ судьей; къ нему дозволяется апеллировать отъ другихъ (мѣстныхъ) судей.

2) *Судъ общинныхъ старшинъ*. Онъ учреждается на общей сходкѣ (*convocatio*), особенно когда стороны будутъ недовольны приговоромъ своихъ городскихъ судей и перенесутъ дѣло на разсмотрѣнiе старшинъ (*maiores civitatis*).

3) *Судъ городской*. Общинѣ дозволяется ежегодно избирать *judicis civitatis*, по собственному усмотрѣнiю, изъ среды гражданъ, для отправленія суда въ трибуналѣ или inomъ мѣстѣ. Въ составъ городского суда входили: *judex* и нѣсколько судебныхъ помощниковъ или засѣдателей (*assessoris vel consilarii*). Нельзя точно опредѣлить значенія такихъ засѣдателей. Въ позднѣйшемъ Статутѣ 1425 — 29 г. часто упоминаются вмѣстѣ *judicis et jurati* (см. Ark. I. 198, 199). Можно полагать, что *assessoris* стараго Статута и позднѣйшiе *jurati* — разныя названія одного и того же учрежденія. Ихъ значеніе объясняютъ до значительной степени старыя «hrvatski sudovi» (судныя грамоты). Въ нихъ говорится о судѣ (*stol* или *sud kraljev*), состоявшемъ изъ *властнаго судьи* (*knez, zupan*), *присяжныхъ судей* (*sudci rotni*) и *vladania* — племенныхъ людей, присутствовавшихъ на судебной сходкѣ; приговоръ постановляется присяжными судьями по совѣту (*svit, dogovor*) съ *vladnikom*. Такія сходки присяжныхъ судей и *vladania*, какъ и сходки загребскихъ *assessoris* и *jurati*, можно ставить въ параллель съ дубровницкимъ *slanicum* и сербской поротой. Нѣтъ болѣе подробныхъ свѣдѣнiй, чтобы уяснить вполнѣ значеніе *jurati* Загребскаго Статута. Замѣтимъ, что въ загребскомъ судоустройствѣ играли довольно замѣтную и, какъ видно, самостоятельную роль «добрые люди», которые еще ближе подходятъ къ понятію присяжныхъ. Добрые мужи представляются самостоятельнымъ учрежденіемъ, дѣйствуютъ независимо отъ судей городскихъ, или, говоря точнѣе, отправляютъ въ судѣ отдѣльную функцію присяжныхъ, тогда какъ *assessoris*, принадлежавшіе къ городскимъ судьямъ, болѣе напоминаютъ нѣмецкихъ *Schöffen* (постоянныхъ судебныхъ засѣдателей).

4) *Судъ добрыхъ мужей* (*boni vel fidedigni viri*). Въ нихъ есть много сходнаго съ славянской поротой. Добрые мужи избираются изъ гражданъ, для суда въ каждомъ данномъ случаѣ; они даютъ присягу (*sacramentum*), произносятъ на сходкѣ приговоръ съ характеромъ посредническимъ (*arbitrium*), касающійся фактическихъ и юридическихъ вопросовъ. По всѣмъ этимъ признакамъ можно, какъ намъ кажется, сблизить добрыхъ мужей съ присяжными. О судѣ добрыхъ мужей упоминаетъ Статутъ 1242 г. въ трехъ мѣстахъ. Говоря въ первой статьѣ о дикой вирѣ, Статутъ принимаетъ за правило, что частное вознагражденіе каждый разъ опредѣляется по суду и присягѣ избранныхъ для того добрыхъ мужей, «*jurati*

arbitrium bonorum virorum et sacramentum et consocium ad hoc electorum. Точно также раздѣлъ выморочнаго имущества, послѣ владѣльца, не оставившаго наслѣдниковъ, производится «*per viros fidedignos ad hoc consilio civium deputatos*» (см. capit. de intestato). Указаніе на такихъ же добрыхъ мужей нужно видѣть и въ Capitulum de legationibus testamentariis. Здѣсь между прочимъ говорится, что лицо, не имѣющее наслѣдниковъ (т. е. дѣтей), должно оставить недвижимое имущество другимъ роднымъ, по совѣту съ своими согражданами, «*suorum consocium habito consilio*».

Статутъ 1242 года не обнимаетъ всѣхъ судебныхъ учреждений, существовавшихъ въ Загребѣ и его комитатѣ. Въ одной изъ грамотъ конца XIII вѣка (1298 г.) перечисляются главные учрежденія, которымъ подчинялось сельское населеніе по дѣламъ судебнымъ. Къ такимъ учрежденіямъ относятся: *судъ князя* (comes), *кастеляна* (castellanus) и *судъ сельскихъ старшинъ*. Major villae cum senioribus судятъ на мѣстѣ (очевидно, на сходкѣ) дѣла меньшей важности. Causae majores, т. е. убійство, разбой, закигательство, татьба и пр., подлежатъ суду князя или кастеляна (въ качествѣ наместника княжескаго) вмѣстѣ съ majores villae (Jura I. 488).

б) Къ *гражданскому праву* относятся статьи — Capitulum de legationibus testamentariis и Capitulum de intestato. Статьи эти замѣчательны по своей древней основѣ, въ особенности говорятъ о наслѣдствѣ вообще въ духѣ старославянскаго права. Содержаніе обѣихъ статей слѣдующее:

Кто изъ гражданъ умретъ безъ наслѣдниковъ (sine herede decesserit), тотъ можетъ свободно распорядиться движимымъ имуществомъ. Имущество недвижимое (домъ, дворъ, виноградникъ, землю и пр.) онъ долженъ, по совѣту съ своими гражданами, оставить своей женѣ «*vel alicui cognatorum suorum*». Безъ городского суда (a jurisdictione civitatis), никто не можетъ, ни самъ, ни чрезъ жену, ни per cognatos, ничего отчуждать, ни раздѣлять. Кто умретъ безъ завѣщанія (intestatus decesserit) и не оставивъ послѣ себя сыновей, жены или родныхъ (cognatos), тотъ долженъ, по совѣту съ добрыми мужами, избранными для того гражданами, раздать двѣ части своего имущества бѣднымъ и церквамъ, а третью часть предоставить городу, ad utilitatem civitatis.

Изложенныя постановленія различаютъ наслѣдованіе имуществъ по закону и завѣщанію, ставятъ оба порядка въ тѣсную связь между собой.

Прежде всего укажемъ на весьма важный фактъ, лежащій въ основаніи цѣлаго порядка законнаго наслѣдованія имуществъ, — на различіе *дѣтей* отъ другихъ *родственниковъ*. Naegedis считаются одни дѣти (собственно *fili*, сыновья); уxor et conpati не причисляются къ кругу наслѣдниковъ. Участіе въ правахъ на имущество становится для нихъ доступнымъ только въ такомъ случаѣ, когда владѣлецъ имущества «*sine gere*de decesserit». Когнаты получаютъ наслѣдство только на *правѣ выморочномъ*, когда нѣтъ дѣтей, считающихся единственными законными наслѣдниками. Такимъ образомъ, наслѣдственное право, по Загребскому Стату-ту, какъ и по Винодольскимъ Законамъ, имѣетъ строгій семейный характеръ,

ограничивается тѣснымъ кругомъ семьи (съ рѣшительнымъ перевѣсомъ братьевъ надъ сестрами), — внѣ семьи для родственниковъ можетъ имѣть силу одно выморочное право.

Не меньше своеобразна система завѣщательнаго порядка наслѣдованія имуществъ. Право завѣщанія очень ограничено. Свободно распоряжаться можно только движимымъ имуществомъ (*de rebus suis mobilibus*), и то когда нѣтъ *haeredis*. Имущество недвижимое (*res immobilis*), безъ различія между благопріобрѣтеннымъ и наслѣдственнымъ, переходитъ къ законнымъ наслѣдникамъ, а если ихъ нѣтъ, то къ когнатамъ. Право завѣщанія не имѣетъ мѣста въ отношеніи къ недвижимымъ имуществамъ и въ такомъ случаѣ, когда вовсе нѣтъ никакихъ наслѣдниковъ и когнатовъ: имущество, въ значеніи выморочнаго, должно по закону отойти къ общинѣ (съ выдѣломъ двухъ частей бѣднымъ и церкви).

Все это показываетъ ясно, что порядокъ наслѣдованія имуществъ по загребскимъ законамъ развился подъ преимущественнымъ вліяніемъ *задружнаго* устройства славянской семьи. Изложенные порядки наслѣдованія имуществъ доселѣ держатся въ обычаѣ, безъ существенныхъ измѣненій, въ Славоніи, Кроаціи и другихъ южнославянскихъ земляхъ. Наслѣдственное право имѣетъ мѣсто только въ тѣсномъ кругѣ семьи, принадлежитъ однимъ дѣтямъ. Недвижимое имущество — общая принадлежность задруги; на него не распространяется личное право завѣщанія, отчужденія и пр. О такомъ же ограниченіи права отчужденія, раздѣла и завѣщанія недвижимости говоритъ Загребскій Статутъ. *Concivium*, сограждане, по совѣту (*consilio*) съ которыми бездѣтный владѣлецъ оставляетъ свое имущество когнатамъ, и самыхъ когнатовъ иначе нельзя объяснять, какъ именно въ смыслѣ задруги, братчины, рода, словомъ — въ смыслѣ общины съ семейнымъ характеромъ, рѣзко отличающейся отъ семьи въ обыкновенномъ значеніи. — Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что изученіе по латинскимъ источникамъ такихъ своеобразныхъ учреждений, какъ задруга и основанныя на ней отношенія имущественныя, семейныя и наслѣдственныя, требуетъ особенной осторожности отъ изслѣдователя. Въ латинскихъ памятникахъ институты такого рода часто формулируются далеко не точнымъ образомъ: по недостатку латинскихъ названій, вполне соответствовавшихъ напр. понятію задруги, задругарей и пр., нерѣдко употребляется въ памятникахъ юридическая терминологія, мало подходящая къ дѣлу; часто одинъ терминъ обозначаетъ нѣсколько самыхъ разнородныхъ понятій. *Concivium*, по Загребскому Статуту, означаетъ вообще совокупность гражданъ, иногда членовъ сельской общины (*vicus, communitio*), иногда и задругу, когнатовъ. Впрочемъ, тоже нерѣдко встречаемъ и въ славянскихъ памятникахъ (поротники, родъ и пр.). Избѣжать путаницы и смѣшенія понятій возможно только при всестороннемъ и внимательномъ изученіи памятниковъ, при сличеніи и уясненіи возможно-большаго круга однородныхъ фактовъ и явленій.

с) Въ ученіи объ *уголовномъ правѣ* Загребскій Статутъ касается главнѣйшихъ видовъ преступленій и наказаній, развивая также нѣсколько положеній по вопросу объ уголовномъ виновеніи.

Убийство считается наиболее тяжкимъ преступленіемъ. Особый его видъ составляетъ разбой. Извѣстны также другіе виды преступленій противъ личныхъ правъ: *увѣчья* и *членоврежденія*, нанесеніе *ранъ*, *побои* и другихъ *личныхъ обидъ* — vituperium, orobrium, contumelium, alarra и пр. Изъ преступленій противъ имущественныхъ правъ упоминается одна *татьба*. Какъ видно изъ одной грамоты конца XIII вѣка, загребскіе законы раздѣляли всѣ преступления на *causae majoris* и *causae rescinialis*. Къ первымъ относились убійство, разбой, раненіе (въ торговый день), татьба и зажигательство, подлежавшія суду князя съ старшинами (*comes cum maioribus*); остальные преступления, подъ общимъ названіемъ *causae rescinialis*, судились старшинами — *maiores villae cum senioribus* (Kukul Jura I. 488).

Въ ученіи о виновеніи замѣтно явственнѣе (сравнительно съ Винодольскими Законами) различіе между преступленіемъ, учиненнымъ съ *злымъ умысломъ*, и преступленіемъ *не умысленнымъ* (*in ludo sine premeditata malitia*). Принимается также во вниманіе *мѣсто* совершенія преступления и *общественное положеніе* обиженнаго, какъ обстоятельства, усиливающія вину: за преступленіе, учиненное въ судѣ, полагается роена duplex; точно также наказаніе усиливается, если обида нанесена самому судѣ. Отвѣтственность по преступленіямъ можетъ падать, не только на виновнаго, но и на другихъ лицъ: въ Статутѣ говорится объ обязанности *domini terrae* выдавать преступниковъ или платить за нихъ пеню (дикую виру Правды).

Ученіе Статута 1242 года о *наказаніяхъ* во многомъ сходно съ ученіемъ Русской Правды. Различаются два главные рода наказаній — потокъ и денежныя пени.

Потокъ и *грабежъ* Правды удерживаются въ загребскихъ законахъ, въ смыслѣ матене Винодольскихъ Законовъ. «Expellere turpiter de civitate» значитъ по Загребскому Статуту — изгнать преступника изъ общины, иногда же просто выдать его на произволъ общины, вмѣстѣ съ грабежемъ его имущества. Потокъ и грабежъ назначаются за дѣйствія, соединенныя съ особенно преступнымъ обнаруженіемъ злой воли, и при томъ всегда совмѣстно: оба наказанія составляютъ въ совокупности одинъ юридическій институтъ. Самая сущность его одна и таже по Загребскому Статуту и Р. Правдѣ. Сюда относятся слѣдующія статутковыя постановленія. Если кто злостно убьетъ другаго и уйдетъ въ чужую землю, то, по обычаю земли, имущество виновнаго подвергается грабежу: двѣ части отдаются роднымъ убитаго, третья городу. Денежная пеня слѣдуетъ за убійство, безъ злаго умысла; но если виновный не имѣетъ средствъ для уплаты пени, то онъ выдается на произволъ общины, «*civium arbitrio reliquantur*» (См. De роена homicidii). Подобное наказаніе грозитъ виновному въ нанесеніи личной обиды другому, если онъ не уплатитъ пени: все имущество его подвергается грабежу въ пользу общины, самъ виновный постыдно изгоняется изъ города, — «*rebus omnibus in commune applicatis tamquam infamis de civitate turpiter expellatur*» (См. De vetuperiis).

Статутъ 1242 г. удерживаетъ въ полной мѣрѣ систему *композицій*, именно въ духѣ Русской Правды различая пени двоякаго рода: пеню *общественную*, въ пользу города или вообще общины (*civitas, communio*), и пеню *частную*, въ пользу

обиженного или его родныхъ (*parentis, cognati*), за обиду, на излѣченіе и пр. Общественная пеня за убійство называется *poena homicidii* (вира Правды) и составляетъ двѣ трети всего взысканія, — треть шла въ пользу родныхъ (20 пенсовъ составляютъ виру и 10 — частное вознагражденіе). Право общины на виру позже замѣняется правомъ князя и старшинъ. По грамотѣ 1298 г., общественная вира идетъ въ пользу князя съ судившими съ нимъ старшинами (князю — двѣ трети, старшинамъ треть); но вира могла принадлежать и однимъ старшинамъ, если они сами рѣшали дѣло (Juga I. 488).

Пени общественныя и частныя не одинаковы. Обыкновенно частная вира значительно превышаетъ общественную; но возможны случаи, когда послѣдняя можетъ превышать частное вознагражденіе. За убійство неумышленное платится 10 пенсовъ роднымъ убитого и 20 общинѣ. Напротивъ, частное вознагражденіе за членоврежденія и личныя обиды платится въ большемъ количествѣ, чѣмъ пеня общественная. При сильныхъ членоврежденіяхъ виновный платитъ за лекарство и, кромѣ того, за обиду 25 пенсовъ, вмѣстѣ съ общинной пеней въ 5 пенсовъ; за другія увѣчья, кромѣ платы на излеченіе, назначена частная пеня въ 10 марокъ и общинная въ 2 марки (См. *De poena wipetum*). Побой и другія личныя обиды оплачиваются частной пеней въ 10 пенсовъ, вмѣстѣ со взысканіемъ съ виновнаго 10 денаріевъ въ пользу общины (*De vetuperiis*). *Poena duplex* слѣдуетъ за преступленія, совершенныя въ трибуналѣ или въ другомъ судебномъ мѣстѣ. За обиду, нанесенную судѣ или судебнымъ засѣдателямъ, платится въ ихъ пользу 10 марокъ (См. *Poena duplex*).

Количество пеней не всегда впрочемъ точно опредѣляется самымъ закономъ; иногда допускается назначеніе взысканій по *обычаю* или *оцѣнкѣ добрыхъ людей и сгодоки*. Это нужно сказать въ особенности о дикой вирѣ. Господа или вообще община всегда платила пеню общественную и частное вознагражденіе (въ пользу родныхъ убитого), если убійца не выдавался общиной или самъ скрывался и инымъ образомъ уклонился отъ наказанія. Въ подобныхъ случаяхъ частное вознагражденіе (*rescupia*) опредѣляется, какъ говоритъ Статутъ 1242 г., «*juxta arbitrium bonorum virorum et sacramentum et concivium ad hoc electorum*», собственно же дикая вира (*poena homicidii*) — по обычаю, «*juxta ducatus Sclavoniae consuetudinem*» (См. 1-ю ст. *Quod si idem hospites* и т. д.). Есть основаніе думать, что такой же порядокъ назначенія пеней имѣлъ мѣсто и по татѣбѣ и другимъ преступленіямъ противъ имущественныхъ правъ, вообще мало затрогиваемымъ въ Статутѣ. Точное опредѣленіе нормы имущественной шкody и ея вознагражденія, принятое напр. въ Руской Правдѣ, не можетъ считаться вполнѣ цѣлесообразнымъ; потому что здѣсь многое зависитъ отъ отношеній каждаго даннаго случая, отъ свойствъ и цѣны вещей, отъ индивидуальныхъ отношеній къ нимъ владѣльца и пр. Винодольскіе Законы очень основательно говорятъ, что назначеніе мѣры взысканія, въ каждомъ данномъ случаѣ, предоставляется соглашенію самыхъ сторонъ съ судьями. Общее сходство законовъ загребскихъ и винодольскихъ допускаетъ возможность существованія подобнаго же правила и въ загребскомъ правѣ. Говоря вообще, точное опредѣленіе самымъ закономъ подробной таксы пеней по всѣмъ родамъ и видамъ преступленій, оплачивавшихся денежными платежами, принадлежитъ позднѣйшему времени. На первыхъ

порахъ, какъ не безъ основанія думаютъ изслѣдователи, здѣсь и во многихъ иныхъ случаяхъ дѣйствовали обычаи, измѣнявшіеся по времени и мѣсту, — такое или иное количество виръ зависѣло прежде всего отъ назначенія судей и соглашенія сторонъ. Установившіеся этимъ путемъ общія правила позже санкционированы законодательствомъ, въ особенности по вопросу о болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, убійствѣ, членоврежденіяхъ и пр., оставляя старые обычные порядки, при назначеніи вознагражденія за имущественныя и другія меньшія шкоды; вопросъ о вознагражденіи въ такихъ случаяхъ правильнѣе всего можетъ быть обсужденъ судьями и сторонами. Въ такомъ видѣ вопросъ о пеняхъ и рѣшается Винодолскими Законами Загребскими Статутомъ. Они точно опредѣляютъ одни пени за преступленія противъ личныхъ правъ и почти вовсе не касаются вознагражденія за нарушение правъ имущественныхъ. Въ этотъ случай Русская Правда пошла дальше: уже въ старой Правдѣ (XI вѣка) замѣтно стремленіе законодателя установить неизмѣнныя правила о количествѣ пеней за убійство, членоврежденія и другія преступленія и проступки. Правда XIII вѣка представляетъ самую подробную таксацію виръ, продажъ и частныхъ пеней, оцѣняетъ стоимость каждой вещи, не оставляетъ для судьи ни малѣйшаго простора и свободы руководиться условіями и отношеніями, до безконечности разнообразными въ отдѣльныхъ юридическихъ случаяхъ.

d) Статутъ 1242 г. не касается всѣхъ деталей *процесса*, содержитъ только нѣсколько правилъ о предварительныхъ судебныхъ дѣйствіяхъ, въ особенности о *calumpnia*, и даетъ общія указанія на судебныя доказательства и исполненіе судебныхъ приговоровъ.

Calumpnia, какъ показываетъ Статутъ, означаетъ тоже самое, что въ древнемъ чешскомъ правѣ извѣстно было подъ именемъ *нарока* или *соченья*, въ Русской Правдѣ — подъ именемъ *поклепа*. Здѣсь разумѣлось *обвиненіе безъ лица*, представлявшееся судебнымъ порядкомъ противъ лицъ, не пойманныхъ на преступленіи, но обвиняемыхъ въ его совершеніи на основаніи различныхъ доказательствъ. Въ Статутѣ требуется, чтобы клеветъ былъ доказанъ; уличенный въ ложномъ, не доказанномъ соченьи не допускается, наравнѣ съ лжесвидѣтелемъ, къ занятію должности судьи и судебного засѣдателя (*assessor*).

Изъ судебныхъ доказательствъ упоминаются: *судебныя поединки*, отиѣненные впрочемъ Статутомъ 1242 г. (*nulla causa ad duellum judicetur*), *свидѣтели* (*testis*) и *присяга* (*juramentum*).

Свидѣтели и присяга признаются главными судебными доказательствами, на которыхъ судья долженъ основывать свой приговоръ (*sententia*). Простые свидѣтели отличаются отъ присяжныхъ (*testis jurati*). Свидѣтели присяжные даютъ показанія порознь въ положенный для присяги день. Къ нимъ же относится правило о томъ, что *testis* должны быть одного состоянія съ стороной, въ пользу которой они даютъ показанія: иностранецъ можетъ имѣть свидѣтелей изъ иностранцевъ же, какъ и туземецъ — изъ лицъ себя равныхъ. Требованіе разнаго состоянія, по всѣмъ славянскимъ законодательствамъ, имѣетъ мѣсто, главнымъ образомъ, въ ученіи о поротникахъ и очистникахъ. Можетъ быть, и *testis jurati* Загребскаго Статута нѣтъ значеніе поротниковъ, — Статутъ не ясно опредѣляетъ ихъ юриди-

ческий характеръ (o calumpnia и доказат. см. 8 ст. — Item si quis extraneus и Calumpnia et falsum testimonium).

Въ заключение приведемъ указанія на мѣры и учрежденія, бывшія въ связи съ исполненіемъ судебныхъ приговоровъ. Сюда относятся: *correctio trina* et *applicatio*.

Applicatio состояло въ конфискаціи всего имущества подсудимаго, уклонявшагося отъ наказанія, вмѣстѣ съ изгнаніемъ его изъ общины. Оно было послѣднимъ заключительнымъ актомъ процесса.

Труднѣе опредѣлить юридическое значеніе *correctio trina*. По смыслу статьи, говорящей о немъ (*de vetuperis*), можно заключать, что подъ *correctio* разумѣлось простое *напоминаніе* или *требованіе*, обращенное къ подсудимому, по вопросу объ исполненіи приговора и удовлетвореніи противной стороны. Впрочемъ, сравнивая *correctio trina* съ сходными институтами другихъ славянскихъ законодательствъ, напр. чешскаго или польскаго, одинаково устанавливающихъ различныя принудительныя мѣры и взысканія, ради помужденія отвѣтника къ исполненію приговора, можно съ полной вѣроятностью полагать, что *correctio trina* Загребскаго Статута имѣло такой же *принудительный* характеръ, какъ и *vzvod, panování odhádání* старочешскаго процесса (См. Ирѣчка *Stav* рг. II. 248).

ОТДѢЛЪ IV.

Изслѣдованіе Полицкаго Статута.

Исторія составленія памятника: источники; эпохи изданія; списки; вѣщный составъ памятника. I. Государственное устройство. Значеніе полицкой жупы, катуней и вершей. Со-словія: племенные люди (властели и дядичи); редовники (кметы, наймиты, влахи); суманъ и робе; чужеземцы. Полицкая господа: сборъ и вѣча; великій князь, воевода, прокаратуры и общинный канцилиръ; сельскія вѣча и старшины — кнези или катунари, приставы и добрые люди. Значеніе круговой поруки. Судоустройство: правда жупская — судъ сбора, князя и ротниковъ; правда облублена; суды верные и господскіе; приставы (общинные, княжіе, ротные, облубленные). II. Гражданское право: отношенія семейныя, имущественныя и наследственныя; обязательства. III. Уголовное право: сущность преступленій и наказаній, ученіе о вѣщеніи; система преступленій и наказаній. IV. Процессъ: поклепъ и другія предварительныя дѣйствія; система доказательствъ; приговоръ.

Исторія полицкой общины доселѣ не вполне выяснена. Шафарикъ полагалъ, что страна, носившая въ XIV вѣкѣ названіе Полицы, въ древнее время извѣстна была подъ именемъ Цетинъ, и что цетинскіе князья были предшественниками князей полицкихъ (См. Safar. Krotka zpr., въ Sasor. 1854). Цетина дѣйствительно является въ исторіи раньше Полицы. О ней упоминаетъ еще Порфирородный въ числѣ 14 хорватскихъ жупъ, подъ именемъ Tzintzen (Juga I. 9). Въ древнѣйшихъ грамотахъ хорватскихъ тоже встрѣчаемъ только цетину и ея жупановъ или comitis: напр.; въ грамотѣ 1069 г. упоминается Dragomir juranus (жупанъ) de Cetina, въ грамотѣ 1076 г. — Pribino cetinensis comitis (Juga I. 15, 20). Первые извѣстія памятниковъ о Полицѣ, сколько намъ извѣстно, принадлежатъ XII вѣку. Въ это время Полица представляла отдѣльную область, существовавшую независимо отъ Цетинъ. Въ одной грамотѣ 1185 г. отнесены къ числу волостей (parochiae) епископа сплетскаго: «Clissam, Scale, Sminam, *Cetinum*, totam Cleunam, totam Massaron et totum *Polissam*» (Ibid. 32). Въ числѣ 12-ти пословъ, отряженныхъ въ 1102 г. хорватской землей къ венгерскому королю Коломану съ *pacta conventa*, упоминается «comes Pribistavum de *genere Politchorum*» (Juga. 24). Въ XIV вѣкѣ Полица окончательно является подъ своимъ именемъ, но есть акты той же эпохи, говорящіе и о Цетинѣ, какъ объ отдѣльной области. Еще въ 1365 г. подтверждена грамота, данная въ 1210 году королемъ Андреемъ II Цетинѣ (Ib. 53). И позже упоминается Цетина съ своими отдѣльными князьями: въ 1416 г.

цетинскій князь (ban, chnez cetinschi, chlischi ramschi, om'schi) Иванъ утвердилъ старые законы и права общины Алмиссы (Miklos Mon. 279).

Пользуясь выгоднымъ положеніемъ въ горной возвышенности (въ теперешнемъ округѣ Спалато), Полица развила общинное устройство на самыхъ широкихъ началахъ народоправства, долго ведя малозвѣстную историческую жизнь. Въ XII—XIV вѣкахъ поличане извѣстны были, главнымъ образомъ, морскими разбоями и вѣншательствомъ (съ XIII вѣка) въ распри и войны сосѣднихъ хорватскихъ и сербскихъ жупановъ и князей. Подобно Дубровнику, Полица изстари была самостоятельной общиной, до самаго паденія своихъ вольностей (въ настоящемъ столѣтіи) мало завистля отъ иной «господы». Турецкій погромъ, поглотившій Сербію и другія южнославянскія земли, отчасти коснулся и Полицы. Она также подчинилась было вліянію турецкому, но безъ потери своей самостоятельности и внутренняго самоуправленія по своимъ собственнымъ законамъ и обычаямъ. Въ концѣ XV вѣка (по Шафарнику — въ 1483 г.). Полица добровольно отдалась подъ покровительство Венеціи, считавшейся съ этого времени «господою, присвѣтлимъ господствомъ» Полицы: въ Статутѣ упоминается Венеція, въ значеніи полицкой господы, впервые подъ 1485 г. (См. Стат. 25). Подчиненіе было чисто вѣншнее: Полица по прежнему удерживала полную внутреннюю самостоятельность. Самобытное положеніе Полицы продолжалось до начала настоящаго вѣка, когда она отошла къ Австріи въ значеніи простаго округа. Старая свободная община, Полица составляетъ теперь часть спалатскаго округа Далмаціи, подчинена управленію австрійскихъ чиновниковъ.

Полица долго жила по изстариныиъ обычаямъ и уставамъ замѣчательной древности. Защищенные своими горами, мало участвуя въ общей исторической жизни европейскихъ народовъ, поличане въ теченіи многихъ вѣковъ хранили старыи бытъ, какъ предковское наслѣдіе, какъ поучительную для насъ окаменѣлость. *Статутъ Полички*, впервые возникшій чуть ли не одновременно съ Русской Правдой или Псковскою грамотой, въ теченіи многихъ столѣтій разросшійся до размеровъ объемистаго сборника, представляетъ драгоценный памятникъ славянской старины. Коренясь въ славянскихъ обычаяхъ, удерживавшихся на ряду съ установленіями позднѣйшаго происхожденія, Статутъ обстоятельно знакомитъ насъ со многими институтами, извѣстными намъ доселѣ лишь по неяснымъ указаніямъ Правды и другихъ старыхъ сборниковъ. Изученіе его должно привести къ полезнымъ результатамъ, должно до значительной степени способствовать уясненію стараго юридическаго быта всѣхъ Славянъ.

Мы скажемъ о происхожденіи Полицкаго Статута, о вѣншнихъ его особенностяхъ и рассмотримъ его содержаніе, обращая вниманіе въ особенности на постановленія права государственнаго, гражданскаго и уголовнаго и процесса.

Обычаи — древнѣйшій источникъ полицкаго законодательства. Много статей Статута непосредственно взято изъ народныхъ обычаевъ, — «обычай» и «законъ» легли въ основаніе большинства статутowych постановленій. Позднѣйшая законодательная дѣятельность полицкой общины не уменьшала значенія обычаевъ. Они удерживали силу и въ эпоху статутowych законовъ. Самъ Статутъ нерѣдко дозволяетъ

судьямъ руководиться старыми обычаями: «имаю видети и разгледати и проишливши процинати ничъ по закону и *обычаю*, зачь се немогу прем све сваке ствари напуно засвим законити, измирити и угонитити, ни се могу прем све ричи у штатутъ поставити» (64; ср. также 39, 42, 105. Объ обычаяхъ вообще см. также 95, 97, 115, 188 и пр.).

Старые законы были другимъ источникомъ Полицкаго Статута. Въ статутъ часто говорится: «хощо стари законъ, — есть законъ стари, — то е био стари законъ» и пр. (55, 78, 126, 173, 194). Старые законы входили въ Статутъ цѣликомъ или съ измѣненіемъ въ «полагли, милостивни законъ» (70, 127, 194). Древнѣйшей формой закона были *листы, записи, привилежи или привилеи*. Подъ закономъ разумѣются также *повала, разлоу, увить, одлука, наредба, зарокъ*.

Старые обычай и законы дали главные элементы, изъ которыхъ сложились Полицій Статутъ. Позднѣйшія узаконенія мало ввели въ него новаго, служили только дальнѣйшимъ и послѣдовательнымъ развитіемъ старыхъ порядковъ.

Нельзя опредѣлить времени, когда впервые явилась у поличанъ мысль собрать въ одинъ уставъ старые свои обычай и законы. Статутъ не дошелъ до насъ въ первоначальномъ видѣ; теперь извѣстны только позднѣйшіе переработанные списки, содержащіе собраніе разновременныхъ законовъ XV - XVIII столѣтій (1400 — 1725). Древнѣйшій списокъ, принадлежащій 1400 г., имѣетъ слѣдующее заглавіе:

«У ние господина бога амень. с(тату)ть полиц(ки. и суѣи) статутъ и — с — *тарога* нови (чинимо на ли)та господина Исукрста .аб» *).

Здѣсь несомнѣнно указывается на *старый* сборникъ полиціихъ законовъ, существовавшій до 1400 г. и послужившій главнымъ основаніемъ новаго Статута.

Въ самомъ статутѣ находимъ указанія, по которымъ можно приблизительно опредѣлить исторію его образованія. Можно несомнѣнно полагать, что въ образованіи Полицкаго Статута было три главныхъ эпохи:

- а) Эпоха «старого» Статута, изданнаго до начала XV вѣка.
- б) Эпоха статута 1400 г.
- в) Эпоха статута 1485 г.

О третьей редакціи Статута прямо говоритъ 25 статья, встрѣчающаяся во всѣхъ спискахъ Статута:

«Лито господне. 1485. л. данъ мѣсеца децембра. Ва ние боже амень, овио Полица купно и договорно *учинише и узаконише штатутъ свои и законе свои*. наипри стрѣиши тврдеи законе и обичае, кое имаю у листих и записих од госноде придне, а потврѣне по садаему нашему присвитлому госпоцтву бие-танкому по привилежих».

*) Во имя Господа Бога, аминь. Статутъ Полицій. Настоящій Статутъ вновь составленъ изъ стараго, лѣта господня (отъ рожденія) Исуса Христова 1400.

Причиной, вызвавшей новую редакцію Полицкаго Статута, было, по всей вѣроятности, недавнее подчиненіе Полицы венеціанской господѣ (1483), когда понадобился пересмотръ старыхъ законовъ.

Позже упоминаются простыя переписки Статута, безъ систематической его разработки. Объ одной изъ такихъ переписокъ упоминается въ самомъ Статутѣ подъ 1665 г. (ст. 273):

«Ово нека се зна, како преписасмо ови поштовани статутъ изъ старога у оги вирко и право, *ни узмакнув ни примакнув* (ни убавивъ, ни прибавивъ), него да се боље разуми рвацки и латински, з договоромъ сви поштовани властели и лидиби и са свимъ пуком».

Такія же переписки Статута предпринимались и позже. Извѣстны, напр., списки конца XVIII столѣтія (1776 г. См. Данилова Knjha zak. poljs., въ Pravd. 1851).

Статутъ не переставалъ развиваться до позднѣйшаго времени. Въ Полицѣ, Дубровникѣ и другихъ общинахъ, жившихъ по своимъ уставамъ, изстари было въ обычаѣ вносить въ нихъ новыя законы, не только при общей разработкѣ уставовъ, но и въ слѣдъ за изданіемъ каждаго закона въ отдѣльности. Такимъ образомъ, еще въ XV вѣкѣ — главную эпоху кодификаціи полицкаго законодательства, Статутъ часто дополняли вновь выходившими законами, не приступая къ общей его разработкѣ. Напр., законъ 1476 г. «од земаѣ у залогу» записанъ въ Статутѣ, при самомъ своемъ изданіи: «Будући Полица скупна припише и узаконише *у свои статутъ записаше* овако и по ови путь»... (71); точно также вѣчевой листъ 1482 г. «оппина полицка допустише и потврдише и рекоше ови *записати у статутъ*» (195). Большинство новыхъ законовъ помѣщено въ спискахъ позднѣйшаго происхожденія. Законы вносились въ Статутъ ради практическихъ цѣлей, по времени ихъ изданія или безъ хронологическаго порядка, какъ приходилось. Таковы напр., законы 1566, 1603, 1605, 1623 и другихъ годовъ.

Въ настоящее время извѣстны шесть списковъ Полицкаго Статута. Изъ нихъ 4 списка открыты Кукулевичемъ, одинъ принадлежитъ Каррарѣ, другой Стежичу. Они составлены на старомъ хорватскомъ языкѣ; доселѣ не отыскано латинскихъ списковъ, официально изданныхъ въ 1665 г. вѣсть съ хорватскими и жившихъ одинаково съ послѣдними дѣйствіе на практикѣ. Одни изъ списковъ принадлежатъ краткой редакціи, другіе — пространной. Краткіе списки содержатъ 86 капитуловъ или главъ, подраздѣленныхъ на 244 статьи; въ пространныхъ спискахъ, кромѣ того, помѣщено еще 27 новыхъ капитуловъ.

Отрывокъ Статута первоначально обнародованъ былъ Кукулевичемъ, въ его Izvjestje o putovanju kroz Dalmaziju i Napulji i Rim (U Zagrebu. 1857). Въ полномъ составѣ Статутъ помѣщенъ въ Архивѣ южнославянской исторіи за 1859 годъ (Arhiv. V. 241 — 318), по краткому списку (первому Кукулевича), съ прибавленіемъ новыхъ главъ и вариантовъ по спискамъ пространнымъ. Къ сожалѣнію, издатели Полицкаго Статута не обратили вниманія на то, что, при изученіи памятниковъ, важно и необходимо непосредственное знакомство, не только съ

ихъ содержаніемъ, но и съ формою и порядкомъ изложенія входящихъ въ нихъ постановленій. Памятники, издававшіеся въ теченіи продолжительнаго времени (наша Правда и Полицкій Статутъ развивались въ теченіе столѣтій), такъ сказать въ нѣсколько приемовъ, подвергавшіеся разновременнымъ переработкамъ, съ измѣненіями и дополненіями въ ихъ составъ, требуютъ самаго тщательнаго изданія, если не по всѣмъ, то по крайней мѣрѣ по главнѣйшимъ, типическимъ, спискамъ, въ которыхъ по преимуществу сохранилась та физіономія памятниковъ, тотъ внѣшній ихъ составъ и распредѣленіе отдѣльных законоположеній, какія представляли памятники въ каждую эпоху ихъ образованія. Этимъ путемъ только и возможно ближайшее знакомство съ исторіей отдѣльных памятниковъ и цѣлой системы законодательства данной эпохи. Издатели Полицкаго Статута обратили мало вниманія на подобныя требованія: помѣстивъ пространный Статутъ въ различныхъ мѣстахъ своего изданія, перемѣшавъ статьи различныхъ (и, можетъ, разновременныхъ) списковъ, они лишили изслѣдователей почти всякой возможности ближе познакомиться съ Статутомъ въ позднѣйшемъ его видѣ. Въ прибавленіяхъ собраны статьи различныхъ списковъ и помѣщены въ такомъ видѣ и порядкѣ, что часто трудно опредѣлить, какая изъ нихъ принадлежитъ тому или другому списку. Между тѣмъ, многочисленныя варианты почти при каждой статьѣ и чуть ли не строивъ ясно говорятъ, что если не всѣ списки, то по крайней мѣрѣ главнѣйшіе, рѣзко различаются между собой; каждый имѣетъ свою особую физіономію, различный составъ и распредѣленіе статей; есть особенности и многіе оттѣнки въ самомъ смыслѣ и содержаніи отдѣльных законоположеній.

Пользуясь Полицкимъ Статутомъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ помѣщенъ въ Архивѣ, трудно рѣшить, какія его части принадлежатъ той или иной эпохѣ его образованія. Судя по датамъ, встрѣчающимся въ спискахъ краткихъ и пространныхъ, можно думать, что краткій Статутъ древнѣе пространнаго. Въ спискахъ краткихъ встрѣчаемъ даты, по большей части принадлежащія промежутку времени между второй и третьей редакціей Статута, что даетъ поводъ относить краткіе списки къ XV вѣку: они явились, можетъ быть, при второй, или, что еще вѣроятнѣе, при третьей редакціи Статута. Новѣйшіе законы (XVI — XVIII вѣковъ) помѣщены, большею частію, въ спискахъ пространныхъ, въ которыхъ статутъ получилъ полное свое образованіе. Списки такіе мы относимъ къ послѣдующему времени. Быть можетъ, нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ къ спискамъ, составленнымъ въ 1665 году официальнымъ путемъ по «рватски и лагиски».

Есть основаніе полагать, что первыя 24 статьи Статута, до закона о составленіи и утвержденіи новаго Статута въ 1485 г., принадлежатъ древнѣйшей, можетъ быть первоначальной его редакціи, до начала XV вѣка. Эти статьи стоятъ особнякомъ отъ послѣдующихъ; между ними замѣтна большая связь и послѣдовательность; основа ихъ — по большей части старыя обычаи и законы. Въ послѣдующихъ статьяхъ Статута можно, напротивъ, видѣть переработанный Статутъ позднѣйшихъ редакцій.

Первоначальныя статьи Статута, вообще говоря, во многомъ сходны съ древнѣйшей Русской Правдой, къ которой изслѣдователи относятъ первыя 17 статей краткой Правды. Въ обоихъ дѣло идетъ, главнымъ образомъ, объ уголовномъ

правъ и процессъ; и тамъ и здѣсь, послѣдующія части памятниковъ служатъ дальнейшимъ развитіемъ первоначальныхъ статей уставовъ. Какъ въ Русской Правдѣ (краткой) вторая половина начинается статьей: «Правда оуставлена» и пр., такъ и въ Полицкомъ Статутѣ, 25-я статья, съ которой, какъ мы думаемъ, начинается переработанный Статутъ, трактуетъ о составленіи новаго Статута и объ общемъ утвержденіи законовъ и обычаевъ Полицкой общины. Быть можетъ и первоначальныя статьи потерпѣли значительныя измѣненія во время послѣдующихъ редакцій Статута; но, по всему видно, основа первоначальныхъ его статей древнѣ остальныхъ частей памятника.

Полицкій Статутъ состоитъ изъ 113 капитуловъ, подраздѣленныхъ на 282 статьи. Капитулы имѣютъ заглавія: «законъ први одъ князя, законъ одъ парие, капитула одъ башинъ» и пр. Заглавія, впрочемъ, не всегда соответствуютъ содержанію статей. Напр. пятая глава титулуется — о робствѣ, а между тѣмъ въ ней находимъ постановленія о судѣ властелей и о позвѣ; точно также VII законъ о зарвѣ содержитъ статью о робствѣ. При всемъ томъ, Статутъ отличается гораздо большей выработанностью юридическихъ понятій, сравнительно съ Русской Правдой, Винодольскими законами и пр. Въ Статутѣ только изрѣдка встрѣчаемъ темныя мѣста, едва доступныя для пониманія, какими наполнены послѣдніе памятники. Въ немъ нерѣдко попадаются казуистическія статьи, въ видѣ простой выписки изъ судебныхъ и вѣчевыхъ дѣлъ, часто даже съ обозначеніемъ фактическихъ обстоятельствъ. Но на ряду съ статьями казуистическими, усиливаются статьи съ общимъ характеромъ, напр. XXVIII законъ — «ча е стабуло али гибуѣ», CXII законъ о родительской власти и пр.

Всѣ законоположенія Статута могутъ быть, по своему содержанію, раздѣлены на двѣ неравныя группы. Первая 168 статей (до LVI главы о невирствѣ) группируются между собой довольно правильно; остальные статьи имѣютъ самое разнообразное содержаніе. Въ составѣ Полицкаго Статута можно различать слѣдующія группы статей:

а) *Основные законы*, ст. 1 — 3: о выборѣ и доходахъ князя, общиннаго пристава и судей.

б) *Законы о процессѣ и судьяхъ*, ст. 4 — 16.

в) *Уголовные законы*, ст. 17 — 24: о робствѣ, убійствѣ и личныхъ обидахъ.

Эти три группы, какъ мы догадываемся, составляли Статутъ древнѣйшей редакціи. Послѣ закона 1485 г. о новомъ Статутѣ, слѣдуютъ другія группы статей:

а) *Законы церковные*, ст. 26 — 28: о церковныхъ имуществахъ, отлученіи отъ церкви и пр.

б) *О племенщинахъ*, ст. 29 — 32.

в) *Уголовные законы*, ст. 33 — 70: о свадѣ, боѣ, ранахъ, убійствѣ и т. д.

г) *Гражданскіе законы*, ст. 71 — 120: о правахъ на вещи, о наслѣдствѣ и обязательствахъ.

е) *Процессы*, ст. 121 — 168.

г) Остальные статьи (169 — 282) содержат смѣшанные постановленія по гражданскому, уголовному праву и пр.

Содержаніе Полицкаго Статута мы рассмотримъ въ слѣдующихъ четырехъ отдѣлахъ: о государственномъ устройствѣ, о гражданскомъ, уголовномъ правѣ и процессѣ. Замѣтимъ при этомъ, что Статутъ, подобно нашей Правдѣ, развивался въ теченія продолжительнаго времени, измѣнялся въ своемъ составѣ посредствомъ общей переработки старыхъ законовъ и разновременнаго внесенія въ него новыхъ законовъ, — словомъ, содержаніе Статута не всегда было одинаково. Начавшись съ немногихъ постановленій по суду и уголовному праву, Статутъ съ теченіемъ времени развилъ цѣлую систему законодательства, обнимающаго право государственное, гражданское, уголовное и пр. Правильнѣе всего было бы излагать содержаніе Статута исторически, по главнѣйшимъ эпохамъ его образованія. Къ сожалѣнію, доступный доселѣ матеріалъ не даетъ къ тому никакихъ прочныхъ средствъ. Статутъ древнѣйшій не дошелъ до насъ; списки же позднѣйшаго Статута (XV—XVIII вѣковъ) заключаютъ весьма немногія даты при отдѣльныхъ статьяхъ. Большинство статей изложено безъ малѣйшихъ указаній на время ихъ происхожденія. Изложеніе наше, такимъ образомъ, должно было по необходимости ограничиться лишь общимъ обзоромъ содержанія Статута по указаннымъ выше отдѣламъ.

I. *Государственное устройство Полицы*. Прежде всего замѣтимъ, что Полицкій Статутъ составляетъ превосходный источникъ для изученія внутренняго быта славянской *волости* (жупы), удержавшей почти первобытныя формы общинной жизни старыхъ Славянъ. Въ этомъ нужно видѣть капитальное различіе Статута отъ другихъ славянскихъ памятниковъ.

Русская Правда или Душановъ Законникъ воспроизводятъ бытъ нѣсколькихъ большихъ союзовъ — земель, княжествъ, съ болѣе или менѣе общимъ политическимъ единствомъ частей, — мелкіе союзы, волости и жупы, стоятъ здѣсь на далекомъ планѣ. Въ Винодольскихъ Законахъ изслѣдователь изучаетъ бытъ «кнежтва» — союза нѣсколькихъ градовъ или обкинъ, старыхъ жупъ, играющихъ уже болѣе видную роль въ жизни цѣлаго княжества. Городовые Статуты далматскаго Приморья воспроизводятъ жизнь городской общины, возникшей изъ старой жупы или (какъ напр. въ Дубровникѣ) сдѣлавшейся «господою» цѣлаго союза жупъ. Вездѣ мы встрѣчаемъ уже до значительной степени развитыя и сложныя формы быта, часто съ значительными задатками широкой государственной жизни: старая волостная жизнь, когда-то господствовавшая у всѣхъ Славянъ, въ исчисленныхъ уставахъ стоитъ далеко не на первомъ планѣ.

Не таковъ характеръ Полицкаго Статута. Союзъ нѣсколькихъ сельскихъ общинъ, или просто союзъ одной жупы, безъ всякаго намека на «грады» и городскую жизнь, — союзъ, удерживавшій полную самостоятельность, при самомъ слабomъ и отдаленномъ подчиненіи «иной господѣ», — устройство такого союза, отношенія его къ своимъ членамъ и т. д. — главные предметы, исчерпывающіе все содержаніе Полицкаго Статута. Его по всей справедливости можно назвать *сельско-общиннымъ уставомъ*. Въ немъ все возводится прежде всего къ жупѣ, общинѣ,

селу; онъ не знаетъ иныхъ интересовъ, помимо интересовъ своей жупы съ отдельными общинами. Полица изстари чуждалась городовъ и городской жизни: Полицкій Статутъ положительно запрещаетъ учрежденіе «градовъ», видѣть въ нихъ «новщину, ча би проти опѣивн» (гл. XXXVII).

Полицкій Статутъ, такимъ образомъ, рѣшительно опровергаетъ положеніе Гильфердинга, Ирѣчка и другихъ историковъ, которые утверждаютъ, что у старыхъ Славянъ каждая жупа, волость, непременно имѣла городъ, какъ *conditio sine qua* поп своего существованія, — что жупа и градъ всегда соединялись неразрывными узами: не было града, не было и жупы (Гильферд. Исторія Балт. Слав. 126, 156. Ирѣчка Slav. Pr. II. 172, 177). Жупа полицкая (а такихъ жупъ въ старину могло быть не мало у Славянъ, въ особенности южныхъ) прожила безъ града цѣлые десятилетия вѣковъ, не только не видѣла надобности въ городахъ, но даже положительно отвергала городской бытъ, какъ форму жизни, не сродную съ изстародавней обычной жизнью своей «опѣивны».

Явленіе такое нельзя объяснять неразвитостью и грубостью полицамъ, будто бы рѣшительно неспособныхъ къ болѣе широкимъ формамъ общежитія. Уже въ XIV, а тѣмъ болѣе въ XV и слѣдующихъ вѣкахъ, Полица стояла на довольно высокой ступени развитія, обладала правильнымъ и, по тому времени, значитѣльно развитымъ и установившимся строемъ гражданственности. Это, какъ нельзя лучше, доказываетъ самъ Полицкій Статутъ — уставъ, который едва ли могъ явиться у дикаго народа, — созданіе котораго сдѣлало бы честь какому угодно народу. Вспомнимъ, что Статутъ, по распоряженію самаго вѣча, переведенъ былъ на латинскій языкъ, языкъ современнаго цивилизованнаго міра, — очевидно, ради практическихъ цѣлей: въ судебной и административной практикѣ латинскіе списки Статута несомнѣнно имѣли такое же дѣйствіе, какъ и списки хорватскіе.

Главную причину отсутствія въ Полицѣ городовъ нужно искать прежде всего въ мѣстныхъ обстоятельствахъ и обстановкѣ, при которыхъ постоянно жила полицкая община. «Грады» у старыхъ Славянъ имѣли значеніе огороженныхъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, служившихъ убѣжищемъ для волостныхъ жителей на случай внѣшнихъ нападеній; грады были также мѣстомъ народныхъ сходокъ, для суда, торга и пр. Грады были существенной необходимостью въ равнинныхъ, открытыхъ жупахъ, доступныхъ для внѣшнихъ нападеній: общины горныя, закрытыя, съ крѣпкими природными границами, мало нуждались въ искусственныхъ мѣрахъ для защиты и обороны союза. Такія общины не заводили у себя градовъ, жили по исконному обычаю предковъ, для которыхъ, вмѣсто градовъ, служили лѣса, горы и другія удобныя убѣжища отъ непріятелей. Въ такомъ именно положеніи постоянно находилась Полица. Защищенная своими горами, она не нуждалась въ городахъ, оставалась при однихъ селахъ и сельскомъ бытѣ. Въ то время, какъ въ общинахъ чешскихъ, польскихъ, русскихъ и другихъ съ теченіемъ времени возникали изъ старыхъ гродовъ часто обширные промышленные и административные центры и городская жизнь и промыслы входили въ привычку населенія, у южныхъ Славянъ многія общины и племена, жившія при условіяхъ, не вызывавшихъ необходимости въ городской жизни, продолжали по прежнему жить сельскими общинами, чуждаясь

городской жизни других народов. Такой характер издревле имѣла и доселѣ имѣетъ Полица. Историческая ея жизнь представляетъ послѣдовательное и правильное развитіе сельско-общиннаго быта, которымъ жили когда-то всѣ Славяне, — явленіе, которое, какъ нельзя больше, отразилось въ общемъ направленіи и характерѣ полицкаго законодательства. Статутъ Полицкій имѣлъ своей задачей — развить нормы общежитія, примененныя къ быту сельскихъ общинъ. Положивъ въ свою основу древнеславянскіе обычаи, Статутъ, въ своихъ капитулахъ и законахъ, обнялъ всѣ проявленія сельского быта, мало или вовсе не касаясь отношеній, не вытекавшихъ изъ условій сельской жизни.

Полица носитъ въ Статутѣ названіе *жуны, оплины, оплины жупской, оплины полицкой, полицаны*; иногда весь союзъ называется *оплина жупа полицка*. Съ XVII вѣка встрѣчаемъ, на ряду съ жупой, также названіе *провинціи* (273, 276 — 278).

Жупа полицкая представляла союзъ меньшихъ территоріальныхъ общинъ — *катуней* и *селъ*. Въ составъ союза входило 12 катуней (См. напр. 250, 251). Въ законѣ 1662 г. они перечислены въ слѣдующемъ порядкѣ: Довни Доц (Довне, Дочане, теперешній Донній Долацъ¹), Горѣни Доц (катунъ горѣни, теперешній Горный Долацъ), Костаѣни (катунъ костански), Звечаѣни, Чичла, Гата, Дуброва, Ситное, Сриѣни (катунъ сринански), Дуѣ (катунъ дуѣски), Бесениде (катунъ весенички) и Пострана (Подстрана). Нѣкоторые изъ катуней имѣютъ нѣсколько селъ, въ значеніи главной общины и ея приселковъ. Катунъ гатскій состоялъ изъ селъ — Гата и Накѣлице, катунъ дучскій — изъ Дуѣ и Труше, катунъ горный — изъ Горнаго Доца, Тринбушанъ, Сриѣанъ и Путишчанъ, катунъ костанскій — изъ Костаѣвъ и Смолоенъ (267). Въ другихъ мѣстахъ Статута, кромѣ того, упоминаются слѣдующія сѣла: Враци, Мачинъ, Доне Поле, Застинъ, Гаѣине, Грацъ, Козѣакъ, Чажинъ Доцъ (71, 91, 175 и пр.).

Въ Полицѣ, по преимуществу горной странѣ, населеніе издавна привыкло жить разбросанно, небольшими селами, носившими часто одно имя и составлявшими одну общину — большое село, катунъ. Здѣсь не могли развиваться сплоченныя поселенія равнинныхъ и открытыхъ мѣстностей. Децентрализованныя общины, катунни, извѣстны были въ старое время и другимъ южнымъ славянамъ, напр. сербамъ временъ Душана (См. Законникъ, по изданію Миклошича, 81, 124; также въ Гласникѣ XV, 288, 291 — 295, хрисовуль Душана Приврзенскому монастырю, въ которомъ катунни уравниваются съ селами). Они доселѣ удерживаются у Сербовъ. По словамъ Гильфердинга, деревень, въ русскомъ смыслѣ этого слова, нѣтъ въ горныхъ мѣстахъ, обитаемыхъ сербскими народами; села состоятъ изъ 2 — 5 избъ. Иногда нѣсколько такихъ селъ носятъ одно имя и составляютъ одну общину, имѣютъ одного «кнеза», старшину (Боснія, 90).

Катунни — общины съ исключительно земледѣльческимъ характеромъ. Отношенія поземельныя служатъ, по Статуту, главной матеріальной основой полицкой жупы. Почти пятая часть Статута наполнена постановленіями «од земаль, котаревъ, гаевъ и испашъ», о коловаяхъ (млинь), «звирныхъ и рыбныхъ» ловахъ, водахъ, путяхъ, мѣжахъ и т. д. Хозяйственное устройство древней сельской общины

Славянь нигдѣ не изложено такъ обстоятельно, какъ въ Полицкомъ Статутѣ — этомъ сельско-хозяйственномъ уставѣ, тѣмъ болѣе драгоценномъ для насъ, что въ основѣ его лежатъ старыя обычаи, бывшіе когда-то общими для всѣхъ Славянъ.

Села имѣтъ свои отдѣльныя земли пахатныя и лѣсныя, свои пастбища, ловы, колован и пр. «Котаре» селъ раздѣляются (оддионе и одтесите) межами — «границами и меѣшами». Отдѣльное село живетъ на *опленой, пополенной* землѣ — общей собственности цѣлой общины, — въ безраздѣльномъ обладаніи селъ находится вся общинная земля. Допускаются по селамъ и передѣлы, *дилениа*, по жребіямъ (жарибове, дно, подворниці), между членами общинъ — диониками, сусидями, главами. Тотъ же порядокъ принятъ по владѣнію гаями (лѣсами) и другими общими угодьями. Исключеніе составляли одни испашни (пастбища), оставшіяся всегда въ безраздѣльномъ обладаніи общинъ. — Общинность можетъ имѣть мѣсто, не только между членами одной общины, но и между «сумежными, сусидними» селами, въ особенности по обладанію лѣсами и пастбищами. Во всѣхъ такихъ отношеніяхъ Полицкій Статутъ устанавливаетъ подробныя правила хозяйственнаго устройства общинъ (Сюда относятся въ особенности статьи 95 — 120; ср. также 170 — 173, 187, 201 — 202, 204 — 207, 241 и т. д.).

Община слагается изъ *сусидъ, диониковъ* или *главъ*. Внутреннія связи между ними были самыя тѣсныя, основывались на началѣ круговой поруки, вполне развитой Статутомъ. Съ того времени, какъ отдѣльныя лица вступили въ союзъ диониковъ, цѣлая община и отдѣльныя ея члены несутъ повинность взаимной защиты и мести, вмѣстѣ съ отвѣтственностью за проступки каждаго изъ диониковъ. Обь обязанности общины защищать своихъ членовъ говорить, напр., 52-я статья: «ако ли би убио поличанинъ изваньскога за кровь приду, за тои имаю *Полица стати*, ако ли би незаимито, тои е овога ствар, ки кровь учини» ¹⁾ (о мести и отвѣтственности общинъ за своихъ членовъ см. 47, 53, 57, 58, 65, 247, 256 и пр.).

Общины полицкія, подобно винодолскимъ, имѣютъ характеръ вполне *автономическихкихъ* союзовъ. Въ главахъ общинъ стоятъ вѣча и выборные старшины — главные органы общиннаго самоуправленія. Статутъ ясно говоритъ объ участіи общины въ дѣлахъ законодательныхъ (19 — 22, 25, 71 и пр.), административныхъ (напр. по 202 ст.: «и да виткоръ неима пута стисковати али га ннамо одтиснути брезъ *допущениа опѣине* али суда» ²⁾), судебныхъ (напр. 143, 180, 248, 249, 256). Въ пользу общины идутъ всякія общественныя пени и конфискаціи; осудъ только изрѣдка дѣлится пополамъ съ княземъ (2, 232). Нѣтъ ни одного случая, когда бы община заслонялась другимъ, не зависѣвшимъ отъ нея, общественнымъ дѣтелемъ.

Кромѣ общины территоріальной, Полицкому Статуту извѣстна также *вервь*

¹⁾ Если поличанинъ убьетъ чужеземца (мстя) за прежнее убійство, то его (т. е. поличанина) должна защищать Полица; если же убійство совершено безъ предыдущаго повода (не за прежнее убійство), то оно считается дѣломъ того, кто его учинилъ.

²⁾ Никто не долженъ уменьшать дорогъ или отводить ихъ въ другое мѣсто, безъ дозволенія общины или суда.

(вервь), *дружина вервая*, подобная сербской задругѣ, или заедину, имѣвшая значеніе семейной общины. Въ смыслѣ такой же верви, дружины, говорится о *племенѣ*, *куль*, *ближикахъ*, *братствѣ*. Слагаясь изъ двошниковъ и вервиныхъ братьевъ, различавшихся отъ братьевъ «присныхъ и дальнихъ», вервь вообще организуется по типу общины территоріальной, къ которой она относится, какъ часть къ цѣлому. Вервь живетъ на общей или вервной (врвнѣ) племенщинѣ, имѣющей для нее такое же значеніе, какъ попольная земля для общины территоріальной. Племенщина вервная можетъ оставаться въ общемъ обладаніи союза, или вступать въ раздѣлъ по участкамъ (ждрибеннице, дио). Дружина вервая основывается, подобно территоріальной общинѣ, на началѣ круговой поруки и равноправія членовъ, управляется господаремъ, съ правомъ собственного суда и расправы (о подробностяхъ см. мою статью о верви по Р. Правдѣ и Полиц. Стат.).

Въ составѣ полицкой жупы различаются два главные общественные разряда — *племенные люди* и *редовники*, свободные простолюдины. Самый низшій классъ составляли *сужни* и *рабы*. Упоминаются также чужеземцы. Эти разряды носятъ общее названіе *врсте* (18, 19, 193).

а) *Племенные люди* раздѣлялись на *властелей* (властелиновъ, властелинчей) и *дидичей*, иногда называвшихся *племенитыми властелями* и *племенитыми дидичами* (17, 250). Обоимъ классамъ принадлежало главное участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Изъ нихъ избирались судьи и другія должностныя лица; вѣча и зборы, въ обыкновенныхъ случаяхъ, составлялись по преимуществу изъ властелей и дидичей. Они считались главнымъ землевладѣльческимъ классомъ, держали на своихъ земляхъ кметей (141). — Статутъ въ подробностяхъ не опредѣляетъ различія между обоими классами. Полицкіе властели и дидичи во многомъ напоминаютъ сербскихъ властелей большихъ и малыхъ (властеличниковъ). Замѣчательно, что дидичи могли составлять изъ себя особое вѣче, по дѣламъ, касавшимся специально дидичей. Въ 1670 г. созванъ былъ «зборъ дидичски», изъ главарей и дидичей, для разбирательства спора о «дидичствѣ» какого-то воеводы Стазича. Доказательствомъ дидичскаго состоянія его признано то обстоятельство, что изъ его «племени» издавна избирались судцы (275). — Слѣдуетъ наконецъ замѣтить, что племенные люди, въ существѣ вещи, не многимъ отличались отъ другихъ свободныхъ классовъ (редовниковъ), пользовавшихся (хоть и въ меньшей степени) политическими правами и полной гражданской правоспособностью. Податныя льготы вездѣ становятся принадлежностью высшихъ классовъ, чуть только они начинаютъ пріобрѣтать привилегированное положеніе въ государствѣ, — между тѣмъ, полицкіе властели и дидичи никогда не пользовались исключеніемъ изъ числа податныхъ лицъ. Только занятіе болѣе важныхъ должностей соединено было съ податными льготами. Напр., воеводы и прокаратуры освобождались отъ податей, и то только отчасти: главѣйшія дани — десетину, вражбу, харачъ, они платили на общемъ основаніи (14).

б) *Редовники* (редовники) составляли отдѣльное «врсте», какъ объ этомъ говорится напр. въ 91 статьѣ: «тко би се годиръ нашао, али властелинъ, али дидиъ, али редовникъ, али нин кое хоѣ *врсте* човикъ»... Они отличаются отъ властелей и дидичей, но и не обнимаютъ всѣхъ не — племичей; потому что есть еще

«ине врсте», стоящие ниже редовниковъ. — Другое указание на редовниковъ встречаемъ въ законѣ 1670 г. о сборѣ поднимскомъ, на которомъ участвовали редовники (274). Люди зависимые никогда и нигдѣ не являлись на народные сходки съ сколько нибудь дѣятельною ролью. Стало быть, въ редовникахъ, собиравшихся на подимскіе сборы, нужно видѣть просто классъ свободныхъ людей, занимавшихъ средину между племенцами и людьми зависимыми. — Въ нѣкоторыхъ южнославянскихъ памятникахъ дается редовникамъ другое значеніе. Въ вѣчевой грамотѣ Дубровника 1442 г. есть слѣдующее мѣсто: «кои буде уписано *прѣдъ редовници* римске вере или вере босанске» (Пуцича Спом. II. 105). Даниичичъ называетъ ихъ *попаші* (Срб. рѣчн. III 47); но такое объясненіе не оправдывается другимъ памятникомъ того же времени, гдѣ редовниками названы свидѣтели, присутствовавшие при составленіи акта, именно: *іостъ* Радиятъ, митрополитъ Давидъ и *кнезь* Прибиславъ Вукотићъ (Пуцичъ II. 126). Редовники грамоты 1442 г., присутствовавшие при внесеніи въ вѣчевыя книги листа босанскаго краля Твѣртка, имѣли значеніе свидѣтелей — «сведокѣвъ», ручниковъ, милостивиковъ», иногда «ротниковъ», т. е. властелей, утверждавшихъ дѣйствительность грамоты своей присягой, ручательствомъ или простымъ присутствіемъ (см. напр. Обреновича Спом. 244, 249 и пр.).

Намъ кажется, что полиціикихъ редовниковъ можно ставить въ параллель съ себрами Душанова Законника. Сербовъ обыкновенно противопоставляютъ властелямъ, какъ классъ непривилегированный, не пользовавшійся политическими правами (Крстича Разматрања, въ Гласн. VI. 122 — 123). Мы имѣемъ основаніе думать, что объясненіе такое не точно опредѣляетъ дѣйствительное положеніе себровъ въ ряду другихъ общественныхъ разрядовъ. «Съборы себровъ» отиѣняются только Законникомъ; значить, до него всѣ себры пользовались общими политическими правами. Политическія права, хоть и ограничєнные, признавались за горожанами и во время Законника (Ibid., 126 — 127), а горожане относились къ себрамъ. Себровъ нельзя, стало быть, противопоставлять властелямъ: этимъ еще мы не даемъ точнаго опредѣленія юридическаго характера себровъ. Есть другое, какъ намъ кажется, вполне вѣрное объясненіе значенія себровъ, сообщенное намъ профессоромъ В. И. Григоровичемъ. Въ числѣ старо-славянскихъ рукописей, ему принадлежитъ весьма интересная вещь — старосербская кормчая, чуть ли еще не времянъ Законника. Въ этомъ памятникѣ, между прочимъ, встречаемъ слѣдующее мѣсто: «аще ли *свободни* соутъ, *себры* соуще», — мѣсто, не требующее никакихъ объясненій, ясно говорящее о сути института себровъ. Эти-то себры и полицііе редовники во многомъ сходны между собой, какъ классъ *свободныхъ простолюдиновъ*, занимавшихъ средину между властелями и людьми зависимыми.

Къ редовникамъ въ указанномъ смыслѣ относились въ особенности кмети и въ частности селяне, наемники, торговцы и пр.

Кмети (кметини, кметовићи) означаютъ вообще свободныхъ крестьянъ, жителей селъ, «селянъ», — разрядъ, подходившій нѣсколько подъ понятіе обкинскихъ людей виводольскаго устава. Они пользуются общей гражданской правоспособностью, могутъ владѣть собственнымъ имуществомъ, вступать въ договоры и пр. (17, 18, 143). Кмети, наравнѣ съ племенцами, пользуются общими юридическими гарантіями. Въ Статутѣ мы нашли нѣкоторые различія между обоими классами только касательно

личныхъ обидѣ: за обиду, нанесенную кметемъ племичу, платится «дупло», а за обиду господина, на землѣ котораго сидитъ кметъ, грозитъ послѣднему урѣзаніе языка или «искупъ» — платежъ денежный, равный осуди за убійство (68).

По занятіямъ кмети раздѣлялись въ особенности на «селань, торговац и наѣмниковъ».

Кмети могли жить на своихъ земляхъ или на земляхъ племичей. Селяне, занимавшіеся обработкой чужой земли, называются въ Полицкомъ Статутѣ *юсподжми подложники*, кмети, люди (109, 141, 151, 237 — 238). Имъ предоставляется полное право выхода, безъ ограниченія опредѣленными сроками. Отъ подложника только требовалось, чтобъ онъ не уходилъ воровскимъ образомъ, но «затворивши у двору своему и у кући все ча има иманья, или живине, или нюга блага гибуѣга, или иѣоще ако би башчане, ку би под ним стекао, тере има призвати свога *юсподра*, тер му рећи: господис, то е све боже и твое, волянъ си ча оставити, волянъ неостави. и тоту такои учинивши, ако бы му ча узео, волянъ би или све или нѣки дно; пу ля му онди ослободи, юр му послѣ нне волянъ господарь оногои вазимати, ча годи му е еднотч ослободно» ¹⁾ (189; ср. 190 — 191). Пока кметъ «подложанъ» господарю, до тѣхъ поръ онъ подчиняется его суду и расправѣ; жаловаться на несправедливый судъ господина дозволяется кметю только въ такомъ случаѣ, когда господинъ не «дастъ правды» или кметъ перейдетъ отъ него въ другое мѣсто. Въ обоихъ случаяхъ кметъ пользуется общимъ правомъ судебной защиты (16, 237, 238).

Торговцы (торговац) упоминаются въ Полицкомъ Статутѣ только мимоходомъ (259). Они не составляли отдѣльнаго разряда, который можно было бы уравнивать съ «граждавами» Законника Душана. Полицкій Статутъ разумѣетъ подъ торговцами тѣхъ же селянъ, «ки се наѣе (находятся, живутъ) у комъ селу», которые между прочимъ занимались и торговымъ промысломъ.

Наймимы (наѣмники) — кмети, служившіе по найму (наѣму), для дворовыхъ и иныхъ работъ. Наемъ назначался на годъ и на большіе сроки. Наймимъ получалъ условленную плату (ципу). Старые законы не дозволяли наймиту оставлять хозяина, безъ причины, до истеченія срока найма, — иначе наймимъ не могъ требовать уплаты цѣны; точно также господарь, выгнавшій наймита до срока, долженъ былъ вполнѣ съ нимъ разсчитаться. Статутомъ принятъ «милостивинъ законъ»: дозволено уходить и до срока, при чемъ цѣна должна уплачиваться по расчету времени службы. Наймимъ долженъ уходить отъ своего хозяина, «липо поклонивъ се» и получивъ отъ господара «прощеніе» (168, 193, 194).

Отдѣльный отъ кметей классъ составляли *власи* (власици). Они принадлежали

¹⁾ Затворивши въ своемъ дворѣ и домѣ все, что имѣетъ изъ (хозяйскаго) имущества, или скота, или другаго имущества движимаго, или даже наследственнаго имущества, бывшаго въ его пользованіи, (кметъ) долженъ призвать своего хозяина и такъ ему сказать: господинъ, все это — Божье и твое, можешь что либо оставить себѣ, можешь и не оставить. Послѣ этого (хозяинъ) можетъ взять все (имущество), или какую либо часть; если же онъ оставитъ его (за кметемъ), то послѣ не можетъ отобрать у него ничего, что первоначально было ему подарено.

къ сельскимъ жителямъ (17) и пользовались личной свободой. Статутъ положительно запрещаетъ «држати влаха у Полицяхъ ни на поличкомъ, одложе тко га море држати *на свомъ и о свомъ*, одложе *добре воле*, на чемъ би стали» (20). Мы объясняемъ это мѣсто въ такомъ смыслѣ, что никто не можетъ держать влаха на общинныхъ земляхъ (на поличкомъ), — ихъ допускается селить только на частныхъ земляхъ, и то по доброй волѣ, на чемъ уговорятся. Влахи издавна встрѣчаются у всѣхъ южныхъ Славянъ и уравниваются съ *арбанасами* (албанцами), *париками* и другими «*тоуюземлянами*», пришлыми людьми, жившими между Славянами въ числѣ поселенъ (Miklos Mon. 60, 208, 353. Пуцичъ II. 159). Въ латинскихъ источникахъ влахи называются *vlachi vel villani* (Kukul Juga I. 126). По сербскимъ памятникамъ, влахомъ называется «*пастоуль*, *пастирь*, ки пасоу кобиле», переходившій съ своимъ «станомъ» съ одного мѣста на другое, — отсюда и название — *станции*, *станянинъ* (встрѣчаются въ Законникѣ и другихъ памятникахъ), т. е. челоуѣкъ, ведшій жизнь кочевника (Пуцичъ I. 94. 149. Гласн. XV. 306. Miklos. 208, 434 и пр.). Въ Полицѣ влахи не причислялись къ настоящимъ членамъ общины, считались собственно «изванскими», людьми пришлыми, которыхъ можно было «држати», селить только на частныхъ земляхъ. Нигдѣ не говорится, чтобъ влахи, подобно кметямъ, участвовали на вѣчахъ или пользовались другими правами людей «обкинскихъ». Впрочемъ, какъ люди свободные, они не лишались общихъ гражданскихъ правъ, могли напр. владѣть своимъ «иманьемъ, добыткомъ» (Пол. Ст. 17. Ср. Пуцича Спом. I. 91).

с) Самый низшій классъ въ Полицѣ составляли такъ называемые *сужанъ* и *робе*, *челядь*.

Подъ именемъ *сужанъ* разумѣлись въ Полицѣ люди, состоявшіе «у сужанству» — временной личной зависимости, по долгамъ и преступленіямъ. Подобно закупамъ Русской Правды, они обязывались отслуживать свой долгъ или нпущественный вредъ, нанесенный другому. По Статуту, полицане могутъ держать «своего брата» (поличанина) не въ «робствѣ», но только временной зависимости, до выслуги и отработки (трудъ, ризикъ, плаћа. 174, 198). Дѣтямъ дозволялось выкупать своихъ родителей изъ сужанства или отслуживать вмѣсто нихъ долгъ и пр. (281). Учрежденіе сужнихъ, бывшихъ «у сужанствн», извѣстно и другимъ южнымъ Славянамъ (Miklos. 170, 171, 369. Пуцичъ I. 46, 49, 76, 85, 96. Закон. Душ., по изд. Miklos. 98, 99).

Робе и *челядь* находились въ «робствѣ» — личной крѣпостной зависимости, сходной съ холопствомъ Русской Правды. Рабы (*servi*, *ancillae*) упоминаются въ самыхъ древнихъ хорватскихъ памятникахъ (Juga I. 3, 6, 19). «Робове, робье, робья откупована, плѣнная челядь», извѣстны также старымъ сербскимъ памятникамъ (Miklos. 47, 219, 529, 530. Пуцичъ I. 10, 173). Боснія въ старое время славилась людской, челядиной торговлей (Пуцичъ I. 31, 146). Есть даже жалованные грамоты, дававшіяся кралами монастырямъ и частнымъ лицамъ на людей, бывшихъ въ частной зависимости, иногда цѣлыми сотнями домовъ и семействъ (напр. у Miklos. 481). Всѣ эти факты ясно говорятъ, что рабство составляло у большинства южныхъ Славянъ древнее учрежденіе, въ противность положенію Крстича, отвергающаго существованіе рабства въ старой Сербіи (въ Гласникѣ VI. 140 — 144).

У поличанъ морскіе разбон, которыми они славились въ старое время, не обходились безъ «робства», безъ взятія плѣнныхъ и обращенія ихъ въ рабы. Запрещеніе такого промысла принадлежитъ еще старымъ законамъ, угрожавшимъ за морскіе разбон строгими наказаніями (Пол. Ст. 17 — 18), — запрещеніе, имѣвшее силу и въ періодъ Статутовъ. Зависимость челяди и рабовъ возникаетъ, по Статуту, только изъ плѣна (воисци плинь). Въ старое время (стари е законъ био) плѣнные принадлежали тому, кто ихъ взялъ; но дозволялось брать за нихъ выкупъ (приамшину). Статутъ вовсе запретилъ обращать поличанъ въ рабовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ установилъ, чтобы «робе» могли отслуживаться за «трудъ или ризикъ», сравнивая такимъ образомъ челядь съ обыкновенными кабальными людьми. Что касается отношеній челяди къ своимъ господамъ, то извѣстно только, что рабъ не могъ уходить отъ господара, имѣвшаго право вездѣ его искать, и что, по старому обычаю, запрещалось «продавать и покупать челядь, како ъе од старине обичаѣ» (17, 175, 197 — 199, 266).

д) Упоминаются наконецъ *чужеземцы* (ванко, извански). Въ отношеніи къ нимъ допускается мечь (право тирати) по уголовнымъ дѣламъ, въ особенности по убійству. Изванскіе не допускаются поротниками (очистниками) въ дѣлахъ между поличанами. Видно впрочемъ, что изванскіе пользовались общими юридическими гарантіями; по крайней мѣрѣ, убійство изванскаго наказывалось общими пеними, развѣ оно будетъ учинено за «придну кровь», когда Полица должна была «стати», защищать своего поличаннина (22, 52 — 54).

Таковъ составъ полицкой жупы. Катуні и вервныя дружины — основныя формы общественной жизни поличанъ. Въ теченіи долгихъ вѣковъ поличане сложились съ своей общиной, съ ея интересами и нуждами, мало знакомые съ другими, болѣе сложными интересами и формами общежитія. Простота и непосредственность отношеній замѣтна въ организаціи общественныхъ разрядовъ — племичей, кметей и пр. Ихъ нельзя называть сословіями въ теперешнемъ смыслѣ; это не болѣе, какъ фактическіе классы, безъ особенно рѣзкихъ различій между собой. Полицкихъ племенныхъ людей нельзя сравнивать съ шляхтой польской или чешской, возвысившейся до огромнаго привилегированнаго положенія въ государствѣ; нельзя сравнивать съ племенами далматскаго Приморья, пріобрѣтшими преобладающее положеніе въ своихъ общинахъ. Властелей полицкихъ скорѣе всего можно ставить въ параллель съ нашими древними боярами: оба класса занимали въ общинахъ служебное положеніе, играли почетную роль главныхъ силъ земства. Изъ властелей и бояръ избирались вожди и старшины общинъ; властели были главными народными судьями, вообще мало заключали въ своей средѣ аристократическихъ элементовъ, цѣлкомъ принадлежали къ своимъ общинамъ, какъ лучшія и наиболѣе дѣятельныя ихъ части. Съ такимъ характеромъ остаются полицкіе властели до позднѣйшаго времени. Полицкіе кметі, наймиты, сужни и челядь рѣшительно напоминаютъ древне-русскихъ смердовъ, наймитовъ, закупней и холоповъ. Разницу можно видѣть лишь въ томъ, что полное господство общины съ ея нивелирующими порядками не дозволило развиться въ Полицѣ холопству въ такой сильной степени, какъ это было у насъ уже въ эпоху Русской Правды: полицкая челядь не составляла наследственнаго состоянія, какимъ является наше холопство въ Правдѣ. Такъ на двухъ крайнихъ

точкахъ славянскаго міра долго развивались одни и тѣже социальныя порядки. Здѣсь не было заимствованій и подражаній: сходные порядки представляютъ только результатъ послѣдовательнаго развитія общихъ началъ славянскаго быта. Русское общество позже вступило на иной историческій путь; его бытъ быстро сталъ проникаться новыми началами, — эпоха Судебниковъ и Уложенія мало уже связывается съ эпохой Правды. Полица надолго осталась вѣрной старымъ порядкамъ. Ея бытъ такъ сроднился съ этими порядками, такъ мало освѣжался сторонней примѣсью, что вѣка, слѣдовавшіе за эпохой Статута, не представляютъ почти никакого движенія въ общественной жизни Полицы.

Полица имѣла весьма простой и несложный механизмъ государственнаго устройства. Слова Прокопія о народоправствѣ древнихъ Славянъ (*et vero hi populi, Sclaveni inquam et Antae, non uni parent viro, sed ab antiquo in populari imperio vitam agunt: ac propterea utilitates et damna apud ipsos in commune vocari solent*) находятъ буквальное подтвержденіе въ данныхъ, сообщаемыхъ Полицкимъ Статутомъ о системѣ управленія полицкой жупы. О полицанахъ XV и слѣдующихъ вѣковъ можно съ полной справедливостью сказать, что они, какъ всѣ Славяне времени Прокопія, «не повинуются одному властителю, но изначала живутъ при народномъ правленіи». Въ то время, какъ въ другихъ хорватскихъ и сербскихъ земляхъ рано появляется раздвоеніе въ администраціи, повторившееся и у другихъ Славянъ и окончившееся болѣе или менѣе полнымъ торжествомъ князей, Полица до позднѣйшаго времени управлялась по изстаринному порядку народоправства славянскихъ общинъ, безъ малѣйшихъ признаковъ раздвоенія между властью общины и князя. Община съ своей сходкой и старшинами (къ нимъ относились и великій князь) была въ Полицѣ главнымъ общественнымъ дѣйтелемъ. Къ Полицѣ можно въ полной мѣрѣ примѣнить слова древняго сербскаго лѣтописца объ устройствѣ Котора (въ началѣ XII вѣка): онъ никому не повиновался, «но граждане въ немъ повелѣваху» (Гласн. V. 27). Общегражданства, стоящаго у лѣтописца рядомъ съ жупанствами хорватскими (ib. 23), означали свободныя общины, каковы Полица, Дубровникъ, Которъ и др.

Господа и поглавица — общія названія учреждений и лицъ, заведывавшихъ въ Полицѣ общественными дѣлами. Во главѣ Полицы стоитъ народная сходка, отъ которой зависятъ главари — старшины полицкой жупы: великій князь, воевода и прокаратуры; позже является общинный канцлиръ. Катуня имѣли свои сходки и своихъ старшинъ — катунарей, князей. Были особые учрежденія по дѣламъ судебнымъ и исполнительнымъ. Между управленіемъ цѣлаго союза и отдѣльныхъ общинъ была самая тѣсная и неразрывная связь. Старшіе главари, заведывавшіе дѣлами всей Полицы, избирались болѣею частью изъ старшинъ отдѣльныхъ общинъ, — Полица не знала рѣзкаго разграниченія между центральными и областными учреждениями. Всѣ главари и сходки дѣйствовали именемъ и въ интересъ общины.

1) *Народная сходка*, по Полицкому Статуту, носитъ различныя названія. *Зборъ, вѣће*, иногда просто *опѣлина* — самыя употребительныя названія сходокъ въ Полицѣ. Хорваты доселѣ называютъ свои сходки вѣчами: *odgovorno drzavno vjese, regimentsko vjese* и *okruzno vjese* — главные учрежденія современныхъ Хорватовъ. *Зборъ* иногда называется въ Полицкомъ Статутѣ *купан* или *опѣли*

зборъ. Сюда же относятся куп, станак, саним, садане, пук — различные названія одного и того же учрежденія народной сходы.

Купъ (вкуп, скуп, окуп) находимъ въ уставѣ винодолъскомъ и въ нѣкоторыхъ грамотахъ сербскихъ и дубровницкихъ (Обренов. Спом. 120. Пуцича I. 79). Полицкій и винодолъскій купъ вполне напоминаетъ литовскую купу (копу), имѣвшую значеніе народной сходы.

Станакъ означаетъ въ Полицкомъ Статутѣ тоже, что и зборъ, више (250). Въ значеніи же сходы станакъ извѣстенъ памятникамъ сербскимъ и дубровницкимъ. Дубровницкій *stanicim* имѣлъ значеніе судебной сходы и раздѣлялся на *stanicim parvum* (учпначье, сходка третьей) et *sacramentum vel generale* (сходка присяжныхъ).

Саним соответствуетъ чешскому *snem'у*, польскому сейму или литовско-русскому съезду, сойму (отъ соиматься, сходиться).

Пук употребляется въ Статутѣ иногда въ значеніи части збора, именно народа, присутствовавшего на сборѣ; иногда и вся сходка называется пукомъ (напр. 261, 274). Въ сказаніи Дюклейскаго Пресвитера (XII вѣка) народъ названъ пукомъ: «*da budu receni satnici s bani puki siditi*» (Arhiv. I. 20. О значеніи пука у Славянъ см. Ирѣчка St. pr. I. 70).

Полицкое вѣче, по своему составу, раздѣлялось на большое и малое. Ихъ можно видѣть напр. въ зборѣ и санимѣ, составлявшихъ по нѣкоторымъ статьямъ два различныхъ учрежденія (154 — 156).

Вѣче большое, подъ названіемъ общиннаго сбора, скупа или виша, составлялось изъ главарей «са свани Полицы», съ «осталою опѣиною», со всѣмъ «пукомъ», народомъ (13. 17, 19, 265, 273 и пр.). На такихъ сходкахъ участвовали: главари, т. е. великій князь, воевода, прокураторы, судьи и катунари, властели и дичи, съ остальнымъ народомъ. Иногда просто говорится, что на сходкѣ были «сви полицане» (19 — 24). Законъ не всегда опредѣлялъ, кто именно долженъ былъ являться на общія сходы. По изстаринному обычаю, *вѣчникомъ* (вѣчникъ — членъ вѣча) могъ быть вообще свободный членъ общины, — правило, имѣвшее силу очень долго у всѣхъ южныхъ Славянъ. Положеніе Крстича о составѣ сербскаго собора по Душанову Законнику рѣшительно не вѣрно: Законникъ только отмѣнилъ «сербовъ съборы», отдѣльные отъ общихъ, висколько не устраняя себровъ отъ участія въ послѣднихъ. По Полицкому Статуту, исключаются изъ числа вѣчниковъ одни измѣнники (традитуры) и лица, лишенные за преступленіе права быть вѣчникомъ, не иначе однакожь, какъ по приговору самаго вѣча (276 — 278). Обязанность являться всякій разъ на вѣче лежала на однихъ главарахъ, въ особенности на катунаряхъ (270). Весь народъ рѣдко собирался на сходы, на которыя въ обыкновенныхъ случаяхъ сходились *ялци* и *одговорници* — выборные отъ катуней и сель. Такимъ образомъ, на зборѣ 1662 г. явилось до 60 одговорниковъ, для принятія шѣръ «на злѣе люде». Въ числѣ ихъ были всѣ полицкіе главари и по нѣсколькѣ «селянъ» (отъ 3-хъ до 12-ти) изъ каждого катуня (267).

Вѣче малое составлялось изъ однихъ главарей. Разъ только упоминаются

«капелани» (духовные), въ числѣ вѣчниковъ, на ряду съ главарями (91, 250, 252, 269, 282). Малое вѣче Полицы сходно съ старымъ великимъ вѣчемъ или позднѣйшимъ малымъ Дубровника. Въ маломъ вѣчѣ сосредоточивалось управленіе менѣе важными дѣлами, не требовавшими созыва общей сходы.

Въ Полицкомъ Статутѣ упоминается, кромѣ общаго сбора (большаго и малаго), еще два рода сходокъ: *збор дидицки* (дидицки), созданный изъ дидичей по одному частному случаю, именно для подтвержденія дидичства какого-то воеводы Стапича (275), и *зборъ подимски* (подими), созданный въ 1670 г. изъ главарей и редовниковъ, для принятія мѣръ противъ нарушителей земскаго мира (274). На такія же сходки намекаетъ Статутъ въ другомъ мѣстѣ, говоря о *вѣче братинско* и *сиромашко*, какъ объ учрежденіи, существовавшее отдѣльно и на ряду съ зборомъ: «и од ѣнегове куће да се нима никад примит у збор ни у нѣдѣно вѣче братинско ни сиромашко» (282). Такія вѣча и сборы, очевидно, имѣютъ связь съ «станами», или отдѣльными сходками влстелей, дидичей и кметей, которыя, по словамъ Энгеля, собирались въ Полицѣ до позднѣйшаго времени. Ежегодные сборы, учреждавшіеся въ особенности для выбора старшинъ, позже раздѣлялись на станы по каждому сословію отдѣльно (Engel Staatskunde и Gesch. von Dalm. etc.).

Въ Статутѣ нѣтъ категорическихъ постановленій объ устройствѣ вѣчъ: встрѣчаемъ только нѣсколько указаній на порядокъ сходокъ, время, мѣсто, предметы вѣдомства и пр.

Такимъ образомъ, находимъ указанія на то, что на вѣче собиралась *сама община*, безъ предварительной инициативы со стороны князя или другихъ главарей. «Овога истога годвица *стане се Полица*, племенити влстели и племенити дидици, на станку... нове садане, *ку жула учини*» (250); или: «*скупивши се ми сви полицани*, — будуци скупан збор *учинисмо сви*, — ово нека се зна, како се састаше сви поштовани влстели» и пр. (265, 269, 275 и пр.). Впрочемъ, есть прямое указаніе, что, по старому закону, «кнез велики и воевода учинише зборъ» (274). Можно допускать, что по крайней мѣрѣ въ обыкновенныхъ случаяхъ право созывать зборъ могло принадлежать старшимъ главарямъ.

Законъ не опредѣлялъ также времени сходокъ. Все могло зависѣть отъ обстоятельствъ и потребностей минуты. Судя впрочемъ по тому, что въ Полицѣ существовали опредѣленные «оброки» — судебныя періодическія сессіи, и третьимъ оброкомъ считался зборъ, можно думать, что и вѣчевыя сходки учреждались періодически, въ разъ навсегда опредѣленное время. Кромѣ того, великіе князья и другіе главари собирались временно, при чемъ выборы всегда производились на сходкахъ, — обстоятельство, которое могло поддерживать періодическіе созывы вѣчъ. На частые соборы указываетъ законъ о переносѣ судебныхъ дѣлъ съ одного собора на другой, какъ и законъ объ «оповиди» отчуждаемой племенщины на трехъ зборахъ (78). Да и вообще мы знаемъ, что соборъ завѣдывалъ чуть ли не всѣми общими дѣлами Полицы, а при такомъ его значеніи, онъ необходимо долженъ былъ часто собираться. Въ Статутѣ находимъ нѣсколько датъ, которыя указываютъ на соборы, слѣдовавшіе одинъ за другимъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, иногда и недѣль (ср. 13, 25, 71, 72, 269, 272, 273).

Также не видно, чтобъ полицкія вѣча собирались въ разъ навсегда назначенныхъ мѣстахъ. По Статуту, вѣча собирались «на Врацкихъ, на Мачину, Донеми Полу» и пр. (71, 95, 195, 265, 269, 274). Вѣча могли собираться на «путяхъ» князя, когда онъ ходилъ по Полицѣ «правде питаючи по законихъ полицкихъ»; напр., въ первый путь Папалича, собралась вся Полица для опредѣленія границъ (262). Вѣча нерѣдко собирались при храмахъ, какъ это было въ обычай и въ старой Сербіи (Пол. Ст. 195, 250, 282. Ср. Крстича Разматрания, въ Гласн. IX. 70).

Полицкія вѣча собирались для различныхъ цѣлей. Къ главнымъ предметамъ ихъ вѣдомства относились: изданіе законовъ, судъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, выборы въ общественныя должности и множество другихъ административныхъ дѣлъ.

Законодательная власть несомнѣнно принадлежала збору. Въ Статутѣ говорится почти въ каждой статьѣ: «приаше Полица, приаше свои полицяве, будући заедно на окупу» и пр. На сходкахъ издавались отдѣльные законы и наредбы (распоряженія); самъ Статутъ былъ актомъ исключительной дѣятельности вѣча. Право изданія законовъ принадлежало общимъ и «братинскимъ» вѣчамъ («наше се по статуту и по знаніе закону *свела збора дидинскога*» — 274). Изъ Статута ясно видно, что составленіе законовъ на вѣчахъ, при участіи всего народа, было пастариннымъ обычаемъ Полицы. Община считалась до позднѣйшаго времени главнымъ дѣтелемъ въ сферѣ законодательной; о законодательной власти князя, помимо общины, нѣтъ нигдѣ ни слова. Только въ немногихъ мѣстахъ говорится ясно объ участіи князя въ законодательствѣ вмѣстѣ съ народомъ (13, 195).

Выборы въ общественныя должности составляли другой важнѣйшій предметъ вѣчевыхъ сходокъ. Общинѣ предоставляется право «вазимати» великаго князя, «стациати» прокаратуровъ, судцевъ и другихъ главарей (1, 15, 19, 72, 234), — право, которымъ община могла пользоваться не иначе, какъ на сходкахъ — главныхъ органахъ общинной власти.

О судебной власти вѣча, какъ сейчасъ увидимъ, Статутъ говоритъ почти въ каждомъ законѣ, касающемся судоустройства и процесса.

Къ предметамъ вѣдомства вѣчевыхъ сходокъ относились наконецъ всѣ общія административныя дѣла, касавшіяся цѣлой Полицы. Важнѣйшія дѣла финансовыя, полицейскія и нынѣ рѣшались большимъ или малымъ вѣчемъ. Община, на своей сходкѣ, опредѣляетъ полицкія «меѣаши и границы», наблюдаетъ за ихъ сохраненіемъ и цѣлостью; безъ дозволенія вѣча (общины) запрещалось «стискивать путь опѣни велики крозь жупу»; община разрѣшаетъ учрежденіе новыхъ путей и заведеніе лѣсовъ, предпринимаетъ мѣры ради общаго благосостоянія и земскаго мира, напр. устанавливаетъ цѣны припасовъ, побуждаетъ жителей «поутити сву жупу на помоѣ на злеѣ люде» и пр. На сходкѣ принимается осудъ и другія пошлины и взьсканія по суду и управленію. Сходка контролируетъ дѣйствія должностныхъ лицъ: Статутъ предписываетъ вести пристава «придѣ опѣину», если онъ не исполняетъ своихъ обязанностей. При медлительности главарей, община вступаетъ на ихъ мѣсто, сама приводитъ въ исполненіе какую либо административную мѣру или судебный

приговоръ: «кога наѣ село или жупа, да га се одиче през милосрѣа и да га приададу господи; ако му шта господа (собственно главари, старшины) неучине, нушѣамо опѣни, да нан руке ставе» ¹⁾. (180, 202, 235, 252, 256, 262, 265 — 268).

Разнообразная дѣятельность народной сходы, имѣвшей огромное вліяніе на всѣ общественныя дѣла, должна была рано установить въ обычаѣ постоянныя порядки вѣчевыхъ совѣщаній. Впрочемъ, Полицкій Статутъ мало касается этого вопроса, даетъ только не полныя указанія на отдѣльныя дѣйствія сходы.

Вѣчевыя совѣщанія называются *договорами*: «одлучише вирами и душами, з *договором* и с *волюм* (волею) свега пука»; «*договоривши се* властели са свим пуком» (265, 274). Въ такомъ договорѣ участвуютъ всѣ вѣчники «заедно и скупно», не только главари и властели, но и весь народъ, присутствовавшій на сходкѣ. Нельзя точно опредѣлить, постановлялся ли вѣчевой приговоръ большинствомъ голосовъ, или всегда требовалось единогласіе. Принимая во вниманіе строго-демократическій характеръ всѣхъ учрежденій полицкой жупы, слѣдуетъ полагать, что единогласіе скорѣе всего могло господствовать въ полицкихъ вѣчахъ. На обычаѣ единогласныхъ рѣшеній указываетъ впрочемъ самъ Статутъ, говоря очень часто, что сборъ постановилъ свое рѣшеніе, свою наредбу и одлуку, «складно, едианьо, вирно, купно или опѣено» (20 — 22, 91, 247, 265 и пр.).

Рѣшенія (*одлука*, *законъ*, *наредба*) сбора утверждались «вирами и душами» вѣчниковъ. Обнародованіе (оповидъ) законовъ и наредбъ вѣчевыхъ дѣлалось на общемъ сборѣ и сходкахъ отдѣльныхъ общинъ. Новый законъ прочитывался всему «пуку», который его принималъ или отвергалъ. О законахъ, окончательно принятыхъ сходкой, Статутъ говоритъ: «своимъ би драго и угодно, и рекоше, да ѣе добро»; или: «и бише кунтенти о истоѣ наредби сви; сви га приимише доброволно, и сви рекоше, да ѣе добро и право». Вѣчевой приговоръ излагался въ листѣ — вѣчевой грамотѣ, подписывавшейся вѣчниками. Составленіе и храненіе такихъ листовъ, также внесеніе новыхъ законовъ въ Статутъ, лежало позже на обязанности общиннаго канчилира (91, 92, 188, 247, 261, 265, 267, 274).

Такое было устройство полицкой народной сходы. Сборъ составлялъ въ Полицѣ верховное учрежденіе, стоявшее во главѣ цѣлаго союза. «Невирикомъ и традитуромъ полицкимъ» считался тотъ, кто «проповидао виѣе полицко». Вѣчевое рѣшеніе имѣло для всякаго полицанина силу обязательнаго закона. Кто противился вѣчевому приговору, тотъ строго наказывался; законъ, «ча зборъ одлучи», долженъ оставаться въ полной силѣ и дѣйствиіи (93, 94). Полицкое вѣче напоминало не сеймы польскіе или чешскіе съ ихъ аристократическимъ устройствомъ, но демократическія сходы старыхъ Славянъ или позднѣйшія вѣча Новгорода и Пскова. Пукъ, народъ, община — главная сила, заправлявшая всѣми дѣйствіями вѣча новгородскаго и полицкаго.

¹⁾ Кого поймаетъ на (преступленіи) село или жупа, того да осудитъ безъ милосердіа и да предестъ (для наказанія) господъ; если господа ничего надъ нимъ не учинятъ, то дозволятъ общинѣ налагать на него руку.

Народоправство старых общинъ нигдѣ не сохранилось въ такой свѣжести и цѣлости, какъ въ Полицѣ съ ея сборомъ и вѣчами — главными органами общинной власти. Ни у одного изъ южнославянскихъ народовъ сходка не пользовалась такими широкими правами, какими издавна обладало полицкое вѣче. Винодольскій купъ и вѣча, въ эпоху законовъ, во многомъ разнятся отъ полицкихъ вѣчъ: наряду съ купомъ, является въ Винодолѣ почти равносильная власть князя; уступая во многомъ общему купу Винодола, князь посылаетъ на вѣча отдѣльных градовъ своихъ людей, безъ которыхъ не можетъ имѣть мѣста ни одна сходка, — явленіе, вовсе не извѣстное въ Полицѣ. — Еще болѣе пали народныя сходки въ городахъ далматскаго Приморья. Въ эпоху городскихъ статутонъ XIII вѣка народъ окончательно перестаетъ участвовать въ общественныхъ дѣлахъ. Сходки Сибенника, Травы, Задра и другихъ городовъ представляли аристократическія собранія племищей. Подобно польскимъ сеймамъ, они были недоступны для простонародья; городская аристократія ревниво устранила его отъ всякаго участія въ управленіи общинами (См. Рейца Полит. устройство и права прибрежныхъ далмат. острововъ и городовъ). Въ одномъ Дубровникѣ долго удерживалось демократическое устройство. Хотя вѣча (виѣа велѣе или велико, виѣе умолено или прегать и виѣе мало) устраивались безъ народнаго участія; но тѣмъ не менѣе народъ сходился на «съборъ» (*genegale consilium*), по вѣчевому колоколу, не только для выслушиванія, но и для «*laudatio*» статутонъ — основныхъ законовъ вѣчевой госпды. Только къ началу XVI вѣка падаютъ дубровницкіе сборы, уступивъ мѣсто аристократическимъ сходкамъ племищей (См. Пуцича Спом. Срб. II отд. прибавленіе — извлеченіе изъ дубровницкихъ Статутонъ). — Сербскіе соборы также рано начинаютъ ограничиваться въ своихъ правахъ. Крали и цари заслоняли собой народныя сходки. Соборы созывались только въ чрезвычайныхъ случаяхъ: царь съ своимъ дворомъ и «царевыми» властелями — главные дѣатели по всѣмъ общественнымъ дѣламъ старой Сербіи. О многихъ проявленіяхъ вѣчевой власти по Полицкому Статуту, напр. въ сферѣ суда и администраціи, вовсе не говорятъ сербскіе источники. Иногда, какъ напр. при Немањѣ I, соборы имѣли значеніе простыхъ семейныхъ совѣтовъ кралей (См. Крстича, въ Гласн. IX. 89). Замѣтимъ здѣсь, что Крстичъ дѣлаетъ отсюда произвольное заключеніе о полномъ преобладаніи власти уже первыхъ сербскихъ кралей, говоря напр., что «воля государя была общеобязательнымъ закономъ», — что «воля и желаніе властелей на столько имѣли значенія, на сколько согласовались съ желаніями государя». Изучая ближе источники, мы приходимъ къ противоположному выводу, что такого значенія никогда не имѣли ни старые сербскіе крали, ни самъ Душанъ Сильный: и при немъ, а тѣмъ болѣе до него, властели, сидѣвшіе по областямъ, пользовались чуть не суверенными правами, имѣли напимѣръ право войны, право вступать въ дипломатическія сношенія, держать свое войско, дворъ и т. д. Вообще говоря, Крстичъ черзчуръ идеализируетъ старую Сербію, называя ее государствомъ «совершенно устроеннымъ», чуть не конституціонной монархіей, и рѣшительно не обращая вниманія на тотъ фактъ, что въ Сербіи, какъ и у всѣхъ южныхъ Славянъ, областная жизнь рѣшительно господствовала надъ общей, государственной. Старая Сербія представляла государство, сплоченное изъ нѣсколькихъ почти самостоятельныхъ частей, имѣвшихъ между собой одни внѣшнія связи, безъ всякаго, сколько нибудь прочнаго, внутренняго единства. Въ Сербіи, какъ и вездѣ

въ старое время, все брело врознь; вездѣ и во всемъ видна разбѣянность, рознь общинъ и областей. Старая Сербія — государство, какихъ много являлось въ патриархальныя средніе вѣка, весьма смутно сознававшіе идею государства, не возвысившіеся до широкихъ политическихъ воззрѣній нашего времени.

Полицкій зборъ представляетъ народную сходку, собиравшуюся по временамъ, для обсужденія общинъ дѣлъ цѣлой Полицы. Управление текущими дѣлами было въ рукахъ *юсподы* въ собственномъ смыслѣ, слагавшейся изъ общинныхъ старшинъ, главарей. Статутъ разумѣетъ подъ господой, не только всю совокупность властей, т. е. вѣча и главарей, но и однихъ главарей, непосредственно «господствовавшихъ», управлявшихъ общинами (256, 266). Къ старшимъ главарямъ, заведывавшимъ дѣлами всей Полицы, относились: великій князь, воевода, прокаратуры, судцы и канцилірѣ; въ катуняхъ были отдѣльныя сходки и старшины — кнези или катунари. Въ вѣчевыхъ листахъ, помѣщенныхъ въ Статутѣ, старшіе главари обыкновенно перечисляются въ слѣдующемъ порядкѣ (очевидно по старшинству): великій князь, воевода, прокаратуры; послѣднее мѣсто занимаютъ катунари. Въ такомъ порядкѣ мы и рассмотримъ каждую должность въ отдѣльности.

1) *Великій князь* — первое должностное лицо полицкой жупы. Въ Статутѣ онъ называется «*вели или велики кнез полицки*», также «*кнез велики присвитли*», «*кнез велики поштовани*», иногда просто *кнез* или *юсподин*. Титулъ великаго князя находимъ въ Статутѣ впервые подъ 1603 г.; первоначальныя статьи говорятъ просто о князѣ. Первое упоминаніе о полицкихъ князьяхъ принадлежитъ началу XII вѣка: *Pribislavus comes de genere Politchorum* упоминается въ числѣ хорватскихъ пословъ, отраженныхъ къ Коломану, для заключенія съ нимъ *pacta conventa* (Juga. I. 24). Какъ видно изъ старыхъ хорватскихъ грамотъ, названія *comes*, *juranus*, иногда и *banus*, употреблялись для обозначенія одной и той же должности (См. напр. *ibid.* 15). Въ такомъ смыслѣ и Рачъ объясняетъ значеніе жупановъ и *comes*: славянскій жупанъ, по его словамъ, соответствуетъ латинскому *comes*, великій жупанъ — *supremus comes* (Исторія. VII. 363). Самое названіе Полицы жупой показываетъ, что въ древнѣйшее время главный ея старшина носилъ названіе жупана, замѣнявшееся позже титуломъ великаго князя. Въ старое время старшины жупъ у всѣхъ югозападныхъ Славянъ назывались жупанами. Жупаны были повсемѣстнымъ учрежденіемъ въ хорвато-далматскихъ общинахъ, въ старой Сербіи и Босніи, также у Славянъ чешско-моравскихъ, силезскихъ, балтійскихъ и польскихъ (См. Мацѣйов. *Pamięt.* II. 148, 152, 153; *Hist.* IV. 106. Палацкаго Сравниен. Закон., гл. 2, Гильферд. Письма, I. 234 — 236, II. 130; исторія Балт. Слав. 155—159. Кавелина юрид. бытъ Силез. 20 — 21. Ичинскаго *Vyvin českého právn.* 29. Ирѣчка. *Slov. pr.* I. 73. II. 181 — 183). Позже учрежденіе жупановъ подверглось значительнымъ измѣненіямъ. Въ однихъ мѣстахъ они замѣнены другими учрежденіями, въ другихъ (какъ въ старой Босніи) получили значеніе самостоятельныхъ государей или удержались въ значеніи простыхъ сельскихъ старшинъ, какъ это было еще въ XV вѣкѣ съ Польшѣ (См. *Pismo zbiórowe Ohryzko*, 457). Въ Полицѣ удерживалось старое значеніе жупановъ (народныхъ старшинъ) до позднѣйшаго времени, — въ великомъ князѣ Полицы цѣлкомъ проглядываетъ типъ стараго славянскаго жупана.

Званіе великаго князя имѣло въ Полицѣ издавна характеръ выборной должности. «Перви законъ полицки (говорить Полицкій Статутъ) есть *вазимати* кнеза господина, *ки е юсподину виранъ*, а *Полицем угоданъ*, а законъ га е *до юдища обирати*». Отъ князя требуются два главныя условія: онъ долженъ быть вѣренъ Господу и угоденъ полицчанамъ. Последнее условіе прямо указываетъ на выборъ князя всѣми полицчанами, а не одними катунарами, какъ говоритъ Энгель (по Шафарику, князь избирается общинами). Должность князя отправлялась каждымъ избраннымъ въ теченіи года. По истеченіи «кнежтва или кнежиѣ», избирался новый князь, но дозволялось «потврдити» стараго. Статутъ не указываетъ на сословія, изъ которыхъ можно было избирать князей. Въ 1662 г. назначенъ великимъ княземъ Юрій Синовичичъ — катунаръ Дубровы; въ званіи великаго князя, онъ не переставалъ числиться между катунарами. Въ другой разъ (1677 г.) избранъ княземъ такимъ же образомъ катунаръ Пáva Сучий (268, 282). Можетъ быть, въ Полицѣ вообще принято было за обычай избирать въ великіе князья кого либо изъ катунарей. Одно лицо могло быть княземъ нѣсколько разъ, какъ показываетъ примѣръ Юрія Синовичича, бывшаго княземъ въ 1662, 1665 и 1677 г. (268, 273, 274). Слѣдующій обычай, записанный Энгелемъ изъ позднѣйшей исторіи Полицы, показываетъ, что въ Полицѣ выборы князей зависѣли отъ случайныхъ обстоятельствъ, нерѣдко отъ произвола партій и отдѣльных лицъ. «Если во время выборовъ произойдетъ разногласіе и цѣль выборовъ не будетъ достигнута, то часто случается, что какой либо смѣльчакъ захватываетъ ковчегъ законовъ (гдѣ хранился Статутъ), вручавшійся обыкновенно великому князю, и съ этой драгоцѣнностью спѣшитъ въ домъ того лица, кого желаетъ избрать княземъ. Каждый могъ бросаться за нимъ въ погоню съ мечемъ или инымъ оружіемъ, — какимъ правомъ многіе и пользуются. Если смѣльчаку удастся передать ковчегъ избранному имъ лицу, то оно считается съ этихъ поръ законнымъ княземъ Полицы».

Права и обязанности князя не опредѣлены точно и подробно въ Статутѣ. Князь участвовалъ въ законодательной власти, только какъ составная часть сбора; ни откуда не видно, чтобы князь могъ, помимо вѣча, издавать законы собственной властью. Княжеская власть больше всего проявлялась въ сферѣ суда и администраціи. Статутъ вмѣняетъ князю въ обязанность — «походити три крѣть по Полицѣ правде питаюћи (чинећи) по законихъ полицкихъ». (1, 195, 262). Каждый вновь избранный князь ходилъ въ *путъ* съ своими судьями и дворомъ, главнымъ образомъ для производства суда на мѣстѣ, въ общинахъ. Пути такіе должны совершаться три раза въ годъ. При всякомъ прибытіи (пришасте) князя, общины, по Статуту, даютъ ему продовольствіе (30 овецъ, въ теченіи года — 90). На путяхъ князь давалъ людямъ *правду* — судъ и расправу, постановлялъ одлуки (судебные приговоры), вмѣстѣ съ административными распоряженіями по менѣе важнымъ дѣламъ. Предъ княземъ дозволялось дѣлать объявленія о продажѣ племенщинъ и пр. Дѣла, касавшіяся ближайшихъ интересовъ общинъ, напр. заведеніе новыхъ дѣсовъ или учрежденіе дорогъ, разсматривались княземъ не иначе, какъ «зборомъ», на народной сходкѣ (напр. 235). Замѣтимъ наконецъ, что, при выборѣ князя изъ катунарей, онъ не переставалъ нести старую должность и слѣдовательно отправлялъ соединенныя съ ней обязанности, являлся непосредственнымъ старшиной своей общины и старшимъ главаремъ цѣлой Полицы.

При князѣ состоялъ *дворъ* (98, 195, 262). Шафарикъ относитъ къ нему, не только судцевъ, избравшихся въ «полагъ» (помощь) князю, но и прокаратуровъ и канчилира. Есть основаніе считать положеніе Шафарика невѣрнымъ. Судцы представляются въ Статутѣ учрежденіемъ самостоятельнымъ, отличавшимся отъ двора и дворскихъ должностей. Въ нихъ нужно видѣть, не столько надворныхъ судей, сколько представителей общины, участвовавшихъ въ княжескомъ судѣ прежде всего ради контроля суда въ интересахъ общинныхъ. Прокаратуровъ еще меньше можно причислить къ княжескому двору. Они равнозначительны съ соками, клеветниками и ябетниками другихъ Славянъ; учрежденіе прокаратуровъ принадлежитъ къ вполне самостоятельнымъ органамъ общинной власти. Ихъ избираетъ община, «да отежу *оплена* дугована». Въ вѣчевыхъ листахъ прокаратуры стоятъ послѣ воеводы (268 и пр.). Такое же значеніе имѣетъ *оплени* канчильрь. — Самъ Статутъ отчасти указываетъ на составъ княжескаго двора, говоря напр. о приставахъ, состоявшихъ при князѣ, въ значеніи русскихъ дѣтскихъ, позднѣйшихъ приставовъ. При князѣ были, безъ сомнѣнія, слуги и другіе дворскіе люди: они ходили съ княземъ по Полицѣ, исполняя при немъ различныя должности и порученія. Нужно замѣтить, что въ Полицѣ дворъ имѣлъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Въ то время, какъ Душановъ Законникъ и другіе хорватскіе и сербскіе памятники довольно точно опредѣляютъ составъ и очень широкую дѣятельность двора, чѣмъ вышло отъ усилившагося значенія самыхъ князей, Полицкій Статутъ только немножко касается двора, вовсе не говоря о его положеніи въ общей администраціи. Самъ князь не выдѣлился изъ состава общинныхъ должностей, не игралъ такой преобладающей роли, какую пріобрѣтали князья въ другихъ славянскихъ земляхъ; оттого и дворъ полицкій имѣлъ весьма мало значенія въ ряду другихъ общинныхъ учреждений.

Вотъ все, что можно сказать по Статуту о положеніи полицкаго князя. Въ немъ является не больше, какъ общій народный старшина, старшій главарь общины, безъ всякаго намека на суверенное значеніе княжеской власти. Полицкій князь зависитъ отъ общины на такомъ же основаніи, какъ и другіе главари, нисколько не выдѣляется изъ состава общинныхъ должностей. Не имѣя почти ничего общаго съ сербскими кралями и царями, съ русскими, польскими и другими славянскими князьями эпохи позднѣйшей государственности, полицкіе князья больше всего сходны, по своему положенію и правамъ, съ князьями винодольскими, новгородскими, псковскими и въ особенности съ дубровницкими. Псковская судная грамота, запрещая князю, наравнѣ съ другими должностными лицами, брать посулы, ограничивая его дѣятельность сходкой и другими старшинами, очевидно, держится далеко не тѣхъ воззрѣній на княжескую власть, какія начинаютъ высказываться въ Судебникахъ (въ нихъ запрещеніе посулъ слѣдуетъ уже отъ имени князя, — о посулахъ съ его стороны нѣтъ и помину). Но въ Псковѣ, какъ и въ Винодолѣ, замѣтно, раздвоеніе администраціи, — власть князей конкурируетъ съ властью общинной сходки, стоитъ рядомъ съ ней; между вѣчею и княземъ идетъ борьба изъ-за главенства; они являются почти равносильными общественными элементами, — явленія, рѣшительно неизвѣстныя государственному строю Полицы и Дубровника. Полица съ своимъ вѣчею, княземъ и другими главарами тянетъ къ старому порядку, къ эпохѣ полнаго господства народныхъ сходокъ у всѣхъ Славянъ, которые, по словамъ

Прокошія, «не повиновались одному властителю, но жили *in populari imperio*». Титъ патриархальныхъ народныхъ князей и жупановъ стараго времени цѣлкомъ проглядываетъ въ учрежденія полиціиныхъ князей. Въ нихъ нужно видѣть не «государей» русскихъ XVI и XVII вѣковъ, но старыхъ славянскихъ жупановъ, игравшихъ простую роль народныхъ старшинъ, безъ малѣйшихъ притязаній на главенство и преобладаніе въ своихъ общинахъ.

3) Второе мѣсто послѣ великаго князя занималъ *воевода*. По своему положенію въ общинѣ, воевода почти равняется съ княземъ. Въ Статутѣ нерѣдко поименно обозначаются князья, при которыхъ изданы отдѣльные законы, при чемъ всегда указываются и бывшіе въ то время воеводы (247, 273 и пр.): оба должности считались равно важными, — воевода, подобно великому князю, относился къ числу старшихъ главарей Полицы.

Воевода принадлежалъ къ выборнымъ должностямъ. Непзвѣстенъ срокъ и порядокъ воеводскихъ выборовъ. Судя по тому, что всѣ главные должности въ Полицѣ замѣщались на «годично», можно допустить такой же срокъ службы и для воеводъ. Старый воевода, оставивши дѣйствительное воеводство, иногда не переставалъ носить прежній титулъ. Въ 1662 г. дѣйствительнымъ воеводою былъ Иванъ Беовичъ изъ катуны гатскаго; въ то же время прокаратуръ Стипанъ Бащичъ изъ катуны Дубровы носилъ такой же титулъ воеводы, хотя больше и не отправлялъ этой должности (267, 268). Воеводы избирались изъ влстелей и ладичей (275).

Воеводы полиціе, подобно сербскимъ временъ Душанова Законника, всегда удерживали значеніе военачальниковъ, отличались въ особенности отъ старыхъ боснійскихъ воеводъ, собственно означавшихъ областныхъ правителей (князь Босній носилъ титулъ великаго воеводы; другіе правители назывались просто воеводами). Полицій воевода имѣлъ при себѣ *товаришество* (дружбу) — очевидно, военную дружину, надъ которой онъ былъ главнымъ начальникомъ. Съ такимъ товаришествомъ воевода посылался въ помощь судебному приставу, когда кто либо сопротивлялся приговору суда (140). Особой привилегіей воеводы было освобожденіе его отъ податей, кромѣ десятины, вражды (дикой вры) и харача (14. О значеніи воеводъ у Славянъ см. Мацѣйовскаго Hist. II. 35 — 38. IV. 108; Pamiętn. II. 145, 158. Ирѣчка Slov. pr. I. 72. Крстича Разматрания, въ Гласи. IX. 100 — 102).

4) *Прокаратуры* принадлежали также къ старшимъ главарямъ Полицы. Въчелые листы перечисляютъ ихъ въ слѣдъ за воеводою, ставятъ выше катунарей. Замѣчательно, что Полицій Статутъ обращаетъ особенное вниманіе на прокаратуровъ, довольно точно опредѣляетъ порядокъ ихъ назначенія, въ особенности подробно говоритъ о правахъ и обязанностяхъ, соединенныхъ съ должностью прокаратуровъ, касаясь почти только мимоходомъ воеводъ, катунарей и другихъ должностныхъ лицъ. Полицкая община, по всему видно, дорожила учрежденіемъ прокаратуровъ, составлявшихъ чуть ли не одно изъ самыхъ существенныхъ учрежденій въ сферѣ суда и управленія. Защитники правъ общины и отдѣльныхъ ея членовъ, прокаратуры возвышались почти до значенія народныхъ трибуновъ: при своей судебно-обвинительной дѣятельности, прокаратуры являются главными оберегателями

и защитниками правъ и интересовъ общины, занимаютъ не маловажное мѣсто въ ряду другихъ учреждений Полицы. Высокое общественное положеніе прокаратуровъ видно изъ того, что ихъ должность отправляли высшіе сановники — кнези, старшие воеводы и др. (267, 268, 282).

Въ прокаратурахъ полицкихъ нужно видѣть политическое развитіе старославянскаго института соковъ, ябетниковъ. Принявъ чуждое названіе, прокаратуры являются чисто славянскимъ учрежденіемъ, берутъ свое начало въ изстариномъ устройствѣ славянскихъ общинъ. Въ то время, какъ въ другихъ земляхъ соки оставались при одномъ частномъ значеніи публичныхъ обвинителей (у Чеховъ и другихъ Славянъ), раньше или позже исчезли подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ, въ хорватскихъ и далматскихъ общинахъ соки возвысились до огромнаго политическаго значенія, заняли почетно мѣсто въ ряду общинныхъ властей и главарей, сдѣлались главными оберегателями правъ общины. Съ такимъ характеромъ являются соки въ Полицѣ и другихъ хорватскихъ земляхъ, въ особенности въ городахъ далматскаго Приморья, удерживавшихъ до позднѣйшаго времени въ болѣе или меньшей степени общинные порядки городского устройства.

Избраніе прокаратуровъ Полицкій Статутъ предоставляетъ общинѣ: «да стави опѣна полицка три прокаратура од три племена, по ѣдан од свакога племена, како и суце, на годишѣ, да она отежу опѣна дугована» ¹⁾. Судцы, состоявшіе при князѣ, избирались изъ племенъ — Тишемиричъ, Лимийъ и Кременичанъ (3). Изъ этихъ же племенъ избирались и прокаратуры. Число ихъ позже то уменьшалось, то увеличивалось; въ 1662 г. было только два прокаратура (одинъ изъ нихъ — старый воевода Стипанъ Башичъ, другой — кнезь Иванишъ), въ 1677 г. избраны четыре, всѣ изъ князей (268, 282). Прокаратуры, въ своей совокупности, составляли одинъ институтъ, всегда дѣйствовавшій въ виду охраненія общинныхъ интересовъ («опѣна дугована»): плата слѣдовала всегда всѣмъ прокаратурамъ вмѣстѣ, хотя бы въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ одинъ прокаратуръ (8, 9).

Сущность должности прокаратуровъ Статутъ опредѣляетъ, вѣняя имъ въ обязанность — «да отежу опѣна дугована». Они обязаны «искати и прити се на свакога, ки учини кривину», — являлись обвинителями въ особенности по убійству, разбою, насилію и другимъ преступленіямъ, если обиженный «тужить» чрезъ посредство прокаратуровъ, или сами прокаратуры видѣли собственными глазами бой или иное преступленіе (они видѣли очима тая бои). Во всѣхъ такихъ случаяхъ прокаратуры обязаны «питати и позивати». На обязанности прокаратуровъ лежало также открытіе и преслѣдованіе злоупотребленій, соединенныхъ съ прямымъ вредомъ для интересовъ общины, напр. когда кто либо, безъ дозволенія общины, заградить старый путь и учредить новый, заведеть гай и пр. Прокаратуры являлись здѣсь ближайшими стражами и защитниками правъ общины. Имъ дается наконецъ значеніе обыкновенныхъ адвокатовъ, ходатаевъ по чужимъ дѣламъ. Они могутъ

¹⁾ Община полицкая должна избирать трехъ прокаратуровъ изъ трехъ племенъ, по одному отъ каждаго, какъ и судей, на годъ, для отправленія общинныхъ дѣлъ (234).

«помогать» тяжущимся на судъ искать или защищать свое право, въ особенности когда истецъ или отвѣтчикъ, по болѣзни или другой причинѣ, не можетъ лично явиться въ судъ, или явится, но покажетъ — «неумим сам говорити». Выборъ прокаратуровъ въ такихъ случаяхъ предоставляется самымъ сторонамъ (7, 8, 15, 137, 234, 235).

Прокаратуры, подобно чешскимъ сокамъ, получали особое вознагражденіе за свой трудъ — *десетину* (десятую часть судебной пени), когда поклепъ поднять собственной властью прокаратуровъ, и *четвертый дио* (4-ю часть пени) — при поклепѣ, по порученію обиженной стороны. Прокаратуры не получаютъ послѣдней платы, если подсудимый принадлежитъ къ господскимъ кметямъ, — четвертый дио принадлежитъ его господину (8, 9, 234).

Въ Полицкомъ Статутѣ не встрѣчаемъ особенныхъ ограниченій правъ прокаратуровъ вчинять противъ кого бы то ни было поклепъ, какъ это было у Чеховъ и въ нѣкоторыхъ далматскихъ общинахъ, гдѣ соки должны были основывать свой поклепъ на свидѣтельствѣ общины (*testimonium vicinorum*) или на обыкновенныхъ поручителяхъ, иногда же подкрѣплять свой поклепъ собственной присягой. Отъ полицкихъ прокаратуровъ требуется свидѣтельство общины только въ одномъ случаѣ, именно когда они хотятъ поднять новое обвиненіе въ высшемъ судѣ по дѣлу, уже рѣшенному въ низшей инстанціи. Въ такихъ случаяхъ прокаратуры, безъ общины, не могутъ вчинять дѣла «из силе али зле воле»; они должны «остати по закону самошест луди» — представить шесть стороннихъ людей, подкрѣпляющихъ своимъ свидѣтельствомъ законность поклепа прокаратуровъ (236).

Учрежденія, сходныя съ полицкими прокаратурами, встрѣчались въ старое время у вѣсѣхъ южныхъ Славянъ. Мы видѣли, что соки извѣстны загребскому и винодолскому уставамъ. Сельскій Статутъ также говоритъ объ «*examinatores nobiles iurati, qui debent examinare omnia maleficia confecta in civitate Segnie*» (Ark. III. 168). Такое же значеніе имѣютъ ярскіе *присяжники* — публичные обвинители, бывшіе также защитниками вдовъ и сиротъ, оберегавшіе подобно полицкимъ прокаратурамъ права самыхъ общинъ. По грамотѣ общины Crisio 1252 г., *calumniator*, противъ котораго община сдѣлаетъ свидѣтельство (*contra quem communis populus faceret testimonium*), лишается всего имущества и со стыдомъ изгоняется изъ общины (Jura I. 70). Публичные обвинители, подъ названіемъ *accusatores communis, defensores communis, advocati, procuratores*, извѣстны средневѣковымъ общинамъ далматскаго Приморья. Въ Травѣ каждые три мѣсяца избирались два обвинителя, «*qui in omnibus capitulis debeant superesse et accusare contravenientes*». Подобнымъ образомъ въ Корчулѣ назначались четыре адвоката «*contra omnes malefactores et maledictores*». Въ другихъ далматскихъ городахъ были также публичные обвинители и доносчики: они слѣдили за преступленіями, доносили о явныхъ преступникахъ и являлись на судъ въ качествѣ обвинителей, получая за трудъ особое вознагражденіе. Иногда (какъ въ Брацѣ) должность публичнаго обвинителя и защитника общины соединялась въ одномъ лицѣ (*syndici communis*) иногда же (какъ въ Травѣ) были особые *defensores communis* (См. Рейца 45, 190, 191). Въ Дубровникѣ избирались *парьци* (пръци, *accusatores*) *градьци* и *олжньски* (для

жупъ), сходные съ прокаратурами полицкими (См. Mikl. Mon. 39, 379. Цудича Спом. II. 149, 150, 154, 155, 158). *Парцы* Душанова Законника (парьци, кои исходе на соудь царевъ, да кою рѣчь изьговоре прьвоу, и те речѣ да соу вѣроване, — 169), имѣютъ вообще значеніе дубровницкихъ парцовъ, хотя въ другихъ мѣстахъ говорится о нихъ и въ смыслѣ тяжущихся (О сокахъ у Чеховъ и другихъ Славянъ см. Мацѣйовскаго Hist. III. 270. Ирѣчка Slov. pr. I. 177. II. 246).

5) Съ конца XVII вѣка является въ Полицѣ *опѣни ротни канчилиръ*, какъ учрежденіе, общее для всей Полицы. Въ его завѣдываніи находится *канчилирна*, въ которой изготовлялись всякіе оффиціальныя акты — листы, письма и пр. Канчилиръ былъ также хранителемъ государственной печати. Въ его пользу идуть опредѣленные поборы и пошлины; подобно другимъ старшимъ главарямъ, канчилиръ лично свободенъ отъ податей, кромѣ харача. Должность канчилира отправлялась иногда другими главарами; напр., въ Статутѣ упоминается какой-то Марко Баричъ, бывшій въ одно и тоже время прокаратуромъ и канчилиромъ (72, 277).

Разсмотрѣнными нами учрежденія раскрываютъ всю простоту и несложность государственнаго устройства Полицы. Вездѣ является главнымъ дѣятелемъ общины съ своей сходкой и старшинами. Такой же простотой отличается устройство отдельныхъ *катуней*, управлявшихся подобно цѣлой Полицѣ своими сходками и старшинами.

1) *Стродки* (пук, виче) собирались въ отдельныхъ общинахъ для тѣхъ же цѣлей, какъ и общіе полицкіе сборы. Село съ своимъ катунаремъ ставитъ выборовныхъ людей; сельскому пуку предъявляются наредбы полицкаго вѣча и т. д. На общинныхъ сходкахъ присутствуютъ катунары; упоминается о канелланѣ, который по праздникамъ (у светацъ заповѣдни) прочитываетъ сходитъ наредбы. Кромѣ оповѣсти законовъ и наредбъ главной господы, мѣстныя сходки собирались для общинныхъ выборовъ; быть можетъ, и другіе предметы подлежали совѣщаніямъ на мѣстныхъ сходкахъ (указанія см. въ зак. ХCVIII).

2) Главныя мѣстныя старшины катуней и селъ полицкихъ носятъ названіе *катунарей*. Они титулуются также *кнезами*, но князьими называются иногда и другія должностныя лица, напр. прокаратуры. Нензвѣстно, какъ избирались катунары. Если выборъ старшихъ главарей принадлежалъ общиннымъ сходкамъ, то тѣмъ болѣе сами общины могли избирать своихъ непосредственныхъ старшинъ. Не встрѣчаемъ также подробныхъ постановленій о правахъ и обязанностяхъ катунарей. Они обязаны являться на общіе зборы, присутствуютъ на сходкахъ своихъ общинъ и вообще управляютъ дѣлами своего катуна на томъ же основаніи, какъ и великій князь заправляетъ дѣлами цѣлой Полицы (о катунаряхъ см. 250, 251, 261, 267, 268, 270, 282). Катунары известны также другимъ южнымъ Славянамъ. Въ Босніи напр. сельскіе старшины издавна назывались катунарами (напр. у Miklos. 485). Катунарямъ полицкимъ соотвѣтствуютъ сербскіе старѣйшины, кнези, прѣвникирьс, владальци, пристаниници и челиници (начальники). Впрочемъ, юридическое значеніе этихъ учреждений доселѣ не довольно выяснено въ литературѣ; поэтому мы позволимъ себѣ войти въ нѣкоторые подробности по этому вопросу, изложимъ нѣсколько соображеній, пользуясь указаніями памятниковъ, въ особенности изданныхъ

въ новѣйшее время, — указаніями, вполне выясняющими юридическій характеръ сербскихъ кнезовъ, владальцевъ и пр.

Старѣйшими (старѣшина) упоминаются въ двухъ хрисовулахъ сербскихъ кралей 1292 и 1348 г. (Обренов. 44. Miklos. 135). О *кнезахъ, прѣмикиріяхъ* и другихъ лицахъ говоритъ Душановъ Законникъ и современные грамоты. Историки, старавшіеся опредѣлить ихъ значеніе и руководившіеся при этомъ почти однимъ Законникомъ, приурочиваютъ ихъ по большей части къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Такимъ образомъ, Мацѣйовскій сравниваетъ прѣмикирія (primicerius) съ польскимъ и венгерскимъ маршаломъ, считаетъ его первымъ сановникомъ въ государствѣ, отправлявшимъ высшую придворную должность (Pamiętn. II. 158. Hist. II. 49). Въ слѣдъ за Мацѣйовскимъ, и Крстичъ относитъ прѣмикиріевъ къ высшимъ должностнымъ лицамъ Сербіи (Гласн. IX. 118). Въ такомъ же духѣ объясняютъ историки значеніе чельниковъ, владальцевъ и приставниковъ, вѣдая въ чельникахъ — дворскихъ чиновниковъ, въ владальцахъ — областныхъ правителей и т. д. (Jb. 119, 124). Всѣ подобныя объясненія не вполне оправдываются источниками. Вотъ что говоритъ Душановъ Законникъ объ исчисленныхъ учрежденіяхъ:

«Кнезовъ и прѣмикиріе и владальцы и приставники и чельники, кои се обрѣтають селы и катуны обладающе, тѣмъ вси да се кажоуть образомъ выше писаннымъ, аще се обрѣщеть од нихъ татъ или хоусаръ. Аще ли соу владальцы оповѣдали господаремъ, и господаріе се поневѣдали, да се тѣмъ господаріе кажоуть како хоусаръ и татъ» (Зак. 124, 125).

Дѣло въ томъ, что Законникъ вѣнчаетъ въ обязанность селамъ и господарямъ (владѣльцамъ селъ) объявлять и выдавать правительству явныхъ татей и разбойниковъ. Въ приведенной статьѣ таже самая повинность возлагается на кнезовъ и другихъ, управляющихъ (обладающихъ) селами и катунами; если они (въ текстѣ — владальцы) донесутъ (о татяхъ) господарямъ, то эти должны объявить (правительству). Уже изъ смысла статьи видно, что кнези и другіе владальцы стоятъ въ связи съ сельской жизнью, управляютъ селами, имѣя надъ собой господарей, которымъ прямо и могутъ доносить о татяхъ. При ближайшемъ изученіи приведенной статьи, мы приходимъ къ несомнѣнному заключенію, что какъ подъ господарями нужно разумѣть вообще землевладѣльцевъ (будетъ-ли это частное лицо, монастырь или царь), такъ и въ кнезахъ, прѣмикиріяхъ, владальцахъ, приставникахъ и чельникахъ, нужно видѣть прежде всего общинныхъ старшинъ и управителей имѣній властельскихъ, монастырскихъ и царскихъ. Наше мнѣніе вполне подтверждаютъ различныя сербскія грамоты стараго времени.

Гласи, по словамъ самаго Крстича, имѣли въ старой Сербіи различное значеніе и, между прочимъ, означали сельскихъ старшинъ въ имѣніяхъ церковныхъ и властельскихъ (Гласн. IX. 110). При Душанѣ монастырь Призренскій получилъ въ «башину» нѣсколько селъ и катуней влашскихъ. Въ данномъ по этому случаю хрисовулѣ поименно обозначаются крестьяне, принадлежавшіе къ пожалованному имѣнію: въ каждомъ катуниѣ упоминается прежде всего его старшина, а за тѣмъ и остальные крестьяне, — во главѣ катуны Голубовци стоятъ «Гюръгъ кнезь и братномъ и сновн» (Гласн. XV. 292). Точно также въ грамотахъ первоначальнаго

краля Стефана монастырю Жичи и краля Милутина Хиляндарской церкви встрѣчаютъ въ числѣ крестьянъ «*кнеза* Грьдъ с дѣтию» и «*кнеза* Вонху съ дѣтию» (Шафарика *Ramátky*. 7. Аврамовича *Оппс.* древн. сръбски, *№* 6). Князь, въ значеніи сельскаго старшины, доселѣ встрѣчается въ сръбскихъ селахъ (Гильферд. Боснія. 90. 437). Такое же значеніе князей извѣстно было и другимъ Славянамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Польши сельскіе старшины назывались *kniaziowie*, *kmaza*, еще въ XV вѣкѣ (См. кн. Любомирскаго *Jnrysdyksya partimon. w. Polsce*, 22, 28, 42).

Примикюрье (прѣмникиріе, примикюрье) упоминаются также въ числѣ крестьянъ жалованныхъ имѣній. Въ хрисовулѣ царицы Евдокии 1379 г. Хиляндарскому монастырю находимъ слѣдующее мѣсто:

«Людемъ же прѣковнимъ устависмо законъ, да есть сии по нихъ, да дае всяки нихъ у годищи три дни оранна, *по селяхъ же примикюрье кои су*, да послѣдуютъ с конми игумна, якоже хоцеть, а прочии да поносъ прѣквни принашаю на Струму, носель (гонецъ) же прѣквни *примикюрье* на конихъ да исправляю» (Miklov. 191)

Въ приведенномъ выше хрисовулѣ Душана Призрѣвскому монастырю примикюрье, подобно кнезамъ, означаютъ также сельскихъ старшинъ: въ катунѣ Блатчане-Байславъ *прѣмикюрь* з братіомъ и синовѣ, въ катунѣ Добрушинци — *прѣмикюрь* Вонхна, въ кат. Костръчане — Богданъ *прѣмикюрь*. Прѣмикюрье исчисленныхъ катуней соответствуютъ кнезу катуня Голубовци (Гласн. XV. 288, 291 — 295).

Владальци имѣли различное значеніе. Они означали, во 1-хъ, вообще княжескихъ чиновниковъ, носившихъ въ старой Сербіи и Босніи общее названіе *властелей*, владущихъ, *владальцевъ* (Обренов. 13, 38, 43, 128 и пр.). Во 2-хъ, Законникъ Душановъ специально называетъ владальцами (*владаляць градски*) лицъ, предъ которыми судились жители городовъ, — ихъ судъ и назывался городскимъ судомъ. (См. Законникъ, ст. 173). Наконецъ, въ 3-хъ, владальцы упоминаются въ приведенной выше статьѣ Законника, какъ лица, «обладавшія» селами и катунями и бывшія въ какой то зависимости отъ господарей. Ирѣчекъ совершенно вѣрно уподобляетъ градскихъ владѣльцевъ Законника *княжимъ тиунамъ* Русской Правды и чешскимъ *vládar*'ямъ, управлявшимъ пригородными королевскими имѣніями со всѣми служебными людьми, доходами (Ирѣчка *Slov. pr.* II. 183. Ср. также Мацѣйовскаго *Ramiet*. II. 159). Еще бѣльшая аналогія замѣтна между сръбскими владальцами, жившими по селямъ, и *сельскими тиунами* Правды. Тѣмъ и другимъ можно давать значеніе обыкновенныхъ сельскихъ старшинъ, въ особенности правителей владѣльческихъ общинъ, жившихъ на земляхъ княжескихъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ. Сельскіе владальцы Законника коренятся въ одножъ источникѣ съ старопольскими *wladars*'ами и *tywon*'ами — старшинами сельскихъ общинъ, жившихъ по польскому праву и управлявшихся своими владарями и тивунами на томъ же основаніи, какъ и нѣмецкія осады управлялись своими солтысами (Любомир. *Jurisd. patrim.* 17).

Челлики (чеоникъ, начелникъ) имѣлъ также различное названіе. Подобно

русскимъ тѣмъ — дворскимъ, огнищнымъ, сельскимъ и пр., сербскіе челники находились при дворѣ (*челники селіиѣ, челники ризничіѣ*), въ значеніи дворскихъ чиновъ, и жили по селамъ и катунамъ на общемъ положеніи сельскихъ старшинъ (о челникахъ, какъ дворскихъ чинахъ, см. Mikl. 69, 85, 102, 152 и пр.; сельскіе челники упоминаются въ Душ. Зак. 124).

Наконецъ, *приставимикъ* вполне сходны съ нашими *приставами* и *приказчиками*, приставленными къ заведыванію волостями и селами. Въ некоторыхъ грамотахъ сербскіе приставы прямо отождествляются съ челниками (Мацѣйов. Hist. VI. 407 — 408).

Изъ сказаннаго нами выводимъ заключеніе, что Душановъ Законникъ даетъ одинаковое значеніе кнезамъ, примикирямъ и другимъ лицамъ, «кои се обрѣтають сели и катуни обладающе». Они означаютъ вообще сельскихъ старшинъ, стоявшихъ во главѣ селъ и катуней, — учрежденіе, вполне аналогическое съ полиціи кнезами и катунарами.

Кромѣ катунарей, находимъ въ полиціи селамъ и катунамъ другія общинныя должности. Сюда относятся: сельскіе приставы и выборные люди, подъ названіемъ добрыхъ людей, ямцовъ, одговорниковъ, цинцевъ и пр.

3) *Приставы* нѣли въ Полицѣ самый обширный кругъ дѣятельности. Они «сидятъ на судѣ»; при нихъ участія совершаются всякія «ствари и дугованья меу людми». Приставы раздѣлялись на *общинныхъ* (опѣени пристав), избравшихся цѣлой Полицей, въ значеніи главныхъ исполнительныхъ лицъ по суду и управленію (по правдѣ жупской), и *сельскихъ приставовъ*, состоявшихъ въ связи съ общиннымъ судомъ и расправой. Приставы судебныя отличались отъ приставовъ съ полиційскимъ характеромъ. Здѣсь мы скажемъ только о послѣднемъ значеніи приставовъ, — судебной дѣятельности ихъ коснемся въ отдѣлѣ о судоустройствѣ.

Приставы назначаются въ каждой общинѣ. Села должны имѣть двухъ приставовъ, въ особенности для надзора за исполненіемъ наредбъ и законовъ и для открытія и прослѣдованія преступленій. Подобно полиціимъ прокураторамъ или *advocati juris* сошмишніхъ другихъ далматскихъ общинъ, приставы играли по селамъ роль оберегателей общинныхъ правъ. Полицій Статутъ вѣщаетъ приставамъ прямую полиційскую дѣятельность, только касаясь «содомскаго или неподобнаго грѣха» и истребленія дѣтей; но нѣтъ сомнѣнія, что обязанность предупрежденія и пресѣченія преступленій лежала на приставахъ и въ другихъ случаяхъ. Приставы подлежатъ значительному штрафу, если не будутъ «вапити» — открывать преступниковъ и вести ихъ предъ общину (179 — 181, 261).

4) Въ *выборныхъ людяхъ* полиціи общинъ мы встрѣчаемся съ весьма интереснымъ учрежденіемъ, уясняющимъ значеніе *добрыхъ людей*, нашихъ судебныхъ мужей и цѣловальниковъ, въ которыхъ нѣкоторые изслѣдователи не безъ основанія видятъ «вѣщателей» народнаго обычнаго права (Морошкинъ). Полицій Статутъ говоритъ о *добрыхъ и праведныхъ братахъ* — выборныхъ людяхъ, которыхъ всякое село, «складно» съ своимъ катунаромъ, избирало (да поставе) подъ присягою, въ числѣ двухъ, «да имашу добру помну за ову наредбу, да се ни

обслужити» ¹⁾). Сельскіе приставы, ежегодно, чрезъ каждые два мѣсяца, обходили общины, для наблюденія за выборными, съ правомъ «оповиди» жупъ, при неисполненіи ими своего дѣла, «ако бы неимали помне за ове наредбе» (261).

Въ нашей литературѣ давно уже высказано довольно вѣрное мнѣніе о славянскихъ добрыхъ людяхъ, какъ народныхъ представителяхъ въ дѣлахъ законодательныхъ и земскихъ (Майкова Судъ присяжн., въ Рус. Сл. 1861, 31 — 34). Такихъ народныхъ представителей можно видѣть въ выборныхъ людяхъ — хранителяхъ и вѣщателяхъ обычаевъ и законовъ. Къ нимъ можно въ полной мѣрѣ приписать названіе *вѣщитъ людей*, какъ иногда назывались въ старой Сербіи добрые мужи (Mikl. 144). Вѣще, добрые люди имѣли важное юридическое значеніе въ общественной жизни Полицы и другихъ южнославянскихъ общинъ. Общины отражали добрыхъ мужей, подъ названіемъ *ямцовъ* (ѣмци) и *одговорниковъ*, на общій сборъ; добрые люди принимали участіе во всѣхъ земскихъ дѣлахъ, особенно если требовались при этомъ особенныя свѣдѣнія или рѣшеніе по совѣсти (по домысли и кушенци). Добрые люди являлись *оцѣнщиками* (цнци достоянн), при отчужденіи племенщины и въ другихъ случаяхъ; напр., они оцѣнивали раны и убытки, понесенныя обиженными, опредѣляли цѣну воровскихъ вещей и пр. (61, 64, 80, 249, 261, 267). Словомъ, добрые мужи принимали весьма дѣятельное участіе въ дѣлахъ административныхъ, законодательныхъ и судебныхъ. Народъ, въ цѣломъ своемъ составѣ рѣдко участвовавшій въ общественныхъ дѣлахъ (только на сходкахъ), удерживалъ доступъ къ нимъ чрезъ посредство выборныхъ мужей, отражавшихся общинами въ каждомъ данномъ случаѣ, для отправленія тѣхъ или иныхъ обязанностей, или игравшихъ роль вѣщихъ людей, присяжныхъ хранителей и вѣщателей обычаевъ и законовъ. Поддерживая въ народѣ юридическое сознаніе, вѣще или добрые люди, ямцы и одговорники, являлись на законодательныхъ сходкахъ главными проводниками юридическихъ воззрѣній народа, какъ и въ сферѣ административной и судебной играли роль оберегателей народныхъ интересовъ (о добрыхъ людяхъ у Славянъ вообще см. Мацѣйовскаго Hist. III. 180, 262, IV. 97; Рейца Политич. устр. 73, 74, 107; Майкова судъ присяжн. 31).

5) Замѣтимъ наконецъ, что *круговая порука* была одной изъ главныхъ основъ администраціи полицкихъ общинъ. Это начало съ полной силой выступало въ особенности по вопросу о внутренней и вѣшной безопасности общинъ. Общественный строй Полицы до позднѣйшаго времени обходился безъ болѣе организованныхъ средствъ общественной безопасности и защиты правъ всѣхъ и каждого въ отдѣльности. Платежъ дикой виры — главное проявленіе круговой поруки — составлялъ повинность общинъ, несшихъ отвѣтственность за своихъ членовъ: въ Полицкомъ Статутѣ вражда (дикая вира) прямо отнесена къ числу общественныхъ «данакъ», стоитъ рядомъ съ харачемъ (турецкою данью), десятною и другими государственными повинностями (14). Неся отвѣтственность за своихъ членовъ, община обязана была «стати», защищать ихъ отъ нападеній и обидъ, пользовалась широкимъ правомъ мести (тирати) противъ чужихъ и своихъ. Противъ нарушителей

¹⁾ Т. е. съ тѣмъ, чтобъ они имѣли строгій надзоръ за соблюденіемъ законовъ.

земскаго мира Статутъ дозволяетъ самоправство толпы: «пунѣано опчина, да нан руку ставе»; или «да му иде поштована опчина на кућу и да му розвали кућу и негове све ча годи има да се узме у опчину полицку» (186, 247, 256 и др.). Въ свою очередь, члены общинъ, въ силу солидарности отношеній, обязаны были содѣйствовать своими частными средствами общественному порядку и благочинію. Противъ злыхъ людей «да има бити ѡдван другому у помоћи гди буде потреба». Всякій долженъ «чувати», открывать и преслѣдовать явныхъ преступниковъ и нарушителей земскаго мира, иногда подъ угрозою значительныхъ штрафовъ (зарокъ). Круговая порука высказывалась наконецъ въ общей повинности «путити сау жупу на помоћ на злеѣ луде». Охраненіе дорогъ было издавна у всѣхъ Славянъ главной повинностью общинъ. Въ Полицѣ былъ «путь опѣени велики крозъ жупу» и меньшіе «гонники» между селами. Охраненіе такихъ путей «своимъ рукомъ» отъ разбойниковъ и другихъ дѣлихъ людей было повинностью всѣхъ полицкихъ общинъ (266, 267). Здѣсь нужно видѣть учрежденіе путевой стражи, существовавшей въ старое время у Сербовъ и другихъ Славянъ. (О подробностяхъ см. мою статью объ устройствѣ Дубровника).

Обозрѣніе государственнаго устройства Полицы заключимъ нѣсколькими замѣчаніями о *судоустройствѣ* по Полицкому Статуту.

Прежде всего замѣтимъ, что Статутъ различаетъ двѣ формы судебной расправы: судъ чрезъ посредство органовъ общественной власти и самосудъ, самоуправство, помимо всякихъ судебныхъ органовъ. Во внутреннихъ отношеніяхъ общинъ, по дѣламъ между полицанами, дѣйствуетъ главнымъ образомъ начало общественнаго суда и только по исключенію допускается самосудъ (частная расправа, месть); самосудъ въ полной мѣрѣ господствуетъ въ отношеніяхъ полицанъ къ «изванскимъ» (чужеземцамъ).

Самосудъ въ дѣлахъ съ чужеземцами признается въ слѣдующихъ статьяхъ Полицкаго Статута: «Ако ли би убио полицанинъ изваньскога *за крѣвъ придну* (за прежнее убійство), за тои имаю Полица стати (защищать); ако ли би *незаимито*, тои е оно га ствар, ки крѣвъ учини. Ако ли би изваньски полицанина, тои имаю тирати (мстить) Полица брачки, ако е *крѣзъ заимито*; ако ли е *за придну пизму* (месть), неимаю га Полица тирати. Ако ли би убио али обранио извани изванега у Полицихъ, за то се Полица неимпачаѣ» (52 — 54). Частная расправа допускается при «придной крѣви или пизмѣ»: — убійство полицанина чужеземцемъ вызываетъ кровную месть цѣлой общины или близкихъ убитаго, какъ и чужеземецъ можетъ «за придну пизму» воспользоваться правомъ мести относительно полицанина. Въ обоихъ случаяхъ дѣло обходится безъ посредничества общественной власти, — при придной крѣви не имѣетъ мѣста «правда» — судъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Общественный судъ вовсе не вмѣшивается въ дѣла между чужеземцами.

Полицкій Статутъ допускаетъ также случаи заимъ судебной расправы самосудомъ въ дѣлахъ между полицанами. Сюда относится главнымъ образомъ поимка преступника «лицемъ», на мѣстѣ преступленія: «ако би стигао и ухитио лицемъ, гди лушежъ (тать) негово води или носи», — обиженный можетъ распорядиться немедленно, не прибѣгая къ суду, а при сопротивленіи виновнаго, можетъ убить *ого на мѣстѣ* (21, 58, 162).

Въ внутреннихъ отношеніяхъ общинъ частная расправа, помимо суда, допускалась только въ крайнихъ случаяхъ — въ состояніи необходимой обороны и при сопротивленіи преступника, застигнутого на преступленіи «лицемъ». Въ обыкловенныхъ случаяхъ Статутъ принимаетъ основное правило: «нениа човикъ сам себе плаћати и одвазети» (162). Полное и абсолютное отрицаніе самосуда высказано Статутомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. «*Да ние воланъ силе у силу чинити*» (32) — правило, буквально сходное съ положеніемъ Душанова Законника: «сила да нѣсть никому ни за единъ дѣль въ земли царьской» (ст. 89). Никто не можетъ самовольно взыскивать (самосегомъ плаћати) своихъ долговъ, по основному правилу — «*ниткоръ неима сам себи правде чинити*» (134. Ср. 114). Запрещая самосудъ, Статутъ очень часто говоритъ: «поиди к правди, на судъ», ищи «правдомъ закономъ»; свакому правда на мѣсту; сваки питаи свога по закону; сваки има с миромъ и у миру свое ствари чинити с правомъ и закономъ» (119, 161, 188 и пр.).

Судоустройство полицкой общины сложилось исторически, подъ главнымъ вліяніемъ *автономическаго* развитія составныхъ ея частей и союзовъ, изстари пользовавшихся самостоятельнымъ правомъ суда и расправы. Дружина вервная и община территориальная — *status in statu* средневѣковой жизни Славянъ — выработали свои независимые органы суда, компетентные по всѣмъ внутреннимъ дѣламъ общинъ. Статутъ Полицкій говоритъ о *правдѣ жупской* и *вервнои судѣ*, какъ объ учрежденіяхъ изстародавнихъ (од искони), первоначально обнимающихъ всѣ отдѣльные органы общественнаго суда и расправы. Позже къ нимъ примыкаетъ *господскій судъ*, компетентный для челяди и кметовъ, жившихъ на господскихъ земляхъ. Компетентность правды жупской, вервной и господской опредѣляется лишь однимъ началомъ — принадлежностью лицъ къ верви, опѣитъ и «господскимъ подложникамъ» и характеромъ судебныхъ дѣлъ, затрагивающихъ интересы и права цѣлой Полицы или ея меньшихъ союзовъ. Другія начала судебной компетентности (мѣсто совершения преступленій, внутренняя ихъ тяжесть и пр.) вовсе не извѣстны Полицкому Статуту. Вся его система судоустройства, въ особенности ученіе о правдѣ вервной и жупской, остается вполнѣ вѣрной старославянскому праву, чуждому сложнымъ и искусственнымъ порядкамъ и учрежденіямъ римскимъ и германскимъ.

1) *Правда жупская* (см. напр. 249) была компетентной для всѣхъ свободныхъ членовъ общинъ. Къ органамъ жупской правды относились: судъ предъ полицкимъ *зборомъ*, предъ *великими княземъ* и предъ *судцами-ротниками*. Въ этихъ учрежденіяхъ Статутъ видитъ органы суда, «ча се пита с *правдомъ закономъ*», и противопоставляетъ имъ *правду облублену*, производившуюся предъ *суци облублеными* (133).

а) *Правда законная* обнимаетъ учрежденія общинныя, предназначавшіяся для суда *по закону*, въ отличіе отъ органовъ правды облубленной, судившихъ по совѣсти (бравшихъ судное дѣло на свою душу). Правду по закону отправляетъ *судъ, столь полицки* (4, 119), состоявшій изъ официальныхъ судей; органами правды облубленной, напротивъ, были частныя лица, избранныя (облublени) самими сторонами.

Обиція указанія на правду жупскую, въ особенности по закону, Полицкій

Статутъ даетъ въ статьяхъ, говорящихъ объ *опѣннѣ* и *Полицѣ*, какъ судебныхъ органахъ. Таковы слѣдующія мѣста Статута: «ако би му се невидѣла *одлука у Полицѣ*; ако ли е (правды господарь) не учини, а онъ кому е дужно, има понти *придѣ Полица*; ако бы тко нехотно хязати и везати те такове (преступниковъ) и повести ихъ *придѣ опѣнну*» (5, 143, 180). Въ другихъ мѣстахъ *опѣнна* или *Полица* замѣняются судомъ предъ княземъ, судцами или зборомъ. Напр., по 143 статьѣ истецъ, не довольный господскимъ судомъ, долженъ яти на судъ предъ Полицу, а по 16 и 237 статьямъ — предъ судей-ротниковъ, или къ князю, или на зборъ; судъ предъ Полицей, очевидно, обозначаетъ специально судъ предъ *опѣннѣ* изъ этихъ органовъ общиннаго суда. Такое же значеніе имѣетъ *опѣнна* 65-й и 151-й статей, въ которыхъ усвоится осудъ общинѣ пополамъ съ стороною (оправданной по суду): подъ общинной разумѣются вообще органы общиннаго суда, — право ихъ на осудъ и опредѣляется ближе и точнѣе въ 153-й ст.

Подъ полицкимъ столомъ нельзя разумѣть учрежденія, предназначавшагося для постоянныхъ судебныхъ засѣданій, въ родѣ сеньскаго трибунала, континѣ балтійскихъ Славянъ или судебни Псковитянъ. Полицкій столъ скорѣе всего соотвѣтствуетъ чешскому и русскому торгу (*trh*), также копѣ и громадѣ литовско-русской. Общественный судъ въ Полицѣ отличался патриархальной простотой судебныхъ сходокъ у древнихъ Славянъ, собиравшихся *подъ открытымъ небомъ*, безъ особенныхъ торжественныхъ формальностей. Какъ полицкіе сборы, такъ и судъ предъ княземъ, бывшій «на пути у Полицихъ», учреждался, гдѣ и какъ придется. Судъ подъ открытымъ небомъ былъ общимъ обычаемъ Полицы, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста Статута: «тер би една страна купна дошла на рокъ своимъ правимъ, а друге не било, има ова страна *чекати до мрака и наложити огань и звати другу страну*»¹⁾.

а) *Судъ вѣчевой*. Статутъ очень часто говоритъ о позвѣ «придѣ зборъ полицки», объ «одлукѣ, ча осуди (допита) купанъ зборъ Полицѣ», и пр. (8, 9, 121, 153). Судебной властью пользовался *опѣннѣ* зборъ цѣлой Полицы и «братински» зборы и вѣча. Въ Статутѣ записанъ одинъ случай суда на зборѣ *димичскомъ*, по дѣлу князя Ивана Синовичча, обвинявшагося въ «непристойныхъ рѣчахъ» противъ дѣячества воеводы Стазича (275). Не видно, чтобы судъ могъ производиться на сходкахъ отдѣльныхъ общинъ. — Статутъ не опредѣляетъ дѣлъ, исключительно подлежащихъ вѣчевому суду: каждому свободному человѣку дозволялось обращаться за судомъ къ князю, ротникамъ или збору, по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ (8, 235). Исключеніе составляли споры по племенщинамъ, входившіе въ компетентность князя и судей-ротниковъ (15, 115, 239). На зборѣ разсматривались и рѣшались нерѣдко дѣла небольшой важности. Въ 1675 г. зборъ судилъ какого-то Ивана Сучичча, который «одсиче на светога Ариира нос Марху Кухачићу, безъ узрока, с коѣга носа изгуби жупа поѣличка велико благо» (276). Судъ на зборѣ не означалъ высшей судебной инстанціи. Всякое дѣло могло, правда,

¹⁾ Если бы одна сторона явилась на срокъ съ своими доказательствами, а другой не было, то явившаяся сторона должна ожидать до сумерекъ, разложить огонь и звать другую сторону (148).

начаться предъ княземъ и за тѣмъ, при недовольствѣ сторонъ, перейти на судъ предъ сборомъ (122); но тѣже самыя дѣла могли вчинаться на сборъ и послѣ по апелляціи перейти на княжій судъ или на другой сборъ (121). Судъ на сборѣ имѣлъ по преимуществу характеръ суда общиннаго, доходы съ котораго шли всегда въ пользу общины (153 и др.).

3) *Судъ княжій*. Основной характеръ княжяго суда въ Полицѣ выработался прежде всего подъ влияніемъ общаго положенія князя, не выдѣлявшагося изъ состава общинныхъ учреждений. Русская Правда и Законникъ Душановъ даютъ князю преобладающее значеніе въ сферѣ суда, упоминаютъ лишь вскользь объ органахъ общиннаго суда. Рѣче обозначается судебное значеніе общины въ Винодолскихъ Законахъ, устанавливающихъ двѣ самостоятельныя системы судоустройства, по различію правды кметской отъ княжяго суда. Не то видимъ въ Полицкомъ Статутѣ: судъ предъ княземъ считается въ немъ такой же жуевской правдой, какъ и судъ предъ сборомъ или судами — ротниками. Полицкій князь отправлялъ судъ, не въ видѣ самостоятельнаго права русскихъ князей — вотчинниковъ, но прежде всего какъ обязанность, лежавшую на немъ, въ значеніи старшаго главара Полицы, судившаго отъ имени и въ интересѣ общины. — Статутъ ограничиваетъ судебную дѣятельность князя учрежденіемъ выборныхъ отъ общины, участвовавшихъ въ княжемъ судѣ. Въ «полагъ» (помощь) князю община ежегодно избираетъ трехъ *заклетвенныхъ судцевъ*, ходящихъ съ княземъ по Полицѣ, «правде питаюи по закону». Судцы не равнозначительны съ дворскими судьями и вообще не принадлежатъ къ двору, отъ котораго Статутъ ясно ихъ различаетъ. Выборъ ихъ принадлежитъ общинѣ; они пользуются судными пенями наравнѣ съ княземъ; мало завися отъ князя, заклетвенные судцы отправляютъ свою должность и послѣ того, какъ князь «промину», оставитъ свою должность (3, 4, 153, 195, 234). Обычай приставлять къ князю выборныхъ людей, ради контроля за его дѣйствіями по суду и управленію, особенно распространенъ и долго держится въ автономическихъ общинахъ, пользовавшихся политической самостоятельностью. Въ Дубровникѣ роль заклетвенныхъ судцевъ играло малое вѣче; въ другихъ далматскихъ общинахъ всегда находились при князьяхъ *consiliarii*, или судьи, выбранные изъ народа, безъ которыхъ князь не могъ почти ничего предпринимать. Заклетвенные судцы отчасти напоминаютъ также судныхъ мужей — *цѣловальниковъ* и лучшихъ людей древняго русскаго судоустройства, въ эпоху Судебниковъ удержавшихъ одно контрольное положеніе на судѣ. Полицкіе судцы, помимо контрольной дѣятельности, принимали на судѣ самое дѣятельное участіе, являлись въ полномъ смыслѣ судьями, имѣвшими одинаковое съ княземъ право на доходы съ суда. — Князь производилъ свой судъ преимущественно на *пути*, «кадъ иде, када гре около, ходѣи у путь по Полицкихъ» (115, 121, 122, 195, 262). Разъѣздой судъ князей и судей извѣстенъ былъ въ старое время у большинства Славянъ. О немъ говорятъ Винодолскіе Законы, Душановъ Законникъ (соудіе идоу по земли, коуде моу іесть область), Польскіе Статуты (*wiesowe sądy, wolne sądy*) и русскіе источники. Тотъ же самый обычай путевыхъ судовъ держался до позднѣйшаго времени въ Полицѣ. Онъ устранялъ необходимость въ учрежденіи мѣстныхъ судовъ по отдѣльнымъ общинамъ, о которыхъ въ Статутѣ нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго намека. Князь не меньше трехъ разъ въ годъ, или, лучше, въ теченіи своего княженія, обходилъ катунѣ и ода въ

судации землевладельцами и съ полными дворами, «правде чинейи (пятаючи) по законихъ полицкихъ» (или просто — по закону). Во время путей князь съ судцами, какъ видно изъ Статута, разбиралъ и судилъ *всѣ дѣла*, представлявшіяся на его судъ жителями, давалъ людямъ правду по законамъ полицкимъ (8, 236). Статутъ предоставляет князю суду въ особенности разбирательство споровъ по племенщинамъ: «се немогу уложити у племенщину ни него кнезь (и) судци, не будући вола обию странъ» ¹⁾. Здѣсь можно бы спросить: почему Полицкій Статутъ выделяетъ въ компетентность княжяго суда въ особенности дѣла по племенщинамъ, предоставляя въ остальныхъ случаяхъ самими сторонами обратиться, по своему выбору, къ суду збора, ротниковъ или князя? Причину нужно искать, какъ намъ кажется, прежде всего въ самомъ существѣ и старомъ процессуальномъ характерѣ спорныхъ дѣлъ по племенщинамъ (наслѣдственному недвижимому имуществу, въ особенности землевладѣнію). Ни одинъ родъ процесса не требовалъ до такой степени разбирательства дѣлъ на мѣстѣ, какъ процессъ по поземельнымъ дѣламъ: въ старое время онъ всегда велся на самыхъ межахъ, — судьи вызвали на мѣсто, сюда являлись стороны, показывали межи и т. д. При особенномъ характерѣ полицкаго судоустройства, не дававшего мѣста учрежденію мѣстныхъ судовъ, подчинившаго всѣ судебныя дѣла общимъ органамъ жупской правды, поземельные процессы всего удобнѣе могли производиться, не столько на сборѣ или предъ ротниками, не ходившими въ путь, сколько предъ княземъ, «кад онъ гре онолю». Въ этомъ смыслѣ Статутъ и говоритъ, что «уложити у племенщину» можетъ только князь съ судцами — единственный, если можно такъ выразиться, подвижной органъ жупской правды, отправлявшій судебную дѣятельность на мѣстѣ и въ средѣ обстоятельствъ, требовавшихъ судебного разбирательства. — Судъ въ Полицѣ, какъ и вездѣ, былъ доходной статьей князя. Въмѣстѣ съ обязанностью производить судъ на мѣстѣ, во время путей, Полицкій Статутъ предоставляет князю право на «осуди» — судебныя пени, какъ это вообще принято за правило во всѣхъ славянскихъ законодательствахъ. По древне-русскому праву судъ имѣлъ строгій вотчинный характеръ, составлялъ главную доходную статью князей: уже Правда усволяетъ князю впръ и продажи, не оставляя никакого слѣда и намека на участіе общины въ пользованіи общественными пенями. Тоже самое нужно сказать о Душановомъ Законникѣ, предоставляющемъ общественныя пени царю и «царевымъ» судьямъ и властелямъ. Винодольскіе Законы строго различаютъ право князя и общины на судныя доходы. Перевѣсъ общины особенно замѣтенъ въ Полицкомъ Статутѣ. По первоначальнымъ его статьямъ, община беретъ осудъ, не только съ суда на сборѣ, но и съ суда княжяго: «осуди, ча осуди кнезь и судци, кнезу половица, опѣини половица» (2). Въ другой статьѣ вѣроятно позднѣйшаго происхожденія пеня предоставляется вообще тому, кто судить, — пеня съ княжяго суда дѣлается между княземъ и судцами (153). — Отъ суда князя полицкаго дозволяется апеллировать на сборъ, а «од потрибе». — къ князю сплитскому. Судъ послѣдняго очевидно, имѣлъ только посредническій характеръ (122, 239).

γ) Судцы — ротники. Въ Статутѣ они положительно отличаются отъ суда

¹⁾ Т. е. безъ воли обихъ сторонъ, никто не можетъ разрѣшать споровъ по племенщинѣ, кромѣ князя и судей (115).

княжого и вѣчеваго, являются вполне равной имъ судебной коллегіей, къ суду которой каждый могъ обратиться на такомъ же основаніи, какъ и къ суду на зборѣ или предъ княземъ (6, 8). О ротникахъ говорятъ слѣдующія двѣ статьи Статута, которыя Майковъ весьма основательно относитъ къ двумъ разновременнымъ редакціямъ:

«И прише Полица, да *четыри властеле и деветъ* (въ заглавіи — *десет*) *дидиѣ*, да ка коли тужба *прид те суце* доходи, што би се тко тужно прокаратуром, или би сами тко тужно вим се, да *они питаю у блато од свега, а од племенцине тко би што жотию новщину учинити, да ти суци уставлаю и разладаю*» ¹⁾.

«А овон прише полицане будући сви засдно, сви властеле и сва опѣина полицка, овако и по оя путь: учините по *четыри властеле и четыре дидиѣ за три мисеце; наконъ три мисеце да се друзи промине, ли такое у диле по осамтихъ е згора писанихъ. ако му буде криво, да познва прида не* (т. е. предъ нихъ) за три дни у свакому мисецу» ²⁾.

Обѣ статьи говорятъ объ однихъ и тѣхъ же судьяхъ. Въ 15-й статьѣ они названы *суци*. Значеніе ихъ полице определено въ слѣдующей (16-й) статьѣ: если по дѣлу кшестей господинъ не дастъ суда, «правду задоволну неучини», то истецъ «воленъ апелати *прид ово суце и ротники*, да греде *прид ротники*». Тѣ же самые судцы перечисляются въ 153 статьѣ въ числѣ полицкихъ судей, пользовавшихся правомъ на доходы съ суда, — *суци 15 статьи названы здѣсь судци — ротники*.

Полицкій Статутъ далеко не касается всѣхъ деталей устройства коллегіи судей-ротниковъ. Вотъ все, что можно сказать объ этомъ интересномъ институтѣ полицкаго судоустройства. Община избираетъ ротниковъ изъ племичей и дидичей. Коллегія состояла изъ 4-хъ властей и 9 или 10 дидичей; но, можетъ быть, позже ротники назначались поровну изъ обонхъ сословій (четыре властеля и четыре дидича). Впрочемъ, коллегія 13 ротниковъ могла существовать и независимо отъ 8-ти ротниковъ. Здѣсь можно видѣть аналогію съ устройствомъ сербской пороты, слагавшейся изъ 24, 12 и 6 поротцевъ, по различію дѣлъ «большихъ, манихъ (среднихъ) и меньшихъ». Можетъ быть, большая коллегія судила и большія дѣла, въ отличіе отъ 8 ротниковъ, избравшихся для дѣлъ менѣе важныхъ; хотя, вообще говоря, различіе между большимъ и малымъ «дѣломъ» не имѣло вліянія на устройство полицкихъ судовъ. Всего вѣроятно, что 13 и 8 поротниковъ — одно и тоже учрежденіе, упоминающееся въ Статутѣ въ разныя эпохи его развитія. Коллегія

¹⁾ И приняла Полица: 4 властеля и десять дидичей разрѣшаютъ всѣ споры по движимому имуществу, если представлена жалоба тѣмъ судьямъ (будетъ ли кто жаловаться чрезъ прокаратура или лично самъ); а если будетъ учинено насиліе по племенщинѣ, то тѣ же суды уставляютъ и разсматриваютъ (дѣло). Ст. 15).

²⁾ Полицане, будучи всѣ вмѣстѣ, всѣ властели и вся община полицкая, приняли слѣдующее: набрали 4-хъ властелей и 4-хъ дидичей на три мѣсяца; по истеченіи трехъ мѣсяцевъ они смѣняются другими, (такъ чтобы) въ каждомъ отдѣлѣ было по 8-ми вышеписанныхъ (властелей и дидичей) Кто будетъ обиженъ, тотъ пусть позываетъ предъ нихъ не далѣе 3-хъ дней до начала всякаго мѣсяца (19).

состояла изъ однихъ ротниковъ; ни откуда не видно, чтобъ на ихъ судъ присутствовалъ князь или княжій человѣкъ. Приставы, находившіеся при судѣ ротниковъ (6), имѣли значеніе обыкновенныхъ исполнительныхъ лицъ, производившихъ напр. позвы и пр. Самое названіе судцевъ ротниками показываетъ, что они производили судъ по присягѣ. Ротники избирались на короткое время — на три мѣсяца (заклетвенные судцы, какъ и другіе чиновники, отправляли должность въ теченіи года); по истеченіи срока службы старыхъ ротниковъ, коллегія обновлялась въ своемъ составѣ назначеніемъ новыхъ судей. Судъ ротниковъ учреждался не для однихъ племенныхъ людей, но вообще для всѣхъ свободныхъ людей; къ суду ротниковъ могли обращаться и кметы, если ихъ господинъ не давалъ имъ суда (16). Касательно дѣлъ, подлежавшихъ суду ротниковъ, Статутъ просто говоритъ, что «они (ротники) питаю у *блага ода свега*, а од *племенщине* тко би што хотио *новщину* учинити»; или въ другомъ мѣстѣ: «ки учини *кривину*, наине тко учини *крв*,... и тко бы кога *било*.... или по ки путь коли тко учини *силу*.... и кто ли би се наша *лутеж меусобацъ*, племенитъ човикъ али кметийъ, да га они могу позвати и прити предъ кнезомъ, али предъ *суци* (ротники), али предъ зборомъ» (8, 235). Изъ этихъ мѣстъ ясно видно, что компетентность суда ротниковъ распространялась на всѣ дѣла гражданскія и уголовныя. Исключеніе составляла одна племенщина: ротники судятъ только силу или новщину, — другія дѣла и споры по племенщинамъ, какъ мы видѣли, подлежали суду князя, который одинъ имѣлъ право разбирать и утверждать своимъ приговоромъ законныя права на племенщину (уложить у племенщину). Ротники имѣютъ значеніе настоящихъ судей. Они производятъ «судъ и питанье»; въ своей коллегіи они «питаю, разгледаю и уставляю». Нѣтъ нигдѣ намека, чтобъ отъ ротниковъ дѣла переходили къ другимъ судьямъ. По всему видно, приговоръ ротниковъ считался окончательнымъ, не допускалъ перевершенья дѣла въ новой инстанціи.

Институтъ полицкихъ судей — ротниковъ несомнѣнно коренится въ одномъ источникѣ съ сербскою поротою. Порота и судцы-ротники въ одинаковой мѣрѣ судили по присягѣ, представляли *коллѣию присяжныхъ*, взятыхъ на время изъ народа, — коллегію, противопоставлявшуюся судамъ должностнымъ (вѣчевому и княжему) и посредническимъ (душникамъ и облublеннымъ судцамъ). Съ другой стороны, судцы-ротники представляютъ весьма существенныя отличія отъ сербскихъ поротцевъ. Они различны между собой въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

1) Полицкихъ присяжныхъ избирала община, сербскихъ и дубровницкихъ — болѣею частію сами стороны.

2) Полицкая община выставяла присяжныхъ изъ сословій, указанныхъ въ самомъ законѣ, — должность ротниковъ была привилегіей влaстелей и дидичей. Поротцы сербскіе всегда избирались изъ «дружины» истца и отвѣтчика, т. е. изъ лицъ равнаго съ ними состоянія.

3) Полицкіе ротники отправляли должность въ теченіи законнаго срока (трехъ мѣсяцевъ); поротцы сербскіе назначались одновременно. Первые судили въ теченіи цѣлой судебной сессіи; вторые призывались только въ одно судебное засѣданіе.

4) Въ Полицѣ одни и тѣже ротники судили всѣ дѣла, поступавшія на ихъ разсмотрѣніе въ теченіи сессіи, на которую они призваны. Сербскіе поротцы призывались только для рѣшенія даннаго случая, послѣ чего они слагали съ себя должность поротцевъ и входили въ разрядъ простыхъ гражданъ.

5) Полицкая коллегія ротниковъ имѣла вполне самостоятельный характеръ, слагалась изъ однихъ ротниковъ. Въ составъ пороты сербской и дубровницкой входили должностные судьи, — *jus* и *judicium* отправляли здѣсь различные органы.

6) Полицкіе поротцы не только оправдывали или обвиняли подсудимаго, но и «устанавливали судъ и питанье», судили въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Поротцы сербскіе, напротивъ, только оправдывали или обвиняли, «да оправе или да окриве».

Въ послѣднемъ пунктѣ мы рѣшительно расходимся съ Майковымъ, ограничивающимъ дѣятельность полицкихъ ротниковъ оправданіемъ или обвиненіемъ обжалованнаго (см. Судъ присяжн., 57). Въ этомъ случаѣ Майковъ вполне отождествляетъ полицкихъ ротниковъ съ сербской поротой, что положительно невѣрно. Майковъ говоритъ, что, обязывая присяжныхъ оправданіемъ или обвиненіемъ и желая «избавить ихъ отъ окончательнаго исполненія приговора, уставъ самъ уже опредѣляетъ пеню, подробно говоритъ о наказаніяхъ за извѣстныя уголовныя преступленія, такъ что самъ уже законъ опредѣляетъ наказаніе и примѣняетъ его къ различнымъ случаямъ уголовныхъ дѣлъ». Положимъ даже, что Полицкій Статутъ дѣйствительно подробно опредѣляетъ наказанія; но значитъ ли это, что уставъ тѣмъ самымъ устранялъ судей отъ окончательнаго исполненія приговора? Спрашивается, кто же опредѣлялъ наказаніе и исполнялъ приговоръ: ротники избавлены отъ этой обязанности; должностные судьи не имѣли права вмѣшиваться въ это дѣло; выходитъ, что приговоръ присяжныхъ просто — на просто всегда оставался безъ исполненія. Утверждать, что наказаніе назначалось и приговоръ исполнялся безъ посредничества и власти судьи, что *самъ* законъ заботился о примѣненіи наказанія къ данному случаю, не вѣря этого дѣла какому либо органу общественной власти, значитъ высказать рѣшительное незнакомство, ни съ основными началами ученія о процессѣ, ни съ духомъ развитія юридическаго быта у Славянъ и въ частности въ Полицѣ. По основному правилу, равно извѣстному всѣмъ законодательствамъ, если дѣло вступило на процессуальный путь, то, вмѣстѣ съ оправданіемъ или обвиненіемъ обжалованнаго, было не менѣе важнымъ дѣломъ — примѣненіе наказанія, а оно, по самому существу своему, могло не иначе совершаться, какъ при посредствѣ власти дѣйствительнаго судьи. По Майкову выходитъ напротивъ, что Полицкій Статутъ оставлялъ на произволъ судьбы самую главную часть уголовного процесса, отправленіе которой всегда и вездѣ принадлежало къ существеннымъ обязанностямъ судей, дѣйствовавшихъ *ex officio*. Если законъ точно и подробно опредѣляетъ наказаніе, то едва ли это значитъ, что онъ желалъ избавить судей отъ одной изъ ихъ служебныхъ обязанностей — отъ исполненія приговора и пр. Здѣсь скрывается иная умыселъ: точное опредѣленіе наказаній, въ особенности пеней, слѣдовавшихъ судьямъ или князю, можно объяснять, какъ угодно, но только не такъ, какъ объясняетъ Майковъ. Кромѣ финансовыхъ расчетовъ, законодатель могъ при этомъ

руководиться желаніемъ устранить лишь произволъ судей въ назначеніи наказаній и исполненіи приговоровъ. Впрочемъ, нѣтъ никакихъ основаній говорить, что Полиційскій Статутъ отличается точнымъ опредѣленіемъ наказаній на всѣ возможные случаи: этотъ вопросъ составляетъ самую трудную и капитальную задачу уголовного права, не всегда и не вполне удовлетворительно рѣшаемую даже современными намъ законодательствами. Полиційскій Статутъ, напротивъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ прямо говоритъ, что законъ не можетъ опредѣлить до подробностей ни преступленій, ни самыхъ наказаній. Для примѣра приведу статьи о ранахъ и назначенныхъ за нихъ наказаніяхъ. Опредѣливъ пени за главные виды членоповрежденій и за простые раны и побои, Статутъ далѣе говоритъ вотъ что:

«И ѿшь гди би се те такове ствари згодиле, ке би такои vele сметене (смертне), има се *процинити* по циньцяхъ (свидоцяхъ), ничъ по закону, а ничъ по мисли и кушенци, и паке *разабравши*, зачь е тон учинено и по чеми» ¹⁾.

«И толикое се има *цинити* веће еданъ (палець) од другога, колико е ки од кога вриди. и паке се има процинити, або би сасвимъ неманькао кои годи удъ; тоту има бити *размледъ*» ²⁾.

«Има се видити, гди е и у ком мисту учинено, и на коемъ дугованью, и с кога узрока; *зачъ се немогу све ствари напуно исписати, да има се по кушеници николико судити*» ³⁾.

«Они, ки буду ранама цинци, имаю видити и разгледати и промисливши процинити ничъ по закону и обычаю, а ничъ по домысли и покушенци; зачь зе немогу премъ све сваке ствари напуно сасвимъ законити, измирити и угонятити, *ни се могу премъ све ричи у штатутъ поставити*; да има се прозрити и *процинити*... све има сагнути и примирити, ере се немогу све ствари именовати, како е згора речено» ⁴⁾.

Эти мѣста ясно показываютъ, на сколько Статутъ желалъ освободить судей отъ опредѣленія наказаній: судьямъ, напротивъ, вмѣнялось въ обязанность назначать наказанія *по закону и обычаю*, даже по собственной *домисли* и *кушенци*. А что ротники *судили* въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ объ этомъ положительно говорится въ слѣдующемъ мѣстѣ:

¹⁾ Если бы случившся такіа дѣла (раны), которыя грозили бы смертью, то должно оцѣнить (ихъ) посредствомъ оцѣнщиковъ (свидѣтелей), отчасти по закону, отчасти по усмотрѣнію и совѣсти, рассмотрѣвши, изъ-за чего и какъ то учинено (39).

²⁾ И на столько одинъ (палець) долженъ цѣниться больше другаго, на сколько онъ важнѣе этого. И опять слѣдуетъ (иначе) оцѣнить, если бы совсѣмъ не доставало какаго либо члена. Во всѣхъ такихъ случаяхъ долженъ имѣть мѣсто осмотръ (40).

³⁾ Должно рассмотреть, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ учинено, на какомъ дѣлѣ и по какой причинѣ; потому что невозможно вполне опредѣлить (въ законѣ) всѣхъ дѣлъ, но должно судить по совѣсти (42).

⁴⁾ Оцѣнщики ранъ должны видѣть и смотрѣть (ихъ) и, обсудивши, оцѣнить, отчасти по закону и обычаю, а отчасти по усмотрѣнію и совѣсти; потому что невозможно всѣхъ дѣлъ вполне опредѣлить въ законѣ, измѣрить и установить, ни записать ихъ въ Статутъ; слѣдуетъ рассмотреть и оцѣнить... во все должно внимать и обсудить, потому что нельзя именовать всѣхъ дѣлъ, какъ выше сказано (64).

«И тако тогачи осуда и свакога осуда гре по страни, а друга по оним судѣм, ки тои буду судили: ако е о кнезу, тада кнезу и судѣм; ако ли су (судили) судѣи-ротници, тада ним; ако ли е придь збором, тада опћани» ¹⁾.

Значеніе ротниковъ, какъ судей, несомнѣнно видно изъ этого мѣста. Они вполнѣ уравниваются съ зборомъ и княземъ, наравнѣ съ ними производятъ судъ и питанье — дѣло, не ограничивавшееся однимъ оправданіемъ или обвиненіемъ обжалованнаго, но главнымъ образомъ обвинявшее назначеніе наказанія и исполненіе приговора.

Полиціе судѣи-ротники, такимъ образомъ, отличались отъ сербской пороты во многихъ существенныхъ пунктахъ. Но ихъ нельзя также уподоблять нѣмецкимъ Schöffen'амъ — постояннымъ судебнымъ засѣдателямъ, избиравшимся самымъ правительствомъ какъ бы въ помощь къ главнымъ судьямъ. Судѣи-ротники занимали среднее мѣсто между поротой и скабинами. Ихъ нельзя выводить изъ внѣшнихъ вліяній; на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на «уступку въ пользу сосѣдняго устроа»: уступка могла быть здѣсь лишь въ пользу собственнаго внутренняго устроа полиціи общины. Полица вовсе не знала чиновниковъ въ теперешнемъ смыслѣ. Всѣ должностныя лица — главари и судѣи Полицы, отъ малыхъ и до большихъ, служили общинѣ, имѣли въ большей или меньшей степени характеръ добрыхъ или лучшихъ людей, временно приставлявшихся общиной къ администраціи и сулу, — во всѣхъ главарахъ проглядывало такъ или иначе значеніе людей «заклетвенныхъ», ротниковъ. Общественный строй полиціи общины условливалъ не противоположеніе присяжныхъ чиновникамъ, какъ это напр. было въ Сербіи, но обоюдное вліяніе и обпленіе главарей и присяжныхъ судей. Оттого можно вывести съ Майковымъ сказать, что учрежденіе судей ротниковъ возросло «на славянской почвѣ подъ славянскимъ возрѣніемъ: въ немъ, какъ учрежденіи домашнемъ, высказалась своя распорядительность и особенность со стороны народа, которымъ оно было выношено и воспитано».

6) Правдѣ законной, обвинявшей судъ предъ зборомъ, княземъ и судѣями-ротниками, противопоставляется *правда облублена*, имѣвшая мѣсто «придь суци облублени» (133). Статутъ упоминаетъ объ этихъ судьяхъ почти только мимоходомъ. Имъ соответствуютъ русскіе трети, польскіе и мазовецкіе *jednascze* или *skladzce*, чешскій *soud slibny* (позднѣйшіе *roky domáci, rokovníci* или *prátelské umlunce*), сербскіе душники или душевники, дубровницкіе учиначе и *ragvum stanicum*. Общій строй посредническаго суда всегда былъ одинаковъ. Третьей избирали стороны, для рѣшенія дѣла въ каждомъ данномъ случаѣ. Они не присягали, брали дѣло на свою душу, судили по совѣсти. Трети только обязывались «оумирити», въ отличіе отъ поротцевъ, которые «да оправе или да окриве». Полицій Статутъ не опредѣляетъ, въ какихъ случаяхъ имѣла мѣсто правда законная и въ какихъ —

¹⁾ И такимъ образомъ, этотъ и всякій осудъ идетъ (въ пользу) стороны, а другая (половина) судьямъ, которые то (дѣло) судили: если судилъ князь, то (осудъ идетъ) князю и судѣямъ; если судѣи-ротники, то имъ; если (судъ производился) предъ зборомъ, то (осудъ идетъ) общинѣ (153).

облюбленная. По словам Палацкаго и Ирѣчка, сербскіе душики и чешскій *slibny soud* призывались только по менѣ важнымъ дѣламъ. Изъ дубровницкихъ законовъ о *stancum pactum et sacramentum* видно, что судъ третей (*parv. stan.*) въ обыкновенныхъ случаяхъ предшествовалъ суду присяжныхъ, — порота и имѣла мѣсто, главнымъ образомъ, въ такомъ случаѣ, когда не состоится миролюбное соглашеніе, или когда затруднительность и важность дѣла требовали учрежденія *stancum sacramentum* (См. Палацкаго Сравни. Закон. Душ. 8 гл. Ирѣчка *Slov. pr.* II. 199. Рейца Политич. устр. далмат. город. 180. Мацѣйовскаго *Ратиѣн.* II. 294).

2) Отдѣльныя формы суда, развивавшіяся рядомъ съ правдой жупской, составляли *суды верные и юсподскіе*.

а) *Судъ верный*. На него указываетъ постановленіе Статута «од племенщинъ», гдѣ между прочимъ разбираетъ споры между братьями верными предоставляется верви. Ей принадлежитъ судъ по кривдамъ вообще (гдѣ се кому криво види) и въ особенности судъ по спорамъ изъ за племенщины, принадлежащей верви (114. См. мою статью о значеніи верви сравнительно съ задругою).

б) *Судъ юсподскій*. Господинъ (господарь) — *подобан суцац* надъ завистѣвшими отъ него кметями и людьми. Въ значеніи судьи, господинъ получаетъ на общемъ основаніи судныя пени съ провинившихся людей; если они, напр. по апелляціи истца, судятся въ другомъ мѣстѣ, то и въ такомъ случаѣ господинъ удерживаетъ право на пеню. Всякій, имѣющій спорное дѣло съ чужимъ человекомъ, долженъ прежде всего просить суда у его господина; при отказѣ истецъ можетъ обратиться къ сбору и вообще къ Полицѣ, съ просьбой принудить господина дать судъ. Послѣ вторичнаго отказа истецъ можетъ обратиться къ жупскимъ судамъ на общемъ основаніи. Къ нимъ же дозволено «апелати», когда истецъ останется недовольнымъ господскимъ судомъ: отвѣчать на судъ обязанъ самъ отвѣтчикъ. Взысканіе по судебному приговору обращается на виновнаго, а не на его господина. Съ другой стороны, всякій кметъ пользуется правомъ лично искать на другихъ, обращаясь съ искомъ или жалобой въ жупскіе суды на общемъ основаніи. Не видно, чтобы при этомъ требовалось посредничество господина. Пока кметъ находится въ зависимости отъ господина, онъ долженъ безпрекословно исполнять всякій его судебный приговоръ; подложному человеку, недовольному господскимъ судомъ, дозволяется возобновить дѣло въ жупскихъ судахъ только послѣ выхода его отъ прежняго господина: «да ако би кад пошаѣо од нега, волян би с правдомъ питати, ако би му ча криво али неподобно учиниѣо» (8, 9, 16, 122, 143, 151, 237 — 240).

Главными исполнительными органами, въ особенности правды жупской, считаются *приставы*. Статутъ различаетъ приставовъ *опѣениахъ*, *кнежихъ* и *имихъ*, состоявшихъ при сборѣ, князѣ и судахъ-ротникахъ. Приставы полагались также при правдѣ облюбленной. Одни приставы присягали на должность, почему и назывались *ротными*, въ отличіе отъ простыхъ приставовъ, не обязанныхъ присягой. Изъ Статута видно, что при каждомъ судѣ могло находиться нѣсколько приставовъ, — иногда одно судебное дѣйствіе (напр. позовъ) производилось цѣлой коллегіей приставовъ того суда, въ которомъ рѣшалось данное дѣло (1, 2, 6, 124, 126, 128, 131, 133, 135).

Судебная дѣтельность приставовъ опредѣляется въ Статутѣ довольно точнымъ образомъ. Они *приставую*, чинятъ *приставщину* (124, 125, 129, 133), которая состоитъ въ производствѣ различныхъ судебныхъ дѣйствій — позововъ, нѣстныхъ разслѣдованій и осмотровъ, привода къ присягѣ сторонъ и поротниковъ (очистниковъ) и пр.; исполненіе приговора принадлежало къ существеннымъ обязанностямъ приставовъ. Они дѣляютъ спорную землю, взыскиваютъ долги, если самъ должникъ добровольно не разсчитается съ своимъ кредиторомъ, и пр. (6, 83, 116 и пр.). Сущность приставщины опредѣляетъ Полиційскій Статутъ слѣдующимъ образомъ:

«Пристави су, по кихъ се чине позови по закону, и правде питаю, и поротья, и продае, и такмине, и свидочаства и сваке ине ствари и дугованья меу людьми» ¹⁾.

Приставщина возбуждается частной просьбой сторонъ, обращенной къ суду, о назначеніи и посылкѣ пристава, для исполненія напр. позова или другихъ судебныхъ дѣйствій. Въ понятіе приставщины входятъ въ особенности всѣ отправленія приставовъ, производившіяся ими вѣ суда, когда они «*приставую стоели на нозахъ*». Послѣ того, какъ приставъ донесъ суду о результатѣ исполненныхъ имъ дѣйствій, онъ *сиде у суду*: въ судѣ приставщина ограничивалась въ особенности допросомъ свидѣтелей и заклинаніемъ поротниковъ (124, 125).

Приставщина означала собственно *помощь*, которую приставы оказывали на судѣ сторонамъ. Сторона, пріобрѣтавшая что либо по суду (ки допре и добуде племенщину, — ки пята теръ добуде с правдом, — ки веѣе добива и ки се веѣе прппита, ча ние приа нимила али држала), платила судьямъ опредѣленную закономъ осудъ. Десятая часть (*дил десети*, или просто *десето*) такой осуди слѣдовала всегда въ пользу приставовъ; приставы при облюбленной правдѣ получали только половину десятины. Статутъ, кромѣ того, постановляетъ, что и другая сторона, «ки ние хотио презъ парие (безъ суда) добровольно платити, нма пристава кунъ тати од себе». Приставничья плата взиалась всегда въ одинаковомъ размѣрѣ, хотябы въ данномъ дѣлѣ приставщина производилась нѣсколькими приставами: *десятый дѣлъ осуди слѣдовалъ имъ по равнымъ частямъ*. Если въ приставщинѣ участвовалъ приставъ ротный съ нѣсколькими простыми приставами, то одна половина осуди слѣдовала ротному приставу, другая дѣлилась между остальными (2, 128—133).

Приставы, въ особенности ротные, считались «подобни и достоинни вири», пока не будутъ уличены въ «фалсо и хитрости» — незаконномъ исполненіи приставщины. Пристава дозволялось «нарекать» предъ судомъ. По старому закону, *кривой* приставъ терялъ довѣріе: вѣсть съ удаленіемъ отъ должности, ему грозило *наувѣченіе* (назысѣи три ребра). Статутъ принялъ «милостивинъ» законъ: кривой приставъ «*дужанъ вртвомъ враждомъ*», т. е. старое наказаніе оплачивалъ денежнымъ выкупомъ въ пользу общины и оправданной стороны (124 — 127).

¹⁾ Приставы суть тѣ, посредствомъ которыхъ производятся позовы по закону, разслѣдывается правда и совершается присяга, продажа и договоры, свидѣтельство и всякія нныя дѣла и сношенія между людьми (123).

Полиціе приставы представляют изстаринное учреждение, встрѣчавшееся въ прежнее время у всѣхъ Славянъ. Они равно извѣстны всѣхъ древнѣйшимъ памятникамъ славянскихъ законодательствъ.

Старія хорватскія *sudovi* показываютъ, что *rotni pristavi* состояли при старинныхъ хорватскихъ судахъ (*sudacki stol*) въ значеніи главныхъ исполнительныхъ учреждений. Они производятъ позвы, исполняютъ приговоръ и пр., сидятъ на судѣ, вообще считаются одной изъ составныхъ частей суда (*Arkiv. I. 203 — 204*). Съ такимъ же значеніемъ извѣстны приставы (*pristavi, pristaldi, praecones* и пр.) средневѣковымъ статутамъ приморскихъ далматскихъ городовъ (См. Рейца. 42—46).

Приставы Винодольскихъ Законовъ было общимъ названіемъ *sluzb, sluzhabnikov, позовников* и другихъ лицъ, находившихся при князѣ и другихъ судьяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, напр. позовники, назывались *romeni* (присяжные). Винодольскіе приставы отправляли тѣже обязанности, какъ и полиціе. Законы опредѣляютъ таксу платы, получавшейся приставами отъ сторонъ, смотря цѣль иска (одъ навете и мене пре) и спорныхъ вещей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда приставъ отрижался на мѣсто, напр. для осмотра поличнаго (убитаго животнаго и пр.), онъ получалъ вознагражденіе натурою (пару подошвъ). Если предметомъ поличнаго было мертвое «говедо» (скотъ, животное), то приставъ бралъ часть (если говедо было цѣло) или все поличное, а истецъ «ишти свое правде». Показанія пристава на судѣ считались достойными вѣры, пока приставъ не окажется *кривымъ*. Приставъ кривой, кромѣ удаленія отъ должности, подвергался конфискаціи имущества (19, 48 — 51, 65, 73).

Сеньскій Статутъ говоритъ о приставахъ (*pristavi*) и равнозначительныхъ съ ними *дворникахъ* (*dovornici, officiales curiae* — старорусскіе дворяне). Они производятъ позвы, вводятъ во владѣніе и проч., получая за трудъ десятину, *desena soldinorum* (*Arg. III. 159, 160*).

Подобныя же учрежденія извѣстны старосербскому судоустройству. Законникъ Душановъ говоритъ о приставахъ (*прѣставъ, приставъ*); къ разряду приставовъ относились *дворяне* и *посланицы*. Приставы раздѣлялись на *дворскихъ* или *царевыхъ* и *судинныхъ*. Ихъ отряжали судья на *работу*, однозначашую съ полиціей приставщиной. Приставы всегда дѣйствовали по «книгѣ царской или судинвой»: вышедши изъ предѣловъ книги, особенно при исполненіи судебного приговора (если «инако прѣтворить судъ»), приставъ считался *кривымъ*, какъ и въ Полицѣ подвергался изувѣченію (урѣзанію языка и отсѣченію руки или ушей). Приставничье вознагражденіе, соответствующее полиціей и сеньской десятинѣ, носитъ названіе *издава*. Законникъ упоминаетъ, кромѣ того, объ отдельномъ родѣ приставовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *глобарей*, представлявшихъ къ сбору «глобы» (тоже, что вира Р. Правды). Глобары доселѣ держатся у Черногорцевъ. Быть можетъ, они соответствуютъ русскимъ вириникамъ, тоже представлявшимъ къ виражъ.

Южнославянскимъ приставамъ соответствуютъ чешскіе *komornici, ruhonci* и *posly* (*camerarii, bedalli*). При судахъ чешскихъ, какъ и полиціиныхъ, состояла цѣлая коллегія судебныхъ приставовъ. Главнымъ считался *slary komornik*, называвшійся также *komornicy starosla*, который заведывалъ всею коллегіей коморниковъ.

(или коморничьихъ *druh'ovъ*). Въ старое время главный коморникъ имѣлъ при себѣ по найму (на *pajme*) нѣсколькихъ приставовъ; позже коморники сдѣлались постоянной (*stáli*) должностью (Archiv. cesky. I. 450, 451, 474, 476, 478. II. 78, 510. Ср. Ирѣчка Slov. pr. II. 183).

Старопольскіе *pristaldi* (*przystawy*) имѣли общее значеніе славянскихъ приставовъ. Изъ Вислицкаго Статута видно, что въ старое время польскіе приставы носили названіе *дѣтскихъ*, — по Статуту судебныя дѣйствія служебниковъ и возныхъ называются вообще *dzieckowanie* (См. Wojcicki Wisl. Stat. 7; ср. Статутъ въ Акт. Зап. Рус. I. 25). *Служебники* и *возные* (*sluzebnicy*, *woźni*, *ministeriales*, *officiales*) Вислицкаго Статута отправляютъ тѣ же обязанности, какъ и приставы другихъ славянскихъ памятниковъ. Они берутъ положенную закономъ плату и, въ случаѣ несправности по службѣ, наказываются удаленіемъ отъ должности (Lelewel Polska wiek sr. III. 21, 39, 69. и др. Bandkie Stężinski Hist. pr. pol. 134, 467. О приставахъ вообще см. Мацѣйов. Hist. I. 172. II. 66. III. 210. Палац. Сравни. Зак. гл. 6. Крстича, въ Гласн. IX. 124).

Наконецъ русскіе *дѣтскіе*, *отроки* и другія исполнительныя учрежденія Русской Правды коренятся въ одномъ источникѣ съ славянскими приставами. Въ періодъ московскихъ законовъ они объединяются въ одномъ учрежденіи *приставовъ*. *Помочное* Русской Правды (напр. Троиц. сп. 16 и 19) вполне соответствуетъ славянской *дѣсятинѣ* и *издавѣ*.

II. *Гражданское право*. Полицкій Статутъ излагаетъ очень подробно постановленія объ отношеніяхъ имущественныхъ и наследственныхъ; есть также нѣсколько отдѣльныхъ постановленій о главнѣйшихъ родахъ обязательствъ (*купль* — *продажъ*, *иѣнѣ* и пр.). Ученіе объ отношеніяхъ семейственныхъ изложено весьма неполно, — одни вопросы вовсе не затронуты Статутомъ, по другимъ встречаемъ только общія указанія.

а. *Семейственныя отношенія*, по Полицкому Статуту, слагаются изъ отношеній троякаго рода: отношеній между мужемъ и женой, между родителями и дѣтьми и между ближними (верными братьями). Первые два рода отношеній обнимаютъ союзъ *челади* — семьи въ строгомъ смыслѣ; отношенія между верными братьями возникаютъ изъ союза *верви* (верной дружины) — общины съ семейнымъ характеромъ.

1) *Челядь*. О челади, въ смыслѣ семьи, говорится въ двухъ мѣстахъ устава — о робствѣ и проклетствѣ. Запрещая робство подъ угрозою смертной казни, Статутъ прибавляетъ: «тон се разуми, тко греде (на войску с Турци или с Марьтолосои) главом, да е дужанъ (главом), а ина челадь да ня дужна главомъ» ¹⁾. Точно также проклятымъ, т. е. наказаннымъ церковнымъ отлученіемъ, запрещается «опѣити ни живити с иними лудми, одложе челади од оне куѣ, гди стои» (27). Челядь, живущая въ одномъ домѣ (куѣ), представляетъ союзъ мужа, жены и дѣтей. Въ отличіе отъ верви, имѣющей двусторонній характеръ, живущей по началамъ

¹⁾ Это разумѣется, когда кто идетъ самъ на войну съ турками или марьтолосоми, — тотъ и отвѣчаетъ головой (своей), а другой чладь (его) семьи лично не отвѣчаетъ (17).

государственного и гражданского права, челядь означает семью въ тѣсномъ смыслѣ, цѣликомъ относится къ институтамъ права гражданского. По самому существу своему, челядь, подобно всякой семьѣ, обнимаетъ семейныя отношенія двоякаго рода: отношенія, возникающія изъ союза между мужемъ и женой и изъ союза между родителями и дѣтьми. Въ обоихъ случаяхъ Статутъ даетъ довольно интересные указанія на тѣ обычаи, какихъ Полица изгари держалась въ сферѣ отношеній семейныхъ. Указанія такія попадаютъ въ особенности въ статьи по наследству и имущественнымъ отношеніямъ.

а) *Отношенія между мужемъ и женой.* Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, Статутъ оставляетъ въ полной силѣ старые народные обычаи, мимоходомъ касаясь только имущественныхъ отношеній между мужемъ и женой. Последняя, при замужествѣ, получаетъ отъ своей семьи только «*рухо и оброкъ на одѣву*» (280), т. е. одежду и имущество, назначенное ей при выходѣ въ замужство, какъ это доселѣ въ обычаѣ у всѣхъ южныхъ Славянъ (См. Bogišić Pravni obicaji u Slovena, стр. 120 и слѣд.). Имущество, вносимое невестой въ домъ жениха, называется *дотой* и отличается отъ *мужевьлы*, или *добра* мужа, которому дозволяется записать женѣ по завѣщанію часть своего добра, подъ названіемъ *баителы*. Вдова, имѣющая дѣтей, можетъ остаться на мужниномъ добрѣ, но, при вступленіи въ новый бракъ, беретъ съ собой только доту и багателу (263).

б) *Отношенія между родителями и дѣтьми.* Въ понятіе *привѣтъ* и *старшихъ* входятъ отецъ и мать, вообще *родители* и другіе восходящіе. Къ челяди принадлежатъ *остатки, порода, ближніе* или *присные*, — *дѣца* или *наследники*, къ которымъ относятся: *сынове, зѣри* (пері), *унуки* и т. д. *Ближніе братья и сестры* по преимуществу называются дѣтьми и наследниками. Статутъ не говоритъ точно и подробно о родительской власти, главныхъ образомъ касается отношеній дѣтей къ *бащинѣ*, т. е. отцовскому имуществу, которое можетъ перейти въ нихъ въ качествѣ наследниковъ. По Статуту, ближнимъ всегда «тре» *племеницина* (родовое имущество семьи), — здѣсь отцовскія права ограничиваются правами дѣтей, ближнихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, уставъ признаетъ также нѣкоторыя права дѣтей и на благопріобрѣтенное имущество отца. Предоставляя ему полное право распоряжаться своимъ имуществомъ при жизни, какъ угодно, законъ ограничиваетъ отцовскій произволъ въ моментъ посмертныхъ распоряженій и дѣлежъ семейнаго имущества между дѣтьми: «ниче триби, да едному (дѣца) мимо другога прем све на смрти оиде, а другога са свимъ ухили, него онако, *како е достоино и подобно*» ¹⁾. Только въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ отецъ можетъ «по души уилити» (устранить завѣщаніемъ) своихъ сыновей, дочерей и внуковъ отъ участія въ наследствѣ (бащинѣ). Такимъ правомъ пользуется отецъ въ слѣдующихъ случаяхъ: когда сынъ подниметъ руку на родителей, окажетъ имъ неуваженіе (непошечѣ), обвинитъ ихъ въ какомъ либо преступленіи (поманѣванѣ), не касающемся вѣры и правительства (кое ние противъ вири оли поглавици сватовному); когда сынъ

¹⁾ Не дозволяется одному мимо другаго отдавать все при смерти, а другаго вовсе устранять, но (слѣдуетъ дѣлить имущество) такъ, какъ (требуется) безпристрастіе и справедливость (75).

явный преступникъ или имѣть сношенія съ «злочинцами»; когда покушался отравленіемъ или инымъ образомъ на жизнь родителей; когда осквернить отцовское ложе; когда изъ мести (по осваѣнѣу) причинить родителямъ большія утраты (тешке тратѣне); когда не хочетъ вмѣсто отца вступить въ «сужанство» (закупничество Р. Пр.); когда препятствуетъ родителямъ сдѣлать посмертныя распоряженія (наѣпоковну наредбу), когда занимается промысломъ безчестнымъ (напр. будетъ шутомъ или дудочникомъ — «глушцемъ Или цавомъ»); когда дочь или внука, не достигши 25 лѣтъ и имѣя возможность выйти замужъ, ведутъ распутную жизнь; когда дѣти не помогаютъ родителямъ, впавшимъ въ бѣдность; наконецъ когда не заботятся о выкупѣ ихъ изъ сужанства (281. Ср. 29, 47 — 50, 75, 114, 144, 200, 280).

Статуту вовсе неизвѣстно различіе между дѣтьми законными, незаконными и усыновленными, какъ и мало говорится о положеніи *сиротъ*, оставшихся въ *сиротинствѣ* послѣ смерти родителей. Статутъ только запрещаетъ «с правомъ поприти га или завигнути нань нове парбу, кога би сиротинство затекло»¹. Обязанность отвѣчать по суду лежитъ на сиротахъ только со времени достиженія совершеннолѣтія, начинавшагося съ 18-ти лѣтняго возраста (200).

2) *Верьь*. Отъ братьевъ ближнихъ и присныхъ Статутъ отличаетъ *братьевъ дальныхъ* (даони) или *не прем присныхъ*, вообще *ближиковъ*, состоящихъ въ *братствѣ*. Братство такое опредѣляется, смотря по близости или дальности степеней родства, какъ это показываютъ слѣдующія статьи устава:

«Ако ли би тко убио брата не прем приснога, толико има бити тиран, *колико му е био близу у брацтву*»²).

«Ако ли се ноше кои ближии нанде *ближе* од онога... ако ли ста (су та) оба *поеднако ближиа*, али би ихъ веѣе било, ни му су *еднако близу*»³).

Ближніе и дальные, кромѣ того, отличаются отъ *вервныхъ* (врвни), называющихся *вервными братьями*, *вервью*, *вервной дружиной* и *племенемъ*. Вервь, дружина, племя — различныя названія одного и того же учрежденія семейной общины. Если ближніе и дальные соединены между собой братствомъ, единствомъ происхожденія отъ одного лица, то вервные сближены сосѣдствомъ, принадлежностію къ одному союзу, живущему на одной племенщинѣ, «ка е *врвитѣа* (врена). Членами (*лаве*, *дионици*, *братья*) верви могутъ быть, не только ближии, соединенные между собой братствомъ, но и другія лица, по своему происхожденію чуждыя между собой, безъ всякихъ кровныхъ связей. Названіе вервной дружины одинаково примѣняется ко всѣмъ, кто бы ни жилъ на вервной племенщинѣ. Въ сферѣ юридическихъ отношеній вервь имѣетъ значеніе *юридическаго лица*, пользуется общими

¹) Т. е. искатъ на нихъ по суду и вчинать новый искъ противъ того, кого постигло сиротское состояніе.

²) Если бы кто убилъ брата не роднаго, то онъ на столько долженъ быть наказанъ, на сколько онъ близокъ былъ къ нему по братству (48).

³) Если какой либо ближній найдется еще ближе онаго... если тѣ оба одинаково близки, или еслибы много было такихъ, которые одинаково близки къ нему.... (79).

гражданскими правами лицъ физическихъ. Вервинъ союзъ основанъ на началѣ равноправія членовъ и солидарности интересовъ союза и отдѣльныхъ его братьевъ. Вервинъ племенщина имѣетъ значеніе общаго семейнаго имущества, составляющаго собственность не вервинаго главы (господаря), но цѣлаго союза. Пока братья живутъ на общей племенщинѣ, до тѣхъ поръ для нихъ все *завдно*: «и добро и зло, и користъ и щета, и дузи, кому су дужни и тко е нимъ дужанъ, то им е *завдно от-лѣно* докле се раздѣле, а када се раздѣле, тада е свакому свои дѣно» ¹⁾. Послѣ раздѣла теряется юридическій характеръ верви: на своихъ «особитыхъ дѣоницахъ» братья живутъ безъ общихъ повинностей и солидарности вервиной дружины (о верви см. 29, 47 — 49, 79, 114, 263, 264).

б) *О правахъ на вещи*. Полицій Статутъ развилъ очень подробное ученіе о правахъ на вещи. Въ немъ встрѣчаемъ точныя понятія о различныхъ родахъ имущества; дѣляется различіе между правомъ полной собственности и простымъ владѣніемъ, между частнымъ и общимъ имуществомъ; наконецъ говорится о способахъ пріобрѣтенія и актахъ укрѣпленія правъ на имущества.

1) *Роды имущества*. Имущество имѣетъ нѣсколько общихъ названій. Сюда относятся: *ричь*, *блаю*, *иманье*, *добро* и *сварь* (4, 11, 12, 17, 22, 26, 271 и др.). Хозяиномъ (*господарь*, *лава*) вещи считается тотъ, кто владѣетъ ею, кому она принадлежитъ, — «ови, ки ю држи, кому пристое» (29, 47, 71, 73, 87, 90, 144). Кромѣ имущества общаго (иманье *полмичко*), бывшаго въ распоряженіи господы, упоминаются *свари црковне*, благо и иманье *племенитыхъ людей, кметей, влашичей*, вообще лицъ, принадлежавшихъ къ свободнымъ состояніямъ (4, 17, 18, 21, 26, 29).

Статутъ точно опредѣляетъ различіе между движимымъ и недвижимымъ имуществомъ въ капитулѣ — «ча е *стабуло* али *ибуѣ*»:

«Зове се *гибуѣ*, *ча се ибле* или *ча се море ласно ибати*, а зове се *стабуло* али *негибуѣ* оно, *ча се с миста неибле*» ²⁾. Къ вещамъ недвижимымъ отнесены: земля, кућа и полача «у ѣпно али у подъ», сельская полипа (мазанка), церковь, замокъ или пещера, «ка е становита» (неподвижна), также вода «жива», которая никогда не высыхаетъ. Напротивъ, вода «рваница (копанка), ка е руками учинена», также кућа — гоминоца (гумно), покрытая соломой, считаются вещами движимыми (76, 77).

Иманье, *блаю* и *сварь ибуча* имѣютъ специальное значеніе благопріобрѣтеннаго имущества и въ этомъ смыслѣ противоплагаются *племенщинѣ*, имуществу наследственному (15, 17, 18). Имуществомъ благопріобрѣтеннымъ считается: «ча годи човику *принаде* и *прибави*, али *прикупи*, али *издвори*, али инако како годи

¹⁾ И добро и зло, корысть и убытокъ, и долги (кому они должны и кто имъ долженъ) — все для нихъ общее, пока не раздѣлятся; послѣ раздѣла всякій знаетъ только свою часть (31).

²⁾ Движимымъ имуществомъ называется то, что двигается или что можетъ легко двигаться, а недвижимымъ — что не двигается съ мѣста.

достигне собои и своимъ трудомъ ча би принашао ¹⁾. Въ особенности благоприобрѣтеннымъ имуществомъ отдѣльныхъ лицъ считается все приобрѣтенное ими послѣ раздѣла племенщины, или, что одно и тоже, послѣ выхода изъ союза верви: «ча е онъ *особито* нашао и добио или прибавио *посли дила*, с кимъ днѣ има у племенщины» ²⁾. Последнее правило указываетъ на существенное различіе задружной и вѣв-задружной жизни по отношенію къ имущественнымъ правамъ отдѣльныхъ лицъ: пока они находятся въ союзѣ верви, до тѣхъ поръ все, что бы они ни приобрѣли, считается «опѣено засдно». По Статуту, о частной собственности можно говорить только касательно лицъ, не принадлежащихъ къ верви, — *прѣна* специально означаетъ благоприобрѣтенное имущество такихъ лицъ, отличавшееся отъ племенщины и дидинства (281). Позже смягчается строгая общинность южнославянской задруги; отдѣльные ея члены получаютъ возможность, не выходя изъ задруги, имѣть свое отдѣльное благоприобрѣтенное имущество. Въ Славовинъ доселѣ *прсѣја* означаетъ отдѣльный *resolium* задругарей (Богиничъ, 37).

Имущество наследственное носитъ общее названіе *племенщины*, *дидинства* или *башини*. Племенщина, по опредѣленію Статута, «есть *стара башина*, ка е *ошаста* (остала) од *првнхъ*» (73). Значитъ, была еще *новая* башина, которая не доставалась отъ предковъ и вообще различалась отъ старой башини. Различіе между племенщиной и башинной видно и изъ другихъ мѣстъ. Напр., въ 47 статьѣ говорится: «племенщина, неговъ днѣ, ако ю има, (идеть) ближнему, кому *пристои* (племенщина) *по башини*, како да би умро»; или въ 49-й статьѣ: «ако ли би тко убио ближнега или врывога за цѣна племенщине, да нему остане, ка (племенщина) би га има *пристоати по башини*». Здѣсь пристоять по башинѣ, очевидно, значитъ принадлежать *по праву наследства*. По закону о причинахъ, по которымъ отецъ можетъ устранить своихъ сыновей отъ башини, башиня обвиняется, не только *дидинство*, равнозначительное съ племенщиной, но и *прѣно*, имущество благоприобрѣтенное (287). Прѣно отца, переходя по наследству къ его дѣтямъ, становилась для нихъ новой башинной, обращавшейся въ слѣдующемъ поколѣніи наследниковъ въ старую башину, племенщину въ собственномъ смыслѣ.

Отъ имущества благоприобрѣтеннаго и наследственнаго отличается имущество жалованное и дарованное частнымъ владѣльцемъ и господомъ, подъ названіемъ *даровщины* (*провизиуна*), *бенефицій* и *очестья* (очинства, очинства). Бенефицій и очестья отнесены къ стварямъ церковнымъ; даровщина — имущество, приобретѣнное частнымъ лицомъ по пожалованію отъ правительства (26, 29), но тоже названіе могло отнестись и къ частному дару.

Есть также различія между имуществомъ общиннымъ, вервиннымъ, семейнымъ (мужнинымъ и женнинымъ) и частнымъ. Имуществомъ общиннымъ (*опѣено*, *пополно*) считаются въ особенности пастбища, земли, лѣса, пути и «жива» вода; изъ нихъ

¹⁾ Что либо человекъ приобрѣтетъ и прибавитъ, или прикупитъ, или провведетъ, или иначе какъ либо получитъ самъ и своимъ трудомъ приобрѣтетъ...

²⁾ Что онъ отдѣльно напелъ и добылъ или прибавилъ послѣ раздѣла съ тѣми, съ кѣмъ имѣлъ участіе въ племенщинѣ (74).

земли и лѣса могутъ также причисляться къ частнымъ и инымъ имуществамъ (95, 96, 99, 101, 104, 172, 201, 205). Названіе вервиной (*орвита*) носитъ племенщина, на которой живетъ вервиная дружина, а все ея имущество называется *оплено заедно* (31, 114, 171). Въ семьѣ имущество мужа, подъ названіемъ *мужеваль*, или просто *добра*, отличается отъ женной части — *доты* (собственно приданого) и *баиталы* (имущества, полученнаго женой по завѣщанію мужа. См. 263). Частное имущество называется *свое*, *особито*, *дио*, *особить дио*, *дирица*, *ждрибове* и *ждрибенице*; впрочемъ *дио* и *жребій* означаютъ также части общинной или вервиной племенщины, бывшей въ пользованіи отдельныхъ лицъ (20, 74, 75, 97, 102, 171, 172, 206).

2) *Сущность правъ на вещи*. Политичій Статутъ устанавливаетъ различіе въ правахъ на племенщину и прѣлю въ слѣдующихъ двухъ мѣстахъ:

«Они, тко ю (племенщину, стару башину) држи, нма ю *радовати и уживати* и об нон *жисити*; да ние подобно, да ю камо страти ни обрати брезъ велике неволе, него како вели старн законъ и обичай, *да те онде онде* (по другому списку — *да те онде*), *иди е и застава*» (73). Хозяину племенщины принадлежитъ право распоряжаться и пользоваться ею. Отчужденіе племенщины не дозволяется безъ великой нужды; но, какъ велѣтъ старый законъ и обичай, она должна оставаться тамъ, гдѣ и засталъ ее владѣлецъ.

«Ча би принашао, тои сваки законъ хоће, да с тимъ *волянъ и слободанъ* и у смртъ и у животь, или му за путь или му за душу, или ча му годи угодно о-т-оган учинити... то е нему слободно; *како е стекао, тако море наредити тои слободно куд ми годи драю*» (74). Благопріобрѣтеннымъ имуществомъ каждый можетъ, по закону, свободно распоряжаться при жизни и смерти, можетъ отчуждать, отдать за душу (по завѣщанію) и какъ угодно имъ распорядиться: какъ пріобрѣтено (имущество), такъ и можно имъ распорядиться по своему усмотрѣнію. Мы уже видѣли, что политичіе законы ограничивали право отца на *семейное* имущество, — не только племенщина, но и прѣна, должны переходить къ дѣтямъ, «како е достоинъ и подобно», и только по особеннымъ причинамъ отецъ могъ «ухилити» ихъ отъ башины.

Право полной собственности отличается отъ простаго владѣнія. *Држанье од давна, од вики, закономъ вукосичнимъ*, существенно разнится отъ простаго држанья (напр. по залогоу), безъ полного права собственности. «Тко е у држанью од давна, *велику правъ* нма, да е у *вики твердо и добро*, држи *жирко у вики*, — не може изъ тоган усиловати ни прити» (исмать по суду). Простое држанье обращается въ великое право только въ такомъ случаѣ, когда владѣлецъ «е држао мирно през оповида» въ теченіи законной давности (114, 144, 271, 279).

Предметомъ правъ имущественныхъ могутъ быть *котаре*, *зай*, *испани* (испасища), *млики* и *колоае* (млиanske и ступне), *кући*, *ловища* (рибнаки и затоци), *лови звери* и *птичы*, *пути*, *воды*, *живина*, *жито*, *виноградъ*, *рухо* и пр. Одни предметы могутъ быть только въ общемъ владѣніи (*оплено, заедно, пополно*), другіе подлежатъ также частному усвоенію. Въ особенности интересны постановленія о правахъ на землю, лѣса, пастбища, мельницы и ловы — главнѣйшіе предметы

сельской жизни : основанный на изстаринныхъ народныхъ обычаяхъ, полицкій уставъ даетъ вѣрную картину хозяйственнаго быта сельскихъ общинъ, державшагося въ старое время у всѣхъ славянскихъ народовъ.

Земля находится въ отдѣльномъ обладаніи селъ. Сельскіе *котарь* (пахатныя поля) отдѣляются межами, «оддионе и одтесите по границахъ». Котарь каждаго села составляетъ общую (*опілено*) принадлежность всѣхъ сельчанъ, обрабатывается ими по отдѣльнымъ участкамъ, называвшимся *дио*, *ждрибове* и *пополна земля*. Владѣльцами такихъ участковъ могутъ быть верви, отдѣльныя семьи и подворники (дворы). *Дионикъ* (участковый владѣлецъ общинной земли) можетъ обрабатывать одну или нѣсколько попольныхъ земель. Земли попольныя, въ свою очередь, дѣлятся на *ном*, или *тешаки* (тези), соответствующія нашимъ нивамъ или польскимъ рѣзамъ. Всѣ такіе поземельные участки отдѣлялись *меломашами*. Учреждать новыя межи, съ уничтоженіемъ старыхъ, можно было только съ согласія общины (95, 101, 104, 106, 111, 241).

Общинное обладаніе землей не было обязательнымъ для сельчанъ. Каждому дозволялось заявить о своемъ нежеланіи «заедно држати» землю и просить для себя «дѣла»; общій раздѣлъ земель допускается, «ако би све село било кунтенто, хотило меу собом раздѣлити гни али котарь, рекуѣи ако немогу али нете заедно пасти али држати» ¹⁾. Въ селахъ, раздѣляющихся на верви и дио (изъ которыхъ каждый участокъ имѣетъ право на свою племенщину), земли и гни дѣлятся по числу вервей и участковъ, а въ нихъ — по хозяевамъ, дворамъ и племенщинамъ (собственно хозяйствамъ), смотря по тому, сколько каждой верви идетъ въ бащину. Въ селахъ со многими участниками, безъ отдѣльныхъ вервныхъ племенщинъ, дѣлежъ производится по обычаю (почело од искони), — земли дѣлятся на «старе и законите ждрибове» (102).

Въ общинномъ владѣніи селъ находятся, далѣе, *сеоски гаса* (сельскіе гѣса). Общинныя гѣса (*старе* и *законите* гни) находятся въ безраздѣльномъ пользованіи сельчанъ : каждому селу дозволяется «свое гае ганти и поимати добитакъ», съ запрещеніемъ пасти въ нихъ скоть, не только сосѣднимъ (сусуднимъ, сумежнимъ, суближнимъ) селамъ, но и «самимъ од себе и од селанъ своихъ». Право входа въ общинныя гѣса, для пастбища, предоставляется только во время обработки по полной земли (95, 97, 104). — Наряду съ законными гаями, принадлежавшими отдѣльнымъ селамъ, допускаются *особити дио*, бывшіе въ частной собственности отдѣльныхъ лицъ, выдѣленные изъ общиннаго обладанія селъ. Каждому селу предоставлялось съобща владѣть гѣсами, или раздѣлить ихъ на участки, по числу вервей и дио, наконецъ, предоставить отдѣльныя ждрибове въ собственность сельчанъ. Въ такомъ случаѣ гѣса дѣлятся тѣмъ же порядкомъ, какъ и общинныя земли (97, 101 — 103).

Истани и *исташица* (пастбища) — главный предметъ общиннаго пользованія селъ. Полицкій Статутъ положительно запрещаетъ раздѣлъ пастбищъ : «тон

¹⁾ Т. е. если бы все село было согласно, хотѣло раздѣлить между собою гѣса или поля, говоря, что не могутъ или не хотятъ имѣть пасть или владѣть (101).

(испаши) се не море дѣлити меу собом, ере се и тако ли неба могло од селанина бранити пасти; не такам од свога селанина, но и од сусиднега села неима се бранити по закону пасти по испашаи» ¹⁾. Испашаи составляютъ общую принадлежность «сусежнихъ или сусиднихъ» селъ; «третье село», не имѣющее съ ними общихъ межъ, не допускается къ пользованію пастбищемъ. Сельчане ближайшихъ селъ и называются *сусидлами* въ томъ смыслѣ, что имъ предоставляется исключительное право на испашаи. Испашаи были мѣстомъ *становъ* — временныхъ стоянокъ пастуховъ (по преимуществу влаховъ), переходившихъ съ одного становища на другое. Статутъ запрещаетъ учреждать станы близъ чужаго «меаша» (межи), чтобъ удобнѣе пользоваться пастбищемъ на чужихъ земляхъ (95, 96, 99).

Дороги, подобно испашамъ, принадлежали къ предметамъ, не подлежащимъ частному усвоенію. «*Пути опћени* имаю бити *слободни свакому*, како е законъ». Въ Полицѣ былъ «путь опћени велики крозь жупу» и сельскіе «говиники». Путь великій долженъ быть шириной «въ одну розгу» (какая-то мѣра); говиникъ полагается достаточно широкимъ, если по немъ могутъ ходить два вола въ ярмѣ. Безъ дозволенія общины или суда, запрещалось уменьшать и переводить (стысковать или инамо одтиснути, одвратити) пути въ другое мѣсто (201, 202).

Точно также *вода жива* считалась *опћена*, на чьей бы землѣ она ни протекала. Напротивъ, вода *рваница* (рваница, — напр. копанка, колодезь и пр.) составляетъ частную собственность (особито), принадлежитъ тому, «тко ю на свомъ изрве». Вода *дажљева* можетъ быть частнымъ «добромъ и кормьстѣю» того, кто соберетъ ее на своей землѣ, но только въ такомъ случаѣ, когда вода не течетъ на чужую землю (205 — 206).

Млины и *колован* (млиanske и ступне) составляютъ принадлежность земли, на которой они устроены. На частныхъ земляхъ они принадлежатъ землевладѣльцамъ. На веревныхъ участкахъ мельницы строятся съ общаго согласія братьевъ, имѣющихъ равное право на доходы съ мельницъ. На «опћеномъ» устройствѣ мельницы дозволяется только съ согласія общины; но если, при ея постройкѣ безъ вѣдома общины, никто не противился и мельница устроена мирно, безъ всякой «противинины», то ее никто не можетъ отобрать отъ владѣльца, — она остается «у дно неговъ». Но при этомъ требуется, чтобы мельница не строилась «у тни, ни ласно али брзо», т. е. тайно и въ теченіи самого непродолжительнаго времени (170 — 175).

Отдѣльный предметъ имущественныхъ правъ составляютъ, по Статуту, *ловища*, *рибнаки* и *заточи*, *ловы звиры* и *птичьи*. Рыбная ловля на живой водѣ составляетъ свободный промыслъ. Въ частномъ владѣніи, гдѣ устроены особыя заведенія для ловли (заточи, рибнаки), запрещалась ловля безъ воли хозяина (187). Ловы звиры и птичьи каждый можетъ устроить на своихъ и чужихъ земляхъ. Всякій звѣрь принадлежитъ поймавшему его «заводнику»; медвѣдь и лисица — тому,

¹⁾ Испашаи нельзя дѣлить между собою, чтобъ чрезъ то не возбранять селянамъ пастбище. По закону не должно воспрепятствовать пасть на испашаи, не только своему селянину, но и сосѣднему селу (101).

кто их убьет. «Потонники и ловцы», помогавшие заводчику, получают *маточко* — известную часть добытки, смотря по большему или меньшему труду ловцов. Если звери лова перейдут на чужую землю, то ее хозяин получает в «очестье» четвертую часть лова (222 — 225).

3) *Способы приобретения прав на вещи.* Статут указывает на *находку*, *присвоение* вещей, никому не принадлежащих в собственность (зверь лова и пр.), на *договоры*, *приращение* и *давность*, как на главные способы, путем которых каждый может приобретать вещи в свою собственность. О первых четырех способах говорится только мимоходом: «ча годи човикъ *принаде и прибави*, али *прикупи*, али *издвори* (произведеть), али инако како годи *достигае* *собою и своим трудом* ча би *принашае*», темъ каждый «нолань и слободань» распорядиться, какъ своей собственностью (74, 144).

Гораздо точнее определяется юридическое значение *давности*, какъ одного изъ главныхъ способовъ приобретения имущественныхъ правъ. Давность носитъ название *закона въкопчанаго* (законъ въкопчани). Простое держанье, въ силу такого закона, обращалось въ «ведку правъ». 30-ти-лѣтний срокъ считается въ Статутъ общей гражданской давностью по дѣламъ о племенщинахъ и всякихъ стварахъ. Въ некоторыхъ случаяхъ допускается годичная давность. Она имѣла мѣсто по вопросу о выкупѣ племенщины, перешедшей въ чужія руки по продажѣ или жѣнѣ: по истеченіи года новый владѣлецъ племенщины въ правѣ отказать отъ выкупа. Типичъ же образомъ мельница, устроенная на общинной или чужой землѣ и не оспоренная въ теченіи года, остается въ вѣчномъ владѣніи ея хозяина. Иногда просто говорится о владѣніи «од давна, од вика, од только давна времени, како у непомну запустила». Давность получаетъ законный характеръ, «когда она протекла «мирно, безъ оповида, утиска или противщины, безъ парницы» (парны, суда), когда никто «не противно, устиваю, ни оповидаю». (32, 79, 84, 114, 144, 172, 271, 279).

4) *Укрѣпленіе правъ на вещи.* Ученіе Полицкаго Статута о правахъ на вещи касается вопроса, не только о приобретѣніи, но и объ укрѣпленіи имущественныхъ правъ. Запрещая самоуправство, Статутъ принимаетъ за правило, что никто не можетъ лишиться своего права безъ суда (исморе се из држанна изнети безъ правде), — каждый въ правѣ защищать свое держанье законными средствами судебной защиты (4, 114, 170). Но для того, чтобы держанье имѣло за собой «велику правъ», оно должно основываться на давности или актахъ, установленныхъ закономъ ради укрѣпленія имущественныхъ правъ, — на *листахъ*, *письмахъ*, *сентенціяхъ* и другихъ письменныхъ актахъ. Со времени учрежденія канцлиринъ, составленіе главнѣйшихъ актовъ получило оффиціальныи характеръ. Изъ книгъ (*клатирына*) канцлиринъ выдавались письма, *столачки* листы и пр., со взысканіемъ за нихъ положенныхъ пошлинъ въ пользу общиннаго канцлиира. Болѣе важные акты, напр. сентенціи, печатались на «бунѣбажини». Листы законныя, «достойныи и подобныи», отличались отъ листовъ *кривыхъ*. Въ случаѣ предъявленія по одному и тому же дѣлу нѣсколькихъ актовъ, Статутъ требуетъ «видити и разгледати, кон су листовѣ боли и подобныи и старили и с болимъ редомъ учинени». Болѣе дѣйствительными актами считаются тѣ, по которымъ «улизено у држанье», послѣдовало дѣйствительное

вступленіе во владѣніе имуществомъ. Право, укрѣпленное законнымъ актомъ, приобретаетъ строгій юридическій характеръ, считается «у вѣки твердо и добро», — владѣлецъ приобретаетъ на свое имущество «велику правъ», никто «неморе из тогача условати ни прити» (72, 144, 145, 271). — Учрежденія, сходныя съ полиціи кватирями и листами, находятъ въ другихъ славянскихъ памятникахъ. Душановъ Законникъ говоритъ о *хрисовуляхъ* (царскихъ грамотахъ, дававшихся городамъ, монастырямъ и частнымъ лицамъ), *книгахъ царевыхъ* и *судинныхъ*, въ которыя записывался «судъ», т. е. всѣ судебныя дѣла и акты, въ особенности приговоры судей; *книга* (приговоръ) выдавалась судьей также тому, кто по суду былъ оправданъ (русская правая грамота). Книги и хрисовули считались не дѣйствительными, если неправильно составлены и «разоряютъ» Законникъ (См. Законникъ, 39, 93, 114, 116 — 118, 141, 184). У чеховъ *dsky* и *listiny* (*zakladaci*, *datovací*) принадлежатъ очень древнему времени. Листы (частные акты) являются съ конца X вѣка; они очень долго были главными актами укрѣпленія имущественныхъ правъ. *Dsky* — официальные книги, составлявшіяся при надворномъ и земскомъ судахъ первоначально для записки всякихъ официальныхъ актовъ; съ конца XIII вѣка въ *dsky* стали записывать все, что ни происходило на судѣ, вмѣстѣ со всякими частными записями по дѣламъ гражданскимъ. *Dsky* раздѣлялись на *dvorske* и *zemské*, послѣднія — на *menšie* (для записки актовъ по меньшимъ дѣламъ) и *velikie* (по дѣламъ, касавшимся большихъ панскихъ имѣній, въ особенности по отчужденію, *trham*, и такъ назыв. *spolkam*). По различію актовъ, *dsky* раздѣлялись также на *rógonné* (для записки судебныхъ позвовъ), *trhové* (или просто *dsky*, для записки всякихъ частныхъ листовъ и договоровъ) и *patalné* (въ нихъ вносились для вѣчной памяти дѣла, касавшіяся всей земли). *Vypisy* — извлеченія изъ книгъ, выдававшіяся частнымъ лицамъ (Palacky Archiv. I. 56. II. 510. Wiktorin Korn. ze Wsehrd Knihy dewatery, 356 — 360. Ирѣчка Sl. pr. I. 151. II. 230 — 232). Подобнымъ образомъ, въ Польшѣ урядовые и частные акты становятся извѣстными уже въ X вѣкѣ. Съ XIII вѣка являются *книги*, соответствующія дскамъ чешскимъ. Къ такимъ книгамъ принадлежали: *metryka*, составлявшаяся въ королевской канцеляріи, *akta* или *ksiagi wiecowe* (для внесенія приговоровъ вѣчевыхъ или вальныхъ судовъ), книги *земскія* и *городскія*. (Bandtkie-Stezyński Hist. pr. pol 453 — 460. Мацѣйов. Pamięt. 303 — 305). У насъ также изстари извѣстны были акты укрѣпленія имущественныхъ правъ. Интересныя указанія на нихъ находятъ въ особенности въ Псковской грамотѣ, различающей акты частные (*грамота*, *рядница*, *порядня* или *подрядня*, *рукописаніе*, *запись*, *доска*) и судныя, (*судница* — позднѣйшая правая грамота, — *грамота безсудная*, *приставная* и пр.). Псковская доска (по мнѣнію изслѣдователей — теперешняя бирка) представляетъ много аналогіи съ чешской дской. *Ларь* — архивъ для храненія правительственныхъ актовъ и болѣе важныхъ частныхъ грамотъ, въ особенности *рядницъ* (письменныхъ договоровъ) и *рукописаній* (духовныхъ завѣщаній). Внесеніе въ *ларь* частныхъ актовъ придавало имъ силу какъ бы крѣпостныхъ актовъ.

с) *Наслѣдованіе имущества*. Полицій Статутъ допускаетъ открытіе наслѣдства въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ: въ случаѣ преступленія или смерти владѣльца имущества, также въ случаѣ раздѣла верви. Вопросъ о наслѣдованіи можетъ

возникнуть, кромѣ того, при отчужденіи племенщины въ чужія руки. Въ каждомъ изъ такихъ случаевъ устанавливаются различные порядки наслѣдованія имущества.

1) Вопросъ объ открытіи наслѣдства можетъ возникнуть въ слѣдъ за обвиненіемъ владѣльца имущества въ совершеніи тяжкаго преступленія. Сюда относится убійство, невірство (измѣна), рабство и другія публичныя преступленія, когда виновный объявлялся лихимъ человѣкомъ. Въ большинствѣ случаевъ имущество движимое переходило къ общинѣ, племенщина къ ближнимъ (17, 18, 51, 188, 266); по одному закону о невірствѣ, общинѣ отдается вообще все имущество преступника — движимое и племенщина (231). Позже ближніе освобождены отъ отвѣтственности, получили право на весь «дио» преступника, безъ различія племенщины отъ движимаго имущества (169). Изложенныя правила касаются имущества племенчей, — имущество кметей и влашчей дѣлилось между общиной и господиномъ, съ полнымъ устраненіемъ ближнихъ отъ наслѣдства (17, 18). Племенщина убійцы брата приснаго, по Статуту, переходитъ къ близнему, къ которому она должна перейти и при обыкновенномъ порядкѣ наслѣдованія. Кто убьетъ ближняго или вервнаго, съ цѣлью завладѣть его племенщиною (которая при обыкновенномъ порядкѣ перешла бы къ нему по наслѣдству), тотъ теряетъ свою наслѣдственную часть, — она отдается другому близнему «по разлогу од племена». Если убитый оставитъ однихъ дочерей, то племенщина достается имъ (47, 49, 50).

2) Самый обыкновенный случай открытія наслѣдства — *естественная смерть* лица, послѣ котораго имущество вступаетъ въ раздѣлъ между наслѣдниками. Статутъ различаетъ въ этомъ случаѣ два порядка — завѣщательные и законные, на которыхъ основана система наслѣдованія имущества послѣ смерти ихъ владѣльцевъ.

Статутъ говоритъ о *тастаментѣ*, предметомъ котораго можетъ быть одна прѣія, т. е. имущество благопріобрѣтенное. При жизни каждый можетъ свободно распоряжаться имуществомъ, добытымъ собственнымъ трудомъ, можетъ отдать его «за душу» и пр. Если, по выраженію Статута, человѣкъ находится при смерти (ако би био човникъ на смрти) и имѣетъ нѣсколькихъ дѣтей или наслѣдниковъ, «кому него остане, тада е волянь све од тога учинити». Тоже самое положеніе Русская Правда выражаетъ такимъ образомъ: «аже кто оумирая раздѣлитъ домъ свои дѣтемъ, на томъ же стояти» (Троиц. ст. 87). Отцу предоставляется Статутомъ и Правдой право сдѣлать распорядокъ между дѣтьми, указать — какою частью наслѣдства каждый изъ нихъ долженъ владѣть. Въ то время, какъ Правда, по видимому, предоставляетъ все дѣло произволу отца, Статутъ прибавляетъ къ предъидущему положенію слѣдующее завѣщательное мѣсто: «него само ние триби, да едному мимо другога прем све на смрти онде а другога са свим ухили, него овако, како е достоинно и подобно». Выше мы показали смыслъ этого мѣста. Обычай, несомнѣнно общій для всѣхъ Славянъ, устранялъ произволъ отца въ минуту посмертныхъ распоряженій, да и вообще свобода завѣщаній и посмертныхъ распоряженій долго не имѣла мѣста въ старыхъ славянскихъ законодательствахъ. Если и допускались завѣщанія, то не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобъ всѣ распоряженія дѣлались въ нихъ съ согласія и при самомъ дѣятельномъ участіи законныхъ

наследниковъ. Въ одной старой хорватской *sudovi* (судной грамотѣ) прямо говорится объ обычаяхъ составлять завѣщанія по соглашенію съ наследниками: «*ki testament est ucinil buduci v mali mobí a v plni svoei pameti, ki testament e ucinil s toju dobru volju i dopuscomet vsih ki koli ns i nase hise (куха, дома) pristoe, bliznih i dalmih*» (Arkiv za pov. jugosl. I. 207). Завѣщательные порядки наследованія имущества развились у Славянъ, по справедливому замѣчанію Ирѣчка, изъ «*právn sizich*», — у насъ подъ вліяніемъ права византийскаго, у Славянъ западныхъ — права римскаго и германскаго (Ирѣч. Sl. pr, II. 280).

Подъ *бащиной* Полицкій Статутъ, какъ мы видѣли, разумѣть не одну племянницу, собственно родовое имущество, *дидинство* или *стару* бащину, доставшуюся отъ предковъ (првихъ), но и *прѣлю*, собственное имущество отца, приобретенное имъ собственнымъ своимъ трудомъ. Допуская личное распоряженіе отца при раздѣлѣ между дѣтьми своей прѣли, даже позволяя отдать ее чужимъ, Статутъ говорить, что старая бащина «да ъе онде, гди е и застао», т. е. должна остаться въ семьѣ, перейти къ ближнимъ по сему закону. Право устранить ихъ отъ бащины (т. е. дидинства и прѣли) предоставляется отцу въ опредѣленныхъ законахъ случаяхъ (73, 75, 281).

Самый порядокъ законнаго наследованія имущества Полицкій Статутъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ. Подобно Русской Правдѣ, Статутъ прежде всего опредѣляетъ положеніе вдовы, затѣмъ уже переходитъ къ дѣтямъ. Вдова (удовица), оставшаяся «пощено» (т. е. не выходя замужъ) съ дѣтьми на добру мужа, можетъ (до смерти) жить и распоряжаться «мужевлою» вмѣстѣ съ дѣтьми. Если она вступить въ другой бракъ, то ничего не беретъ съ собой изъ имущества мужа, кромѣ своей доты (приданнаго) и багаты, т. е. части, завѣщанной ей мужемъ, — правило, почти буквально сходное съ статьями Правды: «Аже жена сидеть по мужи» и «Аже жена ворчеться сѣдѣти по мужи» (Тр. сп. 88 и 95). Мужниное имущество дѣлится между дѣтьми. Если умереть сынъ вдовы, вышедшей замужъ, то его имущество переходитъ не къ матери, но къ его братьямъ, а если ихъ нѣтъ, то къ сестрамъ и ихъ ближнимъ (263, 264). Статутъ ничего не говоритъ о дальнѣйшей судьбѣ наследства, когда вымрутъ всѣ члены семьи. Въ этомъ случаѣ, очевидно, имѣли силу старые обычаи народные, одинаково развитые у всѣхъ Славянъ и перешедшіе въ большинство законодательныхъ памятниковъ другихъ Славянъ (напр. Винодольскихъ Законовъ, Р. Правды и пр.).

Русская Правда и Винодольскіе Законы даютъ наслѣдству строгій семейный характеръ: если нѣтъ дѣтей — законныхъ наследниковъ, то имущество переходитъ къ князю, считается выморочнымъ. Загребскіе Законы пошли дальше: признавая законными наследниками однихъ дѣтей, они призываютъ къ наслѣдству когнатовъ на томъ же основаніи, какъ Правда призываетъ князя, т. е. на «правѣ выморочномъ», — если нѣтъ когнатовъ, то имущество отходитъ къ общинѣ.

По древнему чешскому праву, наслѣдство дѣлится между братьями поровну; сестры, не выданныя замужъ, живутъ при братьяхъ, а выданныя получаютъ отъ нихъ приданое. Вдова можетъ жить съ дѣтьми, или поселиться на своей части. Дочери призываются къ наслѣдству, когда нѣтъ въ живыхъ сыновей и ихъ исходящихъ.

Если случится, по выражению Книги Товачовской, что «отдѣлившійся братъ не распорядится своимъ имуществомъ и *bez erbnov* (безъ наследниковъ, т. е. дѣтей) умереть, то его имущество переходитъ къ другимъ братьямъ и къ нисходящимъ, — порядокъ, рѣшительно сходный съ порядкомъ наследованія по Законамъ Загребскимъ. Выморочное имущество окончательно отходитъ къ князю (Иръчка Sl. pr. II. 278 — 280).

Тѣже самыя правила развиваетъ Душановъ Законникъ. «Ако ли (властелинъ) неима сына а има *дыщрь*, да има дѣщи оузети или продати или отдати свободно. Кои властелинъ имать *дѣтцоу*, или не имать, и оумреть, и по нѣгове смрѣти башина поуста останеть, аще се обрѣшеть отъ нѣгова рода до третіею братоу чеда (племянника), тѣ да имать нѣгову башиноу» (40, 136). Башина пуста Законника соответствуетъ «одумрти, пущизнѣ, пустовщизнѣ» или «кадуку» другихъ Славянъ, а эти учрежденія, по вѣрному замѣчанію Маѣйовскаго, вездѣ означали выморочное имущество (Hist. v. 130), первоначально переходившее у всѣхъ Славянъ къ князю или общинѣ, позже къ боковымъ родственникамъ, на одномъ и томъ же выморочномъ правѣ.

Съ такимъ значеніемъ выморочное имущество доселѣ удерживается у Черногорцевъ. Данинловъ Законникъ развилъ очень подробно систему наследственного права, болѣею частію основанную на старыхъ народныхъ обычаяхъ. Только въ постановленіяхъ о завѣщаніи Законникъ подчинился вліянію новаго времени, значительно расширилъ свободу завѣщанія. Вотъ главныя постановленія Законника по наследственному праву. У Черногорцевъ доселѣ все наследственное имущество раздѣляется на двѣ главныя части: «отчинство», соответствующее полицкой прѣии (благопріобрѣтенное имущество отца), и «дядинство» — имущество предковское, полицкая племянщина, дядинство или старая башина. Отчинство можетъ быть раздѣлено между дѣтьми, собственно сыновьями, самымъ отцомъ, по собственному его усмотрѣнію, — отецъ можетъ дать одному сыну болѣе другихъ. Его распоряженіе должно оставаться ненарушимымъ. Но отецъ можетъ, по завѣщанію или другимъ образомъ, передать свое имущество чужому, вовсе минуя близкихъ. Если не будетъ отцовскаго распоряженія по имуществу, то оно, послѣ смерти отца, раздѣляется поровну (по единакомъ дѣловима) между сыновьями. Вдовѣ принадлежитъ до смерти или до втораго брака пользованіе мужнинымъ имуществомъ, — раздѣлъ наследства между сыновьями на указанныхъ основаніяхъ имѣетъ мѣсто только послѣ смерти матери или выхода ея замужъ. Дочери, при братьяхъ, получаютъ одно прицаное (если выдутъ замужъ). Они призываются къ наследству, когда нѣтъ братьевъ; между сестрами дѣлится наследство тоже поровну, кромѣ оцовскаго оружія, отдающагося ближайшему родственнику (нейближшиму прибужнему). Если вышѣсть съ дочерями остались и сестры лица, оставившаго наследство, то дочери получаютъ двѣ части, сестры — одну. «Ако ли *остане пустоу*», т. е. если вовсе не будетъ наследниковъ, то имущество (очевидно, на выморочномъ правѣ) получаетъ «*наближа ближика*», а если такового не окажется, то имущество отходитъ въ казну (См. Зак. §§. 48 — 57).

3) Семейное наследственное право Славянъ имѣло до такой степени строгій характеръ, семейное имущество такъ тѣсно связывалось у нихъ съ семьей и

отдѣльными ея членами, что считалось почти немислимымъ дѣломъ выходить его изъ семейнаго круга. Оно было главнымъ хозяйственнымъ элементомъ старой славянской семьи, — безъ своей племенщины семья теряла подъ собой почву: удержаніе племенщины во владѣніи семьи было капитальнымъ интересомъ всей общественной жизни Славянъ. Оттого во всѣхъ древнихъ законодательствахъ Славянъ замѣчаемъ одно и тоже стремленіе къ удержанію племенщины въ предѣлахъ семьи, къ которой она принадлежать отъ предковъ. Польскій Статутъ допускаетъ отчужденіе племенщины въ стороннія руки только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ: «да нис подобно, да ю камо страти ни обрати *брезь велике неволе*, него како вели стари законъ и обичаи, да ю онди онде (по другому списку — *да ъе онде*), *иди е и застаа*» (73). На случай отчужденія племенщины Статутъ устанавливаетъ *право выкупа*, предоставляетъ ближнимъ *искупити* племенщину, воротить ее такимъ образомъ опять въ свою семью. Съ этой цѣлью продажу, залогъ или мѣну племенщины запрещается совершать тайно, «у тни, отан» (отайно), мимо ближнихъ, — договоръ должно совершать «свѣтло, билодано, понудати прво ближнега свога». Продавецъ долженъ сдѣлать о своемъ намѣреніи *оповѣдь* (оповидити) на трехъ зборахъ или предъ княземъ (три раза), говоря: то-то хочу продать, — если хочетъ какой ближній купить, приступи (78). Право выкупа удерживало силу въ теченіи года. Если послѣ одного выкупа (конечно, до истеченія срока) явится претендентъ, который еще «ближе» того, кто выкупилъ племенщину, то этотъ обязанъ уступить ему свое право. Если будетъ нѣсколько лицъ «поеднако» близкихъ, то выкупъ долженъ производиться по участкамъ, дѣю, какъ и при раздѣлѣ племенщины (79). Тоже право выкупа имѣетъ мѣсто и при мѣнѣ племенщины. Къ пріобрѣтателю племенщины можетъ явиться близкій, говоря: братъ, я хочу дать тебѣ такой-же участокъ, сдѣлай мѣну со мной, — отъ такого предложенія нельзя было отказываться (82 — 84). Право выкупа ясно указываетъ на равноправіе членовъ семьи. Другіе памятники идутъ еще дальше, полагая что отчужденіе племенщины дѣйствительно только съ *согласія всѣхъ ближнихъ*. Старыя хорватскія грамоты вѣрѣно говорятъ о такомъ характерѣ семьи и племенщины. Я приведу нѣсколько примѣровъ. По одной грамотѣ, какой то Иванъ Рачичъ, желая продать племенщину, явился къ судьямъ. Судьи отвѣчали: *nudi svojih bliznih i dahnih i kih pristoi*, и только послѣ того, какъ никто не захотѣлъ «*prohititi*», дозволена продажа племенщины (Arkiv. I. 202). Слѣдующій примѣръ показываетъ, что продавать племенщину вообще запрещалось безъ согласія и *дозволенія* собственной семьи. Павелъ Славковичъ просилъ судей дозволить ему продажу племенщины, говоря при этомъ, что ова «*otdilena i slobodna ot brata moga i svih ki mene pristoe*». Судьи отвѣчали: «*nudi bliznih i dahnih... ti dopuste blizni i dalni i kih pristoi, prosi nih da ti dopuste uciniti ta dar*» (Ibid. 205 — 206). При такомъ порядкѣ становится излишнимъ самое учрежденіе выкупа, потому что отчужденіе племенщины вовсе не зависитъ отъ отдѣльныхъ членовъ семьи. — Подобныя же порядки были въ обычаѣ у другихъ Славянъ. Мы выдѣли, что Сеньскій Статутъ говоритъ о *jus proximitatis aut vicinitatis* (Arkiv. III. стр. 158, §§, 23, 26). Дозволеніе братьевъ и брател'ей на отчужденіе дѣлать вполнѣ извѣстно старочешскому праву: о немъ упоминаютъ еще акты XVI вѣка (Палац. Archiv. I. 339, 341, 347, v. griz. zem. 517). И у насъ, по старымъ купчимъ, нѣнія переходили вѣрѣно отъ стараго владѣльца *съ его дѣтьми* къ новому владѣльцу, при чемъ

имѣнія записывались на имя послѣдняго *амать мо дѣлми*, — явленіе, которое нельзя иначе объяснить, какъ только тѣмъ, что у насъ, въ старое время, семья имѣла тоже устройство, какъ и у югозападныхъ Славянъ, т. е. допускала равныя права на вотчину для всѣхъ членовъ семьи, безъ существеннаго различія между отцомъ и дѣтьми. — Выкупъ, сходный съ полиціимъ искупомъ, отчетливо развитъ Черногорскимъ Законникомъ (Даніила): кто хочетъ продать домъ, землю или иное движимое, тотъ долженъ предварительно предложить покупку своимъ близкимъ въ присутствіи свидѣтелей, а при ихъ отказѣ слѣдуетъ сдѣлать тоже предложеніе «мергипашъ», т. е. своему сосѣду (*jus vicinitatis* Семьскаго Статута), и только послѣ его отказа дозволяется продать имущество кому либо изъ своей деревни или «племени». Лица, согласившіяся на выкупъ, платятъ выкупную плату, соразмѣрную съ той, какую даютъ сторонніе покупатели (Зак. §§ 45, 46).

4) Старая задружная жизнь Славянъ имѣла въ своей основѣ законъ вѣко-жизненныхъ боговъ: «будета (дѣдина) имъ в *іедно власти*, чи се *роздѣлита ровну мѣру*». Задружное имущество могло оставаться въ общемъ, безраздѣльномъ обладаніи задруги, или вступить въ равный раздѣлъ между ея членами. Полицій Статутъ предоставляетъ раздѣлъ вервной племенщины свободному усмотрѣнію вервныхъ братьевъ, «кимъ се *подоба* раздѣлити». Порядокъ раздѣла опредѣленъ въ слѣдующихъ четырехъ статьяхъ закона «од *диленья*».

«Гди се диле братья близкиа или даона (дални), или синовіи од оца, или нини близкиа, кимъ се *подоба* раздѣлити: тада, ако е благо гибуѣ, тои е лалко право раздѣлити; него само ако би сода али провижиушь (даровщина) од господо, тои гре ономъ главн, кому е писаво» ¹⁾.

«Ако ли е племенщина, ина понти на главе, и има бити мѣстому старо огнище. и када се раздѣле право, тада нини свѣкъ свое држати. и ако би се када посли подиливали али помиревали, волянъ е свакъ подиливати вѣзда и примиревати кад му годи драго, него само свакъ е волянъ стати на своенъ жрибенице» ²⁾.

«И да братья али нини дионици докле се годиръ не раздѣлю, тада нини е свѣзедно: и добро и зло, и користь и щета, и дузи, кому су дужини и тко е ним дужанъ, то нини е свѣзедно опѣено докле се раздѣлю, а када се раздѣлю, тада е свакому свои дно» ³⁾.

¹⁾ Когда дѣлится братья близкіе или дальніе, или сыновья съ отцомъ или другими близкими, желающими раздѣлиться, тогда всѣ имѣютъ равное право при раздѣлѣ движимаго имущества; а если будетъ имущество, подаренное или пожалованное правительствомъ, то оно переходитъ лично къ тому, кому записано (29).

²⁾ Племенщина должна пойти (въ раздѣлѣ) между хозяевами, а младшему должно принадлежать старое огнище. Послѣ законнаго раздѣла всякій владѣетъ своимъ (участкомъ). И если бы когда либо послѣ раздѣла или раздѣляли (племенщину), то всякій воленъ воегда дѣлѣти и раздѣлѣти, когда ему угодно; но всякій также воленъ оставаться на своемъ участкѣ (30).

³⁾ И пока не раздѣлятся братья или другіе участники, до тѣхъ поръ для нихъ все общее: и добро, и зло, и користь и убытокъ, и долги (кому они должны и кто имъ долженъ) — все для нихъ общее, пока не раздѣлятся. Послѣ раздѣла всякому принадлежитъ его часть (31).

Въ пространныхъ спискахъ Статута законъ о дѣленіи оканчивается слѣдующей статьей:

«А сестре немаѣу дѣл, над имау брати или од ни остатки, него рухо и оброк на одаѣу» ¹⁾.

Изложенныя статьи представляютъ не больше, какъ дальнѣйшее развитіе положенія: «будета в іедно власти, чи се раздѣлита ровну жѣру». Члены веран могутъ владѣть семейнымъ имуществомъ «заедно опѣнено», или его «въ іедно власти», но могутъ и выйти изъ общаго обладанія племенщиной. Изъ первой статьи ясно видно, что Полицій Статутъ допускаетъ, не только общій раздѣлъ племенщины между всѣми близкими, но и частныя выдѣлы отдѣльныхъ братьевъ, близиковъ или сыновей отъ отца и другихъ близиковъ. Въ этомъ случаѣ близики пользуются тѣмъ же правомъ на племенщину, какъ и сельчане, члены опѣнины, на землю общинную (опѣнену, посполну): каждый близикъ, какъ и каждый сосѣдъ въ общинѣ территоріальной, могъ заявить о своемъ нежеланіи «заедно држати», могъ просить для себя «дѣла». Точно также общій раздѣлъ имущества между всѣми близкими зависитъ единственно отъ свободной ихъ воли. Статутъ устанавливаетъ для такихъ случаевъ только общія нормы, держась въ главномъ старыхъ народныхъ обычаевъ. Имущество движимое дѣлится по взаимному соглашенію братьевъ; дворовина идетъ тому, кому лично дана господой. Племенщина раздѣляется между хозяевами (главами) по равнымъ участкамъ (дио или ждрибенице). Младшему члену союза предоставляется старое *оинице*, или, какъ говорить Русская Правда, «а дворя безъ дѣла отень всякъ меньшему сыновни»: на старомъ огнищѣ — жилищѣ раздѣлившись близиковъ, заводилась новая семья или вервь младшаго брата, выдѣленного изъ старой отцовской верви. Право на жеребьи имѣютъ одни братья; сестры остаются при братьяхъ, обязанныхъ выдать ихъ замужъ, или по Русской Правдѣ: «аже будетъ сестра въ домоу, то той задницѣ не имати, но *отдадять ю замужь братия* како си могутъ». Послѣ раздѣла всякій держитъ свое, воленъ «стати» на своемъ, жеребѣ, подлежащемъ послѣ раздѣлу, на основаніи обыкновенныхъ семейныхъ порядковъ наслѣдованія имущества. Вѣсть съ раздѣломъ племенщины, съ выдѣленіемъ близиковъ на «дионици особита», прекращалось юридическое значеніе распавшагося союза близиковъ. Съ этихъ поръ каждый знаетъ только свой діо, безъ общихъ повинностей и солидарности «заедина».

Рѣшительно тѣ же порядки держались въ чешскихъ задругахъ, называвшихся еще въ XVI вѣкѣ *rodove*, *hromady* и *spolky* (familiae aut uniones) и состоявшихъ подъ управленіемъ отца или выборнаго зргавсу (rector) изъ братьевъ, пріятелей и сподечниковъ (bratry, prатели, spolecníci, socii, amici и пр.). Въ старыхъ сборникахъ, напр. въ книгѣ Андрея съ Дубы, въ особенности въ *Zřízení zemské* 1500 г., находимъ много интересныхъ указаній на устройство чешскихъ задругъ. *Zřízení* говоритъ въ особенности подробно о порядкѣ раздѣла семейнаго имущества задругъ.

¹⁾ А сестры не получаютъ участковъ (изъ племенщины), когда имѣютъ братьевъ или ихъ нисходящихъ, но (берутъ) одежду и имущество, дававшееся при выходѣ въ замужество (280).

Постановленія этого устава тѣмъ болѣе важны для насъ, что они взяли изъ народныхъ обычаевъ много подробностей, мало затронутыхъ въ другихъ славянскихъ законодательствахъ. Мы приведемъ главнѣйшія положенія старочешскаго права по наслѣдству въ задругахъ.

Выдѣлъ задругарей изъ союза предоставляется свободной волѣ каждого. Въ этомъ случаѣ ничѣмъ не отличались задруги, имѣвшія во главѣ отца, и задруги съ выборными справцами. Еще Андрей съ Дубы напѣкалъ на право сына требовать выдѣла своей части при жизни отца: отецъ *musen* дать сыновьямъ *diel* изъ наслѣдственного и благопріобрѣтеннаго имущества, кромѣ *sedenie* (старое огнище Полицкаго Статута), женнаго вѣна, постели и другихъ вещей, взятыхъ за женой (Archiv. II. 504), которыми вступаютъ въ общій раздѣлъ по смерти родителей. По *Zřízení zemské*, требовать выдѣла не въ правѣ одни не женатые сыновья, — женатыхъ отецъ долженъ во всякомъ случаѣ «*vlisne opatriti*» (Zřiz. § 516). Задруги, состоящіе изъ братьевъ и сполечниковъ, обязаны дѣлиться по первому требованію одного какого либо члена; кто противится раздѣлу, того можно принудить по суду (521). Все семейное имущество дѣлится поровну между сполечниками; въ общій раздѣлъ вступаетъ даже и то, что лично пріобрѣтено каждымъ сполечникомъ въ отдѣльности (кромѣ имущества, внесеннаго въ задругу женой, — § 493, 519). Сполечники и братья не могутъ «*od zebe odbyti*» (a se emancipare) не отдѣленныхъ сестеръ, ни сестры не въ правѣ требовать для себя выдѣла. Они должны жить при братьяхъ или сполечникахъ, на которыхъ лежитъ одна обязанность — выдать сестеръ замужъ, назначивъ имъ вѣно (*veno, dos*) по своему усмотрѣнію. Если сполечникъ умретъ бездѣтнымъ, не распорядившись судьбой сестеръ, т. е. не выдавши ихъ замужъ, то къ сестрамъ переходить все его имущество; но если у него останется сынъ, то на немъ лежитъ обязанность выдать замужъ отцовскихъ сестеръ. Если съ сестрами останутся дочери сполечника, то имущество дѣлится пополамъ между тѣми и другими. Сыновья нѣсколькихъ сполечниковъ дѣлятъ между собой общее имущество не поголовно, но по праву представительства, т. е. сколько бы ни было дѣтей у одного сполечника, они всѣ вмѣстѣ получаютъ часть, какая слѣдовала ихъ отцу (§ 489). Несовершеннолѣтніе члены раздѣлившейся задруги остаются съ своими частями при старшемъ братѣ. Въ этомъ случаѣ удерживаются задружные порядки, — въ случаѣ смерти кого либо изъ неотдѣленныхъ братьевъ, его часть отходитъ къ тѣмъ, при комъ онъ жилъ до своей смерти (§ 523).

а) *Обязательства и договоры.* Полицкій Статутъ относитъ сюда «увить, уговоръ, рокъ». Обязательства носятъ также общее названіе «такмине, дугованье, дуг и вообще стварь» (81, 123, 129, 130). Болѣе важные договоры, напр. мѣна или продажа племенщины, совершаются письменно, предъ судьями или на зборѣ. Въ особенности обязанности приставовъ состояли, между прочимъ, въ томъ, что они «чине и справляю продае и такмине и сваке ине ствари и дугованья меу людьми». Если не при всѣхъ договорахъ, то по крайней мѣрѣ при важнѣйшихъ, полагались свидѣтели, которые иногда въ качествѣ оцѣнщиковъ (цинци) опредѣляли стоимость предмета договора и пр. (83, 78, 80, 123, 129). Въ отдѣльности упоминаются въ Статутѣ слѣдующіе виды обязательствъ и договоровъ:

1) *Даровщина*. О ней упоминается только мимоходомъ. Изъ статей объ имуществѣ наследственныхъ и благопріобрѣтенныхъ видно, что дарить можно только прѣію, напр. «за душу», по завѣщанію или инымъ образомъ. Особый видъ даровщины составляетъ *просхицула* — пожалованіе господомъ какого либо имущества частному лицу; оно совершается письменно, на имя того, «кому е писано». Въ задругѣ пожалованіе было однимъ изъ главныхъ способовъ пріобрѣтенія имущества въ личную собственность (29, 74, 263).

2) *Замина*. Договоръ змын считается въ Статутѣ вполне дѣйствительнымъ, если предметомъ змын служить вещь, принадлежащая хозяину на правѣ собственности, также если стороны вступаютъ въ договоръ по добровольному согласію и не окажется при этомъ никакого подлога (небудући ке приварке, — не будући ке хиньба, али ђале, валсе, невође вола приварке). Дозволялось мѣняться вещами съ «придавомъ» и безъ него, доплачивая «пинежи али цинномъ». Договоръ различно совершался при мѣнѣ движимыхъ вещей и племенщины. Движимыми вещами (скотомъ, лошадьми, платьемъ и пр.) дозволялось мѣняться безъ особенныхъ формальностей: если обѣ стороны помѣнялись вещами и, ушедши за тѣмъ домой, удержали ихъ у себя до слѣдующаго дня, то договоръ считался окончательнымъ. Племенщины мѣнялись «свѣтло и билодано»; договоръ утверждался «письмомъ али приста-ви»; при томъ, до истеченія давности, допускался при мѣнѣ, какъ и продажѣ, выкупъ племенщины ближними (81 — 84).

3) *Купованье — продажа*. Статутъ различаетъ продажу племенщины и другихъ предметовъ. Племенщина продается на сборѣ или предъ княземъ. Въ этомъ случаѣ Статутъ строго держится старыхъ славянскихъ обычаевъ, по которымъ всякій торгъ (*trg* у Чеховъ было названіемъ самой сродки и договора купли — продажи) долженъ производиться на сходкѣ сосѣдей (Ирѣчка Sl. pr. II. 287 — 288). Въ Полицѣ, какъ мы видѣли, дѣлалась предварительная оповѣдь о продажѣ племенщины, съ вызовомъ ближиковъ, желавшихъ выкупить племенщину, — обычай, извѣстный древнему чешскому, русскому (напр. Псковской судн. гр.) и другимъ славянскимъ законодательствамъ. Продажа считается «права и законита», если она произведена по предварительной оцѣнкѣ добрыхъ людей, — «по цинцихъ достоиняхъ, ки процине и стимаю по своѣмъ кушенциѣи (усмотрѣнію, совѣсти) оном, ча е таи племенщина вридна» (78 — 80. См. примѣч. къ 67 ст.). Полицкимъ цинцамъ вполне соответствуютъ чешскіе *prostředníci* или *odhadníci* (*mediatores, taxatores*. Ирѣч. II. 285). Продажа вещей движимыхъ предоставляется свободному договору сторонъ. Исключеніе составляли съѣстные припасы. Ихъ продажа допускалась не по договору, а по законной таксѣ, установленной Статутомъ за скотъ, козъ, свиней и другихъ животныхъ, за пшеницу, рожь и т. д. Торговля припасами производится на *торгу* (маса — у бикарию), съ допущеніемъ вольныхъ цѣнъ только въ большіе праздники (по три дня — о божичу и о покладихъ. 210 — 215, 253).

4) *Наймъ*. Договоръ найма можетъ заключаться для работъ дворовыхъ и иныхъ. *Господарь* — хозяинъ, нѣмлющій у себя *наѣмниковъ* (*наѣмниковъ*), *кметей* и *славоговъ* (168, 189 — 191, 193 — 194). Извѣстенъ также наемъ имущества. Статутъ упоминаетъ о виноградицѣ на чужой землѣ; наемщикъ обязанъ

за землю давать хозяину «доходакъ» и торговать продуктомъ съ «повидаиья» хозяину (204).

5) *Дуиъ, застава (залогъ, закладъ, заставленіе)*. Этотъ договоръ соответствуетъ долгу Русской Правды, долгу Душанова Законника или *rujeka, lichva, základ, zastava* и *dluh* старочешскаго права. Подъ дугомъ разумѣтъ Полицкій Статутъ заемъ чужой вещи, съ обязанностью возвратить ее въ срокъ, вмѣстѣ съ условленнымъ вознагражденіемъ, а подъ заставою и залогомъ — ссуду, обезпеченную закладомъ движимой вещи или «заставленіемъ» недвижимой. Должникомъ (*дужиликъ*) считается тотъ, «тко е дужанъ», кредиторомъ — «кому су дужни». Закладу и заставѣ назначается всегда срокъ (рокъ). Въ заставу дозволяется обращать землю, вообще племенщину. Владѣлецъ, заставившій свою землю, удерживаетъ право на «доходакъ» съ нея, именно на половину «очества», т. е. всѣхъ поземельныхъ платежей и поборовъ, уплачивавшихся кметями въ пользу господина. При этомъ Статутъ соразмѣряетъ доходакъ съ такой или иной системой обработки земель, существовавшей въ Полицѣ. Если земля обрабатывается *на по*, т. е. по системѣ половничества, то положено давать хозяину заложенной земли четвертую часть (четверто) всѣхъ доходовъ; при обработкѣ «на третье» — давать «шесто» и т. д. Долгъ, не обезпеченный заставой, по истеченіи срока взыскивается изъ движимаго имущества должника, а при его недостаткѣ — изъ племенщины; должникъ вправѣ удержать за собой одно оружіе и одежду (халинь) жены (71, 78, 134, 137 — 139).

6) *Зарука, изступъ*. Полицкій Статутъ, подобно древнему русскому праву, раздѣляетъ поруку на два рода: заруку *судебную*, имѣвшую мѣсто въ дѣлахъ по убійству и другимъ дѣламъ и состоявшую въ ручательствѣ за другаго, обязаннаго явиться на судъ въ положенное время, — и *изступъ*, имѣвшій мѣсто въ другихъ случаяхъ, напр. при уплатѣ долга и пр. Разъ поручившись за другаго, нельзя было отказываться отъ поруки и соединявшихся съ ней обязанностей (иступъ неима одступа); но никто не можетъ ручаться «од неужможного» (112, 113, 129).

7) Наконецъ договорное начало лежало въ основаніи вервныхъ дружинъ, имѣвшихъ характеръ *товариществъ*, поземельныхъ ассоціацій. Происхожденіе верви изъ взаимнаго договора диониковъ одного села ясно доказывается слѣдующимъ мѣстомъ Статута: «ако би дионичи од села, сии се ставиш, *договорили се опѣно заедно* (заединъ), и тако би могли учинити у свому селу ча имъ драго» (100). Здѣсь дѣло идетъ, очевидно, не объ учрежденіи новой территоріальной общины опѣнна: дионичи и до договора жили въ общинѣ; стало быть, имъ не для чего договариваться о своей опѣнѣ, тѣмъ болѣе, что Статутъ, какъ мы уже видѣли, рѣшительно не допускаетъ полнаго разрушенія общинъ. Договорный характеръ товариществъ имѣли задруги и у другихъ Славянъ. Ирѣчекъ весьма основательно относитъ къ ученію о договорѣ товарищества (*spolek*) старочешскія *zstupky, spolky* и *hromady*, соответствующія полицкимъ дружинамъ или сербскимъ задругамъ (Slov. рг. II. 280). Вся ошибка Ирѣчка заключается въ положительно невѣрномъ возрѣніи его на происхожденіе такихъ громадъ и сполковъ. По мнѣнію Ирѣчка, они являются

главным образом при король Янъ, при которомъ много низшій начало отходить въ казну по праву выморочному; какъ бы въ предупрежденіе этого дѣла, клонившагося къ ослабленію старыхъ родовъ (семей), послѣдніе стали соединяться въ задруги (въ нихъ не имѣеть мѣста выморочное право). Объясненіе Ирѣчка кажется намъ не совсѣмъ основательнымъ. Вѣдь роды, которымъ грозило выморочное право короля, всегда были подъ рукой много другихъ, болѣе подручныхъ средствъ, вовсе не прибѣгая къ хлопотливому дѣлу товарищества: бездѣтный владѣлецъ могъ свое имѣніе продать, могъ по завѣщанію передать его въ другія руки или инымъ способомъ не допустить его до передачи въ казну князя. Дѣло въ томъ, что Ирѣчекъ смотритъ на старочешскую задругу съ точки теоріи родового быта и, встрѣчая позже факты, не подходящіе къ этой теоріи, старается увѣрить, что сполки и громады XIV — XVI вѣковъ принадлежатъ новому времени, имѣютъ мало общаго съ родами старого времени. Напротивъ, памятники ясно говорятъ, что вся разница между старыми и новыми задругами Чеховъ состояла лишь въ томъ, что въ прежнее время они свободно развивались, путемъ однихъ обычаевъ, — въ новое время законодательство стало налагать на нихъ руку: опредѣливъ болѣе точно основной характеръ задругъ (по началамъ договорнымъ, имѣвшимъ силу и въ прежнее время), законодательство подчинило ихъ контролю общественной власти, напр. поставило учрежденіе и раздѣленіе родовъ и сполковъ въ зависимость отъ правительства и пр. (См. напр. въ Zřiz. zem. § 62, гдѣ говорится о родахъ, учреждавшихся по договору и съ королевскаго «revolenia»). Самая суть дѣла одинакова въ старыхъ и новыхъ родахъ и сполкахъ. Можно говорить, что съ Яна сполки умножаются (въ слѣдствіе политическихъ и иныхъ причинъ), но нѣтъ никакихъ оснований отвергать тождественность ихъ съ старыми родами.

III. *Уголовное право.* Польскій Статутъ даетъ богатый матеріалъ для изученія старой системы уголовного права Славянъ. Встрѣчаемъ институты позднѣйшаго происхожденія; но рядомъ съ ними удерживаются и институты глубокой древности, какова мечь, потокъ и пр. Мы сдѣлаемъ общій обзоръ ученія Статута объ уголовномъ вѣнненіи, о преступленіяхъ и наказаніяхъ.

A. Преступленіе имѣетъ различныя названія. *Кривина, узрокъ и створъ* — самыя употребительныя термины, соответствующіе понятію преступленія. Сюда относятся также *прихъ* или *зриха*, *худоба*, *нечистоѡа*; наиболее тяжкія преступленія обозначаются въ особенности терминами *зло* и *позлобица* (8, 17, 21, 27, 39, 52, 62, 67, 99, 129, 169). Преступникомъ считается *криваць*, «онъ, кн е кривъ». Иногда преступникъ называется *непослуха*, *злой човикъ*. Лихимъ людямъ древняго русскаго права соответствуютъ *злей луде*, *невирикъ*, *очить музусирь* (вѣдомый лихой человекъ). Находимъ и спеціальныя названія — гусарь, разбойникъ, лупежъ и т. д. (10, 16, 21, 24, 169, 256, 266, 267).

Ученіе объ уголовномъ вѣнненіи гораздо болѣе развито сравнительно съ Винодольскими Законами. *Злой узрокъ* принимается, какъ главный признакъ вѣнваемости преступленія (62). Убіенство въ свадѣ отличается отъ убійства предвѣнреннаго, совершеннаго «закономъ ашашинскимъ (разбойнически), вола изъ приварко, ади лу заседими» (56); иногда случайная, учиненная «нехотѣ», отличается отъ шюды

умышленной, произведенной «хоте али захвалив се» (182). Въ ученіи о личныхъ преступленіяхъ, въ особенности объ обидахъ, считается важнымъ обстоятельствомъ, — за кѣмъ былъ первый пошты: «да ли ови, ки почили, негова е кривина»; «они, коя напирна чини затачь», тотъ и платитъ пеню (23, 33, 34, 62); впрочемъ, если обиженный, на котораго сдѣлано нападеніе, отвѣчалъ такой-же обидой, то это засчитывалось ему «у занку» (62). Дѣлается различіе между покушеніемъ и исполненіемъ злаго умысла. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказывалось одно покушеніе, если при этомъ были другія обстоятельства, усилившія виновность лица; напр. поднятіе руки, палики или оружія для боя на зборѣ или предъ княземъ (158, 156). Въ повтореніи преступленія Статутъ видитъ болѣе тяжкое дѣйствіе, чѣмъ въ преступленіи, учиненномъ впервые (246). Съ другой стороны, не вполнѣ выяснено различіе между главнымъ зачинщикомъ и простыми помощниками, какъ это видно напр. изъ постановленій объ наѣвѣ: «ако би тко у томъ (наѣвѣ) помогало али занъ стао за брацтво, али за яну призанъ, да *му е друи*», подлежитъ одинаковому наказанію съ главнымъ преступникомъ. Точно также при умищаньи (похищеніи женъ), помощникъ наказывается наравнѣ съ главнымъ преступникомъ, — «только ономъ, ки би ту умака, толико оному, ки би му помага». Различіе между зачинщиками и пособниками принимается во вниманіе только въ ученіи о татѣвѣ: «ко за лупежа (тата) узговорн, ко лупежу у чѣмъ поможе ричѣу али диломъ», тотъ подлежитъ меньшей пенѣ сравнительно съ самымъ татемъ (92, 247, 258). Статутъ опредѣляетъ степень наказуемости преступленій, смотря по ихъ причинамъ (зачъ е тон учинено и почемъ, с кога узрока и на комъ дугованью, — 39, 42 65 и пр.), мѣсту ихъ совершенія (гдѣ е и у комъ мѣсту учинено, — 42), по личнымъ отношеніямъ преступника къ обиженному (47, 48, 218) и свойствамъ и тяжести самихъ преступленій. Статутъ предписываетъ — при назначеніи наказаній «прозрити и процинити, ка е рана од кое жеща (жесточе), али луща (лютѣ), али од смрти сумненна, али од кое се приже веѣ болести и тешкоѣ и траѣнна (утратъ), вола ликарне (лѣкарствъ) али шкоде, али пакѣ гдѣ се згоди, да се виде кости, али плућа (легкія), али можчани (мозгъ), али ине ствари од живота», — «ниа се разабрати, како е и по кон начинъ, и с кони узрокомъ и тко е чловикъ (преступникъ) и не ароте, и женска глава (обиженная) од ке е прави и од кога гласа и од кое работе» (64, 218; ср. 36, 38 — 40).

Полицкому Статуту извѣстны случаи полной невмѣняемости преступленій. Сюда относится поимка преступника на мѣстѣ преступленія, когда онъ не отдался добровольно, или для обиженного настояла необходимость личной обороны. Такии образомъ, остается безнаказаннымъ убійство татя, пойманнаго на кражѣ, «кон креде али силомъ води», — убійство гусара (разбойника), «ки га хоѣ дерати, а ови, ки се бравя, убие га» (21, 23, 65). Въ ученіи объ убійствѣ и обидахъ имѣетъ важное значеніе различіе между преступленіями, учиненными «занимито и незанимито»: *придма кровъ* безнаказанно допускала кровную месть, какъ и за обиду дозволялось отплатить равной обидой (52, 53, 57, 62).

Отвѣтственность по преступленіямъ можетъ падать, не только на самого виновнаго, но и на другихъ лицъ. Община отвѣчала за своихъ членовъ, семья — за дѣтей. Въ случаѣ преступленія члена семьи и задруги, посаджѣн терани право

наследованія въ движимомъ имуществѣ преступника, а иногда и недвижимомъ, — наказанія личныя не касались другихъ членовъ семьи: «кто греде главою, да е дужанъ, а нма челадь да ни дужна главомъ» (17).

Слѣдуетъ замѣтить наконецъ, что Полицій Статутъ допускаетъ возможность преступленій и со стороны животныхъ. Въ немъ упоминается слѣдующій случай: если чья либо собака ранитъ человѣка на дорогѣ, такъ что раненный умретъ или какой либо членъ его останется искалѣченнымъ, то хозяинъ собаки, приведя ее къ «щетнику» или его дѣтямъ, съ словами: «ото ти твои криваць», можетъ этимъ «бити простъ» отъ всякой отвѣтственности. Если хозяинъ собаки не дѣлаетъ этого, то раненный можетъ обратиться къ нему съ словами: «твое ѣе брашно, учини ми тов зло», требуя отъ него вознагражденія. Тоже самое касается коня и всякаго другаго животнаго (208, 209).

В. Система преступленій имѣетъ довольно законченный видъ. Ихъ можно свести въ слѣдующія шесть группъ:

- 1) Преступленія съ публичнымъ характеромъ:
незирство, развръхъ, застава, робство, новщина (проти опѣлни) и преступленія по службѣ.
- 2) Преступленія церковныя (и волнобство).
- 3) Преступленія частныя — противъ права на жизнь:
убійство и разбойство (адманинство).
- 4) Преступленія частныя — противъ правъ личныхъ:
заря, раны, свада, бой, заточъ, модрица, скубана и срамота.
- 5) Преступленія частныя — противъ правъ семейственныхъ:
разбиванне женске, грихъ неподобни (содомски) и унищаніе женъ.
- 6) Преступленія частныя — противъ правъ имущественныхъ:
креа и лупещина (меусобщина); сила, надворе, новщина, самосегъ, сича, по паша, щета и шкода.

Мы скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ родѣ исчисленныхъ преступленій. Начнемъ съ публичныхъ преступленій.

1) *Преступленія публичныя.* Сюда относятся три главныя рода преступленій и проступковъ: преступленія съ государственнымъ характеромъ (незирство, развръхъ, застава и робство); преступленія и проступки, входившіе въ понятіе «новщины, ча бѣ проти опѣлни» (учрежденіе града, царимъ, торговли, уничтоженіе путей, незаконный торгъ явномъ, припасами и пр.); преступленія по службѣ (капунарей, приставовъ и пр.).

а) Подъ *государственными преступленіями* въ собственномъ смыслѣ Статутъ разумѣетъ преступныя дѣйствія противъ «господы и мѣста нашего», куда относятся: измѣна, нарушеніе земскаго мира, сопротивленіе власти и такъ называемое робство. Постановленія о государственныхъ преступленіяхъ, большею частію, принадлежатъ позднѣйшему времени.

Незирство. Малѣйшомъ (незирниномъ и трыдешуромъ малымъ) считается

тотъ, кто «проповидае више полично, — тко разбиае али противно ча учини и одличн куван зборъ Полицъ, — тко придава сам себе и мисто наше нѣмому господину, него оѣе (хочетъ) нини племениги люди поличанинъ». Поличанинъ обѣщается невриникомъ и въ такомъ случаѣ, когда онъ, будучи на службѣ внѣ Полицы, «учини господарю кою невиру али срамоту, али га образно, али му ино кое зло учини». Съ главнымъ невриникомъ вполнѣ уравниваются и его помощники: «ако би га тко у томъ помагао али занъ стао за брацтво али за нву приазанъ, да му е другъ». Измѣнникъ наказывается сожженіемъ; имущество его подвергается грабежу въ пользу общины. За простое неповиновеніе вѣчевой одлукѣ грозитъ денежная пеня (въ 25 либръ). Скрывшійся преступникъ наказывается потокомъ, «да се изрене ванъ, веѣе да ни поличанинъ». Закономъ XVII стол. положено было вписывать измѣнниковъ въ Статутъ: «да ѣе невриник, и да има главомъ платити, и од ѣегове куѣе да се нима никадъ примѣтъ у зборъ ни у нѣбедио виѣе братинско ни си ромашко», — самъ измѣнникъ наказывался смертной казнью, его семья лишалась права посылать своихъ куѣнниковъ на зборъ и вѣча (91 — 94, 169, 231, 276¹⁾ 282).

Невриниками «госпоцкими» считаются по закону 1576 г. лица, производившія смуту — *разорху* (сметну, лиге, парте), изъ которой можетъ возникнуть нарушеніе земскаго мира. Домъ виновнаго сжигается (да му се'вуча ужеме); самъ преступникъ предается смерти (188).

Застава — насиліе въ присутствіи князя и судей, въ особенности сопротивленіе ихъ власти (тко би помену ю силу пруйи се придъ княземъ и сущи). Застава наказывается выравнѣ съ неврствомъ (231 — 233).

Въ понятіе *робства* входятъ слѣдующіе случаи: «ако ки коли би с Турци пошли на вонску или с мартолоси, — ки годи би поличанинъ, ке хоѣъ врсте буди, робно с Турци али с мартолоси, али се придао Туркомъ, али у Турке пошало хоте, од свое воле, али да поѣде у Турке али у аѣдуке, али да би се нашло, до коѣмъ поможе продавати али куповати чѣѣладъ, али друге коѣе му драго врсте, ке би могли наудати луку али господи»¹⁾).

3) Къ преступленіямъ *проти оѣлики* относятся: учрежденіе новыхъ гаевъ и путей, также уничтоженіе старыхъ дорогъ безъ дозволенія общины; введеніе и взиманіе дарины и торговли (русское мыто); заведеніе градовъ. Сюда относятся также продажа вина, хлѣба и другихъ предметовъ первой необходимости сверхъ положенной таксы и не въ установленныхъ для того мѣстахъ; особенно строго запрещается продажа на торгу мяса «немоѣяго» и мертвечины, или ирлины (100, 202, 212, 215, 235, 251 — 252). Постановленія, опредѣлившія исчисленные предметы, большею частію принадлежатъ позднѣйшему времени.

¹⁾ Т. е. если бы кто пошелъ на войну съ турками или мартолосами, — если бы какой либо поличанинъ какого-бы то ни было сословія разбойничалъ (производилъ морские разбои) съ турками или мартолосами, или передался туркамъ, или намѣревался пойти къ туркамъ по своей волѣ, — или если-бы поѣхалъ къ туркамъ или гайдукамъ, или если-бы отырилось, что кто либо помогалъ продавать или покупать челядь или людей другихъ сословій, что можно бы повредить народу или правительству (17, 18, 20, 266).

γ) Изъ преступленій по службе Статутъ упоминаетъ о неслѣдкатуварѣ на зборѣ безъ законной причины и неисполненіи пристава съ своей приставщиной (127, 270). Безъ сомнѣнія, и другіе главаря подлежали высылкѣмъ, при неисполненіи ими своихъ обязанностей.

2) Подъ проклятыми разумѣются люди, находящіеся «у проклецтву», отлученные отъ церкви и общенія съ людьми, преимущественно за преступленія противъ вѣры. На ряду съ проклятыми стоятъ «очити ожурники» — лица, не бывшіе у исповѣди и св. таинъ, также «вишійцы, чаровницы и вражарицы» (вражалицы, ворожен) — люди, занимавшіеся волшебствомъ. Проклятые и ожурники, въ случаѣ смерти, лишаются христіанскаго погребенія; чаровницы, впервые обвиненныя, подлежатъ обыкновеннымъ наказаніямъ, а при вторичномъ обвиненіи сожигаются (27, 28, 246).

Невиновство, застана и другія преступленія съ публичнымъ характеромъ принадлежать къ институтамъ позднѣйшаго происхожденія. Въ этомъ случаѣ Статутъ многое могъ заимствовать изъ чуждыхъ источниковъ. Не то нужно сказать о преступленіяхъ частныхъ: большинство относящихся сюда статутowychъ постановленій несомнѣнно коренится въ старыхъ народныхъ обычаяхъ. Разсмотримъ прежде всего сущность убійства и другихъ преступленій противъ правъ личныхъ.

3) Изъ частныхъ преступленій Статутъ ставитъ на первомъ планѣ убійство и отдѣльные его виды — самоубійство, удушеніе дѣтей и разбой.

Убийство (крвъ). Статутъ представляетъ въ ученіи объ убійствѣ капитальное различіе отъ Русской Правды и большинства другихъ славянскихъ памятниковъ въ томъ отношеніи, что въ немъ убійство не опредѣляется сословными началами, кившими мѣсто въ ученіи объ убійствѣ почти по всѣмъ средневѣковымъ законодательствамъ. Статутъ положительно говоритъ: «яко ли би грихом убио поличанинъ поличанина у Полицихъ аля инди, *еднако носм*» (51), т. е. убійца подлежитъ одинаковому наказанію, гдѣ бы ни былъ убитъ и къ какому бы состоянію ни принадлежалъ убитый. Въ то время, какъ напр. Русская Правда устанавливаетъ различную виру за убійство княжскихъ мужей, людиновъ и т. д., Статутъ Полицкій одинаково наказываетъ убійцу, не смотря на то, принадлежитъ ли убитый къ племенитымъ людямъ, или къ кметямъ и другимъ общественнымъ разрядамъ. Нужно вообще замѣтить, что въ уголовномъ правѣ Статута весьма мало развиты сословныя различія. О нихъ говорится въ статьѣ — о срамотѣ, соответствующей исполнѣ статьѣ Правды объ усь и борода: срамота, нанесенная племичу, наказывается различно, смотря по тому, кто ее нанесъ — племенитый ли человекъ, или кметичъ (62). Впрочемъ, и здѣсь Статутъ далеко не такъ точенъ въ таксаціи пеней, какъ это мы видимъ въ Правдѣ, — говоря о пенѣ за срамоту, нанесенную племичу, онъ просто говоритъ — «томуи вече иде» (тотъ подлежитъ большому наказанію). Кроме того, влияніе сословныхъ различій отчасти замѣтно въ ученіи о кражѣ, именно о кражѣ, произведенной зависимымъ человекомъ у своего господина (162, 168, 190).

Статутъ различаетъ въ убійствѣ различные признаки и основанія виновности или безответственности преступленія и бѣдшей или меньшей тяжести самого

наказанія убійца. Такимъ образомъ, въ Статутъ обращается вниманіе на *близнство*, т. е. болѣе или менѣе близкія семейныя связи между убійцей и убитымъ. Иначе рассматривается убійство, учиненное *изванскимъ* (чужеземцемъ) и *полочаниномъ*, и при томъ въ *свадь* (ссорѣ) или въ *разбоѣ*; дѣлается различіе между такъ называемой *мертвой кровью* (мртва кровь), т. е. убійствомъ на мѣстѣ ссоры, и *кровью живою* (когда прибитый умираетъ послѣ ссоры), — между убійствомъ по злему умыслу и въ состояніи *необходимой обороны* (убійство разбойника и грабителя), также при *поимкѣ тати* на мѣстѣ преступленія и вообще при поимкѣ всякихъ *лихихъ людей* (невирунковъ, лицъ, учинившихъ робство и пр.). Статутъ говоритъ наконецъ объ *удавленіи дидяти* матерью и о *самоубійцахъ*. Во всѣхъ такихъ случаяхъ Статутъ даетъ указанія на множество институтовъ глубокой древности. Общинное устройство Полицы, съ его нивелирующими порядками, не дало развиться сословнымъ влияніямъ въ дѣлѣ гарантіи жизни отдѣльныхъ лицъ. Тамъ же нужно искать корни такихъ институтовъ, какъ убійство, учиненное изванскимъ и полочаниномъ, братомъ вернымъ, дальнимъ или близкимъ, — институтъ общинной и семейной вражды (дикой виры Правды), кровной мести и т. д. Вліяніе новаго времени можно видѣть лишь въ постановленіяхъ о самоубійцахъ и удавленіи дѣтей.

У народовъ, стоящихъ на ступени патриархально — родового быта, убійца отца, матери, главы рода, наказывается гораздо строже, чѣмъ убійца братьевъ и другихъ членовъ рода. Подобное же различіе, хотя и на иныхъ основаніяхъ, строго развито въ уголовномъ правѣ эпохи позднѣйшей государственности. Не то видѣть тамъ, гдѣ семья развивается въ формѣ задругъ, по типу общинъ территориальныхъ. Ничѣмъ не отличая юридическаго положенія семейнаго старшины отъ другихъ братьевъ и задругарей, законодательство одинаково гарантируетъ ихъ въ случай убійства и другихъ обидъ. Полицій Статутъ, воплотившій ученіе о семейной общинѣ, не даетъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы законъ дѣлалъ различіе между убійствомъ и обидами, наносимыми отцу или господарю верной дружины и другимъ вернымъ братьямъ. Законъ «од сынов и отацъ» (281) говоритъ только о частной дисциплинарной мѣрѣ, которою *можетъ* воспользоваться отецъ, въ случаѣ обиды со стороны дѣтей; въ случаѣ поднятія на него руки, при неуваженіи и пр., отцу предоставляется напр. завѣщаніемъ устранить такихъ дѣтей отъ наслѣдства, и только. Здѣсь, очевидно, нисколько не идетъ дѣло объ уголовномъ наказаніи, назначавшемся общественной властью. Говоря въ 47 — 50 статьяхъ объ убійствѣ *ближнихъ* и *верныхъ*, *братьевъ* присныхъ и *непрямъ* *присныхъ*, Статутъ разумѣетъ здѣсь вообще близкихъ (отца, сына, брата и т. д.), или просто братьевъ, т. е. членовъ семьи въ строгомъ смыслѣ и членовъ верной дружины. Убійца брата приснаго, говорятъ Полицій Статутъ, «ча недан бог, неима веѣ бити полочанинъ». Онъ подвергается потоку; племянника его отходить къ другому ближнему, которому она можетъ принадлежать по наслѣдству. Здѣсь говорится о скрывшемся убійцѣ; если онъ послѣ показывался въ Полицѣ, то «га имаю тирати сва Полица у негову главу», — убійца подлежитъ общинной мести. Напротивъ, убійца брата «не премъ приснаго» подлежитъ мести, смотря по тому, на сколько онъ близокъ къ убитому по братству (коликому е био близу у братству), т. е. смотря по тому, убить ли дальній, или верный братъ (47 — 50).

Статутъ различаетъ, даже, убійство *изванскою* *полчанинами* и наоборотъ, также убійство *изванскою* *изванскими* или *полчанина* *полчанинами*.

Въ дѣлахъ между изванскими и полчаннами допускается кровная месть, какъ общее правило, въ дѣлахъ же между одними полчаннами — только въ крайнихъ случаяхъ. Если полчаннинъ убьетъ изванскаго «за приду кровь», т. е. мстя за прежнее убійство, то «за тои имаю Полица стати», — община защищаетъ своего полчаннина — отместника. Напротивъ, убійство «незанимито», безъ предыдущей причины, «е ствар онога, ки кровь учини» (община не въ правѣ его защищать). Точно также изванскій можетъ убить полчаннина «за приду пизму» и община не въ правѣ за то ему мстить (тирати). Если изванскій убьетъ или ранитъ изванскаго въ Полицѣ, то община не вмешивается въ это дѣло (за то се Полица неимпачаю), — убійство судится и наказывается по національному праву изванскихъ (52 — 54).

Что касается убійства между полчаннами, то въ обыкновенныхъ случаяхъ кровная месть замѣняется системой денежныхъ выкуповъ и другихъ наказаній. Местъ допускается только въ видѣ исключенія изъ общаго правила.

Если бы случилась, говорить Полицкій Статутъ, «мртва кровь *од нас мчу нами*», т. е. между полчаннами, то хотеть старый законъ, чтобъ была тому цѣна 240 либаръ (55). Местъ допускается только въ особенныхъ случаяхъ и противъ «очитыхъ музувировъ» (явныхъ лихихъ людей). Убійство остается безъ всякихъ послѣдствій, если вынуждено состояніемъ необходимой обороны: не считалось преступленіемъ убійство разбойника, «ки га хоће дерати, а ови, *ки се брани*, убие га» (21, 57). Не подвергалось никакой отвѣтственности убійство вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, — право мести въ этомъ случаѣ имѣетъ мѣсто, главнымъ образомъ, при *сопротивленіи* вора, не отдававшася добровольно въ руки настигшихъ его на кражѣ; при томъ, право такое предоставляется, не только обиженному, но и всякому другому полчаннину (21, 58). Наконецъ не вѣнялось въ вину убійство *ленихъ* *ленихъ* *людей* (очити музувири, злѣхъ люди), напр. измѣнниковъ, уличенныхъ въ робствѣ и пр. (напр. 24 и др.).

Убійство въ *свадѣ* (ссора), «свадив се и скарав се» (ако би се тко с ким свадио, тере убио едни другога), отличается отъ убійства въ засадѣ, по злому умыслу, въ разбоѣ. Убійство въ первомъ случаѣ наказывается денежной пеней, во второмъ — смертной казнью (21, 55, 56). Въ свою очередь, убійство въ свадѣ можетъ быть *мртва* или *жива кровь*, смотря по тому, убитъ ли кто либо на мѣстѣ (ако ли би га убио на мисти), или смерть послѣдовала вскорѣ послѣ свадьбы (жива кровь). Мртва кровь оплачивалась двойной пеней, или такъ называемой мртовой враждой (или дви вражди); кровь жива — пеней одинарной, живой враждой (55, 57, 58, 65), — институты, напоминающіе виру Правды, платившуюся вслѣдствіе поимки убійцы при трупѣ и отличавшуюся отъ такъ называемой поклепной виры.

Статутъ напоминаетъ наконецъ объ особыхъ видахъ убійства: объ *удавленіи* *дѣтати* матерью и о самоубійствѣ. Мать, виновная въ удавленіи дѣтати, какъ бы это ни случилось (ка би дѣте удавила волом како годирь хоѣ на свиту али ким хоѣ путем али начиномъ), должна быть «по сваки путь огнем самгана» (178). Са-

поубійцы (кто би сам себи учинио сиртъ), подобно проклятыи, лишаются христіанскаго погребенія (28).

Разбойство (ашииньство). Подобно Русской Правдѣ, Статутъ опредѣляетъ сущность разбоя, какъ особаго вида убійства. Подъ разбойствомъ разумѣется убійство, соединенное съ насильнымъ отнятіемъ чужаго имущества. Въ понятіе разбоя входятъ слѣдующіе случаи: «ако ли би убио тко кога закономъ *ашииньскимъ* (разбойнически), вола изъ приварке, али му *заседиши* (изъ засады); али га убио при комъ благу, али за кою користь, али га одрьо (ограбить) убивши» (56); «ако ли би тко кога убио *нашад на негову кулу*» (59); вообще если кто убьетъ другаго при грабежѣ — «разбѣао и *дерао на пугу* (на дорогѣ) вола *иньди*, али му *засео*» (65). Разбой изъ засады отличается отъ разбоя дорожнаго (*сила*) и разбоя, учиненнаго при нахождѣ на домъ или дворъ (*надворе*). Свои *разбойники* (*ашиинь*, *очить музувирь*) отличаются отъ *гусарь* (*гуси*) — разбойниковъ, нападающихъ извѣтъ, ночью и днемъ, воинскимъ образомъ (*гуса почна* и *очита*, *воиска*, — см. 21, 196). Убійство разбойника дозволяется вездѣ и во всякое время, особенно если онъ будетъ пойманъ на мѣстѣ преступленія; въ другихъ случаяхъ онъ наказывается повѣшеніемъ и четвертованіемъ. Гусары воиска наказываются по обычаямъ военнымъ (21, 56, 196).

4) *Членовредженія, побои и другія личные обиды*. Статутъ допускаетъ увѣчья и побои въ дракѣ (*зарва*, *касть*), ссорѣ (*свадь*), также во время грабежа и находа на чужой домъ. Зарва и свада могутъ происходить съ нанесеніемъ ранъ и обидъ или безъ нихъ (23, 33, 65, 66). Наиболее тяжкими преступленіями считаются увѣчья — *сича* и *груботы*: изувѣченіе цѣлой руки, ноги, глаза; отсѣченіе или поврежденіе пальцевъ ручныхъ и ножныхъ, зубовъ и другихъ членовъ (37 — 46). *Раны* опредѣляются самымъ подробнымъ образомъ: раны большія отличаются отъ малыхъ ранъ и простыхъ царапинъ (*жодрица*); обращается вниманіе на свойство оружія, которымъ произведены раны; раны подъ одеждой отличаются отъ ранъ на открытомъ мѣстѣ, въ особенности на лицѣ (*на образу*), или на *сридокрочу* (т. е. мѣстѣ, полузакрытомъ платьемъ). Статутъ требуетъ въ каждомъ данномъ случаѣ оцѣнки увѣчий и ранъ чрезъ добрыхъ людей и цинцевъ (23, 34 — 36, 39, 61, 64). Отъ груботы и ранъ отличается *бой* — нанесеніе простыхъ побоевъ. Побои женщинъ оплачиваются возвышенными пенями, какъ и поднятіе руки или оружія на господина, также побои на зборѣ и въ присутствіи князя (35, 61, 63, 66, 155, 156). Изъ другихъ видовъ личныхъ обидъ упоминаются: *скупана* (ако би тко ухитио и скубао за власе), наносимая племичамъ и лицамъ другихъ сословій, — *затачь* (толчки) и *исость* (ругательство). Всѣ обиды считаются болѣе тяжкими, если они нанесены кому либо на зборѣ и предъ княземъ (33, 34, 62, 154). Увѣчья и обиды носятъ общее названіе *груботы* и *срамоты*. Самыя большія пени назначаются за сичу и груботу, въ особенности за поврежденіе руки и другихъ главныхъ членовъ: назначенная за нихъ «живая вражда» (120 лб.) вполне соответствуетъ полвиру Правды, — живая вражда составляетъ половину мертвой (240 лб.), т. е. простой виры Правды. Кромѣ денежныхъ пеней, допускаются и членовредительныя наказанія; напр. кнѣтю, виновному въ поднятій руки на господина, грозятъ лишеніе правой руки (37, 64, 82, 156).

5) Къ преступленіямъ противъ *правъ семейственныхъ* относится: убійствіе разбойныя женщины и неподобный грѣхъ.

Подъ *разбианьемъ женскимъ* разумѣется изнасилованіе женщинъ («яко бы тко рабнаго и силова женску главу прежь не воле»). Изнасилованіе наказывается *мертвой кровью*, т. е. обиженная можетъ потребовать головы разбойника, или ограничиться однимъ выкупомъ, равнымъ вирѣ за убійство. Если будетъ изнасилована женщина замужняя или обрученная (мужата или рукована), то мертвая кровь платится мужу и самой обиженной. Незамужней женщинѣ предоставляется право требовать отъ своего разбойника, чтобъ онъ женился на ней, или (если онъ женатъ) доставилъ ей всѣ средства къ жизни, приличной ея состоянію. За изнасилованіе блудницы платится, за обиду, меньшая пеня (въ 25 либрѣ). См. 176, 217 — 221.

Подъ «неподобнымъ» грѣхомъ Полицій Статутъ разумѣетъ *грѣхъ содомскіи*. Виновныхъ въ такомъ «нечистомъ» грѣхѣ предписывается сожигать безъ всякаго помилованія (177).

Улицанье — насильное похищеніе женщинъ. Закономъ 1605 г. предоставляется общинѣ право мести надъ виновными: «да му иде опѣяна на куѣу и да му развали куѣу». Имущество виновнаго подлежитъ грабежу въ пользу общины (247).

6) Изъ преступленій противъ *имущественныхъ правъ* упоминаются: кража, грабежъ и другіе виды насильнаго присвоенія чужаго имущества, истребленіе и порча вещей.

Кража (лупениство, лупеница, меусобица). Кража Полицій Статута соответствуетъ татьбѣ Русской Правды. Татьба имѣетъ, по Статуту, характеръ вполне развитаго института. Въ немъ находимъ очень интересныя данныя по отдѣльнымъ деталямъ этого института, — опредѣлительно рѣшаются главнѣйшіе вопросы касательно *лица* преступника, *предмета*, *мѣста* и *времени* совершенія татьбы. По всѣмъ этимъ вопросамъ Статутъ преслѣдуетъ одну главную цѣль — опредѣлить условія болѣе или меньшей *наказуемости* преступленія. Сравнительно съ Правдой, Статутъ излагаетъ ученіе о татьбѣ въ болѣе обобщенномъ видѣ; въ немъ меньше казуистическихъ постановленій, составляющихъ отличительную черту Правды и другихъ старославянскихъ законодательствъ.

Лупежъ (тать Правды) — общее названіе вора. Ученіе Статута о лицѣ преступника весьма важно для насъ, потому что Статутъ въ этомъ случаѣ даетъ указанія на порядки глубокой старины, когда вся общественность первичныхъ народовъ построилась на розни и враждебности автономическихъ союзовъ — родовъ, общинъ, семей. Лицо, не принадлежавшее къ союзу, считалось въ немъ безправнымъ, чуть ли даже не врагомъ; только свой пользовался въ общинѣ юридическими гарантіями. Въ уголовномъ правѣ это отражалось въ признаніи мести противъ лицъ, не принадлежавшихъ къ общинамъ, въ случаѣ совершенія ими какихъ либо проступковъ противъ чужаго союза и отдѣльныхъ его членовъ. Съ ослабленіемъ общинной розни, начало мести сдвигается и вовсе устраняется, уступая мѣсто

новымъ началамъ и порядкамъ, соотвѣтствовавшимъ изменившимся условіямъ обществитія. Полицій Статутъ въ ученіи о татѣбѣ, какъ и объ убійствѣ, представляетъ слѣды стараго порядка, ясно указываетъ на старую рознь общинъ, съ ихъ мстью и самоуправствомъ во взаимныхъ между собой отношеніяхъ. Все ученіе Статута о татѣбѣ строится на различіи между *изванскими* и *поличчанами*, уличенными въ совершеніи татѣбы. Объ изванскихъ Статутъ немного распространяется: лупежъ «*од инуде*» (т. е. изъ другого мѣста, изванскій, не поличчанинъ), пойманный и уличенный въ совершеніи татѣбы въ Полицѣ, «има се ли по сваки пут обисити» (165). Въ отношеніи къ изванскому Статутъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на условія, при которыхъ совершено нѣ преступленіе; достаточно съ его стороны самое незначительное воровство для того, чтобъ онъ подвергся полной мести полиціею общины, — явленіе, которое нельзя иначе объяснить, какъ только тѣмъ, что Полица относилась къ не-членамъ своей общины съ точки старой розни и враждебности союзовъ.

Болѣе подробно говорится о татѣбѣ *поличчана*. Правда, и въ отношеніи къ нимъ дѣлается различіе между татѣбой, совершенной виѣ и въ самой Полицѣ; но здѣсь мечь и смертная казнь, болѣею частію, замѣняются денежными выкупами. Статутъ вникаетъ во всѣ подробности предмета, опредѣляетъ разнообразныя условія совершенія преступленія, виѣсть съ системой соотвѣтственныхъ имъ наказаній.

Статутъ, во 1-хъ, дѣлаетъ различіе между обыкновеннымъ воромъ и *воромъ по ремеслу*, относя послѣдняго къ разряду явныхъ ляхихъ людей (256). Главный преступникъ отличается отъ *помощниковъ* (ко за лупежа узговори, — ко лупежу у чем поможе ричѣу али дилом), которые подлежатъ меньшей отвѣтственности сравнительно съ главнымъ коноводомъ (258).

Во 2-хъ, отвѣтственность за татѣбу можетъ быть различной, смотря по *покреу* — предмету татѣбы. Различается кража домашнихъ вещей, инанья, — кража скота (живнны), огородныхъ овощей, винограда, жита и проч. (11, 58, 163, 257).

Въ 3-хъ, иначе отвѣчаетъ за татѣбу свободный и зависимый человекъ: кнети и наймиты, за кражу у своихъ господъ, подлежатъ болѣе отвѣтственности, чѣмъ за кражу у другихъ лицъ (168).

Въ 4-хъ, поличчанинъ подлежитъ различному наказанію, смотря по *времени и мѣсту* совершенія татѣбы. Татѣба ночная отличается отъ дневной: «ча се отме у ноѣи, то е една стварь, а ча се отме у дне, то е друга стварь» (203). Различная отвѣтственность падаетъ на преступленія, совершенныя поличчаниномъ виѣ Полицы и въ ней самой, и при томъ — въ своемъ селѣ или чужомъ, изъ «прага», дома (кѣттая татѣба Правды), двора, огорода или въ виноградникѣ и на полѣ (жита и пр.). Кража въ своемъ селѣ по преимуществу называется *меусобицной*, какъ и самъ татѣ — *лупежъ* — *меусобаць*, или просто *меусобаць*; кража виѣ своего селѣ носитъ специальное названіе *лупецины* (*лупештва*), — самый воръ называется *лупежемъ* (8—11, 21, 58, 163 — 166).

Наконецъ въ 5-хъ. татѣба имѣетъ различныя послѣдствія, смотря по тому,

пойманъ ли преступникъ въ моментъ совершенія преступленія, или противъ него представленъ поклепъ (21, 58), — начало, вполне известное Русской Правдѣ и другимъ славянскимъ законодательствамъ.

На основаніи исчисленныхъ началъ, Статутъ устанавливаетъ слѣдующую систему *наказаній* за различные виды татбы поличанъ. Ихъ можно свести къ тремъ главнымъ группамъ:

а) Тать, пойманный при лицѣ, можетъ быть тутъ же убитъ (во пса мѣсто, по выраженію Правды), если онъ сопротивляется, — и подвергается повѣшенію, если добровольно отдается въ руки того, кто его настигъ на преступленіи.

б) За лупешину (кражу въ чужомъ селѣ) назначается *приамшина* (или *пособа*) — вознагражденіе обиженному за «щету», состоявшее въ дачѣ «за кокошь (курицу) козы, за козу вола и т. д., при чемъ цѣнность пособы возвышается тѣмъ больше, чѣмъ важнѣе и цѣннѣе воровская вещь; если цѣнность поличнаго превыситъ положенную норму (100 либровъ), то виновный наказывается повѣшеніемъ. Кромѣ приамшины, тать платитъ «господскую и сельскую глобу», т. е. денежную пеню въ пользу общины и господы, смотря по цѣнѣ поличнаго. Во всѣхъ исчисленныхъ случаяхъ поличанія, уличенный въ татбѣ внѣ Полицы, какъ и наймитъ, обокравшій своего хозяина, платитъ душлицу (двойную пеню). Помощники при татбѣ платятъ только господскую глобу (163, 164, 168, 203, 257, 258).

γ) За меусобщину, безъ различія между лицомъ и поклепомъ, назначается повѣшеніе, — наказаніе, угрожающее вообще явнымъ татамъ, также кметамъ, обокравшимъ своихъ господъ (166, 168, 256).

Грабежъ (сила, надворе) и присвоеніе чужихъ вещей (новщина, самосель) составляютъ второй видъ преступленій противъ имущественныхъ правъ отдельныхъ лицъ.

Сила и надворе означаютъ вообще насильное отнятіе, или *грабежъ чужаго имущества*. Обозначая всякаго рода насиліе, сила специально входитъ въ понятіе грабежа, произведеннаго *на дорожѣ* или въ другомъ мѣстѣ, изъ засады, или открытымъ нападеніемъ на чужое имущество («яко ли би тко кога разбитъао али *дерао* на путу вола нильди, али му засео, небуѣи му кривъ»). Сила въ этомъ смыслѣ вполне соответствуетъ чешскому нарѣчію (*nárok, lauprez*. См. Ирѣчка Sl. рг. II. 257). Отъ силы, или грабежа дорожного (внѣ дома), отличается такъ называемое *надворе*, т. е. грабежъ, произведенный посредствомъ находа или наѣзда на чужой дворъ или домъ («нашад на куѣу»). Сила и надворе оплачиваются различными пенями. За грабежъ внѣ дома платяется денежная пеня (100 либръ общины и столько же обиженному); напротивъ, надворе по старому закону наказывалось «крвью» (смертной казнью). Статутъ принялъ «полагли законъ», установивъ денежную пеню, какъ и за дорожный грабежъ. Виновный обязанъ также возвратить хозяину все пограбленное имущество (59 — 60, 65, 70).

Новщина, позлобница и *самосель* означаютъ вообще вторженіе въ чужія права. Новщина можетъ быть противъ общины и частныхъ лицъ. Въ отношеніи къ имуществу, здѣсь можно разумѣть институтъ, сходный съ чешскимъ *hřdost a vyboj* —

насильное вторжение въ чужой добытокъ, соединенное съ растратой и порчей (hrglost) или грабежомъ (vuboj) чужаго имущества. Новщиной называется, напр., пастьба скота въ чужомъ лѣсу или на полѣ, вѣсть съ истребленіемъ лѣса и хлѣба. Самосегомъ и вообще позлобцею, новщиной, называется также насильственное пользованіе чужой племенщиной или другимъ имуществомъ, съ устраненіемъ отъ него законнаго его хозяина. За новщину по имуществу назначается денежная пеня — 25 либръ. (15, 32, 97, 99).

Послѣдній родъ преступленій противъ правъ имущественныхъ составляютъ: «сача, попаша, щета и шкода» — истребленіе и порча чужихъ вещей.

Въ ученіи Статута объ истребленіи и порчѣ вещей стоятъ на первомъ планѣ уничтоженіе границъ и мѣтъ (ки би границу «истукаю» туфу отаѣнимъ начномъ, али границу «истлачию» през допушѣна правде, али паке толикоѣ ако би тко «сикаю» и чиниѣ границе нове отаѣно по своѣѣ воли през допушѣна правде). Виновный въ такой «худобѣ» лишается руки и части своей племенщины, равной присвоенному имъ участку чужой земли (241).

Подъ «щетою и шкодой» разумѣется вообще порча и уничтоженіе чужихъ вещей. Полиційскій Статутъ говоритъ въ особенности о шкодахъ, произведенныхъ скотомъ и другими домашними животными и птицами въ чужомъ огородѣ, виноградникѣ и на полѣ (собственно *попаша*). Малая шкода отличается отъ большой, ночная — отъ дневной, какъ и шкода большаго животнаго отъ шкоды малаго (дробнаго). Малое животное, занятое на шкодѣ и попашѣ, дозволяется убить на мѣстѣ; за большое платится его хозяиномъ цѣна за каждую шкоду. Ночная щета оплачивается вдвое противъ обыкновенной. Что касается шкоды, учиненной человекомъ, то по Статуту виновный вообще долженъ сдѣлать за нее вознагражденіе — «да му плати и учини задовольно». Если шкода произведена случайно (нехоте), то она удовлетворяется по согласію сторонъ (има му бити разумаки); за шкоду, учиненную съ умысломъ, «хоте али захвалив се», виновный несетъ большую пеню, «има тежу покору поднести» (85 — 90, 106 — 107, 182 — 185, 216).

С. Система наказаній Полпцкаго Статута представляетъ замѣчательную смѣсь институтовъ различныхъ порядковъ и временъ. Удерживая кровную месть, имѣвшую мѣсто главнымъ образомъ въ дѣлахъ между изванскими и поличанами, Статутъ допускаетъ бандъ или «покору» (159, 182, 188), въ двойной формѣ: денежныхъ выкуповъ (*вражда* и *осудъ*) и наказаній публичныхъ (*лава*, *сича* и др.) въ строгомъ смыслѣ этого слова. Композиціи исключали собой публичныя наказанія и на оборотъ: кто подвергался смертной казни или членовредительному наказанію, тотъ не платилъ ни осуди, ни вражды. Послѣднія имѣли значеніе денежныхъ «выкуповъ». Статутъ иногда выражается такимъ образомъ: «тко ли би кметиль опсовао свога господина, дужанъ е да му се езикъ уриже али «се пскупп» либаръ .р.» (68); 110 или: «тере се ови одстао и правъ се нашао, тада му се има они «искупити пуном враждомъ» (159). Всѣ сколько нибудь важныя преступленія преслѣдуются, по примѣру всѣхъ средневѣковыхъ законодательствъ, самыми строгими наказаніями — смертной казнью, членовредительными наказаніями или огромными денежными выкупами, — начало устрашенія уже много издѣство

Полицейскому Статуту. Назначение наказаний иногда мотивируется таким образом: «а том затор, нека се ипкорь меучини такове худобе и нечистоће чинити» (чтобы на то смотря иным не повадно было такъ дѣлати, какъ выражается наше Уложение XVII вѣка). — О мести мы уже сказали въ другомъ мѣстѣ. Теперь сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о наказаніяхъ публичныхъ и денежныхъ пеняхъ.

а) *Публичныя наказанія* касаются лица и имущества преступника. Сюда относятся слѣдующія наказанія:

1) *Смертная казнь* (глава). Преступникъ, осужденный на казнь, «дужанъ главомъ или обиченьемъ», — «има га обисити али разквартати, — преза свакога милосрѣда али умоления има бити сажанъ огнемъ». Сожженіе было тяжчайшимъ видомъ смертной казни и назначалось за измѣну, вторичное изобличеніе въ волеушествѣ, за содомскій грѣхъ и удушеніе дѣтей. Четвертованіемъ преслѣдуются по преимуществу разбойники и лихіе люди. Обыкновенная казнь, въ видѣ повѣшенія, назначается за развѣру, заставу, рабство, убійство присныхъ братьевъ, изнасилованіе женщины и за болѣе тяжкіе виды тѣлѣбы — меусобщину, надворе и лупещину, совершенную изванскимъ вообще, а полицаниномъ въ другомъ селѣ (если цѣна полицного превышаетъ 100 либровъ). Обищеніе грозитъ полицанину и въ другихъ случаяхъ, когда онъ пойманъ на мѣстѣ тѣлѣбы, а кметю, — за тѣлѣбу у своего господина (17, 18, 47, 56, 58, 91, 163, 165, 166, 168, 177, 178, 188, 217, 246).

2) *Лишеніе политическихъ правъ*. По законамъ позднѣйшаго времени, въ особенности XVII вѣка, нѣкоторые преступленія, главнымъ образомъ измѣна, влекли за собой недопущеніе въ судьи и вѣчники, не только самого преступника, но и лицъ, принадлежавшихъ къ его кулѣ (276 — 278, 282).

3) *Членовредительныя наказанія* (сича). Статутъ упоминаетъ объ отсѣченіи руки (за поднятіе оружія для боя на зборѣ или предѣхъ кметей, за порчу мѣжъ и за побой господина кметемъ) и урѣзанія языка (за ругательство господина кметемъ). Приставъ, оказавшійся кривымъ, лишается по старому закону трехъ реберъ, «изъсичи три ребра» (63, 68, 126, 156, 241).

4) *Изнаніе* (изренене, прогнане). Преступникъ, особенно уходившій въ другую землю, извергался общиной изъ своей среды. Измѣнникъ, убійца роднаго брата и всякій явный злодѣй (музувиръ), по выраженію Статута, «да изрене ванъ, немна веће бити полицанимъ». Изгнанники такіе называются *соолуже*, тко би прогнанъ за свои узрокъ». (47, 129, 231).

5) *Грабежъ*. Смертная казнь и другія личныя наказанія большою частію соединялись съ конфискаціей имущества преступника въ пользу общины. Иногда подвергалось грабежу только движимое имущество, иногда и недвижимая. Грабежъ имѣетъ также самостоятельное значеніе выдачи преступника на полный произволъ общины (потокъ Правды): «пушћамо опћини, да нанъ руку ставе, — иде опћина на кућу и да развали или ужеже му кућу» (17, 18, 166, 188, 247, 256).

6) *Проклятіе* (проклецтво). Это наказаніе назначалось по церковнымъ дѣламъ

и состояло въ запрещеніи сообщества (опити и живити) съ людьми, кромѣ своей собственной семьи. Лица, умершія въ проклятіи, лишались христіанскаго погребенія (27, 28).

б) *Денежныя пени* носятъ общее названіе *глобы* и *цѣны* (цѣна) и раздѣляются на два главныя вида — *вражду* и *осудъ* (о глобѣ и цѣнѣ см. 55, 251, 257; о враждѣ — 14, 37, 38 и др.; объ осудѣ — 2, 9, 15 и пр.). Обѣ пени назначаются въ различномъ количествѣ и за различныя преступленія. Вражда соотвѣтствуетъ вирѣ Русской Правды и означаетъ по преимуществу пеню за убійство; осудъ равнозначительна съ русской продажей — пеней по другимъ преступленіямъ личнымъ и имущественнымъ.

Подобно Правдѣ Ярославовой, допускающей однообразную виру (40 гривенную) безъ различія по состоянію убитыхъ, Полицкій Статутъ устанавливаетъ за убійство въ свадѣ однообразную «цѣну» въ 240 либровъ. Въ другихъ статьяхъ такая цѣна специально называется *мртва кровь* или *мртва вражда*. Кромѣ убійства въ свадѣ, мертвая вражда назначается за разбой и отсѣченіе или поврежденіе обѣихъ рукъ, ногъ или глазъ (38, 55, 65). Отъ мертвой вражды отличается *жива вражда или кровь* (120 либр.), которой оплачивалось увѣче руки и другихъ главныхъ членовъ тѣла, также скубана между племеніями (37, 62). Живая вражда, очевидно, соотвѣтствуетъ полувиру Правды, назначавшемуся также за увѣчье. Половина живой вражды платится за палець ручной или ножной (40). Наконецъ Статутомъ положено наказывать криваго пристава, вмѣсто членовредительнаго наказанія, полагавшагося по старому закону, платежѣмъ двойной мертвой вражды (127).

Осудъ платился за остальные преступленія, не влекушія за собой публичныхъ наказаній. Она раздѣляется на слѣдующіе семь видовъ:

1) Осудъ въ 200 либровъ — за грабежъ, безъ убійства (65).

2) Осудъ въ 150 либровъ — за отсѣченіе и изувѣченіе носа и другихъ членовъ, если послѣдствіемъ будетъ обезображеніе лица, «огрубленіе образа, грубота и рана» (44, 45).

3) Осудъ въ 100 либровъ — за отсѣченіе ушей, если послѣдствіемъ будетъ глухота, — за бой на зборѣ или предѣ княземъ, — за побой, наносимые женщицѣ при нахождѣ на домъ, — за псость господина со стороны его кмета и за надворе (46, 66, 68, 70, 155).

4) Осудъ въ 50 либровъ — за обыкновенныя раны на лицѣ или рукъ, за поврежденіе зуба или ушей (безъ глухоты), за побой женщины и за поднятіе руки или палки для боя на зборѣ и предѣ княземъ (36, 43, 46, 66, 155).

5) Осудъ въ 25 либровъ (такъ назыв. *сиомъ осудъ*) — за раны въ мѣстахъ, покрытыхъ одеждой, за сваду, затачь, изнасилованіе блудницъ и за всякую новшину въ чужомъ имуществѣ (15, 33, 34, 36, 68, 176). Такая же пеня платится за исполненіе вѣчевымъ приговорамъ (94).

6) Осудъ въ 10 либровъ (*осудъ езични*) — за псость на зборѣ (68, 154).

7) Осудъ въ 5 либровъ — за маловажныя побой, раны и царапины, за псость, также за незаконную продажу съѣстныхъ припасовъ (35, 68, 212).

Исчисленные пени уплачивались самым преступникомъ. *Дикая вира*, вполне известная Статуту, имѣла мѣсто главнымъ образомъ при платежѣ вражды, именно въ такихъ случаяхъ, когда самъ преступникъ скрывался или инымъ образомъ уклонялся отъ наказанія. Община платитъ виру по преступленіямъ, обложеннымъ не только враждой, но и смертной казнью (напр. по разбою и неусобицѣ). Платежъ дикой виры не снималъ ответственности съ преступника: пойманный послѣ платежа виры, онъ подвергался заслуженному наказанію (9, 14, 56 — 58, 65, 68).

Вражда и осудъ слѣдовали пополамъ оправданной стороной и общинѣ или судьямъ. Подъ общиной иногда разумѣется вся Полица, иногда же отдѣльное село. Нѣкоторыя пени, напр. съ сельского лупежа, производившаго кражу въ огородѣ, виноградникѣ или на нивѣ, дѣлились между селомъ, господой и обиженнымъ. Въ части, слѣдовавшей князю, имѣлъ опредѣленную долю ($\frac{1}{4}$ часть) общинный приставъ (9, 127, 151, 200, 257). Въ 153-й статьѣ, опредѣляющей общій порядокъ раздѣла всѣхъ пеней, вообще говорится, что одна половина осуди платится оправданной стороной, другая — судьямъ, т. е. князю съ (заклетвенными) судцами, если дѣло судилось предъ ними, — судцамъ-ротникамъ, общинѣ (если судъ производился предъ сборомъ) и т. д.

IV. *Процессы*. Полицкій Статутъ положительно противопоставляетъ частной (въсудебной) расправѣ *правду и справу*, которую «питаю, уставляю и разглаголюю» судья по законамъ полицкихъ (6, 15, 16, 32, 143, 195 и пр.). Кромѣ немногихъ случаевъ, указанныхъ нами выше, частная месть и расправа считалась кривдой, не допускаемой закономъ. Никто не могъ «самъ себя правде чинити». Статутъ отсылаетъ обиженного къ суду: «понади къ правди» Статута тождественно съ положеніемъ Душанова Законника — «да иже правдомъ по закону» (Зак. Дум. 127, 128). — Въ основѣ статутныхъ постановленій по судопроизводству лежатъ несомнѣнно старые народные обычай и порядки. Подобно всѣмъ старославянскимъ законодательствамъ, Статутъ не устанавливаетъ большаго различія между процессомъ гражданскимъ и уголовнымъ, одинаково построеннымъ на *обвинительныхъ началахъ*. Процессъ Статута, какъ и Винодольскихъ Законовъ, отличается замѣчательной простотой и несложностью формъ. Нѣкоторыя особенности старославянскаго процесса, напр. ордалий, сводъ и слѣдъ, неизвѣстны Полицкому Статуту. Ничто не мѣшаетъ впрочемъ допустить, что эти учрежденія, встрѣчавшіяся въ старое время у южныхъ Славянъ (Законникъ Душановъ говоритъ напр. объ испытаніи водою и желѣзомъ, также о сводѣ, какъ объ изстаринныхъ народныхъ обычаяхъ), были когда-то въ обычаяхъ и у Поличанъ; быть можетъ, ихъ касался древнѣйшій, не дошедшій до насъ Статутъ. Въ Статутѣ XV вѣка сгладились старыя рѣзкія особенности процесса по отдѣльнымъ дѣламъ; напр. мѣсто ордалий заступила рота съ очистниками — учрежденіе, получившее въ Статутѣ самое широкое развитіе, безъ ограничений, встрѣчающихся въ Русской Правдѣ, Законникѣ или Винодольскихъ Законахъ. — Мы рассмотримъ главнѣйшія постановленія Полицкаго Статута, относящіяся къ судопроизводству, скажемъ о сторонахъ, предварительныхъ судебныхъ дѣйствіяхъ, доказательствахъ и постановленіи судебныхъ приговоровъ. Вездѣ мы встрѣтимъ множество положеній, въ одинаковой мѣрѣ развитыхъ другими

славянскими законодательствами, — постановлений, несомненно коренящихся въ общеславянскихъ обычаяхъ и порядкахъ.

а) *Стороны*. Статутъ даетъ тяжущимся общее названіе «странѣ» (125, 133, 144 и пр.). Истцомъ считается тотъ, «ки позива или пре, — ки добива правду, — кому е криво» (6, 7, 16, 132); отвѣтчикъ — «ови, кога позиваю, ки одговара, ки е кривъ, узреченъ», — вообще «кривацъ» (7, 15, 24, 158). Каждая сторона, въ отношеніи къ другой, называется «супроѣ» (противникъ), «супарикъ» (113) — *zaryez, sūreg, супоръ* и *сутяжца* другихъ славянскихъ памятниковъ. Подобнымъ образомъ старосербское право говоритъ вообще о парцахъ и странѣ, въ частности объ истцѣ — «ки се пре или зове на соудъ», объ отвѣтчикѣ — «кон е позванъ или сьгрѣшио»; истцаъ означаетъ иногда отвѣтчика, а иногда и истца (Николичъ Спом. 13, 129. Пулича Спом. 79. Mikl. Mon. 29, 411). По старочешскому и польскому праву *róvod* и *stogona powodowa* — истецъ, какъ *rohnanu* (*otroviedac*) и *stogona winna* — отвѣтчикъ (Arch. I. 450. 460).

По вопросу о допущеніи отдѣльныхъ лицъ на судъ въ качествѣ истца и отвѣтчика, Статутъ выставляетъ слѣдующее основное правило: «правда се свакому нма *еднако* дилати» (120), т. е. другими словами, предъ судомъ всѣ равны, — право судебной защиты одинаково для всѣхъ. Каждый племянъ, кметъ и лица другихъ состояній могутъ отыскивать свои права общимъ судебнымъ порядкомъ: «да га они могу позвати и прити прид кнезомъ, али прид суди, али прид сборомъ» (8). Все различіе людей зависящихъ отъ племянныхъ и редовниковъ заключалось въ томъ, что они, въ значеніи отвѣтчиковъ, подлежали прежде всего суду господскому, отъ котораго могли за тѣмъ обратиться къ правдѣ жупской (см. ниже, объ апелляціи).

Статутъ говоритъ о судебномъ положеніи сиротъ, также отдѣльныхъ союзовъ (семей, задругъ и общинъ), рѣшительно въ духѣ всѣхъ славянскихъ законодательствъ.

Сироты, находящіяся въ «сиротинствѣ», только съ совершеннолѣтія (18 лѣтъ) вступаютъ въ общее положеніе по вопросу о судебной защитѣ. До того времени сиротъ «ниткоръ неморе с правдомъ поприти га али здвигнути нанъ нове парбе, кога би сиротинство затекло»; имъ предоставляется на волю — дать ходъ дѣлу, или отложить его до своего совершеннолѣтія (200). Почти буквально сходное правило развило чешское право. По закону Вацлава 1395 г., до возраста сиротъ никто не можетъ «*vdavati*» (Archiv. I. 58). Нѣсколько иначе говорится о томъ же предметѣ въ Душановомъ Законникѣ: «сирота, коя нѣсть яка прѣти или отпирати, да дае прѣца (уполномоченнаго), кон кѣ отпирати за ню» (62).

Задруга призывается Статутомъ на судъ, какъ юридическое лицо, владѣющее племянной, и какъ союзъ, несущій судебную отвѣтственность за своихъ членовъ. Въ такихъ случаяхъ господарь считается представителемъ цѣлаго союза, обязаннымъ являться на судъ по всякому позву, обращенному къ задругѣ (137). У Сербовъ временъ Душана на судъ являлся господарь дома или одинъ изъ братьевъ; позы подавались обыкновенно на ния «старіега брата» (Душ. Зак. 56).

Интересныя указанія на судебное положеніе чешскихъ задругъ даютъ старыя чешскіе сборники, въ особенности Zrizení zemske 1500 г. Kniha stareho pana z Rozemberka говорятъ: если будетъ много истцовъ «z jednoho chleba», то они разсматриваются «jakoby jeden ródov» (Archiv. I. 452). Въ качествѣ истца и отвѣтника можетъ, по Zrizení, являться отецъ съ *дѣлами*; rodove, prатели и spolecníci посылаютъ отъ себя на судъ своихъ старшинъ, — зргавса (rector) имѣетъ въ этомъ случаѣ значеніе простаго уполномоченнаго со стороны своей задруги (Zrizení. §§. 61 — 63, 66).

Полицій Статутъ иногда призываетъ на судъ территориальную *общину*. Село и жупа выступаютъ обвинителями противъ татей и лихихъ людей: «кога нађе село али жупа, да га приладу господи» (256, 257). Въ силу круговой поруки, община могла являться также отвѣтчикомъ по дѣламъ своихъ провинившихся членовъ, — могла вѣстѣ съ тѣмъ защищать на судѣ свои собственныя права и интересы (по землевладѣнію и пр.). Такіе же порядки равно извѣстны сербскому, чешскому и другимъ славянскимъ законодательствамъ. Законникъ Душановъ говоритъ о селахъ и околнахъ, несущихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ судебную отвѣтственность за отдѣльныхъ лицъ; общины являются также истцами и отвѣтчиками по взаимнымъ спорамъ «мею собомъ» (52, 68 и пр.). На такихъ же основаніяхъ старочешское право иногда призываетъ на судъ «mesta a obce» (Zriz. §§ 70, 71, 161, 162).

Стороны могутъ лично являться въ судъ, но могутъ и посылать вѣсто себя уполномоченныхъ, подъ названіемъ *прокаратуровъ*, соответствующихъ сербскимъ и дубровницкимъ нарцаѣмъ, винодолскимъ одговорникамъ (одветникамъ) или чешскимъ поручникамъ и речникамъ (rogusnik, řečník). Полицій Статутъ допускаетъ уполномоченныхъ по судебнымъ дѣламъ, въ особенности въ случаѣ болѣзни истца или отвѣтника, или когда тяжущійся, явившись на судъ, покажетъ — «не умим сам говорити» (7 — 9, 15, 118).

б) *Предварительныя судебныя дѣйствія*. Въ Полиціонъ Статутъ, подобно вѣмъ славянскимъ закодательствамъ, дѣлается строгое различіе между двумя главными актами вчинанія процесса: поникой преступника при лицѣ, на мѣстѣ преступленія, и тужбой — простымъ обвиненіемъ, безъ поники подсудимаго при лицѣ.

Полицій Статутъ даетъ огромное процессуальное значеніе факту поники преступника при *лицѣ*. Наказывая лицованнаго преступника безъ особеннаго изслѣдованія дѣла, Статутъ принимаетъ въ этомъ случаѣ за основаніе одно изъ главныхъ положеній славянскаго процесса — признаніе поники при лицѣ полнымъ доказательствомъ вины преступника. Положеніе такое особенно ярко выступаетъ въ Статутѣ: запрещая самосудъ въ обыкновенныхъ случаяхъ, онъ считаетъ его дозволительнымъ, когда преступника «стигао и ухитно *лицемъ*». Сюда относятся слѣдующія статьи:

«Ако ли е чловикъ, ки нма господара, оному е правда, да пенма човник сам себе платити и одвазети, *нею само ако би стигао и ухитно лицемъ, иди лужажу невоу води или носу, волаѣ би свое вазети*». «Ако ли би се крео отап,

гди годи га господарь *стине*, волаъ му е све вазети и нега свезати како неврна;
«Ере ли свакоако ако би се дупежъ *угитио у крел*, има се обписати» ¹⁾.

Частная расправа допускается, главнымъ образомъ, въ отношеніи къ людямъ зависимымъ, пойманнымъ при лицѣ. Лицованный преступникъ изъ племячей немедленно отводился предъ судей, которые безъ особеннаго изслѣдованія дѣла и при-суждали виновнаго къ наказанію. Статутъ не говоритъ, чтобъ при этомъ необходима была предварительная оповѣдь лица сосѣдямъ (кличъ Винодольскихъ Законовъ). «Оповѣданье» имѣетъ мѣсто только при открытіи какой либо шкоды со стороны животныхъ (87 — 90). Поимка при лицѣ вообще имѣетъ одинаковое значеніе во всѣхъ старославянскихъ законодательствахъ, — считалась «обличеніемъ» виновнаго; судебный приговоръ опирался на показанія истца, предъявлявшаго преступника съ полнымъ сосѣдямъ или просто однимъ судьямъ (Ирѣчка Sl. pr. I. 183 — 185).

Если преступникъ не пойманъ на мѣстѣ преступленія, то процессъ устанавливался путемъ *парны* или *тужбы*. Оба термина иногда обозначаютъ не больше, какъ синонимы, принимаются къ гражданскимъ искамъ и уголовнымъ обвиненіямъ; иногда же подъ парной разумѣется одинъ искъ или тужба по гражданскимъ дѣламъ, какъ и подъ тужбой — собственно обвиненіе въ уголовномъ преступленіи лица, не пойманнаго при лицѣ (6, 8, 10, 15, 16, 69 и пр.). Въ послѣднемъ смыслѣ тужба Полицкаго Статута равнозначительна съ тужбой Душанова Законника и Винодольскихъ Законовъ, съ нарокомъ или соченьемъ чешскаго права и покленомъ Правды. Значеніе тужбы имѣетъ, по Полицкому Статуту, также *узрече* и *узрокъ* (158, 159). Для дѣйствительности тужбы требуется, чтобъ она была «права». Кто «неправо тужно, узрекао (порекао), озлогласно, или зло урекао», и не докажетъ (не достигаетъ) поклепа, тотъ по общему правилу подлежитъ тому же наказанію, какое грозило обвиненному при дѣйствительности поклепа. Если въ данномъ случаѣ послѣдній подлежалъ смертной казни, то ложный обвинитель долженъ былъ отъ нее выкупиться (се искупити) уплатой полной вражды (69, 126, 127, 159). — Есть еще нѣсколько общихъ положеній, ближе опредѣляющихъ сущность парны и тужбы. Таковы положенія: разъ начатой искъ слѣдуетъ довести до конца (достигнути); до истеченія одного дѣла (докле се оной прва правда неврши) нельзя поднимать новаго иска: «да нне подобно, да правда узоретъ гре, али да една парна другу смета». Статутъ дозволяетъ вчинать тужбу (уголовное обвиненіе) въ теченіи гражданскаго иска, если одна сторона въ это время совершила какое либо насиліе надъ другой (32). Наконецъ Статутъ положительно запрещаетъ «прити» по всякимъ дѣламъ по истеченіи земской давности, какъ и возобновлять парну, когда

¹⁾ Если воръ есть человѣкъ, нѣлющій господина, то онъ подлежитъ суду, — никто не можетъ самъ собою требовать удовлетворенія и наказывать. Исключеніе представляетъ тотъ случай, когда (воръ) настигнуть и пойманъ при лицѣ, когда онъ ведетъ или несетъ (воровскую вещь); тогда (обличенный) можетъ вѣсть свое. — Если бы кто крадъ таиъ, гдѣ настигъ его хозяинъ, то (хозяинъ) можетъ вѣсть у него все и связать его, какъ неврнаго (нѣмѣнника). — Во всякомъ случаѣ, если воръ пойманъ на крадѣ, онъ подлежитъ наказанію (58, 162, 190).

она пришла уже въ полное забвѣніе, — «ако би се прва парна од толико давна врмена како у непомну запустила» (32, 114).

Изъ предварительныхъ судебныхъ дѣйствій, предшествовавшихъ формальному суду, Полицій Статутъ упоминаетъ объ оповѣди, осмотрѣ и позвѣ, опредѣляя сущность ихъ рѣшительно въ духѣ славянскаго права.

1) *Оповѣдь* равнозначительна съ винодольскимъ указаніемъ, чешскимъ *oroved* (*orovidání*) и *párok*, заповѣдью и заключеніемъ древняго русскаго права, повелѣніемъ польскимъ и литовскимъ. Статутъ упоминаетъ объ оповѣди только въ статьяхъ о порчѣ чужихъ вещей, напр. о попаншѣ, щетѣ и пр. Но нѣтъ сомнѣнія, что она имѣла мѣсто въ процессѣ и по другимъ дѣламъ, въ особенности уголовнымъ. У всѣхъ Славянъ изстари было въ обычаѣ — въ случаѣ какой либо шкоды и преступленія немедленно заявить о томъ общинѣ, звать сосѣдей на мѣсто шкоды, для предъявленія, или объ учиненномъ преступленіи. Показанія сосѣдей принимались послѣ въ число главныхъ судебныхъ доказательствъ, на которыхъ опирались истцовъ поклей. Тотъ же обычай записанъ и Полицій Статутомъ. Господарь поля или огорода, замѣтивъ у себя школу, долженъ былъ «оповѣдити га придѣ *свидоч-бож*», или — «*иним* (т. е. стороннимъ людямъ, сосѣдямъ) усвидочити», и за тѣмъ искать удовлетворенія за школу (87 — 90, 110, 161). Свидочба и ини, очевидно, соответствуютъ чешской *osadъ* и литовской *kopъ* — сходкѣ сосѣдей и добрыхъ (стороннихъ) людей, созванныхъ обиженнымъ для объявленія имъ о понесенной имъ потерѣ и убыткахъ (Ирѣчка I. 182. II. 22).

2) *Разгледъ* — другой процессуальный актъ, слѣдовавшій за оповѣдью. Сущность его одна и таже съ чешскимъ *ohlédání* или *oratrení* (Ирѣчка II. 233). Разгледъ означаетъ судебный осмотръ, составлявшій существенную часть, въ особенности уголовного процесса, до наступленія окончательнаго разбирательства дѣла со стороны судей. Для осмотра истецъ испрашивалъ у судьи пристава, который и отправлялся на мѣсто съ тажущимися и добрыми людьми (*осадою* ченскаго права). Разгледъ полагалась при имущественныхъ шкодахъ, особенно при тужбѣ объ увѣчьяхъ, ранахъ и пр. Главная роль на разгледѣ принадлежала истцу, указывавшему — «изъ чеса га пре», и добрымъ людямъ, производившимъ на разгледѣ въ особенности оцѣнку шкоды и убытковъ. При осмотрѣ равъ добрые люди, въ качествѣ цѣнителей (*оцѣнщиковъ*) и свидокъ, должны были «*процинити*» (промыслити, видѣти, разгледѣти, сагнути и примирити) раны по закону и обычаю, какъ и по своему усмотрѣнію и совѣсти (ничъ по закону и обычаю, ничъ по домысли и кушенци). Добрые люди опредѣляютъ: зачь е тои учинено и по чемъ, гди е и у комъ мисту», — «*ка е рана од кое жеща (жесточе), али лућа (лютѣ), али од смрти сумвенна (смертельна), али од кое се приме веће болести и тешкоће и траћена, вола ливарне али школе, али паке гди се згоди, да се виде кости, али плућа (легкія), али можѣани (мозгъ), али ние ствари од живота, — тои се све ниа сагнути и примирити*» (36, 39, 40, 42, 61, 64). Подобнымъ образомъ, при тужбѣ въ насилуваніи, слѣдуетъ предварительно «разабрати» — какъ учинено преступленіе, «по комъ начинъ» и при какихъ обстоятельствахъ, — кто преступникъ и обиженный, какого «врсте, гласа и работѣ» (218). При попаншѣ и другой щетѣ должно также «стидати»

(оцѣнять) убытки (108). Добрые люди, въ присутствіи пристава, производятъ по совѣсти оцѣнку (процине и стимаю) отчуждаемой племенщиномъ, опредѣляютъ дѣйствительную ея цѣнность (80, 123). Показанія на судѣ пристава, присутствовавшего при осмотрѣ, уравниваются съ письменными доказательствами (124).

3) *Позовъ* состоялъ въ формальномъ вызовѣ отвѣтчика въ суду. Въ старое время вызовъ у всѣхъ Славянъ былъ частнымъ дѣломъ истца. Онъ самъ заботился о привлеченіи отвѣтчика къ суду, съ правомъ при его сопротивленіи налагать на него руку. Такой порядокъ извѣстенъ былъ у старыхъ Чеховъ; его слѣды находимъ въ Русской Правдѣ и древнихъ литовскихъ памятникахъ. Частный характеръ позова не совсѣмъ также утратился въ Полицкомъ Статутѣ. Въ немъ позовъ производится самымъ истцомъ; приставъ присутствуетъ при этомъ какъ бы для того, чтобы придать больше силы и дѣйствительности позву истца. Впрочемъ, присутствіе пристава считалось необходимымъ только при строго формальныхъ позовахъ (законныхъ), имѣвшихъ мѣсто по болѣе важнымъ дѣламъ. — Статутъ налагаетъ очень подробныя постановленія о порядкѣ позововъ, о срокахъ судебныхъ явокъ по позовамъ, о законныхъ причинахъ неявки и о сямыхъ послѣдствіяхъ неявки истца или отвѣтчика. Ученіе о позовѣ заключается статьями о причинахъ отсрочки формальнаго суда.

Статутъ различаетъ позовъ *простой* и *законный* (позовъ по закону и обычаю). Первый имѣлъ мѣсто по маловажнымъ дѣламъ, когда мѣсто и время суда опредѣлялось самими сторонами (116). Въ искахъ по племенщинамъ и другимъ важнымъ дѣламъ позовы обыкновенно производились по *закону и обычаю*, т. е. предъ извѣстными судьями, по установленнымъ въ законѣ срокамъ и съ соблюденіемъ другихъ формальностей (32, 123 и пр.).

Въ большинствѣ случаевъ предоставлялось самому истцу вызывать отвѣтчика предъ тѣхъ или иныхъ судей, приглашать его на тотъ или иной *оброкъ*, — предъ ротниковъ, князя или на зборѣ: судъ на зборѣ и назывался *третьимъ оброкомъ* (7). Только въ двухъ случаяхъ самъ Статутъ точно предѣляетъ оброки позововъ: въ искахъ по племенщинамъ всегда слѣдовало вызывать отвѣтчика на судъ предъ княземъ, во время его путей (115), какъ и кметъ, имѣвшіе своихъ господъ, всегда возмещались на судъ владѣльческой (16).

При позовѣ по закону, истецъ испрашивалъ у судей пристава и отправлялся съ нимъ къ отвѣтчику для объявленія ему судебного позова. Позовъ могъ имѣть мѣсто на дому отвѣтчика, какъ и при князѣ или на зборѣ, гдѣ истецъ приходилъ своего отвѣтчика. Въ послѣднемъ случаѣ истецъ могъ и безъ пристава объявить свой позовъ и тутъ же просить у князя или збора немедленнаго суда (134). Если позовъ нужно было объявить на дому, то истецъ предварительно обращался къ судьямъ съ просьбой: «дайте ми пристава». Судьи отряжали пристава ротнаго или простаго; если дѣло подлежало суду нѣсколькихъ судей, то истецъ бралъ пристава отъ каждого судьи (135, 136). Въ искахъ по долгамъ дозволялось предварительно посылать пристава къ отвѣтчику, съ простымъ напоминаніемъ ему о долгѣ; если отвѣтчикъ тутъ же не платилъ его, то послѣ устанавливался формальный позовъ (136). Не видно, чтобы позовы совершались въ присутствіи стороннихъ людей, какъ это требовалось по старочешскому и литовскому праву.

Порядокъ объявленія позова былъ слѣдующій. Явившись съ приставомъ къ отвѣтчику, истецъ объявлялъ ему позовъ, говоря: «позываю те на таи оброкъ, именовавши, да ми имашь одговорити на оно, ча буду на те говорити». Отвѣтчикъ долженъ былъ «одговорити» на позовъ, или же могъ сказать: «позыван мене по закону», т. е. могъ потребовать назначенія законнаго срока для явки въ судъ (116). Если отвѣтчикъ былъ въ отсутствіи, то позовъ объявлялся остальнымъ членамъ кући. Позовъ долженъ быть заявленъ своевременно, чтобъ позванный могъ «приспятти на правду» (137).

Вмѣстѣ съ объявленіемъ позова, истецъ назначалъ *рокъ* (срокъ) явки на судъ. Позывать по закону дозволялось «три крѣтъ», не больше трехъ оброковъ (6, 116). Третій срокъ назывался *оюворни*; на него стороны непремѣнно должны были явиться, подъ угрозой потери «правды» (7). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Статутъ точно опредѣляетъ время судебной явки. Знать предъ судей-ротниковъ можно было за три дня до начала каждаго мѣсяца; для апелляціонныхъ позововъ назначался мѣсяцъ со времени объявленія апелляціи (13, 19).

Обеспеченіемъ явки отвѣтчика на судъ въ назначенный срокъ служила *зарука* (залупъ) сторонняго лица, ручавшагося за другаго въ своевременной явкѣ его въ срокъ. Поручка давалась въ присутствіи пристава (112, 113, 129). Полиціе заручники вполнѣ соответствуютъ емцамъ Русской Правды и старымъ сербскимъ памятникамъ (Зак. Душ. 75. Пуцича Слом, I. 99. 100. 101. II. 112).

Истецъ, назначившій срокъ судебной явки, самъ долженъ былъ непремѣнно явиться на мѣсто суда и ждать (устои) здѣсь отвѣтчика; въ противномъ случаѣ позовъ считался недействительнымъ. По другой статьѣ, сторона, прибывшая на мѣсто, должна «чекати до мрака (ждать до сумерокъ) и наложить огань и звати другу страну» (6, 148). Отвѣтчикъ, за каждую неявку безъ законныхъ причинъ, подлежитъ штрафу; послѣ самовольной неявки на третій позовъ, онъ «губи правду», — дѣло рѣшалось по доказательствамъ одного истца (6, 11, 19, 138). Къ законнымъ причинамъ неявки на судъ Статутъ относитъ: немощность, собственно болѣзнь при смерти (въ обыкновенныхъ случаяхъ отвѣтчикъ могъ вмѣсто себя послать прокаратура), также нахожденіе въ далекомъ пути, когда отвѣтчикъ не могъ во время явиться на позовъ. Статутъ допускаетъ, кромѣ того, другіе «подобни угрози» неявки сторонъ на судъ (127, 138, 148).

Результатомъ позова была явка сторонъ къ суду. Отвѣтчикъ могъ немедленно «одговорити» на заявленіе истца о предметѣ суда (из чега га пре), но могъ и просить *отсрочки* формальнаго разбирательства дѣла. Къ причинамъ, по которымъ дозволяется отсрочивать судъ, относятся: 1) присланіе отвѣтникомъ прокаратура; если онъ не найдетъся къ назначенному сроку, то запрещалось отлагать судъ на другой срокъ, — вести дѣло долженъ былъ самъ отвѣтчикъ; 2) необходимость собрать доказательства, не бывшія въ рукахъ отвѣтчика при первой явкѣ въ судъ; 3) вообще «извѣтъ, љали или хитрость» — какое либо незаконное дѣйствіе противника, приостанавливавшее немедленное открытіе суда. Судьямъ дозволяетъ Статутъ отсрочивать судъ и въ другихъ случаяхъ (7, 117, 119, 120, 147).

с) *Судебныя доказательства*. Судебный приговоръ долженъ основываться на

тѣхъ *правъ* (доказательствахъ), которыя представляютъ сами стороны. Доказательства могутъ имѣть полную силу, могутъ считаться «вѣднѣи, веровани, боли или подобни»; представивъ такіа доказательства, тяжущійся «добывалъ себя правду». Сторона, которая не будетъ «справна и купна с правми своими», теритъ правду. Великимъ правомъ считались письменные акты и показанія свидѣтелей — очевидцевъ и поротниковъ; улики считались малымъ правомъ, требовали еще подтвержденія другими доказательствами (119, 144 — 147, 230 и пр.). Статутъ говорить о слѣдующихъ родахъ судебныхъ доказательствъ: о письменныхъ актахъ, свидочбѣ, ротѣ, лицѣ и простыхъ уликахъ.

1) *Письменные акты (правъ письмени)*. Мы уже сказали выше объ отдѣльныхъ родахъ актовъ. Здѣсь сдѣлаемъ замѣчаніе только о процессуальномъ значеніи листовъ, писемъ и другихъ актовъ и записей. Акты считаются въ Статутѣ полнымъ доказательствомъ, причисляются къ числу «вѣднѣихъ и верованихъ правъ». Никто не въ правѣ представлять противъ листовъ другихъ доказательства, «неухиливъ прво и неразбивъ листа за *кривою*». На ряду съ законнымъ актомъ, всякое другое доказательство можетъ имѣть одну подкрѣпительную силу, или, какъ выражается Статутъ напр. о присягѣ, рота можетъ быть только «в полагъ листа, а не проти листу правому». Если тяжущіеся будутъ имѣть одинаковые акты, то ихъ нужно «видити и разгледати», — дѣло судей опредѣлять — какіе листы «боли и подобни и старѣи и с боли редом учинени и улизено ли по нихъ у држанье» (72, 83, 119, 124, 144, 145).

2) *Свидочба (свидочаство)*. Въ понятіе свидочбы входятъ показанія свидоковъ и поротниковъ.

Свидоки — простые свидѣтели — очевидцы, которые «видили очима» обстоятельства, требовавшія разбирательства на судѣ. Замѣчательно впрочемъ, что Статутъ далеко не съ такими подробностями говорить о свидѣтеляхъ, какъ это дѣлаютъ напр. Винодольскіе Законы. Объ обыкновенныхъ свидѣтеляхъ въ теперешнемъ смыслѣ, т. е. о частныхъ сторонникахъ истца или отвѣтчика, въ Статутѣ нѣтъ нигдѣ ни слова. Свидоками, дающими свидочбу или свидочаство, въ немъ называются только *добрыя люди*, сосѣди, которымъ дѣлалась оповѣдь о преступленіяхъ и шкодахъ и которые также призывались для разгледѣи и цѣнки ошкodemъ, рагъ и пр. Въ значеніи такихъ же свидоковъ являются въ Статутѣ и приставы: предъ судьями они производили свидочаство, по приглашенію сторонъ давали показанія по каждому дѣлу въ значеніи тѣхъ же добрыхъ людей и свидѣтелей (8, 39, 61, 110, 123, 124, 144, 161, 230). Такимъ образомъ, Полицкій Статутъ вполне удерживаетъ воззрѣніе на свидѣтелей, какъ на судебныхъ органовъ, — воззрѣніе, вообще лежавшее въ основѣ ученія славянскаго права о свидѣтельскихъ показаніяхъ и въ большей или меньшей степени развитое во всѣхъ старославянскихъ законодательствахъ.

Гораздо подробнѣе говорится о другомъ родѣ свидѣтелей, называвшихся *поротниками* (иногда *поротою*, *поротъемъ*, *людѣи* и *човикѣи*) и соответствовавшихъ чешскимъ помощникамъ и очистникамъ (10, 11, 22, 146 и пр.). Существенное отличие поротниковъ отъ свидоковъ состояло въ томъ, что они не были очевидцами,

не касались никаких обстоятельств суднаго дѣла, но, подобно очистникамъ другихъ законодательствъ, присягали вѣстѣ съ сторонами, подкрѣпляли ихъ присягу, утверждая этимъ справедливость тужбы истца или очищая своимъ словомъ невинность обвиненнаго. Частибѣ, — назначеніе поротниковъ полицкихъ состояло въ присяжныхъ показаніяхъ на судѣ по вопросу о личности сторонъ: подобно чешскимъ очистникамъ, утверждавшимъ «dobru aneb zlu povest» сторонъ, поротники могли показать противъ подсудимаго, «да ние честанъ ни еистанъ» (158), и этимъ придать полную достовѣрность тужбѣ истца.

Ученіе Статута о поротникахъ не представляетъ такихъ ограниченій, какія установлены напр. Русской Правдой и Винодольскими Законами. По всему видно, что Статутъ излагаетъ ученіе о поротникахъ въ томъ первичномъ его видѣ и тѣхъ формахъ, въ какихъ оно въ старое время развивалось въ правѣ всѣхъ Славянъ. Поротники допускаются по всѣмъ возможнымъ дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ — по крови, татѣбѣ, личнымъ обидамъ, по спорамъ и тяжбамъ изъ-за племенныхъ и движимыхъ вещей, по долгамъ и всякимъ другимъ стварямъ (10, 11, 22, 150). Поротники не имѣютъ мѣста — по уголовнымъ дѣламъ, когда преступникъ пойманъ при лицѣ, а по дѣламъ гражданскимъ, когда представлены положительныя доказательства, въ особенности листы, не признанные «кривыми». При неавѣкѣ отвѣтчика на позовъ, истецъ вообще не имѣлъ надобности представлять другихъ доказательствъ, кромѣ однихъ поротниковъ (10, 144).

Въ качествѣ поротниковъ могутъ быть призваны на судѣ *люди, човики* — стороннія лица, тѣже добрые люди, которые, какъ выражается точнѣе Статутъ, «ниѣ од его (истца или отвѣтчика) кули али прѣвѣтели» (11), не находятся въ близкихъ или пріятельскихъ связяхъ съ сторонами. Такое же положеніе имѣетъ извѣстно чешскому праву: Zřízení допускаетъ въ очистники тоже только лицъ, не жившихъ съ сторонами въ одной семьѣ и задругѣ и не бывшихъ у нихъ въ числѣ служебниковъ (Zřiz. §§ 36 и 279). Съ другой стороны, поротниками, какъ и добрыми людьми, могли быть въ Полицѣ только дѣйствительные члены общины; на этомъ основаніи Статутъ положительно запрещаетъ, въ дѣлахъ между полицанами, призывать поротниковъ изъ изванскихъ (22).

Число поротниковъ было различно, соразмѣрялось съ важностью дѣла, по которымъ они призывались въ судѣ. По убійству или кражѣ домашней (изподъ прага) рота производилась самъ — 12-ть; по полевой татѣбѣ призывалась порота «самшест». По маловажнымъ дѣламъ считались достаточными три и даже одинъ поротникъ (4, 146).

Лица, призванные поротниками, собирались вѣстѣ съ сторонами на «парномъ мѣсту», назначенномъ для пороты. Здѣсь, какъ говоритъ Статутъ, «една страна води поротнике, а друга носи моѣи с пристави и заклетвомъ», или по другой статьѣ — «ови, ии носи моѣи, ии ихъ дати приставу, ии заклина» (147, 149). Майковъ видитъ здѣсь тотъ случай пороты, когда поротниковъ представляетъ только одна сторона, а другая приносить съ собой свои «моѣи», т. е. документы, подлинность которыхъ подтверждается клятвенно приставомъ (Судъ присяжи, стр. 54). Толкованіе Майкова намъ кажется рѣшительно произвольнымъ. Дѣйствительно,

въ приведенныхъ статьяхъ говорится о поротникахъ, «водяныхъ» одной стороною; но моѣи и заклетву нельзя объяснять такъ, какъ объясняетъ Майковъ. У него дѣло представляется какъ-то странно: одна сторона приносила документы, а другая приводила поротниковъ, — для судей, значить, предстоялъ выборъ — признать ли правой сторону съ документами, или сторону съ поротниками. Ничего подобнаго не могло быть въ дѣйствительности. Мы видѣли, въ какихъ отношеніяхъ ставилъ Статутъ «письмени прави» къ другимъ доказательствамъ, въ особенности къ ротѣ (сѣдовъ. и къ поротникамъ): противъ актовъ никто не могъ выставить пороту и вообще опровергать акты можно было только актами. Дѣло въ томъ, что Майковъ не повилъ смысла статутныхъ статей о поротникахъ. Статутъ развиваетъ въ нихъ одну изъ деталей института поротниковъ, показываетъ, въ какихъ формахъ и съ какими обрядами производилась порота. Моѣи, очевидно, не документы, выставлявшіеся одной стороною противъ поротниковъ другой. Порота вовсе не имѣла мѣста при документахъ противной стороны; значить, въ моѣяхъ нужно видѣть не документы, а нѣчто иное. Моѣи упоминаются, не только въ Полицкомъ Статутѣ, но и въ старыхъ сербскихъ грамотахъ. Въ одной грамотѣ 1400 г. говорится объ обычаѣ «ставить роту на моѣхъ». Сербскіе краи имѣли привычку — при всякомъ пожалованіи ижднѣи частнымъ лицамъ испрашивать у мѣстныхъ жителей (осидниковъ) удостовѣреніе о принадлежности земель краю, — удостовѣреніе такое и утверждалось ротою на моѣхъ (Miklos. Mon. 248). Порядокъ исполненія такой роты и опредѣляется Полицкимъ Статутомъ въ приведенныхъ выше статьяхъ. Обрядъ пороты начинался тѣмъ, что стороны и поротники съ приставомъ являлись на мѣсто роты; здѣсь одна сторона «води» поротниковъ, другая «носи» моѣи. Когда наступало время роты, тогда моѣи, принесенныя сторонами, передавались приставу, который и заклиналъ поротниковъ, т. е. тѣхъ, кто становился на роту (присягу). Въ моѣяхъ, на которыхъ ставилась рота, очевидно нужно видѣть не больше, какъ одну изъ обрядовыхъ принадлежностей пороты, равнозначительной въ этомъ случаѣ съ стариннымъ русскимъ цѣлованьемъ (собственно крестоположенемъ). Лучшее объясненіе полицкихъ моѣей можно находить въ книгѣ Винодольскихъ Законовъ и въ крестоположеніи Псковской судной грамоты. Винодольскіе поротники, какъ мы видѣли, давали клятвенныя показанія, въ присутствіи дворскаго челоѣика (пристава Полицкаго Статута), касаясь рукой книги (евангелія). Въ Псковѣ также извѣстенъ былъ очень сходный обычай — крестное цѣлованье или крестоположенье: спорная вещь полагалась у креста, предъ которымъ ротившіеся и произносили свою клятву. Въ такомъ же смыслѣ мы объясняемъ и полицкую пороту съ моѣями. Въ моѣяхъ нужно видѣть книгу, крестъ, или, что еще вѣроятнѣе, моѣи или иной священный предметъ, предъ которымъ присягали поротники.

Заклетва также не означаетъ клятвеннаго подтвержденія приставомъ подлинности документовъ, какъ думаетъ Майковъ. Значеніе заклетвы, какъ нельзя лучше, объясняется слѣдующимъ весьма интереснымъ мѣстомъ одной сербской грамоты 1325 г.: по случаю спора о принадлежности земли между игуменомъ Аѣонской Горы и братьями Гардамилими, краи порѣшилъ: «да поведу 12 стариникъ жупіанъ доверенныхъ члоѣкъ, да се заклъну страшнымъ заклетіемъ». И посла кралевствоми (говоритъ грамота) Градислава Воишика пристава и придоше старинници на медіу (межу) и закле ихъ пристава тако: «да нѣсте проклетіи од Господа

Бога и пречистіе Матере Божіе и ваши домове и дѣтца ваша, како не кете криво, куде е медіа». И они се заклеше страшнимъ заклетіемъ вси воедино и указаше медіу (Мацѣйов. Historia. VI. 407). Заклетва Полицкаго Статута означаетъ собственно форму присяги (роты), произносившейся поротниками. Ихъ заклиналъ предъ могами пристава, какъ ясно говорятъ 147 и 149 статьи Статута. По заклетвѣ ротился, давалъ присягу *вожа* (вожа), т. е. сторона, которая «води» поротниковъ (вожакъ — тотъ, кто ведетъ пороту); за нимъ присягали и всѣ поротники. Дѣло рѣшалось, смотря по тому, какъ исполнена присяга, т. е. согласно ли съ заклетвой пристава, «вѣтаклили по заклетви у правъ», или нѣтъ (149).

Полицкій Статутъ записалъ еще другую, весьма оригинальную подробность, объясняющую юридическое значеніе поротниковъ. Въ только что разсмотрѣнныхъ статьяхъ трактуется о поротѣ одной стороны. Но Статутъ допускаетъ также *обоюдную пороту* тяжущихся, даетъ въ одно и тоже время истцу и отвѣтчику возможность отцѣловаться, т. е. очиститься отъ обвиненія или подтвердить дѣйствительность поклада. Пороту одной стороны можно было «узврути, вратити»; т. е. если напр. истецъ представилъ шесть поротниковъ и присягнулъ съ ними, то иногда дозволялось и отвѣтчику обратиться къ своимъ поротникамъ, своей поротой какъ бы возвращая пороту истца, дѣлая ее недействительной. Статутъ не во всѣхъ случаяхъ допускаетъ обоюдную пороту. Возвращать роту вообще запрещается въ дѣлахъ по татѣбѣ: «И неморе се из покреѣ рота узврути. И лупежъ, ки би приа поротникѣ (представленныхъ истцомъ), ние законъ, да море узврути роту ниткоре пзъ лупещивне» (10, 160). Можетъ быть, обоюдная порота не допускалась также по убійству и другимъ болѣе тяжкимъ преступленіямъ; но объ этомъ нѣтъ нигдѣ ясныхъ указаній. Въ случаяхъ, когда допускалась обоюдная порота, она считалась дѣйствительной только тогда, когда давалась въ слѣдъ за поротой противника: «тко неврати роте на парном (првом) мнсту, послѣ е неморе вратити по закону» (10). Кромѣ того, самымъ сторонамъ дозволялось отказаться отъ своего права обоюдной пороты, говоря одинъ другому: «возми себи роту или ю мени пусти» (145, 149). Во всѣхъ случаяхъ, когда не имѣла мѣста обоюдная порота, дѣло рѣшалось по односторонней присягѣ той или другой стороны съ поротниками. Напротивъ, вопросъ усложнялся при допущеніи пороты обоюдной. Статутъ упоминаетъ о ней въ двухъ мѣстахъ. Въ искахъ вещныхъ (на блага) истецъ можетъ отприсягнуть самъ-шесть, а если рота опять возвращена, то истецъ присягаетъ самъ-треть (11). Еще болѣе сложнымъ представлено дѣло въ другой статьѣ — о поротникахъ процесса по племенщинамъ. Если одна сторона присягаетъ съ 12-ю поротниками, то другая можетъ воротить роту, т. е. тотчасъ же присягнуть съ столькими же поротниками; первая сторона опять должна присягать, но уже съ «половицомъ» поротниковъ (съ шестью); если порота опять будетъ возвращена, то присяга идетъ снова съ половицомъ — самъ-треть; при новомъ возвратѣ — самъ-другъ. И эта порота можетъ быть возвращена; тогда первая сторона, съ которой началась порота, обязана сама присягнуть безъ поротниковъ; если противникъ въ свою очередь присягнетъ, то первая сторона можетъ «виrom рѣши, т. е. произнести обыкновенную божьбу, безъ строгихъ формальностей роты; если тоже самое сдѣлаетъ противникъ, то дѣло рѣшалось «простомъ ричью» первой стороны (146).

Порота соединялась съ соблюденіемъ различныхъ формальностей присяги.

Дѣло рѣшалось въ пользу того, кто съ поротниками исполнялъ присягу по заклетью правильно: «ако ли присегу сви, и вонка и поротники, *по заклетю у правъ*, тои о таи правда добита». И наоборотъ — дѣло считалось проиграннымъ, если не только всѣ, но и даже одинъ поротникъ не присягнулъ, или хотя бы и присягнулъ, но съ ошибками, вообще не согласно съ заклетвою пристава (149). Въ другомъ мѣстѣ просто говорится, что тотъ теряетъ дѣло, кто не «одстои» наложенной на него пороты, особенно если заклетва обнаружитъ, что онъ «ниче честанъ ни вистанъ» (158, 159). Замѣтить въ заключеніе, что показанія поротниковъ имѣли огромное процессуальное значеніе. Кто согласился на пороту и результаты ея оказались въ пользу противной стороны, тотъ не могъ больше прибѣгать къ помощи никакихъ другихъ доказательствъ, — дѣло рѣшалось въ пользу его противника. Еще больше: подобно приговору присяжныхъ судей, приговоръ, основанный на показаніяхъ свидѣтелей — поротниковъ, считается въ Полицкомъ Статутѣ окончательнымъ. Дѣла съ поротниками, разъ оконченныя, не подлежали новому пересмотру, путемъ апелляціоннаго переноса ихъ въ другую судебную инстанцію, — приговоры по такимъ дѣламъ немедленно приводились въ исполненіе. Все это, какъ нельзя больше, вытекаетъ изъ слѣдующаго положенія Статута: «када из чеса ѳур приме поротники, ли неморе се апелати» (236). Такимъ образомъ, о полицкихъ поротникахъ мы должны повторить сказанное нами выше о поротникахъ винодольскихъ: безапелляціонно осуждая или оправдывая подсудимаго, они сближались съ присяжными судьями, являлись въ процессѣ не сторонниками тяжущихся, но добрыми людьми, игравшими роль очень важныхъ судебныхъ органовъ. Осужденіе и оправданіе поротниковъ—свидѣтелей существенно разнилось отъ приговора поротниковъ—судей лишь тѣмъ, что первые не касались вовсе даннаго дѣла, подлежащаго судебному разбирательству, давали свидѣтельскія показанія лишь о личности сторонъ, утверждая «*добри анебъ зли ровети*» ихъ (ниче честанъ ни вистанъ), — поротники судьи, напротивъ, выносили въ самое существо суднаго дѣла, указывали на правоту или виновность подсудимаго въ каждомъ данномъ случаѣ.

3) *Рота*. Полицкій Статутъ раздѣляетъ присягу на подтвердительную, дававшуюся истцомъ въ подтвержденіе своей пармы или тужбы, и на очистительную, посредствомъ которой обвиненный свергалъ съ себя тужбу, очищая свою невинность. Въ обоихъ случаяхъ рота могла производиться съ поротниками и безъ нихъ. Полную доказательную силу имѣла рота, когда не было другихъ положительныхъ доказательствъ, въ особенности письменныхъ актовъ. Кроме того, рота могла имѣть значеніе вспомогательнаго доказательства, допускалась напр. въ подтвержденіе листовъ, если они не считались «задовольни», не вполне удовлетворяли требованіямъ полныхъ доказательствъ. Статутъ, какъ мы видѣли, допускаетъ роту обоюдную и одностороннюю. Последняя имѣла мѣсто въ такомъ случаѣ, когда на предложеніе одной стороны: «возьми дѣло себѣ на роту (на душу по сербскимъ грамотамъ), или пусти ее мнѣ», соглашалась другая, — дѣло въ такомъ случаѣ рѣшалось по одной присягѣ послѣдней стороны. Наконецъ, тяжущіеся могли вовсе отказаться отъ роты, ограничиваясь другими доказательствами или просто показаніями по совѣсти (144, 115, 149, 159, 230).

4) *Личо и улики*. Личо, какъ мы уже замѣчали, считалось вполнѣ рѣшитель-

ный доказательством, явно изобличавшим виновность пойманного при лицѣ, на мѣстѣ преступленія. Отъ лица отличались простыя улики — знаки отъ побоевъ, раны, поличное (покреѣа) и пр. При уликахъ необходимымъ были еще другія доказательства. Статутъ вообще требуетъ омовѣи и разгледѣ поличнаго со стороны добрыхъ людей и свидѣтелей (см. выше).

d) *Судебный приговоръ*. Статутъ даетъ нѣсколько указаній на порядокъ судоговореній, вмѣстѣ съ постановленіемъ и исполненіемъ судебныхъ приговоровъ.

Говорени — судоговореніе, словесное препирательство тяжущихся предъ судьей. Говорени состояло въ томъ, что истецъ предъявлялъ свой искъ, на который давала отвѣтъ противная сторона, — истцу предоставлялось право *говорени* противъ отвѣтника, а этотъ долженъ былъ ему *одговарати*. Судоговоренія начинались тотчасъ послѣ явки сторонъ на судъ. На спросъ позваннаго: «ча е и гди е тон, из часа на не говорени», истецъ долженъ былъ «повидати, из часа говорени». Путекъ такихъ переговоровъ сторонамъ «улигу у шару». Порядокъ судоговореній Статутъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ. Явившись на судъ, стороны должны «сидати другому одговарати, сваки отимаючи и отекући прави (доказательства) свое. Они, ки пита (истецъ), говори: држиши мое, али моихъ правихъ, ча пристом мене, хотво бихъ е правдомъ да би были менѣ моя племенщина: а они, ки држи, тон одговара: нате ѣа држиш племенщину мою и моихъ старѣшихъ, кою самъ лично и држао од вина, али говоре: да самъ купно али изворно закономъ укувичини, а не држиш ни носидуетъ твога ни твоихъ правихъ, ведаи бог!» (7, 118, 134, 144). Стороны «допирали» предъ судомъ одна другую доказательствами, представившимися въ подтвержденіе или отрицаніе показаній сторонъ. Дѣятельность судей, присутствовавшихъ при говорени и допирани сторонъ, состояла въ разсмотрѣніи и оцѣнкѣ (читаю и разгледаю) доказательствъ обѣихъ сторонъ и въ постановленіи *одлуки, сенищеніи* (судебнаго приговора). Статутъ ни слова не говоритъ, какъ составлялась одлука. Видно только, что въ своей одлукѣ судья объявляли подосуднаго оправданнымъ или виновнымъ (правъ или кривъ) и подвергали его соответственному наказанію. Сторона, оправданная по суду, «добуде или достигне правду»; кто на судъ «не одстои, не допре», тотъ считается кривымъ, губить правду (5, 13, 15, 72, 94, 130, 134, 159).

Одлука судей выдавалась оправданной сторонѣ. Противникъ долженъ былъ исполнить (запунити и извршити) приговоръ (13, 238). Исполненію приговора (*милелеченоме*) зависѣло прежде всего отъ уговора (чешская *umluva*) сторонъ. Если уговоръ не состоялся, то оправданная сторона могла обратиться къ принудительнымъ мѣрамъ (129, 130, 134), могла испросить у судьи пристава, который и принуждалъ отвѣтника къ исполненію приговора. *Закладъ* былъ главной мѣрой исполненія одлукъ и вообще соответствовалъ чешскому *vzvodu* и равноанію или польскому *złokład*. До окончательнаго удовлетворенія истца, имущество (движимое, а при его недостаткѣ — и племенщина) отвѣтника оцѣнивалось и отдавалось во владѣніе истца; съ истеченіемъ срока закладъ обращался въ полную его собственность. Статутъ допускаетъ также со стороны виновнаго *одбой* — открытое сопротивление приставу, отраженному судомъ для исполненія приговора. Въ этомъ случаѣ виновный платитъ штрафы (*осуль одбойни*); прокъ того, въ помощь при-

ставу отражается воевода съ товариществомъ (дружбомъ). Иногда противъ сопротивлявшейся стороны выходила вся община, которой дозволялось грабить провинившагося, даже развалиг и сечь его дожь (130, 134, 139 — 141, 247, 248, 256 и пр.). Участіе воеводы и общины въ исполненіи судебныхъ приговоровъ вполне сходно съ повѣтовымъ взрушеніемъ старопольскаго процесса, установившимся при явномъ упорствѣ отвѣтника и состоявшимъ въ грабѣжъ его имущества, съ цѣлю принудить его къ удовлетворенію судебного приговора. Подобныя же принудительныя мѣры были въ обычаяхъ у другихъ Славянъ. По старосербскимъ памятникамъ, кромѣ грабежа, дозволялось лишать свободы (свезати и држати) провинившагося, пока онъ не удовлетворитъ истца (Николичъ. Спом. 128).

Приговоръ приводился въ исполненіе, коль скоро стороны не заявили суду о своемъ недовольствѣ приговоромъ. Сторона, считавшая приговоръ не правильнымъ (ако би му ча криво или неподобно учинио, -- ако му ние задовољно напуни правду учинио), могла объявить судьямъ, что ихъ одлука «не угодна, не би куптештво». Въ такихъ случаяхъ Статутъ допускаетъ апелляцію (*апела, апео*), переносъ дѣла къ другимъ судьямъ для новаго его перевершенія. Въ Статутѣ находинъ слѣдующія правила объ апелляціи. «Здвигнути и апелати» предъ другихъ судей можно только послѣ постановленія приговора. Апелляція считается недействительной, если пропущенъ апелляціонный срокъ (мѣсячный, со дня постановленія приговора). Нельзя апеллировать «из силе али зле воле». Общинный прокаратуръ не можетъ апеллировать безъ общины, т. е. не представивъ «самошестъ луди», подтверждающихъ справедливость апелляции. Апела не имѣетъ мѣста въ процессѣ по дупещинамъ, а по другимъ дѣламъ, когда приняты были свидѣтели — поротники. Подложные кметы пользуются правомъ апелляции отъ господскаго суда не иначе, какъ послѣ выхода отъ господина. Апеллировать дозволяется отъ суда княжаго и вѣчеваго; но нѣтъ и намека на возможность апелляции отъ судей — ротниковъ. Отъ збора идетъ апелляция на другой зборъ, также къ князю или къ судьямъ — ротникамъ; точно также отъ суда княжаго можно переносить дѣла предъ ротниковъ или на зборъ, а въ нуждѣ и къ князю сплитскому (5, 13, 16, 121, 122, 237 — 240).

* * *

Сочиненіе мое въ бѣльшей части своей было уже отпечатано, когда я получилъ возможность познакомиться съ нѣкоторыми изъ новѣйшихъ сочиненій по хорватской исторіи и литературѣ. Нѣсколько данныхъ относительно стараго хорватскаго права, сообщаемыхъ въ особенности въ сочиненіи *S. Ljubic'a Ogledalo književne poviesti jugoslavjanske* (Riecki. 1864), я изложу здѣсь въ видѣ дополненія къ общему обзору хорватскихъ памятниковъ. Кромѣ того, глубокой знатокъ славянской старины, профессоръ В. И. Григоровичъ дозволилъ мнѣ помѣстить въ своемъ сочиненіи сообщенныя мнѣ указанія и замѣтки о значеніи нѣсколькихъ темныхъ мѣстъ и терминовъ, встрѣченныхъ имъ въ Винодольскихъ Законахъ и Полицияхъ Статутъ.

Говоря на 5-й стр. (по Ранчу) о книгѣ законовъ Сильвестра, я слѣдовалъ показаніямъ одного изъ мѣстныхъ знатоковъ южнославянскаго права, именно Крстича,

который, въ своемъ обзорѣ старосербскаго права, считаетъ вполне достовернымъ извѣстіе Ранча о древнѣйшемъ сборникѣ хорватскихъ законовъ, составленномъ при Сильвестрѣ. Между тѣмъ, Шваръ, въ своей исторіи Хорватовъ (*Is. Svecar, Ogledalo Iliruma, iliti dogodovstina Ilirah, Slavinah, straznji put Horvatah zvanih*. I — IV. U Zagrebu. 1839 — 42), перечисляя старыхъ хорватскихъ князей, нигдѣ ни слова не говоритъ ни о какомъ Сильвестрѣ. Обстоятельство это, впрочемъ, нисколько не можетъ служить опроверженіемъ сказаннаго мной о сборникѣ или книгѣ законовъ X вѣка. Дѣйствительное существованіе этого памятника, къ сожалѣнію не дошедшаго до нашего времени, вполне подтверждается показаніями стараго хорватскаго лѣтописца (*metodios*). Кромѣ указаній памятниковъ IX и X вѣковъ на древнѣйшіе хорватскіе законы и статуты (*leges, statuta et privilegia*), Любичъ приводитъ изъ хорватскаго лѣтописца очень любопытное извѣстіе о томъ, что «на собору hlievanskom *mnoge dobre zakone postavise, ke bi mnogo govoriti, da ako lko hoće napuno znati naredbu, ku ucinise... vazmi knjige, ke pri Hroatih ostase i pri njih se nahode*» (*Ljubic Ogledalo*, 104; стр. 114). Это извѣстіе относитъ Любичъ къ концу IX вѣка, именно времени Мутимира.

Любичъ, далѣе, касается позднѣйшихъ уставовъ хорватскихъ. Кромѣ сборниковъ, указанныхъ мной въ введеніи, ему извѣстны еще слѣдующіе статуты далматскаго Прикрыя:

Statuta Civitatis Fluminis.
Statuta Civitatis et insulae Vegliae.
Statuto di Cherso et Ossero.
Statuta Civitatis Arbae.
Statuta Civitatis Scardonae.
Statuta Civitatis Budae.
Statuta Tersacensis.

Кромѣ Статутовъ Cherso, отпечатанныхъ въ Венеціи въ 1640 г., остальные доселѣ хранятся въ городскихъ архивахъ и частныхъ бібліотекахъ. Составленные на латинскомъ или итальянскомъ языкахъ въ теченіи XIII и XIV столѣтій, они по словамъ Любича имѣютъ въ основѣ своей по большей части славянскіе источники.

Винодолскии Законы посвящаетъ авторъ нѣсколько общихъ замѣтокъ. По словамъ Любича, этотъ памятникъ составленъ старѣйшинами Винодола и особенно важенъ въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ о демократическомъ духѣ винодолскихъ князей и о силѣ и свободѣ общины. Вліяніе общины простиралось въ значительной степени даже на церковь и духовенство (католическое) и, что не менѣе замѣчательно, отражалось въ общинномъ устройствѣ рода Франгепановъ — старыхъ народныхъ князей, жившихъ по народному обычаю въ задругѣ, на манеръ всякихъ частныхъ лицъ. Члены задруги носили общее названіе князей (*knezi*) и, въ качествѣ обыкновенныхъ задругарей, подчинялись старшему князю, управлявшему своей задругой въ значеніи ея старшины (*domacina*). Владѣтельныя права и частное имущество Франгепановъ находились въ общемъ, безраздѣльномъ обладаніи княжеской задруги. На такихъ же основаніяхъ Франгепаны владѣли со второй половины XIII вѣка Винодоломъ, Кркомъ и другими хорватскими землями. Замѣтимъ

истати, что задружные порядки вообще были въ обычѣ во всѣхъ слояхъ хорватскаго народа. Даже дворъ старыхъ хорватскихъ краей (напр. Крезимира Великаго) устроился по образцу простой задруги: дворскій *ded* или *djad*, безъ всякаго сомнѣнія, имѣлъ общее значеніе задружнаго старосты, *domasina*. Указанія на подобные же порядки можно найти и у другихъ Славянъ.

Наконецъ, Любичъ говоритъ о государственномъ устройствѣ хорватской земли до подчиненія ея Коломану, опредѣляетъ значеніе и устройство задругъ, общинъ, *жупъ* (жупаній) и наконецъ цѣлой хорватской земли. Задруга устроилась вообще по типу общины (территориальной). *Domasina* — задружный старшина — избирался задругой на томъ же основаніи, какъ и община избирала своего старшину. Жупа — союзъ нѣсколькихъ общинъ, съ однимъ общинъ главой (жупаномъ). Во главѣ цѣлой земли стоялъ великій жупанъ, князь, позже король.

Великіе жупаны и краи избирались народомъ на общихъ вѣчахъ. При Крезимирѣ Великомъ утвердилось начало наследованія королевской власти. Наслѣдникъ назывался *svietli vojevoda* (*dux illustris*). Дворъ хорватскаго князя состоялъ изъ нѣсколькихъ чиновъ, отправлявшихъ при князѣ различныя должности. При Мутимирѣ (въ концѣ IX вѣка) въ составъ двора входили слѣдующія лица: *dvorski župan* (*Palatii Jupanus* или *Palatinus*, *dvornik* или *nadvornik*) — княжескій наѣстникъ; *Capellanus Ducis*, отправлявшій также должность княжяго дьяка (*cancellar*); *posteljniki dvorski* (*camerarius* или *cubicularius regis*); *peharnik* (*pinacarius jupanus*); *konjusnik* (*cavallarius jupanus*); *buzdovanar* или *buzdovnik*, мечникъ (*mascecharius jupanus*); *oružanik* или *stitionosa* (*armiger jupanus*); *nadzornik manastira* (*superpositus monasterii*). Позже дворъ усложняется. При Крезимирѣ Великомъ старый дворскій жупанъ назывался *dvorski knez* или *udvornik* (*curialis comes* или *comes curiae regiae*). За тѣмъ слѣдовали: *dvorski sudac* (*regalis curiae judex* или *causidicus regis*) — главный органъ королевскаго суда; *dvorski biskup* (*regalis episcopus*), отправлявшій также должность канцлера (*aulae regiae cancellarius*), — ему подчинялись, какъ епископу, — *dvorski župnici* (*sacellarii regio sacello praepositi*) и *kapelani*, а какъ канцлеру — *biljeznici* (*notarii*) и *pisari* (*scribae*). Четвертое мѣсто занималъ *dvorski ded* или *djad*, *naddvornik* (*majordomus*, *starosta*). Низшія должности при дворѣ занимали постельники, конюшіе, щитоноши и проч. Дворскіе чины составляли княжій совѣтъ и сопутствовали князю во время его разъѣздовъ по землѣ.

Власть княжеская была ограничена народной сходкой. Въ концѣ IX вѣка сходки раздѣлялись на *državno vijeće* и *zabor* (*narodna skupština*). Сходки перваго рода составляли жупаны, которые въ присутствіи князя рѣшали обыкновенныя государственныя дѣла. Болѣе важныя дѣла представлялись на соборъ, составившійся не изъ однихъ вельможъ (*velikasi*), но изъ всего народа (*ruk*). На такихъ соборахъ Хорваты избирали князей, баяновъ и жупановъ; здѣсь рѣшались дѣла о войнѣ и мирѣ, составлялись законы для всей земли хорватской, разрѣшались важнѣйшія судебныя дѣла и пр. Вообще въ компетенцію собора входило все, что касалось интересовъ цѣлой земли. Въ такомъ значеніи хорватскія вѣча удерживались и позже; *congregationes* XIII и слѣдующихъ вѣковъ цѣлкомъ коренятся въ старыхъ вѣчахъ и соборахъ.

Въ областяхъ — жупахъ и общинахъ, были свои отдѣльныя сходки (жупскія, градскія и обкинскія или сельскія), на которыхъ разсматривались и рѣшались дѣла, касавшіяся жупъ, градовъ и общинъ. Къ областнымъ старшинамъ относились: баны, жупаны, сатники и общинные старѣйшины. По грамотамъ времени Крезимира В., банъ считается послѣ короля первымъ областнымъ главой, дѣйствуетъ въ значеніи его намѣстника. Жупаны — старшины отдѣльныхъ жупъ; имъ подчинялись *podzupani*, *satnici* и другія должностныя лица. Жупаны управляли своими жупами вообще свободно, подчинялись только народу и королю, какъ общему народному главѣ. Главной обязанностью жупановъ было отправленіе суда. Дѣла и споры меньшей важности подлежали суду общинныхъ старѣйшинъ (*obcinski staresina*). Судъ присяжныхъ (порота), по словамъ Любича, былъ «*najdragocieniji biser javnosti i sudbenosti hrvatske*».

Указанія на внутренній бытъ Хорватовъ въ различныя эпохи исторической ихъ жизни можно находить, кромѣ сочиненій, перечисленныхъ мной въ введеніи, еще въ слѣдующихъ изслѣдованіяхъ по хорватской исторіи и литературѣ, которыя и привожу здѣсь въ добавленіе къ сдѣланному мной перечню: *Katancsich, De Istro* (Budaе 1798; *Carrara, Chiesa di Spalato* (Spalato 1844); *Fabianich, Memorie storico-letterarie di alcuni conventi della Dalmazia* (Ven. 1845); *Kacic, Razgovor ugodni naroda Slovincskoga* (u Becu, 1836); *Kalon, Historia critica regum hungariae stirpis Arpadianae* (I — VI. Budaе. 1778 — 82).

Заключу свои добавочныя замѣтки объясненіемъ нѣкоторыхъ терминовъ, встречающихся въ Винодолскихъ Законахъ и Полицкомъ Статутѣ, пользуясь въ этомъ случаѣ замѣчаніями, сообщенными мнѣ В. И. Григоровичемъ. «Улетн блюеня» (въ введеніи къ Винодолскимъ Законамъ) значить *облегчить блюденіе*. «Архипьрвад» (тамъ-же) — *Archipresbyter*. «Вернез» (1 ст. Вин. Зак.) — *Währung*. «Боланач» (ib.) — *bolonzo, moneta*. «Нере гда он сам пошле» (3 ст.), — *когда он сам* (епископъ) *совершаетъ обряды*, «послюеть» (священнодѣйствуетъ). «Перман» (5 ст.) — отъ *ferma, la condotta per far servigi, — parlandosi di soldati engagement, enrôlement*. «Мошуне» (10 ст.) — *мошна, мошенничество*. «Стихъ реди» (16 ст.) — *stigma* (помазаніе, знакъ), *ordinis*. «Бусовить» (25 ст.) — у Гундуляча *busiti — scovare, aufscheuchen, busone la trompeta*; Бусовить Винодолскихъ Законовъ — *бурить, герольды* (ср. Слово о плѣку Игоря, изд. Тихомирова — бусово, бусови). «Личба» (39 ст.) — *denuncialis publica*. «Ключар» (42 ст.) — *Beschlusser* (гадатель?). «Конобъ» (ibid) — ср. слѣд. мѣсто минеи. Новгородской Софійской библіотеки, л. 13: «Конобныхъ варени и прѣстомъ оутятне и свѣштныхъ опаленіе терпѣлъ еси»; можетъ быть, конобъ соответствуетъ *котлу* Душанова Законника и *водѣ* Р. Правды. «Лякуфъ» (45 ст.) — *лихва*. Раченне» (75 ст.) — *βαχχανία, fascina*. «Ошастно» (33 ст.) — ср. ошестникъ, *отшелникъ*. «Остачене» — ср. сътъченіе, *συντριβή*. «Матсене». — отъ *мыштеніе* (съ перемѣной въ а, шт — въ т). «Придна кровь» (Полиц. Стат.) — *честная кровь* (убійство). Замѣчу отъ себя, что Бусовить, въ указанномъ значеніи, извѣстенъ кркскому статуту: «*da bude zvan (na vice) vas plk po busovici*» (Argk. II. стр. 292).

ПОПРАВКИ И ОПЕЧАТКИ.

Въ сочиненіе мое, печатавшееся слишкомъ мелкимъ шрифтомъ, вкралось множество опечатокъ. Укажу важнѣйшія изъ нихъ:

Стр.	Строка	Напечатано :	Слѣдуетъ читать :
I	10 (снизу)	законодательствѣ	законодательствѣ
II	10 "	обтнпъ	оптнпъ
III	1 "	Curzubaе	Corculae
IV	11 "	Frajo	Franjo
VI	11 (сверху)	Zandru	Zadru
VI	18 "	Werbosz	Werbocz
VII	16 (снизу)	Jesafata	Jozafata
IX	3 (сверху)	Knj'ga	Knjiga
IX	14 "	drzanvoga	drzavnoga
IX	3 (снизу)	feadi	feudi
X	11 "	Fresne	Fresne (Du Cange)
XI	15 (сверху)	Harvâth	Horvâth
XI	9 (снизу)	Pojestnica	Povjestnica
1	13 (сверху)	въкъ	въкъ
2	7 "	жупана	жупана
2	10 "	Sigraga	Sidraga
2	11 "	Гадска	Гацка
2	26 "	или Rama	и Rama
5	16 "	Арбе	Раба (Arba)
6	7 (снизу)	generale	generalis
8	12 "	reotoris	rectores
9	3, 4, 10 (сверху)	officialis, rectoris, hominis	officiales, rectores, homines
11	8 "	Травы	Трогира (Trau)
12	2 "	въ Утинѣ	въ Удино (Вадимѣ)
12	8 "	Травѣ (Trohir, Traguri-um, Trau). Сборникъ	Трогиру (Trogir, Tragurium, Trau). Сборникъ
12	17 (снизу)	Арбе, Пола, Спалато	Раба, Пола, Сидита
21	2 (сверху)	regennis	regenne
36	5 (снизу)	дикаи	дикая
38	8 (сверху)	княщихъ	княжихъ
39	9 (снизу)	вчиняться	вчиняться
40	12 "	кннча	кннча
45	2 "	школахъ	шкодахъ
48	5 (сверху)	епнекопу	епископу
49	5 "	krodriež	kradziež
52	14 (снизу)	Белы	Беллы
53	10 (сверху)	civis	cives
53	11 "	hospitis	hospites
53	2, 5, 15 (снизу)	jobadiones	jobagiones
54	1 (сверху)	convocationis	convocationes
54	12 "	judicis	judices
54	15 "	assessoris	assessores
55	15 (снизу)	cognatos	cognati
55	4 "	gerede	haerede
57	7 (сверху)	majoris et causae pecu-niatis	maiores et causae pecuniales.
59	11 (снизу)	testis	testes
62	12 "	comitis	comes
70	4 (сверху)	имѣтъ	имѣють
76	3 (снизу)	odgovorno	odgovorno
77	11 "	сербовы	себровы
80	10 (сверху)	воѣломъ	воломъ
82	6 "	общинѣ	общихъ

Изданіе Императорскаго Новороссійскаго университета.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПЕЧАТЬ:

РУКОВОДСТВО
къ
ЧАСТНОЙ ФИЗИОЛОГІИ

Д-РА Н. ВЕРИШТЕЙНА.

Доцента Анатоміи и Физіологіи при Императорскомъ
новороссійскомъ университетѣ.

Руководство выйдетъ отдѣльными выпусками, которые послѣдуютъ
одинъ за другимъ съ возможно короткими промежутками.

Первый выпускъ, содержащій: *Пищевареніе, Всасываніе* и начало
Кровообращенія, выйдетъ въ маѣ мѣсяцѣ с. г.

1. «Записки Императорскаго новороссійскаго университета» выходятъ въ неопредѣленное время, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, отдельными выпусками отъ 5 до 6 листовъ. Каждые 6 такихъ выпусковъ составляютъ одинъ томъ.

2. Въ запискахъ помѣщаются ученые труды лицъ, принадлежащихъ къ университету, по одобреніи ихъ всякій разъ къ печати подлежащихъ факультетомъ.

Примѣч. Члены факультетовъ могутъ представлять въ факультетъ и статьи постороннихъ лицъ для напечатанія въ запискахъ, также съ одобренія факультета.

3. Помѣщаемыя въ запискахъ статьи могутъ быть печатаемы, по желанію авторовъ, какъ на русскомъ, такъ и на латинскомъ, немецкомъ и французскомъ языкахъ.

18
17

БИБЛИОТЕКА	ЦЕНТРАЛЬНОГО
СТАТИСТИЧ.	КОМИТЕТА
МИНИСТР.	10 ИЮЛЬ 89
ШКАРЪ	ПОСЛ. Д.
Изм. № 16912	№ 7

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Годъ второй.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ 5.

1021

ОДЕССА,
ВЪ ТИПОГРАФИИ Л. НИТЧЕ.
1868.

~~Ms. 6001~~

5 1939

4

De Jovis Lycaeï natura cognominisque
hujus ratione,

COMMENTATIO.

Scriptit

LADISLAUS JURGIEWICZ,

Litterarum Latinarum Magister, P. P. E. O. V. G.

12104

in hac quaestione illo errore laborare, ut tempora confundant atque ex seriore Jovis vi naturam ejus priscam, ipsumque cognomentum illustrare velint. Accidit nempe hic, quod saepius alias accidisse non mirabimur, si cogitemus nobis, ingenti seculorum spatio deos veterum intuentibus, ex variis viribus ac proprietatibus, quae progressu temporis singulis accessere, turbidas singulorum apparere facies, ita ut difficillimum exploratu sit, quantum proprii adventiciive quisque habeat quantaque fabulas intervalla separent, cum praesertim saepissime soleat fieri, ut fabulae antecedentes causa sequentium sint, aliae ex aliis, mutatis deorum, hominum et locorum nominibus, adiectisque variis vulgi figmentis, ortae. Huic difficultati, quam ipsa res nobis affert, accedit saepius nominum deorum difficilis ratio, quorum alia ne Graeca quidem, nec a Graecis radicibus repetenda, alia vero, quamvis de lingua graeca flexa, adeo tamen obscura sunt et inaccessa, ut vastum conjecturis campum praebeant atque ad falsas etymologias mythologos abducant. Hinc factum est, ne sexcenta exempla afferam, ut Jovis Arcadii cognomen *Λυκαῖον* ab obsoleto *λύκη* (lux) derivandum esse VV. DD. statuerint, cum illud manifesto cognatum cum Apollinis cognomine, quod est *Λύκειος*, solis proprietatem denotare sibi persuasissent. Sed de his statim copiosius dicetur, ubi variorum de Jove sententias examinabimus, unde et illud spero apparebit nondum occupasse veritatem priores mytherum veterum religionisque ethnicae interpretes, ita ut aliquid ex illa etiam futuris relictum sit.

I.

§ 1. Inter varia cognomina, quae a veteribus Graecis Jovi imposita fuere, nullum fere est, in quo illustrando VV. Docti plus terere subtilitatis reperiantur, quam cognomen Λυκαῖος. Ita vocatum fuisse constat Jovem Cyrenae, teste Herodoto, qui collem Jovis Lycae in hac urbe memorat^{a)}, et in Arcadia, ubi antiquissima hujus religionis vestigiaprehendimus. Templum habuit et aram in monte Lycae^{b)}, a quo nomen illum accepisse quidam volunt^{c)}, primusque Lycaon, Pelasgi filius, Arcadum rex, Cecropis aequalis sacra ludosque in honorem ejus instituisse fertur^{d)}. In Lycae natum atque educatum perhibebant Arcades; quin et locum, ubi lucem aspexisset, quae Cretea dicebatur, ostendebant, Nympharumque proferebant nomina, a quibus nutritus esset, Thisoae, Hagnus et Nedae^{e)}. His fabulis, velut amplificandae admirationis causa, adiciebant alia etiam monstruosa mendacia, quae ex vulgi sermonibus collecta servavit nobis Pausanias alique scriptores. Ejusmodi sunt, quae de area Jovis Lycae, de fonte sacro, de Lycaone in lupum mutato commenta leguntur. Aream nempe visentibus ostendebant, quam adire nefas putabatur, fingentes ei, qui religione sprete in illam pedem intulerit, fatale esse intra annum mori, homines insuper et animalia, si qua intra sacrum septum constiterint, nullas e corporibus umbras reddere^{f)}. Fonti item sacro miram ajebant esse naturam imbriumque ciendorum potestatem; projecto enim ramo quernō in summam aquam (quod solemni ritu, re divina antea facta, victimisque mactatis fiebat) nebulam oriri, mox nubes cogi, imbrisque arva Arcadica perfundi, atque hoc modo segetibus aritudine pereuntibus a sacerdotibus succurri^{g)}. Lycaonem tandem fabulabantur Jovi apud se hospitanti infantis mactati exta inter sacra apposuisse ac propter id facinus in lupum fuisse mutatum. Idque deinceps etiam obtinuisse, ut singulis Jovis Lycae sacris

a) Herod. IV., 203.

b) Paus. IV, 22. 7., VIII, 38, 2, 6, 7. Plin. 4, 6, 10. Erat praeterea ara Jovis Lycae ad laevam viae, quae a Tegea in Laconicum agrum ducebat, ubi et templi fundamenta se vidisse tradit Pausanias VIII, 53, 11.

c) Paus. ib. Aliter Augustinus C. D, 18, 17, qui appellationis causam fuisse dicit, quod homines praestigiis daemonum in lupos mutarentur. Adde Servium, qui Lycaenum ἀνὲρ τοῦ Λύκου cognominatum ait. Serv. ad Virg. Aen. VIII, 343.

d) Paus. VIII, 2, 1, 3. Schol. Eurip. Orest. 1462.

e) Paus. VIII, 38, 3.

f) Paus. VIII, 38, 6, Cf. Theopomp. apud Polyb. 16.

g) Paus. VIII, 38. 4.

unus eorum, qui rem divinam facerent, quasi in perpetuam rei memoriam in lupum mutaretur, pristinamque figuram nisi decimo anno non recuperaret, si intra hoc spatium humana carne abstinuisset^{a)}). Paulo prolixius Apollodorus^{b)}). Narrat is Lycaoni fuisse 50 filios, qui cum omnes suae aetatis homines superbia et impietate erga deos superarent, Jovem exploraturum eorum animos, assumpta operarii specie, ad eos devertisse, hospitioque exceptum, appositis sibi inter sacra extis infantis vicini cujusdam, quem hortatu majoris natu fratris Maenali mactaverant, adeo ira exarsisse, ut mensam subverterit (unde Trapezunti nomen) patremque cum filiis, uno Nyctimo excepto, fulmine percusserit. A quibus auctoribus Tzetzes^{c)} ita dissentit, ut Jovem nemini pepercisse dicat, omnesque Lycaonis filios una cum patre in lupos mutavisse.

§ 2. Hae Arcadum de Jove Lycae fabulae, sicut aliae plurimae, quae aliunde repetitae cum illis conferuntur, fidentius argutiusque a mythologis explicari solent, quam verius, tantumque abest, ut natura Jovis cognominisque ratio a VV. Doctis demonstretur, ut potius eorum opera in irritum cedat, nec vera Jovis aestimatio iniri queat. Cujus rei causam si quis quaerat, nullam aliam inveniet, nisi quod harum rerum interpretes, ne in levioribus laborasse videantur, nimis altos quaestionum sinus facere soleant, viamque malint tortuosam sequi quam rectam. Quod ut appareat, producam recentiorum sententias, quibus rem extra omnem controversiam constituere arbitrantur.

§ 3. Cum Λυκάων a Λύκος plerisque VV. Doctis optime derivari posse videatur, accedatque, ut Lycaonis nomen ejusdem sit radice, cum praeterea de ejus in lupum mutatione fabulam respiciant, incidunt in opinionem cognomine Lycae propriam aliquam Jovis vim denotari, atque id negotii sibi primum dari recte existimant, ut, quomodo lupi notio cum Jove connexa sit, reperiatur. Creuzerus^{d)}, vir acerrimi ingenii atque in hoc genere litterarum rarissimus, lupum in hieroglyphicis Aegyptiorum litteris lucis symbolum fuisse ait, quippe qui Horo, quem Aegyptiorum Apollinem esse constet, consecratus fuerit, contenditque apud Graecos etiam eandem lucis notionem cum lupo fuisse conjunctam. Attamen argumenta, quibus vir doctissimus ad probandum nititur, totidem quasi testes sunt, qui contra ipsum clamant. Quod enim affirmat apud Aegyptios et Graecos lupum lucis symbolum fuisse, colligit ex fabulis, in quibus lucis notio a

a) Paus. VIII, 2, 6.

b) Apollod. lib. III. cap. 8. Cf. Ovid. Met. 1, 198 ss.

c) Lycophr. 481. Mittimus alia ad idem exemplum concinnata. Sic Apud Eratosthenem scriptum est Jovi immolatum fuisse Arcadem, eundemque post ab integro in vitam restitutum. Eratosth. Catast. 8. Secundum Apollodorum, Lycaonis epulas diluvium secutum est, cui nemo praeter Nyctimum supervixit.

d) Vide versionem gallicam J. D. Guignautii, vol. II. cap. 6. p. 532. Cap. 4. p. 108, 121 et alibi.

lupo est alienissima. Id dicendum de fabula, in qua Osiris in pugna Hori cum Typhone, assumpta lupi forma, auxilium filio ex inferis dicitur tulisse^a), ubi minime dubitat Creuzerus, quin de luce sit cogitandum. Quae sententia quantum ab omni veritate remota sit, vel tantisper examinanti manifestum est. Etenim ne sub cogitationem quidem cādit, ut ex inferis unquam lux possit emergere. Nec vero plus huic rei confert fabula, in qua Latona dicitur specie lupina induta Delon venisse^b), quandoquidem nisi Latonam, contra unice veram opinionem, qua dea noctis esse putatur, deam lucis putaverimus, maxime vereor, ne aliud quid hic etiam lateat. Parum quoque adiuvat propositum etymologica vocum similitudo, quae in argumentum a V. D. advocatur, cum ei etymologia plane diversa a Hesychio opponatur. Λυκάβας, annus solaris, quem Creuzerus ἀπὸ τοῦ λύκου derivatum esse vult, ex Hesychii sententia, vocabulum suum traxit, παρὰ τὸ λυγαῶς βαίνειν, ὃ ἐστὶ σκοτεινῶς λεληθότως γὰρ ὁ χρόνος διέρχεται^c). Simili modo Apollinis cognomen Λύκειος, confusum ab antiquis interpretibus cum Λυκαίῳ, quod Creuzerus ita interpretatur, ut dicat Lucetium vertendum esse, a Hesychio adjectivo φοβερός explicatur^d). En gravissima Creuzeri argumenta, quae parum valere in rem probandam quis non viderit. Eidem opinioni favent: Klopfer^e), Stackelberg^f), Preller^g), Richter^h), Schwenckⁱ), Leontieff^k), Baehr^l), Stoll^m), Hartungⁿ).

§ 4. In diversum ivit J. G. Hug^o), qui in explicanda fabula, in qua Latona, assumpta lupae specie, Delon migrasse dicitur, lupum esse crepusculi symbolum opinatur, idque perspicui posse sibi persuadet cum ex significatione vocis λυκόφως, quod Graecis crepusculum^p), tum ex ritu Aegyptiorum sacro, cujus mentionem facit Herodotus^q). Vulgata nempe

a) Diod. Sic. 1, 88. cf. a Crenzero citata ad cap. 4. p. 121.

b) Aelian. H. An. 4, 4.

c) Hesych. s. v. Λυκάβας.

d) Hesych. s. v.

e) Paul Fr. A. Nitsch, Neues mythologisches Wörterbuch, Leipzig, 1821, s. v. Jupiter.

f) In libro qui inscribitur: Der Apollotempel zu Bassae in Arcadien. Rom, 1828, quem nomine tantum mihi notum esse fateor. Disputavit auctor, teste Guignautio, quem supra laudavi, quaedam de Jove Lycaeō, consentitque cum Crenzero, ut ex notis Guignautii apparet.

g) Lexic. Paulyi s. v. Jupiter.

h) Phantasien des Alterthums.

i) Die Mythologie der Griechen. Frankf. a. M. 1843.

k) О поклонении Зевсу въ древней Греціи. Москва, 1850.

l) In notis ad Herodotum IV, 324.

m) Handbuch der Religion und Mythologie der Griechen und Römer, Leipzig. 1864.

n) Die Religion und Mythologie der Griechen. Leipzig, 1866.

o) Untersuchungen über den Mythos der berühmten Völker der alten Welt, vorzüglich der Griechen. p. 174, 175.

p) In possessionem ivit hujus sententiae Nitsch, qui in lexico mythologico mire se torquet et macerat in Latonae natura explicanda, cum probare vult Latonam crepusculi deam fuisse.

q) Herodot. lib. II, cap. 122.

erat per Aegyptum fabula, Rhampsinitum regem vivum olim ad inferos descendisse, ibique cum Cerere alea lusisse, dein rursus in lucem emeruisse. Quem illius descensum celebrabant quotannis Aegyptii, relinquentes unum e sacerdotibus, obligatis oculis, in via, quae ad Cereris templum ducebat, fingeantque eum a duobus lupis in templum duci atque reduci. Suspiciatur V. Doctus lupos hosce medium quid indicare inter lucem et tenebras, nimirum crepusculum, suamque sententiam stabilire nititur iis, quae de luporum natura ab aliis commenta tradit, eos scilicet in Aegypto minoris esse ferocitatis, quam in septentrionalibus regionibus, ideoque non interdiu grassari, sed vesperscente die e latebris suis exire, primoque diluculo aufugere. Ut haec vera sint, vix tamen, ac ne vix quidem, fieri potuit, ut inde illa symbolica crepusculi significatio lupo adhaeserit, etenim quid causae est, cur non potius feram per totam noctem discurrentem pro noctis symbolo acceperint Aegyptii vel, si vis, diluculi, quemadmodum jam Macrobius scribit vocabulum λύκος a nonnullis explicari: «Ipsos quoque λύκους ἀπὸ τῆς λύχης, id est a prima luce appellatos quidam putant, quia hae ferae maxime id tempus aptum rapiendo pecori observant?»^{a)} Etiamnum et illud accedit magis ad rem pertinuisse, ut Aegyptii Rhampsiniti descensum ad inferos quocunque modo, vel symbolo, significarent, quam ut horam, qua ille descendisset, stricte definirent.

§ 5. Tertia est eorum sententia, qui, servata feritatis imagine, cum animalibus rapacibus conjuncta, lupum symbolum fuisse censent vindictae divinae, acrioribus suppliciis sceleratos homines coercentis. Hanc notionem inesse compluribus nominibus a λύκος derivatis, ut Λυκαῖος, Λύκαιος, Λύκειος, Λυκάων, Λυκοῦργος, Λυκομήδης, idque fabulis antiquis arbitrantur comprobari. Stühr^{b)}, vir in cognoscendis rebus multi studii, ex fabula de Lycaone in lupum mutato, qui dignas sceleris admissi poenas persolverat, colligit inditum fuisse Jovi cognomen Lycaeο, ut scelerum esse vindicem ultoremque appareret. Idem lupum Apollini sacrum nihil aliud significasse ait apud veteres Graecos, quam promptum ad ulciscendum animum dei, qui pestem, morbos, locustas aliaque mala hominibus immittere putabatur; qua etiam mente positum fuisse Delphis aeneum signum lupi^{c)}, qui thesaurum templi furto surreptum detexerat. Hunc cum teneat V. Doctus significatum, minime dubitat, quin Λύκειος idem sit qui Λυκαῖος, eandemque exprimat notionem^{d)}. Comparari possunt, quae disputat de hac re Winckelmann^{e)}, ac de Apolline Lyceo Haupt^{f)}. Haud praetereundus tandem Wehr-

a) Macr. Sat. 1, 17.

b) Allgemeine Geschichte der Religionssysteme der heidn. Völker p. 196.

c) Paus. X, 14, 7.

d) Vide in universum, quae disputavit V. D. p. 37, 140, 195, 206, 223, 279.

e) Lycargus p. 42.

f) Cf. ejus excursus in Aeschylī Sept. contra Theb. p. 317.

mann^{a)}, qui inimicam luci vim et contrariam lupo mēsse opinatur, eundemque symbolum fuisse ait hiemis, tempestatum ac tenebrarum. Quae lupi significatio licet impropria, propius tamen accedit ad veritatem, quam quae a Schwartzio lupo inculcatur^{b)}, cum eum symbolum Apollinis victoris V. D. esse dicat. Ab his omnibus C. Otf. Mueller^{c)}, vir antiquitatis diligentissimus, ne iter a multis tritum ingrediatur, ita dissentit, ut Λουζιον, non a vocabulo Λύκος repetat, verum ab obsoleto, Λύχη, cognato cum Latinorum voce lux, cujus vestigia in Λευχός, Λύχρος aliisque nominibus appareant, nec desunt, qui huic sententiae adstipulentur, ut Bothe^{d)}, Duncker^{e)}, Welcker^{f)}. Qua de re Viris Doctis Macrobius praeisse videtur, cujus etymologiam vocis Λύκος supra ascripsi.

§ 6. Cum igitur Viri Docti, praeter Otf. Muellerum, quique eum sequuntur, in enodando Λουαίου et Λουείου etymo praesidium a lupo petentes nunc hanc nunc illam in eo reperisse opinentur notionem, eaque pro lubitu in suum usum arrepta, naturam horum deorum explicare annuntantur, duae omnino diversae ortae sunt de Jove sententiae^{g)}: 1) Deum lucis esse, quae opinio et multa est eaque jam fere pro vero recepta, 2) Terribilem deum scelerumque humanorum vindicem. Sed utrumque falsum esse persuasum habeo, quod ut appareat fabulas antiquas scriptorumque veterum testimonia operae pretium est altius considerare, quorum pravam explicationem erroris causam extitisse quivis facile intellexerit. Priusquam autem ad explananda singula accedam, liceat mihi iis quorum interest, unum veluti scrupulum injicere. Quid causae est, cur ne una quidem ex istis notionibus, quas lupo adjunctas esse volunt, ad illustrandos ritus fabulasque sufficiat, in quibus fit mentio lupi? Dum caeca expectatione pendeo, quid responsuri sint ad hanc objectionem Viri Docti, quaeramus si forte possit fieri, ut alia verisimilior notio in lupo lateat. Quid quod fabulas antiquas Aegyptiorum examinantibus ultro sese offert lupi cum inferis consociatio? In fabula, quam acceptam retuli Diodoro^{h)}, Osiris in pugna Hori cum Typhone auxilium filio ex inferis tulisse dicitur, specie lupina indutus. Apud eundem Diodorum legimus alibiⁱ⁾, Osirim, ut homines a fera agrestique vita ad cultum humaniorem deduceret, expeditionem

a) Wehrmann, das Wesen und Wirken des Hermes, 2. p. 19 ss. Magdeb. 1849.

b) Schwartz, de antiquissima Apollinis natura. Berolini 1843. p. 37 — 40.

c) Prolegom. p. 290. Dor. 1, p. 306.

d) Ad. Iliad. 4, 101.

e) Duncker, Geschichte des Alterthums. Tom. III. p. 23.

f) Welcker, Griechische Götterlehre, Göttingen, 1857. Tom. I. pp. 65, 210, 481 notae.

g) In Hugonis sententiam nemo, quod sciam, discessit, quae si cuipiam arrisisset, Jovem Lycaum crepusculi deum esse probatum irret; quod vero ad Otf. Muellerum ejusque sectatores attinet, re consentire eos cum Creuzero quivis videt.

h) Diodor. 1, 88.

i) Diodor. 1, 18.

suscepisse sociosque habuisse, praeter caeteros, Anubim et Macedonem filios, quorum ille canis, hic lupi forma assumpta patrem sit comitatus. ubi lupus cum Osiride, quem ipsum diis inferis annumeratum scimus^a). conjungitur. Pertinent huc etiam, quae de Rhampsinitū descensu ad inferos, ab Aegyptiis quotannis celebrato, supra retuli. Id si teneamus, verendum fortasse erit, ne inter lupum et inferos vinculum aliquod intercedat in antiqua Aegyptiorum religione quaerendum. Suspicionem cuius augere possunt antiqua Aegyptiorum monumenta. In sarcophagorum nempe mumiarumque picturis, ubi animarum in alteram vitam migrationem, ac veluti Tartari arcana effingi consentaneum est ut putemus^b), videre saepius est luporum formas. Fidem facere potest pulcherrimus sarcophagus Aegyptius Musei Odessani e lapide syenita affabre factus, cujus operculum feminam resupinatam exsculptam repraesentat, hieroglyphis et picturis in lapide exaratis ornatam. A lateribus figurae sunt, quarum altera capite accipitris. altera autem capite lupino praedita; in imo operculo duo canes aurei. Similem sarcophagum a Perrotio descriptum et illustratum habemus^c), hieroglyphis picturisque et ipsum ornatum, quarum una mulierem nobis sistit placentam tribus animalibus lupo, cani et arieti porrigentem. Mulierem Perrotius animam defuncti esse putat, lupum autem, canem et arietem janitores ante portas Elysii collocatos, nec dubitat, quin his animalibus Graecorum fabula de Cerbero originem debeat^d). In alia picturae parte^e) mortui jacentis corpus cernitur, cujus ante pedes duae formae humanae capitibus lupinis conspiciendae adstant, totidemque juxta caput accipitris faciem referentes. Custodes vel bona et mala inferorum daemonia cogitasse Aegyptios sub istis portentosis figuris quidni credamus? Pictorum certe figmenta haec esse, quae nullum occultum ac symbolicum sensum contineant, quis affirmaverit? Ceterum scimus accipitrem sacrum fuisse Osiridi et Apollini, bonum itaque genium vel lucidum hic repraesentare su-

a) Plutonem Aegyptiorum a nonnullis vocatum esse testis est Diodorus (Lib. 1, c. 25); alii eundem Mercurium fuisse apud Aegyptios retulerunt.

b) Verba de hac re Cl. Seyfarthi, olim professoris mei carissimi, honoris causa adscribam, qui quo loco de picturis, quibus varia antiquitatis Aegyptiacae monumenta ornata cernuntur disserit: in his, ait, tradita vidimus facta historica, ut ultionem Osiridis per filium Horum; adorationes et sacrificia deorum: agriculturae processum et negotia, judicia suprema animarum, deliberationes bene maleve factorum, ejusdemque generis alia. V. Seyfarthi Rudimenta hieroglyphices, Lipsiae, 1836. p. 41.

c) Essai sur les Momies. Histoire sacrée de l'Égypte expliquée d'après les peintures, qui ornent les sarcophages, par J. F. A. Perrot, Antiquaire. Nîmes, 1844.

d) Tab. IV. p. 28. Inter lupos Aegyptiorum Cerberumque Graecorum affinitatem quandam intercedere observavit olim Boettiger (Ideen zur Archäologie der Malerei. 1811 Dresden). Tricipitem illum fingi coepisse putat, quo primum tempore de tricipiti Hecate fabula nata sit.

e) Tab. IX.

spicamur, lupum contra malum, tenebricosum^{a)}). In imo praeterea mumiarum margine lupos sedentes aut stantes vulgo inveniri Zoega auctor est^{b)}, qui stantes monilia collo gestare dicit, sedentes autem flagello Osiridis armatos effingi. Accedit testimonium Hammeri, qui plerasque figuras in sceletorum sarcophagorumque picturis lupina capita habere scribit^{c)}). Hinc illustrari posse arbitror tabulam lapideam sepulcralem Graecam ante hos 25 annos in insula maris Aegei Therasia repertam, cujus apographum nuper, cum Petropolin in Academiam ex urbe nostra mitteretur, inspicere mihi contigit. Tabula defunctum insculptum exhibet in lecto accumbentem; ad lectum tripus, ante pedes figura minuscula cernitur, ut videtur, filii defuncti; juxta pulvinar lupus sedens; in summo lapide super caput defuncti tabula, ut opinor, picta, ad parietem suspensa, ambitu orbiculato, in qua nescio quid figurarum; in imo lapide inscriptio characteribus Graecis antiquissimis. Apparet hic lupum eadem mente positum, qua illum in Aegyptiorum monumentis sepulcralibus effingi diximus, nam de lupo vel cane a defuncto dilecto ideo cogitari non potest, quod ille hac significatione ante pedes defuncti collocatus fuisset, non vero juxta pulvinar, qui locus filio potius dari debuisset. Cum igitur haec lupi cum Osiride inferisque in fabulis et monumentis consociatio non possit esse fortuita, quid est, quod dubitemus eum, injuria contraque naturam suam a plerisque Viris Doctis perpetua luce damnatum, in pristinam civitatis infernae possessionem restituere.

§ 7. Sed ne quid nimis festinanter a me dictum videatur, auxilio veniant Aegyptiorum superstitioni, Aegyptio velut errore imbutae aliarum gentium opiniones. Videbimus maximam inter eas intercedere similitudinem, ita ut probabile fiat ex eodem fonte omnes dimanasse. Pascitur enim miraculis ac praestigiis vulgus, ac nesciens veri errores per manus tradit, mutua vero inter populos commercia patefaciunt iter fabulis easque remotissimae propagant posteritati. Neque adeo morum, religionis, imperiorum immutatio obstat, quominus conserventur, cum in gremio populi lateant ac velut pretiosa hereditas ab illo foveantur. Haud omnino repudianda est sententia Diodori, qui omnes de inferis fabulas ex Aegypto in Graeciam per Orpheum traductas esse asserit^{d)} Ὀρφέα φασὶ τὴν τῶν ἐν ᾧδου μυθοποιῶν

a) De accipitre cf. Dornedden, Pham. p. 296. Osiridis fuit symbolum (V. Zoegam de Obeliscis p. 183, 439, not 3 p. 443. not. 30) et solis, τὸν ἥλιον ἱερακόμορφον ζωγραφῶσαι. Horapollo 1. 6, p. 8. Cfr. Aelianus H. A. X, 24, qui adorari accipitrem a Tentyritis ait, propter comparisonem, quae ei cum igne sit, quod similiter atque ignis velox et violentus sit. Quae de lucido et tenebricoso genio dixi; stabiliuntur sarcophagorum picturis, quae defunctum lanci insistentem repraesentant, astantibus duobus geniis, altero capite accipitris, altero capite canis praedito. Ad iudicium animae post mortem haec referenda esse manifestum est, atque ita intelligenda, ut alterum genium bona defuncti factis appendere, alterum mala credamus. Cfr. Boettiger, Ideen zur Arch. p. 94.

b) De obelisc. p. 308—310.

c) Hammer, Fundgruben des Orients, V. p. 273 ss.

d) Diodor. 1. 1, c. 77.

ἀπενέγκασθαι. Cui Plutarchus adstipulatur^{a)}). Utrum vero Orpheus, an Aegyptii eas transtulerint coloni, directone ex Aegypto cursu, an interjacentes regiones pervagatae per Asiam minorem Thraciamque in Graeciam immigraverint, non est quod anxie inquiratur. Id potius, quod in rem praesentem facit, videamus. Apud Xenophontem^{b)}), ubi ille de solemni narrat ritu, quo foedus inter Graecos et Persas percutsum est, haec leguntur: ταῦτα δ' ὤμοσαν, σφάξαντες ταῦρον καὶ λύκον καὶ κάπρον καὶ χρίδν εἰς ἀσπίδα, βίπτοντες οἱ μὲν Ἕλληνες ξίφος, οἱ δὲ βάρβαροι λόγχην^{c)} *Haec quidem jurant, mactantes super clypeo taurum, lupum, verrem et arietem ac tingentes ense Graeci, hastam autem barbari.* Qui significationem symbolicam lupo adjunctam ignorarunt, negarunt prorsus intelligi posse, cur in ejusmodi sacrificio lupo commemoretur, ut Ablancourtius a Schneidero citatus, nec non ipse Schneiderus. Huic difficultati suppetias accurrit Bornemannus^{d)}), duosque locos affert e Plutarcho et Kleukero, quibus oppido quam mea firmatur sententia. Plutarchus morem fuisse Persis scribit, ut herbam quandam, *homoni* dictam, in mortario tunderent Orcum invocantes et tenebras, eamque deinde, sanguini lupi caesi permixtam in locum opacum efferrent ac projicerent, (πόαν γάρ τινα κόπτοντες, Ὅμωμι καλουμένην ἐν δλμῳ τὸν Ἄδην ἀνακαλοῦνται καὶ τὸν σκότον, εἴτα μίξαντες αἵματι λύκου σφαγέντος εἰς τόπον ἀνήλιον ἐκφέρουσι καὶ ῥίπτουσι^{e)}). Qui mos facile intelligitur, si cogitamus apud Persas lupum Arimanii filium et imaginem fuisse, ut testatur Kleukerus^{f)}). Quid enim est ipse Arimanius nisi Graecorum Pluto? Ita certe appellatum fuisse apud Persas Plutonem tradit Hesychius^{g)}). Adjice Diogenem Laertium^{h)}), qui malum deum apud Persas Orcum et Arimanium vocari dicit: Τῷ μὲν (scilicet Ἀγαθοδαίμονι) ὄνομα εἶναι Ζεὺς καὶ Ὅρομάσδης, τῷ δὲ (id est κακοδαίμονι). Ἄδης καὶ Ἀρειμάνιος. Eundem itaque fuisse patet ac Aegyptiorum Osirim, eodemque modo a superstitioso populo cum lupo conjunctum. Ex hac tanta inter Persicas et Aegyptias opiniones analogia cum satis eluceat vera ac propria lupi apud hosce populos significatio, facilius me Viris Doctis persuasurum existimo, lupum apud Graecos et Romanos inferis diis sacrum symbolumque Orci fuisse. Quam sententiam tantum abest, ut non unice veram esse putem, cum multis argumentis

a) Plutarch. in Iside et Osir.

b) Xen. Exp. Cyri, 2, 2, 9.

c) Sic haec interpungenda, non ut vulgo scribitur, commate post χρίδν posito, quam lectionem post Schneiderum et alios Bornemannus servavit. Cf. Aeschyli Sept. c. Theb. 43. Ταυροσφαγεῦντες ἐς μελάνδετον σάκος, ubi Scholiastes: οὕτω θέοντες ἐπ' αὐτῶν τῶν ἀσπίδων ἡμαντίζοντο. Clypei cavo sanguinem colligebant, quare super clypeo victimas mactabant.

d) Vide ejus edit. Exp. Cyri 1825.

e) In Iside et Osir.

f) In Persicis seu appendice ad Zend-Avestam T. 2, P. 3, p. 78 et 84.

g) Hesych. s. v. Ἀρειμάνης.

h) Diog. Laert. in prooem.

possit comprobari. In gemma quadam cernitur Hecate duobus capitibus lupinis conspicua, cum quatuor manibus effigiata, duas faces tenens, duasque sicas^{a)}. Quae ista, quaeso, nisi symbolica in terribili inferorum Maniumque dea lupinorum capitum ratio? Hinc facile intelligitur, cur in magicis veneficarum ritibus, quibus praefuisse Hecaten scimus, lupo commemoretur. Sic apud Horatium Canidia et Sagana veneficae inter magica sacra lupi barbam in terram defodere dicuntur:

Singula quid memorem? quo pacto alterna loquentes
Umbrae cum Sagana resonarent triste et acutum,
Utque lupi barbam variae cum dente colubrae
Abdiderint furtim terris, et imagine cerea
Largior arserit ignis, et ut non testis inultus
Horruerim voces furiarum et facta duarum^{b)}.

Quemadmodum autem veneficae in incantationibus lupi barba utebantur, sic magicarum artium ignari, eodem velut genere armorum ad avertendas incantationes uti necessarium esse putabant, qua de re Plinius^{c)}: «veneficiis rostrum lupi resistere inveteratum ajunt ob idque villarum portis praefigunt». Apud eundem legimus sponsas, quo fascinationem averterent, adipe lupino postes aedium unxisse, unde vocis uxor origo^{d)}. Hanc etiam ob causam veneficae induere luporum formam credebantur. Ita Propertius:^{e)}

Andax cantatae leges imponere lunae
Et sua nocturno fallere terga lupo.

Et Virgilius^{f)}: «His ego saepe lupo fieri et se condere silvis». Easdem lupos etiam cicurare potuisse testatur Homerus^{g)}, in lupos mutasse homines Virgilius:^{h)}

Setigerique sues, atque in praeseptis ursi
Saevire, ac formae magnorum ululare luporum:
Quos hominum ex facie dea saeva potentibus herbis
Induerat Circe in vultus ac terga ferarum.

§ 8. Quocirca, si notionem in lupo latentem respicimus, non amplius in spectrorum nocturnorum vocabulo, quae Graecis *μορμολυκεία* dicebantur, haerebimus. Ex duobus dissimilibus formatum est, quorum primum *μορμολυκεία* ἀπὸ τοῦ μορμύρειν, Lat. murmurare, derivandum, quo designantur larvae cum murmure et strepitu per noctis silentium ac tenebras incursantes. Cfr. Eustathius ad Odysseam: τὸ ἀναμορμύρειν, ἐξ οὗ καὶ ἡ μυθικὴ Μορμολυκεία πλάττεται, δαιμόνιον τι φοβερὸνⁱ⁾. Quod attinet ad alteram vocis partem,

a) Catalogue raisonné d'une collection générale des pierres gravées etc. etc. moulées en pâtes par J. Tassie. Londres, 1791, No 2054.

b) Horat. lib. 1 Sat. 8, 40.

c) Plin. H. N. 28, 44.

d) Plin. H. N. 28, 9.

e) Propert. 4, 5, 13.

f) Virg. Ecl. 8, 97.

g) Hom. Odys. K. 210.

h) Virg. Aen. VII, 18.

i) Hom. Odys. N. 240.

minime dubito quin a λύκος sit derivata, ad designanda spectra vel larvas ex inferis prodeuntes. Certe ab ipsa Hecate immitti putabantur, ut Empusa^{a)}, carniūque esse humanarum avidae, ut apud Philostratum scriptum est: ἡ χρηστὴ νύμφη μία τῶν Ἑμπουσῶν ἐστίν, ἧς Λαμίαις τε καὶ Μορμολυκίαις οἱ πολλοὶ ἡγοῦνται. Ἐρῶσι δ' αὐταὶ οὐκ ἀφροδισίων μὲν, σαρκῶν δέ, καὶ μάλιστα ἀνθρωπείων ἐρῶσιν καὶ πάλλουσιν τοῖς ἀφροδισίοις, οὓς ἂν ἐθέλωσι θαύσασθαι^{b)}. *Benigna nymp̄ha est Empusarum una, quas Lamias et Mormolycias vulgus putat; non venerem illas, sed carnes amant et quidem prae ceteris humanas, pelliciuntque rebus venercis, si quos velint devorare.* Hinc μορμολυκεῖα dicebantur spectrorum imagines, quae pro amuleto contra effascinationes de collo suspensa gestabantur, iisque saepenumero lupi caput insculptum invenimus^{c)}, aut ipsa amuleta in lupinam figuram formata. Sic, teste Blanchini, in agro romano inter antiqua rudera anno 1696 repertum est vas fictile ex argilla peregrina, nitentibus ramentis aurei coloris ac marmoreis frustulis interspersa cum inclusis amuletis hominum figuras XXXVI atque animalium diversorum paria XXI exhibentibus, ubi inter ceteras animalium figuras leones, pantheras, cervos, equos, asinos, tauros, vulpes, lupi quoque cernebantur^{d)}.

§ 9. Nec nisi hanc antiquiorem lupi significationem symbolicam respexisse videtur Hesychius^{e)}, qui, ut supra memoravi, Apollinis cognomen Λύκειον interpretatur φοβερόν. Quo sensu et virginum chorus in Aeschyli Septem contra Thebas^{f)}:

Καὶ σὺ Λύκει' ἀναξ, Λύκειος γενοῦ
Στρατῶ δαΐφ, στόνων αὐτᾶς.

Ubi scholiastes: Λύκειος πολέμιος; et alius: Λύκει' ἀναξ' ὁ λύκον ὀλέσας ποτέ; et ad Λύκειος γενοῦ: φοβερὸς καὶ οἷος ἐφάνης λύκῳ ποτέ. Quae facilia explicatu sunt, modo notionem, quam in lupo reperisse mihi videor, teneamus. Quid enim Apollini, qui deus lucis esse putabatur, cum lupo, nisi hoc animal Orci symbolum, quare et tenebrarum, crederent antiqui? Quod si ita est, facile fieri potuit, ut fabulam de Apolline lupos interimente confinxerint, quo designaretur perpetuum quasi inter lucem et tenebras certamen, victoriaque solis radiis suis tenebras dissipantis, cujus sub ortum nocturna spectra evanescerent. Nec profecto alia ratio cum istiusmodi figmentorum, tum ipsius λυκείου cognomenti inveniri probabilior potest, si cogitamus, quanta Apollini cum Dionyso et Osiride antiquissimis tempori-

a) Schol. Apoll. Rhod. 3, 8. Cf. Aristoph. Ranae 288 Lobeck. Aglaoph. 121, 223.

b) Philostr. Vita Apoll. Tyan. 4. 25. Cf. Plato, de rep. 1. 2. t. 2, p. 381.

c) Cf. Jahn, über den Aberglauben des bösen Blicks bei den Alten, p. 57.

d) V. La storia universale provata con monumenti. Opera di Monsignor Franc. Bianchini Veronese. Roma, 1747. p. 178, Cf. Gerhardi. Etruskische Spiegel. Berlin 1843 part. 1 p. 36.

e) Hesych. s. v. λυκεῖον.

f) V. 131. 29.

bus fuerit conjunctio. Ac de hac re infra disputaturus, hic tantum annoto Apollinis, aequae ac Dionysi et Osiridis, vim ad inferos quoque pertinuisse, neque dubitandum opinor, quin Apollo Corybantis filius, a Cicerone memoratus, et Dionysus Zagreus Cretensium idem deus fuerit. Quid, quod Zagreus Orci filius ab Aeschylo vocatur^{a)}? Adde Plutarchum^{b)}: Διόνυσον δὲ καὶ Ζαγρέα καὶ Νυκτέλιον καὶ Ἰσοδαίτην αὐτὸν ὀνομάζουσι. Quid Ἰσοδαίτης sibi velit a Hesychio discimus: Ἰσοδαίτης ὑπ' ἐνίων ὁ Πλούτων ὑπὸ δὲ ἄλλων ὁ Πλούτωνος υἱός. At eodem nomine et sol dictus est, ut e loco in Anecdotis Bekkeri apparet: Ἰσοδαίτης θεὸς ὁ ἥλιος, ὁ τὸν ἴσον ἐκάστω θάνατον διανέμων^{c)}. Sunt et alia argumenta, quibus natura chthonia dei demonstrari potest. Pertinet huc theologorum veterum opinio, qua Apollo Vulcani^{d)}, vel ipsius Dionysi^{e)} filius esse putabatur. Sed plus momenti in se habet derivatio nominis, quae est ab ἀπολλύναι, *perdere*. Haec etymologia placuit jam veteribus magnae auctoritatis viris, ut Archilocho, Hipponacti, Aeschylo, Euripidi, Ammiano^{f)}, eamque veram esse vel inde patet, quod multi Graecorum, teste Platone^{g)}, malam vim inesse nomini Apollinis crederent, adeo, ut illud ne pronuntiare quidem, eadem ratione, qua nomina Plutonis et Proserpinae, auderent. Quare minime audiendi sunt Viri Docti, qui his testimoniis non contenti, Apollinem ab ἀπέλλειν, ἀπείργειν derivari volunt, tanquam si ille quoad significationem idem plane sit, qui Ἀλεξίκακος, Ἀποτροπαῖος, *Averruncus*^{h)}. Nam quod ab iis praetenditur Apello fuisse antiquissimam nominis formam, eamque in quibusdam monumentis reperiri, ut in inscriptione Megaricaⁱ⁾, in Cadmi vase, quod Berolini asservatur, et in vase Vulcino, quodque adjicitur ita etiam apud veteres Romanos Apollinem vocatum^{k)}, mensemque apud Macedones Ἀπελλαῖον dictum, non protinus in causa est, cur eorum sententiae acquiescamus, cum Herodianus formam participii ἀπέλλων Doricam esse dicat^{l)}. Quod vero arbitrantur malam vim Apollini postea tribui coepisse, fidem non habet, quia deorum ethnicorum natura temporis progressu in melius potius, quam in pejus mutari solet. Accedit, quod ab Apolline pestis, morbi, locustae aliaque mala immitti credebantur, atque illum, ut deum chthonium, victimis humanis Iones placabant. Scimus enim morem fuisse Atheniensibus, ut Thargeliorum die festo duos homines coronis ceu victimas ornatos ad portas

a) In Sisyphe. Etym. Gud. p. 227. apud Lobeck. Aglaoph. 1, 621.

b) Plut. de El cap. IX, 228.

c) Anecd. Bekk. p. 267. Lobeck Agl. 1, 621.

d) Cic. N. D. III. 21.

e) Herod. II, 156.

f) a Welckero citati o. c. 1. p. 461.

g) Plato Crit. p. 403.

h) K. Otf. Mueller Dor. 1, 301; Schoemann Opusc. 1, 339; Welcker o. c. ib.

i) Boeckh. C. 1. No 1065.

k) Festus.

l) π. μὲν. Aἰῆ. p. 12.

urbis ducerent et cum imprecationibus de rupe praecipitarent^{a)}). Simile quid in Leucade usu venisse docet Strabo^{b)}). Nec praetereundus Scholiastes Euripidis^{c)}), qui originem proverbii: Θέσσαλον σόφισμα, *Thessalum commentum*, explicaturus, narrat Diotimum quendam Thessalum, cum oraculum Apollinis consulisset et ab eo monitus fuisset, ut caveret, ne inimici votis suis eum vincerent, hecatomben virorum Apollini promississe, nec tamen postea voto se exsolvisse, cujus exemplum secutos Thessalos quotannis tale sacrificium deo polliceri, sed numquam exsequi. Ex hoc Thessalorum more, si ejus originem missam faciamus, facile possumus suspicari Apollinem revera sanguine humano fuisse placatum. Quid tandem innunt illa nocturna, orgiastica Dionysi et Apollinis sacra ab Atticis et Delphicis mulieribus^{d)} in summo Parnassi jugo celebrata^{e)}), qui locus nostris etiam temporibus, a Graecis illam regionem inhabitantibus τὸ Διαβλάλωνο vel Διαμονάλωνο (Diaboli abies) appellatur^{f)}). Ex quo manifestum fit, cur Servius triplicem dicat esse Apollinis potestatem, eundemque esse solem apud superos, Liberum patrem in terris, Apollinem apud inferos, unde etiam sagittis, quae inter cetera insignia Apollini tribuantur, deum noxium et infernalem significari^{g)}). Ejusdem notae sunt, quae leguntur de Dionysio apud Ausonium^{h)}):

Ἀιγύπτου μὲν Ὅσιρις ἐγὼ, Μουσῶν δὲ Φανάκης,
Βάχχος ἐνὶ ζωῶσιν, ἐνὶ φθιμένοις Ἀἰδωνεύς,
Πυρογενήςⁱ⁾), δίκερος, τιτανολέτης Διόνυσος.

Unde Apollinem deprecantes terram petebant, ut tradit Servius, quandoquidem ipse et sol esse putabatur et Liber pater, qui inferos petiit^{k)}). Nec immerito Apollo a Romanis cum Vejove est confusus, ut ex Gellio discimus^{l)}), cujus verba ascribere placet». Simulacrum igitur dei Vejovis, quod est in aede, de qua supra dixi, sagittas tenet, quae sunt videlicet paratae ad nocendum. Quapropter eum deum plerique Apollinem esse dixerunt. Immolaturque illi ritu humano capra, ejusque animalis figmentum juxta simulacrum stat. Propterea Vergilium quoque ajunt multae antiquitatis hominem sine ostentationis odio peritum, numina laeva in Georgicis

a) Hippon. et Ananii fr. Gottingae, 1817, p. 68—71.

b) Str. 10, 452.

c) in Phoeniss. 1416.

d) Thyades, quas a Thya, Castalii filia, nomen accepisse dicit Pausanias (X, 6, 2), Dionysi et Apollinis sacrificulae (Paus. X, 22, 5). Easdem Hesychius vocat θεωράδας, τὰς περὶ Διόνυσον γυναῖκας.

e) Paus. X, 4, 1.

f) Ulrichs Reisen und Forschungen in Griechenland 1, p. 119 ss.

g) Serv. Ad Ecl. 5, 66.

h) Epigr. XXVIII.

i) Ut Apollo, Vulcani filius.

k) Serv. Aen. III, 93.

l) Gell. N. A. V. cap. XII.

deprecari, significantem quandam vim esse hujusmodi deorum in laedendo magis, quam in juvando potentem. Versus Vergilii hi sunt:

In tenui labor, at tenuis non gloria, si quem
Numina laeva sinunt, auditque vocatus Apollo.“

§ 10. Ex his omnibus colligitur et eos Viros Doctos falli, qui praemeditata opinione ducti lupo lucis significationem inculcare volunt, et eos, qui etymologiam cognominis Λυκείου ab obsoleto λύκη praeferendam esse sibi persuadent. Et probassent forsitan, nisi lupo tam arcte in religione vetere cum Apolline esset conjunctus, ut ab illo divelli sine maxima vi et injuria nequiret. Cujus rei argumenta cum ex ritibus sacris, tum ex fabulis monumentisque deprompta haec sunt. Lupis praecipuum honorem fuisse Delphis Aelianus auctor est^{a)}. Stabat ibi ante templum Apollinis prope aram maximam lupo aeneus, dedicatus ab incolis in memoriam lupi, qui instinctu, ut creditum est, dei pecuniam templi sacrilegio ablatam absconditamque indicaverat^{b)}. Fuit enim lupo dilectus Apollini, teste Plutarcho^{c)}. Quam apparet fuisse causam, cur Argis Apollini Lycio lupo immolarentur^{d)}, nam diis ea potissimum immolari solebant quae iis accepta erant et convenientia, id quod expresse docet idem Plutarchus.^{e)} Accedunt et illa, quae de antiquissimo apud Argivos Apollinis Lycii cultu prodita sunt memoriae. Erat Argis Pausaniae tempore templum Apollinis celeberrimum, quod a Danao Aegypto dedicatum olim fuisse cum statua dei credebatur. Ac hujus quidem dedicationis causam hanc tradit Pausanias. Cum Danaus Argos venisset, certamen illi fuit de regno cum Gelanore Sthenelae filio, cumque populus dubitaret, utrum alteri anteferebat, accidit, ut lupo in boum gregem pro muris pascentium impetu facto, taurum gregis ducem adortus prostraverit. Quod signum esse voluntatis divinae rati Argivi, imperium Danao adjudicavere, ille autem, quod lupo ab Apolline immissum putaret, Λυκείου id est Lupini aedem excitavit. Visebatur utique adhuc Pausaniae aetate pro aede solium, in quo incisa erat lupi et tauri pugna^{f)}. Erat praeterea Argis forum nomine Lycium et ibidem lupi effigies^{g)}. Non praetermittendum, quod Athenis quoque juxta Lyceum, quod antiquitus templum Apollinis Lycii fuisse perhibebatur, a quodam Lyco aedificatum, lupi signum stetisse a Pausania comperimus^{h)}. Eandem Apollinis

a) H. A. 12, 40.

b) Paus. X, III, 7.

c) Pyth. orac. 12.

d) Schol. Soph. El. 6.

e) Plutarchus, edit. Xylandri, 1570. T. II. Q. R. p. 284. Non audiendus itaque mihi videtur Welckerus, qui lupos in sacrificiis immolandi morem ita explicat, ut dicat lupos infestos fuisse gregibus et propterea ipsi Apollini.

f) Paus. II, 19, 4. II, 19, 7.

g) Eustath. ad Iliad. p. 354, 18. 443, 1.

h) Paus. I, 19, 8.

cum lupo conjunctionem animadvertere etiam est ex nummis Argolicis, Phocensibus, aliarumque urbium, in quibus lupo nunc dimidius, nunc totus, vel nonnumquam caput tantum lupinum cernitur, cum a parte antica saepius Apollinis caput aut solis facies inveniatur^a).

§ 11. Similiter explicari potest, cur Marti lupo fuerit consecratus^b); non quia animal cruentum et rapax proprium esse videretur ad significandas bellorum strages, sed quod dei, qui innumeras Orco mactaret victimas, et ipse non multum temporibus antiquissimis a ceteris diis inferis differret, aptissimum esset insigne. De natura huius dei quid sentire debeamus, per multa colligitur. Quid, quod ei etiam litare humanis hostiis mos fuit Lacedaemoniis^c)? Idem fecisse Thraces ex Ammiano scimus^d). Contra vero Cares immolasse ei canes proditum est, animalia Hecatae sacra, quorum in sacrificiis deorum superum nullus fuit usus, auctore Plutarcho^e). Huc pertinet testimonium Hellanici, qui fontem prope Thebas memorat, a dracone, filio Martis et Erinnyos, custoditum^f). Hunc cum Cadmus interemisset, octo annos Marti servire piaculi gratia coactus est, unde patet Martem cum Plutone in fabula confundi^g). In alia aequae narratione apud Homerum^h), cum Mars inclusus fuisse dicatur ab Alodis Oto et Ephialte in aeneum carcerem, de inferis est intelligendumⁱ). Adde his, quod Romanorum Mars a lupa nutritus esse fertur, eique sacra in luco Robiginis ove et cane fiebant. Non igitur sine causa Julianus Apostata in oratione εἰς τὸν βασιλέα Ἑλλήων, lupum Marti sacrum in inferis collocat.

§ 12. Nec alia ratio est Scyllae, monstri ex diversorum animalium

a) Mionnet, T. II, p. 229. Pl. 46, *M* 1. Eckhel D. N. 286 ss. Cfr. Welckerus o. c. 1, p. 479, 480, qui in nummis urbis Hadriae ejusque coloniae Tuderis lupum cubantem juxtaque eum citharam a parte postica, Apollinis caput imberbe a parte antica impressa inveniri (e Lanzi S. Etr. T. III. p. 643, tav. 2, 7) docet, recensetque aliarum urbium nummos huc pertinentes.

b) Unde Martialis dicitur Horatio Od. 1, 17, 9, Martius Virgilio Aen. 9, 566, et ipsum Martem lupo armatum vocat Lycophro (937, 1410). Eodem fere sensu intelligendus Ἄρξ; Λυκίεργος; Homeri, quod cognomen Boeckhio ex λύκος et ἔργω vel ὄργη conflatum videtur. C. 1. Gr. *M* 52. Aliter Welckerus, qui Λυκοῦργον *lucem arcantem* significare in Iliade vult, i. e. hiemem, utpote qui ibi Dionyso seu Baccho opponatur, alteram vero significationem, quae est lupos arcens, per paronomasiam ortam putat. o. c. 1, 416. Ne multis contra V. D. argumentis utar, hoc tantum annoto, Lycurgum quem contra deos pugnasse ex Homero notum est, quique Dionysum in summas angustias adduxisse dicitur, ita ut ille fugiens in mare sese praecipitaverit, nihil aliud fuisse, nisi Typhonem, ex Aegyptiorum fabulis notum, cujus vim cum ad inferos pertinere sciamus, Boeckhii conjectura a λύκος et ἔργω unice vera est. Cf. Hom. Il. Z. 130. Schol. Soph. Antig. 955 ss. Apollod. III, 5. Paus. 1, 20, 4.

c) Apollodor. apud Porphy. de Abstin. II, 55.

d) Ammian. 27, 11.

e) Plut. Q. R. II, p. 290.

f) Apud Welck. o. c. I, p. 416.

g) Hartung, o. c. II, p. 81.

h) Hom. Il., E., 385.

i) Cf. Hartung III, 175. In alia sententia est Welck. o. c. 1, 421.

membris compositi, quod utrum lupi habere veteres commenti sunt, cum de natura ejus daemoniaca cogitarent.

Prima hominis facies et pulcro pectore virgo
Pube tenus, postrema immani corpore pistrix,
Delphinum caudas utero commissa luporum a).

Quid enim est, cur non existimemus ejusmodi figmenta cum inferis cohaerere, cum sciamus Scyllam Hecates filiam fuisse^{b)}, magicisque incantationibus ac venenis in hanc formam versam. Alii eam in latrantes canes ab inferiori parte mutatam fuisse prodiderunt^{c)}, quod fere ad idem redit, quantum ad vim symbolicam pertinet^{d)}, et ad vocis etymologiam propius accedit, ut recte docet Hartung^{e)}, qui Scyllae nomen canem significare ait, formamque primitivam vocis κύων fuisse σκύων, ut ex derivatis σκύλαξ et σκύμνος (catulus) elucet, quae a σκύλλω veniunt, unde et σκύλον, spoliū. Idem in συλᾶν literam x excidisse putat, ut in κύων σ.

§ 13. Hactenus de veteribus, nunc ad recentiores populos veniamus, quorum ex fabulis eadem symbolica lupi vis elucebit. Mala inferorum daemonia luporum formam induere credebat olim superstitiosum Slavorum vulgus, idcirco omnia tribuebat lupis, quae daemoniorum perniciose vi fieri arbitrabatur. Ex quo intelligimus, cur, cum videret solem aut lunam nubibus obrui, hoc tenebrarum cum luce velut proelium ita explicaret, ut lupos invadere solem aut lunam diceret. In occidentalium Slavorum fabulis sol pugnare dicitur cum malo daemone, qui eum adoritur lupi formam indutus. Hodie etiamnum filicti herbam, quae in igneum florem emicare creditur, fama apud Chorutanos est tum florere, cum sol nigrum vincat lupum, ideoque daemonia summa vi obluctari, ne floreat, sed frustra. Eandem ob causam herbam, cui ad abigenda daemonia maxima vis inesse creditur, praeterquam quod vulgo Cupalo, Volcoboī etiam nominatur, Latine *Lupicidam* dicas. In Institutionum veterum Rossicarum libro, qui inscribitur Cormtschaia, locus est, ubi haec leguntur: siquando interit luna aut sol, lupos dicunt lunam aut solem devorasse. Huc etiam pertinent Chronicorum verba de solis defectu, ubi ille similiter devorari dicitur. Illud aequè inter annotanda ponas licet, quod veneficas, quas cum daemoniis commercia habere putet vulgus, lupis alatis vehi in fabulis inveniamus. Unde nec magicorum medicaminum compositiones sine lupi corde a veneficis fieri putantur. Ex eodem fonte fluxerunt nonnulli ritus sacri. Coladae festum celebrantes Slavos in Polonia lupi vel tauri imaginem circumduxisse olim proditum est, quacum ante domos subsistentes carmina cecinisse ludosque

a) Virg. Aen. III, 427.

b) Schol. Odyss. M. 85.

c) Propert. 4, 4, 37.

d) Vide infra de symbolica canis significatione.

e) Hartung o. c. III, 210.

celebrasse^{a)}). Quam analoga haec sint cum veterum idololatrarum fabulis ritibusque magicis, ex iis, quae a me supra allata sunt, patet.

§ 14. Non aliena ab his sunt, quae de Germanis leguntur. Nomen ipsum lupi, recte observante J. Grimm^{b)}); cum in lingua vetere Germanica varg audiat, comparari potest cum Slav. Vrag (hostis), quod in dialectis quibusdam Slavicis daemonium malum significat. Eadem vocis significatio fuit apud priscos Anglosaxones, qui sicarios, periuros et adulteros in Nāströnd diu a torrentibus rapidis jactatos denique a lupo (vargr) et serpente (nidhögr) lacerari persuasum habuere^{c)}. Adjice nunc, quod vetulas in silvis degentes (easdem sagas esse puta) lupos a venatoribus exagitatos in casis suis occultare credunt rustici, ideoque luporum matres (Wolfmütter) eas indigetant, quod praeterea in magicis incantationibus, quoties veneficae conjuges novos perdere constituerint, lupi corde eas uti putat vulgus, quo in viam projecto perterrefactos equos per devia locorum currum rapere atque frangere. Quae quamvis ejusmodi sint, ut non amplius de lupi apud Germanos significatione ambigi queat, verumtamen unum adhuc sublegere placet e Scandinavorum fabulis sententiae meae firmamentum. En mundi interitus ex eorum opinione descriptionem^{d)}): solem et lunam continuo insectari dicuntur duo lupi e Phenridis genere, summaque vi niti, ut his astris potiantur. Phenris nomen lupi est ab immundo daemone Loca oriundi. Huic tres filii fuere Lupus, Serpens et Gela (Mors). Dii nutrivere lupum, verum admoniti imminere sibi ab illo exitium, catena compescendum eum statuere, quam cum saepius rupisset, magica tandem catena ab ipsis fabricata, cujus firmitudo formidabili lupi robori resistere posset, rupi eum alligavere. Ante mundi interitum omnia mala ad exitium generis humani incumbunt. Per triennium hiems erit, acerbissimumque frigus, gelidissimique venti, ipseque sol pristina benefica vi sua privabitur. Hoc temporis spatium in Edda lupinum appellatur. Hoc etiam proeliorum caediumque tempus erit infernique daemones, vinculis soluti, contra deorum superum opera conjunctis viribus irruent. Calamitatem exceptura est calamitas, nec erit longa mora exitii. Luporum unus devorabit solem, alius potietur luna eamque terribili afficiet damno, sidera a firmamento avulsa decident, terra crebris concutietur motibus, libertatemque suam Phenris diu coërcitus recuperabit. Immenso rictu diducet ille rostrum, cujus pars superior attinget coelum, inferior terram. Aëre tandem et mari incensis, coeloque fracto, Phenris devorabit Odinum.

a) Athanasiev, de zoomorphicis diis apud Slavos commentatio, in Ephemeridibus patriis, Petropoli, 1852.

b) Deutsche Mythologie II, 948, ss.

c) Völuspá 35. Cf. Ettmüller, Beowulf, Heldengedicht des achten Jahrhunderts, Zürich, 1840. not. ad vers. 594, p. 89, 90.

d) Grimm II, 774 ss. 11,263. 1, 224.

§ 15. Plura ad eandem rem probandam congerere taediosum foret^{a)}, tantumque abest, ut exercere verba videri velim. Quomodo autem factum sit quaerentibus, ut ejusmodi symbolica significatio lupo accesserit, sententiam meam aperire haud detrecto. Animos vulgi superstitione imbutos vanis terroribus obnoxios esse quotusquisque est qui nesciat? Quodnam vero tempus magis ad terrorem augendum aptum est, quam nox, quae proinde, juxta poetarum descriptionem, Erebi filia, Furiarum mater, somni et Mortis nutrix appellabatur. Quapropter, simulac tenebrae terras oppresserint, obversari spectra, insidias struere daemonia, sagasque nefanda peragere ministeria, sicut hodie, ita etiam antiquissimis temporibus credidisse rude vulgus consentaneum est, ut putemus. Quod cum ita est, facile fieri potuit, ut lupum, feram saevissimam, quae potissimum per noctem grassari soleret, ululatusque rumpere noctis silentia, cujus in tenebris igne micantes oculi^{b)} tanto majorem incuterent terrorem, pro symbolo tenebrarum, maximique noctis Arbitri, umbrarumque potentis Orci, ut verbis Claudiani utar^{c)}, acciperent. Haud parum quoque valuit ad istam opinionem magna lupi cum cane similitudo, quam consecrationis illius fuisse causam opinabantur jam Aegyptiorum nonnulli, teste Diodoro^{d)}. Canem certe diis inferis sacrum fuisse non ambigitur. Hecates Furiarumque eum comitem vocatum scimus diisque inferis immolatum^{e)}. Cujus rei cum alii, tum Plutarchus testis est, qui fere omnes Graecos cane in piaculis usos esse ait, istumque morem in suam usque aetatem perdurasse, ut nonnulli eo utantur pro piaculari hostia, Hecataeque inter alia purgamenta etiam catulos offerant, expiandosque catulis tangant. Quam februationem lingua Graeca περισχυλακισμόν vocari. Idem addit apud Boeotos publicum esse sacrificium, quo, cane in duas discisso partes, per earum medium lustrantes sese transeant. Nec ulli coelitum umquam canem immolatum fuisse, utpote qui non usque quaque mundus ab antiquis judicatus sit. Quapropter et Romae lege vetitum esse, Flaminem Dialem cum tangere eum tum nominare, et apud Graecos eum arce Atheniensium insulaque Delo prohiberi^{f)}. Ceterum, quae a Plutarcho de immunditia canis hic dicuntur,

a) Quam late medio aevo per Europam disseminata fuerit opinio de hominum in bestias et praesertim lupos transmutatione, quae fieri credebatur daemonum vi praestigatoria, multis docet Rud. Leubuscher in Dissert. de Lycanthropia medio aevo, Berlin 1850. Vide etiam Welckerum, qui hujus superstitionis originem ab antiquissimis temporibus repetit. Kleine Schr. 3, 160; Mythol. 1, p. 212. Multas quoque conguessit fabulas septentrionalium populorum Lobeck. Akad. Reden. p. 119 ss., cui λύκος cum λύσσα cognatum rabiem significare videtur.

b) Sunt, qui hanc proprietatem oculorum in causa fuisse dicant, cur lupo symbolica lucis significatio accesserit, quorum manifestum errorem demonstrare nec libet, nec vacat.

c) Rapt. proserp. 1, 55.

d) Diod. L. 1. c. 88.

e) Cf. Heind. ad Hor. Sat. 1, 8, 35.

f) Plut. Q. R. p. 280, 290.

levia sunt, nec ad rem pertinent, cum alioquin ejus cum Orco diisque Manibus conjunctio nota sit, qui

Orci janitor,
Ossa super recubans antro semesa cruento,
Aeternum latrans exsanguis territat umbras.

Hinc et custos Manium ac veluti libitinarius a Horapolline appellatur: ἐνταφιαστής εἰδώλων ὑπ' αὐτοῦ κηδευομένων^{a)}. Similis Persarum veterum opinio fuit, qui functorum animas a deo vultu canino praedito ad inferos deduci credebant^{b)}. Cujus opinionis fons haud scio an apud Indos sit quaerendus, cum in eorum Vedis via tenebris obsita, quae ad Elysium ducit, duarum canum custodiae commissa esse dicatur^{c)}. Communis quidem haec omnium populorum superstitio est, unde et Larum apud Romanos caninis pellibus amiciendorum morem illustrari posse arbitror ex magna, quae illis fuit, cum Manibus necessitudine, nec dubito, quin Larum cultus e Manium religione sit derivandus. Id quod ex Appuleji verbis elucet. *Est, ait ille, et secundo significatu species daemonum, animus humanus, emeritis stipendiis vitae, corpore suo abjurans. Hunc vetere lingua reperio Lemurem dictitatum. Ex hisce ergo Lemuribus, qui posterorum suorum curam sortitus, placato et quieto numine domum possidet, Lar dicitur familiaris; qui vero ob adversa vitae merita, nullis bonis sedibus, incerta vagatione, ceu quodam exsilio, punitur, inane terriculamentum bonis hominibus, ceterum noxium malis; id genus plerique Larvas perhibent. Cum vero incertum est, quae cuique eorum sortitio evenerit, utrum Lar sit, an Larva, nomine Manem deum nuncupant^{d)}*. Haec canis cum Orco diisque Manibus conjunctio usque in hunc diem in vulgi nostri opinionibus durat. Quid, quod canis ululatu rustici mortem aegris portendi credunt?

§ 16. Cum igitur de lupi significatione apud veteres Graecos dubitari nequeat, causa quaerenda est, cur eam Graeci ignoraverint. Oblitteratam enim et velut extinctam apud eos invenimus, quippe quam auctores nusquam ne verbo quidem memoravere. Hoc dicendum jam de Pausaniae tempore; neque enim, quo loco de Jove Lycaeο narravit, eam silentio praeteriisset, si quicquam ex sacerdotum aut vulgi traditionibus comperit haberet. Quin anteriorum Pausania auctorum nemo, quod sciam, ne Diodorus quidem, qui consecrationis lupi apud Aegyptios causas explicare studuit, de ea retulit. Similiter Scholiastae ignorasse eam prorsus videntur, quamvis de sacrificiis, quae apud Argivos Apollini Lycio lupis mactatis fiebant, prodiderint, fabulisque mythicis explicandis operam navarint. Apparet hinc eos aut naturam deorum priscam illustrari nefas putasse, aut opiniones de diis priscas adeo a recentioribus diversas fuisse, ut ne ex-

a) Hieroglyph. 1, 39.

b) Hartung. o. c. II, p. 85.

c) Id. ib.

d) Appul. de Deo Socr. Cf. August C. D. 9, 11.

plicari quidem potuerint. Quae auctorum ignorantia adducit me, ut ritus fabulasque, in quibus lupi mentio fit, reliquias esse antiquissimae religionis situ ac senio obsitas fidenter asseram.

§ 17. Primum praecipuumque illius religionis elementum deorum inferorum (θεῶν χθονίων) cultus fuisse videtur, utpote qui cum hominum agrestium rudiumque ingeniis vel maxime congruat^{a)}. Homo agrestis, ignorantiaque rerum rudis, cujus tota vita nihil aliud erat, nisi continua luctatio cum validis naturae viribus, cum omnem vim divinam in natura sitam esse arbitraretur, vix ac ne vix quidem poterat aliam in animo informare notionem deorum, nisi eos terribiles esse ac metuendos. Terrore certe attonitus prius fuisse, quam magnitudinem utilitatum, quas naturae beneficio perciperet, intellexisset, existimandus est; neque beneficam cunctisque vitam praebentem solis vim aut foecunditatem terrarum, ceteraque commoda ad informandas deorum notiones aequae valere potuisse ac tonitruum fragorem, fulminum ictus, terrarum tremorem, subterraneorum ignium eruptiones, incendiorum ruinas subito lapsu procidentes, aquarum molem terras quassantem, vastitatemque secum ferentes nimbis nivibus grandinibusque gravidas tempestates. Harum rerum contemplationem^{b)} causam fuisse, cur dii esse crederentur, putarunt jam veteres^{c)}. Ad has physicas rationes accessit mortis timor. Cum enim videret mortem ubique superesse ac undique imminere, exemplumque eorum recognosceret, qui fluviorum altis voraginibus hausti, aut in montium barathris conditi, aut in silvis a feris lacerati, aut quocunque modo uspiam exanimati interierint: terrore perculsus atque stupens rem ita explicabat, ut ubique locorum vitae humanae insidiantes deos sibi fingeret. Ex hac δαισιδαμονία (daemoniorum metu) nata sunt monstra effera et humano cruore gaudentia, longaue fabularum animos vulgi territantium series. Sed nescio an plurimum momenti ad hanc illius persuasionem mortuorum sepulturae attulerint, ut observat Baeumleinus. Summum enim jus summamque terrae esse sentiebat in homines potestatem, omnesque ejus praedam fieri tantum non quotidianis exemplis edocebatur. Corporibus humo tectis, cum ita mortuos in gremium ditionemque terrae traderet, in imis ejus recessibus numina putabat esse, a quorum arbitrio penderet, quae sibi carissima esset vita. Quapropter jam antiquissimi Graeci terram Matrem Deum et πρεσβυτάτην θεῶν indigebant^{d)}. Ea fuit religionis origo apud omnes idololatrias, cui

a) Cf. Bäumlein, Pelasgischer Glaube und Homers Verhältniss zu demselben, in Zimmermanni Ephemeridibus 1839 p. 1185.

b) Quas *coeli minas* vocant Romani, *rpoca* Russi.

c) Ut Cleanthes apud Cic. de N. D. 2, 5. Non abluunt hinc ista Petronii in fragm. primus in orbe Deos fecit timor. Cf. Stat. Theb. 3, 661. Nec nisi sapientibus, qui causas rerum inquirebant, manifestum esse coepit nihil horum deos facere. Cf. Sen. N. Q. 10, 3.

d) Hom. Hymn. 13. Procl. in Plat. Tim. Hesiod. Deor. gener. 453—457 Apollod. 1, 4.

priscae illae opiniones propriam et singularem notam impressere. Eorum dii sub terris habitantes vitaeque hominum inhiantes, sanguine ut plurimum humano erant placandi, in terrae specubus, per noctis tenebras, cum pio terrore animique consternatione. Quemadmodum enim nulla res est, quae non ejus, a quo nascitur notas reddat, ita et dii tales fuere initio, quales homines ipsi, qui eos sibi finxere: truces ipsi, truces atque cruore gaudentes dii, qui nisi caedibus tristibusque supplicationibus non poterant propitiari. Verumenimvero procedente tempore opiniones immutatae: ex quo homines a fera agrestique vita ad humanum cultum deducti coeperunt utilitates cuncta versantibus diis acceptas referre et simul bonum a malo in semetipsis discernentes, de bonorum praemiis, malorum poenis cogitare, novae vires diis sunt attributae novaque numina nata, aut plerisque, terribilibus ante et noxiis, benefica vis accessit, ita ut in sceleratos tantum saevire crederentur. In montium jugis, unde despiciebant res humanas, erectae arae, mollior mos ritusque sacrorum introductus. Ex quo perspicuum est, cur non antiquissimi tantum dii, sed plerique eorum, qui recentiores putantur, duplicem naturam habeant, ita ut, si poetarum commenta, fabulasque vulgi, ritusque sacros respiciamus, ad deos inferos et superos simul pertinere videantur. Quae quorundam deorum naturae diversitas magnum plerisque interpretibus facessere solet negotium, nec pauci fuere, qui, cum sibi praesto esset tanta veterum fabularum farrago, recentiores cum antiquissimis, haud perspecta earum indole omnique discrimine sublato, confuderint, omnemque figmentorum copiam ad unum velut religionis systema redegerint. Hi non attendisse animum mihi videntur, quantum inter fabulas, pro temporibus et locis, discrimen soleat intercedere, nec dispexisse intervalla, quibus singulae distant, quarum multas ex ore vulgi collectas non ad tempus, quo collectae sint, pertinere, aut si quae pertinent, non ejusmodi esse, ut ex iis de religione possit judicari. Exemplo sint mirae vulgi nostri fabulae, quas religionis partem constituere quotusquisque est, qui dixerit?

II.

§ 1. His praemissis ad Jovis naturam adumbrandam accedamus, de qua liquere nobis non posse judico, nisi eam ad formulam generalem, modo a me de diis veterum constitutam, exigamus. Nec existimo quidem diu nos haesitatu-ros, an credamus Jovem duplicem prae se ferre faciem, si fabulas Arcadum huc spectantes excusserimus, personamque illi, qua inquirentibus velut indutus apparet, detraxerimus. Opiniones utique de illo seriores ab antiquissimis sedulo distinguendas esse manifestum est, nec temere miscenda omnia, quae a Pausania ceterisque scriptoribus de illius in Arcadia cultu relata leguntur. Jupiter enim, quem Pausaniae aetate Arcades coluere, non amplius, quantum ad naturam ipsius, priscus ille Jupiter Lycaeus fuit victimis humanis gaudens atque noxius, qualem eum olim fuisse fabula de Lycaone ejusque filiis satis superque declarat, licet Porphyrius morem hominibus in sacris Lycaeis litandi multis seculis post obtinuisse tradat^{a)}. Cui quominus credamus, obstat Pausanias. Etenim non ille tam efferum morem, postquam victimae humanae in tota Graecia jam dudum erant abolitae, si etiam tum durasset, silentio praetermisisset, qui, cum sacra Jovis in operto (ἐν ἀπορρήτῳ) fieri dicat^{b)} et mox subjungat se noluisse ritus curiose inquirere, non ita est intelligendus, quasi ob eorum atrocitatem ab inquirendo abstinuisset. Platonis verba Min. p. 315 c., ubi sacra Lycaea non communi apud Graecos more fieri dicuntur, nihil probant. Imo Pausanias ipse alio loco rem extra omnem dubitationis aleam ponit. In colle urbis Pallantii fanum esse deorum narrat, qui Κεθαροί, id est Puri, appellantur, atque hujus appellationis causam fuisse conjicit, quod illis Pallas, Lycaonis filius, non eodem ritu sacrum fecerit, quo pater ejus Jovi Lycao^{c)}. Accedunt et alia testimonia, e quibus colligimus Jovem ex Arcadum illius aetatis opinione summum fuisse deorum, scelerum vindicem, in benemeritos autem beneficum. Hinc cum Arcades Aristocratem Messeniorum tyrannum lapidibus obruissent, in columna, quam in Lycaeï templo erexerant, hos versus incidi jusserunt:

Πάντως ὁ χρόνος εὔρε δίκην ἀδίκῳ βασιλῆϊ.
Εὔρε δὲ Μεσσήνης σὺν Διὶ τὸν προδότην
Ῥηδῖος χαλεπὸν δὲ λαθεῖν θεὸν ἐπίτορχον.
Χαῖρε Ζεῦ βασιλεῦ, καὶ σάω Ἀρχαδίαν^{d)}.

a) Porphy. de Abst. 2, 27.

b) Paus. VIII, 38, 5.

c) Paus. VIII, 44, 3.

d) Paus. IV, 22, 7.

At idem ille Jupiter colebatur in quodam Arcadiae vico sub titulo Boni dei^{a)} et clemens facilisque erat in hominum precibus audiendis, si quando segetes Arcadicae siccitate arescebant, imbribusque eas recreabat^{b)}. Verumtamen, quod proprium divinae majestatis est, non sine noxa et piaculo aream ei consecratam adire licuit, ita ut, si quis loci religione contempta introiisset, intra annum e vita excederet^{c)}. Hanc majestatem dei cum sacerdotes magis augere vellent aciemque colentium praestringere, addebant et alias prodigiosas narrationes. Homines ajebant et bestias, quae forte intra illius loci ambitum stetissent, nullas e corporibus umbras projicere^{d)}. Occultum hujus fabulae sensum ita explicat Schwenck^{e)}, ut dicat perspicuum esse ibi non posse de umbra cogitari, ubi dei lucidi sedes sit, nec improbabilis V. Docti interpretatio est, si cogitamus Jovis vim illa aetate ad coelestia pertinuisse, ut ex fabula de attracta ab ejus sacerdotibus tempore siccitatis pluvia, colligimus; sed maxime vereor, ne sub hujus figmenti involucro is sensus lateat, quod homines et bestiae in illa area ἀόρατοι seu invisibiles fiebant. Id colligo ex Plutarcho^{f)}, qui eos, qui in area stetissent, ἐλάφους id est cervos vocatos ait, atque hoc vocabulum inde ortum puto, quod Graeci verbum ἐλεφαίρειν, *ad nihilum redigere*, in animo habuerint. Similis causa fuit, ut recte observat Hartung^{g)}, cur Homerus somnia vera per Portam corneam, inania vero et vana per eburneam exire dixerit, nam adjectivum κεράτινος de substantivo κέρας flexum est, quod ad verbum κραίνειν respicere nos cogit, contra ἐλεφάντινος, ab ἐλέφας derivatum, facile verbum ἐλεφαίρειν nobis sistit.

§ 2. Cum igitur vis Jovis Lycaeii tempore historico longe ab illa antiquissima recessisset, facile intelligitur, cur Pausanias eum non a λύκος ita appellatum dixerit, verum a monte Lycaeo. Eadem causa est, cur in nullo, quotquot habemus antiqua monumenta, juxta Jovis effigiem lupus conspiciatur, quem certe in nummis Arcadiis, si animal ei sacrum fuisset, inveniremus^{h)}. At contra Pausaniae tempore duae aquilae pervetusti operis ante aram Jovis in montis Lycaeii cacumine positae visebantur et ipse

a) Paus. VIII, 36, 5.

b) De hoc Jove Pluvio infra erit dicendi locus. Fabulam ipsam pag. 5 retuli. Ceterum communis hic error est rudis vulgi, ut credat imbres et attrahi posse incantationibus et repelli. Cfr. Seneca N. Q. IV, 6.

c) Paus. VIII, 38, 6.

d) Paus. ib.

e) Mythol. 1, p. 18. Eadem est sententia Muelleri. Dor. T. II, p. 306.

f) Plut. Q. G. 390.

g) Mythol. 1, 137. 1, 155. Aliter Lobeck Agl. 1, p. 895.

h) In nummis Arcadicis Jupiter stans effingitur, hastam aut sceptrum sinistra gerens, aquilam dextra sustinens. Eckhel., 2, 293. Etenim nummi, quorum pars antica caput barbatus exhibet, aversa autem lupum dimidium capite radiato, certe non Jovis caput repraesentant, quemadmodum videtur Havercampio (ad Oros. p. 20) sed Apollinis, qui interdum barbatus in nummis Aesae et Miletii, effingi solet. Welcker, o. c. 1, p. 480.

mons ab Arcadibus Olympus dicebatur^{a)}), unde minime dubium est, quin Jovem Lycaëum non secus ac Olympium, ex communi illius aetatis Graecorum opinione, Arcades coluerint.

§ 3. Quae cum ita sint, nequaquam tamen idcirco sequitur, ut cognomen Lycaeï, quod ad naturam Jovis illustrandam plurimum valere Viri Docti existimant, *Lucetium* significet, cum ne Apollinis quidem Λυκείου cognomen ex veterum sententia ita explicari posse sciamus. Nec perperam huc trahenda fabula de Lycaone ejusque filiis ceteraeque ejusdem generis, ubi luporum mentio fit, quae remotissimam redolent antiquitatem atque ejusmodi sunt, ut ex iis nisi de natura Jovis antiquissima omninoque diversa judicari nequeat. Sed hoc procedente disputatione planius ostendam, ubi de cultus origine dicturus sum, nunc illud annoto fabulam de Lycaone, cujus nomen tam arcte cum Lycaeï cognomine ejusque cultu copulatum est, cum inferis conjunctionem manifestam habere. Quid, quod Lycaonis filius, qui Terrae rogatu servatus fuisse fertur, cum Jupiter ceteros fulmine percussisset^{b)}, vocatur Nyctimus, id est Nocturnus? Similiter Lycus Labdaci et Laji tutor fratrem habuit Nycteam^{c)}. Hos filios Spartae chthonii dicit Apollodorus^{d)}. Scimus praeterea Plutonis equum nomen habuisse Nyctei^{e)}. Numquid fortuitam hanc esse nominum consociationem quis dixerit? Non secus et Lycoro Lycorae urbis conditori, Apollinis filio Pausanias neptem fuisse narrat Κελαινὸν nomine, id est Nigram, e qua Delphum Apollinem suscepisse, eandemque ab aliis vocari Μελαίνην Nigram^{f)}; conferantur Plutonis nomina μελάμπους, μελάνιππος. Adjice nunc quod Lycus, qui in insulas beatorum missus fuisse in fabulis dicitur, filius Neptuni et Plejadae Celenus fuit^{g)}. Numquid fortuita haec sint, iterum iterumque a Viris Doctis lupo lucis significatum tribuentibus quaero, et annon potius ex cognomine Lycaeï, fabulisque de lupis, quae Jovi Arcadio sunt adjunctae, de cultu chthonio sit statuendum?

§ 4. Jam, quo id manifestius fiat, quaeramus, si fieri poterit, unde cultus Jovis Lycaeï origo repeti debeat, quo simul et fabularum Arcadicarum fons cognoscatur. Haud levia quidem habemus hujus rei indicia in fabulis, quas de Jovis in Arcadia ortu nobis servavit Pausanias. In monte Lycaeo natum illum asserebant Arcades ibique a Nymphis Thisoa, Hagno et Neda educatum, et quo magis Cretenses Jovem sibi vindicantes erroris

a) Paus. VIII, 38, 2.

b) Paus. VIII, 3, 1.

c) Paus. II, 6, 2. IX, 5, 5.

d) Apollod. III, 5, 5.

e) Claud. Rapt. Proserp. 1, 283.

f) Paus. X, 6, 3, 4.

g) Apollodor. III, 10, 1.

convincerent, locum ubi natus fuisset, ostendebant, quae Cretea dicebatur^a). Hoc commentum nihil aliud docet praeterquam, quod opinio de Jovis in Creta natalibus antiquior fuit et in Graecia vulgatissima, alioquin minime opus fuisset, ut nominis similitudine certarent; unde et illud perspicuum est cultum ex Creta in Arcadiam fuisse propagatum. Neque alia fuit causa, cur inter nymphas, quas Tegeae insculptas arae Athenae se vidisse tradit Pausanias, nomen Idae, montis in Creta insula Jovis natalibus clari, confinxerint^b). Rheam et Oenoam insculptas ibi fuisse discimus Jovem parvulum tenentes, atque utrinque adstantes nymphas. Ab una parte fuit Glauce, Neda, Thisoa et Anthracia; ab altera Ida, Hagno, Alcinoe et Phrixa. Sunt qui quaerant an quid ex hisce nympharum nominibus ad naturam Jovis illustrandam erui possit, sed lubrica res est, tum ob difficillimam quorundam etymologiam, tum vero etiam, quod pleraque varias propter causas conficta esse videantur. Cujusmodi sunt, quae attulimus, Thisoae, Hagnus et Nedae nomina, quorum istud a Thisoa urbe vel pago Megalopolitano, illud a Hagno fonte, hoc a Neda flumine tractum fuisse probabile est. Ceterum Creuzerus, vir in hisce rebus scrutandis sagacissimus atque unus ex iis, qui plurimum mythologiae contulerunt, e Megalopolitanorum monumentis, a Pausania descriptis, aliquid colligi posse arbitratur. Erat Megalopoli juxta Cereris et Proserpinae aedem Herculis statua et ante eam mensa, in qua duae Horae stantes erant effictae, Pan fistula, Apollo cithara canens. In mensa illa Nymphae: Neda Jovem infantulum gremio ferens, Anthracia facem, Hagno manu altera hydriam, phialam altera, Anchirhoe et Myrtoessa hydrias effluente aqua praeferentes^c). Anthraciam Creuzerus ignem significare vult, Nedam et Hagno aquam lustralem. Haec ille; at si monumentum illud probe consideramus, invenientur fortasse, quae Virum Doctum effugere. Qui enim fieri poterat, ut Apollo, qui Jovis filius a plerisque veteribus theologis dicitur, Jovi recens nato cithara cecinerit? At plures Apollines memorantur, quorum duo non Jove nati, sed alter Vulcani filius, quem antiquissimum vocat Cicero, alter Corybantis, natus in Creta^d). Uter igitur horum Jove antiquior? An Vulcani? At Vulcanus ipse Jovis filius esse putabatur. Igitur Corybantis, cui certamen cum Jove fuisse de possessione insulae Cretae apud Ciceronem legimus. De hoc Apolline mihi quaerenti illud occurrit, unde fortasse Jovis Arcadii naturae, atque cultus ejus origini major lux affulserit, Quid, si quis Corybantis filium eundem esse Apollinem Δύκειον et cum Magnae Matris cultu e Phrygia in Cretam ac deinde in Arcadiam venisse putet?

a) Paus. VIII, 38, 2.

b) Paus. VIII, 47, 3.

c) Paus. VII, 31, 4.

d) Cic. N. D. III, cap. 23. Cf. Tzetzes ad Hes. Opp., V. 1, p. 25. Ἀπόλλων τοῦ Κάρβαντος.

§ 5. Haud enim parvi pendenda est illa insulae Cretae cum Phrygia conjunctio, quae vel inde emergit, quod Jovis cunabula alii in Phrygio, alii in Cretensi monte Ida collocavere, quodque Jovem parvulum a Corybantibus, Matris Idaeae, seu Cybeles, sacerdotibus educatum fabulati sunt. Quo etiam pertinent, quae de Minoe II, rege Cretensium traduntur, qui filius Lycasti et Idae Corybantis filiae dicitur^{a)}. Nec credendus Demetrius^{b)}, qui Rheam inter deas a Cretensibus cultas numerandam esse negat, alioquin nec Diodori testimonium, qui fundamenta templi Rheae antiquissimi in agro urbis Gnossi sua adhuc aetate extitisse narrat^{c)}, nec Apollinis a Corybante in Creta ortus ejusque cum Jove de insula certamen explicari possent. Jam ipse Corybas quomodo a Cybele separari queat non reperio, cum et filius esse hujus deae a Cicerone dicatur^{d)} et nomen suum traxisse illum a Corybantibus aperta res sit. Cum Cybele atque simul cum Creta et cum Arcadia arcte eum cohaerere aliunde etiam discimus. Deorum Samothracum mysteria, quae in honorem Rheae celebrata fuisse affirmat Diodorus^{e)} aliique^{f)}, et inter quae et Phrygia mysteria nullum fuisse discrimen docet Strabo^{g)}, cum a nonnullis a Corybante instituta esse tradantur^{h)}, ab aliis tum ex Arcadia, tum ex Creta in Phrygiam migrasse dicunturⁱ⁾. Ex his satis elucet jam antiquissimis temporibus Phrygias religiones in Cretam penetrasse. Quod si cogitamus, quanta inter Sabazium Phrygum Dionysumque Cretensium, Apollinem et Pana necessitudo intercesserit, quid ni credamus Pana Lycaeum, cui antiquitus communia cum Jove certamina Lycaea Lycaon instituisse fertur, et Apollinem Λύκειον eundem deum fuisse atque illius religionem multum ad Jovis Lycaeii vim naturamque attulisse momenti? Sed ne a summis labris haec venisse existimes, Panos naturam excutere proderit, quo colligas eum ab Apolline

a) Diod. IV, 62.

b) Demetr. apud Strab. p. 472.

c) Diod. V, 66.

d) N. D. ib. Cf. Serv. ad Aen. III, 111. Quidam Corybantas dictos putant ἀπὸ τῆς Κόρης, Corybas enim Proserpinā, quae Κόρη dicitur, sine patre natus. Lobeck Corybantum nomen illic natum putat, ubi Corybanton et Corybissa fuit, in Troade scil. quam religionum Phrygiarum propriam sedem fuisse dicit. Aglaoph. II, p. 1140.

e) Diod. V, 51.

f) Schol. Arist. p. 106. Strab. Exc. lib. VII, 24, p. 134. Lucian. D. Syr. VX, 97. Pherecydes, qui Corybantas cum Rhea Samothraciam venisse ait, Stesimbrotus ceterique, qui Dardanum sacra instituisse Samothraciae et in Phrygia volunt. Cf. Lobeck, Agl. p. 1225.

g) Strabo l. c.

h) Diodorus (l. c.) Harmoniam Jasionis sororem, cum Cadmo nupsisset, Magnae Matris Deūm sacra a matre sua accepisse ait, dedisseque Corybanti, qui ea in Phrygiam attulit.

i) Dionys. A. R. I, 68, Dardanum scribit cum fratre Jasione sororeque Harmonia, Palladio ex templo Palladis sumpto, ex Arcadia Samothraciam ad Cadmum regem venisse, atque in amicitiam ab eo receptum ad Teucrum in Troadem missum. Dardanum hunc alii Cretensem, alii ex Asia oriundum volunt. Serv. ad Virg. Aen. III, 161, Steph. Byz. s. v. Δάρδανος. De Jasione inter veteres Logographos non convenit, quandoquidem sunt, qui eum ex Arcadia, sunt vero etiam, qui ex Creta deducant. Cf. Paus. X, 28.

non differre, ejusque cultus origines perspicias. Et quidem ut ex Creta eum oriundum asseram, cogit me manifestum necessitudinis vinculum, quo ille cum Rhea Corybantibusque in mythologia copulatus est. Constat enim illum ad comitatum Magnae Deae, quemadmodum Corybantes, pertinuisse^{a)}. Hinc intelligitur, cur Rhea apparuisse dicatur Pindaro, qui Panos religionem in Boeotia propagavit^{b)}. Similis Arcadum opinio fuit, nisi quod illi Rheam cum Cerere confuderint, apud quos de Cereris Nigrae prope Phigaliam antro, praeter cetera memoratu digna, fama vulgatum erat, sese illuc Cererem olim abdidisse, atque diu latitasse, cumque homines fame laborarent, ceteris diis latebras deae ignorantibus, Pana inter venandum casu eam invenisse^{c)}. Eandem ob causam eum μεγάλας θεοῦ κύνα παντοδαπὸν apud superos vocari ait Pindarus^{d)}, unde statim ejus cum Apolline cognatio elucet, nam et Apollo Κύννιος Athenis cultus est (cujus sacerdotes Cynnidae vocabantur^{e)}), aliisque locis ut Corinthi^{f)} et in Temno^{g)}. Nec dubitari potest quin isthoc nominis Apollini adhaeserit ob illius cum Rhea conjunctionem, quatenus Corybantis filius esse credebatur. Age nunc ceteras utriusque dei vires proprietatesque videamus.

§ 6. Pan pastorum pecorisque deus fuit, hinc et νόμιος dictus, quemadmodum Apollinem quoque vocatum constat, cui et alia nomina ab eadem re desumpta adhaesere, ut ποίρνιος, ἀρνοκόμης, μαλός, καρνεῖος, γαλάξιος, ναπαῖος^{h)}. Commune item utrisque nomen fuit ἀγραίου, *venatoris*, quorum omnium fons in vita pastoricia est quaerendusⁱ⁾. Accedit, quod utrique vaticinandi periti esse censebantur, hinc et sua habuisse eos oracula notum est, et quidem Pana in Maenalia monte, prope urbem Acacesium, ubi priscis temporibus Erato nympham responsa reddidisse fama obtinuit^{k)}. Quod si meminerimus eodem nomine et Musam vocari cantuum, chorearumque praesidem, musarum autem ducem Apollinem fuisse (μουσαγέτης), nonne inde Panos et Apollinis elucebit cognatio? Pertinet huc, quod Pan disposuisse choreas dicitur, unde choragus deorum a Sophocle appellatur^{l)}, ipseque libenter indulsisse tum aliis, tum Gnossiis

a) Hartung o. c. II, p. 198. Duncker, Gesch. d. Alt. 1, p. 246.

b) Schol. Pyth. III, 137.

c) Paus. VIII, 42, 2.

d) Pind. Fragm. 71—74.

e) Hesych. Suid. Etym. M. Quam appellationem a canicula stella ductam arbitrantur.

qua post solstitium aestivum exoriente, maximi calores fiunt.

f) Boeckh, C. 1 № 1102.

g) Polyb. 32, 25, 12.

h) Cf. Welck. o. c. 1, 470.

i) Id quod ipsum nomen Panos significare videtur Hartungo, qui illud a πάσμαι *facere, fovere, pascere* vult derivari (Hart. o. c. II, 196), nec parvum VV. DD. agmen est, qui idem jam ante eum senserint; sed nescio an verum videat Welckerus, cui Pan et Φάων, Φάν idem est. o. c. 1, 454.

k) Paus. VIII, 37, 11.

l) Soph. Ajax, 653.

choreis, quas Cretenses et Corybantias interpretatur Scholiastes Sophoclis^{a)}. Cantu quoque delectabatur ac in Maenalio monte fistula eum canentem saepius se audisse illius loci affirmabant accolae^{b)}, fistulaeque inventionem ei tribuebant Arcades, sicut Apollini citharae^{c)}. Hinc et vicus Μέλπεια in montibus Nomiis, a Panos pastionibus sic appellatis, id nominis duxisse dicitur ab eo, quod ibi fistulae modi primum a Pane inventi fuissent. Eandem ob causam testudines ad lyras compingendas accomodatissimae in saltu Parthenio, in Arcadia, Pani erant sacrae^{d)}.

§ 7. A manifestis transeamus nunc ad ea, quae licet paulo remotiora videantur, ejusmodi tamen sunt, ut ex iis aequè appareat Pana et Apollinem non disparis naturae ac proprietatis fuisse. Quo quidem pertinet Panos caprina species, qua a veteribus pingi eum solitum scimus. Pingebatur nempe cornuto capite, auribus stantibus, facie rubente, barba proluxa, inferiore corporis parte hirsuta, pedibusque caprinis, unde Ovidio semicaper vocatur^{e)}. Occurreret mihi hoc loco, non cadere ista in Apollinem, quem nusquam in hanc formam figuratum invenimus, at non ideo sequitur, ut ne in Arcadia quidem ille a priscis rudibusque pastoribus ita figuratus fuerit, praesertim cum ratio probabilis reperiri possit, cur illi in istam opinionem venerint. Probabile utique est ejus rei causam in ipso Apollinis cognomine Καρνείου, id est *Caprini* esse quaerendam, cujus cultus late per totam Graeciam propagatus atque antiquissimus fuit. Ab Aegidis (Caprariis) Thebis Amyclas illatum fuisse ac mox in Theram insulam Cyrenenque Pindari aetate advectum ab ipso edocemur^{f)}. In plerisque Laconicae et Messeniae civitatibus Apollinis Carnei templa, luci, statuae, festum καρνεῖα, unde et mensis καρνεῖος, memorantur a Pausania^{g)}. Argis quoque, Corinthi, Agrigenti, Syracusis, Tauromenii, Gelae, Nisyri et apud Sybaritas cultus vestigia deprehendimus^{h)}. Ideoque in nummis Elyri et Tylissi, in Creta, Apollo caput caprinum manu gestans effingitur, nec desunt nummi, qui eum curru a capris tracto insidentem exhibeantⁱ⁾. Eandem ob causam Κερδαττης (Cornutus) in Aegyptide (Capraria) terra, in Arcadia dicebatur, ubi ejus templum fuit prope Carnionis seu Caprini amnis fontes^{k)}. Τράγιον quoque eum in Naxo vocatum constat^{l)}, et Θόρναχα Laconibus, teste

a) Schol. ib.

b) Paus. VIII, 36, 8.

c) Paus. VIII, 38, 11.

d) Paus. VIII, 44, 7.

e) Ovid. Met. 14, 516.

f) Pind. Pyth. 5, 70—75.

g) Thuc. 5, 54; Paus. III, 24, 5, 8; III, 26, 3; IV, 31, 1; III, 26, 5; IV, 31, 2; IV, 33, 5. Cf. Wachsmuth. Hell. Alt. II, p. 171; Welck. o. c. 1, 470.

h) Cf. Welck. ib.

i) Rasche 4, 2, 1045, Welck. o. c. 1, 471.

k) Paus. VIII, 34, 5.

l) Steph. B. s. v. Τράγεια.

Hesychio, aut Θοράϊον, auctore Lycophrone^{a)}), praeterea Θοράτην Locris^{b)}), quod nomen Panos proprium fuisse scimus, qui et ipse Θοράτης et Αιγ-βάτης vocabatur, id est Inuus et salax ἀπὸ τοῦ συνουσιάζειν^{c)}), sive Ἀφροδισιαστής, nam θορεῖν est ὀχεῦσαι: θόρος, βάτης, ἀφροδισιαστής apud Scholiastam Lycophronis, ἐμβατεύων apud Hesychium. Hinc et ὁ Ἐφιάλης (Incubus) ὁ αὐτὸς τῷ Πανί νερόμιστα^{d)}). Ex quo intelligitur, cur in Panos delubro ignis perpetuus arserit^{e)}), nam et Apollini Carneio ignem perpetuum servatum fuisse Callimachus testis est^{f)}), sicut Apollini Lycio, cujus templum Argis a Danao conditum memorat Pausanias^{g)}), nec non Apollini Delphico^{h)}) et Ismenioⁱ⁾).

§ 8. His argumentis acquiescere possim, ni me ipsa materia invitet, ut de una adhuc Apollinis proprietate disseram, quae quin communis ei cum Pane fuerit, nullus dubito. Notum est Apollini apud Lycios praeter cetera fuisse cognomen Ἐρεθύμιος^{k)}), quod par est Graeco Rhodiorum Ἐρυθίβι^{l)}). ita dicto ab uredine seu robigine, quae Graecis ἐρυθίβη vel ἐρυσίβη, quod ille eam frugibus immittere crederetur. Id cognominis habuisse Apollinem Argis et in Cypro scimus^{m)}). Patet quidem hunc Ἐρυθίβιον nihil differre a Romanorum deo Robigo, sic dicto a satorum robigine, cui Numa sacra dicitur instituisse, sed, alucinor an verum video, cultus hic non tunc primum Romam advectus fuit, nec ad Numam est referendus, cui pleraque omnia ad religionem veterem pertinentia sine ullo delectu accepta referre soliti sunt Romani, verum a temporibus priscis repetendus, quibus Panos cultus ex Arcadia Romam penetraverat. Accidit nimirum hic, quod saepius factum apud veteres ethnicos constat, ut singulae unius dei proprietates progressu temporis seorsim, ceu totidem diversi dii, colerentur. Sic enim ex Pane Satyrus Silenusque Graecorum et Faunus et Sylvanus et Pales Romanorum nati sunt. Neque alia fortasse fuit causa, cur veteres Pana facie rubente pinxerint, nisi quod eum ἐρυθίβιον esse crediderint atque hac proprietate signare voluerint. Nihil enim moror, quod alii id ad ignem aetherium referant. Quid, quod Robigalibus aequae ac Lupercalibus cane Romani litavere, morbumque, obscoenae libidinis vitium, quam Graeci σατυρίασιν, *robiginem* appellavere?

a) 352.

b) Hesych.

c) Varro, R. R. II, 7. Plin. H. N., X, 63, 83.

d) Artem. II, 37.

e) Paus. VIII, 37, 11.

f) Callim. Hymn. in Apoll. 82.

g) Paus. II, 19, 5.

h) Aesch. Choeph. 1033. Plut. N. 9.

i) Plin. XIV, 31, 8.

k) Hesych.

l) Strabo 13, 912.

m) Ptolem. Heph. 7.

§ 9. Accedunt quae de cultu Panos Lycaei in Arcadia a Pausania aliisque relata accepimus. Ad antiquissimos Arcadum deos pertinebat oraculumque habebat et templum, ubi ignis ei perpetuus alebatur^{a)}. Haec quidem naturam ejus chthoniam et cum Apolline chthonio cognationem satis superque ostendunt^{b)}. Constat etenim nec oracula, ex opinione veterum, sine instinctu deorum inferorum fundi potuisse^{c)}, nec ignem nisi diis chthoniis dicatum fuisse^{d)}. Hinc intelligitur, cur a multis cum Osiride Aegyptiorum, qui Pluto a plerisque Graecorum vocatus est^{e)}, non secus quam Apollo, confusus fuerit, Mercuriique filius habitus. Unde viarum custos (ἐνόδιος) vocabatur. Dementiam quoque aliaque mala immittere eum credebant, ut nervorum distentiones, quae proinde Πανὸς ὀργή appellabantur. Hanc etiam ob causam saepius de eo sic locuti sunt, ut cum Hecate conjunxerint^{f)}. Quo pertinet, quod eum noctu cubantes insilire eosque praefocare credebant. Illud quoque non leve momentum in se habet, quod de Panos religione apud Romanos auctores tradidere, cujus cultus cum ex Arcadia originem duxisse dicatur, sacris quippe ab Evandro institutis, sequitur, ut multa retinuerit, quae priscis Arcadibus in hujus dei caerimoniis observata fuere. Quid, quod Lupercalibus canis immolabatur lustrandae urbis causa, ut tradit Plutarchus. Nam et Lupercalia celebrari dicit mense Februario, quem ita ab expiando seu expurgando vocatum esse, et ipsum diem appellari februatum^{g)}. At apud eundem legimus alio loco testimonium gravissimum, canem nisi diis inferis non immolari^{h)}, ex

a) Paus. VIII, 37, 11.

b) De Apollinis natura chthonia supra diximus.

c) Cf. Cic. Div. 1, 50. *Credo etiam anhelitus quosdam fuisse terrarum, quibus inflatae mentes oracula funderent.* Hinc prisca oracula in ditioe et potestate telluris (γῆς) fuisse dicuntur, draconumque custodiae commissa esse credebantur, veluti Olympicum (Paus. V, 15, 8) et Delphicum (Paus. X, 5, 3) antequam illud Jovis, hoc autem Apollinis oraculum factum est. Sed et post Pythicum oraculum vocatur πάντων χθόνιον. Eurip. Iph. T. v. 1249.

d) Ignem aeternum custoditum fuisse praeterea scimus in templis Vestae, Plutonis uxoribus, Vulcani, Cereris et Proserpinae (Paus. VIII, 9, 2), quos deos chthonios esse non ambigitur. Attamen Welckerus, qui Pana solem esse docet, inter alia argumenta et ignem ponit, nec sine causa Athenienses in festo Panos cursum cum facibus instituisse ait, ideoque in nummis juxta Panos effigiem facem inveniri, aut ipsum Pana facem manu tenentem effingi. Qui hoc dicit, necesse est recipiat, et memoratos a me deos et Hecaten et Furias, quae facies manu gestantes exprimuntur, ad deos superos pertinuisse. At nisi maxime fallor non haec symbolica vis ignis fuit, qui in mysteriis quoque et mortuorum exsequiis magicisque ritibus adhibebatur. Cum enim praeter ceteros ejus in vita humana usus is etiam maximus sit, ut ejus ope tenebrae discutiantur, facile subnata est illa significatio, ut ignis indicium esset deorum inferorum vel daemonum in tenebris degentium. Accessit illud quoque, quod de igne subterraneo in ejusmodi figmentis cogitarunt, unde intelligitur cur diis chthoniis ignem adjunxerint.

e) Diodor. 1, 25.

f) Cf. Eur. Hipp. 135. οὐ τ' ἄρ' ἐνθεός τε χοῦρα, εἴτ' ἐκ Πανὸς εἴτ' Ἐκάτας ἢ σφυγῶν κορυβαίνων ποικίλας ἢ Μαρπὸς ὀρελάς. Artemidorus II, 34. Ἐκάτη καὶ Πάν καὶ Ἐφιάλης (Incubus).

g) Plut. Q. R. p. 280.

h) Cf. quae supra a me dicta sunt de canis symbolica significatione.

quo vis chthonia dei perspicitur. Nec dubitaverim hinc explicare vanos nocturnosque terrores (πανιχούς), qui a Pane immitti credebantur. Qua de re Valerius Flaccus^{a)}:

Deus ancipitem lymphaverat urbem,
Mygdoniae Pan jussa ferens saevissima Matris,
Pan nemorum bellique potens, quem lucis ad horas
Antra tenent: patet ad medias per devia noctes.
Setigerum latus, et torvae coma sibila frontis:
Vox omnes super una tubas, qua conus, et enses,
Qua trepidis auriga rotis, nocturnaue muris
Claustra cadunt: talesque metus non Martia cassis,
Eumenidumque comae, non tristis ab aethere Gorgon
Sparselit, aut tantis aciem raptaverit umbris.
Ludus et ille Deo, pavidum praesepibus aufert
Cum pecus, et profugi sternunt dumeta juvenci.

Belli potens a poeta vocatur, quae vis Apollinis propria fuit, qui Homero λαοσσός^{b)} et θεῶν ὄριστος^{c)} dicitur et παῖν, quo nomine et hymnus, qui in victoria canebatur, dictus est.

§ 10. Si igitur inter nos de hoc convenit, Pana ab Apolline diversum deum non esse et cum Magnae Matris religione cohaerere, sequitur, ut de illo quoque conveniat eum et Apollinem Corybantis filium eundem esse atque ab Apolline Lycio non differre. Consentire in hoc Viri Docti vel invitī debent, alioquin quotusquisque est, qui expediat cum varias hujus dei proprietates, quae deum Asiaticum redolent^{d)}, tum ejusdem cum Cybele et cum Osiride conjunctionem, tum vero etiam de lupis fabulas, hominumque locorum et urbium in Arcadia vocabula, quae cum Λυκίου nomine sunt cognata? Vidimus passim supra Apollinem Lycium, ubicunque apparuerat, non sine luporum comitatu, ut hac imagine utar, sedes suas occupasse. Argivorum Delphorumque et Atheniensium, aliarumque urbium de lupis fabulas, luporum signa nummosque lupos exhibentes jam in prioribus retuli. His adjicere et illa ejusdem notae placet, quae nondum a me commemorata sunt. Urbem Lycoream prope Delphos, in Parnasso, nomen accepisse narrat Pausanias^{e)} a lupis, quorum ululatum incolae vetustissimae Delphorum urbis secuti sint, cum illam aquis submersam Deucalionis tempore reliquissent, novas sibi sedes quaesituri. Idem et aliam subjungit fabulam: Apollini ex Corycia nympha natum Lycorum, a quo urbem appellatam Lycoream, antro vero a Corycia nympha inditum nomen Co-

a) Val. Flac. 3, 46.

b) Hom. II. Ψ, 79.

c) Ib. T., 412.

d) Formam caprinam quin a Dionyso acceperit vix dubitandum, quem ἔριπον vel εἰρα-
φώτην vocatum constat. Hinc et Bacchi socium et in ejus exercitu ducem fuisse narrat
Polyaenus (Strat. 1, 2) atque inde Panicos terrores originem sumpsisse. Choreas quoque
disponendi ars communis ei cum Dionyso fuit. Ceterum Dionysum cum Apolline maximam
habere similitudinem, ita ut saepius confundantur, notum est. Vide infra.

e) Paus. X, 6, 2.

rycii; sacrum illud fuisse Pani et omnium maximum atque celeberrimum^{a)}. Obiter advertendum et hic Pana cum Apolline confundi, qui Lycoreus dicitur Callimacho^{b)}. Quod si meminerimus Delphis in maximo honore fuisse lupum, ut animal Apollini gratum, non erit dubitationi locus, quin ejusmodi fabularum nominumque fons in Apollinis Lycii cultu sit quaerendus. Similiter Sicyonii, apud quos Apollinis Λυαίου aedem vetustate jam collapsam memorat Pausanias, fabulam commenti sunt, quo originem hujus cognominis illustrarent. Lupos, narrabant, olim ovilia eorum infestasse adeo, ut nullus ex iis fructus percipi posset, Apollinemque tandem lignum indicasse, cujus cortice carnibus permisto, lupisque objecto, illos extemplo fuisse interemptos^{c)}. Nec profecto secus in Arcadia sese res habuit, ubi Apollinem Λύκαιον sub Panos Λυκαίου persona latere exploratissimum mihi est. Quid, quod Apollo et ipse Λύκαιος vocabatur in insula Chryse, ubi fons Λύκαιος κρήνη^{d)}? Ex quo emergit horum nominum cognatio, quare fortasse recte Welckerus cognomentum Jovis, quod alii Λυκαῖος, scribit Λύκαιος^{e)}. Ceterum non ante illud adhaesisse Jovi, quam cultus Apollinis in Arcadiam penetrasset, pro certo est statuendum. Simile quid Cyrenae etiam accidisse constat, quam urbem oraculi Delphici monitu a colonis ex insula Thera conditam in Libya scimus, ubi cum incolae praecipue Apollinem colerent, qui eorum Ἀρχαγέτας a Pindaro vocatur^{f)}, Jovis Lycaei collem memorat Herodotus^{g)}. Ad illam antiquissimam aetatem fabulas quoque Arcadicas de Jove Lycaeō, supra a me relatas, pertinere, res adeo clara est, ut non argumentis multis egeat, nec audaciorē conjectura opus est, ut eas ex Apollinis cultu fluxisse demonstretur. Jam ipse Lycaon, qui Jovi sacra instituit, urbemque Lycosuram condidit, quomodo cum Apolline cohaereat, fabula de ejus ortu satis luculenter declarat. Quamquam enim de patre matreque ejus varii varie tradiderunt, ad Pelasgum originem ejus, ut plurimum, referentes, fuere tamen, qui eum Titani e Terrae filium fuisse dixerint^{h)}. Atqui Titanum pro Apolline accipiⁱ⁾, Terram autem eandem Rheam esse notum est. Ex quo cum cultus Jovis origo, tum ejusdem natura elucet. Quis enim est, qui non videat illam per Rheam Apollinemque Corybantis filium cum Creta cohaerere ac proinde opiniones mysticas cum Rheae cultu conjunctas multum ad illam valuisse. Eandem ob causam Lycaonis filius, ut jam ante observavimus,

a) Paus. X, 32, 2, 3.

b) Call. hymn. in Apoll. 19.

c) Paus. II, 9, 7.

d) Hesych. Schol. Soph. Phil. 146.

e) Welck. o. c. 1, 479.

f) Pind. Pyth. 5, 60.

g) Herod. 4, 203.

h) Lex. Forc. s. v. Lycaon.

i) Orph. hymn. XI, 1. Argonaut. 510. Orph. hymn. VII, 2.

vocatur Nyctimus sive Nocturnus isque Terrae precibus servatus fuisse dicitur. Hinc etiam de infante a Lycaone mactato, deque Jovis ira commentum natum est, quae e Cretensium, ut mox videbimus, fabula de Dionyso Zagreo mutuata simul declarant religionem novam, victimisque humanis sacrificandi morem e Creta venisse. An vero ex Jovis ira, qui Lycaonem fulmine percussisse dicitur, de contentione inter duos cultus veterem et novum statui oporteat, in medio relinquo. Certe simile quid in Creta accidisse ex Ciceronis testimonio, qui Apollini Corybantis filio certamen fuisse dicit de possessione insulae cum Jove, colligimus. Longinquitati temporum imputandum, quod nihil de illo certamine memoria exceptum sit, at illud constat a remotissimis usque temporibus Asiaticae et Aegyptiae superstitioni viam in Graeciam patuisse eamque non semel, sed creberrime in varias Graeciae regiones penetrasse, praesertim cum coloniae in maritimam oram Asiae a Graecis deductae, mutuaeque commercia aperuissent aditum in Graeciam fabulis, mysteriis, ritibusque sacris, diisque peregrinis antea ignotis. Quae tamen de his rebus ab auctoribus antiquis prodita leguntur, adeo perplexa obscuraque sunt, ut nobis nonnisi conjectura ire in occulta liceat et quidem saepius non cum fiducia inveniendi.

§ 11. De tempore itaque, quo cultus Apollinis in Creta propagatus sit, nihil certi habemus, videtur tamen ille ad ipsa Cretensium incunabula pertinere. Id quod ex fabula de Minoe rege Lycasti et Idae Corybantis filio, qui filiam solis et Perseidos, Aeetae et Circes sororem Pasiphaen uxorem duxisse dicitur^{a)}, nescio an colligi possit. Quorsum enim hoc figmentum nisi ad cultum spectat? Mecum facit et nota illa de Pasiphae fabula, quae tauri amore capta Minotaurum peperisse fertur, monstrum capite taurino reliqua parte humana, a Theseo in labyrintho Cretensi interfectum^{b)}. Cum enim dubitari nequeat, quin ejusmodi figmento signum tauri vel hominis capite taurino praediti, a Minoe in labyrintho positum, occasionem praebuerit, rursus in idem revolvor, ut dicam ad cultum Apollinis ista esse referenda. Boves certe cum Apolline in fabulis conjungi res nota est, quem Laomedontis et Admeti armenta pavisce scimus, quam ob causam et Nomii cognomentum ei adhaesit, si fides Callimacho^{c)}. Hinc in Patrensi urbe, ut scriptum est apud Pausaniam^{d)}, in Apollinis templo nudum visebatur adhuc illius aetate ex aere signum dei pedibus tantum calceatis, eorum altero bovis calvae insistentis. Idem narrat apud Alcaeum in hymno in Mercurium de bobus a Mercurio Apollini surreptis scriptum inveniri. De armentorum gregibus soli sacris, qui Gortynae pascebantur,

a) Apollod. III, 1, 3.

b) Serv. ad Aen. VI, 14.

c) Callim. in Apoll. 47. Hom II. B. 448.

d) Paus. VII, 20, 3.

memorat Servius^{a)}), de duodecim tauris candidis Theocritus^{b)}). Nec praetereundi trecenti tauri candidi in insula Cea, quorum meminit Virgilius^{c)}. Adde quod et Apollo Carneus et Sol taurina specie nonnumquam repraesentantur^{d)}). Asiaticas has esse opiniones ab Aegyptiorum superstitione repetendas non est quod dubitemus, cum et Bel-Molochum Chananaeorum et Sabazium Phrygum et Zagreum seu Dionysum Cretensium in tauri formam figurari solitos constet et apud Aegyptios Apis, bos Osiridi consecratus, numinis vice cultus fuerit. Dionysum a Graecis hac forma effingi testis est Plutarchus^{e)}), eundemque a mulieribus in Elide invocari, adjecta precatatione, ut bubulo gressu (βοεῖω ποδί) ad eas veniat, atque ab Argivis tauro genitum appellari^{f)}). Accedit testimonium Macrobi^{g)}), qui Bacchum a Neapolitanis forma taurina, capite vero humano, adoratum scribit, nec desunt nummi in Magna Graecia atque Sicilia reperti, qui ejus verbis fidem faciant. Confusos fuisse hos deos jam antiquissimis temporibus ex fabulis mysteriisque inter se collatis liquet. Notum est responsum oraculi Delphici apud Eusebium^{h)}). Apollo nempe, cum ex eo quaereretur quis esset, respondit:

Ἥλιος, Ὀρος, Ὀσιρις, ἀναξ Διόνυσος, Ἀπόλλων
ὠρῶν καὶ καιρῶν ταμίης, ἀνέμων τε καὶ ὄμβρων,
ἡοῦς καὶ νυκτὸς πολυαστέρος ἡνία νωμῶν,
ζαφλεγέων ἄστρων βασιλεὺς ἡδ' ἀθάνατον πῦρ.

Satin' tibi videtur Pythia ἀιγυπτίζειν? Sed videamus fabulam de Dionysio Cretico a Firmico enarratamⁱ⁾), quam ad propositum meum multum conducere arbitror. *Liber Jovis fuit filius regis Cretici; hic cum fuisset adultera matre progenitus, nutriebatur apud patrem studiosius, quam decebat. Uxor Jovis, cui Junoni fuit nomen, novercalis animi furore commota, ad necem infantis omnifariam parabat insidias. Proficiscens peregre pater, quia indignationes tacitas sentiebat uxoris, idoneis custodibus tutelam credidit filii. Tunc Juno opportunum insidiarum tempus nacta et ex hoc fortius inflammata, quia proficiscens pater et solium regni puero tradiderat et sceptrum, custodes primum muneribus corruptit, deinde satellites suos, qui Titanes voca-*

a) Ecl. VI. 60.

b) 11, 8.

c) Georg. 1, 14.

d) Cf. Welck. o. c. 1, 454.

e) De Iside et Osir. c. 35.

f) Quo pertinet et illud Nonni de dilaceratione Dionysi a Titanibus (Expos. in Gregor. Or. IV, 530): Καὶ ψυχῆς προμάχισεν ἕως. ζηλήμονι λαμπρὸν Τρηγαλέον μύκημα δι' ἡῖρος ἔβρεμεν Ἥρη. καὶ θρασὺς ὤκλασε ταῦρος, ἀμοιβαῖοι δὲ φονῆς Ταυροφυῆ Διόνυσον ἐμιστύλλοντο μαχαίρῃ.

g) Sat. 1, 88.

h) Euseb. Pr. III, 15, 125. D.

i) Astronom. Aglaoph. 1, 570.

banantur, in interioribus regiae locat partibus et crepundiis ac speculo affabre facto animos ita pueriles allexit, ut desertis regis sedibus ad insidiarum locum duceretur. Hic interceptus trucidatur . . membra conscissa satellitum sibi dividit turba. Tunc — decocta pueri membra consumunt; cor divisum sibi soror servat, cui Minerva fuit nomen — Haec reverso Jovi ordinem facinoris exponit; tunc pater — Titanes necat; et quia dolor ex orbitate veniens nullis solatiis mitigabatur, imaginem ejus ex gypso plastico opere perfecit et cor, ex quo facinus sorore deferente detectum, in ea parte plastae collocant, quae pectoris fuerant lineamenta formata. Cretenses ut furentis tyranni sacvitiā mitigarent, festos funebres dies statuunt et annum sacrum trieterica consecratione componunt, omnia per ordinem facientes, quae puer moriens aut fecit aut passus est, vivum lamiant dentibus laurum et per secreta siloarum dissonis clamoribus ejulantes fingunt animi furentis insaniam. Praefertur cista, in qua cor soror abscondiderat; tibiarum cantu et cymbalorum tinnitu crepundia, quibus puer deceptus fuerat, mentiuntur. Ceteras fabulas huc spectantes vide apud Lobeckium, qui eas e sacris Phrygiis derivatas esse Clementis loco demonstrat^{a)}: Διόνυσον Μαινόλην ὀργιάζουσι Βάκχοι, ὠμοργία τήν ἱερομανίαν ἄγοντες, καὶ τελίσκουσι τὰς κρεωνομίας τῶν φόνων ἐστεμμένοι τοῖς ὕφεσιν, ὀλολύζοντες Εὐάν — Δηῶ δὲ καὶ Κόρη δρᾶμα ἤδη ἐγενέσθην μυστικόν, καὶ τὴν πλάνην καὶ τὴν ἀρπαγὴν αὐταῖν Ἐλευσίς δαδουχεῖ — "Ολοῖτο οὖν ὁ τῆςδε ἀρχῆς τῆς ἀπάτης, εἴτε Ἀέρδανος ὁ Μητρός θεῶν καταδείξας τὰ μυστήρια, εἴτε Ἡετίων ὁ τὰ Σαμοθράκια ὄργια καὶ τελετὰς ὑποστηράμενος, εἴτε ὁ Φρύξ ἐκεῖνος ὁ Μίδας, ὁ πρὸς τοῦ Ὀδρύσου μαθὼν — Δημοῦς μυστήρια καὶ (pro quo Lobeckius legendum putat αἰ) Διὸς πρὸς μητέρα Δήμητρα ἀφροδίσιον συμπλοκαὶ καὶ μῆνης τῆς Δημοῦς, ἥς δὴ χάριν Βριμῶ προσαγορευθῆναι λέγεται — ἱκετηρίαὶ Διὸς καὶ πόμα χολῆς καὶ καρδιουλικαὶ καὶ ἀρρητουργαί. Ταῦτα οἱ Φρύγες τελίσκουσιν Ἀττιδί καὶ Κυβέλῃ καὶ Κορύβσι — Τεθρυλλήκασιν δὲ, ὡς ἄρα ἀποσπᾶσας ὁ Ζεὺς τοῦ κριοῦ τοὺς διδύμους ἐν μέσσις ἔρριψε τοῖς κόλποις τῆς Δημοῦς, τιμωρίαν ψευδῆ τῆς βιαιᾶς συμπλοκῆς ἐκτινύων, ὡς ἑαυτὸν δῆθεν ἐκτεμῶν. — Κύει μὲν ἡ Δημήτηρ, ἀνατρέφεται δὲ ἡ Κόρη, μίγνυται δ' αὖθις ὁ γεννήσας τῇ Φερέφραττῇ δράκων γενόμενος. Σαβάζιον γοῦν μυστηρίων σύμβολον ὁ διὰ κόλπου θεός· δράκων δ' ἐστὶν οὗτος διελόχμενος τοῦ κόλπου τῶν τελουμένων. Κύει καὶ ἡ Φερέφραττα παῖδα ταυρόμορφον; ἀμέλει φησί τις ποιητῆς εἰδωλικός „Ταῦρος δράκοντος καὶ δράκων ταύρου πατήρ, ἐν ὄρει^{o)} τὸ κρύφιον βουκόλος τὸ κέντρον.“

§ 12. Ex quo colligimus fabulas istas cum Rheae seu Cybeles Sabaziique superstitione in Cretam penetrasse, quibuscum si contulerimus fabulam de Minoe ejusque uxore Pasiphae supra relatam, atque in me-

a) ib. p. 587.

b) pro ἐν ὄρει τὸ Lobeckius proponit ἐνερπίζει.

moriam reduxerimus, quanta Apollini cum Corybantibus^{a)} fuerit necessitudo, non amplius ambigi poterit de cultus Apollinis in Creta antiquitate, simulque apparebit nec illum initio a cultu Dionysi diversum fuisse, nec temere ab eodem divellendum. Ut ita prorsus existimem cogunt me, quae de Apollinis natura chthonia in superioribus retuli, quae quin communis ei fuerit cum Dionyso chthonio nequaquam negari potest. Neque obstat, quod Elidenses in mysticis doctrinis id discriminis inter utrumque deum statuerint, ut Apollinem Solem esse in hemisphaerio diei, Dionysum autem in hemisphaerio noctis perhibuerint^{b)}, nam hoc manifesto serioris temporis commentum est, ab unius dei natura duplici profectum. Quandoquidem et Phryges credidisse constat Dionysum per hiemem somno sopitum aestate expergefieri, atque dei tum somnum, tum expergefactionem sacris orgiasticis celebrasse, et Paphlagonēs affirmasse illum, tempore hiberno vintum et inclusum, veris adventu vinculis suis solvi^{c)}. Quid, quod Apollinem hunc chthonium Λύκατον fuisse certa indicia habemus? Succurrit nota de Lyco Pandionis filio fabula, qui Magnarum dearum mysteria Thebis, Athenis et Messenae ordinasse dicitur, Cabiromque initia Thebis instituisse^{d)}. Hic Lycomedia quoque carmina, quae in hisce mysteriis canebantur composuisse videtur^{e)}, atque cum diu, imperio cum fratribus Aegeo, Niso et Pallante diviso, regnasset, ab Aegeo tandem expulsus, in Asiam ad Termilorum gentem fugit, eorumque regioni Lyciae nomen dedit^{f)}. De Termilis ex Herodoto notum est eos ex Creta cum Sarpedone Minois fratre in Milyorum regionem, quae postea Lycia dicta est venisse^{g)}. Hinc Lycios Cretensium consanguineos vocat Pausanias^{h)}. Accedit testimonium Diodori, qui Lycum hunc unum Telchinorum fuisse ait (at Telchini Cretici notissimi), eumque ante diluvium in Lycia sedes occupasse atque ibi templum Apollinis Lycii celeberrimum aedificasseⁱ⁾. An non aperte ista indi-

a) Corybantis filium a nonnullis vocatum esse supra vidimus. Alii contra Corybantes ipsos ab eo natos esse prodidere, ut Pherecydes: ἔξ Ἀπόλλωνος καὶ Πυρίας Κυρύβαντας ἐννέα (Fr. XXXI, 152). Quare et Scholiastes Lycophr. Curetes, quos cum Corybantibus confundi constat, filios Apollinis et Danaidis nymphae Creticae fuisse asserit (Schol. Lyc. 77). Quo pertinet glossa Gr. Lat. Κούρητες οἱ περὶ τὸν Παῖδνα, *indigetes, Corybantes* (Lobeck. Agl. II, 1116); tum locus Strabonis de Praesiis, perhibentibus ὡς εἶναι Κυρύβαντας δαίμονες τινες, Ἀθηναῖς καὶ Ἡλίου παῖδες. Strabo p. 202. Quibus adde Juliani verba (Or. V. 166). Κυρύβας ὁ μέγας ἥλιος ὁ σύνθετος τῇ Μητρὶ.

b) Macr. Sat. 1, 18.

c) Plut. de Is. et Os. 69.

d) Paus. IV, 1, 2.

e) Paus. IV, 1, 7. Cf. Menander de Enc. II, 30.

f) Apollod. III, 15, 6. Herod. 1, 173. Paus. 1, 19. Strabo XII, p. 858, 983.

g) Herod. 1, 173. VII, 92.

h) Paus. VII, 3, 7.

i) Diod. V, 56. Serioris notae videtur esse fabula, quae antiquissimis temporibus in Argolide, ubi Αυσσλαφ praecipuos honores fuisse scimus, circumferebatur, de Cyclopihus Lyciis, quorum opera Proetus arcem Tirynthiam aedificavit, cum a fratre Acrisio expulsus,

cant tum Apollinis Lycii cum Cybeles religionibus conjunctionem tum ipsius cultus Creticam originem? Ceterum nolim praetermissum et illum ex fabula de Lyco Pandionis filio modo memorata involutum sensum extricari posse, ut varios cultus, qui eodem tempore Athenis viguere, nominibus ipsis denotari credamus. Certe non aliter intelligendam arbitror regni inter quatuor fratres Lycum, Aegeum, Nisum et Pallantem divisionem, nisi de religionibus Apollinis Lycii. Carnei (καρνώ τὴν αἶγα Κρήτες Hesych.) Dionysi (Νῆσα, Νῦσα, Cf. Il. B. 508, Hyg. 131, 167, 179, Dionysi sedes, unde ipse Nyseus Metam. IV, 13) et Palladis accipiantur. De Lyco quidem constat illum Apollinis Lycii templum Athenis condidisse, quod postea Lyceum dictum est, juxta posita lupi effigie insignitum^{a)}. Monumentum vero Nisi sepulcrum visebatur adhuc Pausaniae tempore pone Lyceum, quae res de cultus Apollinis Lycii et Dionysi communione cogitare nos cogit, cum sciamus Delphis etiam juxta Apollinis templum Dionysi sepulcrum fuisse^{b)}.

§ 13. Quibus expositis, res postulat, ut ad Delphos paululum devertamus, quo Apollinis Lycii^{c)} cum Dionyso necessitudo demonstretur. Veterem fuisse apud Delphos Dionysi religionem credidit ipsa antiquitas. Cujus rei argumentum ex solemnī Pythiae precatione in Aeschyli Eumenidibus affert Lobeck^{d)}.

Βρόμιος δ' ἔχει τὸν χῶρον, οὐδ' ἀμνημονῶ,
Ἐξ οὗτε Βάκχαις ἔστρατήγησεν θεός.

Quin etiam fuere, qui Oraculum Delphicum ante Pythonem tenuisse Dionysum dixerint^{e)}. Mysteriorum quoque Bacchicorum, quae in Apollinis Delphici templo fieri solebant, haud spernendi testes extant^{f)}, a quibus comperimus, Thyiades dei mortem et in Orcum descensum, ejusdemque ad vitam reditum statis temporibus sacris caerimoniis celebrasse, id quod apud Phryges etiam et Cretenses usu venisse proditum. Ad caerimonias istas tauri quoque dilacerationem pertinuisse ex Cassandrae vaticinatione colligimus^{g)}:

ὃ ποτ' ἐν μυχοῖς
Δελφινίου παρ' ἀντρα κερδῶου θεοῦ
τὰρῳ κρυφαίας χέρνιβος κατάρχεται.

Lyciorum regis Amphianactis auxilio, cujus filiam Antheam uxorem duxerat, in Argolidem revertisset. Paus. II, 25. Schol. Or. Eurip. 936. Idem statuendum de fabula de Oleno Lycio, quem Lycomediorum carminum auctorem fuisse quidam prodidere.

a) Paus. I, 19, 8.

b) Joan. Malela Chron. II, p. 17. Cedren. Comp. T. I, p. 24.

c) Apollinis Lycii apud Delphos cultum de lupis fabulae, quas in superioribus attuli, luporumque consecratio attestatur.

d) Agl. I, 617.

e) Arg. Pind. Pyth.

f) Cf. Lobeck. Agl. 1, 618; Welck. o. c. 1, 430.

g) Lyc. v. 206. Agl. 1, 618.

Hinc et quatuor menses hiberni Dionyso apud Delphos erant consecrati^{a)}. Adde, quod plerique fabulabantur Dionysum Delphis mortuum et sepultum fuisse sepulcrumque dei juxta Apollinem aureum visentibus ostendebatur^{b)}. Quin adeo communis Apollini et Dionyso apud Delphos vis naturaque putabatur, ut hos deos plane confunderent, Dionysumque Apollinis nomine indigetarent^{c)}, idquod et alias saepius factum esse scimus. Ita enim Rhodii Apollinem, Solem et Dionysum eosdem deos esse credebant^{d)} atque in eorum nummis Solem radiatum hedera coronatum videre est^{e)} quemadmodum in nummis Mytilenaeis Solem cum Dionyso invenimus. Non secus apud Elidenses Sol idem putabatur esse qui Dionysus^{f)}. Adjice nunc testimonium Macrobianum^{g)}, qui ut Apollinem et Liberum unum eundemque deum esse demonstret, Aeschyli versum ascribit: ὦ Κισσεύς Ἀπόλλων Ἀβᾶτος^{h)} ὁ μάντις, et Euripidis: Δέσποτα φιλόδαφνε Βάκχε, Παιὼν Ἀπόλλων εὖλυρε, unde videmus singula unicuique deo propria cognomena promiscue illis a poetis adjungi; nam Apollini per excellentiam laurus, Dionyso autem hedera sacra fuit. Neque haec tantum communia utrique deo fuere, sed et tripus, lyra, tibia, σύριγξ, cerva, serpens inter adjuncta eorum saepius inveniunturⁱ⁾. Quam horum deorum cognationem necessitudinemque monumenta etiam declarant. Quo pertinet pictura in cratere pulcherrimo, anno 1860, Panticapaei, in tumulo sepulcrali, reperto, a Cl. V. L. Stephani illustrata^{k)}, Apollinem et Dionysum exhibens junctis dextris juxta palmae arborem stantes, comitantibus Silenis et Thyiadibus vel Maenadibus. Ex umbilico et tripode, qui ibi cernuntur, manifestum est rem Delphis agi. Picturae sensum ita explicat Stephani, ut ad Paridem, qui in altero crateris latere expressus est, notam illam litem inter tres deas dirimentem, referat et sententiam ab eo latam ab utroque deo confirmari censeat. Aliiter L. Weniger^{l)}, qui pictorem fabulam de Apollinis ad Hyperboreos tempore hiberno discessu, deque ejusdem aestate reditu in animo habuisse vult, quae sententia magis arridet. Id certum esse videtur cultus utriusque dei communionem hac pictura significari. Idem indicant vasa, quorum ex altera parte Apollo, ex altera Dionysus, cum suo quisque comitatu picti

a) Plut de El 9.

b) Joan. Malela Chr. II, p. 17. Cedren. Comp. T. 1. p. 24.

c) Menander, Rhet. IX, p. 329. Δεῖλοι δὲ διτλῇ προσηγορίᾳ τιμῶσιν, Ἀπόλλωνα καὶ Διόνυσον λέγοντας.

d) Dio Rhod. p. 570.

e) Welck. o. c. 1, 411.

f) Etym. M. s. v. Διόνυσος.

g) Macr. S. 1, 18.

h) Ita legendum putat Lobeck pro Καβαίος. Not. ac Ajac. p. 332.

i) Stephani. Отчетъ Имп. арх. комм. за 1866. г. p. 56.

k) In opere citato.

l) Archäologische Zeit. Jahrg. XXIV, № 211, p. 191. Berl. 1866.

cernuntur^{a)}. Id dicendum etiam de sculpturis, quibus duae frontes templi Delphici, ut tradit Pausanias^{b)}, erant ornatae, altera Apollinem, altera Dionysum cum suis comitibus exhibente. Sed de his hactenus; non enim pluribus argumentis res eget, ut Apollinis Lycii cum Dionyso necessitudo perspicui possit.

§ 14. Nihil itaque mirum, si cum Apollinis religionibus antiquissimis, quas cum Panos Lycaeii cultu in Arcadiam illatas fuisse supra docui, fabulis etiam de Dionyso in illam regionem apertus est introitus. Id quod revera accidisse perspicuum est ac ultro sese offert fabulam de Lycaone quamvis leviter examinantibus. Quid enim est aliud Lycaon, Titanis filius, qui Jovi apud se hospitanti infantis mactati exta apposuisse fingitur, nisi ipse Titan personata facie? Quid ejus filii, qui, ut alii narrant, cum cruentas epulas Jovi instruxissent, pro talibus ausis fulminibus Jovis enecti sunt, nisi Titanes, quos Dionysum discerpsisse vidimus, membraque pueri decocta comedis, et ipsi fulminibus Jovis interempti. Ne illud quidem obscurum est, cur Lycaonis filii majoris natu fratris Maenali suasu tantum facinus perpetrasse dicantur, si cogitamus Maenalum a verbo *μαίνωμαι*, *furere* derivatum esse, unde *μαινόλης furibundus, furens*, quod Dionysi etiam cognomentum est, et *Μαινάδες*, mulieres Bacchi furore percitae orgiaque ejus celebrantes. Hinc et mons Maenalius in Arcadia, et urbs Maenalus, regioque Maenalia^{c)} cultum Dionysi in Arcadia late fuisse propagatum declarant. Quocirca et barbara illa sacra a Lycaone Jovi Lycaeo instituta ex eodem cultu pullulasse facile colligitur. Constat enim morem hominibus Dionyso litandi in plerisque Graeciae locis antiquitus obtinuisse. Sic in insula Chio, ubi Dionyso Crudivoro (*Ὠμάδιος*, alias *Ὠμηστής*, *Ὠμοφάγος*) sacra homine fiebant, quem sacrificuli in partes discerpebant^{d)}, in memoriam Dionysi a Titanibus discerpti. Idem mos Lesbii fuit, ut docent Anticlides et Dosiadas^{e)}. Potniis item in Boeotia, ubi olim sacerdotem ipsum rem divinam Baccho facientem occisum fuisse narrat Pausanias, mox oraculi Delphici monitu puerum sacrificari solitum, ad postremum vero capellam^{f)}. Sed plus ad rem nostram faciunt quae de sacrificiis, quae in insula Tenedo fieri solebant, apud Aelianum scripta sunt^{g)}. *Τενέδιοι δὲ τῷ πάλαι ἂν ἀρίστην Διονύσω ἔτρεφον κύουσιν βοῦν, τεκοῦσαν δὲ ἄρα αὐτὴν οἰαδῆπου λεχὼ θεραπεύουσι· τὸ δὲ ἀρτιγενὲς βρέφος καταθύ-*

a) Stephani ib. p. 61.

b) Paus. X, 19, 4.

c) Paus. VIII, 36, 7 et 8. VIII, 3, 4. VIII, 36, 8. III, 2, 7. VI, 7, 9.

d) Porph. Abst. 2, 55. Eas. Pr. ev. IV, 16.

e) Clem. Protr. 3, p. 36. Porph. Abst. 2, 25. Cyrill. c. Tull. I. 4, p. 128. Cf. Welck. 1, 444.

f) Paus. IX, 8 2.

g) Ael. H. A. XII, 44.

ουσιν, ὑποδήσαντες κοθόρνους· ὅγε μὴν πατάξας αὐτὸ τῷ πελέκει λίθοις βάλλεται τῇ ὀσίᾳ, καὶ ἔστε ἐπὶ τὴν θάλατταν φεύγει. Ex quo colligimus fabulam de sacerdotum in lupos mutatione ex ritu sacro hic memorato, sacerdotum scilicet sacra peragentium persecutione, cujus et alibi mentio fit, profectam esse. Jam et monumentum illud Megalopolitanum, quod Jovem recens natum Apollinemque cithara canentem repraesentare supra vidimus, nescio an ex fabula de Dionyso-Zagreio lucem accipiat, quem infantem Jupiter, ne Junonis circumiretur insidiis, Apollinis Corybantumque custodiae tutelaeque commisit^{a)}. Patet enim hic Jovem cum Dionyso Arcades confudisse. Huc tandem referenda est vis ac proprietas Jovis Lycaei, quam ad nubes cogendas Arcades pertinere crediderunt. Neque enim dubitari potest, quin illa in Jovem derivata fuerit a Dionyso, qui Ὕης, Ὑεύς (Pluvius) saepius dicitur, nutricesque ejus Ὑάδες, et mater Semele eademque Ὑία, quorum nominum ratio in Sabazii cultu quaerenda est, quandoquidem et ipsum Pluvium dictum esse scimus^{b)}.

§ 15. Cum igitur inter Jovem Lycaeum et Apollinem Lycium seu Dionysum chthonium summae conjunctionis vinculum intercedat in Asiaticis religionibus quaerendum, illud datum mihi iri spero et nominis Λυκαίου rationem et fabularum de lupis originem et vim naturamque dei antiquissimam a cultu chthonio esse repetendas. Nec profecto quis rem secus sese habere sibi persuaserit, si lupi symbolicam significationem, quam supra illustravi, tenere fabulasque veterum altius excutere voluerit. Jam quantum ad istas opiniones Aegyptiorum superstitio momentum attulerit, paucis dicendum est, ut communis erroris fons cognosci possit. Aegyptiorum de lupis commenta vidimus; restat ut eorum deum Osirin cum Dionyso Graecorum componamus, quibus utrisque communem vim fuisse colligitur in tantum, ut alter ad formam similitudinemque alterius expressus esse videatur. De utriusque sane cum natalibus, tum vita, tum morte eadem fere, si varia additamenta differentiasque ex locorum, temporum morumque diversitate ortas, omittimus, fabulantur veteres. Ambo Jove nati esse dicuntur, plurimaeque beneficia in genus humanum contulisse, cum et agrorum culturam et vitium serendarum rationem vinique usum mortales docuissent. Uterque item, ut homines ab agresti vita ad cultum humaniorem deduceret, collecto exercitu, varias peragravit terras easque debellavit. Uterque tandem eodem modo e vita excessit, nam Osiris a Typhone dilaniatus, Dionysus a Titanibus discerptus periisse fertur. De Dionysi taurina specie, Osiridisque symbolo tauro in superioribus dictum est. Sed magis etiam horum deorum elucet similitudo ex utriusque vi ac potestate,

a) Proculus Alcib. p. 83. Idem in Theolog. V. 35; 322.

b) Lobeck Agl. I, 647. II, 1046.

quam ad solem annique vices pertinuisse constat^{a)}). Quemadmodum enim Aegyptii Osiridis morte extinctam solis vim rerumque naturam emortuam significabant atque in mysteriis lugentes corpus dei quaerebant, quo invento solis conversionem (Copernici pace istoc verbo uti liceat) ac velut ad vitam reditum exprimerent, ita et Graeci, cum Dionysum a Titanibus laceratum fingerent ejusque in Orcum ἀναγωγὴν et ἀνάκλησιν celebrarent^{b)}), ad solem ista referebant. Nam Phryges etiam eodem sensu Dionysum per hiemem somno sopitum aestate expergefieri ajebant, ut a me supra dictum est. Hinc et illa utriusque dei vis explicanda, quae iis chthoniorum deorum notam proprietatemque impressit. Facile enim factum est, ut homines agrestes mortis, quae in rerum natura observatur, similitudinem cum humana morte secuti ista proprietate deos hos signaverint. Quae fuit causa, cur Osiris in inferis regnare atque mortuorum umbras judicare crederetur, non secus ac Dionysus, qui Χθόνιος et Ἰσοδαίτης a veteribus appellatus est, quod nomen Plutonem significare ait Plutarchus, vel, ut in Anecdotis Bekkeri legimus, solem unicuique aequaliter mortem distribuentem. Hinc lucem accipere puto versum oraculi, supra a me citatum, quo Apollinis responsum quibusdam de ejus potestate sciscitantibus editum continetur:

Ἥλιος, Ὀρος, Ὀσιρις, ἀναξ Διόνυσος, Ἀπόλλων
ὥρων καὶ καιρῶν ταμίης, ἀνέμων τε καὶ ὄμβρων,
ἡοῦς καὶ νυκτὸς πολυαστέρος ἡνία νωμῶν,
ζαφλεγέων ἀστρων βασιλεὺς ἡδ' ἀθάνατον πῦρ.

His finitima sunt, quae apud Martianum Capellam leguntur^{c)}:

Solem te Latium vocat
Te Serapim Nilus, Memphis veneratur Osirin,
Dissona sacra Mitram, Ditemque ferumque Typhonem
Atys pulcher item, curvi et puer almus aratri,
Ammon et arentis Libyes et Byblius Adon.

Nec obscura indicia sunt tum de inferis fabulas, tum mysteria Cereris Liberique, quos inferorum deos esse Graeci crediderunt^{d)}), originem ab Aegyptiis traxisse. Quo quidem pertinet testimonium Diodori^{e)}): Ὁρφέα φασὶ τῶν μυστικῶν τελετῶν τὰ πλεῖστα καὶ τὰ περὶ τὴν ἑαυτοῦ πλάνην ὀργιζόμενα, καὶ τὴν τῶν ἐν ἄδου μυθοποιῶν ἀπενέγκασθαι. Τὴν μὲν γὰρ Ὀσίριδος τελετὴν τῇ Διονύσου τὴν αὐτὴν εἶναι, τὴν δὲ τῆς Ἰσιδος τῇ τῆς Δήμητρος ὁμοιοτάτην ὑπάρχειν, τῶν ὀνομάτων μόνον ἐνηλλαγμένων· τὰς δὲ τῶν ἀσεβῶν ἐν ἄδου τιμωρίας, καὶ τοὺς τῶν εὐσεβῶν λειμῶνας καὶ τὰς παρὰ τοῖς

a) Cf. Creuzer Symbolik. Hefter die Religion der Gr. und Röm. Brandenb. 1848.

b) Plut. Qu. Rom. XII, 383. Cf. Hymn. Orph. in Semelen XL, IV.

c) Lib. II, p. 43.

d) Artemidor. II, 35. Cf. Lobeck Agl. 1, 241.

e) Diod. 1, 96.

πολλοῖς εἰδωλοποιίας ἀναπεπλασμένας παρειαγαγεῖν, μιμησάμενον τὰ περὶ τὰς ταφάς, τὰς κατ' Αἰγύπτον. Τὸν μὲν γὰρ ψυχοπομπὸν Ἑρμῆν κατὰ τὸ παλαιὸν νόμιμον παρ' Αἰγυπτίους, ἀναγαγόντα τοῦ Ἄπιδος τὸ σῶμα μέχρι τινός, παραδιδόναι τῷ περιχεμένῳ τὴν τοῦ Κερβέρου προτομήν^{a)}). Et alio loco^{b)} ubi ex Aegyptiorum sacerdotum opinione de phalli apud Graecos cultu tradit: τοὺς Ἕλληνας (φασί), ἐξ Αἰγύπτου παρειαγόμενους τὰ περὶ τοὺς ὀργασμοὺς καὶ τὰς Διονυσιακὰς ἐορτάς, τιμᾶν τοῦτο τὸ μῦθον ἐν τε τοῖς μυστηρίοις καὶ ταῖς τοῦ θεοῦ τούτου τελεταῖς τε καὶ θυσίαις. Idem colligimus ex Eusebio^{c)}): φασὶ πρῶτον Ὀρφέα μεταστῆσάμενον τὰ παρ' Αἰγυπτίων Ἕλλησι παραδοῦναι μυστήρια. Fidem facere his possunt monumenta Graecorum prisca, quorum meminit Pausanias. Narrat is de signo ligneo antiquissimo apud Argivos, in templo Apollinis Lycii celeberrimo, a Danao Aegypto olim dedicato, additque in Graecia temporibus priscis signa omnia e ligno fuisse, praesertim vero ab Aegyptiis fabricata^{d)}). Apud eundem legimus Megaris, in Apollinis aede, quae ab Adriano fuit restituta, Apollinis Pythii et Decumani simulacra ad Aegyptiorum signorum similitudinem fuisse elaborata^{e)}). Idem in Herculis templo apud Erythraeos, ob vetustatem suam spectando, signum dei memorat, quod neque cum Aegineticis, neque cum Atticis antiquissimis similitudinem habere censet, sed si ullum aliud, prorsus Aegyptium esse ait^{f)}). Accedit Apollinis Pythii in Samo insula simulacrum, cujus dimidiam partem in longitudinem Telecles Samius in patria sua, dimidiam alteram Theodorus Ephesi fabricasse dicitur, uterque Aegyptiorum artem imitatus, partium proportionem servata in tantum, ut altera alteri appositae atque adaptatae mirum in modum inter se congruerent, atque ab uno artifice factae esse viderentur. Simulacrum illud exemplo institutoque Aegyptiorum exporrectis manibus cruribusque divaricatis illos fecisse Diodorus auctor est^{g)}): Τὸ δ' ἐν τῇ Σάμῳ ξόανον, συμφώνως τῇ τῶν Αἰγυπτίων φιλοτεχνίᾳ, κατὰ τὴν κορυφὴν διχοτομούμενον, διορίζειν τοῦ ζώου τὸ μέσον μέχρι τῶν αἰδοίων, ἰσάζον ὁμοίως ἑαυτῷ πάντοθεν· εἶναι δ' αὐτὸ λέγουσι κατὰ τὸ πλεῖστον παρεμφερές· τοῖς Αἰγυπτίοις, ὡς ἂν τὰς μὲν χεῖρας ἔχον παρατεταμένας, τὰ δὲ σκέλη διαβεβηκότα. Obiter advertendum Apollinis Lycii et Pythii, quem eundem Lycium fuisse

a) Cf. Diod. 1, 22.

b) Diod. 1, 23.

c) Euseb. Praep. Ev. 1, 6, 17.

d) Paus. II, 19 3. Ἀργείοις δὲ τῶν ἐν τῇ πόλει τὸ ἐπιφανέστατον ἔστιν Ἀπόλλωνος ἱερὸν Λυκαίου. Τὸ μὲν οὖν ἄγαλμα τὸ ἐφ' ἡμῶν Ἀττάλου ποιεῖμα ἦν Ἀθηναίου, τὸ δὲ ἐξ ἀρχῆς Δαναοῦ καὶ ὁ ναὸς καὶ τὸ ξόανον ἀνάθημα ἦν· ξόανα γὰρ δὴ τότε εἶναι πείθεμαι πάντα, καὶ μάλιστα τὰ Αἰγύπτου.

e) Paus. 1, 42, 5.

f) Paus. VII, 5, 5. Τὸ δὲ ἄγαλμα οὔτε τοῖς καλουμένοις Αἰγυπτίοις οὔτε τῶν Ἀττικῶν τοῖς ἀρχαιοτάτοις ἑμφερές, εἰ δὲ τι καὶ ἄλλο ἀκριβὲς ἔστιν Αἰγύπτου.

g) Diod. 1, 98.

in superioribus docui, simulacra hic memorari, unde horum deorum cum Aegypto conjunctio elucet. Quae cum ita sint, non amplius dubitandum esse arbitror nec de symbolica luporum significatione, quos in fabulis monumentisque Aegyptiorum sepulcratibus reperiri vidimus, nec de cognomento Jovi, Apollini et Pani indito, quorum religiones arctissime inter se atque cum Dionysi et Osiridis cultu conjunctas esse satis mihi demonstrasse videor. Atque hoc propositum meum fuit, quod quomodo executus sim, Viri Docti sine offensa et sine gratia judicent.

Исслѣдованіе наибольшихъ и наименьшихъ значеній опредѣленныхъ многократныхъ интеграловъ.

§ 1.

Въ теоріи наибольшихъ и наименьшихъ значеній опредѣленныхъ интеграловъ, за окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса объ отысканіи тѣхъ дифференціальныхъ уравненій, которыя, происходя отъ приравниванія нулю первой варіаціи опредѣленнаго интеграла, служатъ къ опредѣленію неизвѣстныхъ функцій, обращающихъ интегралъ въ maximum или minimum, — слѣдовалъ вопросъ объ отысканіи тѣхъ условій, при которыхъ вторая варіація опредѣленнаго интеграла будетъ положительною въ случаѣ minimum и отрицательною въ случаѣ maximum. Лежандръ — первый занимался этимъ вопросомъ *) и предложилъ свой способъ для простыхъ интеграловъ. Но способъ Лежандра, кромѣ рѣшенія тѣхъ дифференціальныхъ уравненій, которыя служатъ къ опредѣленію неизвѣстныхъ функцій, обращающихъ интегралъ въ maximum или minimum, требуетъ рѣшенія еще новыхъ дифференціальныхъ уравненій, и притомъ не линейныхъ. Отысканіе рѣшенія этихъ дифференціальныхъ уравненій, чрезъ приведеніе ихъ къ линейнымъ, привело Кёнигсбергскаго Геометра Якоби, къ открытію способа, который былъ обнародованъ самимъ Якоби въ 1837 году въ XVII томѣ математическаго журнала Креля — безъ доказательства и который служитъ къ различенію maximum и minimum простыхъ интеграловъ въ томъ только случаѣ, когда подынтегральная функція содержитъ одну только неизвѣстную функцію, обращающую интегралъ въ maximum или minimum. Найденное нашимъ математикомъ Соколовымъ въ томъ-же 1837 году, доказательство способа Якоби послужило предметомъ его диссертациі, защищенной имъ въ 1839 году въ Ст.-Петербургскомъ университетѣ на степень доктора математическихъ наукъ,

*) Legendre. Sur la manière de distinguer les maxima des minima dans le calcul des variations. Mémoire de l'Académie des sciences 1786, p. 7.

но въ печати доказательство Соколова появилось только въ 1842 году, въ особомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: *Разсужденіе о нѣкоторыхъ предметахъ, относящихся къ варіаціонному исчисленію*. Въ 1841 году Бертранъ въ 28 тетради журнала Политехнической школы, Делоне и Лебекъ, въ VI томѣ математическаго журнала Ліувилля, а послѣ и другіе доказали способъ Якоби, ограничиваясь случаемъ одной только неизвѣстной функціи, т. е. тѣмъ случаемъ, къ которому собственно и относится способъ Якоби.

Распространеніе способа Якоби на самый общій случай простыхъ интеграловъ, т. е. когда подынтегральная функція простаго интеграла содержитъ въ себѣ, не только порядокъ производныхъ неизвѣстныхъ функцій — какой угодно, но и число этихъ послѣднихъ также произвольное, — сдѣлано въ первый разъ нашимъ математикомъ Соколовымъ въ томъ-же самомъ его сочиненіи, которое было нами вышеупомянуто; до 1842 года не было ни одного сочиненія, трактовавшаго о распространеніи способа Якоби на общій случай простыхъ интеграловъ.

Послѣ того, какъ способъ Якоби былъ доказанъ для простыхъ интеграловъ въ общемъ видѣ, — для окончательнаго рѣшенія вопроса объ отысканіи условій, при которыхъ вторая варіація опредѣленнаго интеграла будетъ положительною въ случаѣ минимума и отрицательною въ случаѣ максимума, — оставалось только рѣшить такой вопросъ: распространяется ли способъ Якоби и на многократные интегралы и какимъ образомъ? Въ своемъ разсужденіи: объ условіяхъ, служащихъ къ отысканію и различенію максимума и минимума двойныхъ интеграловъ, мы сдѣлали распространеніе способа Якоби на двойной интегралъ, подынтегральная функція котораго содержитъ одну только неизвѣстную функцію и ея частныя производныя — только перваго порядка.

Предметъ предлагаемаго теперь разсужденія состоитъ въ томъ, чтобы показать, какъ способъ Якоби распространяется на многократный интегралъ, въ подынтегральную функцію котораго входятъ только перваго порядка частныя производныя неизвѣстныхъ функцій, число-же этихъ послѣднихъ — совершенно произвольное.

Пусть

$$W = \int V dx_1 \dots dx_i$$

будетъ такой опредѣленный многократный интегралъ, который распространяется на всѣ значенія переменныхъ независимыхъ x_1, x_2, \dots, x_i , удовлетворяющія неравенству:

$$L < 0$$

гдѣ L есть данная функція отъ x_1, x_2, \dots, x_i

Если предѣлы интеграла W означимъ: верхніе чрезъ $x_1'' x_2'' \dots x_i''$ и нижніе чрезъ $x_1' x_2' \dots x_i'$ то можемъ сказать, что эти предѣльные значенія $x_1'' x_2'' \dots x_i''$ и $x_1' x_2' \dots x_i'$, найдутся изъ уравненія:

$$L = 0.$$

Кромѣ того, если интегрированіе совершается сперва по x_i потомъ по $x_2 \dots$ и т. д., по $x_1'' x_1'$ будутъ функціи отъ $x_2 \dots x_i$, $x_2'' x_2'$ — будутъ функціи отъ $x_3 \dots x_i$ и т. д. Подъинтегральная функція

$$(2) V = f(x_i, y_i, p_{i,i})$$

содержитъ въ себѣ какъ переменныя независимыя $x_1 x_2 \dots x_i$, такъ ихъ функціи $y_1 y_2 \dots y_i$ и частныя производныя сихъ послѣднихъ — только перваго порядка по каждой изъ переменныхъ независимыхъ $x_1 x_2 \dots x_i$

$$(3) p_{i,i} = \frac{dy_i}{dx_i}$$

Но прежде, нежели приступимъ къ рѣшенію занимающаго насъ вопроса: разпространить способъ Якоби на многократный интегралъ W , мы выведемъ вариацию δW и тѣ уравненія, которыя, происходя отъ приравниванія δW нулю, будутъ намъ нужны для нашего вопроса.

Какъ наибольшее, такъ и наименьшее значеніе опредѣленнаго многократнаго интеграла W между его данными предѣлами, опредѣляется функціями $y_1 y_2 \dots y_i$; каждаго значенія $y_1 \dots y_i$ — будетъ отвѣчать соотвѣтствующее имъ значеніе интеграла W , такъ что вопросъ о maximum и minimum интеграла W , между его данными предѣлами, можетъ быть выраженъ такъ: найти такія $y_1 y_2 \dots y_i$, при которыхъ интегралъ W имѣлъ-бы maximum или minimum между его данными предѣлами?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, возьмемъ другой интегралъ

$$W_t = \int V_t dx_1 dx_2 \dots dx_i$$

котораго предѣлы тѣ-же самыя, какъ и предѣлы интеграла W . Подъинтегральная функція V_t относительно $x_1 x_2 \dots x_i$, ихъ функцій $Y_1 Y_2 \dots Y_i$ и частныхъ производныхъ этихъ послѣднихъ по $x_1 x_2 \dots x_i$ имѣетъ точно такой-же составъ, какъ и подъинтегральная функція V относительно $x_1 x_2 \dots x_i$, ихъ функцій $y_1 y_2 \dots y_i$ и частныхъ производныхъ этихъ послѣднихъ по $x_1 x_2 \dots x_i$. Переменныя зависимыя $Y_1 Y_2 \dots Y_i$ суть совершенно произвольныя функціи отъ $x_1 x_2 \dots x_i$ и произвольнаго постояннаго t — такія, что при $t = t_0$ непрерывны и дѣлаются соотвѣтственно равными $y_1 y_2 \dots y_i$, тѣмъ самымъ, которыя обращаютъ интегралъ W въ maximum или minimum.

Сообразно съ сказаннымъ свойствомъ интеграла W_t , онъ можетъ быть рассматриваемъ, какъ функція отъ t , и всѣ значенія W_t , при различныхъ величинахъ произвольной постоянной t , исчерпываютъ всѣ значенія, которыя будетъ принимать данный интегралъ W , когда въ него вмѣсто y_1, y_2, \dots, y_n будемъ подставлять различныя функціи отъ x_1, x_2, \dots, x_n ; — такимъ образомъ вопросъ о наибольшемъ и наименьшемъ значеніяхъ интеграла W равнозначущъ съ слѣдующимъ: найти такое t , при которомъ W_t , какъ функція отъ t , имѣла-бы maximum или minimum? Пусть t_0 — будетъ искомое значеніе t ; это значить, что при $t=t_0$ функціи Y_1, Y_2, \dots, Y_n обращаются въ y_1, y_2, \dots, y_n , — такія функціи отъ x_1, x_2, \dots, x_n , которыя даютъ интегралу W maximum или minimum. Но чтобы W_t при $t=t_0$ имѣла-бы maximum или minimum, какъ извѣстно изъ дифференціального исчисленія, необходимо, чтобы первая производная W_t по t равнялась-бы нулю; а вторая производная W_t по t , при томъ-же t_0 значеніи t сохраняла-бы одинъ и тотъ-же знакъ, который и послужитъ къ различенію maximum и minimum интеграла W . Принимая во вниманіе все сказанное и имѣя въ виду опредѣленіе варіаціи по способу Эйлера, заключаемъ, что функціи y_1, y_2, \dots, y_n , обращающія интегралъ W въ maximum или minimum, найдутся изъ уравненія $\delta W=0$, а знакъ $\delta^2 W$ послужитъ къ различенію maximum и minimum интеграла W .

Варіація δW , по способу Эйлера, получится весьма просто; — стоитъ только взять производную W_t по t

$$\frac{dW_t}{dt} = \int \frac{dV_t}{dt} dx_1 \dots dx_n$$

и въ этой производной положить t равнымъ t_0 ; тогда при $t=t_0$

$$\frac{dW_t}{dt} = \delta W, V_t = V, \frac{dV_t}{dt} = \delta V.$$

Варіація δV состоитъ изъ двухъ частей. Обѣ эти части происходятъ: — первая отъ приращенія ω , — усѣченной варіаціи y , вторая отъ приращенія $\frac{d\omega}{dx_1}$. Усѣченная варіація ω , — по способу Эйлера, получится, если возьмемъ производную Y , по t и положимъ въ этой производной $\frac{dY}{dt}$ произвольную постоянную t равною t_0 .

Первая часть δV равна $\sum N_s \omega_s$, гдѣ

$$(4) N_s = \frac{dV}{dy_s}$$

Вторая часть δV равна $\sum_i \sum_j P_{s,i} \frac{d\omega_s}{dx_i}$ гдѣ

$$(5) P_{s,i} = \frac{dV}{dp_{s,i}}$$

Такимъ образомъ

$$\delta V = \sum_i N_i \omega_i + \sum_i \sum_j P_{s,i} \frac{d\omega_s}{dx_i}$$

Вторая часть послѣдняго равенства обыкновенно обозначается чрезъ Ω_1 , — и мы введемъ это обозначеніе, какъ болѣе удобное; обозначимъ δV чрезъ Ω_1 , тогда

$$(6) \delta W = \int \Omega_1 dx_1 \dots dx_i$$

$$a \quad (7) \Omega_1 = \sum_i N_i \omega_i + \sum_i \sum_j P_{s,i} \frac{d\omega_s}{dx_i}$$

Выраженіе Ω_1 можетъ быть представлено такъ:

$$\Omega_1 = \sum_i \sum_j \frac{d(P_{s,i} \omega_s)}{dx_i} + \sum_i \left(N_i - \sum_j \frac{dP_{s,i}}{dx_i} \right) \omega_s \quad (8)$$

Сообразно съ этимъ

$$\begin{aligned} \delta W = & \int \left[\sum_i \sum_j \frac{d(P_{s,i} \omega_s)}{dx_i} \right] dx_1 \dots dx_i + \\ & + \int \left[\sum_i \left(N_i - \sum_j \frac{dP_{s,i}}{dx_i} \right) \omega_s \right] dx_1 \dots dx_i \end{aligned} \quad (9)$$

Выведемъ теперь уравненія, вытекающія изъ приравниванія нулю двухъ интеграловъ второй части послѣдняго равенства.

Такъ какъ второй i -кратный интегралъ не можетъ быть сведенъ на $(i-1)^a$, и такъ какъ подъинтегральная функція этого втораго интеграла содержитъ въ себѣ произвольнаго множителя ω_s , то коэффициентъ при каждомъ ω_s долженъ быть равенъ нулю; въ слѣдствіе чего мы будемъ имѣть слѣдующія 3 уравненій

$$N_1 - \sum_i \frac{dP_{1,i}}{dx_i} = 0 \quad N_2 - \sum_i \frac{dP_{2,i}}{dx_i} = 0 \quad \dots \quad N_s - \sum_i \frac{dP_{s,i}}{dx_i} = 0 \quad (10)$$

которыя распространяются на всѣ такія-же значенія x_1, x_2, \dots, x_i , какъ и интегралъ W . Эти уравненія (10) суть дифференціальныя уравненія въ частныхъ производныхъ 2-го порядка, а потому каждая изъ функцій y_1, y_2, \dots, y_s , удовлетворяющихъ уравненіямъ (10) содержитъ въ себѣ, говоря вообще, 2s произвольныхъ функцій $\xi_1, \xi_2, \dots, \xi_{2s}$.

Преобразуемъ первый i — кратный интегралъ второй части равенства (9) въ $(i-1)^*$ посредствомъ той формулы нашего академика Остроградскаго, которая въ его мемуарѣ: *sur le calcul des variations des integrales multiples* *), находится на страницѣ 17 подъ литерою (C). Для удобства въ письмѣ воспользуемся знакомъ подстановки I , который предложенъ французскимъ математикомъ Коши **). Этотъ знакъ подстановки I ставится впереди функціи, къ нему приписывается на подобіе предѣловъ $I^{x''}$ то частное значеніе x'' , которое должна принимать переменная x . Тотъ-же знакъ $I^{x''}$ съ двумя предѣлами, нижнимъ x' и верхнимъ x'' выражаетъ разность двухъ последовательныхъ подстановокъ $x = x'$ и $x = x''$ въ той функціи, при которой стоитъ знакъ $I^{x''}$.

Замѣняя въ сейчасъ упомянутой нами формулѣ Остроградскаго переменныя независимыя $x, y, z \dots$ соответственно на $x_1, x_2 \dots x_i$ и подставляя вмѣсто функцій P, Q, R — соответственно $P_{s,1}, P_{s,2}, P_{s,3} \dots$ и замѣчая, что на основаніи даннаго условія относительно предѣльныхъ значеній $x_1'' x_2'' \dots x_i'', x_1' x_2' \dots x_i'$ — количество $\frac{dL}{dx_1} \bigg/ \sqrt{\left(\frac{dL}{dx_1}\right)^2}$ есть величина положительная для $x_1 = x_1''$ и величина отрицательная для $x_1 = x_1'$, мы получимъ, что, преобразованный нами по формулѣ Остроградскаго, первый i кратный интегралъ второй части равенства (9), помощью знака подстановки $I^{x''}$, представится такъ:

$$\int \left[\sum_i \sum_s \frac{d(P_{s,i} \omega_s)}{dx_i} \right] dx_1 dx_2 \dots dx_i = \int \left[\sum_s \frac{I^{x''}}{x_1'} \sum_i P_{s,i} \frac{\frac{dL}{dx_i}}{\frac{dL}{dx_1}} \omega_s \right] dx_2 \dots dx_i$$

Приравнивая нулю коэффициентъ при каждомъ ω_s въ подынтегральной функціи интеграла второй части послѣдняго равенства, получимъ предѣльныя уравненія:

$$\frac{x_1''}{\left(\sum_i P_{s,i} \frac{\frac{dL}{dx_i}}{\frac{dL}{dx_1}} \right)} = 0 \dots \dots \dots \frac{x_1''}{\left(\sum_i P_{s,i} \frac{\frac{dL}{dx_i}}{\frac{dL}{dx_1}} \right)} = 0$$

*) Mémoires de l'Académie de St.-Petersbourg. T. 24, 1834.

**) Exercices d'Analyse et de Physique Mathématique T. III. 1841, p. 50.

$$(11) \quad \frac{x_1''}{\left(\sum_i P_{i,1} \frac{dL}{dx_1}\right)} = 0 \dots \dots \dots \frac{x_1'}{\left(\sum_i P_{s,1} \frac{dL}{dx_1}\right)} = 0$$

которыхъ числомъ $2s$ и которыя служатъ къ опредѣленію произвольныхъ функций ξ_1, ξ_2, \dots

Уравненія (10) и (11) суть тѣ самыя, которыя, происходя отъ приравниванія $\delta W = 0$, намъ нужны для рѣшенія занимающаго насъ вопроса: распространить способъ Якоби на многократный интегралъ W .

§ 2.

Вторая вариация $\delta^2 W$, которой знакъ опредѣляетъ условія, служащія для различенія maximum и minimum интеграла W , сообразно съ равенствами (6) и (7) будетъ такая:

$$\delta^2 W = \int \Omega_2 dx_1 \dots dx_1 \quad (12)$$

гдѣ
$$\Omega_2 = \sum_s \frac{d\Omega_1}{dy_s} \omega_s + \sum_s \sum_i \frac{d\Omega_1}{dp_{s,i}} \frac{d\omega_s}{dx_i} \quad (13)$$

или
$$\Omega_2 = \sum_s \sum_i \frac{d \left[\frac{d\Omega_1}{dp_{s,i}} \omega_s \right]}{dx_i} + \sum_s \left(\frac{d\Omega_1}{dy_s} - \sum_i \frac{d \left(\frac{d\Omega_1}{dp_{s,i}} \right)}{dx_i} \right) \omega_s \quad (14)$$

Такимъ образомъ

$$\delta^2 W = \int \left\{ \sum_s \sum_i \frac{\left(\frac{d\Omega_1}{dp_{s,i}} \omega_s \right)}{dx_i} + \sum_s \left[\frac{d\Omega_1}{dy_s} - \sum_i \frac{d \left(\frac{d\Omega_1}{dp_{s,i}} \right)}{dx_i} \right] \omega_s \right\} dx_1 \dots dx_1 \quad (15)$$

и намъ нужно вывести тѣ условія, которыя вытекаютъ изъ того, что интегралъ второй части равенства (15) сохраняетъ знакъ $+$ въ случаѣ minimum и $-$ въ случаѣ maximum интеграла W .

При вставленіи въ равенство (15) вмѣсто Ω_1 равнаго ему выраженія изъ равенства (7) намъ придется дѣлать двойное суммирование какъ по одиѣмъ и тѣмъ-же, такъ и по различнымъ y и ихъ частнымъ производнымъ; потому при вставленіи въ равенство (15) вмѣсто Ω_1 равнаго ему выраженія изъ равенства (7) необходимо:

Въ 1-хъ) отличать другъ отъ друга различныя y и ихъ частныя производныя; для чего условимся одни y означать чрезъ y_* — другіе чрезъ y_σ ; сообразно съ этимъ

$$P_{*,i} = \frac{dy_*}{dx_i}, P_{\sigma,i} = \frac{dy_\sigma}{dx_i}, N_* = \frac{dV}{dy_*}, N_\sigma = \frac{dV}{dy_\sigma}$$

$$P_{*,i} = \frac{dV}{dp_{*,i}}, P_{\sigma,i} = \frac{dV}{dp_{\sigma,i}}, \delta y_* = \omega_*, \delta y_\sigma = \omega_\sigma$$

какъ и такъ и σ имѣютъ всѣ цѣлыя численныя значенія отъ 1 до числа, равнаго числу искомымъ функцій y_1, y_2, \dots, y_s .

Во 2-хъ) различать переменныя независимыя между собою и частныя производныя, по нимъ взятые; для чего одни переменныя независимыя будемъ означать чрезъ x_i , другія чрезъ x_j , сообразно съ этимъ:

$$P_{*,i} = \frac{dy_*}{dx_i}, P_{*,j} = \frac{dy_*}{dx_j}, P_{\sigma,i} = \frac{dy_\sigma}{dx_i}, dp_{\sigma,j} = \frac{dy_\sigma}{dx_j}$$

$$P_{*,i} = \frac{dV}{dp_{*,i}}, P_{*,j} = \frac{dV}{dp_{*,j}}, P_{\sigma,i} = \frac{dV}{dp_{\sigma,i}}, P_{\sigma,j} = \frac{dV}{dp_{\sigma,j}}$$

При вставленіи въ равенство (15) вмѣсто Ω_1 равнаго ему выраженія изъ равенства (7), сообразно съ сказанными обозначеніями, $\delta^2 W$ представится въ такомъ видѣ:

$$\begin{aligned} \delta^2 W = & \int \left\{ \sum_* \sum_\sigma \sum_i d \left[\frac{\left(\frac{dP_{*,i}}{dy_\sigma} \omega_\sigma \right) \omega_*}{dx_i} \right] \right\} dx_1 \dots dx_i + \\ & + \int \left\{ \sum_* \sum_\sigma \sum_i d \left[\frac{\left(\sum_j \frac{dP_{*,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d\omega_\sigma}{dx_j} \right) \omega_*}{dx_i} \right] \right\} dx_1 \dots dx_i + \\ & + \int \left\{ \sum_* \sum_\sigma \left[\frac{dN_*}{dy_\sigma} \omega_\sigma + \sum_i \frac{dN_*}{dp_{\sigma,i}} \frac{d\omega_\sigma}{dx_i} - \sum_i d \left(\frac{dP_{*,i}}{dy_\sigma} \omega_\sigma \right) - \right. \right. \\ & \left. \left. - \sum_i \frac{d \left(\sum_j \frac{dP_{*,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d\omega_\sigma}{dx_j} \right)}{dx_i} \right] \omega_* \right\} dx_1 dx_2 \dots dx_i \end{aligned}$$

Для краткости положимъ

$$A = \int \left\{ \sum_{\Sigma_s} \sum_{\Sigma_\sigma} \sum_{\Sigma_i} \frac{d \left[\left(\frac{dP_{s,i}}{dy_\sigma} \omega_\sigma \right) \omega_s \right]}{dx_i} \right\} dx_1 \dots dx_i +$$

$$+ \int \left\{ \sum_{\Sigma_s} \sum_{\Sigma_\sigma} \sum_{\Sigma_i} \frac{d \left[\left(\sum_j \frac{dP_{s,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d\omega_\sigma}{dx_j} \right) \omega_s \right]}{dx_i} \right\} dx_1 \dots dx_i \quad (17)$$

$$B = \int \left\{ \sum_s \sum_\sigma \left[\frac{dN_s}{dy_\sigma} \omega_\sigma + \sum_i \frac{dN_s}{dp_{\sigma,i}} \frac{d\omega_\sigma}{dx_i} - \sum_i \frac{d \left(\frac{dP_{s,i}}{dy_\sigma} \omega_\sigma \right)}{dx_i} - \sum_i \frac{d \left(\sum_j \frac{dP_{s,j}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d\omega_\sigma}{dx_j} \right)}{dx_i} \right] \omega_s \right\} dx_1 \dots dx_i \quad (18)$$

Такимъ образомъ

$$\delta W = A + B \quad (19)$$

Теперь нужно вторую часть равенства (19) привести къ такому виду, при которомъ мы могли-бы прямо получить условія достаточныя и совершенно необходимыя для различенія maximum и minimum интеграла W . Сообразно съ этою цѣлю, мы сдѣлаемъ преобразованія съ интеграломъ B помощью выраженій $\omega_1, \omega_2, \dots, \omega_s$, которыя составимъ слѣдующимъ образомъ:

Въ 1-хъ) представивъ себѣ, что въ каждой изъ искомыхъ функций y_1, y_2, \dots, y_n находятся 2s какихъ нибудь постоянныхъ количествъ a_1, a_2, \dots, a_{2s} , которыя мы предположимъ вошедшими при интегрированіи уравненій (10) въ произвольныя функции $\xi_1, \xi_2, \dots, \xi_{2s}$, и которыя могутъ заключаться въ y_1, y_2, \dots, y_n и явнымъ образомъ, возьмемъ выраженія:

$$(20) \left\{ \begin{array}{l} R_{1,1} = c_1 \left(\sum_i b_i \frac{dy_1}{da_i} \right) \quad R_{1,2} = c_2 \left(\sum_i b_i \frac{dy_1}{da_i} \right) \dots\dots R_{1,n} = c_n \left(\sum_i b_i \frac{dy_1}{da_i} \right) \\ R_{2,1} = c_1 \left(\sum_i b_i \frac{dy_2}{da_i} \right) \quad R_{2,2} = c_2 \left(\sum_i b_i \frac{dy_2}{da_i} \right) \dots\dots R_{2,n} = c_n \left(\sum_i b_i \frac{dy_2}{da_i} \right) \\ \text{--- --- --- --- --- --- --- --- ---} \\ R_{s,1} = c_1 \left(\sum_i b_i \frac{dy_s}{da_i} \right) \quad R_{s,2} = c_2 \left(\sum_i b_i \frac{dy_s}{da_i} \right) \dots\dots R_{s,n} = c_n \left(\sum_i b_i \frac{dy_s}{da_i} \right) \end{array} \right.$$

Уравненіе (22) показываетъ, что количества ряда (20 или 21) суть ничто иное, какъ рѣшенія уравненій (22) подобныхъ тѣмъ, которыхъ рѣшенія *), какъ нами было сказано вначалѣ, даны были геометромъ Якоби въ XVII томѣ журнала Креля.

Во 2-хъ) возьмемъ s^2 функций k , которыхъ опредѣлитель D не равенъ нулю и которыми мы можемъ располагать по нашему произволу; эти функции k мы будемъ различать помощью такихъ-же указателей ϵ и σ , μ и ν , какіе находятся при количествахъ ряда (20 или 21) т. е. эти функции k будутъ обозначаться нами такъ:

$$(23) \left\{ \begin{array}{l} k_{1,1} \ k_{1,2} \ . \ . \ . \ . \ . \ . \ k_{1,n} \\ k_{2,1} \ k_{2,2} \ . \ . \ . \ . \ . \ . \ k_{2,n} \\ \text{---} \text{---} \text{---} \text{---} \text{---} \text{---} \text{---} \\ k_{\epsilon,1} \ k_{\epsilon,2} \ . \ . \ . \ . \ . \ . \ k_{\epsilon,n} \end{array} \right.$$

или тѣ-же самыя функции ряда (23) будутъ нами обозначаться еще и такъ:

$$(24) \left\{ \begin{array}{l} k_{1,\mu} \ k_{1,2} \ . \ . \ . \ . \ . \ . \ k_{1,\nu} \\ k_{2,\mu} \ k_{2,2} \ . \ . \ . \ . \ . \ . \ k_{2,\nu} \\ \text{---} \text{---} \text{---} \text{---} \text{---} \text{---} \text{---} \\ k_{\sigma,\mu} \ k_{\sigma,2} \ . \ . \ . \ . \ . \ . \ k_{\sigma,\nu} \end{array} \right.$$

Изъ $\omega_1, \omega_2, \dots, \omega_s$ и изъ функций ряда (23 или 24) составимъ слѣдующія s линейныхъ выраженій:

$$(25) \left\{ \begin{array}{l} t_1 = k_{1,1} \ \omega_1 + k_{2,1} \ \omega_2 + \dots + k_{\epsilon,1} \ \omega_s \\ t_2 = k_{1,2} \ \omega_1 + k_{2,2} \ \omega_2 + \dots + k_{\epsilon,2} \ \omega_s \\ \text{---} \text{---} \text{---} \text{---} \text{---} \text{---} \text{---} \\ t_n = k_{1,n} \ \omega_1 + k_{2,n} \ \omega_2 + \dots + k_{\epsilon,n} \ \omega_s \end{array} \right.$$

или тѣ-же самыя выраженія (25) будутъ изображаться нами еще и такъ:

*) Этими рѣшеніями, какъ также было сказано нами, устраняются тѣ затрудненія, которыя встрѣчаются при преобразованіи второй варіаціи простаго интеграла по способу Лежандра.

$$\begin{aligned} \frac{dD}{dk_{1,1}} = R_{1,1} \quad \frac{dD}{dk_{1,2}} = R_{1,2} \dots \frac{dD}{dk_{1,v}} = R_{1,v} \\ \frac{dD}{dk_{2,1}} = R_{2,1} \quad \frac{dD}{dk_{2,2}} = R_{2,2} \dots \frac{dD}{dk_{2,v}} = R_{2,v} \end{aligned} \quad (30)$$

$$\frac{dD}{dk_{\sigma,1}} = R_{\sigma,1} \quad \frac{dD}{dk_{\sigma,2}} = R_{\sigma,2} \dots \frac{dD}{dk_{\sigma,v}} = R_{\sigma,v}$$

Равенства (27 или 28) вмѣстѣ съ уравненіями (29 или 30) даютъ слѣдующія выраженія для ω , или ω_{σ} , а именно:

$$(31) \quad \omega = \sum_n R_{1,n} \cdot t_n$$

или

$$(32) \quad \omega_{\sigma} = \sum_v R_{\sigma,v} \cdot t_v$$

Помощію выраженій $\omega_1, \omega_2, \dots$, опредѣляемыхъ равенствами (31 или 32) мы преобразуемъ интегралъ В (рав. 18).

Если вставимъ въ интегралъ В (рав. 18) вмѣсто ω , и ω_{σ} равныя имъ выраженія изъ равенствъ (31 и 32) и если положимъ

$$(33) \quad h_{\sigma,\sigma}^{(v)} = \frac{dN_{\sigma}}{dy_{\sigma}} R_{\sigma,v} \cdot t_v + \sum_i \frac{dN_{\sigma}}{dp_{\sigma,i}} \frac{d(R_{\sigma,v} \cdot t_v)}{dx_i} -$$

$$- \sum_i \frac{\left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_{\sigma}} R_{\sigma,v} \cdot t_v \right)}{dx_i} - \sum_i \frac{d \left[\sum_j \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d(R_{\sigma,v} \cdot t_v)}{dx_j} \right]}{dx_i}$$

то интегралъ В выразится такъ:

$$(34) \quad B = \int \left\{ \sum_n \sum_v \sum_{\sigma} h_{\sigma,\sigma}^{(v)} R_{1,n} \cdot t_n \right\} dx_1 \dots dx_i$$

Въ слѣдующемъ § мы покажемъ, какъ вторая часть равенства (34) приводится къ такому виду, что интегралъ В вмѣстѣ съ интеграломъ А принимаетъ именно то выраженіе, изъ котораго мы прямо найдемъ условія достаточныя и необходимыя для различенія максимум и минимум интеграла W.

§ 3.

Если каждому изъ количествъ t_1, t_2, \dots, t_n или все равно t_1, t_2, \dots, t_n дадимъ какое нибудь частное значеніе, напр. положимъ каждое изъ этихъ количествъ равнымъ единицѣ, то соответственно этому положенію, частныя значенія $\omega_1, \omega_2, \dots, \omega_n$ или ω_σ по равенствамъ (31 и 32) будутъ такіа: $\Sigma_n R_{1,n}, \Sigma_n R_{2,n}, \dots, \Sigma_n R_{n,n}$ или $\Sigma_v R_{1,v}, \Sigma_v R_{2,v}, \dots, \Sigma_v R_{n,v}$. Свойство выраженія $h_{\sigma,\sigma}^v$ (рав. 33) таково, что если въ немъ t_v положимъ равнымъ единицѣ, то въ слѣдствіе уравненія (22), $\Sigma_\sigma h_{\sigma,\sigma}^v$ обратится въ нуль. На основаніи такого свойства выраженія $h_{\sigma,\sigma}^v$, докажемъ слѣдующее равенство:

$$\begin{aligned} \Sigma_\sigma R_{\sigma,n} h_{\sigma,\sigma}^{(v)} = & - \Sigma_\sigma \Sigma_i d \left(\Sigma_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,n} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j} \right) + \\ & + \Sigma_\sigma \Sigma_i \frac{dt_v}{dx_i} \left[\left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_\sigma} R_{\sigma,n} + \Sigma_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d(R_{\sigma,n})}{dx_j} \right) R_{\sigma,v} - \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_\sigma} R_{\sigma,v} + \Sigma_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d(R_{\sigma,v})}{dx_j} \right) R_{\sigma,n} \right] \end{aligned} \quad (35)$$

Дѣйствительно:

$$\begin{aligned} R_{\sigma,n} h_{\sigma,\sigma}^v = & R_{\sigma,n} R_{\sigma,v} t_v \frac{dN_\sigma}{dy_\sigma} + \Sigma_i R_{\sigma,n} \frac{dN_\sigma}{dp_{\sigma,i}} \frac{d(R_{\sigma,v} t_v)}{dx_i} - \Sigma_i R_{\sigma,n} \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_\sigma} R_{\sigma,v} t_v \right)}{dx_i} \\ (36) \quad & - \Sigma_i R_{\sigma,n} \frac{d \left[\Sigma_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d(R_{\sigma,v} t_v)}{dx_j} \right]}{dx_i} = R_{\sigma,n} t_v \left\{ \frac{dN_\sigma}{dy_\sigma} R_{\sigma,v} + \Sigma_i \frac{dN_\sigma}{dp_{\sigma,i}} \frac{d(R_{\sigma,v})}{dx_i} - \right. \\ & - \Sigma_i \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_\sigma} R_{\sigma,v} \right)}{dx_i} - \Sigma_i \frac{d \left[\Sigma_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{\sigma,v}}{dx_j} \right]}{dx_i} \left. \right\} + \Sigma_i \frac{dN_\sigma}{dp_{\sigma,i}} R_{\sigma,n} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_i} - \\ & - \Sigma_i \frac{dP_{\sigma,i}}{dy_\sigma} R_{\sigma,n} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_i} - \Sigma_i \Sigma_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,n} \frac{d(R_{\sigma,v})}{dx_j} \frac{dt_v}{dx_i} - \end{aligned}$$

$$\begin{aligned}
 & - \sum_i \sum_j \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma,j}}{dx_i} \right)}{dx_i} R_{\sigma,n} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j} - \sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,n} \frac{d \left(R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j} \right)}{dx_i} \\
 \text{но} \quad & - \sum_i \sum_j \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma,j}}{dx_i} \right)}{dx_i} R_{\sigma,n} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j} - \sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,n} \frac{d \left(R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j} \right)}{dx_i} = \\
 & = - \sum_i \sum_j \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,n} \right)}{dx_i} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j} - \sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,n} \frac{d \left(R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j} \right)}{dx_i} + \\
 & + \sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{\sigma,n}}{dx_i} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j} = \\
 & = - \sum_i \sum_j \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,n} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j} \right)}{dx_i} + \sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{\sigma,n}}{dx_i} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j} = \\
 & = - \sum_i \sum_j \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,n} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j} \right)}{dx_i} + \sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{\sigma,n}}{dx_i} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j} =
 \end{aligned}$$

потому что $\frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} = \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,i}}$

По такъ какъ i и j имѣютъ однѣ и тѣ-же цѣлыя численныя значенія, то

$$\sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,i}} \frac{dt_v}{dx_j} \frac{d(R_{\sigma,n})}{dx_i} R_{\sigma,v} = \sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d(R_{\sigma,n})}{dx_j} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_i}$$

потому

$$\begin{aligned}
 & - \sum_i \sum_j \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \right)}{dx_i} R_{\sigma,n} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j} - \sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,n} \frac{d \left(R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j} \right)}{dx_i} = \\
 & = - \sum_i \sum_j \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,n} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j} \right)}{dx_i} + \sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{\sigma,n}}{dx_i} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j}
 \end{aligned}$$

Поставляя въ выражение $R_{\sigma,n} h_{\sigma}^{(v)}$ (рав. 36) вместо первой части послѣдняго равенства его вторую часть и замѣчая, что $\frac{dN_{\sigma}}{dp_{\sigma,i}} = \frac{dP_{\sigma,i}}{dy_{\sigma}}$, получимъ, что

$$\begin{aligned} R_{\sigma,n} h_{\sigma}^{(v)} &= R_{\sigma,n} t_v \left[\frac{dN_{\sigma}}{dy_{\sigma}} R_{\sigma,v} + \sum_i \frac{dN_{\sigma}}{dp_{\sigma,i}} \frac{dR_{\sigma,v}}{dx_i} - \sum_i \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_{\sigma}} R_{\sigma,v} \right)}{dx_i} - \right. \\ &\quad \left. - \sum_i \frac{d \left(\sum_j \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{\sigma,v}}{dx_j} \right)}{dx_i} \right] - \sum_i \frac{d \left(\sum_j \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,n} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j} \right)}{dx_i} + \\ &+ \sum_i \left[\left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_{\sigma}} R_{\sigma,n} + \sum_j \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{\sigma,n}}{dx_j} \right) R_{\sigma,v} - \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_{\sigma}} R_{\sigma,v} + \sum_j \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{\sigma,v}}{dx_j} \right) R_{\sigma,n} \right] \frac{dt_v}{dx_i} \end{aligned}$$

Суммируя послѣднее равенство по σ , имѣемъ

$$\begin{aligned} \sum_{\sigma} R_{\sigma,n} h_{\sigma}^{(v)} &= R_{\sigma,n} t_v \left\{ \sum_{\sigma} \left[\frac{dN_{\sigma}}{dy_{\sigma}} R_{\sigma,v} + \sum_i \frac{dN_{\sigma}}{dp_{\sigma,i}} \frac{dR_{\sigma,v}}{dx_i} - \sum_i \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_{\sigma}} R_{\sigma,v} \right)}{dx_i} - \right. \right. \\ &\quad \left. \left. - \sum_i \frac{d \left(\sum_j \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{\sigma,v}}{dx_j} \right)}{dx_i} \right] \right\} - \sum_{\sigma} \sum_i \frac{d \left[\sum_j \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,n} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j} \right]}{dx_i} + \\ &+ \sum_{\sigma} \sum_i \frac{dt_v}{dx_i} \left[\left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_{\sigma}} R_{\sigma,n} + \sum_j \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{\sigma,n}}{dx_j} \right) R_{\sigma,v} - \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_{\sigma}} R_{\sigma,v} + \sum_j \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{\sigma,v}}{dx_j} \right) R_{\sigma,n} \right] \end{aligned}$$

но въ слѣдствіе уравненія (22) коэффициентъ при $R_{\sigma,n} t_v$ равенъ нулю, потому выраженіе $\sum_{\sigma} R_{\sigma,n} h_{\sigma}^{(v)}$ дѣйствительно равно выраженію второй части равенства (35).

Умножимъ обѣ части равенства (35) на t_n и сдѣлаемъ суммирование по σ , η и ν ; тогда, если положимъ

$$\begin{aligned} C &= \sum_{\sigma} \sum_{\eta} \sum_{\nu} \sum_i t_n \frac{dt_v}{dx_i} \left[\left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_{\sigma}} R_{\sigma,n} + \sum_j \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{\sigma,n}}{dx_j} \right) R_{\sigma,v} - \right. \\ &\quad \left. - \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_{\sigma}} R_{\sigma,v} + \sum_j \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{\sigma,v}}{dx_j} \right) R_{\sigma,n} \right] \end{aligned} \quad (37)$$

$$G = - \sum_n \sum_v \sum_s \sum_\sigma \sum_i \frac{d \left[\left(\sum_j \frac{dP_{s,j}}{dp_{s,j}} R_{s,v} \frac{dt_v}{dx_j} \right) R_{s,n} t_n \right]}{dx_i} +$$

$$+ \sum_n \sum_v \sum_s \sum_\sigma \sum_i \sum_j \frac{dP_{s,j}}{dp_{s,j}} R_{s,v} \frac{dt_v}{dx_j} R_{s,v} \frac{dt_n}{dx_i} \quad (38)$$

то

$$\sum_n \sum_v \sum_s \sum_\sigma h_{s,\sigma}^{(v)} R_{s,n} = G + C \quad (39)$$

Докажемъ, что $C = 0$; для чего стоитъ только выраженіе C (рав. 37) разложить на три части: 1-я часть пусть будетъ та, которая относится къ однимъ и тѣмъ-же s и σ ; 2-я часть пусть будетъ та, которая относится къ различнымъ s и σ и представляетъ суммирование по s и σ такое, въ которомъ указатели s и σ идутъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ одна за другой буквы при обыкновенномъ ихъ сочетаніи по двѣ; пусть такое суммирование выражаетъ знакъ $\Sigma_{s,\sigma}$; 3-я часть пусть будетъ та, которая, относясь также къ различнымъ s и σ , представляетъ суммирование по s и σ такое, въ которомъ указатели s и σ идутъ въ порядкѣ, обратномъ вышесказанному; такое суммирование можетъ выражать тотъ-же знакъ $\Sigma_{s,\sigma}$, если только въ предъидущемъ суммированіи перемѣнимъ s на σ и обратно. Тогда

$$C = \sum_s \sum_i \left\{ \sum_n \sum_v t_n \frac{dt_v}{dx_i} \left(\frac{dP_{s,i}}{dy_s} R_{s,n} + \sum_j \frac{dP_{s,j}}{dp_{s,j}} \frac{dR_{s,n}}{dx_j} \right) R_{s,v} - \right.$$

$$\left. - \sum_n \sum_v t_n \frac{dt_v}{dx_i} \left(\frac{dP_{s,i}}{dy_s} R_{s,v} + \sum_j \frac{dP_{s,j}}{dp_{s,j}} \frac{dR_{s,v}}{dx_j} \right) R_{s,n} \right\} +$$

$$+ \sum_{s,\sigma} \sum_i \left\{ \sum_n \sum_v t_n \frac{dt_v}{dx_i} \left(\frac{dP_{s,j}}{dy_s} R_{s,n} + \sum_j \frac{dP_{s,j}}{dp_{s,j}} \frac{dR_{s,n}}{dx_j} \right) R_{s,v} - \right.$$

$$\left. - \sum_n \sum_v t_n \frac{dt_v}{dx_i} \left(\frac{dP_{s,i}}{dy_\sigma} R_{s,v} + \sum_j \frac{dP_{s,j}}{dp_{s,j}} \frac{d(R_{s,v})}{dx_j} \right) R_{s,n} + \right.$$

$$+ \sum_n \sum_v t_n \frac{dt_v}{dx_i} \left(\frac{dP_{s,i}}{dy_\sigma} R_{s,n} + \sum_j \frac{dP_{s,j}}{dp_{s,j}} \frac{d(R_{s,n})}{dx_j} \right) R_{s,v} -$$

$$\left. - \sum_n \sum_v t_n \frac{dt_v}{dx_i} \left(\frac{dP_{s,i}}{dy_s} R_{s,v} + \sum_j \frac{dP_{s,j}}{dp_{s,j}} \frac{d(R_{s,v})}{dx_j} \right) R_{s,n} \right\}$$

Такъ какъ въ второй части послѣднаго равенства, въ каждомъ изъ шести многочленовъ, размѣщенныхъ по строкамъ, указатели n и v имѣютъ однѣ и тѣ-же численныя значенія, то, сообразно съ самымъ составомъ количествъ ряда (20 и 21), два многочлена въ первыхъ двухъ строкахъ взаимно уничтожаются, а остальные четыре многочлена въ послѣднихъ четырехъ строкахъ уничтожаются: первый съ четвертымъ, а второй съ третьимъ.

Если-же $C = 0$, то равенства (38) и (39) приводятъ къ слѣдующему:

$$(40) \quad \begin{aligned} \sum_n \sum_v \sum_\sigma \sum_\sigma h_{\sigma,\sigma}^{(v)} R_{\sigma,n} t_n = & - \sum_n \sum_v \sum_\sigma \sum_\sigma \Sigma_1 \frac{d \left[\left(\Sigma_1 \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_1} \right) R_{\sigma,n} t_n \right]}{dx_1} + \\ & + \sum_n \sum_v \sum_\sigma \sum_\sigma \Sigma_1 \Sigma_1 \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_1} R_{\sigma,n} \frac{dt_n}{dx_1} \end{aligned}$$

Умножимъ обѣ части послѣднаго равенства на $dx_1 \dots dx_i$ и возьмемъ интегралы, тогда получимъ равенство, котораго первая часть будетъ равна интегралу В (рав. 34), и если положимъ

$$(41) \quad E = - \int \left\{ \sum_n \sum_v \sum_\sigma \sum_\sigma \Sigma_1 \frac{d \left[\left(\Sigma_1 \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_1} \right) R_{\sigma,n} t_n \right]}{dx_1} \right\} dx_1 \dots dx_i$$

$$(42) \quad F = \int \left\{ \sum_n \sum_v \sum_\sigma \sum_\sigma \Sigma_1 \Sigma_1 \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_1} R_{\sigma,n} \frac{dt_n}{dx_1} \right\} dx_1 \dots dx_i$$

то полученное равенство будутъ такое:

$$B = E + F.$$

Сравнивая это послѣднее равенство съ (19) находимъ слѣдующее:

$$(43) \quad \delta^* W = A + E + F.$$

Докажемъ, что $A + E = 0$.

Интегралъ Е можетъ быть представленъ такъ:

$$E = \int \left\{ \Sigma_n \Sigma_v \Sigma_\sigma \Sigma_i \frac{d \left[\left(\Sigma_j \frac{dP_{j,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d(R_{\sigma,v})}{dx_i} t_v \right) R_{\sigma,n} t_n \right]}{dx_i} \right\} dx_1 \dots dx_i$$

$$= \int \left\{ \Sigma_n \Sigma_v \Sigma_\sigma \Sigma_i \frac{d \left[\left(\Sigma_j \frac{dP_{j,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d(R_{\sigma,v})}{dx_i} R_{\sigma,n} t_n \right) \right]}{dx_i} \right\} dx_1 \dots dx_i$$

Изъ такого выраженія интеграла Е слѣдуетъ, что, на основаніи равенствъ (31) и (32) интегралъ Е принимаетъ такое выраженіе:

$$E = \int \left\{ \Sigma_v \Sigma_\sigma \Sigma_i \frac{d \left[\left(\Sigma_j \frac{dP_{j,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d(R_{\sigma,v})}{dx_i} \right) t_v \omega_i \right]}{dx_i} \right\} dx_1 \dots dx_i$$

(44)

$$= \int \left\{ \Sigma_v \Sigma_\sigma \Sigma_i \frac{d \left[\left(\Sigma_j \frac{dP_{j,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d\omega_\sigma}{dx_i} \right) \omega_i \right]}{dx_i} \right\} dx_1 \dots dx_i$$

Второй интегралъ выраженія (Е) рав. (44) съ вторымъ интеграломъ выраженія А (рав. 17) взаимно уничтожаются; а если первый интегралъ, выраженія (А) рав. (17) соединимъ съ первымъ интеграломъ выраженія Е рав. (44), то замѣняя въ первомъ интегралѣ выраженія А ω_σ равнымъ ему количествомъ изъ рав. (32), получимъ, что

$$A + E = \int \left\{ \Sigma_v \Sigma_\sigma \Sigma_i \frac{d \left[\left\{ \Sigma_\sigma \left(\frac{dP_{j,i}}{dy_\sigma} R_{\sigma,v} + \Sigma_j \frac{dP_{j,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{\sigma,v}}{dx_i} \right) \right\} t_v \omega_i \right]}{dx_i} \right\} dx_1 \dots dx_i \quad (45)$$

Преобразуя i — кратный интегралъ второй части послѣдняго равенства (45) въ $(i-1)^n$ по формулѣ нашего академика Островскаго *), придемъ къ заключенію, что подынтегральная функція преобразованнаго

*) Mémoire sur le calcul des variations des integrales multiples. Формула подъ литерою (C) на стр. 17.

$(i-1)^{\text{го}}$ интеграла равна нулю, потому что коэффициентъ при каждомъ ω_i равенъ нулю, какъ производная какого либо одного изъ предѣльныхъ дифференціальныхъ уравненій (11) по постояннымъ количествамъ a_1, a_2, \dots , а потому $A + E = 0$; тогда изъ равенствъ (43) и (42) слѣдуетъ, что

$$(46) \quad \delta^2 W = F = \int \left\{ \Sigma_n \Sigma_v \Sigma_s \Sigma_\sigma \Sigma_i \Sigma_j \frac{dP_{s,i}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_i} R_{s,n} \frac{dt_n}{dx_i} \right\} dx_1 \dots dx_i$$

Вторая часть послѣдняго равенства (46) и представляетъ собою то выраженіе $\delta^2 W$, которое даетъ возможность — вывести прямо условія достаточныя и необходимыя для различенія максимум и минимум интеграла W ; для этого стоитъ только подынтегральную функцію интеграла F представить въ видѣ однородной функціи 2-го порядка относительно нѣсколькихъ переменныхъ; что, выйдя съ самымъ выводомъ исконыхъ условій и составитъ предметъ слѣдующаго §.

§ 4.

Если сдѣлаемъ слѣдующія обозначенія:

$$(47) \quad \begin{aligned} \tau_{s,i} &= \Sigma_n R_{s,n} \frac{dt_n}{dx_i}, \quad \tau_{\sigma,j} = \Sigma_n R_{s,n} \frac{dt_n}{dx_i} \\ \tau_{\sigma,i} &= \Sigma_v \Sigma_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_i}, \quad \tau_{s,j} = \Sigma_v R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_i} \end{aligned}$$

то равенство (46) замѣнится такимъ:

$$(48) \quad \delta^2 W = \int \left\{ \Sigma_i \Sigma_\sigma \Sigma_i \Sigma_j \frac{dP_{s,i}}{dp_{\sigma,j}} \tau_{\sigma,i} \tau_{s,j} \right\} dx_1 \dots dx_i$$

Разложимъ интегралъ второй части послѣдняго равенства (47) на три интеграла: 1-й интегралъ пусть будетъ тотъ, котораго подынтегральная функція относится къ однимъ и тѣмъ-же s и σ ; 2-й интегралъ пусть будетъ тотъ, котораго подынтегральная функція относится къ различнымъ s и σ и представляетъ такое суммирование по s и σ , въ которомъ указатели s и σ слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ

идутъ буквы при обыкновенномъ ихъ сочетаніи по двѣ; пусть такое суммирование выражаетъ знакъ $\Sigma_{s, \sigma}$; 3-й интегралъ пусть будетъ тотъ, котораго подынтегральная функція, относясь также къ различнымъ s и σ , представляетъ такое суммирование по s и σ , въ которомъ указатели s и σ идутъ въ порядкѣ, обратномъ сейчасъ сказанному; такое суммирование можетъ выражать тотъ-же знакъ $\Sigma_{s, \sigma}$, если въ предъидущемъ суммированіи перемѣнимъ s на σ и обратно. Тогда

$$\begin{aligned} \delta^2 W = & \int \left\{ \Sigma_s \Sigma_i \Sigma_j \frac{dP_{s,i}}{dp_{s,j}} \tau_{s,i} \tau_{s,j} \right\} dx_1 \dots dx_i + \\ & + \int \left\{ \Sigma_{s,\sigma} \Sigma_i \Sigma_j \frac{dP_{s,i}}{dp_{\sigma,j}} \tau_{s,i} \tau_{\sigma,j} \right\} dx_1 \dots dx_i \\ & + \int \left\{ \Sigma_{s,\sigma} \Sigma_i \Sigma_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{s,j}} \tau_{\sigma,i} \tau_{s,j} \right\} dx_1 \dots dx_i \end{aligned}$$

каждый изъ интеграловъ второй части послѣдняго равенства разлагаемъ на три такіе: 1-й интегралъ пусть будетъ тотъ, котораго подынтегральная функція относится къ однѣмъ и тѣмъ-же i и j ; 2-й интегралъ пусть будетъ тотъ, котораго подынтегральная функція относится къ различнымъ i и j и представляетъ такое суммирование по i и j , въ которомъ указатели i и j слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ идутъ буквы при обыкновенномъ ихъ сочетаніи по двѣ; пусть такое суммирование выражаетъ знакъ $\Sigma_{i,j}$; 3-й интегралъ пусть будетъ тотъ, котораго подынтегральная функція, относясь также къ различнымъ i и j , представляетъ такое суммирование по i и j , въ которомъ указатели i и j идутъ въ порядкѣ, обратномъ сейчасъ сказанному; такое суммирование можетъ выражать знакъ тотъ-же $\Sigma_{i,j}$, если въ предъидущемъ суммированіи замѣнимъ i на j и обратно. Тогда:

$$\begin{aligned} \int \left(\Sigma_s \Sigma_i \Sigma_j \frac{dP_{s,i}}{dp_{s,j}} \tau_{s,i} \tau_{s,j} \right) dx_1 \dots dx_i = & \int \left\{ \Sigma_s \Sigma_i \frac{dP_{s,i}}{dp_{s,i}} \left(\tau_{s,i} \right)^2 \right\} dx_1 \dots dx_i + \\ & + \int \left(\Sigma_s \Sigma_{i,j} \frac{dP_{s,i}}{dp_{s,j}} \tau_{s,i} \tau_{s,j} \right) dx_1 \dots dx_i + \int \left(\Sigma_s \Sigma_{i,j} \frac{dP_{s,j}}{dp_{s,i}} \tau_{s,j} \tau_{s,i} \right) dx_1 \dots dx_i \end{aligned}$$

$$\begin{aligned}
& \int \left(\Sigma_{s,\sigma} \Sigma_i \Sigma_j \frac{dP_{s,i}}{dp_{s,j}} \tau_{s,i} \tau_{s,j} \right) dx_1 \dots dx_i = \int \left(\Sigma_{s,\sigma} \Sigma_i \frac{dP_{s,i}}{dp_{s,i}} \tau_{s,i} \tau_{s,i} \right) dx_1 \dots dx_i + \\
& + \int \left(\Sigma_{s,\sigma} \Sigma_{i,j} \frac{dP_{s,i}}{dp_{s,j}} \tau_{s,i} \tau_{s,j} \right) dx_1 \dots dx_i + \int \left(\Sigma_{s,\sigma} \Sigma_{i,j} \frac{dP_{s,j}}{dp_{s,i}} \tau_{s,j} \tau_{s,i} \right) dx_1 \dots dx_i \\
& \int \left(\Sigma_{s,\sigma} \Sigma_{i,j} \frac{dP_{s,i}}{dp_{s,j}} \tau_{s,j} \tau_{s,i} \right) dx_1 \dots dx_i = \int \left(\Sigma_{s,\sigma} \Sigma_{i,j} \frac{dP_{s,i}}{dp_{s,i}} \tau_{s,i} \tau_{s,i} \right) dx_1 \dots dx_i + \\
& + \int \left(\Sigma_{s,\sigma} \Sigma_{i,j} \frac{dP_{s,i}}{dp_{s,j}} \tau_{s,j} \tau_{s,i} \right) dx_1 \dots dx_i + \int \left(\Sigma_{s,\sigma} \Sigma_{i,j} \frac{dP_{s,j}}{dp_{s,i}} \tau_{s,i} \tau_{s,j} \right) dx_1 \dots dx_i
\end{aligned}$$

такъ какъ

$$\frac{dP_{s,i}}{dp_{s,j}} = \frac{dP_{s,j}}{dp_{s,i}}, \quad \frac{dP_{s,i}}{dp_{s,i}} = \frac{dP_{s,i}}{dp_{s,i}}, \quad \frac{dP_{s,i}}{dp_{s,j}} = \frac{dP_{s,j}}{dp_{s,i}}, \quad \frac{dP_{s,j}}{dp_{s,i}} = \frac{dP_{s,i}}{dp_{s,j}}$$

то

$$(49) \quad \delta^2 W = \int \left[\left\{ \Sigma_i \Sigma_j \frac{dP_{s,i}}{dp_{s,i}} (\tau_{s,i})^2 \right\} dx_1 \dots dx_i + \right.$$

$$\begin{aligned}
& + 2 \left(\Sigma_i \Sigma_{i,j} \frac{dP_{s,i}}{dp_{s,j}} \tau_{s,i} \tau_{s,j} \right) + 2 \left(\Sigma_{s,\sigma} \Sigma_i \frac{dP_{s,i}}{dp_{s,i}} \tau_{s,i} \tau_{s,i} \right) + \\
& + 2 \left(\Sigma_{s,\sigma} \Sigma_{i,j} \frac{dP_{s,i}}{dp_{s,j}} \tau_{s,i} \tau_{s,j} \right) + 2 \left(\Sigma_{s,\sigma} \Sigma_{i,j} \frac{dP_{s,j}}{dp_{s,i}} \tau_{s,j} \tau_{s,i} \right) \Big] dx_1 \dots dx_i
\end{aligned}$$

Выраженія $\tau_{s,i}$, $\tau_{s,j}$, $\tau_{s,i}$, $\tau_{s,j}$ (рав. 47) на основаніи равенствъ (31) и (32) могутъ быть представлены такъ:

$$\begin{aligned}
\tau_{s,i} &= \frac{d\omega_s}{dx_i} - \Sigma_n t_n \frac{dR_{s,n}}{dx_i}, \quad \tau_{s,j} = \frac{d\omega_s}{dx_j} - \Sigma_n t_n \frac{dR_{s,n}}{dx_j} \\
\tau_{s,i} &= \frac{d\omega_\sigma}{dx_i} - \Sigma_v t_v \frac{dR_{\sigma,v}}{dx_i}, \quad \tau_{s,j} = \frac{d\omega_\sigma}{dx_j} - \Sigma_v t_v \frac{dR_{\sigma,v}}{dx_j}
\end{aligned} \tag{50}$$

Изъ равенствъ (50) слѣдуетъ, что количества $\tau_{s,i}$, $\tau_{s,j}$, $\tau_{s,i}$, $\tau_{s,j}$ не обратятся въ ∞ между предѣлами интеграла W , если количества

ряда (20 или 21) не обратятся ни въ ∞ ни въ 0, а ихъ частныя производныя по $x_1 \dots x_i$ не обратятся въ ∞ между предѣлами интеграла W и если опредѣлитель количествъ ряда (20 или 21) не равенъ нулю. Дѣйствительно, если опредѣлитель количествъ ряда (20 или 21) не равенъ нулю, или все равно если количества ряда (20 или 21) будутъ между собою независимы, и если онѣ не обратятся ни въ нуль ни въ ∞ между предѣлами интеграла W , то всегда можемъ выбрать s^2 функций ряда (23 или 24) такія, которыя, удовлетворяя s^2 уравненіямъ (29 или 30), не обратятся ни въ 0 ни въ ∞ между предѣлами интеграла W и опредѣлитель ихъ не будетъ равенъ нулю; а въ такомъ случаѣ и выраженія ряда (25 или 26) также не обратятся въ ∞ между предѣлами интеграла; а при такихъ выраженіяхъ ряда (25 или 26) и притомъ условіи, что частныя производныя количествъ ряда (20 или 21) также не обращаются въ ∞ между предѣлами интеграла W , изъ равенствъ (50) слѣдуетъ, что и $\tau_{s,i} \tau_{s,j} \tau_{\sigma,i} \tau_{\sigma,j}$ также не обратятся въ ∞ между предѣлами интеграла W ; а потому, если приэтомъ и данныя дифференціальныя коэффициенты Ω_s не обращаются въ ∞ между предѣлами интеграла W , то и подынтегральная функция интеграла второй части равенства (49) не сдѣлается безконечно большимъ количествомъ для всѣхъ $x_1 x_2 \dots x_i$ между предѣлами интеграла W . Кромѣ того, какъ показываютъ равенства (50), выраженія $\tau_{s,i} \tau_{s,j} \tau_{\sigma,i} \tau_{\sigma,j}$ могутъ быть разсматриваемы, какъ произвольныя, другъ отъ друга независимыя количества, числомъ si ; и подынтегральная функция интеграла второй части равенства (49), какъ однородная функция 2-го порядка относительно этихъ si независимыхъ переменныхъ. Въ слѣдствіе чего изслѣдованіе тахімумъ и мінімумъ интеграла W приводится къ изслѣдованію дифференціального исчисленія, разсматривающему условія, при которыхъ такая функция, какъ та, которая стоитъ подъ знакомъ \int во второй части равенства (49), остается или положительною или отрицательною, каковы-бы ни были величины выраженій $\tau_{s,i} \tau_{s,j} \tau_{\sigma,i} \tau_{\sigma,j}$. Какъ извѣстно, для того, чтобы подынтегральная функция интеграла второй части равенства (49) сохраняла-бы знакъ, необходимо, чтобы имѣли мѣсто слѣдующія неравенства:

$$\frac{dP_{1,1}}{dp_{1,1}} \cdot \frac{dP_{1,2}}{dp_{1,2}} - \left(\frac{dP_{1,1}}{dp_{1,2}} \right)^2 \geq 0 \quad \frac{dP_{1,1}}{dp_{1,1}} \cdot \frac{dP_{1,3}}{dp_{1,3}} - \left(\frac{dP_{1,1}}{dp_{1,3}} \right)^2 \geq 0 \quad (51)$$

$$\frac{dP_{1,2}}{dp_{1,2}} \cdot \frac{dP_{1,3}}{dp_{1,3}} - \left(\frac{dP_{1,2}}{dp_{1,3}} \right)^2 \geq 0 \dots \dots \dots$$

Если неравенства (51) выполняются для всехъ x_1, x_2, \dots, x_i между предѣлами интеграла W при дифференціальныхъ коэффициентахъ Ω_i , не обращающихся въ ∞ ; если притомъ опредѣлитель количествъ ряда (20 или 21) не равенъ нулю и если сами эти количества не обращаются ни въ ∞ ни въ нуль, а частныя производныя количествъ ряда (20 или 21) по x_1, \dots, x_i не обращаются въ ∞ между предѣлами интеграла W ; тогда интегралъ W будетъ имѣть minimum, если $\frac{dP_{1,i}}{dp_{1,i}}$ будетъ положительная, и — maximum если $\frac{dP_{1,i}}{dp_{1,i}}$ — отрицательная для всехъ x_1, x_2, \dots, x_i между предѣлами интеграла W .

1. «Записки Императорскаго новороссійскаго университета» выходятъ въ неопредѣленное время, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, отдельными выпусками отъ 5 до 6 листовъ. Каждый 6 такихъ выпусковъ составляютъ одинъ томъ.

2. Въ запискахъ помѣщаются ученые труды лицъ, принадлежащихъ къ университету, по одобреніи ихъ всякій разъ къ печати подлежащимъ факультетомъ.

Примѣч. Члены факультетовъ могутъ представлять въ факультетъ и статьи постороннихъ лицъ для напечатанія въ запискахъ, также съ одобренія факультета.

3. Помѣщаемыя въ запискахъ статьи могутъ быть печатаемы, по желанію авторовъ, какъ на русскомъ, такъ и на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

18

-51939

L Soc

17

70
3

БИБЛИОТЕКА	ЦЕНТРАЛЬНОГО
СТАТИСТИЧ.	КОМИТЕТА
УЧЕТ. 10	ПОЛ. 89
ШКАФЪ 96	ЛОЖ. 4
Име. № 16219	

ЗАПИСКИ L Soc 3985. 151

ИМПЕРАТОРСКАГО

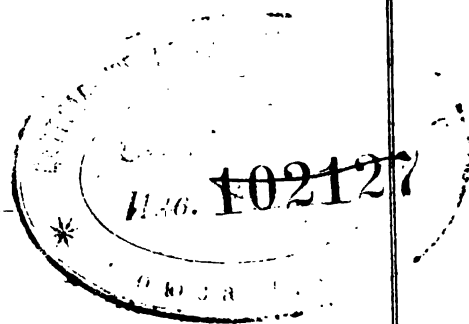
НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY
APR 25 1974

Годъ второй. 74*2

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ 6.

ОДЕССА,
ВЪ ТИПОГРАФИИ А. БИТЧЕ.
1868.

~~4804 No~~

ОТЧЕТЪ О КОМАНДИРОВКѢ ЗА ГРАНИЦУ

Доцента Н. Вернштейна.

6197
Главную цѣль своей поѣздки за границу я поставилъ себѣ: познакомиться, во первыхъ, съ новѣйшими способами физиологическаго изслѣдованія и съ усовершенствованнымъ устройствомъ употребляемыхъ для этого приборовъ, во вторыхъ, со способомъ преподаванія физиологій, принятымъ въ германскихъ университетахъ. Имѣя на это всего немного болѣе трехъ мѣсяцевъ и не желая дробить и тратить времени переездами, я рѣшился ограничиться однимъ Берлинскимъ университетомъ, гдѣ провелъ весь такъ называемый лѣтній семестръ, отъ начала мая до начала августа.

Съ первую цѣлю я занимался производствомъ физиологическихъ опытовъ и изученіемъ аппаратовъ въ физиологической лабораторіи подъ руководствомъ проф. Дюбуа-Реймона и ассистента его д-ра Розенталя. Преимущественно мое вниманіе было обращено на способы изслѣдованія животнаго электричества, раздражительности нервовъ и мышечной сократительности, — отдѣлы физиологій, которые, какъ извѣстно, отчасти созданы вновь, отчасти совершенно переработаны въ послѣднее время, и въ которыхъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по справедливости признается Дюбуа-Реймонъ. Хотя я при этихъ опытахъ имѣлъ въ виду не столько результаты ихъ, сколько производство ихъ и устройство снарядовъ и не могъ долго останавливаться на какомъ либуудъ одномъ ряду опытовъ, однакожъ я получилъ нѣкоторые результаты, которые, можетъ быть, не лишены значенія, и которые потому сообщая въ приложеніи.

Для второй цѣли я посѣщалъ курсы проф. Дюбуа «о нервной физиологій» и «о диффузіи», чтенія д-ра Розенталя объ отправленияхъ нервныхъ центровъ и курсъ экспериментальной физиологій, читанный также д-ромъ Розенталемъ. Для небольшого круга слушателей — по большей части русскихъ. Не говоря о послѣднемъ изъ этихъ курсовъ, который былъ въ сущности демонстративный и состоялъ изъ однихъ опытовъ съ необходимыми поясненіями, опыты занимали важное мѣсто и въ курсахъ, не обозначенныхъ названіемъ *экспериментальныхъ*. Послѣ признаннаго научнаго значенія преподавателей, это обстоятельство составляетъ главное достоинство преподаванія физиологій въ Берлинскомъ университетѣ. Никто не сомнѣвается въ томъ, что преподаваніе, сопровождаемое опытами имѣетъ большое преимущество предъ голословнымъ изложеніемъ фактовъ. Студентъ изъ слушателя

превращается въ очевидца, изъ очевидца въ участника опыта. Присутствуя при производствѣ опыта и видя не одинъ только результатъ его, но и всѣ приготовленія къ нему, предосторожности принимаемыя въ виду возможныхъ неудачъ или ошибокъ, слушатель получаетъ понятіе о приѣмахъ научнаго изслѣдованія и приучается смотрѣть на истинныя выработанныя наукою, какъ на выраженіе фактовъ. Нечего и говорить о томъ, что опыты, производимые предъ глазами слушателей, даютъ имъ болѣе вѣрное понятіе о дѣлѣ, чѣмъ тѣ же опыты, рассказываемые только на словахъ, и что факты, узнаваемые такимъ образомъ, запечатлѣваются въ памяти лучше чѣмъ факты, узнаваемые по преданію. Физиологія, какъ наука эмпирическая, въ этомъ отношеніи отличается отъ физики и химіи.

Не всѣ опыты однакожъ могутъ быть производимы предъ глазами слушателей. Иные слишкомъ тонки, чтобы быть доступны цѣлой аудиторіи, другіе требуютъ слишкомъ много времени, слишкомъ сложныя требуютъ для другихъ условий, которыхъ нельзя найти въ аудиторіяхъ. Въ этихъ случаяхъ слушатели должны вѣрить на слово преподавателю. Но чтобы не лишить ихъ другихъ выгодъ наглядности, весьма полезными оказываются модели и крупныя стѣнные изображенія. Послѣднія представляютъ еще ту выгоду, что остаются на глазахъ слушателей и послѣ лекцій, такъ что могутъ служить для справокъ, могутъ быть срисованы и списаны. Въ этомъ отношеніи изображенія опытовъ даже полезнѣе самыхъ опытовъ и потому не теряютъ своего значенія и тогда, когда изображаютъ опыты видѣнные слушателями на самомъ дѣлѣ. Изображенія представляютъ не только приборы и все расположеніе опытовъ, но и результаты ихъ и даже общіе выводы, такъ называемые законы, послѣдніе въ видѣ легко понятныхъ геометрическихъ построеній по графическому способу, принятому въ послѣднее время и во всѣхъ учебникахъ и сочиненіяхъ по физиологіи. Изображенія избавляютъ преподавателя отъ скучнаго рисованія на доскѣ, которое отнимаетъ гораздо больше времени, чѣмъ объясненіе готовыхъ уже рисунковъ. Кромѣ того импровизованныя рисунки преподавателя не могутъ имѣть ни требуемой ясности, когда дѣло идетъ объ устройствѣ снарядовъ и о расположеніи сложныхъ опытовъ, ни требуемой точности, когда дѣло идетъ о выведенныхъ законахъ, и никогда не могутъ сравниться въ красотѣ и въ изящности со тщательно отдѣланными рисунками.

Берлинская физиологическая аудиторія имѣетъ слишкомъ 350 такихъ стѣнныхъ изображеній, къ которымъ по мѣрѣ надобности прибавляются постоянно новыя. Рисунки не роскошны, безъ тѣней, не раскрашены или для ясности отчасти раскрашены яркими красками. Изготовленіе ихъ не требуетъ ни большаго искусства, ни большихъ средствъ.

Кромѣ этихъ занятій по физиологіи, я занимался систематически нормальной гистологіей, при чемъ обращалъ особенное вниманіе на изслѣдованіе различныхъ тканей помощію азотнокислаго серебра и осміевои кислоты. По любезному предложенію профессора Рейхерта, я посѣщалъ состоящій въ его владѣніи богатый зоотомическій музей и слѣдилъ за лекціями этого знаменитаго эмбриолога «о развитіи зародыша позвоночныхъ животныхъ».

Въ заключеніе прибавлю нѣсколько словъ объ одномъ, по моему мнѣнію, весьма полезномъ обычаѣ нѣкоторыхъ германскихъ профессоровъ, а именно, выбирать себя изъ среды студентовъ одного или болѣе помощниковъ, такъ называе-

ныхъ фамулусовъ. Фамулусъ заботится вмѣстѣ съ ассистентомъ о приготовленіяхъ для лекцій, между прочимъ о приготовленіи опытовъ и помогаетъ профессору при производствѣ послѣднихъ. Фамулусъ однакожъ не есть просто помощникъ профессора, онъ студентъ — специалистъ. По возможности не отвлекаясь отъ другихъ занятій, онъ посвящаетъ себя преимущественно избранной наукѣ, слѣдитъ за всѣми лекціями своего профессора во все время своего пребыванія въ университетѣ, участвуетъ не только при опытахъ производимыхъ въ аудиторіи, но и при производствѣ кабинетныхъ опытовъ и работъ и занимается также самостоятельно въ аудиторіи подъ руководствомъ профессора и его ассистентовъ. Такіе фамулусы нѣбуютъ болѣе другихъ студентовъ возможность знакомиться съ техническою стороною естествоиспытанія и, при хорошихъ способностяхъ и любви къ наукѣ, часто дѣлаются естествоиспытателями еще, такъ сказать, на школьной скамьѣ.

Н. Бернштейнъ.

12-го Декабря 1866 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) О мышечномъ столбнякѣ.

Мышечный столбнякъ, давно уже известный изъ патологій, въ прежнее время считался одиночнымъ сокращеніемъ мышцы, отличающимся отъ обыкновеннаго сокращенія только большею продолжительностію. Точно также и на произвольное продолжительное сокращеніе мышцъ смотрѣли какъ на простое, пока не было повода иначе смотрѣть на то или на другое. Съ тѣхъ поръ какъ Маттеучи, Эд. Веберъ и въ особенности Дюбуа-Реймондъ нашли способъ вызывать въ мышцѣ столбнякъ быстро прерывающимися или извращающимися электрическими токами, физиологи смотрятъ на всякій столбнякъ, какъ на рядъ одиночныхъ сокращеній, которыя такъ быстро слѣдуютъ одно за другимъ, что въ промежуткахъ мышца не успѣваетъ приходить въ покой, такъ что одиночныя мгновенныя сокращенія суммируются въ одно продолжительное. Это представленіе о столбнякѣ утвердилось еще тѣмъ, что и другія раздраженія, очевидно прерывистыя вызываютъ продолжительное сокращеніе мышцы. Дюбуа вызывалъ тетанусъ, быстро отрубивая одинъ кусокъ нерва за другимъ, и въ тетаномоторъ Гейденчайна мы имѣемъ средство вызывать столбнякъ быстрыми ударами молоточка на одну и ту же точку нерва. Очевидно въ этихъ случаяхъ происходитъ суммирование мгновенныхъ сокращеній; но слѣдуетъ-ли изъ этого, что *всякое* продолжительное сокращеніе, — *всякій* столбнякъ, — составлено изъ суммы одиночныхъ? Доказано-ли, что возрѣніе прежнихъ физиологовъ на продолжительное мышечное сокращеніе невѣрно во *всѣхъ* случаяхъ, въ которыхъ наблюдается такое сокращеніе?

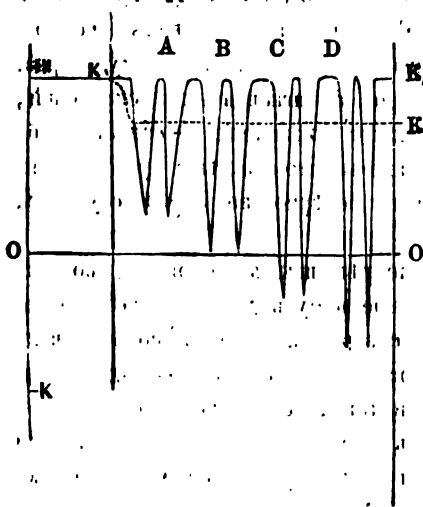
Дюбуа-Реймондъ оставилъ этотъ вопросъ не рѣшеннымъ на опытѣ, но высказываетъ сомнѣніе, существуетъ ли вообще какое нибудь дѣйствительно постоянное сокращеніе мышцы *). Это сомнѣніе было совершенно законно, пока не знали возможности вызывать электрической столбнякъ постояннымъ токомъ. Убѣжденіе, что нервъ возбуждается только быстрыми колебаніями тока, ведетъ по необходимости къ заключенію, что эти колебанія существуютъ вездѣ, гдѣ есть сокращеніе, и продолжаются, пока продолжается сокращеніе. Съ тѣхъ поръ однакожъ, какъ Пелюгеръ показалъ, что столбнякъ вызывается и постояннымъ токомъ при отсутствіи всякаго колебанія, является возможность допустить, что продолжительное сокращеніе мышцы можетъ быть постояннымъ и при дѣйствіи другихъ постоянныхъ возбужденій.

Всякое мгновенное сокращеніе мышцы сопровождается такимъ-же мгновеннымъ колебаніемъ мышечнаго тока. Стрѣлка мультимпликатора слишкомъ гнѣва, чтобы обнаружить такое быстрое колебаніе, но послѣднее легко обнаруживается физиологическимъ реоскопомъ — лягушечьей лапкою, наложенною своимъ нервомъ на

*) E. du Bois-Reymond, Untersuch. über thier. Electr. 3 Abschn. Kap. IV § IV.

сокращающуюся мышцу. Когда же сокращения мышцы быстро следуют одно за другим, мультиметр суммирует мгновенные колебания мышечного тока, и сумма колебаний обнаруживается возвратом стрелки — отрицательным колебанием. Следовательно отрицательное колебание также мало может служить для решения нашего вопроса, как и само сокращение мышцы. Как последнее может быть суммой одиночных сокращений, так и первое может быть суммой одиночных колебаний. Вопрос только в том, всегда ли оно так? Для нас следовательно важно знать, во первых, существует ли отрицательное колебание, и, во вторых, каким образом оно происходит. В первом отношении исследования Дюбуа-Реймонда*) не оставляют ни малейшего сомнения: положительно доказано, что отрицательное колебание сопровождается электрическим, механическим, химическим, термическим столбняком, Риттеровским столбняком и даже продолжительное произвольное сокращение мышц. Во втором отношении Дюбуа подробно разобрал только электрический столбняк, и пришел к заключению, что отрицательное колебание при этом столбняке есть выражение суммы целого ряда положительных и отрицательных колебаний, которые довольно часты и довольно глубоки для того, чтобы в свою очередь тетанизировать нерв. Неоспоримое доказательство этого заключения — есть вторичный тетанус, т. е. столбняк вызванный в одной мышце колебаниями тока, сопровождающими столбняк другой мышцы.

Согласно с этим отрицательное колебание представляется уже не в виде простой прямой или кривой линии, а в виде зигзага, которого одна часть находится выше, другая ниже этой линии, как показывает приложенный схематический рисунок, заимствованный у Дюбуа.

В этом рисунке кривая K, K'' обозначает ослабленный ток сокращенной мышцы, сводится на тетанус K, K'' , которого зубцы могут иметь различную длину A, B, C, D , но всегда большую чем отрицательное колебание K'' . Эти зубцы суть ничто иное как изображение глубоких и резких колебаний тока, могущих вызвать вторичные сокращения. Каждый зубец соответствует одному быстрому отрицательному колебанию, но так как эти одиночные колебания следуют весьма быстро одно за другим, то мультиметр суммирует их и дает только результирующее отрицательное колебание $K'''K''$.

Если мышца неспособна к продолжительному сокращению, а всякое такое сокращение складается из мгновенных, то и сопровождающее его отрицательное колебание складывается из колебаний похожих на представленные в рисунке. Мы следовательно вправе ожидать, что отрицательное колебание вызовет всегда в испытываемом мышечно-нервном препарате столбняк. Где такой вторичный столбняк не получается, позволено сомневаться, состоит ли первичный столбняк из суммы одиночных сокращений и состоит ли сопровождающее его отри-

*) П. К. З. Abschn Kap. IV. § III.

пательное колебаніе изъ суммы мгновенныхъ одиночныхъ колебаній мышечнаго тока. Это сомнѣніе тѣмъ позволительнѣе, что и раздраженія, вызывающія столбнякъ, какъ электрическія такъ и не электрическія, могутъ быть двоякаго рода: одни состоятъ изъ ряда быстро слѣдующихъ другъ за другомъ возбужденій, другія дѣйствуютъ непрерывно. Когда мы тетанизируемъ нервъ прерывающимися индукціонными токами или ударами тетаномотора, раздраженіе очевидно прерывисто; но когда мы производимъ столбнякъ постояннымъ токомъ, или поваренною солью, раздраженіе само по себѣ дѣйствуетъ непрерывно. А ригоріи нѣтъ никакой достаточной причины предполагать, что во второмъ случаѣ, по какимъ то особеннымъ свойствамъ нерва, безпрерывное раздраженіе становится прерывистымъ.

И такъ я обратился за рѣшеніемъ занимавшаго меня вопроса ко Вторичному столбняку. Относящіеся сюда опыты большею частію произведены мною вмѣстѣ съ г. Сыпянко, доцентомъ при Харьковскомъ университетѣ. Я привожу здѣсь его имѣя, хотя не увѣренъ въ томъ, согласенъ ли онъ съ моими выводами, да и самъ не выдаю этихъ выводовъ за окончательные и намѣренъ съ наступленіемъ лѣта позаняться продолженіемъ начатыхъ опытовъ.

Испытанію подвержены слѣдующіе роды мышечнаго столбняка: 1) электрическій столбнякъ; 2) механическій столбнякъ; 3) химическій столбнякъ; 4) Риттеровскій столбнякъ; 5) рефлексивный столбнякъ.

1) Электрическій столбнякъ, который лучше всего производится прерывающимися индуктивными токами помощью индукціоннаго аппарата Дюбуа, всего легче даетъ вторичный столбнякъ. Этотъ опытъ принадлежитъ къ ежедневнымъ опытамъ нервной физиологій и почти всегда удается. Изъ него-то Дюбуа вывелъ вышензображенную кривую отрицательнаго колебанія. Этотъ вторичный столбнякъ слѣдовательно составляетъ типъ, съ которымъ должно сравнивать то, что получается при другихъ видахъ столбняка. Характеристика его та, что онъ начинается и кончается вмѣстѣ съ первичнымъ столбнякомъ и съ рѣдкими колебаніями продолжается все время, пока продолжается первичный столбнякъ.

2) Механическій столбнякъ. Подложивъ нервъ препарованной лягушечьей лапки подъ молоточекъ тетаномотора, я клалъ нервъ другой лапки на *gastrocnemius* или на разгибающія мышцы первой въ возможно дѣятельномъ расположеніи, т. е. параллельно мышечнымъ волокнамъ и такъ чтобы одна часть его лежала на сухожиліи а другая на естественномъ продольномъ разрѣзѣ (на брюшкѣ). Для большаго удобства наблюденія я въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользовался мышечнымъ телеграфомъ Дюбуа, при чемъ бралъ для испытанія вторичнаго столбняка вмѣсто цѣлой лапки только *m. gastrocnemius*, препарованный съ нервомъ и съ кускомъ бедра. Когда я приводилъ въ движеніе тетаномоторъ, то вмѣстѣ съ первичнымъ столбнякомъ наблюдалъ, хотя не всегда, болѣе или менѣе сильный и безпрерывный вторичный столбнякъ.

3) Для испытанія рефлексивнаго столбняка лягушка была отравлена введеніемъ азотнокислаго стрихнина въ желудокъ или подъ кожу. Одна лапка обнажена и оставлена въ связи съ спиннымъ мозгомъ посредствомъ сѣдалищнаго нерва, а другая отдѣлена отъ тѣла, отпрепарована и нервъ ея наложенъ надлежащимъ образомъ на одну изъ мышцъ бедра или голени. Въ большей части случаевъ при появляющемся столбнякѣ отрѣзанная лапка оставалась въ покоѣ; иногда появлялись

одиночными вторичными сокращения при началѣ, при концѣ или всрединѣ первичнаго столбняка; ни разу я не наблюдалъ дѣйствительнаго вторичнаго столбняка.

4) Для вызыванія химическаго столбняка я клалъ на нервъ каплю крѣпкаго раствора или нѣсколько кристалликовъ поваренной соли. Возбужденіе нерва этимъ способомъ нинѣ объясняютъ не химическимъ, а осмотическимъ дѣйствіемъ соли, извлеченіемъ воды, и сравниваютъ его съ возбужденіемъ нерва при высыханіи *); во всякомъ случаѣ оно дѣйствуетъ непрерывно. Обнаживъ оба бедренныя нерва до позвоночника, я на одинъ изъ нихъ клалъ растворъ или кристалы соли и по прошествіи двухъ-трехъ минутъ, когда уже ожидалъ появленія столбняка, отрѣзалъ другой нервъ возлѣ самаго позвоночника и опрепаровалъ его до когѣннаго сгиба, такъ чтобы его можно было переложить на любую изъ мышцъ возбужденной лапки. Кромѣ одиночнаго сокращенія (отъ мышечнаго тока) при наложеніи нерва, я наблюдалъ еще вторичное сокращеніе, совпадавшее съ быстрымъ прекращеніемъ столбняка отъ перерѣзанія возбужденнаго нерва ниже мѣста возбужденія. Вторичнаго столбняка не было и тогда, когда нервъ лежалъ одной частію на свѣжестъ искусственномъ поперечномъ разрѣзѣ вмѣсто сухожилія. Тотъ-же результатъ получался, когда одна или обѣ ножки были предварительно отдѣлены отъ тѣла или когда я вмѣсто цѣлой ножки бралъ только нѣкую мускулу съ его нервомъ. Только въ послѣднемъ случаѣ трудно уберечь испытывающій нервъ отъ высыханія, которое можетъ произвести сокращенія независимо отъ столбняка испытываемой мышцы.

5) Риттеровскій столбнякъ, какъ извѣстно, происходитъ по прекращеніи поляризующаго постояннаго тока вслѣдствіе положительной модификаціи въ области бывшаго анэлектротона; въ причинахъ, производящихъ его нѣтъ слѣдовательно ничего прерывистаго. Такъ какъ поляризующій токъ долженъ продолжаться нѣсколько минутъ, то вторая мышца приготовлялась только по замыканіи поляризующаго тока. Непосредственно предъ размыканіемъ послѣдняго, она была вправлена въ мышечный телеграфъ и нервъ наложенъ надлежащимъ образомъ на одну изъ мышцъ поляризуемой лапки. Всегда получалось вторичное сокращеніе въ моментъ размыканія тока и въ моментъ, когда столбнякъ прекращался перерѣзаніемъ нерва (при нисходящемъ токѣ). Только въ одномъ случаѣ произошелъ столбнякъ испытывающей мышцы, совпавшій съ столбнякомъ испытываемой; во всѣхъ прочихъ случаяхъ первая во все время столбняка оставалась въ покоѣ или давала неправильныя сокращенія, зависѣвшія по всей вѣроятности отъ неравномернаго высыханія нерва. Можетъ быть, и въ единственномъ случаѣ, въ которомъ получился столбнякъ, послѣдній былъ не вторичный, а зависѣлъ также отъ высыханія нерва. Я потому пока не придаю вѣснѣ относящимся сюда опытамъ никакого значенія и намѣренъ повторить ихъ во влажной камерѣ.

Оставляя пока въ сторонѣ послѣдній случай, нельзя незамѣтить, что ясный вторичный столбнякъ получается только въ тѣхъ случаяхъ, когда первичный столбнякъ произведенъ рядомъ прерывающихся раздраженій — въ первомъ случаѣ рядомъ индукціонныхъ, во второмъ рядомъ механическихъ ударовъ. Для этихъ случаевъ мы слѣдовательно имѣемъ доказательство, что тоническое сокращеніе состоитъ изъ ряда мгновенныхъ, изъ которыхъ каждое сопровождается измѣненіемъ мышечнаго тока. Но для рефлективнаго и для химическаго столбняка какъ и для произвольнаго со-

*) См. Eckhard, Experimentalphysiologie d. Nervensystems 1866 § 117.

сжатия должно искать других доказательств и, пока их нет, нельзя считать всякое тоническое сокращение состоящим из ряда одиночных. Звук издаваемый мышцами при сокращении недавно подверженный Гельмгольцом тщательному исследованию не может служить неопровержимым доказательством, потому что происходит и при сокращениях очевидно не сложных, напр. при сокращениях сердца. В последнее время еще Марей *) занимался вопросом, следует ли сокращение сердечной мышцы рассматривать как содрагание (*secousse*) или как сокращение (*contraction*), разумея под первым одиночное сокращение, а под вторым — сокращение состоящее из ряда одиночных содраганий. Для решения этого вопроса он прибегнул также ко вторичному сокращению. Не получив от сердца продолжительных вторичных сокращений, а только мгновенных вторичных содраганий, он заключает, что и самое сокращение сердца есть одиночное, хотя оно продолжается гораздо больше одиночного сокращения других поперечнополосатых мышц. Это мнение едва ли может быть оспариваемо и, собственно говоря, было принято и прежде всеми физиологами. И опыт Марей не нов, **) потому что и прежде известно было, что от сердца можно получать не только вторичное, но и третичное сокращение и даже сокращения еще высших порядков. Только никто не пользовался этим опытом для доказывания истины, которая казалась ненуждающейся в доказательствах. Тем не менее положение, что всякое биение сердца есть одиночное сокращение также нуждалось в положительных доказательствах, как другое противоречащее ему и все-таки принимаемое всеми физиологами, что всякое тетаническое сокращение есть сумма простых содраганий.

Должно однакоже прибавить, что для рефлективного столбняка и для произвольного сокращения это предположение дѣлается, хотя без доказательств, но не без основания. В самом дѣлѣ въ этихъ двухъ случаяхъ возбужденіе исходитъ изъ нервныхъ центровъ, которымъ и по другимъ причинамъ приписывается свойство прерывистой дѣятельности. Нервные центры представляютъ распространению возбужденія извѣстное препятствіе; чтобы превозмочь это препятствіе и перенести на нервъ, возбужденіе должно нарости до извѣстной высоты; для этого нарастанія требуется промежутокъ времени, въ который нервъ остается въ покоѣ. Лучшій примѣръ этого представляетъ именно сердце. Нервные центры его находятся въ немъ самомъ, и вотъ почему нельзя вызвать тетаническаго сокращенія сердца никакими средствами дѣйствующими не на самое сердце, а на его нервы. Что сердечная мышца, такъ-же какъ всякая другая, способна къ тетаническому сокращенію видно изъ того, что послѣднее можно вызвать, дѣйствуя на самое сердце прерывистыми индукціонными токами. Чтобы произвести химическій столбнякъ сердца, я смачивалъ его на живой лягушкѣ разведеннымъ амміакомъ: сердце тотчасъ сжималось, поблѣднѣло и опустѣло, чтобы болѣе уже не расширяться и не наполняться кровію; только предсердія рѣдко и слабо сокращались, и отъ времени до времени маленькая капля крови пробиралась чрезъ сжатый желудочекъ. Слѣд. амміакъ не убивалъ сердца, а только тетанизировалъ его.

*) Journal de l'Anatomie et de la Physiologie. 1866. Juillet et Août. Marey, Etudes graphiques sur la nature de la contraction musculaire.

**) См. И. Сазоновъ, о животномъ электричествѣ 1862 стр. 115.

2) Нервный электротонъ при раздвоеніи поляризующаго тока.

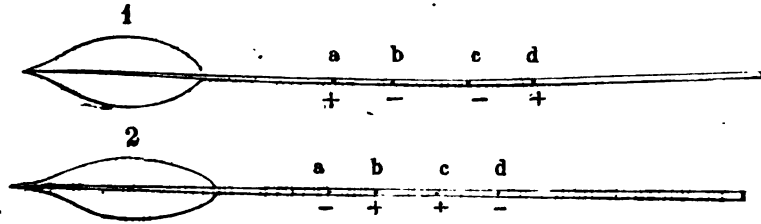
Извѣстно, что явленія измѣненной раздражительности нерва въ электротоническомъ состояніи часто затѣняются другимъ измѣненіемъ, также зависящимъ отъ электротона, а именно, измѣненіемъ проводящей способности нерва. Если бы оба эти измѣненія шли параллельно, т. е. если бы раздражительность нерва увеличивалась ровно на столько, на сколько уменьшается его проводность, то не было бы возможности отдѣлить одно измѣненіе отъ другаго. Только благодаря тому, что слабые токи измѣняютъ болѣе раздражительность чѣмъ проводящую способность нерва, Флюгеру удалось открыть общій законъ: что во время прохожденія постоянного тока по нерву раздражительность увеличена въ области катода (катэлектротонъ) и уменьшена въ области анода (анэлектротонъ). При сколько нибудь сильномъ поляризующемъ токѣ этотъ законъ этотъ повидимому не вполне оправдывается: именно, когда токъ восходящій, раздраженіе катэлектротоническаго пространства менѣе дѣйствительно, чѣмъ при естественномъ состояніи нерва. Это противорѣчіе только кажущееся и объясняется тѣмъ, что сильный электротонъ (въ особенности анэлектротонъ) составляетъ препятствіе распространенію раздраженія.

Границы, въ которыхъ увеличеніе препятствія не мѣшаетъ проявленію катэлектротона, весьма тѣсны. Начиная съ самыхъ слабыхъ восходящихъ токовъ, при которыхъ, замыканіе едва даетъ сокращеніе, и усиливая токъ, мы очень скоро доходимъ до тока, при которомъ сокращенія получаютъ какъ замыканіемъ такъ и размыканіемъ цѣпи. Это средній токъ; по сильнѣе его токъ, хотя самъ по себѣ слабый, для нерва есть уже сильный и не даетъ уже замыкательнаго сокращенія, потому что катэлектротонъ встрѣчаетъ на пути къ мышцѣ довольно сильное препятствіе своему распространенію — въ анэлектротонѣ. При этой силѣ поляризующаго тока и всякое другое раздраженіе, дѣйствующее на катэлектротоническое пространство или на точки нерва выше лежащія, окажется менѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ безъ поляризующаго тока. Токъ одной даниэлевоу пары при обыкновенной раздражительности нерва довольно силенъ, чтобы препятствовать распространенію своего собственнаго катэлектротона, и для надлежащаго ослабленія этого тока необходимо бываетъ ввести то побочное замыканіе — реохордъ. Среднимъ токомъ считается токъ равный мышечному, т. е. приблизительно въ 7 разъ ослабленный токъ даниэлева элемента.

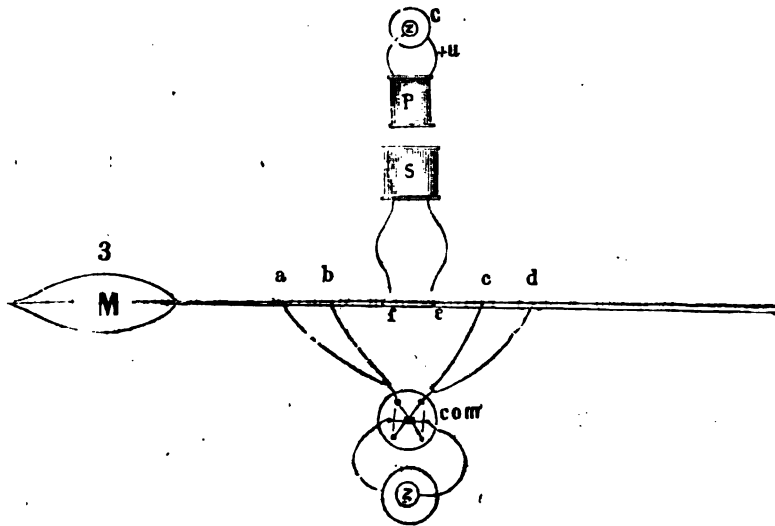
Производя опыты надъ электротономъ, мнѣ показалось желательнымъ расширить границы средняго тока. Это можетъ съ перваго взгляда показаться несбыточнымъ, такъ какъ съ усиленіемъ тока препятствіе растетъ вмѣстѣ съ раздражительностію и анэлектротоническое пространство увеличивается въ то время какъ катэлектротоническое пространство между полюсами напротивъ уменьшается. Задача состоятъ слѣд. въ томъ, чтобы усилить катэлектротонъ, не усиливая въ то-же время анэлектротона. Этого я достигаю слѣдующимъ образомъ:

Я раздѣляю поляризующій токъ (даниэлевоу пары) на двѣ вѣтви, употребляя вмѣсто простыхъ электродовъ двойные электроды, и эти двойные электроды привожу въ соприкосновеніе съ нервомъ, такъ чтобы одноименные полуэлектроды приходились посрединѣ, а другіе, также одноименные по краямъ. Такой поляри-

зующій токъ можно назвать *сходящимся*, когда въ срединѣ находятся отрицательные электроды (1), а *расходящимся*, когда положительные электроды находятся между отрицательными (2).

Расположеніе опыта слѣдующее: лягушечья лапка готовится такъ, чтобы нервъ ея имѣлъ возможно большую длину. Нервъ этотъ кладется на шести изолированныхъ другъ отъ друга проволокахъ а, b, f, e, c, d, расположенныхъ на равныхъ разстояніяхъ. Двѣ среднія проволоки f и e соединяются съ приводами саннаго аппарата; изъ 4-хъ остальныхъ проволокъ, двѣ крайнія а и d соединяются съ однимъ приводомъ, двѣ среднія b и c съ другимъ приводомъ даниэлевой пары посредствомъ

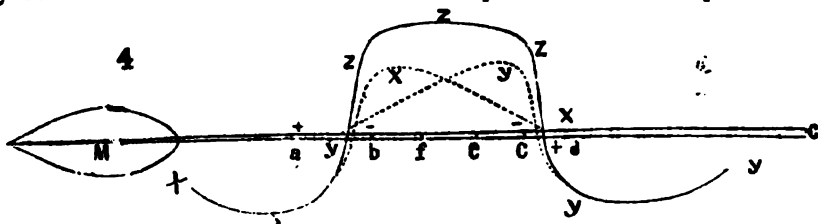
коммутатора, такъ чтобы можно было получать то сходящійся, то расходящійся токъ. Приводы e и f служатъ для раздраженія нерва индукционными ударами получаемыми отъ прерыванія тока первичной спирали въ u, и удары эти могутъ быть ослаблены и усилены удаленіемъ или сближеніемъ спиралей; самое меньшее удаленіе спиралей, при которомъ получается еще сокращеніе, можетъ служить мѣрою раздражительности нерва въ точкахъ ef.

Выгоды этого расположенія очевидны. Во первыхъ самый нервъ, именно часть его cd, замѣняетъ собою реохордъ и ослабляетъ токъ ab. Во вторыхъ — и это главная выгода — вѣтъ тока cd сама служитъ для усиленія электротоническаго измѣненія раздражительности въ смыслѣ тока ab. Дѣйствіе электродовъ b и c сум-

ируется, между тѣмъ какъ дѣйствіе электродовъ а и d остается раздѣльнымъ. При сходящемся токъ каталектотонъ между b и c растетъ быстрее чѣмъ электротонъ въ а и d; при расходящемся токъ, наоборотъ, аналектротонъ преобладаетъ надъ каталектотономъ.

При такомъ расположеніи опытовъ всѣ явленія измѣненія раздражительности во вѣтви полюсныхъ электротонъ получаются гораздо рѣзче, чѣмъ при употребленіи простыхъ электродовъ и реохорда. Какъ и можно было ожидать, сходящійся токъ дѣйствуетъ какъ восходящій, а расходящійся какъ нисходящій. Все различіе въ томъ, что та часть нерва, на которое дѣйствуетъ раздраженіе, находится подъ вліяніемъ двухъ одноименныхъ полюсовъ, между тѣмъ какъ часть нерва, по которому раздраженіе распространяется, находится подъ вліяніемъ только одного полюса.

Схематическая фигура 4 показываетъ это весьма ясно. Часть нерва а b поляризуется сильнымъ восходящимъ токомъ. Кривая x x x x изображаетъ проис-

ходящее отъ этого измѣненіе раздражительности, — нижняя часть — уменьшеніе ея въ аналектротонѣ, а часть, лежащая надъ обрисовкою, — увеличеніе ея въ каталектотонѣ; первое преобладаетъ и препятствуетъ распространенію раздраженія отъ fe къ мышцѣ. Если заставимъ теперь дѣйствовать на cd токъ такой же силы, но противоположнаго направленія, то онъ съ своей стороны произведетъ такое же измѣненіе раздражительности, изображаемое кривою u u u u, которой верхняя часть падаетъ между тѣми же точками между которыми находится и положительная часть кривой x x x. Отъ сложенія обѣихъ кривыхъ мы получимъ новую кривую x x z z u u, которой положительная часть обнимаетъ пространство вдвое больше положительной половины x x x между тѣмъ какъ нижняя часть x x осталась при прежней величинѣ: каталектотонъ преобладаетъ надъ аналектротономъ, увеличеніе раздражительности больше чѣмъ увеличеніе препятствія.

Такъ какъ побочное замыканіе c d замѣняетъ побочное замыканіе реохорда, то пространствомъ cd можно пользоваться для усиленія и ослабленія тока въ пространствѣ а b. Для этого стоитъ только удалить или сближать между собою проволоки с и d. При значительномъ сопротивленіи, которое нервъ представляетъ гальваническому току, незначительное сближеніе электродовъ с и d произведетъ значительное усиленіе тока между этими точками и соответственное ослабленіе его между точками а и b; раздвиганіе с и d будетъ имѣть противоположное дѣйствіе. Далѣе можно расположить проволоки b, f, e и c въ болѣе близкихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, что должно оказаться еще дѣйствительнѣе. Но и при описанномъ расположеніи опытовъ достигается уже то, что раздвоенный токъ далаидева элемента остается еще въ предѣлахъ средняго тока.

Н. Бернштейнъ.

О ТЕПЛОВЫХЪ ЯВЛЕНІЯХЪ

ОБНАРУЖИВАЮЩИХСЯ ПРИ СОЕДИНЕНІИ ЖИДКОСТЕЙ.

I. Критическій обзоръ изслѣдованій по термохиміи жидкостей.

При самомъ основаніи новѣйшей химіи, въ концѣ прошлаго столѣтія, уже извѣстно было, что всякое химическое соединеніе сопровождается тепловыми измѣненіями; но первымъ замѣчательнымъ трудомъ въ этой области должно безспорно считаться изслѣдованіе Лавуазье и Лапласа ¹⁾).

Посредствомъ своего ледянаго калориметра они опредѣлили теплоемкость нѣсколькихъ жидкостей, въ томъ числѣ сѣрной кислоты и нѣсколькихъ соединеній ея съ водою, и количество тепла, отдѣляющагося при образованіи этихъ соединеній. Употребленіемъ ледянаго калориметра они въ значительной степени избѣжали ошибокъ, которыя въ ихъ время непременно были бы внесены въ результатъ употребленіемъ термометра, который былъ тогда еще очень несовершенъ; термометръ служилъ имъ только для опредѣленія *начальной* температуры нагрѣтой жидкости, т. е. самой большой изъ термометрическихъ данныхъ, входящихъ въ опредѣленіе теплоемкости; кромѣ того они брали огромныя массы жидкостей, 2 — 3 фунта. При опредѣленіи количествъ тепла, отдѣляемыхъ соединеніемъ двухъ тѣлъ, термометръ вовсе былъ исключенъ: опыты производились при 0° и количество тепла измѣрялось количествомъ растаявшаго льда. Результаты тѣхъ и другихъ опредѣленій, при такихъ условіяхъ, безъ сомнѣнія, были близки къ истинѣ, но тогда еще не были извѣстны способы приготовленія тѣлъ въ чистомъ видѣ и, по удѣльнымъ въсамъ кислотъ, употребленныхъ Лавуазье и Лапласомъ видно, что это не были чистыя, опредѣленнаго состава, тѣла; поэтому сравненіе ихъ термическихъ результатовъ съ новѣйшими — невозможно. Но еще замѣчательнѣе чѣмъ точность ихъ экспериментальныхъ методовъ, идеи, которыя руководили этими двумя великими изслѣдователями. Я подробно изложу ихъ ниже.

Слѣдующій за тѣмъ по времени трудъ принадлежитъ Гадолину ²⁾). Трудъ этотъ, предпринятый совершенно съ той же точки зрѣнія какъ и предъидущій, замѣчателенъ по своему плану. Авторъ опредѣлилъ теплоемкость сѣрной кислоты

¹⁾ Mem. de l'acad. pour 1780, издан. въ 1784.

²⁾ Crell's Chem. Ann. t. I. 1786.

и теплоемкости шести соединений ея съ водою; затѣмъ онъ опредѣлилъ возвышеніе температуры, происходящее при образованіи этихъ шести соединений. Но съ экспериментальной точки зрѣнія трудъ этотъ неудовлетворителенъ: поправокъ на охлажденіе не производилось, хотя возвышеніе температуры доходило иногда до 100° и выше; опыты производились въ стеклянныхъ и фарфоровыхъ посудахъ, наконецъ термометрическія наблюденія очень грубы.

Шмидтъ ¹⁾ наблюдалъ измѣненія температуры и измѣненія объема при смѣшиваніи воды со спиртомъ удѣльнаго вѣса 0,889, съ нордгаузенской сѣрной кислотой, крѣпкой азотной и крѣпкой сѣрной кислотой, съ цѣлю объяснить отдѣленіе теплоты измѣненіемъ объема; но его опыты очень грубы и его взглядъ на вопросъ гораздо менѣе правиленъ: отдѣленіе тепла онъ приписываетъ одной изъ двухъ соединяющихся жидкостей. Кроме того онъ беретъ вмѣсто чистыхъ и опредѣленныхъ химическихъ соединений, жидкости сложнаго состава, какъ напр. нордгаузенскую сѣрную кислоту, крѣпкій, но не безводный спиртъ и т. д.

Съ открытіемъ закона кратныхъ пропорцій, въ началѣ текущаго столѣтія, термохимическія изслѣдованія были совершенно оставлены; всѣ наличныя силы обратились на изученіе этого важнаго закона, вездѣ стали искать его проявленій, даже тамъ, гдѣ всего менѣе можно было ожидать ихъ; это случилось и въ области разсматриваемыхъ нами явленій.

Гессъ ²⁾, смѣшивая различныя гидраты сѣрной кислоты, составленныя въ эквивалентныхъ пропорціяхъ, съ избыткомъ воды, нашелъ, что количества теплоты, которыя при этомъ отдѣляются, если ихъ отнести къ единицѣ кислоты, находятся между собою въ простыхъ и кратныхъ отношеніяхъ.

Это заключеніе до такой степени обратило на себя вниманіе химиковъ, что съ него въ исторіи термохиміи начинается новая эпоха. Прежніе взгляды на предметъ, прежніе способы располагать опыты и представлять ихъ результаты *независимо отъ всякихъ предположеній*, были совершенно оставлены: всѣ усилія обратились на то, чтобы доказать вѣрность или невѣрность закона, открытаго Гессомъ. Это имѣло чрезвычайно вредное вліяніе на развитіе этой части науки. Вмѣсто того чтобы изслѣдовать явленіе во всемъ его объемѣ, стали изучать только небольшую долю его; вмѣсто того чтобы опредѣлять всю кривую, представляющую количества тепла, отдѣляющіяся при смѣшиваніи двухъ жидкостей, обратились къ изученію нѣсколькихъ точекъ этой кривой, составляющихъ одну сторону ея; другія явленія, сопровождающія въ этомъ случаѣ тепловыя проявленія, совершенно упущены изъ виду.

При дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованіяхъ, Гессъ опредѣлялъ количества тепла, отдѣляющіяся при смѣшеніи моногидратовъ сѣрной и азотной кислотъ съ различными эквивалентными количествами воды, онъ нашелъ, что и здѣсь количества отдѣленнаго тепла, находятся между собою въ простыхъ и кратныхъ отношеніяхъ.

Что касается до экспериментальной стороны работъ Гесса, то она очень слаба. Онъ употреблялъ для своихъ опредѣленій мѣдный вызолоченный внутри сосудъ, плотно заправшійся и погруженный въ другой мѣдный сосудъ, наполненный

¹⁾ Green Neu Journ. t. 1. 1796.

²⁾ Bullet. de St. Pétersbourg 1837, Pogg. t. 47.

водою. Кислота и вода помѣщались во внутренней сосудъ; термометръ, погруженный въ наружный сосудъ, показывалъ возвышеніе температуры прибора послѣ смѣшенія. Гессъ говоритъ, что на его термометръ можно было считывать десяти доли градуса, но не даетъ никакихъ подробностей относительно того, производилось ли считываніе вооруженнымъ или невооруженнымъ глазомъ; должно предполагать последнее, въ такомъ случаѣ $0,1^\circ$ есть вѣроятная ошибка считыванія, а при большей части его опытовъ возвышеніе температуры были отъ 2° — 10° и поправки на охлажденіе не производились. Изъ этого слѣдуетъ, что вѣроятная ошибка въ опредѣленіи измѣненій температуры не менѣе $\frac{1}{20}$ всей опредѣляемой величины; но измѣненіе температуры входитъ въ составъ опредѣляемыхъ количествъ тепла какъ множитель, слѣдовательно и эти количества должны заключать въ себѣ такую же ошибку. Уже изъ этого видно, что числа, полученные Гессомъ, могутъ представлять лишь довольно грубое приближеніе. Въ этомъ легко убѣдиться, сравнивая числа, полученные имъ при повтореніи одного и того же опыта; такъ напр. для величины термической единицы, для соединенія сѣрной кислоты SO_3H_2 съ водою, Гессъ нашелъ слѣдующія цифры:

1 рядъ ¹⁾ .	2 рядъ ²⁾ .
38,88.	43,89.
38,28.	42,90.
38,09.	43,46.
38,83.	47,20.
39,23.	46,60.
39,23.	40,00.
	45,80.
	41,00.

Числа каждаго ряда получены совершенно одинаковымъ способомъ и однако же отличаются одно отъ другаго иногда на $\frac{1}{10}$ всей своей величины.

При всѣхъ приведенныхъ выше опредѣленіяхъ термическаго эквивалента сѣрной кислоты относительно воды, Гессъ допустилъ кромѣ того предположеніе, въ высшей степени невѣроятное ³⁾. Вмѣсто того, чтобы брать прямо моногидратъ, онъ беретъ кислоту произвольнаго состава съ большимъ содержаніемъ воды и вычисляетъ термическій эквивалентъ X моногидрата по формулѣ

$$X = \frac{mt}{ya + zb}$$

гдѣ a и b выражаютъ количества обоихъ гидратовъ въ опредѣленныхъ пропорціяхъ, изъ смѣси которыхъ состоитъ взятая кислота, y и z — числа пропорцій тепла, соотвѣтствующихъ для каждаго изъ гидратовъ, количеству прибавленной воды. Это какъ видно заключаетъ въ себѣ *implicite* предположеніе, что при смѣшиваніи съ водою смѣси двухъ опредѣленныхъ гидратовъ, отдѣляющееся количество тепла есть средняя арифметическая между тѣми количествами, которые отдѣлялъ бы каждый изъ гидратовъ отдѣльно при смѣшиваніи съ даннымъ количествомъ воды.

¹⁾ Pogg. Ann. t. 53, § 88.

²⁾ Id. t. 56, § 102.

³⁾ Id. § 88 и § 103.

Предположеніе совершенно произвольное и невѣроятное. Если бы Гессъ сообщилъ вполнѣ подлинныя результаты опытовъ, то по всей вѣроятности изъ нихъ и можно было бы усмотрѣть ошибочность этого предположенія; но онъ даетъ лишь конечныя, поправленныя на основаніи этого предположенія, числа. Сколько мнѣ извѣстно, никто до сихъ поръ еще не обратилъ вниманія на эту капитальную ошибку, внесенную Гессомъ въ его послѣднія и лучшія термохимическія опредѣленія, а между тѣмъ она вполнѣ подрываетъ ихъ достоинство.

Слѣдующій по времени трудъ принадлежитъ Грэмму ¹⁾. Этотъ ученый сѣшивалъ различныя гидраты кислотъ съ *неопредѣленно большими* количествомъ воды. Я покажу ниже, что опыты такого рода не могутъ дать точныхъ результатовъ. Кромѣ того, съ экспериментальной стороны, изслѣдованіе Грэмма представляетъ тѣ же недостатки, какъ и опыты Гесса.

Тѣмъ не менѣе нельзя оставить безъ вниманія одинъ изъ выводовъ Грэмма, который, если бы былъ вѣренъ, составилъ бы фактъ чрезвычайной важности. Сѣшивая съ большимъ количествомъ воды гидратъ $\text{SO}_3 \cdot \text{HO} + 25 \text{ а.г.}$ Грэмъ получилъ возвышеніе температуры $0^\circ,15$, гидратъ сохранялся три дня, прежде чѣмъ былъ употребленъ для опыта; дажѣ, тотъ часъ же по приготовленіи, говоритъ онъ, этотъ же гидратъ отдѣлялъ при сѣшиваніи съ водою гораздо меньшее количество тепла, такъ при одномъ опытѣ получилось $0,06$. Кислота $\text{SO}_3 \cdot \text{HO} + 49 \text{ а.г.}$ при сѣшиваніи съ водою чрезъ три часа по приготовленіи произвела возвышеніе температуры $0^\circ,08$. Сѣшеніе того же гидрата съ водою чрезъ 24 часа по приготовленіи дало возвышеніе температуры $0^\circ,13$. Я покажу ниже, что эти разницы основаны на ошибкахъ наблюденія.

Трудъ Абріа ²⁾ о количествахъ тепла, отдѣляющихся при сѣшиваніи воды съ моногидратомъ сѣрной кислоты, есть безспорно самый замѣчательный въ нашей области. Приборъ, который онъ употреблялъ, можно считать вполнѣ удовлетворительнымъ; онъ состоялъ изъ мѣднаго вызолоченнаго сосуда, въ которомъ помѣщались отдѣльно вода и кислота и который герметически запырался; этотъ сосудъ помѣщался въ другой сосудъ, наполненный водою, нагреваніе которой вслѣдствіе сѣшиванія жидкостей внутренняго сосуда, давало мѣру количества отдѣленнаго тепла. Термометры были построены самимъ Абріа и наблюдались посредствомъ зрительной трубки; можно слѣдовательно было рассчитывать на точность сотыхъ долей градуса. Поправка на охлажденіе производилась обыкновеннымъ образомъ, прямымъ наблюденіемъ. Наконецъ, для большей части своихъ опытовъ Абріа сообщаетъ не только конечныя результаты, но и непосредственныя результаты наблюденія, такъ что есть возможность повѣрить и точность вычисленія и судить вполнѣ о степени точности опыта. Наибольшія разности въ результатахъ при повтореніи одного и того же опыта, за исключеніемъ двухъ случаевъ, гдѣ онъ доходятъ до $\frac{1}{60}$, вообще говоря не превосходятъ $0,01$ всей опредѣляемой величины. Вообще это изслѣдованіе не только самое лучшее въ области нашихъ явленій, но и вообще можетъ быть названо превосходнымъ. Этотъ трудъ безъ сравненія лучше всѣхъ тѣхъ, которые явились позже его. Единственное обстоятельство, допускающее нѣсколько сомнѣніе,

¹⁾ Ann. Ch. Ph. 3 v. t. 8.

²⁾ Ann. Ch. Ph. 3 v. t. 13. 1844.

это — чистота кислоты. Абріа говоритъ, что приготовлялъ свою кислоту перегонкою и затѣмъ выпариваніемъ продажной кислоты до трехъ четвертей первоначальнаго объема; онъ прибавляетъ, что въ большей части случаевъ удостовѣрялся посредствомъ анализа или опредѣленія удѣльнаго вѣса, что его кислота есть моногидратъ; но въ настоящее время изъ опытовъ Мариньяка ¹⁾ извѣстно, что выпариваніемъ нельзя получить моногидратъ. Я подвергну ниже подробному обсужденію результаты его труда, теперь же замѣчу, что возвышеніе температуры калориметра было всегда 3° — 4°, слѣдовательно вѣроятная ошибка термометрической данной должна быть немногимъ болѣе $\frac{1}{200}$, и такова же приблизительно должна быть ошибка конечнаго результата, такъ какъ всѣ другія количества, входящія въ составъ его, какъ напр. вѣсъ воды, калориметра, кислоты и т. д. могутъ быть опредѣляемы съ гораздо болѣею точностію.

Фавръ и Зильберманъ ²⁾ посвятили часть обширнаго труда своего, получившаго премію Парижской академіи наукъ, изученію тепловыхъ явленій, происходящихъ при смѣшиваніи кислотъ съ водою. Они употребили для этой части своего труда особенный ртутный калориметръ, посредствомъ котораго опыты производятся очень быстро и требуютъ очень малаго количества матеріала. Описаніе этого калориметра находится теперь во всѣхъ трактатахъ химіи и потому я не считаю нужнымъ распространяться объ его устройствѣ, а рассмотрю только степень точности, которой можно отъ него ожидать.

Показанія ртутнаго калориметра выражаются, какъ извѣстно, прямо въ единицахъ теплоты. Для того чтобы опредѣлить какому числу единицъ тепла соотвѣствуетъ передвиженіе указательнаго столбика калориметра на одно дѣленіе, Фавръ и Зильберманъ вносятъ въ муфель калориметра извѣстное количество воды, нагрѣтой до кипѣнія. Для этого воду нагрѣваютъ въ стеклянной пипетѣ особой формы вставивъ предварительно кончикъ ея въ муфель и за тѣмъ поворачивая пипету, производятъ выливаніе изъ нея жидкости. Ясно, что при этомъ часть жидкости падаетъ въ муфель въ видѣ паровъ, количество которыхъ при каждомъ опытѣ будетъ различно, смотря потому, какъ производилась манипуляція. Для доказательства точности этого способа опредѣлять калориметрическую единицу прибора, Фавръ и Зильберманъ приводятъ слѣдующія числа, полученные для нихъ калориметра при совершенно одинаковыхъ условіяхъ:

Калориметрическая величина 1^Д

0, 29776.

0, 30230.

0, 29441.

0, 30685.

Средн. 0, 30033.

Какъ видно, результаты отдѣльныхъ опытовъ отличаются другъ отъ друга на $\frac{1}{100}$ всей своей величины и это при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, что никакъ нельзя считать удовлетворительнымъ.

¹⁾ Handwörterbuch t. 7.

²⁾ Ann. Ch. Ph. 3 s. t. 36, 37.

Кромѣ того, для того чтобы показанія ртутнаго калориметра были вѣрны необходимое условіе то, чтобы всѣ части калориметра и оба тѣла въ моментъ соединенія имѣли *одинаковую температуру*, потому что если температура одного изъ тѣлъ, или обонхъ, выше напр. нежели температура калориметра, то эта разность явится въ конечномъ результатѣ какъ тепло, отдѣлившееся при реакціи, и влияние этой разницы въ тѣхъ случаяхъ, когда все опредѣляемое количество тепла невелико, можетъ быть значительно. Между тѣмъ не представляется никакихъ средствъ знать температуру различныхъ частей прибора и даже температуру обѣихъ жидкостей въ моментъ ихъ смѣшиванія. Единственная данная, дающая нѣкоторое указаніе относительно этого — неподвижность указательнаго столбика калориметра; но и ею почти невозможно пользоваться на практикѣ, потому что послѣ каждаго *перваго* опыта калориметръ очевидно уже не находится въ равновѣсіи, а такъ какъ возстановленіе равновѣсія пришлось бы ждать очень долго, Фавръ и Зильберманъ производили опытъ, не дожидаясь наступленія равновѣсія, а опредѣливъ только ходъ указательнаго столбика и потомъ дѣлали поправку. Какимъ образомъ производилась эта поправка, у нихъ не показано и очевидно, что она должна была заключать много произвольнаго, такъ какъ ходъ измѣненій температуры въ приборѣ, составленномъ изъ нѣсколькихъ слоевъ стекла, ртути и металла (муфель) можетъ быть очень различенъ, смотря по обстоятельствамъ.

Изъ этого видно, что показаніе ртутнаго калориметра не только не точны, но и, что еще важнѣе, невозможно опредѣлить даже приблизительно величину вѣроятной погрѣшности каждаго наблюденія. Сравнивая числа, полученные посредствомъ ртутнаго калориметра при повтореніи одного и того же опыта, легко замѣтить ихъ неточность. Такъ, при соединеніи 1 грамма SO_2 HO съ водою, Фавръ и Зильберманъ получили:

Съ однимъ эквивалент. воды	64,7.
» » »	63,8.
» » »	65,6.
Съ семью эквивалент. воды	141,0.
» » »	142,6.
Съ осмью эквивалент. воды	144,6.
» » »	145,7.

Наибольшая разность первыхъ трехъ опредѣленій доходитъ почти до $\frac{1}{100}$ всей ихъ величины; для 7 эквив. воды разность обонхъ опредѣленій 1,6, а разность между среднею для 7 эквив. воды и среднею для 8 эквив. 3,3, т. е. всего вдвое больше разности отдѣльнаго опредѣленія для одного и того же случая. Очевидно на такихъ результатахъ нельзя основывать никакихъ выводовъ.

Я считаю поэтому бесполезнымъ разбирать вполнѣ самыя числа, полученные посредствомъ этого прибора, тѣмъ болѣе, что относительно чистоты употребленныхъ веществъ, авторы не сообщаютъ никакихъ данныхъ, а для стрѣнной кислоты напр. это, какъ я уже упомянулъ, вопросъ весьма важный и затруднительный.

Томсентъ ¹⁾ въ своемъ «опытѣ термохимической системы» представляетъ

¹⁾ Pogg. Ann. t. 68, 90, 91 и 92.

длинный ряд определений количествъ тепла, отдѣляющихся при смѣшиваніи различныхъ кислотъ съ водою. При всѣхъ своихъ опытахъ Томсенъ смѣшивалъ различные кислоты съ очень большимъ количествомъ воды (около 500 эквив. воды на 1 эквив. кислоты). Я уже упоминалъ, что такимъ образомъ расположенные опыты не могутъ дать точныхъ результатовъ и представлю ниже доказательства этого положенія; что же касается до самаго метода определений количествъ тепла, употребленнаго Томсеномъ, то онъ весьма неудовлетворителенъ. Приборъ состоялъ изъ двухъ стеклянныхъ сосудовъ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ; нижній содержалъ воду, отъ 1000 до 2000 граммовъ, верхній гидратъ кислоты отъ 10 до 25 граммовъ; термометръ, погруженный въ каждый сосудъ, указывалъ въ немъ температуру жидкости, которой равномерность достигалась посредствомъ взбалтыванія; открывая клапанъ верхняго сосуда, жидкость его переводилась въ нижній, содержащій воду и происшедшее отъ того измѣненіе температуры наблюдалось. Величина этого измѣненія была обыкновенно около 1° . Теплоемкость кислотъ, служившихъ для опыта, не была извѣстна, и потому чтобы исключить ея вліяніе, Томсенъ располагалъ опытъ такимъ образомъ, чтобы температура смѣси была равна температурѣ взятаго гидрата. Это какъ видно предполагаетъ, что гидратъ даже въ смѣси съ водою сохраняетъ свою теплоемкость. Впрочемъ неточность этого предположенія не можетъ имѣть значительнаго вліянія на результатъ; гораздо важнѣе слѣдующее: Томсенъ даетъ при своихъ числахъ сотыя и даже тысячныя доли градуса, а между тѣмъ ни слова не говоритъ о томъ, каковы были его термометры и какія предосторожности онъ употреблялъ для полученія столь точныхъ результатовъ, какъ будто бы дѣло шло о такомъ простомъ измѣрительномъ приѣмѣ, какъ напр. взвѣшиваніе. Между тѣмъ всякому, кто занимался точными термометрическими опредѣленіями извѣстно, что для того чтобы опредѣлять температуры съ точностію до $0^{\circ},1$ нужно имѣть термометры хорошо вывѣренные и принимать много предосторожностей; чтобы рассчитывать на ошибку небольшую $0^{\circ},01$, необходимо имѣть термометры, которыхъ внутренній колибръ тщательно провѣренъ послѣ градуированія, т. е. термометры съ произвольной скалой, необходимо послѣ каждого опыта провѣрять положеніе точки 0° . Кромѣ того если термометръ такъ чувствителенъ, что позволяетъ наблюдать $0^{\circ},01$, его показанія даже при самыхъ выгодныхъ условіяхъ постоянства такъ быстро измѣняются, что совершенно невозможно привести жидкость, въ которую онъ погруженъ, къ какой либо напередъ опредѣленной температурѣ и съ точностію опредѣлить ее, а необходимо наблюдать тѣ температуры, которыя всего удобнѣе для наблюденія, т. е. максимумъ и минимумъ напр., и довольствоваться приближеніемъ къ желаемой температурѣ, производя потомъ поправку. Все это повидимому было совершенно неизвѣстно Томсену. Онъ не упоминаетъ также ни слова о томъ, какимъ образомъ онъ получалъ чистыя опредѣленнаго состава гидраты, что тоже дѣло не легкое. Я думаю поэтому, что результаты, полученные съ такою неосмотрительностію не заслуживаютъ вниманія, не смотря на роскошь десятичныхъ знаковъ. Вторятая ошибка термометрическихъ данныхъ Томсена, если онъ употреблялъ существующіе въ продажѣ такъ называемые тонкіе термометры, должна быть не менѣе $0^{\circ},1$, а такъ какъ измѣненія температуры при смѣшиваніи были въ его опытѣ около 1° , то въ конечномъ результатѣ должны быть ошибки, доходящія до $0,1$ всей опредѣляемой величины и больше. Я считаю поэтому бесполезнымъ

разбирать способъ вычисления результатовъ, который употребляетъ Томсентъ, и сами числа, замѣчу только, что конечный результатъ получался посредствомъ сложной формулы, произвольно составленной и для повѣрки которой Томсентъ производилъ особенные опыты, наливъ въ верхній сосудъ теплую воду — способъ, противъ котораго также весьма многое можно возразить.

Что касается до жидкостей, которыя вовсе не могутъ образовывать между собою соединений въ опредѣленныхъ пропорціяхъ, то первыя наблюденія относительно тепловыхъ измѣненій, происходящихъ при ихъ смѣшиваніи — принадлежатъ мнѣ.

Я показалъ ¹⁾, что въ моментъ образованія такихъ смѣсей иногда происходятъ значительныя повышенія температуры (иногда до 9°); между прочимъ особенно замѣчательнъ тотъ фактъ, что при смѣшиваніи нѣкоторыхъ жидкостей, каковы напр. эфиръ и терпентинное масло, уксусный эфиръ и спиртъ, происходитъ значительное пониженіе температуры, т. е. поглощеніе тепла, которое не можетъ быть приписано, какъ въ другихъ прежде извѣстныхъ этого рода случаяхъ (раствореніе солей, разбавленіе соляныхъ растворовъ) переходу одного изъ соединяющихся тѣлъ изъ твердаго состоянія въ жидкое.

Сенъ Клеръ Девиль ²⁾ напечаталъ только краткое извлеченіе изъ большаго труда, предпринятаго имъ для изученія занимающихъ насъ явленій. Онъ опредѣлилъ, говоритъ онъ, теплоемкость и удѣльный вѣсъ значительнаго числа смѣсей жидкостей, и количества тепла, отдѣляющіяся при ихъ образованіи, но онъ представилъ лишь очень небольшое число числовыхъ данныхъ и только вкратцѣ упоминаетъ о своихъ методахъ; о достоинствѣ полученныхъ имъ результатовъ поэтому судить невозможно.

Фавръ и Куальяръ ³⁾ представили также нѣсколько таблицъ результатовъ, полученныхъ ими при изученіи количествъ тепла, отдѣляющагося при смѣшиваніи воды съ сѣрной кислотой, уксусною кислотой и нѣкоторыми солями. Эти результаты получены посредствомъ ртутнаго калориметра и потому представляютъ тѣ же недостатки, какъ и результаты Фавра и Зильбермана. Такъ напр., прибавляя воду послѣдовательно къ 49 граммамъ сѣрной кислоты и прибавляя ее за разъ въ другомъ опытѣ, Фавръ и Куальяръ получили:

Для 1-го эквивалента воды:

Прибав. по частямъ . . .	3187,9. един. тепл.
» за разъ . . .	3256,4. " "

Для 2-хъ эквивалентовъ воды:

Прибав. по частямъ . . .	1590,3. " "
» за разъ . . .	1622,0. " "

Еслибы опыты были точны, то первые два числа были бы тождественны и вторыя два также.

Нѣсколько позже Фавръ напечаталъ еще мемуаръ о томъ же предметѣ ⁴⁾, въ которомъ представилъ количества тепла, проявляющіяся при соединеніи воды и уксусной кислоты со спиртомъ и глицериномъ, полученные тѣмъ же способомъ.

¹⁾ Bullet. de la Soc. de Moscou 1857. № 3.

²⁾ Comp. Rend. t. 50 p. 1860.

³⁾ Comp. Rend. t. 50 p. 1150.

⁴⁾ Comp. Rend. t. 51 p. 316, 1860.

Замѣчанія, высказанныя мною по поводу прежнихъ результатовъ Фавра и Зильбермана, относятся повтому вполне и ко всѣмъ этимъ новымъ результатамъ.

Бюсси и Бюинье ¹⁾, по поводу изслѣдованія синильной кислоты, обратили вниманіе и на тепловыя явленія, происходящія при соединеніи этого тѣла съ водою. Позже они напечатали особый трудъ, имѣющій предметомъ этого рода явленія, обнаруживающіеся при смѣшиваніи различныхъ углеродистыхъ жидкостей ²⁾. При всѣхъ своихъ опытахъ Бюсси и Бюинье наблюдали только измѣненія температуры; опыты надъ синильною кислотою и водою производились въ трубкѣ, вмѣшавшей около 12 куб. сант. смѣси, въ которую былъ погруженъ термометръ и налита одна изъ жидкостей; другая жидкость помѣщалась въ подобной трубкѣ и имѣла также термометръ. Когда оба термометра показывали одинаковую температуру, жидкости смѣшивались и наблюдалась температура смѣси. При опытахъ своихъ надъ другими жидкостями, Бюсси и Бюинье употребляли приборъ большаго, размѣра состоявшій изъ двухъ тонкихъ стеклянныхъ сосудовъ, расположенныхъ другъ надъ другомъ; верхній сосудъ сообщался съ нижнимъ посредствомъ тонкой трубки, на которой былъ кранъ; въ оба сосуда погружались термометры и въ каждый наливалась одна изъ жидкостей; когда термометры показывали тождественную температуру, кранъ открывался и жидкость верхняго сосуда переходила въ нижній; послѣ легкаго взбалтыванія прибора рукою, наблюдалась температура смѣси. Количество смѣси было различное: для синильной кислоты и воды около 12 куб. сант., для другихъ жидкостей иногда около 100 куб. сант., иногда и гораздо меньшее, вслѣдствіе того, что авторы старались брать эквивалентныя количества веществъ.

Наибольшее пониженіе температуры, которое они наблюдали, доходитъ до 10° (синильная кислота и вода) наибольшее повышеніе до 14° (эфиръ и хлороформъ). Они нашли также, и это самый значительный и новый результатъ ихъ труда, что если опыты производились при различныхъ температурахъ, то повышенія и пониженія температуры тѣмъ значительнѣе, чѣмъ выше температура, при которой производится опытъ, такъ, что напр. получаютъ при смѣшиваніи:

	при 0°	при 14°
Синильной кислоты и воды	6°,4.	— 9°,7
	при 0°	при 21°,9
Сѣрнистаго углерода и спирта	3,0	— 5,6.

Бюсси и Бюинье произвели также значительное число опредѣленій плотности смѣсей, а именно смѣсей синильной кислоты и воды, алкооля и сѣрнистаго углерода, хлороформа и алкооля, эфира и сѣрнистаго углерода (числа, относящіеся къ двумъ послѣднимъ смѣсямъ не представлены). Они заключили изъ этихъ опредѣленій, что между измѣненіемъ температуры и измѣненіемъ объема въ моментъ смѣшенія нѣтъ прямого отношенія, такъ какъ иногда происходитъ сжатіе и поглощеніе тепла, иногда сжатіе и отдѣленіе тепла.

Опыты Бюсси и Бюинье, какъ видно, имѣютъ совершенно характеръ предварительнаго изслѣдованія, имѣютъ значеніе какъ качественныя указанія, такъ какъ они вездѣ даютъ лишь измѣненія температуры, а не количества тепла, отдѣляемыя

¹⁾ Ann. Ch. Ph. 4 s. t. III p. 231. 1864.

²⁾ Ann. Ch. Ph. 4 s. . IV p. 5. 1865.

и поглощаемыя при сѣмиваніи жидкостей, которыя одни могутъ быть сравниваемы между собою для открытія истинныхъ законовъ явленія. Нѣтъ надобности поэтому подвергать ихъ подробному обсужденію.

Изложивъ исторію фактической разработки нашего предмета, я обращаюсь теперь къ изученію идей, которыми руководились различные изслѣдователи, и теоретическихъ выводовъ къ которымъ они были приведены.

Идеи, которыми руководились первые изслѣдователи тепловыхъ явленій, сопровождающихъ химическое соединеніе, совершенно отличны отъ тѣхъ, подъ влияніемъ которыхъ произведены новѣйшія изслѣдованія, и притомъ весьма замѣчательны. Самое полное и ясное изложеніе ихъ, мы встрѣчаемъ въ первомъ трудѣ по нашему предмету, именно въ мемуарѣ Лавуазье и Лапласа ¹⁾. Я представлю здѣсь подробное изложеніе ихъ разсужденія объ опредѣленіи температуры абсолютнаго нуля термометра, такъ какъ оно заключаетъ полное изложеніе ихъ взгляда и на нашъ предметъ.

Упомянувъ о двухъ способахъ представлять себѣ причину тепловыхъ явленій, какъ особую жидкость и какъ движеніе частицъ, великіе эти изслѣдователи замѣчаютъ, что относительно настоящаго вопроса объ гипотезы тождественны и что для того чтобы перейти отъ одной къ другой, стоитъ только замѣнить выраженія: свободная теплота, поглощеніе теплоты, отдѣленіе теплоты, выраженіями: живая сила, потеря живой силы, увеличеніе живой силы.

Всѣ тѣла при 0°, продолжаютъ даже авторы, очевидно содержать еще весьма значительное количество тепла; весьма важно было бы знать на сколько градусовъ ниже 0° надобно охладить тѣла, для того чтобы они вовсе не содержали тепла. Теплота, отдѣляющаяся при соединеніи двухъ тѣлъ, не будучи слѣдствіемъ неравенства температуръ, можетъ послужить, быть можетъ, къ отысканію абсолютнаго 0°. Если означить чрезъ

m и n вѣсовые количества двухъ тѣлъ

a и b отношенія абсолютныхъ количествъ тепла, заключающихся въ единицѣ вѣса каждаго изъ нихъ при 0° къ абсолютному количеству тепла въ водѣ при 0°,

c ту же величину для соединенія обоихъ тѣлъ.

g все количество тепла, которое отдѣляется при ихъ соединеніи, при температурѣ 0°,

y количество тепла, произведенное собственно химическимъ дѣйствіемъ

x разстояніе отъ 0° термометра до абсолютнаго нуля, выраженное въ градусахъ термометра

тогда ma и nb будутъ представлять абсолютныя количества тепла, содержаимаго обоними тѣлами, а $(ma + nb)x + y$ будетъ выраженіе абсолютнаго количества тепла, содержащагося въ сѣмси тѣлъ въ моментъ ея образованія; $(m + n)cx + g$ будетъ другое выраженіе этого количества, слѣдовательно будетъ

$$(ma + nb)x + y = (mc + nc)x + g, \text{ откуда}$$

$$X = \frac{g - y}{m(a - c) + n(b - c)}.$$

¹⁾ Mem. de l'Académ. pour 1780.

Для того чтобы получить из этого выражения величину x , надобно знать y , a , b , c ; чрезвычайно замѣчателенъ способъ, какимъ Лавуазье и Лапласъ выражаются относительно этого предмета:

«При нѣкоторыхъ попыткахъ, которыя были сдѣланы для того чтобы установить теорію теплоты, говорятъ они, предположили, что абсолютное количество свободной теплоты, до соединенія и послѣ него — одно и то же ¹⁾, предположили также, что теплоемкости тѣлъ представляютъ отношенія абсолютныхъ количествъ тепла въ нихъ заключающихся; при этихъ двухъ гипотезахъ, самыхъ простыхъ, какія только можно сдѣлать, $y = 0$ и вмѣсто a , b , c , можно взять теплоемкости».

Вводя въ эту формулу свои экспериментальныя данныя, Лавуазье и Лапласъ получаютъ для x слѣдующія величины:

Для соединенія извести съ водою	1537, 8.
» » сѣрной кислоты и воды въ пропорціи 3: 4	3241, 9.
» » сѣрной кислоты и воды въ пропорціи 4: 5	1169, 1.
» » азотной кислоты и извести	$\frac{1889}{= 0, 0178}$

Изъ сравненія теплоемкости воды и льда 600.

«Разногласіе между этими пятью величинами X , повидимому совершенно опровергаетъ теорію, основанную на двухъ изложенныхъ выше гипотезахъ, прибавляютъ они но надобно замѣтить, что небольшое измѣненіе, не больше какъ на $\frac{1}{40}$ въ величинахъ теплоемкостей было бы достаточно для того, чтобы привести всѣ величины x къ тождеству, а мы не можемъ ручаться за отсутствіе такой малой погрѣшности въ нашихъ числахъ». Далѣе, говоря о другихъ опытахъ Лавуазье и Лапласъ замѣчаютъ: разбирая эти результаты нельзя не признать, что или абсолютное количество тепла въ обоихъ тѣлахъ до смѣшенія и послѣ него неодинаково ²⁾, или что теплоемкости тѣлъ непропорціональны абсолютнымъ количествамъ тепла въ нихъ заключающагося.

Нельзя не быть пораженнымъ шириною взгляда и осторожностію въ обсужденіи предмета, если сравнивать эти идеи съ тѣми, которыя господствовали гораздо позже и даже господствуютъ отчасти и теперь.

Какъ видно, Лавуазье и Лапласъ отдѣленіе тепла приписываютъ преимущественно измѣненію теплоемкости, на образованіе же тепла вслѣдствіе собственно химическаго дѣйствія смотрятъ какъ на фактъ возможный, но мало вѣроятный, и этотъ взглядъ, хотя въ менѣе совершенной формѣ, выражается и у всѣхъ прежнихъ изслѣдователей: Гадолина, Шиндта и др.

Совершенный переворотъ въ идеяхъ начинается съ работъ Гесса. Въ 1839 году напечаталъ онъ первую свою замѣтку: «объ отдѣленіи тепла въ постоянныхъ пропорціяхъ» ³⁾. Смѣшивая сѣрную кислоту, содержащую 1, 2, 3... эквивалента воды, съ избыткомъ воды, Гессъ нашелъ, что количества теплоты при этомъ отдѣляющіяся, если ихъ отнести къ одному эквиваленту употребленнаго гидрата, находятся между собою въ простыхъ и кратныхъ отношеніяхъ.

¹⁾ То есть предположили, что вслѣдствіе собственно химическаго дѣйствія не происходитъ отдѣленія или поглощенія тепла.

²⁾ То есть происходитъ тепло вслѣдствіе собственно химическаго дѣйствія; g не равно 0.

³⁾ Bullet. de St. Pétersbourg.

Приступая къ полному изложенію своихъ результатовъ, ¹⁾ Гессъ даетъ сначала общее выраженіе этого закона для всякихъ паръ жидкостей и затѣмъ приводитъ еще слѣдующіе законы, также какъ результаты прямыхъ опытовъ:

1) Количества тепла, отдѣляющіяся при смѣшиваніи эквивалентныхъ количествъ различныхъ гидратовъ сѣрной кислоты (моно-би-три гидрата и т. д.) съ однимъ эквивалентомъ воды, находятся между собою въ простыхъ и кратныхъ отношеніяхъ.

2) Если какое либо соединеніе образуется за разъ или въ нѣсколько приѣмовъ, послѣдовательно, то количество тепла, отдѣляемое въ первомъ случаѣ, равно суммѣ количествъ тепла отдѣленныхъ во вторыхъ.

Изъ этихъ двухъ частныхъ законовъ и третьяго, представленнаго выше, вытекаетъ слѣдующій общій законъ, заключающій въ себѣ всѣ предыдущіе.

Количества тепла, отдѣляющіяся при соединеніи двухъ тѣлъ въ различныхъ эквивалентныхъ отношеніяхъ, находятся между собою въ простыхъ и кратныхъ отношеніяхъ.

Мы имѣемъ положительныя доказательства вѣрности этого закона для нѣкоторыхъ случаевъ, гдѣ тѣла могутъ соединяться только въ определенныхъ пропорціяхъ; было бы чрезвычайно важно, если бы удалось доказать его и для того случая, когда соединяются двѣ жидкости, способныя смѣшиваться во всѣхъ пропорціяхъ. Я подвергну поэтому выводъ Гесса подробному обсужденію.

Прежде всего замѣчу, что всѣ опыты, при которыхъ кислота смѣшивалась съ очень большимъ количествомъ воды, должны быть оставлены въ сторонѣ. Для того чтобы этимъ способомъ получить для разныхъ гидратовъ кислоты числа, которые могли бы быть сравнимы, необходимо, собственно говоря, чтобы количества воды были всегда безконечно велики; но чѣмъ болѣе экспериментаторъ приближается къ этому условію, тѣмъ меньше дѣлаются наблюдаемыя измѣненія температуры т. е. тѣмъ съ меньшею точностію можетъ быть измѣряемъ именно тотъ элементъ вопроса, котораго наблюденіе всего затруднительнѣе. Поэтому во всѣхъ опредѣленіяхъ этого рода, полученные числа или не точны, или не сравнимы. Такова часть результатовъ Гесса, результаты Грэма и Томсена. Я показалъ уже, что они кромя того неудовлетворительны съ экспериментальной стороны, а поэтому ихъ надобно оставить безъ вниманія. Изъ опытовъ, сдѣланныхъ надъ соединеніями въ определенныхъ и болѣе выгодныхъ пропорціяхъ, мы имѣемъ опыты Гесса, Абрія, Фавра и Зильбермана, и Фавра и Куальера. Первые, какъ я уже показалъ, основаны на предположеніи очевидно ложномъ, и поэтому не могутъ служить; я воспользуюсь поэтому для повѣрки закона Гесса лишь опытами послѣднихъ трехъ рядовъ и въ особенности опытами Абрія, которые представляютъ наиболѣе гарантій точности. Чтобы съ точностію произвести эту повѣрку, я произвелъ графическое построеніе результатовъ Абрія. Слѣдующая таблица показываетъ количества тепла, которыя отдѣляетъ одинъ граммъ моногидрата сѣрной кислоты при смѣшиваніи съ различными эквивалентными количествами воды. Въ первомъ столбцѣ показано число эквив. воды, прибавленныхъ къ 1 грамму моногидрата, въ остальныхъ количества тепла, отдѣляемыя однимъ граммомъ моногидрата при соединеніи его съ показаннымъ въ первомъ столбцѣ количествомъ воды, и именно:

¹⁾ Pogg. t. 50.

Во 2-мъ столбцѣ помѣщены результаты графическаго построения чиселъ Абріа.

Въ 3-мъ — среднія, выведенныя самимъ Абріа.

Въ 4-мъ — результаты Фавра и Зильбермана.

Въ 5-мъ — Фавра и Куальера.

Экв.	Граф. постр.	Абріа.	Фав. и Зильб.	Фав. и Куал.
1	64, 6.	64, 25.	64, 7.	66, 4.
2	94, 8.	94, 69.	94, 6.	108, 1.
3	112, 8.	113, 06.	111, 9.	126, 9.
4	124, 5.	124, 4.	122, 2.	138, 9.
5	131, 8.	131, 6.	130, 7.	147, 3.
6	138, 2.	137, 7.	136, 2.	156, 4.
7	143, 6.	143, 0.	141, 8.	162, 4.
8	147, 4.	147, 5.	145, 1.	167, 2.
9	149, 9.	149, 8.	148, 5.	—
10	151, 8.	151, 8.	148, 4.	—

Сравнивая среднія выведенныя Абріа изъ его опытовъ съ результатами графическаго построения, тотчасъ бросается въ глаза то обстоятельство, что первыя то больше, то меньше вторыхъ; а такъ какъ эти послѣднія лежатъ на, одной правильно и постепенно изгибающейся линіи, то изъ этого слѣдуетъ, что линія, проведенная чрезъ среднія выводы Абріа была бы извилистая, что недопустимо; изъ этого слѣдуетъ, что способъ, который употреблялъ Абріа для вывода среднихъ (и который онъ не описалъ) неудовлетворителенъ; разница впрочемъ небольшая. Числа Фавра и Зильбермана вообще меньше, и разность увеличивается по мѣрѣ увеличенія числа эквивалентовъ воды; это безъ сомнѣнія происходитъ отъ постоянной ошибки метода ихъ опредѣленій.

Числа Фавра и Куальера столь значительно отличаются отъ всѣхъ другихъ, что ихъ сравнивать невозможно. Открыть причину этого разногласія можно будетъ только тогда, когда ихъ трудъ будетъ напечатанъ вполнѣ. Повидимому разница происходитъ отъ ошибки въ опредѣленіи калориметрической единицы прибора; въ самомъ дѣлѣ эта разность увеличивается почти пропорціонально увеличенію числа единицъ тепла, отдѣленнаго при опытѣ. Поэтому для всѣхъ дальнѣйшихъ соображеній я буду пользоваться результатами графическаго построения опытовъ Абріа.

Слѣдующая таблица представляетъ возможность произвести повѣрку закона Гесса. 1-й столбецъ ея показываетъ число эквивалентовъ воды, прибавленныхъ къ 1 грамму моногидрата сѣрной кислоты. 2-й столбецъ — количество тепла при этомъ отдѣленное. 3-й столбецъ — даетъ тѣ простыя и кратныя числа, которыя наиболѣе приближаются къ результатамъ опыта. 4-й столбецъ — точное

число единицъ тепла, соответствующее числамъ третьяго столбца. 5-й даетъ абсолютную разность между числами четвертаго столбца и числами втораго. 6-й столбецъ — величину относительной разности.

1.	2.	3.	4.	5.	6.
1	64, 6.	4.	63, 6.	+ 1, 1.	0, 017.
2	94, 8.	6.	95, 4.	— 0, 6.	0, 006.
3	112, 8.	7.	111, 3.	+ 1, 5.	0, 013.
4	124, 5.	8.	127, 2.	— 2, 7.	0, 022.
5	131, 8.	8, 3.			
6	138, 2.	8, 7.			
7	143, 6.	9.			
8	147, 4.	9, 3.			
9	149, 9.	9, 4.			
10	151, 8.	9, 5.			

Пятый столбецъ этой таблицы показываетъ, что для первыхъ трехъ эквивалентовъ количества тепла таковы, что при надлежащемъ выборѣ единицы они могутъ быть представлены въ видѣ простыхъ и кратныхъ чиселъ, и отклоненія этихъ кратныхъ величинъ отъ прямыхъ данныхъ опыта на столько малы, что объясняются ошибками опыта: для четвертаго эквивалента воды отклоненіе свыше $\frac{1}{50}$, что уже значительно превосходитъ возможную ошибку опыта; для большаго числа эквивалентовъ воды, количества отдаваемого тепла выражаются рѣшительно дробными числами, какъ показываетъ 3-й столбецъ нашей таблицы.

И такъ законъ Гесса оказывается согласнымъ съ результатами опыта только для количествъ тепла, отдаваемыхъ прибавленіемъ первыхъ трехъ эквивалентовъ воды къ одному эквиваленту моногидрата сѣрной кислоты. Не трудно убѣдиться впрочемъ, что и это совпаденіе нисколько не доказательно. Въ самомъ дѣлѣ, можно построить очень большое число кривыхъ, которыя подобно нашей кривой представляютъ то свойство, что величины трехъ или четырехъ ординатъ, равно отстоящихъ одна отъ другой, будутъ находиться между собою *приблизительно* въ простыхъ и кратныхъ отношеніяхъ. Это свойство, слѣдовательно, нисколько не составляетъ особенности нашей кривой. Мало того, разсматриваемая законообразность нашей кривой нисколько не связана съ величиною эквивалентовъ воды и сѣрной кислоты.

Относительно 1-го грамма кислоты состава $\text{SO}_3 \text{ HO}$, вѣсъ одного пая воды 0,1837. Возьмемъ количества тепла, соответствующія прибавленію къ одному грамму кислоты кратныхъ количествъ воды, которыхъ постоянный фактъ имѣть сложное и дробное отношеніе къ величинѣ пая сѣрной кислоты, напр. 0,16 гр. воды относительно 1 гр. кислоты.

Графическое построение результатов Абріа даетъ для этого предположенія числа, представленныя въ слѣдующей таблицѣ.

1.	2.	3.	4.	5.	6.
1	58, 5.	4.	59, 6.	— 1, 1.	0, 019.
2	89, 0.	6.	89, 4.	— 0, 4.	0, 005.
3	107, 0.	7.	104, 3.	+ 2, 7.	0, 025.
4	119, 1.	8.	119, 2.	— 0, 1.	0, 001.

Какъ видно, и при этомъ предположеніи, весьма далеко отъ истины, наблюдаются такія же отношенія между количествами тепла и съ такою же, даже нѣсколько большею, степенью точности. Это самымъ положительнымъ образомъ доказываетъ, что законъ Гесса есть не болѣе какъ иллюзія. Мало того, если бы такой законъ и существовалъ въ дѣйствительности, то всего труднѣе было бы доказать его изученіемъ количествъ тепла, отдѣляющихся при соединеніи сѣрной кислоты съ водою. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно ошибиться на $\frac{1}{2}\%$ въ опредѣленіи количества прибавленной воды, для того чтобы въ конечномъ результатѣ оказалась иногда разниціа на $\frac{1}{50}$ всей его величины, а одного переливанія сѣрной кислоты изъ одного сосуда въ другой достаточно, чтобы составъ ея замѣтно измѣнился поглощеніемъ влаги изъ воздуха.

Мы не имѣемъ ни одной пары жидкостей, для которой существовали бы такія точныя опредѣленія термическихъ результатовъ соединенія, какъ для воды и сѣрной кислоты и по этому дальнѣйшая повѣрка предположеній Гесса невозможна, и, мнѣ кажется, была бы и бесполезна.

Лангбергъ ¹⁾, отыскивая эмпирическую форму для выраженія удѣльнаго вѣса соединеній воды съ сѣрною кислотою, пришелъ къ очень простой формулѣ, которая, какъ онъ замѣтилъ, хорошо представляетъ также количества тепла, отдѣляемыя при образованіи этихъ соединеній. Лангбергъ бралъ для сравненія результаты Гесса, которыя, какъ я показалъ, весьма ошибочны, а потому и выводъ Лангберга не можетъ быть точнымъ.

Томсенъ ²⁾ представилъ въ своихъ термохимическихъ изслѣдованіяхъ совершенно новую и въ высшей степени заманчивую теорію термическихъ явленій, обнаруживающихся при соединеніи жидкостей. Томсенъ выходитъ отъ чисто механическихъ положеній; онъ предполагаетъ, что молекулы каждой жидкости находятся постоянно въ колебательномъ состояніи, описывая круговыя колебанія, что радіусъ движенія и угловая скорость его для каждой жидкости различны и что при смѣшиваніи двухъ жидкостей частицы ихъ принимаютъ одинаковую угловую скорость,

¹⁾ Karsten's Fortschritte der Phys. t. 5, заключаетъ лишь краткое извлеченіе изъ мемуара Лангберга, котораго оригиналъ на шведскомъ языкѣ мнѣ не былъ доступенъ; я не могъ по этому составить себѣ точное понятіе о его результатахъ.

²⁾ Pogg. t. 90.

сохраняя свои первоначальные радіусы колебанія; наконецъ онъ предполагаетъ, что потеря живой силы, вслѣдствіе уравниванія угловыхъ скоростей частицъ при смѣшиваніи двухъ жидкостей, пропорціональна количеству отдѣленнаго при этомъ тепла.

Всѣ эти предположенія совершенно произвольны, а относительно послѣдняго изъ нихъ надобно еще замѣтить, что при смѣшиваніи двухъ жидкостей иногда происходитъ не отдѣленіе, а напротивъ — поглощеніе тепла, — обстоятельство, котораго Томсенъ по видимому вовсе не имѣлъ въ виду. Тѣмъ не менѣе, если бы на основаніи этихъ предположеній можно было вывести числовые законы термохимическихъ явленій, то это было бы въ высшей степени блистательное пріобрѣтеніе для науки.

Съ перваго взгляда это такъ и кажется. На основаніи законовъ механики и при помощи высшаго анализа, Томсенъ выводитъ изъ своихъ предположеній очень сложную формулу, выражающую законъ явленія; но для повѣрки этой формулы по результатамъ опыта она измѣняется такимъ образомъ, что *всѣ теоретическіе факторы введенные въ нее, сливаются въ одну константу, определяемую изъ опыта*, т. е. формула совершенно теряетъ свой теоретическій характеръ и получаетъ характеръ простой интерполяціонной формулы. Она получаетъ такой видъ

$$W_a = \frac{a}{a + n} C.$$

W_a количество тепла, отдѣляемое a паями воды при смѣшиваніи съ 1 паемъ другого гидрата (сѣрной кислоты напр.), a число паявыхъ прибавленій воды. C и n постоянныя величины определяемыя изъ опытовъ.

Понятно что эта формула довольно хорошо представляетъ результаты опытовъ, но это никакъ не можетъ служить доказательствомъ вѣрности основныхъ положеній изъ которыхъ она выведена, такъ какъ она не сохранила ни малѣйшихъ признаковъ своего теоретическаго происхожденія.

Далѣе Томсенъ изъ подобнаго же механическаго предположенія выводитъ формулу, въ которую входятъ три константы; одна изъ нихъ, n , таже, что и въ предыдущей формулѣ, другія двѣ представляютъ кубическіе корни изъ эквивалентъ объемовъ воды и сѣрной кислоты. Эта формула должна представлять измѣненія объема, происходящія въ моментъ соединенія сѣрной кислоты съ водою.

Вставляя въ эту формулу величины соответствующія эквивалентъ объемамъ воды и сѣрной кислоты, Томсенъ получаетъ изъ нея для n величину очень близкую къ той, которая удовлетворяетъ формулѣ термическаго дѣйствія. Это сближеніе между двумя различными явленіями, постоянно сопровождающими другъ друга, представляло бы чрезвычайный интересъ, если бы важность его не уничтожалась тѣми недостатками, которые отнимаютъ всякое теоретическое значеніе у формулы термическихъ явленій, выведенной Томсеномъ. Чтобы видѣть до какой степени эти два явленія представляютъ сходство въ своемъ теченіи, я произвелъ графическое построеніе результатовъ Бино ¹⁾ для измѣненій объема, и результатовъ Абріа для количества тепла; для того чтобы возможно было ихъ сравнивать, я перечислилъ

¹⁾ Ann. Ch. Ph. 2 v. t. 24.

результаты Абрая, относя количества отдѣленного тепла не къ 1 гр. моногидрата, а къ одному грамму соединенія, точно такъ какъ это всегда дѣлается для чиселъ, представляющихъ измѣненія свойства суммы двухъ тѣлъ въ моментъ ихъ соединенія. Получились двѣ кривыя, не совпадающія, но представляющія много сходнаго. Обѣ онѣ параболы не равностороннія относительно оси ординатъ, наклонены въ одну и ту же сторону и вершины повидимому соответствуютъ одной и той же ординатѣ. Но расположеніе точекъ кривой количество тепла таково, что кривая эта определяется не достаточно рѣзко, что происходитъ отъ неточности результатовъ опыта. Вслѣдствіе этого невозможно опредѣлить съ надлежащею точностію взаимныя отношенія этихъ двухъ явленій.

Кромѣ механической теоріи термическихъ явленій, сопровождающихъ соединеніе сѣрной кислоты съ водою, Томсенъ представляетъ въ первой части своего труда *) изложеніе общихъ теоретическихъ положеній, которыми онъ руководствовался.

Гипотезы изъ которыхъ Томсенъ старается вывести всѣ законы термохиміи, суть слѣдующія:

а) все количество тепла, развитое при химической реакціи, составляетъ мѣру проявившейся при этомъ силы.

б) Каждое тѣло обладаетъ извѣстнымъ количествомъ химической силы; все количество химической силы, которымъ обладаетъ одинъ эквивалентъ тѣла, выраженное въ единицахъ тепла, называетъ Томсенъ *термодинамическимъ эквивалентомъ* тѣла.

в) Величина тепловаго измѣненія, происходящаго въ моментъ образованія какаго нибудь соединенія, равна разности термодинамическихъ эквивалентовъ составныхъ частей и термодинамическаго эквивалента соединенія.

Изъ этихъ предположеній Томсенъ выводитъ, какъ необходимыя слѣдствія многіе законы, которые уже прежде были получены экспериментальнымъ путемъ, какъ напр., тотъ законъ, что при распаденіи сложнаго тѣла поглощается столько же тепла, сколько отдѣлилось при его образованіи; тотъ, что отдѣляется одинаковое количество тепла, образуется ли соединеніе за разъ или въ нѣсколько пріемовъ; законы Гесса и Андревса относительно соединенія кислотъ съ основаниями и т. д.

Повидимому вѣрность всѣхъ этихъ заключеній вполне доказываетъ вѣрность тѣхъ положеній, изъ которыхъ они выведены; но въ дѣйствительности оказывается совсемъ иное.

Прежде всего надобно замѣтить, что для вывода упомянутыхъ выше законовъ, кромѣ основныхъ положеній Томсена, необходимо еще принять въ расчетъ извѣстный механический принципъ — сохраненія живыхъ силъ, а если обратиться къ этому несомнѣнному принципу, то изъ него одного можно вывести всѣ заключенія, формулированныя Томсеномъ (какъ это показали Бертелло); слѣдовательно гипотезы Томсена безполезны. Но онѣ не только не нужны, онѣ положительно недопустимы. Все количество тепла, которое отдѣляется при соединеніи двухъ тѣлъ, есть величина сложная: это сумма всѣхъ тепловыхъ измѣненій, происходящихъ въ моментъ соединенія, какъ вслѣдствіе самаго акта, такъ и вслѣдствіе физическихъ измѣненій,

*) Pogg. t. 88.

сопровождающихъ химическое дѣйствіе; следовательно во всякомъ случаѣ не все количество отдѣленнаго тепла, а только часть его, зависящая отъ химическаго дѣйствія, можетъ служить мѣрою химической силы, производящей соединеніе. Второе и третье положенія также весьма мало вѣроятны. Въ самомъ дѣлѣ возможно ли допустить чтобы явленія столь разнообразныя объяснялись однимъ столь простымъ закономъ, какъ законъ разности термодинамическихъ эквивалентовъ? Попытка приложить этотъ законъ къ тѣмъ случаямъ, когда три или большее число тѣлъ попарно соединяются между собою, безъ сомнѣнія тотъ-часъ показала бы его несостоятельность, но другіе недостатки термохимической системы Томсена дѣлаютъ излишнюю эту поправку.

Персонъ ¹⁾ при своихъ изслѣдованіяхъ о теплоемкости соляныхъ растворовъ, обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что при разбавленіи водою раствора, обыкновенно происходитъ пониженіе температуры даже для тѣхъ солей, которыя растворяясь въ водѣ производятъ повышеніе температуры; онъ высказалъ по поводу этого предположеніе, что это есть слѣдствіе особаго явленія, *разбавленія* (dilution), которое всегда производитъ поглощеніе тепла, между тѣмъ какъ собственно химическое дѣйствіе всегда сопровождается отдѣленіемъ тепла. Бюсси и Бюнье повторяютъ эту мысль, называя диффузіей причину пониженій температуры, которыя они наблюдали при смѣшиваніи нѣкоторыхъ жидкостей; наконецъ, Сентъ-Клеръ-Девиль также разделяетъ этотъ взглядъ. Но мнѣ кажется противнымъ истинному методу науки это допущеніе новой причины (новой силы), когда вовсе недоказана еще невозможность объяснить явленіе безъ допущенія новаго предположенія.

Теоретическія представленія Сентъ-Клеръ-Девиль известны лишь по короткому предварительному сообщенію ²⁾. Онъ предполагаетъ, что тепло, отдѣляющееся при соединеніи двухъ жидкостей, есть часть содержимаго ими при данной температурѣ тепла ³⁾. Онъ выражаетъ результаты не въ количествахъ тепла, но въ *температурахъ*, рассматривая произведенныя возвышенія температуры какъ величины, пропорціональныя количествамъ живыхъ силъ, освобождающихся при образованіи соединенія. Онъ вводитъ въ свои соображенія измѣненіе объема смѣсей въ моментъ смѣшенія и ихъ коэффициентъ разширенія, но сколько можно судить по очень неполному его сообщенію, не имѣетъ въ виду измѣненій теплоемкости смѣси какъ непосредственной причины тепловыхъ измѣненій, происходящихъ при смѣшиваніи.

Впрочемъ его мемуаръ изложенъ лишь въ извлеченіи и такъ не ясно, что чрезвычайно трудно составить себѣ отчетливое понятіе объ идеяхъ, которыми руководился авторъ.

Послѣдній трудъ, который слѣдуетъ рассмотреть, принадлежитъ Бертелло ⁴⁾; трудъ этотъ не относится прямо къ термохиміи жидкостей, — но въ первой части его авторъ сообщаетъ общіе взгляды, которыми онъ руководствуется и эти взгляды отличаются такою шириною, ясностію и строгостію, что ихъ можно рассматривать какъ наилучшее изложеніе современнаго состоянія термохимическаго ученія. Идеи Бертелло резко отличаются въ этомъ отношеніи отъ теоретическихъ взглядовъ всѣхъ его предшественниковъ и одни могутъ быть поставлены наравнѣ съ идеями, выска-

¹⁾ Ann. Ch. Ph. 3 s. t. 33.

²⁾ C. R. t. 50.

³⁾ Это предположеніе Лавуазье и Лапласа.

⁴⁾ Ann. Ch. Ph. 4 s. t. 7, 1865.

занными 70 лѣтъ тому назадъ Лавуазье и Лапласомъ. До нѣкоторой степени идеи Бертелло суть даже воспроизведеніе нѣкоторыхъ положеній великихъ изслѣдователей прошлаго столѣтія; но, воспользовавшись пріобрѣтеніями науки за цѣлыя 70 лѣтъ, Бертелло получилъ возможность дать имъ такое развитіе, которое невозможно было въ концѣ прошлаго столѣтія.

Тепло, отдѣляющееся при соединеніи двухъ тѣлъ, можно разсматривать, говорить Бертелло, какъ слѣдствіе потери живой силы, происходящей оттого, что частицы соединяющихся тѣлъ быстро устремляются одна къ другой въ моментъ соединенія и теряютъ пріобрѣтенную скорость, когда соединеніе совершилось.

Прилагая къ этому положенію принципъ сохраненія живыхъ силъ, изъ него выводятся слѣдствія уже подтвержденныя опытомъ, а именно:

1) Количество тепла, отдѣляющееся при образованіи соединенія равно тому, которое поглощается при его распаденіи.

2) Количество тепла, отдѣляемое или поглощаемое при нѣсколькихъ послѣдовательныхъ реакціяхъ, происходящихъ вдругъ, одновременно, равно суммѣ количествъ отдѣленныхъ и поглощенныхъ при каждой изъ этихъ реакцій порознь.

3) Если произвести рядъ химическихъ реакцій $A + B + C + D$ и другой рядъ $B + C + D$, то количество тепла, отдѣляемое въ этомъ послѣднемъ случаѣ будетъ равно тому, которое отдѣлено въ первомъ минусъ количество тепла, соответствующее реакціи A .

4) Положимъ, что при соединеніи двухъ тѣлъ A и B отдѣлится количество тепла X и при соединеніи тѣла A съ тѣломъ C — количество тепла y . Если тѣло C способно отнимать тѣло A изъ соединенія AB , то количество тепла, которое при этомъ отдѣлится будетъ равно $y - x$.

Далѣе Бертелло разсматриваетъ вліяніе физическихъ условій, при которыхъ происходитъ химическая реакція и физическихъ явленій ее сопровождающихъ на термическій результатъ реакціи; онъ обращаетъ при этомъ особенное вниманіе на слѣдующіе три фактора:

1) Измѣненіе молекулярнаго состоянія. Ясно само собою, что если въ моментъ соединенія одно изъ тѣлъ измѣняетъ свое молекулярное состояніе, если оно напр. жидко, а соединеніе въ которое оно вошло имѣетъ при тѣхъ же условіяхъ твердое состояніе, то къ термическому результату собственно химическаго дѣйствія присоединится еще все количество скрытаго тепла плавленія тѣла.

2) Вліяніе внѣшнихъ механическихъ дѣйствій. Это вліяніе особенно замѣтно для газовъ; термическій результатъ соединенія двухъ газовъ будетъ весьма различенъ, смотря по тому, можетъ ли часть тепла, отдѣляемаго при соединеніи, производить механическое дѣйствіе на внѣшніе предметы или нѣтъ.

3) Вліяніе температуры. Разсматривая отношенія, существующія между количествами тепла, которыя могутъ отдѣлить два тѣла, соединяясь между собою при двухъ различныхъ температурахъ, Бертелло находитъ, что они должны быть связаны слѣдующимъ выраженіемъ:

$$Q_T = Q_t + U - V.$$

гдѣ

Q_T — количество тепла, отдѣляемаго при температурѣ T .

Q_t — количество тепла, отдѣляемаго при температурѣ t , низшей нежели T .

U — количество тепла, которое должны получить обѣ составныя части разсматриваемаго соединенія чтобы перейти отъ температуры t къ T .

V — колич. тепла, которое должно отдать соединеніе, чтобы перейти отъ температуры T къ t .

Величины U и V состоятъ каждая изъ величинъ двухъ родовъ:

1) Тепла, поглощаемаго тѣлами вслѣдствіе перехода изъ одного состоянія въ другое (скрытое тепло плавленія, улетучиванія).

2) Тепла, поглощаемаго тѣлами вслѣдствіе измѣненія температуры и пропорціональнаго для каждого тѣла его теплоемкости.

Для того болѣе простаго случая, когда разсматривается интервалъ температуръ $T - t$, въ которомъ оба соединяющихся тѣла и ихъ соединеніе имѣютъ одно и тоже молекулярное состояніе, напр. жидки или тверды, эта общая формула принимаетъ болѣе простой видъ:

$$Q_T = Q_t + (\Sigma c - \Sigma c') (T - t)$$

гдѣ Σc сумма теплоемкостей составныхъ частей, $\Sigma c'$ теплоемкость соединенія, отнесенныя къ ихъ атомамъ. Изъ этой формулы очень хорошо видно вліяніе температуры на величину термическаго результата реакціи. Въ самомъ дѣлѣ очевидно, что если величина $\Sigma c - \Sigma c'$ положительная, то Q_T будетъ возрастать съ температурою, если $\Sigma c - \Sigma c'$ величина отрицательная, то на оборотъ Q_T будетъ уменьшаться съ температурою. Бертелло показываетъ, что напр. для воды въ жидкомъ состояніи Q_T должно уменьшаться съ возвышеніемъ температуры; напротивъ для воды въ твердомъ и газообразномъ состояніи $\Sigma c - \Sigma c'$ величина положительная и поэтому Q_T должно увеличиваться съ температурою. Ясно, что для такихъ условій, при которыхъ $\Sigma c - \Sigma c' = 0$, величина Q_T будетъ постоянною и независимою отъ температуры; взятую при такихъ условіяхъ Бертелло называетъ эту величину Q , независимую отъ температуры, *атомическомъ тепломъ соединенія*; такія только величины могутъ, по его мнѣнію, быть между собою сравниваемы. Условія, при которыхъ наступаетъ это состояніе суть тѣ, при которыхъ всѣ составныя части тѣла и ихъ соединеніе или совершенные газы или совершенно твердыя тѣла; въ самомъ дѣлѣ для газовъ и для твердыхъ тѣлъ существуетъ тотъ законъ, что теплоемкость соединенія равна суммѣ теплоемкостей составныхъ частей. Газы достигаютъ этого состоянія при различныхъ, болѣе или менѣе высокихъ температурахъ; для твердыхъ тѣлъ это состояніе наступаетъ при температурѣ абсолютнаго нуля. Наконецъ Бертелло замѣчаетъ, что и кромѣ этихъ двухъ состояній, для тѣлъ сходныхъ между собою могутъ быть найдены условія, при которыхъ ихъ термическія проявленія сравнимы между собою, такъ напр. для гидратовъ то состояніе, когда они разбавлены большимъ количествомъ воды.

Я не нахожу ничего, что можно было бы возразить противъ этой совокупности взглядовъ на термохимію, я замѣчу только, что они не только составляютъ развитіе идей Лавуазье и Лапласа о томъ же предметѣ, но что даже и формула, выражающая зависимость термическаго результата соединенія отъ температуры, данная Бертелло, можетъ быть, посредствомъ простыхъ алгебраическихъ преобразованій, выведена изъ формулы Лавуазье и Лапласа, приведенной выше ¹⁾, къ которой она относится какъ частный случай.

¹⁾ Стр. 22; тамъ-же показано значеніе буквъ.

Въ самомъ дѣлѣ Лавуазье и Лапласъ, для количества тепла, отдѣляемаго соединеніемъ двухъ тѣлъ при 0^0 даютъ слѣдующее выраженіе:

$$g = (ma + nb) x - (mc + nc) x + y :$$

для температуръ T и t это выраженіе приметъ слѣдующій видъ:

$$Q_T = (ma + nb) (x + T) - (mc + nc) (x + T) + y.$$

$$Q_t = (ma + nb) (x + t) - (mc + nc) (x + t) + y$$

откуда получаемъ

$$Q_T = Q_t + ((ma + nb) - (mc + nc)) (T - t).$$

въ этой формулѣ a и b означаютъ теплоемкости обѣихъ составныхъ частей, m и n , ихъ количества, c теплоемкость соединенія, $m + n$ его количество, слѣдовательно

$$ma + nb = \Sigma c \text{ и } (m + n) c = \Sigma c'$$

что превращаетъ нашу формулу въ ту, которую употребилъ для своихъ соображеній Бертелло.

Формула Лавуазье и Лапласа имѣетъ впрочемъ предъ этой послѣдней то преимущество, что она гораздо общее и позволяетъ повтому такіе выводы, которые невозможны при болѣе частномъ выраженіи.

Формула эта указываетъ на ту связь, которая должна существовать между измѣненіями средней теплоемкости двухъ жидкостей въ моментъ ихъ соединенія и термическимъ результатомъ, происходящимъ при соединеніи. Опыты, которые Лавуазье и Лапласъ сами произвели, недостаточны для того, чтобы подвергнуть ихъ формулу экспериментальной повѣркѣ, какъ они сами признали это; я хотѣлъ произвести эту повѣрку посредствомъ результатовъ новѣйшихъ изслѣдованій. Самыя точныя термохимическія опредѣленія имѣемъ мы для соединеній сѣрной кислоты съ водою; Персонъ ¹⁾ даетъ нѣсколько опредѣленій теплоемкости различныхъ гидратовъ сѣрной кислоты. Къ несчастію, при внимательномъ изученіи его чиселъ, оказывается слѣдующее: мемуаръ Персона даетъ теплоемкости моногидрата и трехъ его соединеній съ водою; для этихъ послѣднихъ Персонъ вычислилъ также среднія арифметическія по формулѣ:

$$\frac{k + p}{1 + p} = 1$$

въ второй k теплоемкость моногидрата сѣрной кислоты; p количество моногидрата сѣрной кислоты на 1 воды въ соединеніи; 1 теплоемкость соединенія средняя арифметическая.

Числовые результаты Персона слѣдующіе:

		опытъ	сред. арифм.
Моногидратъ		0,3095	—
Соединеніе 1 ч. моногидрата и 0,1796 воды		0,4330	0,4315.
„ 1 ч. „	0,3158	0,4534	0,4942.
„ 1 ч. „	0,9608	1,5851	0,6580.

Вычисляя снова по приведенной выше формулѣ среднія арифметическія теплоемкости всѣхъ трехъ соединеній, я получилъ числа совершенно отличныя отъ среднихъ арифметическихъ Персона, а именно:

Для перваго соединенія . . .	0,4146.
„ втораго „ . . .	0,4751.
„ третьяго „ . . .	0,6478.

¹⁾ Ann. Ch. Ph. 3 et t. 33.

Вычисляя по той же формулѣ теплоемкость моногидрата изъ теплоемкостей среднихъ арифметическихъ Персона, получаются слѣдующія величины:

Изъ перваго соединенія . . . 0,3294.

„ втораго „ . . . 0,3346.

„ третьяго „ . . . 0,3295.

Изъ этого сравненія видно, что числа Персона заключаютъ ошибку и по всей вѣроятности ошибочно число, данное имъ для моногидрата; оно кажется должно быть замѣнено числомъ 0,3295, въ такомъ случаѣ число, представляющее среднюю арифметическую теплоемкость втораго соединенія также ошибочно. Къ несчастію въ таблицѣ экспериментальныхъ данныхъ не сообщенъ одинъ изъ элементовъ — масса воды въ калориметрѣ (М), вслѣдствіе чего невозможна повѣрка окончательныхъ результатовъ. Поэтому числами Персона воспользоваться невозможно; другихъ опредѣленій теплоемкости гидратовъ сѣрной кислоты мы не имѣемъ и потому экспериментальная повѣрка формулы Лавуазье и Лапласа не возможна въ настоящее время.

Если теперь бросить общій взглядъ на ходъ развитія термохиміи жидкостей, то представляется результатъ въ высшей степени замѣчательный: въ теоретическомъ отношеніи прогрессъ заключается въ возвращеніи къ идеямъ конца прошлаго столѣтія, въ опытномъ отношеніи — въ приобрѣтеніи множества числовыхъ данныхъ, столь не полныхъ и большею частію столь не точныхъ, что ни одно теоретическое предположеніе не можетъ быть посредствомъ ихъ подвергнуто повѣркѣ опыта.

II. Методы количественныхъ опредѣленій, употребленные при опытахъ.

Измѣреніе температуръ. При всѣхъ опредѣленіяхъ количествъ тепла, измѣреніе температуръ составляетъ самую затруднительную сторону вопроса; по этому я считаю нужнымъ представить нѣкоторыя подробности относительно моихъ термометровъ. Всѣ они съ произвольною скѣлою и построены мною самимъ ¹⁾).

Какъ матеріалъ для устройства термометровъ, поташное стекло выгоднѣе нежели хрусталь, потому что его коэффициентъ расширенія меньше, правильнѣе измѣняется съ температурою, и матеріалъ этотъ доставляетъ, повидимому, термометры менѣе измѣнчивые; но съ другой стороны всѣ термометры Реньо сдѣланы изъ хрустала, а такъ какъ посредствомъ этихъ термометровъ получено громадное множество и самыхъ точныхъ числовыхъ данныхъ, то я предпочелъ взять хрусталь для того чтобы имѣть данныя по возможности болѣе приближающіяся къ даннымъ термометровъ Реньо. Концы каждой трубки тотчасъ по изготовленіи ея на фабрикѣ были запаяны; это необходимо для того чтобы предотвратить возможность засоренія трубокъ пылью или сыростию. Промывать азотною кислотою, какъ это совѣтуетъ Пьеръ, можно лишь трубки очень крупнаго діаметра, такого, что ихъ можно употребить для спиртовыхъ термометровъ, но не для ртутныхъ. Величина внутренняго діаметра термометрической трубки дѣло весьма важное. Если брать трубки очень широкія (напр. въ 1 миллиметръ и болѣе въ діаметрѣ), то шарики выходятъ очень большіе и термометры медленны въ своихъ показаніяхъ, т. е. не скоро принимаютъ температуру окружающей среды и кромѣ того неудобны для обращенія съ ними; если діаметръ слишкомъ узокъ, встрѣчается неудобство другаго рода — при измѣненіи температуры движеніе въ такихъ термометрахъ не равномерно, а скачками, потому что столбъ ртути испытываетъ замѣтное сопротивленіе движенію вслѣдствіе узкости канала, въ которомъ находится. Это обстоятельство можетъ сдѣлаться источникомъ замѣтныхъ ошибокъ, особенно при употребленіи способа постоянныхъ температуръ: термометръ съ очень узкою трубою можетъ нѣсколько времени оставаться неподвижнымъ вслѣдствіе тренія, испытываемаго ртутнымъ столбомъ въ узкой трубкѣ, между тѣмъ какъ температура окружающей его среды замѣтно измѣняется.

¹⁾ Въ химической лабораторіи Реньо въ Collège de France въ 1861 году.

Изъ массы трубокъ выбираютъ сначала хорошія; для этого вводятъ въ каждую трубку столбъ ртути длиною около 50 миллиметровъ, и проводя этотъ столбъ по всей длинѣ трубки измѣряютъ его длину въ разныхъ частяхъ ея. Это измѣреніе, какъ уже упомянуто, служитъ для выбора трубки и потому не требуетъ большой точности; оно производится посредствомъ линейки, раздѣленной на миллиметры и считываніе можетъ заключать ошибки до 0,2 и 0,3 миллиметра: необходимо чтобы дѣло шло быстро, потому что надобно перепробовать десятковъ трубокъ, чтобы найти часть трубки годную на одинъ термометръ. Если длина столбика при передвиженіи въ трубкѣ отъ одного конца къ другому измѣняется неправильно, т. е. то увеличивается, то уменьшается, или, если измѣненія правильны, но значительны, напр. столбикъ въ какой нибудь части трубки на цѣлый миллиметръ длиннѣе или короче, чѣмъ въ непосредственно предшествовавшей ей части, то такая трубка не годна; разница въ 0,5 миллиметра еще допустима.

Выбранная такимъ образомъ трубка подвергается калиброванію.

Реньо производить эту операцію посредствомъ винта дѣлительной машины. Трубка, въ которую предварительно введенъ столбикъ ртути, около двадцати миллиметровъ длиною, кладется на неподвижную доску дѣлительной машины; къ гайкѣ, которая приводится въ движеніе винтомъ машины, прикрѣпленъ микроскопъ съ перекрестными нитями; одна изъ нитей наводится на одинъ конецъ ртутнаго столбика, потомъ движеніемъ винта микроскопъ переводится на другой конецъ этого столба, такъ чтобы нить приходилась прямо на вершину его; число оборотовъ винта и число частей оборота, измѣряемое посредствомъ дѣлений, находящихся на головкѣ винта даетъ длину столба ртути. Столбикъ передвигается дальше и длина его измѣряется такимъ же образомъ. Этотъ способъ калиброванія очень точенъ, но за то беретъ много времени, тѣмъ болѣе, что каждое измѣреніе длины ртутнаго столбика нужно повѣрить еще разъ, чтобы быть увѣреннымъ, что не произошло ошибки. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на горизонтальность трубки на доскѣ машины и всѣ предосторожности, столбикъ ртути могъ бы въ продолженіе того времени когда микроскопъ передвигался отъ одного конца его до другаго, самъ нѣсколько передвинуться, вслѣдствіе чего измѣреніе оказалось бы не вѣрнымъ. Чтобы избѣжать этого, какъ уже упомянуто, измѣреніе повторяютъ. Когда столбикъ измѣренъ отмѣчаютъ краскою на трубкѣ положеніе его концовъ и передвигаютъ его такъ, чтобы правый его конецъ занялъ мѣсто, которое прежде занималъ лѣвый. Сдѣлать это съ точностію почти невозможно, потому что для передвиженія необходимо снять трубку съ мѣста; постукивая деревяшкой въ тотъ конецъ трубки, къ которому хотятъ приблизить ртутный столбикъ, легко удастся при помощи мѣтки, поставленной на трубкѣ краскою, передвинуть столбикъ *приблизительно* куда нужно, тогда снова измѣряется длина столбика какъ прежде и снова повторяются тѣ же операціи до конца трубки. Дальше я покажу, что ошибка, которая происходитъ отъ того, что лѣвый конецъ ртутнаго столба въ новомъ его положеніи не вполне совпадаетъ съ положеніемъ праваго конца того же столба при предшествовавшемъ измѣреніи его — незамѣтна.

Чтобы облегчить операцію калиброванія, я построилъ приборъ, который вполне оказался удовлетворительнымъ для этой цѣли ¹⁾. Этотъ приборъ имѣетъ сходство

¹⁾ Приборъ этотъ былъ построенъ въ Парижѣ въ 1861 году механикомъ L. Golaz.

съ тѣмъ, который служитъ для повѣрки раздѣленныхъ уже трубокъ и можетъ вполне замѣнить его и для этой цѣли. Онъ состоитъ (фиг. 1) изъ двухъ микроскоповъ, прикрѣпленныхъ къ подставкамъ, могущимъ двигаться въ одномъ и томъ же пазу. Микроскопъ А приводится въ движеніе микрометрическимъ винтомъ п, другой-же микроскопъ В свободно передвигается рукою; подъ микроскопами лежитъ линейка с, раздѣленная на миллиметры; ея край, носящій дѣленія, къ низу скошенъ такъ, что если приложить къ нему термометрическую трубку ff, въ которую введенъ столбикъ ртути, то столбикъ этотъ въ микроскопъ кажется касающимся раздѣленного края линейки. Дѣленія на линейкѣ (миллиметры) сдѣланы чрезвычайно тонко, ихъ 0 находится въ полѣ зрѣнія микроскопа А и по другую сторону отъ 0 есть еще одинъ миллиметръ, раздѣленный на 10 частей; линейка можетъ быть приводима въ движеніе микрометрическимъ винтомъ к; наконецъ существуетъ особое приспособленіе, чтобы держать трубку у скошеннаго края линейки, позволяющее по произволу передвигать ее.

Введя въ трубку столбикъ ртути, прикладываютъ ее плотно къ краю раздѣленной линейки такимъ образомъ, чтобы лѣвый конецъ ртутнаго столба ровно совпадалъ съ однимъ изъ дѣленій линейки, а правый въ тоже время падалъ между дѣленіями миллиметра, раздѣленнаго на десятыя доли, чего легко достигнуть, такъ какъ линейка имѣетъ микрометрическое движеніе, а трубку легко привести въ надлежащее положеніе просто рукою. Микроскопы при этомъ устанавливаются такимъ образомъ, чтобы одна изъ нитей каждаго микроскопа была параллельна чертамъ дѣленій масштаба и притомъ такъ, что нить микроскопа В должна покрывать одно изъ дѣленій масштаба и въ то же время касаться конца столба ртути, а перекрестная нить микроскопа А, касаясь вершины другаго конца ртутнаго столба, должна при этомъ падать гдѣ либо между дѣленіями миллиметра раздѣленнаго на 10 частей; микроскопъ А имѣетъ микрометрическое движеніе и потому его легко привести такое въ положеніе. На фиг. 2 видно, какъ представляется взаимное отношеніе различныхъ частей прибора въ моментъ считыванія: посредствомъ микроскопа В считывается число миллиметровъ, посредствомъ микроскопа А считывается число десятыхъ долей миллиметра, и оцѣнивается на глазъ число сотыхъ долей, дополняющихъ длину ртутнаго столба; эта оцѣнка сотыхъ долей можетъ быть сдѣлана съ точностію, такъ какъ микроскопы увеличиваютъ въ 8 — 10 разъ, а нить микроскопа А, касающаяся верхушки ртутнаго столба въ тоже время падаетъ между дѣленіями той части масштаба, которая раздѣлена на десятыя доли миллиметра. Произведя считываніе, передвигаютъ столбикъ ртути въ трубкѣ и продолжаютъ операцію. Лѣвый микроскопъ остается неподвижнымъ въ теченіи всей работы надъ одною и тою же трубкою, масштабъ приходится передвинуть разъ или два на одинъ цѣлый миллиметръ, а правый микроскопъ приходится передвигать каждый разъ на одну или на двѣ десятыхъ доли миллиметра и потому понятно, что операція идетъ чрезвычайно быстро. Ошибки зависящей отъ передвиженія столба ртути, какъ при калиброваніи посредствомъ дѣлительной машины, тутъ опасаться нельзя, такъ какъ оба конца столба ртути наблюдаются въ одно время, степень же точности болѣе чѣмъ достаточна, какъ сейчасъ будетъ показано. Когда калиброваніе окончено, равные по объему интервалы, которыхъ длина записана, дѣлятся каждый на равное число частей *равной длины*.

Я представлю здѣсь числа, полученные посредствомъ моего прибора при калиброваніи одного изъ моихъ термометровъ.

А — длина калибровочнаго столба въ разныхъ частяхъ трубки въ миллиметрахъ.

В — число дѣлений головки винта, соответствующее одному дѣленію термометра въ разныхъ калибровочныхъ интервалахъ ¹⁾.

№	А.	В.
1	28,37	649
2	28,48	652
3	28,65	656
4	28,80	659
5	28,88	661
6	29,02	664
7	29,14	667
8	29,21	668
9	29,32	671
10	29,44	674
11	29,45	674
12	29,46	674
13	29,46	674
14	29,47	674
15	29,44	673
16	29,43	673
17	29,37	672
18	29,34	672
19	29,28	670

Изъ этихъ чиселъ видно, что предполагая вѣроятную ошибку калиброванія въ 0,02 миллиметра каждый разъ, методъ болѣе чѣмъ удовлетворителенъ. Въ самомъ дѣлѣ наименьшая разность величинъ, которую можно отложить посредствомъ машины которую я пользовался есть 1^D , то есть $\frac{1}{801}$ миллиметра, слѣдовательно наименьшая разность въ величинѣ двухъ интерваловъ, которую можно отложить, предполагая 35 дѣлений въ каждомъ интервалѣ, есть 35 дѣлений головки винта, т. е. почти 0,04 миллиметра. Вотъ почему, какъ видно изъ таблицы, когда длины столбовъ различаются между собою на 0,02 миллиметра и меньше, приходится откладывать дѣленія одинаковой длины.

Другое обстоятельство, которое наглядно представляетъ приведенная таблица то, что если при передвиженіи столба ртути, лѣвый конецъ его не упадетъ въ ту точку гдѣ прежде былъ правый, какъ слѣдовало бы, а упадетъ нѣсколько ближе или дальше ея, то оттого не можетъ произойти замѣтной ошибки. Въ самомъ дѣлѣ, если отъ передвиженія столба ртути на пространство равное всей его длинѣ, длина эта измѣнится положимъ на 0,3 миллиметра, то ясно, что отъ передвиженія того же столба на 1 миллиметръ, длина его должна измѣниться на $\frac{1}{30}$ (приблизи-

¹⁾ На дѣлительной машинѣ физической лабораторіи Collège de France, которую я пользовался, длина 1 миллиметра равняется двумъ оборотамъ винта и одному дѣленію головки; головка винта имѣла 400 дѣлений. Въ настоящемъ случаѣ каждой изъ калибровочныхъ интерваловъ раздѣленъ на 35 дѣлений.

тельно) этой величины, т. е. на 0,01 миллиметра или немного больше, т. е. величину, которой влияние при делении не замѣтно.

Наконецъ, приведенная выше таблица можетъ послужить также для опредѣленія степени точности, которой можно достигнуть посредствомъ разсматриваемаго способа калибровки. Для того чтобы получить трубку, абсолютно вѣрно раздѣленную, слѣдовало бы интервалы опредѣленные калиброваниѣмъ дѣлить также не на части равной длины, но на части равной емкости. Практически это не исполнимо, а потому надобно опредѣлить какъ велика можетъ быть ошибка, происходящая отъ того, что интервалы равной емкости раздѣлены на части равной длины. Ясно, что наибольшая погрѣшность будетъ имѣть мѣсто посреднѣй интервала и легко опредѣлить ея величину при данныхъ условіяхъ. Предположимъ, что разсматриваемая трубка правильный конусъ и при томъ такой, что столбъ ртути 28,65 миллиметровъ длины, передвинутый 28,65 миллиметра будетъ имѣть длину 28,80 миллиметра (интервалы 3 и 4 въ таблицѣ). Ясно, что если интервалъ 28,65 миллим. раздѣлить на двѣ части равныя по объему, то длины ихъ будутъ относиться между собою какъ 28 65 : 28,80, т. е. длина первой половины будетъ 14,287 миллим., длина второй 14,363 миллим. Но при нашемъ способѣ дѣленія трубки вмѣсто половины интервала 28,65 по объему, откладывается половина его по длине; слѣдовательно при этомъ дѣлается ошибка, которой величина въ настоящемъ случаѣ будетъ 0,038 миллим.

И такъ даже при самомъ совершенномъ способѣ калиброванія, раздѣленная трубка, уже по принципу, должна представлять (за исключеніемъ нѣкоторыхъ точекъ) погрѣшности, которыхъ величину можно опредѣлить, зная условія калибровки, и которыя обыкновенно доходятъ до 0,05 миллиметра; изъ этого слѣдуетъ, что употребленіе сильно увеличивающихъ зрительныхъ инструментовъ для наблюденія объема жидкости при калиброванныхъ трубкахъ, съ цѣлью считывать сотыя или даже пятидесятые доли дѣленія, — не имѣетъ цѣли: послѣднія цифры величинъ, такимъ образомъ получаемыхъ, меньше нежели вѣроятная ошибка калибра ¹⁾.

Но самая главная выгода термометровъ съ произвольной шкалой заключается въ полной возможности повѣрки калибра трубки *послѣ того какъ дѣленія уже нанесены* на нее; такимъ образомъ открываются всѣ ошибки, которыя могли быть сдѣланы при калиброваніи и при нанесеніи дѣленій. Для этого въ трубку вводятъ столбъ ртути приблизительно миллиметровъ въ 30 и опредѣляютъ его длину въ различныхъ частяхъ трубки посредствомъ дѣленій самой трубки; если дѣленія вѣрны, то ясно, что во всѣхъ частяхъ столбъ ртути будетъ занимать одно и то же число дѣленій. Необходимо прогнать такимъ образомъ одинъ и тотъ же столбъ два раза

¹⁾ Само собою разумѣется, что все это и еще въ гораздо большей степени относится къ термометрамъ съ опредѣленной шкалой. Раздѣлить трубку *между двумя* известными точками на *известное* число частей *равной емкости* (какъ то требуется при термометрахъ съ опредѣленной шкалой) есть задача несравненно болѣе сложная и трудная чѣмъ раздѣлять *произвольную* часть трубки на *произвольное* число частей, *произвольной*, но *равной* емкости. Механики, занимающіеся построениемъ термометровъ обыкновенно довольствуются простымъ и грубымъ графическимъ построениемъ на бумагѣ, которое посредствомъ циркуля переносятъ потомъ на шкалу термометра

устанавливая въ первый разъ вершины его тамъ, гдѣ они находились при калиброваніи, а во второй посрединѣ интерваловъ. Это необходимо во первыхъ, для того чтобы не могло оставаться пространствъ, которыя вовсе не были проверены, во вторыхъ для того, чтобы еще разъ убѣдиться, что ошибка, сдѣланная при той степени коничности трубки и той длинѣ калибровочнаго столба, которые допущены, незначительна. Обыкновенно при такой повѣркѣ замѣчаются небольшія погрѣшности, ихъ отмѣчаютъ и составляютъ по нимъ таблицу поправокъ. Для того чтобы еще болѣе обезпечить себя, дѣлаютъ еще повѣрку, посредствомъ длиннаго столба.

Для всѣхъ этихъ повѣрокъ очень удобенъ приборъ, описанный выше и назначенный для калиброванія трубокъ. Микроскопы этого прибора имѣютъ слабое увеличеніе 7 — 8 разъ и устроены такимъ образомъ, что фокусное разстояніе у нихъ очень велико, что необходимо для того, чтобы можно было въ одно и то же время ясно видѣть дѣленія на трубкѣ и конецъ столба ртути, лежащій 2 — 1½ миллиметра дальше отъ микроскопа, чѣмъ поверхность трубки, носящая дѣленія.

Для примѣра я привожу здѣсь вполнѣ числа, полученные при повѣркѣ термометра № 5.

Первый рядъ.

0,5	35,5	35,0
30,75	65,75	35,0
60,15	95,15	35,0
90,4	125,4	35,0
130,5	165,5	35,0
160,4	175,4	35,0
190,9	225,9	35,0
220,3	255,25	34,95
250,4	286,35	35,95 ¹⁾
280,2	315,15	34,95
310,1	345,1	35,0
340,7	375,65	39,95
370,35	405,35	35,0
400,8	435,8	35,0
430,35	465,35	35,0
460,65	495,65	35,0
490,7	525,7	35,0
520,35	555,35	35,0
550,4	585,4	35,0
580,7	615,7	35,0
610,6	645,6	35,0

Второй рядъ:

15,7	50,7	35,0
44,8	79,8	35,0

¹⁾ Это ошибка въ счетѣ дѣленій: между 260 и 265 сдѣлано по ошибкѣ только четыре дѣленія вмѣсто пяти.

74,4	109,4	35,0
115,65	150,65	35,0
145,1	180,15	35,05
175,5	210,5	35,0
205,25	240,25	35,0
235,0	271,0	36,0 ¹⁾
265,1	300,1	35,0
295,4	330,4	35,0
325,3	360,3	35,0
355,5	390,55	35,05
385,25	420,25	35,0
415,3	450,3	35,0
445,25	480,25	35,0
475,4	510,4	35,0
505,6	540,5	34,9
535,6	570,6	35,0
565,7	600,7	35,0
595,7	630,7	35,0

Третий ряд:

0	114,7	114,7
100	214,7	114,7
200	315,7	115,7
300	414,75	114,75
400	514,75	114,95
500	614,7	114,7

Четвертый ряд:

0	333,3	333,3
100	433,35	333,35
200	533,35	333,35
300	632,4	332,4

Эти числа ясно показывают, какую степень доверия могут заслуживать показания термометра, построенного из трубки, к которой они относятся. Все разности в длине столбов, как видно, не превосходят одной двадцатой доли одного деления и только во второй половине трубки можно ясно заметить разность доходящую до 0,1.

Съ первого взгляда кажется, что можно бы достигнуть большей точности, употребивъ для повѣрки микроскопы съ болѣе сильнымъ увеличеніемъ, но въ дѣйствительности это такъ затруднительно, что почти можетъ считаться неисполнимымъ: малѣйшее измѣненіе температуры, малѣйшая неточность въ установкѣ глаза (все таки возможная, не смотря на перекрестныя нити и узкое отверстіе, чрезъ которое смотрять глазъ), приобрѣтаютъ въ такомъ случаѣ весьма замѣтное вліяніе, поэтому я рѣшился допустить для моихъ термометровъ одну десятую долю одного деленія, какъ наибольшую возможную ошибку, зависящую отъ калибра.

¹⁾ Ошибка въ счетъ деленій какъ уже сказано.

Я нѣсколько разъ опредѣлялъ кардинальныя точки моихъ термометровъ. Наиболее затрудненій представляетъ опредѣленіе точки кипѣнія; я употреблялъ для этой цѣли приборъ, совершенно подобный тому, который употребляетъ Реньо и въ которомъ водяной паръ двойной оболочкой окружаетъ термометръ на всемъ пространствѣ его, занятомъ ртутью. Барометръ, которымъ я пользовался, былъ предваритель-но тщательно проверенъ мною. Посредствомъ катетометра ¹⁾ я измѣрилъ сначала его скалу отъ нижней точки до точки 760 и нашелъ ее немного вытянутою, какъ это обыкновенно бываетъ съ барометрами, у которыхъ вся тяжесть виситъ на мѣд-ной оправѣ, на которой начерчена скала. Затѣмъ я позаботился проверить вполнѣ-ли сохранилъ барометръ пустое пространство. Для этой цѣли я сдѣлалъ нѣсколько послѣдовательныхъ наблюденій высоты барометра, то оставляя пустоту нормальной величины, то уменьшая ее въ десять или пятнадцать разъ, что легко произвести посредствомъ нижняго винта барометра; измѣреніе же высоты его въ этомъ слу-чаѣ я производилъ посредствомъ катетометра. Наконецъ я принялъ во вниманіе не-большую поправку, зависящую отъ капиллярности ²⁾.

Не смотря на всѣ эти предосторожности, я не всегда получалъ результаты совершенно тождественныя; — слѣдующая таблица представляетъ результаты получен-ныя для нѣкоторыхъ изъ моихъ термометровъ первый столбецъ даетъ № термометровъ, въ каждомъ изъ слѣдующихъ трехъ подъ литерою *a* показано сколькоимъ дѣленіямъ произвольной скалы равняется интервалъ 100 градусовъ Цельсія; подъ литерою *b* положеніе 0° на скалѣ термометра, опредѣленное тотчасъ послѣ опредѣленія точки кипѣнія. Эти опредѣленія 0° служили впрочемъ только для опредѣленія величины интервала въ 100°, при опытахъ же 0° градусовъ опредѣлялся каждый разъ осо-бенно, такъ какъ извѣстно, что въ термометрѣ, подвергнутомъ нѣсколько времени температурѣ 100° точка нуля немного перемѣщается.

1-е опредѣленіе.			2-е опредѣленіе.		3-е опредѣленіе.	
	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>a</i>	<i>b</i>
Термом. № 1.	— 512,4	99,5	512,2	99,5	512,3	99,8
„ № 8.	— 576,1	43,7	576,0	44,0	576,6	42,2
„ № 10.	— 600,5	41,0	600,6	41,0	601,0	41,4
„ № 11.	— 507,6	65,4	507,5	65,5	507,6	66,0.

Различныя опредѣленія даютъ, какъ видно изъ чиселъ этой таблицы, величины замѣтно различныя для числа дѣленій, соотвѣтствующаго интервалу 100° одного и того же термометра; особенно третье опредѣленіе дало для термометровъ № № 8 и 10, числа, которыхъ разности съ прежними опредѣленіями превосходятъ возможные наибольшія ошибки, зависящія отъ калибра и считыванія; эта разность простирается для каждаго изъ нихъ до 0,08°.

¹⁾ Катетометръ, принадлежащій химической лабораторіи Университета св. Владимира, работы механика Реггеаухъ въ Парижѣ; онъ былъ мною сравненъ съ однимъ изъ катето-метровъ Реньо.

²⁾ Для приведенія барометра къ 0° и для опредѣленія по высотѣ его точекъ кипѣнія я употреблялъ таблицы, вычисленныя Изарномъ (Mill. et Reis. Annuaire de Chimie 1848).

Впрочемъ Пьеръ ¹⁾ получилъ при своихъ опытахъ разности еще гораздо большія и которыя иногда доходили до 0°,4. и даже до 0°,47.

Рекнагель ²⁾ въ таблицѣ на стр. 137 и 138 даетъ кардинальныя точки своихъ термометровъ; различныя опредѣленія для одного и того же термометра даютъ интервалъ 100° различнымъ на 0°,2 и болѣе. Наконецъ въ таблицѣ стр. 227 межуара Реньо „объ измѣреніи температуръ“ ³⁾ помѣщены показанія термометровъ, находящихся въ одной ваннѣ при температурѣ близкой къ 100°; эти показанія должны бы были быть тождественны, но они разнятся иногда до 0°,1.

Это доказываетъ, что хотя точка кипѣнія и точка таянія льда температуры по принципу совершенно постоянныя, но тѣмъ не менѣе достигнуть этого постоянства въ дѣйствительности не совсѣмъ легко, если требуется большая точность.

Всѣ мои термометрическія наблюденія и вообще всѣ считыванія производились посредствомъ горизонтальной зрительной трубки, движущейся по вертикальной колоннѣ и снабженной уровнемъ.

При всѣхъ точныхъ термометрическихъ наблюденіяхъ необходимо дѣлать поправку, зависящую отъ того, что часть столба термометрической жидкости имѣетъ температуру отличную отъ той, которую имѣетъ шарикъ термометра. Я употреблялъ для вычисленія этой поправки обыкновенную формулу:

$$\varphi = \frac{1}{\chi} (t - n) (t - t')$$

гдѣ

t температура наблюдаемая.

t' температура непогруженной части термометра.

n — точка, до которой погруженъ термометръ, выраженная въ градусахъ.

$\frac{1}{\chi}$ — кажущійся коэффициентъ разширенія термометрической жидкости.

Для того чтобы съ точностію установить поправку, необходимо знать коэффициентъ разширенія стекла, изъ котораго сдѣланы термометры. Мои сдѣланы изъ хрусталя и изъ той же массы сдѣлано было нѣсколько сосудовъ для опредѣленія удѣльнаго вѣса жидкостей по способу Реньо. Я опредѣлялъ посредствомъ ртути кажущійся коэффициентъ разширенія между 0° и 100° для этихъ сосудовъ и получилъ слѣдующія цифры:

	Δ_{100}
Для сосуда № 4	0,0154
Для сосуда № 11	0,0154
„ „ № 12	0,0153.
<hr/>	
Средняя	0,0154.

Коппъ ⁴⁾ прямыми опытами показалъ, что если ввести въ поправку величину $\frac{1}{\chi}$ — такъ какъ даетъ ее прямое опредѣленіе, то результатъ получается не

¹⁾ Pierre, sur la marche comparative des thermomètres à mercure formés par des verres différents. Ann. Ch. Ph. 3 s. t. b.

²⁾ Pogg. Ann. t. 123. 1865. Thermometrische Untersuch.

³⁾ Mém. de l'académ. t. 21.

⁴⁾ Pogg. Ann. t. 72.

совсѣмъ точный, потому что столбъ ртути въ термометрѣ всегда имѣетъ температуру нѣсколько иную, чѣмъ температура окружающаго воздуха, которая при этомъ случаѣ принимается за температуру ртутнаго столба. Онъ нашелъ, что величину $\frac{1}{x}$ такъ какъ даетъ ее прямое опредѣленіе, надобно замѣнить величиною $1 + \frac{1}{8x}$. Такимъ образомъ вводилъ я этотъ факторъ въ вычисленіе поправки φ .

Чтобы окончательно убѣдиться въ томъ что показанія моихъ термометровъ представляютъ достаточную степень точности, я сравнилъ ихъ между собою. Сравненіе это было производимо при температурахъ maxima и minima въ большой ваннѣ, которой вода постоянно взбалтывалась. Слѣдующая таблица представляетъ результаты этого сравненія.

Т. 1.	Т. 8.	Т. 10.	Т. 11.
13,17	13,19	13,10	13,10
14,15	14,15	14,04	14,07
17,27	17,26	17,07	17,04
24,11	24,10	23,98	23,96
31,84	31,84	31,67	31,88
31,53	31,53	31,37	31,60
41,60	41,62	41,46	41,48
40,96	40,93	40,80	40,81
47,65	47,64	47,40	47,45
55,44	55,47	55,28	55,32
61,68	61,71	61,54	61,57.

Термометры № 1 и № 8 построены мною самимъ; термометры № 10 и № 11 получены отъ механика Фастре. Какъ видно, показанія моихъ термометровъ чрезвычайно согласны; разница не превосходитъ $0^0,03$, т. е. отклоненіе отъ средней арифметической не болѣе $0^0,015$, слѣдовательно меньше $0^0,1$. Напротивъ показанія термометровъ Фастре значительно различаются и между собою и съ показаніями моихъ термометровъ; разница доходитъ до $0^0,2$ и даже дальше. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что это несогласіе должно быть приписано ошибкамъ калибра.

Опредѣленіе теплоемкостей. Въ настоящее время двѣ методы могутъ быть употреблены для этой цѣли: метода охлажденія и метода смѣшеній.

Метода охлажденія представляетъ много выгодъ; но это метода косвенная и при томъ основанная на началахъ, которыя весьма сомнительны, какъ показалъ Реньо ¹⁾. При томъ производство опредѣленій по этой методѣ требуетъ приборовъ чрезвычайно тщательно построенныхъ.

Метода смѣшеній, наиболѣе разработанная и вполнѣ прямая, подвергалась многочисленнымъ измѣненіямъ.

Первые свои опыты надъ жидкостями Реньо производилъ по методѣ смѣшеній такимъ образомъ, что запиралъ ихъ въ трубки и нагревалъ въ паровой ваннѣ своего аппарата точно такъ, какъ твердыя тѣла. Этотъ способъ затруднителенъ,

¹⁾ Ann. Ch. Ph. 3 s. t. 9.

требует особой паровой ванны, для жидкостей имѣющихъ слабую теплоемкость невыгоденъ тѣмъ, что теплоемкость трубки имѣетъ слишкомъ большое вліяніе и наконецъ тѣмъ, что максимум не скоро наступаетъ и поправка охлажденія вслѣдствіе того велика.

Андревскій ¹⁾ погружалъ въ изслѣдуемую жидкость нагрѣтый ртутный термометръ, котораго шарикъ имѣлъ около 50 мм. длины и около 13 мм. въ діаметръ и заключалъ до 80 грамм. ртути. Термометръ этотъ имѣлъ вблизи резервуара черту, и предварительными опытами было опредѣлено при какой температурѣ ртуть въ термометръ стоитъ на этой чертѣ; нагрѣвъ термометръ выше этой температуры, его вынимаютъ изъ ванны и ждутъ пока ртуть дойдетъ до черты; въ этотъ моментъ термометръ погружается въ испытуемую жидкость, находящуюся въ калориметрѣ и наблюдается максимумъ повышения ея температуры. Такимъ образомъ получается калориметрическое значеніе термометра въ единицахъ испытуемой жидкости и, сдѣлавъ предварительно такое же опредѣленіе для воды, можно изъ этихъ данныхъ вычислить теплоемкость изучаемой жидкости. Этотъ способъ представляетъ нѣкоторыя удобства, но онъ не приложимъ для жидкостей очень летучихъ или способныхъ быстро поглощать влагу и при этомъ нагрѣваться.

Персонъ ²⁾ при своихъ опредѣленіяхъ теплоемкости соляныхъ растворовъ, погружалъ въ изслѣдуемый растворъ, налитый въ калориметръ, мѣдную бутылочку, содержащую чистую воду предварительно нагрѣтую, съ погруженнымъ въ нее термометромъ. Онъ употребилъ для этихъ опредѣленій изобрѣтенный имъ калориметръ, въ которомъ потеря теплоты во время опыта уничтожалась посредствомъ особаго рода компенсаціи. Сравненіе конечныхъ результатовъ полученныхъ Персономъ показываетъ, что разности при повтореніи одного и того же опыта простирались не выше 0,007, а средняя разность меньше 0,004; при двухъ только опытахъ разность оказалась около $\frac{1}{60}$ такъ что оставляя въ сторонѣ этотъ послѣдній случай, методу можно считать вполне удовлетворительною съ точки зрѣнія точности, но она затруднительна для исполненія: способъ компенсаціи Персона требуетъ особаго наблюдателя; при томъ же метода не приложима при изученіи летучихъ жидкостей.

Фавръ и Зильберманъ ³⁾ произвели посредствомъ изобрѣтеннаго ими ртутнаго калориметра нѣсколько опредѣленій теплоемкости и указываютъ на этотъ приборъ какъ на особенно удобный для такихъ опредѣленій; но съ этимъ невозможно согласиться. Для опредѣленія теплоемкости жидкости, нѣсколько граммовъ ея (2—3) они нагрѣваютъ до кипѣнія и выбрасываютъ въ муфель своего калориметра. При вычисленіи теплоемкости предполагаютъ, что температура жидкости вливаемой въ муфель есть ея температура кипѣнія. Но извѣстно какъ легко и значительно измѣняется температура кипѣнія подъ вліяніемъ стѣнокъ сосуда, способа нагрѣванія и т. п.; такой способъ опредѣленія температуры на маломъ количествѣ жидкости очень не надеженъ. Притомъ часть жидкости попадаетъ въ муфель въ видѣ пара, что еще увеличиваетъ ошибку; наконецъ и самое опредѣленіе калориметрическаго значенія дѣленій градуированной трубки прибора подвержено

¹⁾ Ann. Ch. Ph. 3 v. t. 14.

²⁾ Ann. Ch. Ph. 3 v. t. 37.

тѣмъ же ошибкамъ. Не удивительно поэтому, что теплоемкости, полученные этимъ способомъ при повтореніи опыта оказываются различными на $\frac{1}{50}$ и даже иногда на $\frac{1}{25}$ всей своей величины. Еще гораздо больше разниа чиселъ Фавра и Зильбермана съ числами полученными Реньо: послѣдніе всегда больше на $\frac{1}{10}$ и даже иногда на $\frac{1}{5}$. Изъ этого видно, что для опредѣленія теплоемкостей, ртутный калориметръ вовсе не можетъ служить.

Сенъ-Клеръ-Девиль ¹⁾ по поводу своихъ изслѣдованій, упомянутыхъ выше, сообщалъ нѣсколько свѣдѣній о новомъ, и какъ онъ говоритъ — очень удобномъ и точномъ способѣ опредѣленія теплоемкости жидкостей имъ изобрѣтенномъ. Способъ этотъ заключается въ томъ, чтобы вливать въ изучаемую жидкость, имѣющую температуру окружающей атмосферы, большую массу ртути нагрѣтой или охлажденной до извѣстной температуры. При взбалтываніи ртуть раздѣляется на мелкія капли и смѣсь очень быстро принимаетъ среднюю температуру, вслѣдствіе чего поправка охлажденія ничтожна. Сенъ-Клеръ-Девиль прибавляетъ, что даже при опытахъ надъ сѣрною и уксусною кислотою онъ никогда не могъ открыть признаковъ растворенной ртути въ кислоты; тѣмъ не менѣе можно противъ этого способа сдѣлать другое возраженіе: Нуле, какъ извѣстно, показавъ, что всегда, когда жидкости проникають мелко раздробленныя тѣла, происходитъ отдѣленіе тепла; болѣе чѣмъ вѣроятно, что тоже самое происходитъ и при прохожденіи мелко раздробленной ртути сквозь жидкость. Притомъ способъ не представляетъ никакихъ особенныхъ выгодъ; поправка на охлажденіе всегда очень мала и можетъ быть сдѣлана съ большою точностію, слѣдовательно нѣтъ цѣли избѣгать ее, когда этимъ вносится вѣроятность новой очень большой погрѣшности.

Предлагали также для опредѣленія теплоемкости жидкостей погружать въ нихъ металлическій цилиндръ или шаръ, предварительно нагрѣтый или охлажденный, но этотъ способъ представляетъ тѣ же самыя невыгоды, какъ и способъ Андревса, кромѣ того здѣсь представляется еще затрудненіе относительно точнаго опредѣленія температуры погружаемаго куска металла.

Наконецъ Реньо ²⁾ въ послѣднемъ томѣ своихъ изслѣдованій описалъ приборъ, посредствомъ котораго онъ опредѣлилъ теплоемкость значительнаго числа жидкостей; при этомъ приборѣ изучаемая жидкость предварительно нагрѣтая или охлажденная вбрасывается въ калориметръ имѣющій для принятія ея особый сосудъ, окруженный водою, которой нагрѣваніе наблюдается. Такимъ образомъ испробованы были можно сказать всѣ возможные измѣненія методы смѣшеній; изъ всѣхъ этихъ видовъ измѣненій хорошихъ результатовъ можно ожидать при опредѣленіи теплоемкости летучихъ жидкостей отъ двухъ методовъ: отъ метода Реньо, которая изобрѣтена спеціально для этого случая и отъ метода Персона, если только употребить ее въ обратномъ видѣ, т. е. наливать въ калориметръ воду а въ бутылочку изучаемую жидкость. Въ самомъ дѣлѣ при способѣ Реньо, изучаемая жидкость только въ моментъ вбрасыванія сообщается съ воздухомъ, но и то посредствомъ особаго прибора недопускающаго ея улетучиванія; по методу же Персона, измѣненной какъ выше сказано, жидкость во время всего опыта остается въ закрытомъ сосудѣ; а счесть поэтому нужнымъ подвергнуть объ эти методы внимательному изученію.

¹⁾ Comp. Rend. t. 50.

²⁾ Mém. de l'acad. t. 26.

Безъ всякаго сомнѣнія Реньо подвергнулъ свою методу тщательному изученію, прежде нежели употребилъ ее для окончательныхъ опредѣленій, но въ мемуарѣ его нѣтъ никакихъ данныхъ относительно результатовъ этого изученія и потому о степени точности методы можно судить только по степени согласія между результатами опредѣленій сдѣланныхъ въ одинаковыхъ обстоятельствахъ. Реньо даетъ въ своемъ мемуарѣ для каждаго отдѣльнаго опыта не среднія теплоемкости C , а количества тепла Q , которыя отдаетъ или беретъ 1 граммъ жидкости, переходя отъ температуры T къ температурѣ t ; средняя теплоемкость получится, если Q раздѣлить на $T - t$; слѣдующая таблица представляетъ возможность произвести сравненіе результатовъ опредѣленій, произведенныхъ для однихъ и тѣхъ же интерваловъ температуръ ¹⁾.

Алкоолъ.					
	III	IV	V	VI	VIII IX
T	42,55	42,20	40,55	41,00	66,37 66,02
t	11,28	11,27	8,38	8,17	10,85 10,43
C	0,606	0,624	0,610	0,603	0,648 0,642
Хлороформъ.			Сѣрнист. углеродъ.		
	III	IV	V	III	IV
T	53,82	61,15	5,31	39,46	39,53
t	4,93	6,65	6,62	5,85	6,33
C	0,235	0,234	0,236	0,238	0,240

Изъ этихъ таблицъ видно, что для опредѣленій сдѣланныхъ для интерваловъ температуръ почти совершенно тождественныхъ, разности оказываются для алкооля (если оставить въ сторонѣ опр. IV, которое очень значительно отличается отъ другихъ) отъ 0,005 до 0,01, для хлороформа и сѣрнистаго углерода разности тѣ же самыя. Изъ этого видно, что 0,005 должна быть разсматриваема какъ вѣроятная случайная ошибка отдѣльнаго опыта по методѣ Реньо.

Я представлю теперь результаты опытовъ, которыя я произвелъ для того чтобы изучить эту методу. Я не буду описывать здѣсь приборъ Реньо, такъ какъ онъ весьма извѣстенъ; я упомяну только о тѣхъ обстоятельствахъ опыта, о которыхъ ничего не сказано у Реньо или относительно которыхъ мои опыты представляютъ особенность. Метода, какъ извѣстно заключается въ томъ, что изучаемую жидкость нагреваютъ въ особомъ сосудѣ, сообщающемся съ калориметромъ посредствомъ тонкой трубки и крана; при открываніи этого крана, нагрѣтая жидкость переходитъ въ калориметръ. Калориметръ состоитъ изъ наружнаго сосуда, наполненнаго водою и погруженнаго въ него внутренняго сосуда, въ который и вливается нагрѣтая жидкость. Изъ этого видно, что внутренній сосудъ калориметра долженъ герметически сообщаться съ трубкой нагрѣвательнаго сосуда. Реньо не упоминаетъ о томъ, какимъ образомъ устроено было это сообщеніе въ его приборѣ; я употребилъ для этого маленькую пробку. Реньо не упоминаетъ также о томъ, какимъ образомъ опредѣлялось количество нагрѣтой жидкости, вброшенной въ калориметръ; я опредѣлялъ его взвѣшиваніемъ всего калориметра до и послѣ опыта; особые опыты показали мнѣ какое количество

¹⁾ Римскія цифри обозначаютъ номера опытовъ, подъ которыми они приведены въ мемуарѣ Реньо.

воды теряется испареніемъ во время опыта и я принималъ его въ расчетъ. Кроме того, для того чтобы опытъ былъ удаченъ, необходимо вбросить известное (приблизительно) количество нагрѣтой жидкости въ калориметръ, такое, чтобы внутренній сосудъ калориметра былъ наполненъ или почти наполненъ, а въ верхнемъ его прибавкѣ, назначенномъ сгущать пары, которые могли бы образоваться въ самомъ калориметрѣ, жидкости не было или было очень мало. Я достигалъ этой цѣли слѣдующимъ образомъ: въ нагрѣвательной сосудъ вливалось количество жидкости большее чѣмъ то, которое нужно вбросить въ калориметръ и притомъ такое, что нагрѣвательный сосудъ былъ почти совершенно наполненъ: это дѣлалось для того, чтобы жидкость, состоящая изъ двухъ тѣлъ различной летучести, не могла измѣнить своего состава во время нагрѣванія вслѣдствіе не равнаго испаренія обѣихъ составныхъ частей. Посредствомъ предварительныхъ опытовъ, я опредѣлялъ число секундъ, въ теченіи котораго при тѣхъ условіяхъ давленія, при которыхъ находился приборъ, вытекаетъ изъ него надлежащее количество жидкости; затѣмъ я опредѣлялъ каждый разъ количество вбрасываемой жидкости, отворяя кранъ лишь на известное время (5 секундъ). Этотъ способъ оказался вполнѣ удовлетворительнымъ. По окончаніи опыта, я отнималъ калориметръ отъ трубки нагрѣвательнаго сосуда, закрывалъ отверстія его пробочками и ставилъ на вѣсы въ полномъ его составѣ.

Самое наблюденіе производилось совершенно такъ, какъ оно описано у Реньо: сначала опредѣлялось измѣненіе температуры калориметра въ теченіи десяти минутъ до вбрасыванія жидкости, подъ вліяніемъ нагрѣвательнаго сосуда и вообще внѣшнихъ условій (начальный періодъ), потомъ производилось наблюденіе температуры калориметра и нагрѣваемой жидкости и вбрасываніе ея въ калориметръ; за тѣмъ температура калориметра наблюдалась ежеминутно до тѣхъ поръ, пока максимумъ нагрѣванія было пройдено и охлажденіе получало правильный ходъ, — это средний періодъ наблюденій; наконецъ дѣлалось еще два наблюденія температуры калориметра на разстояніи 10 минутъ одно отъ другаго — это конечный періодъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдалась температура воздуха.

Относительно способа вычисленія опытовъ, Реньо не даетъ въ своемъ мемуарѣ никакихъ указаній; но въ мемуарѣ о теплоемкости газовъ, помѣщенномъ въ томъ же томѣ *Mem. de l'Academ.* онъ излагаетъ подробно весь ходъ вычисленія результатовъ опыта. Его способъ опредѣленія теплоемкости жидкостей основанъ совершенно на тѣхъ же началахъ, какъ и его способъ опредѣленія теплоемкости газовъ, а потому очевидно и вычисленіе результатовъ должно производиться такимъ же образомъ.

Въ основаніе вычисленія теплоемкости берется не абсолютное maximum измѣненія температуры калориметра, а температура, которую Реньо называетъ конечнымъ maximum θ' . Это температура, которая очень мало отличается отъ абсолютнаго maximum (на нѣсколько сотыхъ долей градуса) и начиная съ которой охлажденіе калориметра принимаетъ правильный ходъ, т. е. въ равные промежутки времени температура понижается на равную долю градуса. Эта правильность охлажденія доказываетъ, что всѣ части калориметра приняли одинаковую температуру; въ самомъ дѣлѣ очевидно, что пока вброшенная жидкость теплѣе вселѣи вода калориметра, охлажденіе всей массы его будетъ происходить медленнѣе нежели тогда когда температуры всѣхъ его частей выравниются, а это послѣднее обстоятельство

имѣть особенную важность для точности результата ¹⁾. Введеніе въ вычисленіе теплоемкости абсолютнаго тахітум не представляетъ никакихъ особенныхъ выгодъ, а между тѣмъ абсолютное тахітум всегда наступаетъ въ такое время, когда температура вброшенной жидкости и температура воды въ калориметрѣ еще не сравнялись.

Количество тепла, теряемое калориметромъ въ каждую минуту отъ момента вбрасыванія жидкости до момента конечнаго тахітум опредѣляется формулою:

$$\Delta \theta = A (\theta - t) - K.$$

въ которой:

$\Delta \theta$ — количество тепла, пріобрѣтеннаго или потеряннаго калориметромъ въ 1' данное прямымъ наблюденіемъ.

θ — средняя температура калориметра въ теченіи одной минуты.

t — средняя температура воздуха въ теченіе этой минуты.

K — количество тепла, пріобрѣтаемое калориметромъ отъ ванны, вслѣдствіе проводимости въ теченіи одной минуты.

A — постоянный коэффициентъ охлажденія.

Одинъ рядъ величинъ $\Delta \theta$, θ и t даетъ начальный періодъ наблюденій (до вбрасыванія жидкости) другой — конечный періодъ (послѣ наступленія конечнаго тахітум). Такимъ образомъ для каждаго опыта получаютъ два уравненія съ двумя неизвѣстными A и K , изъ которыхъ и вычисляются величины этихъ двухъ константъ; затѣмъ при помощи этихъ константъ вычисляется для каждой минуты, начиная съ момента θ и идя назадъ до момента вбрасыванія жидкости, количество тепла, которое пріобрѣтаетъ и теряетъ калориметръ, на основаніи извѣстнаго закона пропорціонности потерь разностямъ между температурою охлаждающагося тѣла и окружающей среды. Сумма этихъ количествъ составляетъ всю поправку охлажденія. Реньо убѣдился прямыми опытами въ точности этого способа производить означенную поправку, но онъ очень длиненъ и потому я нѣсколько упростилъ его; именно вмѣсто того, чтобы опредѣлять величины A и K разрѣшеніемъ приведенныхъ выше уравненій я опредѣлялъ ихъ изъ тѣхъ же данныхъ посредствомъ методовъ послѣдовательныхъ приближеній. Этотъ пріемъ тѣмъ болѣе допустимъ, что коэффициентъ K при моемъ приборѣ былъ чрезвычайно малъ.

Слѣдующая таблица представляетъ числовыя данныя моего калориметра, общія для всѣхъ опытовъ:

	Въ единицахъ воды.	
Вѣсъ мѣдныхъ частей калорим.	262,4	24,67
Вѣсъ ртути терм. (№ 5)	18,02	0,40
Вѣсъ погруженной части стекла термометра	5,16	1,02
Вѣсъ воды въ калориметрѣ	405,48	405,05
Полная масса калориметра въ единицахъ воды		431,80

¹⁾ Собственно говоря правильность охлажденія калориметра не есть еще доказательство того, что всѣ его части приняли одинаковую температуру; эта правильность доказываетъ только, что вода калориметра теряетъ въ единицу времени столько же тепла охлаж-

Чтобы убѣдиться въ томъ, что мой приборъ и способъ вычисленія удовлетворительны, я сдѣлалъ нѣсколько повѣрочныхъ опытовъ съ водою. Привожу здѣсь результаты нѣкоторыхъ изъ этихъ опытовъ. Буквы въ слѣдующей таблицѣ, какъ и во всѣхъ помѣщенныхъ ниже таблицахъ, заключающихъ результаты опредѣленій теплоемкости, имѣютъ слѣдующее значеніе.

P — вѣсъ нагрѣтой жидкости, брошенной въ калориметръ.

T — ея температура въ моментъ вбрасыванія.

t — температура максимум калориметра послѣ вбрасыванія нагрѣтой жидкости, поправленная.

Δt — измѣненіе температуры калориметра, поправленное.

M — масса калориметра.

C — средняя теплоемкость изучаемой жидкости между температурами T и t .

C вычислялось по обыкновенной формулѣ:

$$C = \frac{M \Delta t}{P(T - t)}.$$

Для воды я получилъ слѣдующія числа:

	P	T	$T - t$	Δt	C
I	100,6	41,97	15,929	3,056	0,998
II	104,1	47,10	25,85	6,27	1,005
III	97,5	0,06	19,17	4,33	0,999
IV	86,4	0,06	18,33	3,68	1,002

Эти числа показываютъ, что метода, въ томъ видѣ какъ я употреблялъ ее, и способъ вычисленія вполне удовлетворительны.

Что касается до метода Персона, то я сохранилъ только принципъ одного изъ приемовъ ея и то въ обратномъ видѣ: вмѣсто того, чтобы вливать изучаемую жидкость въ калориметръ и вносить въ него сосудъ, наполненный нагрѣтой водою, я нагрѣвалъ изучаемую жидкость въ закрытомъ сосудѣ и вносилъ его въ калориметръ наполненный водою, подобно тому, какъ Персонъ это дѣлалъ для опредѣленія теплоемкости расплавленныхъ солей. Впрочемъ приборъ построенный мною на этомъ принципѣ, способъ производить опыты и вычислять ихъ совершенно отличаются отъ Персоновыхъ и всего болѣе приближается къ методу Реньо для опредѣленія теплоемкости твердыхъ тѣлъ.

Мой приборъ представленъ на фиг. 3; A составляетъ калориметръ, BB — приборъ въ которомъ нагрѣвается жидкость для производства опыта. Приборъ этотъ состоитъ изъ мѣднаго цилиндра BB , прикрѣпленнаго къ деревянному станиву GG ; цилиндръ BB имѣетъ крышку, къ которой припаиваеъ другой меньшій цилиндръ CC . Въ этотъ цилиндръ входитъ сосудъ D изъ тонкой мѣди, въ который вливается

деніемъ, сколько приобрѣтаетъ его отъ находящагося въ калориметрѣ нагрѣтаго тѣла, такъ что разность температуры обонхъ — постоянна. Въ настоящемъ случаѣ эта разность незначительна, но я покажу ниже, что при другихъ размѣрахъ и другомъ устройствѣ калориметра эта разность можетъ быть весьма замѣтна и притомъ дѣйствительно постоянна начиная съ момента θ' .

изучаемой жидкости. Сосудъ D вмѣщаетъ около 120 куб. сант. жидкости; онъ оканчивается сверху трубкою около 15 миллиметровъ въ діаметръ, въ которую посредствомъ пробочки вставляется термометръ. Шарикъ этого термометра имѣетъ длину такую, что занимаетъ всю высоту резервуара сосуда D а нагрѣтая жидкость наполняетъ весь резервуаръ до основанія трубки, наконецъ стативъ GG покоится на трехъ катушкахъ e e, на которыхъ легко и равномерно можетъ быть передвигается и цилиндръ BB окруженъ оболочкою замедляющею его охлажденіе. Калориметръ A состоитъ изъ цилиндрическаго сосуда изъ тонкой меди, около 400 куб. сант. емкости; внутри его привааны вертикально, отъ дна до верхняго края три тонкія проволоочки e, e, e, назначенныя удерживать на мѣстѣ сосудъ D, когда онъ внесется въ калориметръ; коротенькая проволочка ж приваанная къ дну калориметра въ центрѣ его, окончательно опредѣляетъ положеніе сосуда D, не дозволяя ему коснуться дна; кольцообразная мѣшалка g g движется между проволочками e o и стѣнками калориметра. Калориметръ имѣетъ оболочку, состоящую изъ мѣднаго цилиндра EE; къ дну этого цилиндра прикрѣплены три деревянныхъ штучки f f, поддерживающихъ калориметръ, котораго они касаются лишь нѣсколькими точками.

Подставка K, на которой стоитъ калориметръ можетъ быть установлена горизонтально посредствомъ трехъ винтовъ; къ ней прикрѣпленъ стативчикъ S держащій термометръ калориметра; наконецъ снарядъ F, посредствомъ котораго приводится въ движеніе мѣшалка, дополняетъ приборъ. Устройство снаряда F достаточно видно изъ рисунка; я прибавлю только; что мѣдная трубка l l, въ которой прикрѣплена посредствомъ пробочки вертикальная проволочка мѣшалки, свободно движется внутри другой мѣдной трубки, прикрѣпленной къ оболочкѣ калориметра и опредѣляющей движеніе мѣшалки; мѣшалка приводится въ движеніе посредствомъ часоваго механизма, который тянетъ за конецъ шнура ж. ¹⁾

Опытъ производится слѣдующимъ образомъ. Установивъ всѣ части прибора и вливъ въ калориметръ опредѣленное количество воды, а въ сосудъ D надлежащее количество изучаемой жидкости, отверстіе его затыкаютъ пробочкою въ которую продѣтъ термометръ и взвѣшиваютъ; опредѣливъ вѣсъ этого сосуда вмѣстѣ съ термометромъ до наполненія его жидкостью, получаютъ вѣсъ жидкости взятой для опыта. Затѣмъ сосудъ D помещаютъ внутри цилиндра C, наполнивъ предварительно сосудъ BB водою нагрѣтою до надлежащей степени; отверстіе цилиндра C закрывается ватой, мѣшалка k k приводится въ движеніе и черезъ каждыя пять минутъ считываются показанія термометра T. Сначала измѣненія его температуры очень быстры, потомъ они замедляются, и тогда наблюдаютъ температуру каждыя двѣ минуты, наконецъ приходитъ время, когда термометръ T въ теченія 2 минутъ измѣняется лишь на $0^{\circ},1$ т. е. на $0^{\circ},02$; это значитъ максимум достигнуто и, предварительные опыты показали, что, при тѣхъ условіяхъ при которыхъ я работалъ, максимумъ длится нѣсколько минутъ. Еще прежде наступленія этого максимумъ

¹⁾ Это устройство прибора двигающаго мѣшалку оказалось весьма удобно; движеніе происходитъ чрезвычайно мягко, безъ тренія и нѣтъ опасности чтобы мѣшалка вышла изъ воды.

считываются нѣсколько разъ, при постоянномъ взбалтываніи, температура калориметра и температура воздуха; эти наблюденія даютъ начальную температуру калориметра, воздуха и нагрѣтой жидкости и заключаютъ собою начальный періодъ опыта. Затѣмъ пускается въ ходъ секундомѣръ, нагрѣвательный приборъ приближается къ калориметру и въ тотъ моментъ, когда секундомѣръ бьетъ 0', сосудъ D быстро вынимается изъ нагрѣвательнаго прибора и погружается въ калориметръ; нагрѣвательный приборъ удаляется, пускается въ ходъ механизмъ двигающій иголку и начинаются наблюденія втораго періода опыта. Температура термометра калориметра считывается ежеминутно, начиная съ момента погруженія сосуда D; температура показываемая термометромъ этого сосуда считывается послѣ первыхъ 4—5 минутъ также ежеминутно, но $\frac{1}{2}$ минутою позже чѣмъ считываніе термометра калориметра; наконецъ наблюденіе термометра воздуха производится лишь иногда, такъ-какъ она мало измѣняется въ теченіи всего опыта. Всѣ эти наблюденія не представляютъ затрудненія, если имѣется особая зрительная трубка для каждаго термометра. Абсолютное maximum наступало при моихъ опытахъ всегда послѣ 6 — 7 минутъ, а по прошествіи 25 — 30 минутъ наблюденія прекращались.

Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ наблюденій передъ погруженіемъ сосуда D въ калориметръ считывалось показаніе термометра t' помѣщеннаго надъ нагрѣвательнымъ сосудомъ и дающаго температуру непогруженной части термометра T. Наконецъ сосудъ D вынимался обсушивался и взвѣшивался, для того чтобы убѣдиться въ томъ, что не произошло потери жидкости во время опыта испареніемъ черезъ пробку; опытъ показалъ, что если жидкость не касается пробки, то даже при самыхъ летучихъ жидкостяхъ потеря эта ничтожна.

Теплоемкость вычислялась изъ этихъ опытовъ по формулѣ.

$$C = \frac{M \Delta t}{P(T - T')} - \frac{m}{P}.$$

въ которой m означаетъ массу сосуда D съ термометромъ въ единицахъ воды T' конечн. темп. нагрѣтой жидк. а прочія буквы имѣютъ значеніе показанное на стр. 6.

Слѣдующая таблица представляетъ данныя моихъ калориметрическихъ приборовъ.

	Калориметръ. А		В	
	Вѣсъ	Въ един. воды.	Вѣсъ	Въ един. воды.
Мѣдныя части	91,63	8,61	56,00	5,25
Ртуть термометра . . .	6,10	0,20	6,10	0,20
Стекло термом. . . .	2,61	0,50	2,61	0,50
Вода	271,20	271,20	284,15	284,15
Полная масса калориметра . .	M = 280,51		M = 290,11	

При нѣкоторыхъ опытахъ M была немного иная вслѣдствіе замѣны одного термометра другимъ.

	Сосудъ D. I		II	
	Въсь	Въ един. воды.	Въсь	Въ един. воды.
Мѣдныя части	39,55	3,71	23,52	2,21
Ртуть	9,30	0,31	9,30	0,31
Стекло	3,22	0,63	3,22	0,63
Полная масса D въ един. воды $m =$	4,65		$m = 3,15$	

Таковы были величины M и m ; опредѣленіе величинъ P , Δt и $T - T'$ потребовало особыхъ опытовъ и потому я считаю необходимымъ изложить приемы, которые я употреблялъ для этой цѣли.

Величина P опредѣляется разностію взвѣшиваній сосуда D пустаго и наполненнаго жидкостію до опыта; опасаясь потери жидкости во время опыта вслѣдствіе испаренія, я всегда почти повторялъ взвѣшиваніе послѣ опыта, но я никогда не находилъ замѣтной разницы.

Величина Δt такъ какъ даетъ ее опытъ всегда слишкомъ мала, такъ какъ часть тепла полученнаго калориметромъ теряется подѣ влияніемъ окружающей среды. Поправка охлажденія которую вслѣдствіе этого приходится дѣлать, производилась различными наблюдателями различно. Метода компенсаціи предложенная Румфордомъ употреблялась и въ новѣйшее время многими изслѣдователями, но она можетъ давать результаты удовлетворительныя лишь тогда, когда нагрѣтое тѣло погружаемое въ калориметръ имѣетъ очень малую теплоемкость и очень большую теплопроводность. Въ самомъ дѣлѣ метода эта предполагаетъ 1) что коэффициентъ охлажденія калориметра равенъ его коэффициенту нагрѣванія при одинаковыхъ условіяхъ, что, какъ я покажу ниже, совершенно ошибочно; 2) что періодъ въ продолженіи котораго калориметръ получаетъ тепло отъ окружающей среды и періодъ въ теченіи котораго теряетъ его между собою равны; для хорошихъ проводниковъ тепла это предположеніе очень близко къ истинѣ но для дурныхъ проводниковъ оно совершенно невѣрно.

Другая метода производить поправку охлажденія заключается въ томъ, чтобы опредѣливъ коэффициентъ охлажденія калориметра прямыми опытами вычислять при каждомъ опредѣленіи теплоемкости количество тепла потерянное калориметромъ и вводить его какъ поправку. Я принялъ эту послѣднюю методу, какъ болѣе прямую и свободную отъ всякихъ предположеній.

Я представлю сначала результаты опытовъ произведенныхъ мною для опредѣленія степени точности, какую можно ожидать отъ метода Румфорда.

Слѣдующія таблицы представляютъ результаты опытовъ надѣ охлажденіемъ и нагрѣваніемъ калориметра наполненнаго водою; они произведены при постоянномъ движеніи мѣшала и вообще совершенно при тѣхъ условіяхъ при которыхъ производились опредѣленія теплоемкости. Послѣдній столбецъ означенный A_{10}' представляетъ коэффициентъ охлажденія калориметра для 10' періодовъ т. е. количество теплоты которое теряетъ калориметръ въ 10 минутъ, когда разность между температурою его и окружающей среды равна 1° . Количество это, также какъ и потеря выражены въ дѣленіяхъ произвольной скалы термометра; я переводилъ на градусы, только среднія выводы величинъ A_{10} .

1 Рядъ (охлаждение)

Периодъ	Сред. т. калор.	Сред. т. возд.	Разность	Потеря	A_{10}'
0 — 10	18,63	14,67	3,96	3,3	0,833
10 — 20	18,29	14,65	3,64	2,8	0,769
20 — 30	17,99	14,65	3,34	2,8	0,838
30 — 40	17,72	14,68	3,04	2,4	0,790
40 — 50	17,48	14,73	2,75	2,2	0,800
50 — 60	17,22	14,73	2,49	2,2	0,883

Средняя $0^{\circ},82 = 0^{\circ},091$.

2 Рядъ (охлаждение)

Периодъ	Сред. т. калор.	Сред. т. возд.	Разность	Потеря	A_{10}'
0 — 10	25,28	14,36	10,92	9,8	0,90
10 — 20	24,31	14,46	9,76	8,5	0,87
20 — 30	23,46	14,48	8,96	7,6	0,85
30 — 40	22,80	14,50	8,30	6,8	0,82
40 — 50	22,10	14,50	7,60	6,3	0,83
50 — 60	21,40	14,48	6,92	5,6	0,71

Средняя $0^{\circ},85 = 0^{\circ},094$

3 Рядъ (нагревание)

Периодъ	Сред. т. калор.	Сред. т. возд.	Разность	Потеря	A_{10}'
0 — 10	11,63	15,11	3,48	0,9	0,26
10 — 20	11,72	15,14	3,42	0,8	0,23
20 — 30	11,81	15,12	3,31	0,8	0,24
30 — 40	11,90	15,11	3,21	0,8	0,25
40 — 50	11,97	15,09	3,12	0,8	0,32

Средняя $0^{\circ},26 = 0^{\circ},034$

4 Рядъ (нагревание)

Периодъ	Сред. т. калор.	Сред. т. возд.	Разность	Потеря	A_{10}'
0 — 10	11,56	16,16	4,60	1,6	0,35
10 — 20	11,71	16,13	4,42	1,3	0,29
20 — 30	11,85	16,11	4,26	1,2	0,28
30 — 40	11,98	16,09	4,11	1,1	0,27
40 — 50	12,09	16,07	3,99	1,1	0,28

Средняя $0^{\circ},29 = 0^{\circ},031$

Эти таблицы самымъ убедительнымъ образомъ доказываютъ, что коэффициентъ охлаждения калориметра не только не равенъ его коэффициенту нагреванія но даже почти въ 3 раза больше его. Отчетливость результатовъ представленныхъ таблицъ

таблицами не допускает возможности сомнѣнія относительно вѣрности этого вывода и можно объяснить себѣ причины этого различія. Я укажу ихъ ниже.

Во всякомъ случаѣ, эти опыты несомнѣнно доказываютъ, что метода компенсаціи Румфорта должна быть окончательно оставлена.

Метода поправокъ была прилагается двоякимъ образомъ; во первыхъ можно опредѣлять особыми предварительными опытами коэффициентъ охлажденія калориметра не заключающаго нагрѣтаго тѣла и затѣмъ употреблять этотъ коэффициентъ при вычисленіи всѣхъ опредѣленій теплоемкости.

Этотъ способъ употреблять Реньо при своихъ прежнихъ опредѣленіяхъ теплоемкости твердыхъ тѣлъ.

Второй способъ предложилъ также Реньо и употребилъ его при вычисленіи опредѣленій теплоемкости известкового шпата, сдѣланныхъ имъ для того, чтобы доказать точность своей методы ¹⁾. Онъ заключается въ томъ, чтобы по окончаніи каждаго опредѣленія теплоемкости, наблюдать еще въ теченіи извѣстнаго времени охлажденіе калориметра и изъ этого наблюденія вычислять коэффициентъ охлажденія его. Формула дающая теплоемкость тѣла получаетъ въ такомъ случаѣ слѣдующій видъ.

$$C = \frac{M (\Delta t + \alpha')}{P (T - T' - \alpha')} - \frac{m}{P}$$

гдѣ α' есть поправка опредѣленная посредствомъ наблюденія охлажденія калориметра содержащаго изучаемое дѣло.

Эта метода представляетъ ту выгоду, что даетъ коэффициентъ охлажденія для тѣхъ именно условій при которыхъ сдѣлано опредѣленіе теплоемкости, поэтому я отдаю ему предпочтеніе.

При опредѣленіи поправки охлажденія вычисляютъ ее на основаніи закона Ньютона, т. е. предполагаютъ, что количества тепла теряемыя калориметромъ въ единицу времени пропорціональны разностямъ температуръ калориметра и окружающей среды; но если анализировать тѣ факторы изъ которыхъ складывается наблюдаемый коэффициентъ охлажденія, то не трудно усмотрѣть, что это предположеніе не можетъ быть совершенно точно. Охлажденіе калориметра происходитъ вслѣдствіе трехъ главныхъ причинъ, а именно 1) лучеиспусканіе теплоты 2) испаренія воды въ калориметрѣ 3) потери тепла посредствомъ проводимости чрезъ воздухъ и части прибора которыхъ касается калориметръ. Вліяніе первой изъ этихъ причинъ при малыхъ разностяхъ температуръ (не выше 4° — 5°) какъ показываетъ теорія и прямой опытъ пропорціонально этимъ разностямъ (законъ Ньютона). Вліяніе испаренія напротивъ не зависитъ отъ разности между температурою калориметра и температурою окружающей среды, но зависитъ отъ устройства калориметра и измѣненія, скорости взбалтыванія, гигрометрическаго состоянія атмосферы и состояніе покоя или движенія воздуха надъ калориметромъ. Наконецъ законы по которымъ происходитъ потеря тепла вслѣдствіе проводимости вовсе не могутъ быть опредѣ-

¹⁾ Pogg. t. 120.

лены. Изъ этого анализа вліянія среды на калориметръ вытекають слѣдующіе выводы:

1) коэффициентъ охлажденія и коэффициентъ нагреванія калориметра не могутъ быть равны между собою, такъ какъ въ первомъ случаѣ оба главныхъ вліянія среды на калориметръ дѣйствуютъ въ одну сторону, оба производятъ охлажденіе, напротивъ во второмъ случаѣ лучеиспусканіе вслѣдствіе разности температуръ производитъ нагреваніе, а испареніе производитъ охлажденіе. Таблицы приведенныя на стр. 54 показываютъ, что оно дѣйствительно такъ и есть, но разность между коэффициентами охлажденія и нагреванія, которая даетъ опытъ слишкомъ велика для того чтобы можно было объяснить ее однимъ испареніемъ; по всей вѣроятности въ первые моменты охлажденія осаждаются на наружныя стѣнки калориметра нѣкоторое количество паровъ воды, которые испаряясь потомъ, понижаютъ коэффициентъ нагреванія.

2) Такъ какъ только одна изъ причинъ производящихъ охлажденіе калориметра (лучеиспусканіе) слѣдуетъ закону пропорціональности разностямъ температуръ, другая же (испареніе) независима отъ этихъ разностей, то ясно, что формула

$$\Delta \theta = A (t - t')$$

гдѣ t средняя температура калориметра, а t' средняя температура окружающей среды, посредствомъ которой вычисляется поправка охлажденія не можетъ вѣрно представлять ея въ зависимость отъ $t - t'$; гораздо вѣрнѣе будетъ представлять ее формула

$$\Delta \theta = A (t - t') + K$$

гдѣ K постоянная величина зависящая главнымъ образомъ отъ испаренія, а A постоянный коэффициентъ охлажденія. Впрочемъ если измѣненія температуры всегда приблизительно одинаковы и не велики, какъ было при моихъ опытахъ, и если коэффициентъ A опредѣленъ для тѣхъ же разностей температуръ, то употребленіе одночленной формы совершенно точно, какъ то доказываютъ приведенныя выше таблицы.

Наконецъ для того чтобы съ точностію знать температуру калориметра, считается полезнымъ, чтобы шарикъ термометра занималъ всю высоту столба воды въ немъ. При моемъ приборѣ это было невозможно, потому, что при погруженіи сосуда D въ калориметръ, уровень воды въ немъ поднимался на одну треть всей своей величины, слѣдовательно если до нагруженія шарикъ термометра занималъ всю высоту столба воды въ калориметрѣ, то послѣ нагруженія онъ занималъ лишь нижнія двѣ трети его. Можно было опасаться, что показанія термометра будутъ при этомъ не совсѣмъ точно представлять среднюю температуру калориметра; но слѣдующій рядъ наблюденій показываетъ, что это опасеніе не можетъ имѣть мѣста. Я погрузилъ въ калориметръ два термометра совершенно согласныхъ и очень точныхъ, такъ что одинъ изъ нихъ занималъ нижнюю часть калориметра, а другой верхнюю. Погрузивъ въ калориметръ сосудъ D съ нагрѣтою водою, я привелъ въ движеніе мѣшалку и считывалъ черезъ $\frac{1}{2}$ минуты одинъ послѣ другаго показанія обоихъ термометровъ. Слѣдующая таблица представляетъ результаты этого опыта;

столбецъ заключающій показанія нижняго термометра, представляетъ непосредственныя данныя опыта, столбецъ, заключающій показанія верхняго термометра, представляетъ среднія изъ двухъ послѣдовательныхъ наблюденій и даетъ такимъ образомъ температуру верхней части калориметра для тѣхъ же моментовъ, для которыхъ числа перваго столбца даютъ температуру нижней его части.

Время	Нижн. тер.	Верхн. тер.	Разн.
0	12,43	—	—
5	17,18	17,24	0,06
6	17,27	17,30	0,03
7	17,28	17,31	0,03
8	17,28	17,30	0,02
9	17,26	17,29	0,03
10	17,24	17,25	0,01
11	17,22	17,23	0,01
12	17,19	17,20	0,01
13	17,17	17,18	0,01
14	17,14	17,15	0,01
15	17,11	17,12	0,01
16	17,08	17,09	0,01
17	17,05	17,05	0,00
18	17,03	17,03	0,00
19	17,00	17,01	0,01
20	16,97	16,97	0,00

Какъ видно, начиная съ 10-й минуты разность между показаніями обоихъ термометровъ дѣлается нечувствительною; надобно замѣтить при томъ, что верхній термометръ вообще нѣсколько быстрее принимаетъ температуру окружающей среды, потому что масса его меньше и стѣнки резервуара тоньше.

Опредѣленіе величины $T - T'$ также потребовало предварительныхъ опытовъ и поправокъ.

Во первыхъ можно было полагать, что термометръ погруженный въ сосудъ D не совсѣмъ точно даетъ среднюю температуру жидкости въ немъ заключающейся, такъ какъ жидкость эта не взбалтывается. Я произвелъ особыя наблюденія для того чтобы изучить распредѣленіе температуры въ жидкости сосуда D. Для этого былъ сдѣланъ сосудъ совершенно подобный сосуду D, изъ того же матерьяла и тѣхъ же размѣровъ, но кромѣ одной трубки въ центрѣ, онъ имѣлъ еще другую на разстояніи 5 м м отъ окружности. Наполнивъ этотъ сосудъ водою, погруживъ въ обѣ трубки по термометру и помѣстивъ этотъ новый сосудъ D въ нагревательный приборъ я наблюдалъ одновременно оба термометра, между тѣмъ какъ сосудъ D нагревался, какъ это дѣлалось обыкновенно при опредѣленіяхъ теплоскопости для полученія тахісим. Слѣдующая таблица представляетъ результаты этого опыта.

Время	Центр. терм.	Боков. т.	Разность
0	18°,84	18°,80	+ 0°,04
10	21,19	21,13	+ 0,06
20	22,72	22,68	+ 0,04
30	23,71	23,67	+ 0,04
40	24,20	24,21	— 0,01
45	24,36	24,38	— 0,02
50	24,50	24,52	— 0,02
55	24,58	24,59	— 0,01
60	24,63	24,64	— 0,01
65	24,65	24,66	— 0,01

Какъ видно еще задолго до достиженія maximum, показанія обоихъ термометровъ дѣлаются тождественными.

Я сдѣлалъ такой же точно рядъ наблюденій погрузивъ сосудъ D съ нагрѣтою водою и обими термометрами въ калориметръ содержащій обычное количество воды; при постоянномъ взбалтываніи я считывалъ показанія обоихъ термометровъ на разстояніи $\frac{1}{2}$ минуты одинъ послѣ другаго. Слѣдующая таблица представляетъ результаты этого опыта; второй столбецъ даетъ какъ и въ таблицѣ вѣ стр. 57 среднія двухъ послѣдовательныхъ наблюденій.

Время	Центр. терм.	Боков. т.	Разность
5	18°,82	—	—
6	18,65	18°,58	+ 0°,07
7	18,51	18,47	0,04
8	18,41	18,38	0,03
9	18,37	18,31	0,06
10	18,29	18,27	0,02
11	18,23	18,23	0,00
12	18,19	18,18	0,01
13	18,17	18,16	0,01
14	18,15	18,13	0,02
15	18,13	18,11	0,02
16	18,10	18,08	0,02
17	18,08	18,04	0,04
18	18,04	18,01	0,03
19	18,02	17,99	0,03
20	18,00	17,97	0,03

Эти числа показываютъ, что начиная съ 10-й минуты послѣ погруженія сосуда D въ калориметръ температура жидкости въ немъ заключенной дѣлается однородною и показанія термометра помѣщеннаго въ немъ даютъ эту температуру съ достаточною точностію. Это по всей вѣроятности происходитъ отъ того, что охлажденіе сосуда D происходитъ равномерно со всѣхъ сторонъ и что шарикъ термометра дающаго его температуру занимаетъ всю высоту столба жидкости въ немъ.

На этомъ основаніи я принималъ за конечную температуру нагрѣтой жидко-

сти въ моментъ абсолютнаго максимумъ T' — температуру термометра погруженнаго въ сосудъ D.

Обыкновенно эту температуру не опредѣляютъ прямо, а считаютъ ее тождественною съ температурою калориметра, но числа слѣдующихъ таблицъ взятыхъ изъ двухъ опредѣленій теплоемкости доказываютъ что для моего прибора предположеніе это совершенно ошибочно.

1. Сосудъ D съ водою.

Время	Сосудъ D	Калорим.	Разность	Нагрѣв. и охлаж. калор.
0	25°,10	12°,11	12°,89	—
1	—	14,69	—	2,58
2	—	15,53	—	0,84
3	—	15,87	—	0,34
4	—	16,08	—	0,21
5	—	16,18	—	0,10
6	—	16,22	—	0,04
7	—	16,23	—	0,01
8	16,49	16,23	0,26	0,00
9	16,41	16,22	0,19	0,01
10	16,36	16,21	0,15	0,01
11	16,34	16,19	0,15	0,02
12	16,31	16,17	0,14	0,02
13	16,27	16,15	0,12	0,02
14	16,25	16,12	0,13	0,03
15	16,22	16,09	0,13	0,03
16	16,19	16,07	0,12	0,02
17	16,16	16,05	0,11	0,02

2. Сосудъ D съ хлороф.

Время	Сосудъ D	Калорим.	Разность	Нагрѣв. и охлаж. калор.
0	31°,37	12°,80	18°,57	—
1	—	14,43	—	1,73
2	—	15,04	—	0,61
3	—	15,23	—	0,19
4	—	15,32	—	0,00
5	—	15,34	—	0,02
6	15,71	15,35	0,36	0,01
7	15,61	15,34	0,27	0,01
8	15,52	15,32	0,20	0,02
9	15,48	15,30	0,18	0,02
10	15,44	15,28	0,16	0,02
11	15,41	15,27	0,14	0,01
12	15,38	15,25	0,13	0,02
13	15,35	15,24	0,11	0,01

14	15,32	15,22	0,10	0,02
15	15,29	15,20	0,09	0,02
16	15,26	15,18	0,08	0,02
17	15,24	15,16	0,07	0,02
18	15,24	15,14	0,10	0,02

Эти двѣ таблицы приведены мною только какъ примѣръ; каждое опредѣленіе теплоемкости представляетъ такую же таблицу и ходъ температуръ всегда оказывался почти совершенно одинаковымъ. Многія характеристическія особенности опыта видны изъ этихъ таблицъ.

1) Абсолютное максимумъ наступаетъ всегда 6 — 7 минутъ послѣ погруженія сосуда D въ калориметръ.

2) Половина всей величины измѣненія температуры калориметра достигается менѣе нежели въ одну минуту, остальная половина требуетъ 5 — 6 минутъ времени; это новое доказательство невѣрности метода компенсаціи Румфорда, который предполагаетъ, что обѣ половины измѣненія температуры требуютъ равныхъ периодовъ времени. Надобно замѣтить также, что ошибочность какъ этого предположенія, такъ и того, что коэффициенты охлажденія и нагреванія калориметра равны, дѣйствуютъ въ одну сторону, ихъ вліянія складываются, и стремятся понизить величину Δt . Не трудно убѣдиться сравненіемъ числовыхъ величинъ, что вліяніе этой погрѣшности можетъ доходить до нѣсколькихъ сотыхъ долей въ конечномъ результатѣ опредѣленія теплоемкости; метода компенсаціи Румфорда должна-бы поэтому быть совершенно оставлена наблюдателями.

3) Приведенныя таблицы показываютъ, что, согласно съ теоріей, показанія термометра сосуда D и термометра калориметра, начиная съ извѣстнаго момента, (около 12') представляютъ разности почти не измѣняющіяся при продолженіи наблюденій; несмотря на то, охлажденіе калориметра уже съ 10-й минуты получаетъ правильный ходъ, т. е. въ одинаковые промежутки времени калориметръ теряетъ одинаковое количество тепла. Это доказываетъ, что правильность охлажденія вовсе не есть доказательство того что температура всѣхъ частей калориметра тождественна, какъ я уже упомянулъ выше.

При такомъ положеніи дѣлъ самое лучшее, что можно сдѣлать, это прямо опредѣлять конечную температуру T' нагрѣтой жидкости въ калориметрѣ. Я такъ и дѣлалъ, и возможность съ точностію опредѣлять эту величину T' есть одна изъ причинъ заставившихъ меня отдать прибору употребленному мною предпочтеніе предъ всѣми другими.

Одну изъ очень важныхъ выгодъ моего прибора и метода вычислять опыты представляетъ между прочимъ чрезвычайное *истолцество* результата каждаго опыта; въ самомъ дѣлѣ, можно брать за конечное максимумъ наблюденіе какого угодно момента послѣ того какъ охлажденіе калориметра получило правильный ходъ — результатъ получается всегда одинаковый: я нѣсколько разъ вычислялъ Δt и T' для 12-й, 18, 25 и 30-й минуты одного и того же опыта и всегда получалъ величины почти тождественныя.

При перенесении сосуда D съ нагрѣтою жидкостію изъ нагрѣвательнаго прибора въ калориметръ, сосудъ D очевидно теряетъ нѣкоторое количество тепла; я старался опредѣлить прямыми опытами эту потерю. Для этого я наблюдалъ во первыхъ охлаждение сосуда D наполненнаго нагрѣтою жидкостію въ состояніи покоя, во вторыхъ охлаждение его при движеніи въ воздухѣ. Слѣдующія таблицы представляютъ результаты этихъ наблюденій; наблюденіе охлажденія при движеніи производилось такимъ образомъ, что сосудъ перемѣщался съ такою же скоростью и на такое же пространство, какъ и во время настоящаго опыта, считывалась температура его термометра, затѣмъ послѣ нѣ котораго числа перемѣщеній температура его считывалась снова. Опытъ показалъ что операція перенесенія сосуда D изъ нагрѣвательнаго прибора въ калориметръ требуетъ 2".

Охлажденіе сосуда D съ водою.

Въ покоѣ.

Вр.	Ср. т. D.	Ср. т. возд.	Разность	Потеря
1	28°,9	22°,1	6°,8	0°,3
2	28,8	22,1	6,7	0,3
3	28,8	22,1	6,7	0,4
4	28,7	22,1	6,6	0,2
5	28,7	22,2	6,5	0,3

Средн. 0,3.

Въ движеніи.

Средняя разность температуры сосуда D и воздуха	6°,2
Охлажденіе сосуда D въ 20"	0°,4
Охлажденіе въ теченіи новыхъ 20"	0,4

Охлажденіе сосуда D съ хлорофор.

Въ покоѣ.

Вр.	Ср. т. D.	Ср. т. возд.	Разность	Потеря
1	35°,7	15°,6	20°,1	2°,8
2	35,2	15,6	19,6	2,7
3	34,6	15,6	19,0	2,5
4	34,1	15,6	18,5	2,6
5	33,6	15,6	18,0	2,4

Средн. 2,6

Въ движеніи.

Средняя разность температуры сосуда D и воздуха	18°,4
Охлажденіе сосуда D въ 50"	4°,0
Охлажденіе сосуда D въ 80"	4°,8

Изъ этихъ таблицъ слѣдуетъ, что сосудъ D съ водою теряетъ при перенесеніи 0°,04 = 0°,01; въ состояніи покоя онъ терялъ бы еще гораздо меньше. Для хлороформа эта потеря больше, именно 0°,13 = 0°,03 для всѣхъ другихъ

жидкостей, которыхъ теплоемкости среднія я принималъ потерю въ $0^{\circ},02$. Поправка эта во всякомъ случаѣ весьма незначительна.

Слѣдующая таблица представляетъ результаты нѣсколькихъ опредѣленій теплоемкости воды сдѣланныхъ описаннымъ способомъ, для повѣрки его.

№	P	T	T—T'	Δt	M	C
I	133,8	24,91	6,93	3,42	281,5	1,003
II	133,7	26,19	9,17	4,51	281,5	0,999
III	133,6	25,05	8,85	3,90	180,5	0,999
IV	133,3	27,16	5,20	2,86	281,5	0,999

Эти числа показываютъ, что метода, въ томъ видѣ какъ она у меня выработалась вполне удовлетворительна; и такъ какъ исполненіе опытовъ по этой методѣ легче нежели по методѣ Реньо и приборъ проще, то я и отдаю ей предпочтеніе при всѣхъ дальнѣйшихъ опредѣленіяхъ теплоемкости.

Опредѣленіе количествъ тепла, поглощаемыхъ и отдѣляемыхъ при смѣшиваніи жидкостей. Приборъ, который я построилъ для этой цѣли ф. 4 состоитъ изъ двухъ мѣдныхъ резервуаровъ *A* и *B*, расположенныхъ одинъ надъ другимъ. Резервуаръ *B* сверху закрытъ пробкою, сквозь которую проходитъ термометръ и ручка мѣшалки *l*; снизу онъ имѣетъ длинную изогнутую трубку, снабженную краномъ и проводящую жидкость изъ него въ нижній резервуаръ. Этотъ послѣдній сдѣланъ изъ очень тонкой мѣди и сверху на него напаяна крышка, имѣющая три трубки *a*, *b*, *c*; трубка *a* посредствомъ маленькой пробочки соединена съ приводящей трубкой резервуара *B*; сквозь трубку *b* проходитъ термометръ; сквозь трубку *c* проходитъ ручка мѣшалки *gg*. Устройство мѣшалки при этомъ приборѣ представляло нѣкоторыя затрудненія; жидкости, надъ которыми мнѣ приходилось работать, такъ летучи, что при взбалтываніи ихъ въ неплотно закрытомъ сосудѣ, ихъ температура замѣтно понижается; между тѣмъ взбалтываніе необходимо для того, чтобы съ точностію знать температуру. Слѣдующее устройство оказалось вполне удовлетворительнымъ. Мѣшалка, состоящая изъ тонкой горизонтальной пластинки *gg*, съ вырѣзкою для пропуска термометра, и припаянной къ ней вертикальной проволоки *d*, вкладывается въ сосудъ *A*, когда крышка его еще не припаяна. Проволка *d* прикрѣпляется верхнимъ концомъ своимъ посредствомъ маленькой пробочки къ стеклянной трубкѣ *ll* одинаковаго діаметра съ трубкою *c*, а на эту послѣднюю надѣвается трубка *k k* такого діаметра, чтобы трубка *ll* могла свободно скользить въ ней. Къ верхнему концу трубки *ll* прикрѣпленъ шнурокъ, который переброшенъ черезъ блокъ *C* прибора для приведенія въ движеніе мѣшалки, описаннаго выше.

При этомъ устройствѣ мѣшалки, взбалтываніе происходитъ вполне удовлетворительно и однако же размѣнъ воздуха происходитъ лишь въ трубкѣ *k k*; при томъ вертикальная проволока мѣшалки, смоченная жидкостію, никогда не касается стѣнокъ трубки; понятно поэтому, что испареніе, какъ показано будетъ ниже — слабо.

Калориметръ помѣщается внутри мѣднаго цилиндра *E*, *E*, котораго діаметръ на 2 сантиметра больше нежели діаметръ калориметра и на двѣ котораго прикрѣплены три деревянные штулки *r*, *r*, на которыхъ покоится калориметръ. Сверху

цилиндръ Е, Е, закрыть крышкою имѣющею три отверстія: они соотвѣтствуютъ тремъ трубкамъ калориметра которыхъ верхніе концы близко подходятъ къ крышкѣ не касаясь однако ея; сквозь среднее отверстіе проходитъ пробка термометра Т, совершенно закрывая это отверстіе; другіе два закрыты точно также пробками сидящими на трубкахъ входящихъ въ эти отверстія.

Опытъ производится слѣдующимъ образомъ: Для того чтобы калориметръ всегда былъ наполненъ до самой крышки и чтобы въ то же время жидкость не поднималась замѣтно въ трубкахъ *a b c*, объемъ его предварительно измѣренъ и въ него вливается извѣстное количество жидкости, отмѣренное пипеткою; точно также въ верхній резервуаръ отливается количество другой жидкости, такое, чтобы вмѣстѣ съ жидкостію влитой въ калориметръ наполнить его. Это отливаніе, впрочемъ, только и служитъ для показанной цѣли: для того чтобы знать точный составъ соединенія послѣ опыта, калориметръ въ полномъ его составѣ взвѣшивается сначала пустой, потомъ съ наливою въ него жидкостію; при этомъ отверстіе трубки *a* закрывается пробкою. Затѣмъ калориметръ и резервуаръ *B* устанавливаются на штѣкахъ и считывается температура ихъ термометровъ при частомъ взбалтываніи. Когда она оказывается неизмѣнною въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, открываютъ край резервуара *B* и пускаютъ въ ходъ секундомеръ, считывая, при постоянномъ болтаніи, показанія термометра калориметра ежеминутно, пока максимумъ измѣненія температуры будетъ пройдено и нагрѣваніе или охлажденіе получить правильный ходъ. Тогда производится еще конечный періодъ наблюденій въ теченіи 3 минутъ. Въ то же время наблюдается температура воздуха. Наконецъ, въ заключеніе опыта, калориметръ снова взвѣшивается. Однимъ словомъ опытъ производится совершенно такъ какъ при опредѣленіи теплоемкости. Я только уменьшилъ значительно конечный періодъ для того, чтобы уменьшить потерю жидкости испареніемъ; при моихъ опытахъ абсолютное максимумъ всегда наступало чрезъ $1 - \frac{1}{2}$ минуты по открытіи крана, а конечное максимумъ минутою позже; такъ что поправка, зависящая отъ вліянія окружающей среды всегда была очень мала. Я вычислялъ эту поправку совершенно также какъ и при опредѣленіи теплоемкостей и за исходную точку для опредѣленія измѣненія температуры бралъ также конечное максимумъ θ .

Вычисленіе конечныхъ результатовъ самыхъ опытовъ производилось слѣдующимъ образомъ: если означить чрезъ

P — вѣсъ жидкости, влитой въ калориметръ;

t — ея температуру въ моментъ смѣшиванія;

P' — вѣсъ жидкости прилитой изъ резервуара *B*;

t' — ея температуру въ моментъ прилитія;

c' — ея теплоемкость;

Δt — измѣненіе температуры калориметра послѣ смѣшиванія, поправленное относительно вліянія окружающей среды;

M — массу калориметра въ единицахъ воды;

C — теплоемкость образовавшагося соединенія;

Q — количество тепла, отдѣленное или поглощенное при смѣшиваніи обѣихъ жидкостей, то очевидно будетъ:

$$Q = \Delta t (M + C (P + P'))$$

если предположить, что $t = t'$. Но такъ какъ въ дѣйствительности этого никогда не бываетъ и t всегда, хотя и очень мало, отличается отъ t' , то это обстоятельство вынуждаетъ вводить поправку. Эта поправка всегда очень маленькая, выражается формулою $P' (t - t') c'$.

Такимъ образомъ полное выраженіе количества тепла отдѣленнаго или поглощеннаго при смѣшиваніи будетъ

$$Q = \Delta t (M + (P + P') C) + P' (t - t') c'.$$

Различные элементы входящіе въ составъ этого выраженія вычислялись слѣдующимъ образомъ.

Величина P опредѣляется взвѣшиваніемъ калориметра до опыта; но прежде нежели произойдетъ соединеніе, можетъ потеряться нѣкоторая часть жидкости чрезъ испареніе; при томъ устройствѣ мѣшалки, которое описано выше потеря эта весьма незначительна, такъ какъ взбалтываніе передъ смѣшиваніемъ продолжается лишь нѣсколько мгновеній; тѣмъ не менѣе я сдѣлалъ особый опытъ для опредѣленія величины этой потери. Этотъ опытъ показалъ, что при взбалтываніи калориметра до половины наполненнаго хлороформомъ въ 10' терется около 0,3 гр.; это даетъ для настоящаго опыта поправку меньшую 0,001 всей величины P .

Величина P' есть разность взвѣшиваній калориметра до опыта и послѣ опыта; послѣ прилитія жидкости изъ верхняго резервуара, очевидно терется нѣкоторая часть обѣихъ жидкостей чрезъ испареніе въ продолженіи взбалтываній необходимыхъ для полученія конечнаго тахітиса и коэффициента охлажденія. Эту потерю я также опредѣлялъ особыми опытами, наблюдая потерю которую претерпѣваетъ при взбалтываніи въ данныхъ условіяхъ изучаемое соединеніе. Опытъ показалъ, что эта потеря не свыше 0,2 гр. въ 5', что составляетъ въ самомъ неблагоприятномъ случаѣ около 0,01 всей величины P' .

Величина t' считается, когда приливаемая жидкость находится еще въ верхнемъ резервуарѣ; во время переливанія изъ верхняго резервуара въ нижній, она можетъ нѣсколько охладиться чрезъ испареніе; я произвелъ особые опыты для того чтобы опредѣлить вліяніе этого обстоятельства. Для этой цѣли въ калориметръ и въ верхній резервуаръ я наливалъ одну и ту же жидкость (хлороформъ) и считавъ t и t' смѣшивалъ и наблюдалъ Δt , какъ при настоящемъ опредѣленіи количества тепла, разность между полученною температурою θ и средней арифметической t и t' представляетъ охлажденіе жидкости при переходѣ изъ верхняго резервуара въ нижній. Опытъ показалъ что охлажденіе вслѣдствіе испаренія въ этомъ случаѣ всегда меньше $0^{\circ}01$, и такъ какъ $t - t'$ входитъ лишь въ составъ малой поправки, то я оставлялъ эту потерю безъ вниманія.

Наконецъ величина Δt вычислялась совершенно также какъ при опредѣленіи теплоемкости; коэффициентъ A давало наблюденія 3 послѣднихъ минутъ и вся поправка обыкновенно не превосходила $0^{\circ}03 - 0^{\circ}04$.

Слѣдующая таблица представляетъ данныя калориметра употребленнаго при моихъ опытахъ.

	Въсь	Въ един. воды.
Мѣдныя части калориметра	57,15	5,37
Рруть термометра	6,06	0,20
Стекло термометра	6,22	1,23

Масса калориметра въ един. воды (М) 6,08

Что касается до степени точности описаннаго метода то онъ, къ сожалѣнію не допускаетъ такой строгой и прямой повѣрки, какая возможна для способовъ опредѣленія теплоемкости; но это способъ совершенно прямой и какъ мнѣ кажется не заключающій никакой причины которая могла бы вводить въ результатъ постоянную погрѣшность; что же касается до случайныхъ погрѣшностей допускаемыхъ методомъ, то о нихъ можно судить по степени согласія конечныхъ результатовъ. Самая слабая сторона метода — опредѣленіе величины Δt ; степень точности этой данной опредѣляется точностію, которую допускаютъ показанія термометра а эта точность не идетъ, какъ выше показано дальше $0^{\circ},01$; поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда Δt меньше 1° результаты уже не представляютъ достаточной точности. Вслѣдствіе этого я избѣгалъ такихъ пропорцій при которыхъ соединеніе жидкостей даетъ Δt значительно меньшую 1° и предпочиталъ выводить для этихъ пропорцій искомую величину изъ опытовъ сдѣланныхъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ посредствомъ интерполяціи, какъ видно будетъ ниже.

Мнѣ остается теперь описать еще приборъ который я употреблялъ для храненія и оттириванія желаемыхъ количествъ жидкостей для опытовъ.

Жидкости надъ которыми мнѣ приходилось работать летучи, а одна изъ нихъ кромѣ того сильно притягиваетъ влагу изъ воздуха; необходимо было устроить такъ, чтобы можно было съ удобствомъ производить оттириваніе не приводя оттириваемой жидкости въ прикосновеніе съ сырмъ воздухомъ. После многихъ попытокъ, я остановился на приборѣ изображенномъ на фигурѣ 5, который оказался во всѣхъ отношеніяхъ вполне удовлетворительнымъ. Устройство этого прибора достаточно видно изъ рисунка, трубка *l* сообщается съ сосудомъ, въ которомъ можетъ быть сжатъ воздухъ посредствомъ приливанія воды; давленіе такимъ образомъ произведенное передается въ сосудъ *C*., котораго большая часть наполнена кусками хлористаго кальція. Если затѣмъ открыть кранъ *b*, то давленіе это передается чрезъ посредство изогнутой трубки, наполненной хлористымъ кальціемъ въ сосудъ *B* и заставляетъ его жидкость входить въ пипету *p*, какъ скоро нажимной кранъ ея будетъ открытъ; когда жидкость въ пипетѣ достигла черты опредѣляющей ея объемъ, нажимной кранъ пипеты закрывается, кранъ *b* также и нажимной кранъ *c* открывается; избытокъ давленія въ сосудѣ *B* тотчасъ исчезаетъ и пипета *p* можетъ быть вынута вѣсть съ ея пробкою, для перелитія куда слѣдуетъ ея жидкости, отверстіе же трубки *a* тотчасъ закрывается пробкою. Изъ этого видно, что въ сосудѣ *B* проникаетъ лишь совершенно сухой воздухъ; атмосферный воздухъ сообщается лишь съ трубкой *e*, въ которой объемъ его незначителенъ и въ которой по причинѣ ея длины и узкости возможенъ лишь весьма слабый разитіиъ воздуха именно при введеніи въ нее пипетъ и при выниманіи ихъ. Нажимной кранъ *e* остается открытымъ во время храненія жидкости. и разность давленія въ сосудѣ *B* происходящая вслѣдствіе измѣненія температуры,

такимъ образомъ приходятъ въ равновѣсіе съ наружнымъ воздухомъ посредствомъ трубки наполненной хлористымъ кальціемъ. Я покажу ниже, что даже абсолютный алкоголь при такомъ способѣ хранения и отгѣриванія не измѣняется замѣтно до самаго конца.

Способъ наполненія пипетъ вдавливаніемъ вообще гораздо выгоднѣе нежели наполненіе ихъ всасываніемъ; во первыхъ потому, что пипета, при этомъ способѣ совершенно свободна и легко можетъ быть отнята отъ прибора; во вторыхъ при всасываніи летучихъ жидкостей образуется значительное количество паровъ ихъ, вслѣдствіе чего атмосфера въ верхней части пипеты, состоящая изъ паровъ жидкости, быстро измѣняетъ свое давленіе при незначительномъ нагреваніи или охлажденіи, и производитъ, то вытеканіе жидкости изъ пипеты, то вхожденіе въ нее воздуха, что весьма затрудняетъ отгѣриваніе.

Всѣ части этого прибора были самымъ тщательнымъ образомъ высушены прежде чѣмъ приборъ былъ собранъ, пробки въ склянкахъ А и В, предварительно замастикованы гипсомъ на клеевой водѣ, наконецъ для окончательнаго высушиванія въ обѣ склянки было влито нѣсколько абсолютнаго алкоголя и послѣ того, какъ онъ пробылъ въ нихъ около 10 дней, онъ былъ вылитъ, обѣ склянки были высушены при сильномъ нагреваніи и вдуваніи воздуха и горячія еще соединены съ трубками наполненными хлористымъ кальціемъ. Наполненіе склямокъ А и В жидкостью было произведено посредствомъ сифона, котораго одна вѣтвь вставлялась въ трубку е, а другая въ сосудъ съ жидкостью, воздухъ входившій въ этотъ послѣдній долженъ былъ проходить предварительно сквозь трубу съ хлористымъ кальціемъ. Наконецъ пипеты передъ отгѣриваніемъ каждый разъ промывались абсолютнымъ алкоголемъ и просушивались при сильномъ нагреваніи и вытягиваніи сухаго воздуха; я устроилъ особую сушилку для того чтобы съ удобствомъ производить эти просушиванія.

III. Предварительные опыты.

Когда я предпринялъ эту часть моего труда, о тепловых измѣненіяхъ могущихъ происходить при смѣшиваніи жидкостей, которыя я имѣлъ въ виду, почти ничего не было извѣстно *). Необходимо было поэтому сдѣлать большой рядъ опытовъ хотя и приблизительныхъ, но которые могли бы дать понятіе объ общемъ ходѣ явленій. Вслѣдствіе этого я остановился на способѣ, который не представляя большой точности позволялъ производить опыты очень быстро и требовалъ очень мало матеріала.

Приборъ употребленный для этой цѣли весьма похожъ на описанный выше, но гораздо меньше; онъ состоялъ изъ двухъ сосудовъ расположенныхъ другъ надъ другомъ; верхній стеклянный имѣлъ внизу отверстіе, которое закрывалось пробочкою, сидѣвшею на длинномъ штифтѣ, посредствомъ котораго можно было вынимать ее. Нижний сосудъ былъ изъ тонкой мѣди. Въ каждомъ сосудѣ находилось по термометру и по мѣшалкѣ, посредствомъ чего можно было съ точностію знать температуру жидкостей въ обоихъ. Считаю показанія обоихъ термометровъ и открывалъ нижнее отверстіе верхняго сосуда, его жидкость переходила въ нижній сосудъ и послѣ нѣсколькихъ секундъ взбалтыванія мѣшалкою получалось maximum измѣненія температуры. Количества жидкостей нужны для опыта отмѣривались посредствомъ нипетъ и были таковы, что при всѣхъ опытахъ объемъ смѣси былъ 50 куб. сантиметровъ. Каждый градусъ обоихъ термометровъ былъ раздѣленъ на 5 частей; они были предварительно тщательно свѣрены и ихъ показанія наблюдались посредствомъ горизонтальной зрительной трубки. Я не старался достигнуть того, чтобы температуры жидкостей въ моментъ смѣшиванія были тождественны; обыкновенно онѣ различались на $0,1$ — $0,2$; зная теплоемкость обѣихъ жидкостей легко сдѣлать поправку зависящую отъ этого неравенства температуръ, предполагая теплоемкость смѣси равную средней арифметической теплоемкости обѣихъ составныхъ частей: поправка всегда такъ незначительна, что ошибочность этого предположенія не имѣетъ вліянія на результатъ.

Я прилагаю большое стараніе для полученія чистыхъ жидкостей для моихъ опытовъ и удѣльные вѣсы ихъ приведенные ниже показываютъ что онѣ были вообще говоря очень чисты.

*) Значительная часть опытовъ, результаты которыхъ заключаются въ этой главѣ произведена мною въ 1857 и 1860 годахъ. Такъ какъ большая часть этихъ результатовъ имѣетъ характеръ лишь предварительнаго изслѣдованія, то я и не считалъ нужнымъ публиковать ихъ отдѣльно. Между тѣмъ въ 1864 году появился трудъ (Вюсси и Бюнье) представляющій результаты совершенно такого же рода. Такъ какъ мои результаты однако гораздо многочисленнѣе и относятся большею частію къ другимъ тѣламъ чѣмъ тѣ, которые изслѣдованы Вюсси и Бюнье, то я считаю нужнымъ при этомъ случаѣ представить ихъ вполнѣ. Независимость моего труда, доказывается впрочемъ уже и тѣмъ, что часть моихъ результатовъ была напечатана еще въ 1857 году въ *Bullet. de la Soc. des Natur. de Moscou* № 7.

Изъясненіи температуры происходящія при сжѣиваніи двухъ жидкостей въ равныхъ объемахъ;

при температурѣ 15° — 20°.

	Амилентъ	Меегов. спиртъ	Амилентъ	Бутирин. спиртъ	Уксусн. спиртъ	Хлороф. спиртъ	Хлороф. спиртъ	Амилентъ	Терпен.	Бензинъ	Съединеніи
	Амилентъ	Меегов. спиртъ	Амилентъ	Бутирин. спиртъ	Уксусн. спиртъ	Хлороф. спиртъ	Хлороф. спиртъ	Амилентъ	Терпен.	Бензинъ	Съединеніи
Амилентъ	—	+4,6	—0,4	—	+2,3	+3,0	+0,1	—1,6	—	—4,2	—6,0
Меегов. спиртъ . . .	+4,6	—	—1,7	+1,2	—1,0	—2,0	+8,0	—0,1	—	—4,2	—8,0
Амилентъ	—0,4	—1,7	—	—1,6	—2,4	—2,1	+2,2	—5,6	—2,3	—1,9	—4,1
Бутир. кислота . . .	—	+1,2	—1,6	—	+0,5	+2,0	+4,0	—1,0	—	—0,5	—5,1
Уксусный спиртъ . .	+2,3	—1,0	—2,4	+0,5	—	—0,9	+9,3	—0,1	—	—3,1	—6,2
Спиртъ об.	+3,0	—2,0	—2,1	+0,2	—0,9	—	+12,3	+2,5	—1,2	—0,5	—2,6
Хлороформъ	+0,1	+8,0	—2,2	+4,0	+9,3	+12,3	—	+0,6	—2,1	—0,5	—4,2
Хлористый этиленъ .	—1,6	—0,1	—5,6	—1,0	—0,1	+2,5	+0,6	—	—6,2	—5,5	—8,8
Амилентъ	—	—	—2,3	—	—	—1,2	—2,1	—6,2	—	+0,1	—4,0
Терпен. масло . . .	—4,2	—4,2	—1,9	—0,5	—3,1	—0,5	—0,5	—5,5	+0,1	—	—0,5
Бензинъ	—	—	—2,1	—	—4,3	+0,6	+2,8	—	—	—	—2,2
Съединеніи углерода .	—6,0	—8,0	—4,1	—5,1	—6,2	—2,6	—4,2	—8,8	—4,0	—0,5	—2,9

Слѣдующія таблицы представляютъ результаты опытовъ, при которыхъ жидкости смѣшивались въ различныхъ пропорціяхъ;

Отношеніе объема 1-й жидк. къ об. 2-й	Хлороформ. и эфиръ об.	Хлороформ. и укусн. эфиръ	Хлороформ. и алькооль	Хлороформ. и терпент. м.	Сѣринист. угл. и алькооль	Сѣринист. угл. и укусн. эфиръ
1 7	+5°,6	+3°,5	+2,8	—0,2	—1,9	—3,1
2 6	+9,2	+6,0	+3,7	—0,4	—3,2	—4,8
4 4	+12,3	+9,3	+2,2	—0,5	—4,1	—6,2
6 2	+8,2	+6,5	—0,7	—0,3	—4,0	—5,0
7 1	+4,6	+4,0	—1,9	—0,2	—3,3	—3,5

Отношеніе объема 1-й жидк. къ об. 2-й	Терпент. м. и алькооль	Терпент. м. и укусн. эфиръ	Терпент. м. и эфиръ об.	Эфиръ об. и укусн. эфиръ	Алькооль и укусн. кислота	Вода и укусн. кислота
1 7	—0°,7	—1°,2	—0°,1	—0°,2	—0°,1	—1,0
2 6	—1,6	—2,0	—0,2	—0,6	—0,2	—1,0
4 4	—1,9	—3,1	—0,5	—0,9	+0,3	—0,0
6 2	—1,8	—3,1	—0,1	—0,6	+0,4	+0,6
7 1	—1,3	—1,3	—0,1	—0,4	+0,2	+0,6

Я сдѣлалъ также рядъ опытовъ съ цѣлю опредѣлить, какія измѣненія объема сопровождаютъ тепловыя явленія обнаруживающіяся при соединеніи жидкостей.

Для этого я опредѣлилъ удѣльный вѣсъ нѣсколькихъ соединеній жидкостей. Въ небольшомъ стеклянномъ сосудѣ, плотно закрывавшемся стекляною пробкою, я отвѣшивалъ нѣкоторое количество одной жидкости, за тѣмъ прибавлялъ желаемое количество другой и снова взвѣшивалъ; такимъ образомъ опредѣлялся составъ смѣси. За тѣмъ я опредѣлялъ ея удѣльный вѣсъ и удѣльный вѣсъ каждой изъ составныхъ частей въ отдѣльности при температурахъ очень близкихъ одна къ другой. Опредѣленія эти производились посредствомъ маленькихъ стѣлянокъ, подобныхъ тѣмъ, которыя употребляетъ для этой цѣли Коппъ; для приведенія жидкости въ стѣлянкахъ къ чертѣ на ея шейкѣ стѣлянка погружалась въ сосудъ съ водою рядомъ съ термометромъ и послѣ продолжительнаго взбалтыванія воды производилось наблюденіе. Слѣдующая таблица заключаетъ результаты этихъ опытовъ. Количества жидкости показаны въ граммахъ; при вычисленіи удѣльных вѣсовъ вездѣ сдѣлана поправка на потерю вѣса въ воздухѣ. Всѣ удѣльные вѣсы отнесены къ водѣ при 0°.

1 смѣсь

Эфиръ обкновенный	2,734.	
Хлороформъ	5,164.	
Удѣльный вѣсъ смѣси при 15°,6	?	1,1087.

2 смѣсь

Укусный эфиръ	3,227.	
Сѣринистый углеродъ	4,685.	
Удѣльный вѣсъ смѣси при 16°,8		1,0662.

<i>3 смесь.</i>		
Хлороформъ	5,802	
Сѣрный углеродъ	4,768	
Удельный вѣсъ смѣси при 15°,0		1,3775
<i>4 смесь</i>		
Эфиръ обыкновенный	2,818	
Сѣрный углеродъ	4,262	
Удельный вѣсъ смѣси при 14°,9		0,9733
<i>5 смесь</i>		
Уксусный эфиръ	3,274	
Хлороформъ	5,645	
Удельный вѣсъ смѣси при 15,6		1,2003
<i>6 смесь</i>		
Эфиръ обыкновенный	2,815	
Эфиръ уксусный	3,288	
Удельный вѣсъ смѣси при 15,8		0,8075
<i>7 смесь</i>		
Терпентинное масло	3,058	
Хлороформъ	5,656	
Удельный вѣсъ смѣси при 18°,0		1,2087
<i>8 смесь</i>		
Эфиръ обыкновенный	1,470	
Хлороформъ	8,398	
Удельный вѣсъ смѣси при 16°,6		1,2983
<i>9 смесь</i>		
Эфиръ обыкновенный	4,126	
Хлороформъ	2,627	
Удельный вѣсъ смѣси при 17°,0		0,9222

Слѣдующая таблица представляетъ удѣльные вѣсы жидкостей вошедшихъ въ составъ изслѣдованныхъ смѣсей; для большей точности сравненія, эти удѣльные вѣсы опредѣлены при температурѣ очень близкихъ къ тѣмъ, при которыхъ взяты плотности самыхъ смѣсей и при томъ совершенно тѣмъ же способомъ.

Эфиръ обыкновенный	0,7188 при 16,6°
Уксусный эфиръ	0,8937 — 15,9
Сѣрный углеродъ	1,2690 — 15,9
Терпентинное масло.	0,8976 — 18,0
Хлороформъ	1,4975 — 15,5
Хлороформъ	1,4936 — 18,0

На основаніи этихъ данныхъ вычислены результаты слѣдующей таблицы:

Въ первомъ столбцѣ показано количество обѣихъ жидкостей въ смѣси въ процентахъ по вѣсу.

Во второмъ столбцѣ помѣщенъ объемъ одного грамма смѣси средній арифметическій V.

Въ третьемъ — объемъ 1 грамма смѣси дѣйствительный V'.

Въ четвертомъ — разность объемовъ V' — V.

Въ пятомъ — показано сжатіе $\frac{V' - V}{V}$

Въ шестомъ столбцѣ, наконецъ, измѣненіе температуры происходящее въ моментъ образованія данной смѣси. $T' - T$.

Небольшія поправки, нужныя для приведенія удѣльныхъ вѣсовъ отдѣльныхъ жидкостей къ температурѣ при которой определенъ удѣльный вѣсъ смѣси произведены при помощи таблицъ разширенія жидкостей Копла.

	V	V'	V' - V	$\frac{V' - V}{V}$	$T' - T$
1. Эфиръ обыкновенный 34,53	0,9157	0,9020	+ 0,0137	+ 0,0149	+ 12°,3
Хлороформъ 65,47					
2. Уксусный эфиръ . . 40,89	0,9239	0,9379	— 0,0140	— 0,0152	— 6,2
Сѣрный углеродъ 59,21					
3. Хлороформъ 54,89	0,7214	0,7260	— 0,0046	— 0,0064	— 4°,2
Сѣрный углеродъ 45,11					
4. Эфиръ обыкновенный 40,06	1,0260	1,0274	— 0,0014	— 0,0014	— 2,6
Сѣрный углеродъ 59,94					
5. Уксусный эфиръ . . 36,71	0,8332	0,8331	+ 0,0001	+ 0,0001	+ 9,3
Хлороформъ 63,29					
6. Эфиръ обыкновенный 46,13	1,2420	1,2383	+ 0,0037	+ 0,0030	— 0,9
Уксусный эфиръ . . 53,87					
7. Терпентинное масло . 35,09	0,8256	0,8273	— 0,0017	— 0,0021	— 0,5
Хлороформъ 64,91					
8. Эфиръ обыкновенный 14,89	0,7757	0,7703	+ 0,0054	— 0,0070	+ 8,2
Хлороформъ 85,11					
9. Эфиръ обыкнов. . . 61,10	1,1085	1,0844	+ 0,0241	+ 0,0217	+ 9°,2
Хлороформъ 38,90					

Знаки + означаетъ сжатіе, знакъ — разширеніе въ 4-мъ и 5-мъ столбцѣ; въ шестомъ столбцѣ + показываетъ отдѣленіе тепла, — поглощеніе.

Какъ видно, нѣтъ прямого отношенія между измѣненіями температуры и измѣненіями объема при соединеніи двухъ жидкостей.

Приведенная таблица представляетъ всевозможныя комбинаціи этихъ двухъ явленій: сжатіе и отдѣленіе тепла, сжатіе и поглощеніе тепла и наоборотъ расширеніе и отдѣленіе тепла, расширеніе и поглощеніе тепла. Первый и второй опытъ даютъ значительное сжатіе, но въ первомъ случаѣ происходитъ значительное отдѣленіе тепла, во второмъ значительное поглощеніе его; при пятомъ опытѣ измѣненіе объема равно нулю, а между тѣмъ происходитъ значительное отдѣленіе тепла. Изъ всего этого нельзя заключать, однако что измѣненія объема не имѣютъ слѣдствіемъ тепловыхъ измѣненій въ моментъ образованія соединенія; напротивъ, механическая теорія тепла показываетъ намъ, что всякое измѣненіе объема должно имѣть слѣдствіемъ отдѣленіе или поглощеніе тепла; поэтому приведенная выше таблица доказываетъ только то, что, кромѣ измѣненій объема есть еще другія болѣе могущественныя источники тепловыхъ измѣненій, обнаруживающія свое вліяніе при соединеніи жидкостей.

Я сдѣлалъ также рядъ опытовъ для того чтобы повѣрить наблюденіе Грэма, о вліяніи времени на тепловые измѣненія при сѣшиваніи сѣрной кислоты съ водою.

Разницы которыя замѣтилъ Грэмъ, сѣшивая разбавленную сѣрную кислоту съ водою тотъ-часъ послѣ разбавленія ея и чрезъ нѣсколько часовъ, весьма незначительны и находятся совершенно въ предѣлахъ ошибокъ наблюденія, но такъ какъ онъ положительно высказалъ мнѣніе, что время имѣетъ вліяніе на величину тепловаго измѣненія въ этомъ случаѣ и такъ какъ самый фактъ представляетъ чрезвычайную важность, я счелъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько опытовъ для того чтобы окончательно рѣшить этотъ вопросъ ¹⁾.

Сѣшиваніе производилось въ тонкомъ стеклянномъ сосудѣ вмѣщающемъ до 600 граммовъ воды; вода и слабая сѣрная кислота брались всегда въ равныхъ объемахъ по 300 куб. сант. каждый; температуры наблюдались посредствомъ термометровъ съ произвольной скалой нѣтъ нѣтъ около 10^D на 1^D ; нѣшалки дополняли приборъ. Обѣ жидкости имѣли обыкновенно температуру на $0^{\circ},1$ — $0^{\circ},2$ разную и сообразно тому производилась поправка, при помощи теплоемкостей слабой сѣрной кислоты опредѣленныхъ Персономъ. Слѣдующая таблица представляетъ результаты этихъ опытовъ ¹⁾.

1 рядъ

Составъ кислоты:

Крѣпкой сѣрной кислоты	24,0 по вѣсу
Воды	76,0 по вѣсу

Возвышеніе температуры при сѣшиваніи съ водою:

Чрезъ 1 часъ по образованію соединенія *Чрезъ 24 часа.*

1 опытъ	0,72	0,69
2 "	0,71	0,71
3 "	0,72	
Среднее арифм. 0,716	0,70

2 рядъ

Составъ кислоты:

Крѣпкой сѣрной кислоты.	31,0% по вѣсу
Воды	69,0 — —

Чрезъ 1 часъ *Чрезъ 24 часа* *Чрезъ 48 часовъ.*

1 опытъ.	1,14	1,17	1,18
2 "	1,16	1,16	1,15
3 "	1,17	1,18	
Среднее . 1,16	1,17	1,16

Полученныя разницы такъ малы что очевидно должны быть приписаны ошибкамъ наблюденій; заключеніе Грэма рѣшительно ошибочно.

¹⁾ Составъ кислоты при этихъ опытахъ опредѣлялся лишь приблизительно такъ какъ для предполагаемой цѣли нѣтъ надобности съ точностію знать его.

IV. Отношеніе между измѣненіями средней теплоемкости при образованіи соединеній безъ опредѣленныхъ пропорцій и тепловыми явленіями обнаруживающимися при томъ.

Тепловые явленія, обнаруживающіяся при соединеніи жидкостей безъ опредѣленныхъ пропорцій, отличаются отъ тѣхъ, которыя наблюдаются при образованіи соединеній въ опредѣленныхъ пропорціяхъ, многими весьма характерными особенностями; первыя, вообще говоря, гораздо слабѣ послѣднихъ и кромѣ того представляютъ еще ту въ высшей степени замѣчательную особенность, что имѣютъ иногда положительный иногда отрицательный знакъ, т. е. иногда происходитъ отдѣленіе тепла, а иногда поглощеніе тепла. Принимая во вниманіе эти обстоятельства, я пришелъ къ тому заключенію, что для этихъ соединеній можетъ быть окажется вѣрнымъ предположеніе Лавуазье и Лапласа, приведенное на стр. 11.

Означивъ черезъ

Q и Q' — количества тепла отдѣляема или поглощаема при образованіи двухъ соединеній мы получаемъ по формулѣ Лавуазье и Лапласа

$$\begin{aligned} Q &= (ma + nb) (x + t) - (mc + nc) (x + t) + y \\ Q' &= (m'a' + n'b') (x + t) - (m'c' + n'c') (x + t) + y' \end{aligned}$$

Предполагая какъ на стр. 11, что $y = 0$ и $y' = 0$ и относимъ Q и Q' къ одному и тому же количеству соединенія p , такъ что

$$\begin{aligned} m + n &= p \text{ и} \\ m' + n' &= p' \end{aligned}$$

означая кромѣ того, чрезъ

Z и Z' — абсолютныя количества тепла заключающіяся въ p количествахъ перваго и втораго сочетанія жидкостей до соединенія, вслѣдствіе чего будетъ

$$\begin{aligned} ma + nb &= p Z \text{ и} \\ m'a' + n'b' &= p' Z' \end{aligned}$$

Получимъ отношеніе

$$\frac{Q}{Q'} = \frac{Z - c}{Z' - c'}$$

Если предположить, что $Z = c$ и $Z' = c'$ относятся между собою также какъ

разности теплоемкостей средней арифметической и действительной этих соединений, то из этого вытекало бы то заключение, что тепловые изменения при соединении двух жидкостей были бы пропорциональны изменениям средней теплоемкости соединения в момент его образования.

Но предположения высказанные выше не могут быть совершенно верны, потому что теплоемкости жидкостей значительно и весьма различно изменяются с температурой; можно однако с некоторою вероятностью предположить, что если взять для определения Q и Q' две комбинации одних и тех же двух жидкостей, то не смотря на значительную и различную изменчивость их теплоемкостей, разности теплоемкостей действительной и средней арифметической для каждой комбинации, все таки, хотя и постоянно будут приблизительно пропорциональны $Z - c$ и $Z' - c'$, что знаки соответствующих разностей будут одни и те же т. е. что отделение тепла при соединении двух жидкостей будет всегда сопровождаться уменьшением средней теплоемкости обих жидкостей в момент соединения, а поглощение тепла ее увеличением.

Я избрал соединения хлороформа с алкоголем для проверки этого предположения; первое из этих тел трудно получить в чистом виде, а второе сильно притягивает влагу, что весьма затрудняет опыты, но с точки зрения моей задачи это сочетание тел представляет весьма важные выгоды.

1) При соединении 1 об. хлороформа с 3 объемами алкоголя происходит поглощение тепла, а при соединении 1 об. алкоголя с 3 об. хлороформа, напротив отделение тепла, след., чтобы удовлетворить высказанному предположению, и изменения теплоемкости в обоих случаях должны бы были обратны относительно друг друга, т. е. в первом должно бы оказаться увеличение, а во втором уменьшение средней теплоемкости.

2) Разность между теплоемкостью алкоголя и теплоемкостью хлороформа весьма значительна, последняя почти в $2\frac{1}{2}$ раза меньше первой, вследствие чего и изменение этой разности может быть определено с достаточною точностью.

Это последнее обстоятельство тем более имеет важности, что можно было сомневаться, что изменения средней теплоемкости, в момент соединения вообще окажутся столь незначительными что их нельзя будет измерить с достаточною точностью; только опыт мог разрешить это сомнение, которое во всяком случае требовало, чтобы определения теплоемкостей имели наибольшую точность, какая возможна при современном состоянии экспериментального искусства. Это-то обстоятельство принудило меня предпринять подробное изучение методов для определения теплоемкостей, результаты которого изложены выше.

Для разрешения поставленного выше вопроса, я определил теплоемкость моего хлороформа, много алкоголя и двух соединений этих тел между собою.

Хлороформ. Препараты употребленные мною получены от Г. Трохисдорфа из Эрурга; он не имел никакой реакции ни кислой ни щелочной; прокаленный в тигле купорос в нем не окислялся даже при очень долгом стоянии; удельный вес его при

0° оказался 1,5333

Определения теплосмекости дали следующий результат.

№	P	T	T — T'	Δt	M	m	C
I	198,1	37°,38	17°,35	3°,03	281,5	4,65	0,2260
II	189,8	31,43	15,81	2,67	281,5	4,65	0,2263
III	190,4	35,53	18,11	3,04	281,5	4,65	0,2234
IV	189,6	33,34	18,06	3,01	281,5	4,65	0,2233

Средняя . . . 0,2250

По опытамъ Реньо средняя теплосмекость хлороформа при температурѣ около 20° 0,234; разица велика; по всей вѣроятности она происходитъ отъ того, что мой хлороформъ имѣлъ иной составъ чѣмъ препаратъ Реньо: известно какъ трудно получить это тѣло въ чистомъ видѣ.

Алкооль полученъ также отъ Г. Троммдорфа; удѣльный вѣсъ при 0° оказался

до начала опытовъ. . . 0,81335

до окончанія опытовъ. . . 0,81371

Изъ этого видно, что въ продолженіи опытовъ алкооль почти не поглотилъ воды. По таблицамъ Г. Мендѣеова, алкооль такого удѣльнаго вѣса содержитъ около 2% воды.

Определения теплосмекости дали следующий результат.

№	P	T	T — T'	Δt	M	m	C
I	91,6	24°,78	9°,42	1°,98	281,5	4,65	0,5860
II	91,5	36,00	17,93	4,65	281,5	4,65	0,5961
III	91,5	31,20	14,47	3,01	281,5	4,65	0,5900
IV	81,7	35,20	18,62	3,28	290,1	3,15	0,5860

Средняя . . . 0,5895

По опытамъ Реньо теплосмекость абсолютнаго алкооля (удѣльный вѣсъ не показанъ)

при 20° 0,5951

разность слѣдовательно не выше 0°,01 всей величины теплосмекости.

1. Соединеніе хлороформа и алкооля.

Составъ: хлороформа 37,23

„ алкооля 62,77

Теплосмекость.

M = 290,1

m = 3,15

№	P	T	T — T'	Δt	C
I	100,0	34°,25	13°,00	2°,46	0,5174
II	100,0	37°,50	15,47	2,89	0,5100
III	100,0	38,36	16,01	3,00	0,5120
IV	100,0	36,38	14,52	2,73	0,5140

Средняя . . . 0,5134

Д. АВАШЕНЪ: О ТЕПЛОТЫХЪ ЯВЛЕНІЯХЪ

2. Соединеніе хлороформа съ алкоголемъ.

Составъ: хлороформа. . . 85,55

,, алкоголь. . . 14,45

Теплоемкость.

M = 290,1

m = 3,15

	C	T	T-T'	Δt	C
I	137,0	35°,28	11°,50	1°,90	0,3272
II	137,0	35°,53	12,50	2,08	0,3295
III	136,7	34,58	12,01	1,96	0,3240
IV	136,6	34,04	13,26	2,18	0,3267

Средняя . . . 0,3273

Слѣдующая таблица представляетъ измѣненія теплоемкостей при образованіи обоихъ соединеній выведенныя изъ представленныхъ таблицъ; въ ней

C — означаетъ теплоемкость соединенія среднюю арифметическую.

C' — теплоемкость опредѣленную опытомъ.

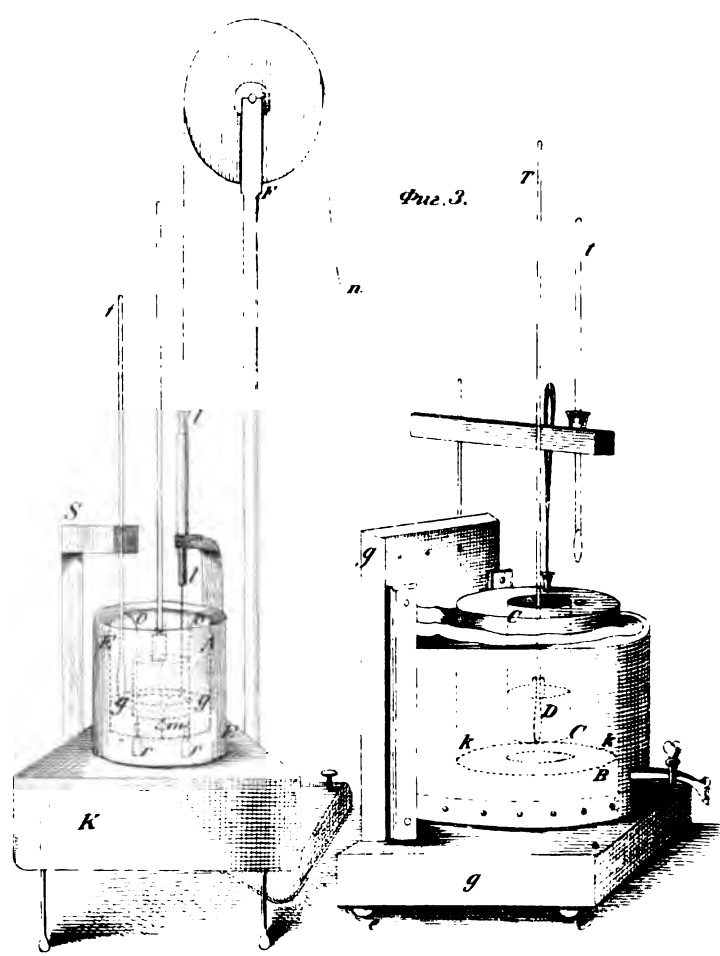
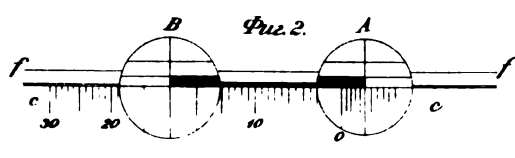
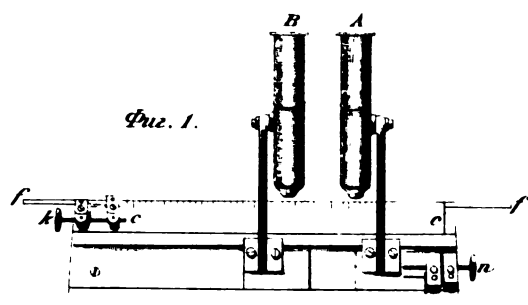
T' — T — измѣненіе температуры при образованіи этого соединенія.

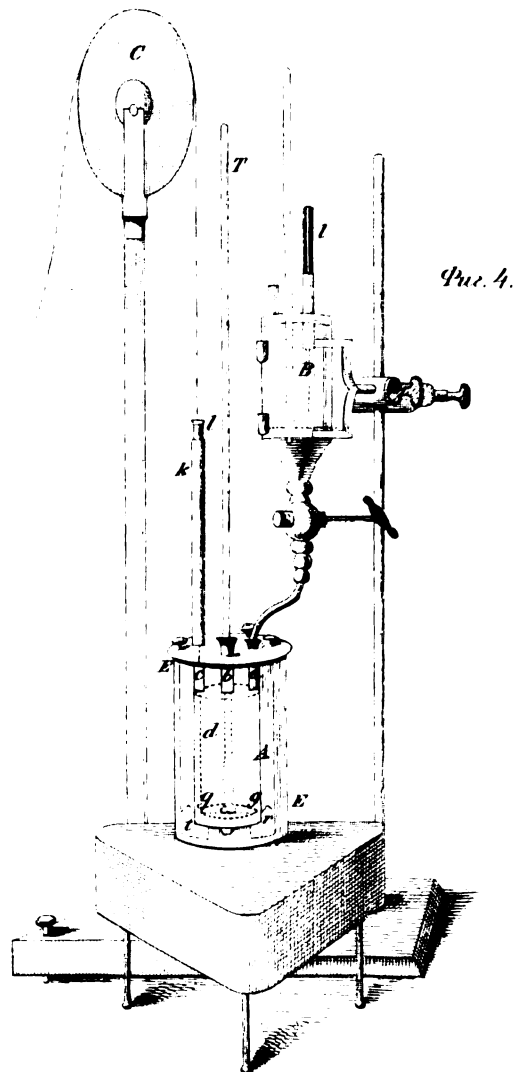
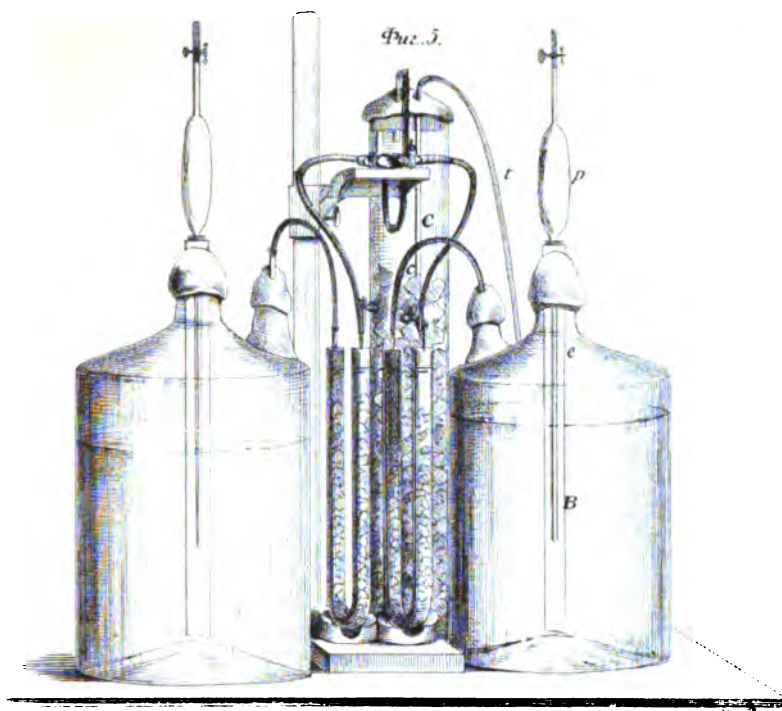
	C	C'	C-C'	$\frac{C-C'}{C}$	T-T'
I	0,454	0,513	0,059	0,132	— 2°,1
II	0,278	0,327	0,049	0,176	+ 2,3

Цифры этой таблицы приводятъ къ нѣсколькимъ весьма важнымъ заключеніямъ.

Во первыхъ, какъ видно, измѣненія средней теплоемкости въ моментъ соединенія весьма значительны; для перваго соединенія, это измѣненіе больше $\frac{1}{10}$ для втораго немного меньше $\frac{1}{6}$ всей величины средней теплоемкости. Никакъ нельзя было ожидать, что измѣненія эти будутъ столь значительны, но числа приведенныя выше несомнѣнно доказываютъ это. Строгое изученіе всѣхъ подробностей метода опредѣленій теплоемкости и повѣрочные опыты съ водою не позволяютъ предположить, что методъ заключаетъ какую либо причину значительной постоянной погрѣбности, а согласіе результатовъ полученныхъ при повтореніи одного и того же опыта, доказываетъ, что и случайныя ошибки метода весьма малы; я убѣдился также въ томъ, что не было произведено ошибки при опредѣленіи состава соединеній. Это опредѣленіе производилось такимъ образомъ что посредствомъ пипеты съ тонкой шейкой и чертой на ней, отсѣривалось и вливалось въ сосудъ D нѣкоторое количество одной изъ жидкостей, сосудъ D закрывался пробкою и взвѣшивался; затѣмъ опредѣлялось такимъ же образомъ количество другой жидкости. Получивъ неожиданный результатъ представленный выше, я снова повѣрилъ емкость моихъ пипетъ, опредѣливъ взвѣшиваніемъ количество хлороформа и алкоголя, которое выливается изъ каждой изъ нихъ: я получилъ такимъ образомъ для состава обоихъ соединеній числа чрезвычайно близкія къ тѣмъ которыя дали настоящіе опыты; такимъ образомъ нѣтъ возможности усомниться въ точности результата данного этими опытами.

Далѣ, сравнивая измѣненія теплоемкости съ измѣненіями температуры происходящими при образованіи каждаго соединенія, мы видимъ, что никакого прямого отношенія между этими двумя явленіями не существуетъ. Опыты произведенные мною, позволили подвергнуть формулу Лавуазье и Лапласа, представляющую отношенія между измѣненіемъ средней теплоемкости и тепловымъ явленіемъ происходящимъ при соединеніи двухъ тѣлъ, контролю гораздо болѣе строгому нежели ихъ собственные опыты; предположенія допущенныя мною для того чтобы сдѣлать возможною эту повѣрку гораздо ограниченнѣе нежели тѣ, которыя допущены были этими двумя великими изслѣдователями; при моихъ опытахъ вліяніе измѣненій молекулярнаго состоянія не имѣло мѣста, такъ какъ обѣ составныя части и ихъ соединенія жидки; я не предполагалъ, что абсолютныя количества тепла въ тѣлахъ пропорціональны ихъ теплоемкостямъ; вмѣсто этого я предположилъ только что для двухъ соединеній составленныхъ изъ однихъ и тѣхъ же составныхъ частей только въ различныхъ пропорціяхъ, разности теплоемкостей дѣйствительной и средней арифметической, измѣняются съ температурою по закону приблизительно сходному въ обоихъ соединеніяхъ. Не смотря на то, результаты опыта, даже и при этихъ гораздо болѣе тѣсныхъ предположеніяхъ, какъ видно — противорѣчатъ выводамъ изъ основныхъ положеній Лавуазье и Лапласа. Изъ этого слѣдуетъ, что или даже и тѣ ограниченныя предположенія, которыя допущены мною, невѣрны, или, что еще вѣроятнѣе, слѣдуетъ полагать, что изучаемыя явленія несравненно сложнѣе, чѣмъ какъ представляетъ ихъ формула Лавуазье и Лапласа.

1. «Записки Императорскаго новороссійскаго университета» выходятъ въ неопредѣленное время, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, отдельными выпусками отъ 5 до 6 листовъ. Каждые 6 такихъ выпусковъ составляютъ одинъ томъ.

2. Въ запискахъ помѣщаются ученые труды лицъ, принадлежащихъ къ университету, по одобреніи ихъ всякій разъ къ печати подлежащимъ факультетомъ.

Примѣч. Члены факультетовъ могутъ представлять въ факультетъ и статьи постороннихъ лицъ для напечатанія въ запискахъ, также съ одобренія факультета.

3. Помѣщаемыя въ запискахъ статьи могутъ быть печатаемы, по желанію авторовъ, какъ на русскомъ, такъ и на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

L.A. me
L.A. me

Widener Library

3 2044 092 553 965